СТИВЕН ДОНАЛЬДСОН

Зеркало ее сновидений

Зеркало
ее сновидений

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

СТИВЕН
ДОНАЛЬДСОН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

STEPHEN

DONALDSON

The Mirror of Her Dreams

СТИВЕН

ДОНАЛЬДСОН

Зеркало ее сновидений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

ББК 84 (7 США)
Д67

Серия основана в 1999 году

Stephen R. Donaldson

THE MIRROR OF HER DREAMS
1986

Перевод с английского под редакцией В. Науменко

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная Александром Корженевским.

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов Howard Morhaim Literary Agency, Inc. и "Права и переводы".

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дональдсон С.

Д67 Зеркало ее сновидений: Роман / Пер. с англ. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. — 608 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-237-04641-X

Зеркало отворило ей путь в зазеркальный мир. Оставалось сделать шаг. И она шагнула... Туда, где вздымаются в темное небо острые шпили высоких замков. Туда, где на белом снегу — красная кровь убитых воинов. Туда, где королевский дворец — лабиринт изощренных, запутанных интриг. Здесь сражаются за власть, не выбирая средств, сражаются колдовством и предательством, ложью и тайным знанием. Здесь за улыбкой женщины скрывается коварство, а в рукаве царедворца таится отравленный стилет. Здесь нельзя верить ни лорду, ни леди, ни магу, ни рыцарю. Здесь предстоит ей исполнить неведомое, предначертанное свыше...

© Stephen R. Donaldson, 1986
© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000

Вмещая бездонность ее сновидений,
Поверхность зеркальная будет чиста,
Пока из нее не появится всадник...

Джон Майерс Майерс. «Серебряный локон»

ПРОЛОГ. Териза и Джерадин

Начало истории Теризы и Джерадина напоминало волшебную сказку. Прекрасная принцесса, томящаяся в высокой башне, — и отважный герой, призванный ее спасти. Единственная дочь богатого и могущественного человека — и седьмой сын седьмого лорда одной из провинций. Околдованная узница — и бесстрашный разрушитель колдовских чар.

В общем, как это обычно случается в волшебных сказках, они были созданы друг для друга.

Но в жизни все не так просто.

И высокая башня, упомянутая выше, представляла собой не что иное, как роскошный небоскреб на Мэдисон, всего в нескольких кварталах от парка. В апартаментах Теризы были две спальни, одна из них — «для гостей» — никогда не использовалась; просторная гостиная с окнами на запад; отдельная столовая с длинным черным полированным столом, на котором прекрасно смотрелись бы канделябры с горящими свечами; удобная, но не обжитая кухня, оснащенная всевозможной техникой из самых последних каталогов.

В этот дом было вложено целое состояние, но он действительно стоил каждого затраченного пенса. Здесь было все, даже охранники в холле и система слежения с помощью телевизионных камер, оберегавшие Теризу. А она безучастно слонялась по дому, принадлежащему ее отцу, взирая на его деловых партнеров и женщин, да и на него самого, большими карими коровьими глазами. В ее взгляде отец постоянно видел настороженность и отсутствие любви, несмотря на все его попытки откупиться. Но разве богатство может заменить настоящую заботу о дочери?

И все-таки Териза была довольна: материальная обеспеченность позволяла ей отдавать нерастраченную энергию работе, которая наполняла смыслом ее существование. Она работала секретарем в современном варианте богадельни — в

миссии, занимавшейся проблемами изгоев общества, расположенной в пятнадцати минутах ходьбы от ее шикарного дома. Териза перепечатывала отчаянные письма с просьбами и апелляциями, составленными преподобным Тэтчером, пожилым человеком, стоявшим во главе этой миссии.

А еще она была довольна тем, что имела возможность обставлять свои комнаты, сообразуясь с собственным вкусом. В результате ее спальня, гостиная и столовая оказались сплошь озеркаленными. В зеркалах она усматривала некое очарование, но главное состояло в другом: в ее апартаментах не осталось ни одной точки, ни единого уголка, где она не могла бы видеть себя.

Териза спала без сновидений, ее сознание было пустым, как чисто вымытая тарелка. Но и в состоянии бодрствования она не испытывала никаких эмоций. И это, похоже, как-то действовало на мужчин — во всяком случае, она не замечала их внимания к себе, когда проходила мимо них по улице. Тогда ее еще больше одолевали сомнения, действительно ли она материальна.

И только зеркала говорили ей, что она пребывает *здесь*, в реальном мире; что в ее карих глазах скрыта нежность и доброта; что у нее красивый нос и волевой подбородок; что ее фигура могла бы украсить обложки модных журналов.

Она совершенно не подозревала, что находится под воздействием чар.

Что же касается Джерадина, то для него обстоятельства складывались более благоприятно.

Он был всего лишь пригодником в Гильдии воплотителей, иными словами — учеником, и для него главной целью в жизни было добиться звания Мастера. Но не все члены Гильдии однозначно оценивали его способности. Одни сомневались в его призвании, другие полагали, что он может стать Мастером, так как все пророчества указывали на него как на единственного среди них, кому должен сопутствовать успех в предначертанной ему миссии.

Дело в том, что все толкователи пророчеств сходились в одном: королевство не может быть спасено без Воина, извлеченного из зазеркалья и воплощенного в реальности. Те, кто утверждал, что воплощение Воина в реальности аморально, были в меньшинстве, и на них смотрели как на подхалимов короля Джойса, этой старой развалины. Остальных же занимал вопрос, каким образом осуществить воплощение и кого считать этим Воином.

Выбор пал на Джерадина. Мастера, считавшие, что Джерадином можно пожертвовать, имели на то все основания. Ему было немногим больше двадцати лет, и он, самый старший из пригодников, ныне находившихся на службе Гильдии, так и не смог до сих пор заслужить мантию Мастера.

Джерадину не удавалось достичь высот в своем ремесле из-за собственной рассеянности и неуклюжести. Ему зачастую нельзя было доверить даже смешивать песок и красители — обязательно что-нибудь напутает и нарушит пропорции; проходя через лаборатории, расположенные в просторных подвалах Орисона, он то и дело цеплялся за рычаги, колеса и другие приспособления Мастеров. Даже трусливый как заяц Мастер Квилон, удививший всех тем, что, отбросив страх за свою шкуру, заявил вслух (как мог бы сделать и король Джойс, если бы не спал почти все время) свои возражения против аморального извлечения Воина из его собственного мира, чтобы он мог послужить нуждам Морданта, — так вот, даже Квилон пробурчал себе под нос: мол, если попытка Джерадина не увенчается успехом, то по крайней мере Гильдии представится удобный случай избавиться от бестолкового ученика.

Честно говоря, обыкновение Джерадина все путать и портить создавало определенные сложности и с технической точки зрения. Мастеру, создавшему специальное зеркало, следовало просто открыть его и воплотить Воина в реальности. Но Джерадин снова и снова демонстрировал свою неспособность осуществить даже самые простые воплощения, поэтому вынужден был поступить, как советовал король Джойс: пройти сквозь стекло, встретиться с Воином и просить его о помощи.

Однако среди достоинств Джерадина были честное сердце, решительность и преданность, какая встречается обычно только у собак. Короткие каштановые волосы вились над его высоким лбом, а в чертах лица угадывалась твердость характера. То, что он рос вместе с шестью своими братьями, развило в нем выносливость, научило не поддаваться горестям и печалям. Но частенько на его лицо набегала тень смущения и стыда за очередную неловкость, а сознание своей никчемности подчас вызывало дрожь в коленках. Подсознательное стремление к знаниям было настолько сильным, а бесконечные ошибки так угнетали его, что это противоречие все чувствительнее ранило его душу. И вот тогда-то Гильдия, повинуясь предсказаниям и здравому смыслу, поручила ему миссию спасения Морданта.

И Джерадин воспрял духом. Он трудился с энтузиазмом под началом Мастеров, вкладывая в работу всю душу. Он делал все, как того требовало их ремесло: смешивал песок и красители собственноручно, чтобы зеркало потом не отринуло его; растапливал печь деревом, которое сам готовил заблаговременно; мешал расплавленную массу и перемешивал ее вновь не менее дюжины раз, пока она не стала именно такой, как надо, как в зеркале, в котором Мастера видели избранного ими Воина. Когда он разливал раскаленную стеклянную массу, кровь пела в его

жилах. Малейший промах вызывал в нем протест против своей невнимательности; он тяжело вздыхал, проклинал себя, просил прощения у всех присутствующих — и снова набрасывался на работу, вдохновляемый надеждой. Пот катился с него градом, все его мускулы ныли.

Он, как и Териза, не подозревал, что находится под действием чар. Но если б даже и знал об этом, то не переживал бы — он целиком был поглощен миссией, возложенной на него Мастерами, а она, между прочим, могла завершиться тяжким увечьем или смертью.

Териза была совсем не тем Воином, которого избрала Гильдия. Она даже не обитала в том мире, в котором жил Воин.

И кроме того, теоретически зеркалу Джерадина следовало быть совсем другим.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Магический зов

Накануне того дня, когда Джерадин пришел за ней, Теризе Морган впервые приснился сон. Она слышала слабые звуки охотничьих рогов; они докатились до нее откуда-то издалека, сквозь морозный воздух, из-за покрытых колючим снегом холмов, словно зов, которого всегда ждало ее сердце. Рога пропели вновь, а когда она, вытянув шею, прислушалась — еще раз.

Она хотела посмотреть на тех, кто трубил. Из-за дерева, под которым она то ли сидела, то ли лежала, была видна холмистая гряда; наверное, те, кто трубил в рога, были с другой стороны. Однако она так и не пошевелилась, она оставалась прежней, а сон показывал ей то, чего она никогда не видела раньше.

Вдруг на заснеженном склоне холма появились всадники. Кони рвались вперед, из ноздрей вырывались клубы пара, копыта взрывали снег, и сухие, легкие снежинки кружились в воздухе. Она слышала скрип кожаной упряжи, тяжелое дыхание и проклятия — голоса людей звучали резко и отчетливо. Ей были неприятны эти звуки, она хотела снова услышать пение рогов, но трое всадников внезапно развернулись на холме и, вздымая снег, помчались к деревьям — прямо к ней.

Когда их лица стали различимы, Териза увидела в них яростную ненависть, жажду крови. Длинные мечи, казалось, сами вылетели из ножен и взметнулись над головами всадников. Эти люди собирались втоптать ее в снег, изрубить на куски.

Она застыла в ожидании. Воздух был холоден и резок, как пощечина. Во сне она совсем не чувствовала страха смерти. Может быть, вместе со смертью исчезнет пустота в ее жизни. Лишь об одном она сожалела — что не услышит более звуков рогов и не узнает, почему они заставляют так трепетать ее сердце.

И тут из-за деревьев с черными стволами появился человек и встал между нею и всадниками. Безоружный и не защищенный броней — на нем был широкий коричневый плащ,

штаны из того же материала и кожаные ботинки, — он не колеблясь бросился буквально под копыта лошадей. Когда первый всадник взмахнул клинком, мужчина резко рванул поводья, и лошадь, потеряв равновесие, сбросила седока под ноги второго коня. Оба, и лошадь и всадник, рухнули наземь, поднимая густые как туман облака снега.

Потом снег немного развеялся, и Териза увидела, что ее защитник завладел мечом одного из нападавших и проткнул им другого. Он управлялся с оружием неумело, из чего можно было заключить, что он не знаком с искусством фехтования, но это его не останавливало. Яростно взмахнув мечом, он пригвоздил своего соперника к стволу дерева, прежде чем тот успел снова вскочить в седло.

Наблюдая за схваткой, девушка заметила, как третий нападавший развернул коня за спиной ее защитника и двумя руками высоко занес над ним меч. Териза понимала, что ей следует что-то предпринять. Хотя бы из благодарности своему защитнику. Всадник не смотрел в ее сторону; она наверняка могла бы ухватить его за пояс и стащить с седла прежде, чем он успеет нанести удар.

Она не сделала этого. Она по-прежнему оставалась неподвижной. Вы спросите почему. А потому, что именно таково было обычное течение ее жизни: немая неподвижность — отличительная черта ее неопределенного существования. Да и как могла она действовать? Действие — для тех, кто не сомневается в своем присутствии в этом мире. В течение двадцати с лишним лет жизни возможность что-то сделать представлялась ей так редко, что обычно она осознавала ее только задним числом. Вот и теперь она не знала, как заставить свое тело броситься на всадника.

А тот человек, ее спаситель, пренебрег опасностью; он пытался вытащить клинок из тела убитого и не видел третьего всадника.

Неожиданный для нее самой и для нападающего крик разорвал холодный воздух.

— Берегись!

Она обнаружила себя сидящей на собственной постели. От надсадного крика болело горло, от непривычного ужаса сердце бешено колотилось.

Она увидела себя в зеркалах спальни. Освещенная ночником, закрепленным на стене, она была не более чем тенью, как всегда — лишь тенью.

И несмотря на то, что кровь лихорадочно пульсировала в жилах, а по лицу струился пот, сквозь надоевший шум города ей послышалось дальнее слабое пение рогов, и душа ее отозвалась на этот зов.

На следующее утро она проснулась от звонка будильника и какое-то время изучала свое лицо в зеркалах, пы-

таясь понять, почему те всадники так ее возненавидели. Оно было, как всегда, бесстрастным, и она даже изумилась, что зеркало все еще отражает ее. Может быть, в один прекрасный день она проснется, вот так же глянет в зеркало и не увидит там ничего? Может быть, но только не сегодня. Сегодня она на удивление хороша собой, хоть и немного печальна.

Она, как обычно, приняла душ, надела простую юбку и скромный свитер, в которых предпочитал ее видеть отец, как обычно, глядя на себя в зеркало, откусывала кусочки тостов, а потом, накинув плащ, отправилась на работу. Ни в ее внешнем виде, ни в апартаментах, когда она покидала их, ни в лифте, который опустил ее в холл, не появилось ничего необычного. Необычными были только ее чувства.

С большой осторожностью, так, что ни одна мысль не отражалась на ее лице, она прокручивала в памяти свой сон.

Дождь грохотал по водосточным трубам и крышам автомобилей, заглушая звуки дорожного движения. Идя навстречу серой мгле и сырости, Териза надела на голову полиэтиленовую косынку, миновала охранника (который, как обычно, не обратил на нее внимания) и вышла сквозь вращающиеся двери наружу, под ливень.

И в этот миг без всякого предупреждения она вновь услышала звуки рогов.

Она невольно остановилась и испуганно огляделась. Нет, это были не клаксоны автомобилей — явно слышались духовые инструменты, которые используют музыканты или охотники. Но их звуки были так далеки и так неуместны в этом городе, среди дождя и машин, запрудивших улицы, что едва ли она могла слышать их на самом деле. И все же ощущение, что она слышит эти звуки, придавало всему вокруг нее четкость, яркость, значимость. Дождь стал очищающим, сумрак улиц не навевал больше отчаяние и скорее походил на зыбкие тени рассвета. Люди, казалось, шли вперед, движимые решимостью и целеустремленностью, а не отвращением к мерзкой погоде и страхом перед работодателями. Все было пропитано такой жизненной силой, какой она никогда раньше не чувствовала.

И вдруг все исчезло. Больше не было мелодичных звуков, находящих отклик в ее сердце.

Разочарованная и печальная, Териза продолжала свой путь на работу.

В миссии в этот день ей пришлось потрудиться больше, чем обычно. На своем столе в приемной, где громоздилась древняя пишущая машинка, она обнаружила записку от преподобного Тэтчера; там было сказано, что лимит расходов на ксерокопирование превышен и потому он просит ее, помимо ее

обычных обязанностей, отпечатать двести пятьдесят копий прилагаемого письма. Письмо предназначалось для множества организаций, занимающихся филантропией, и содержало очередную просьбу помочь деньгами; ожидание неизбежного отказа так явно проглядывало в каждой строчке, что Териза старалась не читать то, что печатала; однако ей приходилось читать письмо снова и снова, чтобы напечатать его без ошибок.

Углубляясь в работу, Териза ощущала себя все менее реальной, словно бы растворялась в бессмысленности своего занятия. К полудню она уже выучила письмо наизусть и с подозрением вглядывалась в каждую новую строку, вылетающую из-под клавиш, как в свидетельство ее присутствия здесь, ее существования. Она искренне изумлялась при появлении каждой очередной буквы.

Обедала она обычно вместе с преподобным Тэтчером — по его, а вовсе не ее желанию. Они сидели в углу столовой, которая была частью миссии. Поскольку Териза была молчалива и внимательно смотрела на него, он, видимо, возомнил, что слушает она его с интересом. Однако большую часть времени она практически не слышала того, о чем он говорил. Его монологи были такими же, как и его письма: они рождали в ней чувство беспомощности. Териза молчала потому, что иначе не умела, и всматривалась в его лицо, надеясь увидеть хоть какой-то проблеск интереса к себе, который мог бы подтвердить, что она реальна в глазах другого.

Издали преподобный Тэтчер казался лысым, потому что его блестящая розовая кожа просвечивала сквозь редкие, белые, коротко стриженные волосы. Вены на его висках вздувались, а когда он приходил в возбуждение, казалось, они вот-вот лопнут. Териза ждала, что преподобный Тэтчер будет говорить о последнем письме, перепечатанном ею почти две сотни раз. Это уже вошло в обычай: когда они ели пресную пищу, приготовленную в столовой, он обсуждал с ней вещи, о которых она и так хорошо знала, и голос его дрожал, когда он жаловался на безрезультатность всех своих начинаний. Но на сей раз он удивил ее.

— Мисс Морган, — сказал он, даже не взглянув на нее, — я когда-нибудь рассказывал вам о своей супруге?

Рассказывать о жене ему не случалось, хотя он частенько ссылался на нее. Но Териза знала некоторые факты из его биографии от своей предшественницы, которая, разочаровавшись в работе, уволилась. Тем не менее Териза промолвила:

— Нет, преподобный Тэтчер. Естественно, вы упоминали о ней, но никогда о ней не рассказывали.

— Она умерла почти пятнадцать лет назад, — задумчиво сказал он. — Она была прекрасной христианкой,

сильной женщиной, спаси, Боже, ее душу. Не будь ее, я не смог бы, мисс Морган, нести бремя, возложенное на меня Господом.

Териза особенно не задумывалась над этим, но считала его человеком слабым. Да и сейчас он выглядел таковым, хотя и не плакался ей, не жаловался на свою неспособность улучшить что-либо в работе миссии. Но ее поразил его голос, звучавший мягко и печально.

— Я вспомнил то время — это было много лет назад, задолго до того, как вы родились, мисс Морган, — когда я окончил семинарию, — он улыбнулся, глядя куда-то в пространство поверх ее левого плеча, — со всеми мыслимыми отличиями — можете поверить в это? И работал тогда же помощником пастора в одной из самых процветающих церквей нашего города.

С Божьей помощью я преуспевал, и мне предложили стать постоянным пастырем. Должен признаться вам, мисс Морган, это очень мне льстило. Но по какой-то неведомой причине мое сердце не было спокойно. У меня было такое ощущение, что Богу угодно что-то сообщить мне. Видите ли, как раз в это время я узнал, что здешняя миссия нуждается в новом директоре. Я не стремился к этой работе. Меня устраивало мое положение в церкви. Я был щедро вознагражден за свои труды — как материально, так и духовно. Но я никак не мог забыть об этой миссии. Церковь призвала меня служить ей. Но к чему призывал меня Бог?

И именно миссис Тэтчер разрешила мою дилемму. Сложив руки на коленях, как делала всегда, когда хотела поговорить серьезно, она сказала: «Не будь глупцом, Альберт Тэтчер. Наш Господь пришел в этот мир не для того, чтобы служить богатым. Церковь — отличное место, но, если ты покинешь ее, найдутся сотни достойных людей, которые смогут заменить тебя. Однако никто из этих людей не пойдет в миссию».

И потому я пришел сюда, — продолжал он. — Миссис Тэтчер не беспокоило то, что мы бедны. Она была озабочена лишь тем, чтобы мы служили Богу. И я делаю это, мисс Морган, в течение вот уже сорока лет.

Обычно подобная фраза была прелюдией к длинным монологам о многочисленных и, как правило, бесплодных попытках содержать миссию на должном уровне. И в предчувствии этих откровений Териза внутренне подбиралась, чтобы ее собственная нереальность, усугубленная нищетой миссии и беспомощностью ее директора, не поглотила ее.

Но в этот раз она услышала отдаленные звуки рогов.

Они служили сигналом к началу охоты и прелюдией к музыке; эти два разных звука соединились в ее душе, сплетаясь, рождая в ней желание устремиться им навстречу. И пока она слышала их, все вокруг становилось иным.

Столовая уже не выглядела запущенной и голой; она казалась тем местом, где нашла себе приют благородная цель. Помятые, измученные жизнью мужчины и женщины более не казались отребьем, здесь они вместе с супом получали надежду и новые возможности. Столы перестали быть обычными пластиковыми досками на металлических ножках, а обрели некое благородство. И даже преподобный Тэтчер изменился. Жилка, бьющаяся у него на виске, не являлась плодом тщетных усилий, а воплощала могучий ритм его деяний, направленных на добро. В чертах его лица светилось мужество, глаза смотрели прямо, потому что он был полон мыслей не о бренном, а о Боге.

Все это длилось лишь мгновение. Затем Териза перестала слышать магические звуки, хотя и жаждала этого, и горькое чувство потери постепенно вернуло ее в настоящее.

И она бы непременно расплакалась, начни сейчас преподобный Тэтчер один из своих обычных монологов. К счастью, этого не произошло. Ему нужно было сделать несколько телефонных звонков неким влиятельным персонам, пока у них не закончился перерыв на ленч, поэтому он извинился и покинул ее, не обратив внимания на влажный блеск в ее глазах. Она почти с облегчением вернулась за свой стол, к своей пишущей машинке, она снова могла ударять по клавишам и наблюдать, как черные буквы скачут по бумаге и доказывают ее существование.

День тянулся бесконечно. Сквозь единственное незашторенное окно Териза увидела, что дождь продолжает поливать землю с тем же усердием; даже дома вдоль улицы стали похожи на размокшие картонные коробки. Редкие прохожие, торопливо семенившие по тротуарам, могли быть в плащах или без оных — ливень, казалось, стер все различия. Тоска просачивалась сквозь стекло. Териза обнаружила, что делает одни и те же ошибки. В ней вспыхнула мимолетная надежда вновь услышать звуки рогов, она хотела снова ощутить вкус жизни, который появлялся вместе с ними. Но это было не что иное, как отзвук ее странного сна.

Когда пришло время уходить, она автоматически сунула руки в рукава плаща и повязала полиэтиленовую косынку, но вдруг заколебалась. Движимая каким-то неясным порывом, она постучала в дверь крошечного закутка, который служил преподобному Тэтчеру кабинетом.

Сначала она ничего не услышала, затем до нее донесся невнятный ответ:

— Войдите.

Териза открыла дверь.

Она едва поместилась в закутке между расшатанным креслом, столом преподобного Тэтчера и стеной. Его стул у противоположной стороны стола был так тесно окружен

картотечными ящиками, что, когда ему надо было выйти, он буквально протискивался, выбираясь из этой ниши. Териза застала преподобного Тэтчера тупо смотревшим на телефон, словно тот олицетворял все его разбитые надежды.

— Мисс Морган, вы закончили работу?

Она кивнула.

Он, казалось, не заметил ее молчания.

— Знаете, — сказал он, — сегодня я вел переговоры, меня выслушали сорок два человека. И тридцать девять из них попросту отказали мне.

Если она позволит импульсу, побудившему ее зайти сюда, возобладать, то она еще меньше будет верить в собственное существование; поэтому она внезапно произнесла:

— Я очень сожалею по поводу миссис Тэтчер.

Мягко, словно она и не меняла тему разговора, преподобный Тэтчер ответил:

— Мне очень не хватает ее. Только она могла бы мне сказать, правильно ли я живу.

Териза хотела, чтобы он взглянул на нее, и она сказала.

— Вы *живете* правильно. — И, сказав, поняла, что действительно верит в это. Эхо мелодии рогов изменило ее внутреннее состояние. — Раньше я не была в этом уверена. Теперь — убеждена.

Его рассеянный взгляд не отрывался от телефона.

— Может быть, следует позвонить ее брату, — пробормотал он. — Он не делал пожертвований больше года. Может быть, он выслушает меня на сей раз.

Пока он набирал номер, она тихо покинула закуток и закрыла за собой дверь. Ее не покидало ощущение, что она никогда больше не увидит его. Но не стала заострять на этом внимание: слишком часто ее охватывали подобные предчувствия.

К концу рабочего дня стихия совсем разбушевалась, и обратный путь давался девушке с большим трудом.

Мокрый ветер хлестал по ногам, проникал сквозь одежду, швырял в лицо пригоршни дождя. Через полквартала ее туфли были полны воды. Свитер, мокрый и холодный, приклеился к телу. Она почти не видела, куда идет.

Но привычка привела ее в конце концов домой. Стеклянный фасад роскошного небоскреба под дождем был похож на темный пруд, не отражающий ничего, кроме идеи о смерти. Охранники видели, что она приближается, но не соизволили открыть перед ней двери. Териза вошла в холл вместе с порывом ветра и струями дождя и остановилась на мгновение, вытирая мокрое лицо. Затем, не поднимая головы, направилась к лифтам.

Только теперь она почувствовала озноб. В лифте она сняла косынку и изучала в зеркале свое лицо, пока не при-

ехала на свой этаж. На бледном лице с посиневшими губами ее глаза казались огромными и беззащитными. По крайней мере в этом она была реальна: значит, и она способна продрогнуть от ветра, сырости и холода. Но холод проник в нее слишком глубоко, чтобы это могло ее утешить.

Когда Териза шла по коридору, покрытому ковром, к своим комнатам, она думала о том, что сегодня ее ждет мучительная ночь.

Закрыв дверь и задернув портьеры, она погрузилась в пучину стеклянного аквариума, который только что видела снаружи; она включила свет и стала раздеваться, многократно повторяясь в зеркалах. И каждое подчеркивало ее необыкновенную бледность. А влажная кожа напоминала воск.

Из воска делают свечи. Некоторые куклы тоже делаются из воска. Воск используют только для неживых — не для людей.

Предстояла действительно мучительная ночь.

Ей никогда не удавалось найти бесспорное доказательство своего существования в физических ощущениях. А способно ли отражение чувствовать холод, тепло или боль? Тем не менее Териза приняла горячий душ, тщательно высушила волосы, надела фланелевую рубашку, толстые мягкие брюки и мокасины из овечьей кожи. Теперь ей не будет холодно. Она заставила себя приготовить и съесть ужин.

Но эти попытки позаботиться о себе имели, как обычно, нулевой эффект. Душ, теплая одежда и горячая еда не смогли изгнать холод из ее сердца — этот орган она считала не столь уж важным. Да и вообще ничто из происходящего с ней не было важным. Доведись ей вдруг, думала она, умереть от пневмонии, это никого бы не взволновало — ни ее отца, ни преподобного Тэтчера, — и ей самой все абсолютно безразлично.

Приближалась одна из тех ночей, когда Териза чувствовала, что медленно исчезает из реального мира, растворяясь в темноте подобно сновидению.

Если бы она села и закрыла глаза, то все началось бы сначала. Она услышала бы, как отец в ее присутствии разговаривает так, будто она не существует. Заметила бы поведение слуг, которые обращались с ней как с существом, которое живет и дышит лишь потому, что так считает ее отец, а не потому, что оно реально само по себе. А мать...

Если бы Териза села и закрыла глаза, то снова стала бы ребенком шести или семи лет от роду и оказалась в огромной столовой, где ее родители принимали деловых партнеров отца, разодетых в пух и прах. Она тогда прибежала в столовую, потому что при падении с лестницы разбила коленку и испугалась. Мать посмотрела на нее не видя, как бы сквозь нее — ни один мускул не дрогнул на ее лице. И внезапно все вокруг ут-

ратило смысл. «Иди в свою комнату, детка. — Это было сказано голосом таким же пустым, как глаза восковой куклы. — У нас с отцом гости. Учись быть такой же, как я... Пока еще не поздно».

С тех пор Териза изо всех сил старалась поверить в свое существование. Она не стала закрывать глаза, а вернулась в гостиную и поставила кресло поближе к одной из стен, увешанных зеркалами. Села, прижавшись к стеклу коленями, придвинулась к нему так близко, что почти слилась со своим отражением. Может быть, таким образом ей удастся удержать собственную реальность. Если же нет — то, во всяком случае, увидит начало собственного конца.

Как-то раз, вот так же пребывая в плену сомнений, она засиделась, глядя на себя в зеркало, далеко за полночь, пока ощущение нереальности не покинуло ее. Сейчас она не была уверена, что в состоянии просидеть так долго, что способна на нечто большее, нежели созерцание. И это болезненное спокойствие на миг затронуло ее сердце и лишило сил. Ей уже начало казаться, что черты лица становятся нечеткими и вот-вот исчезнут.

Но вдруг она увидела в зеркале мужчину.

Нет, он не отражался в зеркале, он находился *внутри* зеркала. Он появился за ее испуганным отражением и продвигался с трудом — словно преодолевая поток.

Это был молодой человек, по-видимому, не намного старше ее, одетый в коричневый плащ, коричневые штаны и кожаные ботинки. На его довольно привлекательном лице было странное выражение — нечто среднее между удивлением и надеждой.

Он смотрел прямо на Теризу.

Потом он, похоже, пытался что-то прокричать сквозь стекло, но тут же отчаянно замахал руками, как будто потерял равновесие; однако в его движениях была целеустремленность, которая не имела ничего общего с падением.

Териза невольно втянула голову в плечи и закрыла глаза.

Зеркало перед ней беззвучно лопнуло.

Териза почувствовала, как осколки брызнули со стены и пронеслись мимо, задевая ее рубашку. Словно сосульки, они зазвенели, ударившись о противоположную стену, и попадали на ковер. Резкий порыв ветра, по-зимнему холодного, дохнул на нее из-за расколотого стекла и стих.

Когда она открыла глаза, то увидела, что молодой человек лежит, растянувшись во всю длину, перед ее креслом. Мелкие осколки зеркала сверкали в его волосах. Его правая нога, начиная с середины бедра, отсутствовала. Сначала Териза подумала, что его голень и нога отрезаны плоскостью стены. Но потом заметила, что нога попросту уходит в стену.

Крови не было. И, похоже, он не испытывал боли.

Со вздохом облегчения он приподнялся с пола, чтобы взглянуть на нее.

Прежде нахмуренный, он, встретившись взглядом с Теризой, обезоруживающе улыбнулся.

— Я — Джерадин, — сказал он. — И я должен был попасть совсем в другое место.

2. Звуки рогов

Совершенно не задумываясь над тем, что делает, она резко отодвинула кресло назад и встала. Неосознанно сделала шаг назад. Осколки стекла слабо хрустели под мокасинами. Стена, на которой висело лопнувшее зеркало, в этом месте потемнела и казалась больной. Оставшиеся зеркала отражали Теризу. Но она не отводила взгляда с мужчины, растянувшегося перед ней на полу.

Он изумленно воззрился на нее, продолжая улыбаться, и не пытался встать.

— Я снова все испортил, не так ли? — пробормотал он. — Я *готов поклясться*, что сделал все правильно, — любой Мастер может совершить воплощение подобного рода, — но снова я где-то ошибся.

По идее она должна была испугаться, так как происшедшее являло собой нечто неожиданное и невероятное. Но вместо страха Териза испытала одновременно недоумение и любопытство.

— Как вы попали сюда? — спросила она едва слышно. — Что вы имели в виду, когда сказали, что должны были попасть совсем в другое место?

— Простите. Надеюсь, я не слишком испугал вас. — Какая-то скованность слышалась в его словах, порожденная то ли страхом, то ли возбуждением. Но, несмотря на это, голос был мягкий и деликатный. — Не знаю, что именно произошло не так. Я делал все правильно, готов поклясться. Но не должен был оказаться здесь. Я ищу кос-кого... — он виновато отвернулся от нее, — ...совсем другого.

Потом обвел взглядом комнату, и на лице его появилось выражение ужаса. Окруженный своими отражениями, он сжался, словно от удара. Видимо, только охватившая его паника помешала испустить отчаянный вопль. Он вновь растянулся на ковре перед Теризой.

Но, постепенно осознавая, что здесь ему ничто не угрожает, он поднял голову, и страх в его глазах сменился

крайним изумлением. Он всматривался в свое отражение в зеркалах, словно видел в них себя не таким, как всегда.

Териза была совершенно зачарована его бурной и неожиданной реакцией и молча смотрела на него.

Немного придя в себя, Джерадин переключил внимание на Теризу и, стараясь сохранять видимость спокойствия, с усилием вымолвил:

— Я вижу, вы тоже пользуетесь зеркалами.

Девушка вздрогнула.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказала она. — И совершенно не понимаю, что вы здесь делаете. Откуда вы знаете, что я не та, кто вам нужен?

— Хороший вопрос. — Он улыбнулся, с явным удовольствием глядя на нее. — Ну конечно же, вы не та, кто мне нужен. Да и как это было бы возможно? Разве что все неправильно поняли предсказание. Может быть, эта комната сама затянула меня и теперь я не там, где должен был оказаться? Вы знали, что я собирался предпринять?

Больше не было никакого смысла испуганно повторять, что она совершенно не понимает, о чем идет речь, и Териза спросила:

— Почему бы вам не встать? Вы выглядите довольно глупо, лежа на полу.

Он внимательно выслушал ее, как, впрочем, внимал всему, что она говорила, и ей это чрезвычайно импонировало.

— Я бы и сам хотел, — сказал Джерадин несмело, — но не могу. — Он показал на отсутствующую правую ногу. — Они не выпускают мою ногу. Да это и к лучшему. Иначе я никогда не смог бы вернуться. — Выражение его лица менялось со скоростью его мыслей. — Правда, я не представляю, как посмотрю им в глаза, когда вернусь. Они ни за что не поверят, что я все делал правильно.

Пристально всматриваясь в него, Териза надеялась отыскать хоть какое-нибудь разумное объяснение его появлению здесь и продолжала свой допрос.

— У вас и раньше возникали такие проблемы?

Он покачал головой.

— Не совсем такого рода. Я никогда раньше не пытался воплощать самого себя. Честно говоря, это происходит не так уж часто. Последний раз, помнится, — когда Адепт Хэвлок сделал себя безумным. Но то был особый случай. Он использовал плоское зеркало — пытаясь переместиться и в то же время остаться на месте. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь?

Он снова оглядел комнату.

— Естественно, понимаете. Плоские зеркала, — сказал он восторженно, — это прекрасно. И вы не теряете

рассудок. Даже я не теряю рассудок. Я и представить себе не мог, что существуют такие воплотители. Во всяком случае, — резюмировал он, — теория о многократно воплощаемом воплотимом (то есть реальном образе) у всех на слуху, даже было зафиксировано несколько таких попыток. Конечно, у большинства нет желания рисковать. Но так как я сам отливал зеркало, делал его от начала до конца, им не удастся вернуть меня назад. Только Адепт может использовать зеркала, созданные другими, — а Хэвлок безумен. Но все это не важно. — Он снова меланхолично отвел взгляд. — Похоже, я не смог достичь цели.

А дело скорее всего в том, — подвел он наконец итог, — что мне вообще никогда не удавалось что-либо заставить работать. Вот почему выбрали меня — по крайней мере это была веская причина. Если что-то получится не так и я не вернусь назад, они не будут считать эту потерю такой уж невосполнимой.

Сбитая всем этим с толку, Териза призвала на помощь свой опыт общения с преподобным Тэтчером. Он приучил ее не задавать неожиданных вопросов.

— А где вы предположительно должны были оказаться? — Териза помрачнела. — И кого вы хотели увидеть вместо меня?

Он на мгновение задумался и прикусил губу.

— Я лучше скажу вам так... Предсказание могло быть ошибочно истолковано. Воплотитель, в коем мы нуждаемся, вполне может быть подобен вам. — Он искоса взглянул на нее и принялся торопливо объяснять. — Мастера внимательно изучали предсказание, которое многократно твердило о том, что Мордант может быть спасен, если кто-нибудь войдет в зеркало и приведет помощь. Выбор пал на меня. К несчастью, зеркало не показало, как я возвращаюсь с «помощью». Вместо этого ясно был виден могучий воин в броне — защитник-герой из другого мира, и спутать его с кем-либо другим невозможно. Одновременно он же случайно появился в одном из зеркал Мастера Гилбура. Мы увидели огромного человека в доспехах, владеющего магическим оружием, способным разрушать горы. Это было именно то, что нам нужно.

Мастер Гилбур, без сомнения, мог бы переместить его к нам. И многие из Мастеров считали, что необходимо поступить таким образом и пренебречь мнением короля. Но предсказание не могло быть истолковано двояко — мы обязаны были кого-то послать. И когда выбор замкнулся на мне, — он пожал плечами, — конечно же, было много споров. Мастер Квилон сказал, что я должен отправляться. Но Мастер Эремис ему возразил, что заставить меня воплотиться в другой реальности равносильно смертному приговору. Такая реакция со стороны Мастера Эремиса меня, честно говоря, удивила: обычно он ни к

чему не относится серьезно. Я не люблю Мастера Эремиса, и мне кажется, что он не любит меня. В конце концов Гильдия решила, что я должен попытаться.

И я создал свое зеркало — я делал и *переделывал* его до тех пор, пока в нем не появился Воин. Тогда Мастера сказали, что все в порядке. — Он печально вздохнул. — Я так трудился над ним! *Могу поклясться*, это был воистину точный дубликат оригинала. Но когда я вошел в него... — он встретился с ней взглядом и снова пожал плечами, — я попал сюда.

— Значит, вы считаете, что предсказание было понято неправильно? — спросила Териза. — В нем говорилось, что вы должны отправиться в путь и привести кого-то, но не было сказано, кого именно. — Он с надеждой посмотрел ей в глаза, чувствуя, что в ее словах заключается истина. — На этот раз Гильдия могла ошибиться.

Он кивнул.

— И когда вы сделали все по предсказанию, то оказались здесь, а не там, куда вас направила Гильдия.

Он немного помолчал и тихо произнес:

— Да. Это совершенно бессмысленно. Зеркало не может переместить то, чего не показывает. Так что моя ошибка не имеет никакого значения, и я больше склоняюсь к мысли, что это *вы* воплотили меня здесь. — Он пристально посмотрел на нее. — У вас для этого должна быть серьезная причина.

Эта фраза все поставила на свои места. Перед ней обыкновенный человек, который почему-то ввалился в ее гостиную из ниоткуда, расколов при этом одно из зеркал. Он рассказывает ей о каких-то чудесах, к которым она не имеет ни малейшего отношения. Но она никогда не выскажет ему это. Никогда! Сколько раз она пыталась найти выход из своего положения или... хотя бы из комнаты! Как горят его карие глаза! Они проникают в самую душу. Смущенная магнетизмом этого взгляда, Териза сказала:

— Хотите чаю?

— Думаю, что хочу, — его лицо озарилось радостной улыбкой, — но, к сожалению, я не знаю, что такое «чай».

— Сейчас я приготовлю. Это займет всего несколько минут. — Она облегченно вздохнула и направилась к кухне.

Но не успела сделать и трех шагов, как услышала голос Джерадина. Он звучал довольно необычно — решительно, официально и одновременно просительно.

— Леди, не угодно ли вам отправиться со мной в Мордант, чтобы спасти королевство от гибели?

Она остановилась и с изумлением посмотрела на него. Его лицо выражало робость.

— Простите, — сказал он. — Я не имел права просить вас об этом. Но у меня внезапно появилось предчувствие, что если вы покинете эту комнату, то никогда уже не вернетесь назад.

Как только он сказал это, она осознала причину, заставившую ее пойти на кухню: добраться до телефона. Она хотела позвонить охранникам и сообщить им, что в квартиру проник какой-то псих, толкующий о зеркалах, воплощениях и некоем Воине.

— И часто у вас бывают подобные предчувствия? — Она остановилась, лихорадочно пытаясь сообразить, что же делать.

Он пожал плечами. Лицо его снова стало строгим.

— Не часто. И почти всегда они меня подводят. Но тем не менее я им верю. *Что-то* они, как правило, означают. — Он на мгновение задумался. — Во всяком случае, благодаря предчувствию я стал пригодником в Гильдии. Не понимаю, почему — ведь это не принесло мне ничего хорошего. Вот уже почти десять лет я хожу в учениках и не продвинулся вперед ни на шаг. — Его голос звучал тихо, но в нем слышалась не жалость к самому себе, а досада. — И все-таки у меня есть сильное предчувствие, что я стану Мастером. Поэтому я не могу прекратить свои попытки.

— Но вы же сказали, что хотите чаю.

— Я не знаю, чего именно испугался, когда вы начали удаляться.

— Я никуда не денусь, — медленно сказала она. — Я вернусь через несколько минут.

Теперь она уже без всяких колебаний решила вызвать охрану. Это безумие слишком затянулось.

— Леди! — мгновенно отреагировал он. Его голос звучал жестко, почти повелительно. — Я умоляю вас!

Она пыталась идти, но шаги сами собой замедлились, словно ей приходилось преодолевать сопротивление собственного тела. На пороге кухни она остановилась.

— Если я приложу усилия, — сказал он тихо, — то, вероятно, смогу освободить ногу. Но тогда я окончательно окажусь здесь и не смогу вернуться назад. А Мастера не будут знать, где я, так как они видят в зеркале только ту реальность, где существует Воин. Я навсегда затеряюсь здесь, разве что каким-то чудом они создадут зеркало, которое покажет, где я нахожусь. Если, конечно, — добавил он, — я вообще *где-то* нахожусь, а не затерялся в стекле, как выражается Мастер Эремис. Но я лучше поступлю так, — сказал он твердо, — чем позволю вам уйти, не выслушав меня.

Пока он говорил, Териза стояла как вкопанная. Потом, вспомнив о своем намерении, она подалась вперед, чтобы сделать еще один шаг, выйти из его поля зрения и укрыться в кухне. Но мольба Джерадина удерживала ее, она словно чувствовала его руку на своем плече.

Она призвала на помощь логику: что произойдет, когда она вызовет охрану? Ну придут охранники и уведут Джерадина, если, конечно, им удастся вызволить его ногу. А затем отпустят. Он станет свободным и будет преследовать ее всю жизнь. Даже если она выдвинет против него какое-нибудь обвинение, ей предстоит увидеться с ним в качестве истицы и нести ответственность за то, что произойдет с ним в дальнейшем. Возможно, ей придется увидеться с ним несколько раз. И кроме того, наверняка ее ожидает объяснение с отцом. Так что, какой бы путь она ни выбрала, от незваного гостя ей не избавиться.

У нее не было ни малейшего желания предстать перед лицом судьи — или отца — с заявлением, что человек, которого она никогда раньше в глаза не видела, ворвался в ее гостиную через одно из зеркал и умолял спасти нечто, называемое им Мордантом.

Териза медленно обернулась к молодому человеку. В первый раз после того как он поразил ее своим неожиданным вторжением, она поняла, что столкнулась с проблемой, которую следовало разрешить как можно скорее, но, как стало для нее очевидно, не с помощью охранников. Она приложила усилия, чтобы не дать своему голосу дрогнуть.

— Все, что вы говорите, не имеет ни малейшего смысла. Так что вы хотите, чтобы я выслушала?

— Леди... — Он смутился и стал похож на мальчишку. — Прошу простить меня. Я, видимо, говорил сумбурно, и вы решили, что зеркала лишили меня разума. Я и сам до сих пор не могу понять, почему этого не произошло. Но прошу вас...

Он попытался встать на четвереньки. Но ему удалось только вытянуться вперед, от чего он оказался среди осколков стекла. Находясь в столь унизительном положении, он заставил себя говорить убедительно и с достоинством.

— Пожалуйста, не судите о Морданте по мне. Он действительно нуждается в помощи. В скорой помощи, миледи. Отдельные части королевства уже начали разрушаться. Умирают люди. Люди, которые не имеют ничего общего с воплотителями или королями; они просто хотят жить своей обыденной жизнью. Тучи становятся все гуще и темнее. Аленд и Кадуол никогда не успокаивались, а сейчас они собирают армии. Но король Джойс ничего не предпринимает. Мужество покинуло его. В воздухе витает предательство.

Но главная опасность исходит не от верховного короля Кадуола или алендского монарха. — В его голосе звучала подлинная страсть. — Где-то в королевстве затаились воплотители — предатели в звании Мастера: они все чаще открывают свои зеркала всякого рода ужасам и мраку; проводят эксперименты над Мордантом, отыскивая в своих зеркалах нечисть и зло,

врагов мира, стабильности и жизни. И эти Мастера, похоже, не боятся хаоса, проникающего в королевство в результате высвобождения злых сил, которые невозможно контролировать.

Прежде чем закончится зима, королевство начнет распадаться. Потом будет война — война всех со всеми, — и все доброе окажется под угрозой.

Миледи. — Джерадин с мольбой смотрел на Теризу. — Я не властен принудить вас. Но даже если бы и обладал такой властью, то не воспользовался бы ею, так как считаю подобный поступок бесчестным. Кроме того, вы не тот Воин, которого ожидает увидеть Гильдия. Я был настолько неуклюж всю свою жизнь, что мое появление здесь, может быть, всего лишь одна из моих многочисленных ошибок.

Но я *могу* оказаться и правым. Вы понимаете зеркала. — Он обвел жестом комнату. — Вы можете оказаться как раз тем человеком, в чьей помощи мы нуждаемся. И если это так, то без вас мы погибнем. Пожалуйста, ответьте: вы могли бы отправиться со мной?

Она смотрела на него открыв рот, в голове не было ни одной мысли. *Гибель. Смерть. Все виды ужасов и зла. Мы погибнем без вас.* Как это без нее? Она никогда не слышала о Морданте, или Кадуоле, или Аленде. Страны, в которых, как ей было известно, сохранилась монархия, находились за тысячи миль отсюда. И никто никогда не говорил о том, что зеркала способны быть дверями в иные реальности. *Вы можете оказаться как раз той, в чьей помощи мы нуждаемся.* О чем это он?

И как можно деликатнее Териза сказала:

— Это не имеет совершенно никакого смысла. Вы пытаетесь что-то объяснить мне, но, боюсь, у вас это не получится. Все, о чем вы говорите, не имеет ко мне никакого отношения. Вы даже не знаете моего имени... Я не смогу помочь вам.

Но Джерадин покачал головой, не принимая ее возражений.

— Вы ведь не знаете этого наверняка. Вы не знаете... — Внезапно он нахмурился, как будто его поразила новая мысль. — Вы счастливы здесь?

— Я?.. — Этот вопрос застал Теризу врасплох. Она почувствовала себя пристыженной или оскорбленной. И ей захотелось расплакаться.

Она неотрывно смотрела в ближайшее зеркало, пытаясь успокоиться. Но всюду видела только отражение Джерадина, хотя и не желала этого. И ей стало казаться, что он здесь более реален, чем она сама.

— Вы необходимы здесь? — спросил он.

Что за вопрос? Териза смотрела в глаза своему зеркальному двойнику и терла нос, стараясь сдержать слезы.

Вероятно, преподобному Тэтчеру будет нетрудно ее заменить. Даже если он сразу заметит ее отсутствие, беспокойство его будет длиться лишь до тех пор, пока он не подыщет себе нового секретаря. Пройдут дни, а может быть, и недели, пока заметит ее исчезновение отец. Тогда он поднимет невероятный шум и гам, предлагая награды, обвиняя полицию в бездеятельности и выгоняя охранников, — но только для того, чтобы скрыть сам факт: его совершенно не заботит, что с ней действительно сталось. А больше о ней никто и не вспомнит.

— Вы?.. — Он запнулся на миг и продолжал: — Простите, у меня такое ощущение, что вы несчастны. Вы просто не *выглядите* счастливой. Кроме того, я не вижу здесь больше никого. Вы одиноки? Или у вас есть муж? Или, быть может, вы влюблены?

Задавая последний вопрос, он так смутился, что Териза рассмеялась. До сих пор она находилась на грани истерики, но смех приносил большее облегчение, чем слезы. Тот факт, что она не плачет, позволил ей наконец отвернуться от своего отражения в зеркале.

— Простите. — Она с трудом подавила смех. — Я представляю, как вам неудобно в вашем положении. Надо было обвязаться веревкой, вместо того чтобы кто-то держал вас за ногу. Тогда б вы могли хотя бы встать.

— Миледи... — от его торжественного голоса она вздрогнула, — вы здесь несчастливы. Вы здесь никому не нужны. Вы никем не любимы. Пойдемте со мной. — Он протянул ей руку. — Вы ведь воплотитель, создатель образов. Не исключено, что мое зеркало создано именно для вас из настоящего песка сновидений.

— Я не воплотитель, — ответила она. — И сны мне снятся не так уж часто.

Она возразила как бы по инерции, не слишком настойчиво, почти не слыша себя. Видимо, потому, что ее сны были такой редкостью, они оказывали на нее столь мощное воздействие.

Она вспомнила, что и во сне оставалась пассивной и неподвижной, когда трое всадников были готовы ее убить, а незнакомый человек рисковал жизнью ради ее спасения. Человек, похожий на Джерадина. Именно то, чего она не любила в себе, удерживало ее здесь — состояние собственной нереальности, страх перед отцом и наказанием, неспособность хоть как-то изменить свою жизнь. Джерадин все еще протягивал к ней руку.

Она не могла не заметить, что рука эта покрыта мозолями и царапинами, а один ноготь сломан. И все-таки это была рука, которой можно доверять, — крепкая и надежная.

И снова ей послышались звуки рогов.

И зов их отогнал все страхи прочь.

— Пожалуй, — заявила она, и слова эти были неожиданными для нее самой, они возникли из неведомой музыки, зазвучавшей в ее измученной душе, — кажется, мне всегда хотелось узнать, что скрывается по ту сторону зеркал.

В ответ лицо его засияло словно восходящее солнце.

3. Перемещение

— Я никак не могу поверить в это, — пробормотал Джерадин, — просто *не верю*. — И тут же он восторженно воскликнул: — Быстрее! Прежде чем вы передумаете, возьмитесь за мою руку.

Теризе тоже не верилось. Что она делает? Но его восторг снова рассмешил ее. И звуки рогов стали как будто ближе и громче, они неслись над снежными холмами — они звали ее.

И, не давая себе времени на раздумья, Териза приблизилась и вложила свою руку в его.

— И это все? — спросила она. — Вы не должны взмахнуть руками, или сказать магическое слово, или еще что-нибудь в этом роде?

Джерадин широко улыбнулся и потрепал ее по руке.

— Это все. Все необходимые слова уже сказаны, и движения выполнены. И способность эта врожденная, а не приобретенная. Все, что вам нужно делать, — это идти со мной. — Балансируя на одном колене, он подтянул под себя вторую ногу. — И главное — следите, куда ступаете.

Джерадин начал двигаться назад, увлекая Теризу за собой.

Его правое бедро постепенно исчезало дюйм за дюймом, и все большая часть его тела казалась отрезанной. Создавалось впечатление, будто он продвигается, как бы нащупывая впереди путь — путь, которого не было.

Когда его нога ушла достаточно глубоко, Джерадин перенес на нее свой вес. Кивнув Теризе, он осторожно потянул ее за собой и выпрямился.

— Наверное, вам будет легче, — посоветовал он, — если вы закроете глаза.

И в это мгновение его лицо исказила страдальческая гримаса.

Его отшвырнуло вперед, к стене — к той плоскости, в которой сначала нога, а потом и все тело начали исчезать. Териза инстинктивно пыталась освободиться от руки, удерживающей ее.

Но, несмотря на то что Джерадин потерял равновесие, его рука держала ее мертвой хваткой.

Последнее, что Териза увидела в своей квартире, была треснувшая штукатурка на месте зеркала. Пытаясь подавить крик ужаса, рвущийся из горла, она на мгновение исчезла из реальности и оказалась в зоне воплощения, где время и пространство слились воедино, где в одном мгновении заключена вечность. А может быть, ей казалось, что вечность длится всего лишь мгновение? Ее падение являло собой продолжительное скольжение с самой вершины мира, хотя это было падение с высоты одного шага. Она внимательно вглядывалась в окружающий мрак, не ведая, что время пребывания в нем было равно мгновению.

Оно исчезло так же внезапно, как и появилось, это ощущение мгновенной вечности и бесконечного пространства, уменьшившегося до размеров молекулы, и Териза снова увидела Джерадина. Он, казалось, начал проявляться в этом мире, наполненном оранжевым светом ламп и факелов.

Джерадин продолжал падать, и лицо его стало суровым от напряжения. Рука продолжала стискивать ее руку. Териза почувствовала бессилие и, несмотря на то что ее пытались поддержать, все-таки рухнула сверху прямо на Джерадина. К тому же она случайно угодила ему локтем в живот. Он застонал от боли, дыхание с хрипом вырвалось из легких. Но своим телом он предохранил ее от удара. В конце концов она оказалась лежащей на каменном полу, с лицом, обращенным к массивному сводчатому каменному потолку.

Резкий переход на некоторое время ослепил ее. Она смотрела вверх, еще не замечая разницы между новым местом пребывания и своей квартирой. У ног, в двух шагах от ее распростертого тела, стояло зеркало в полированной деревянной раме высотой в ее рост; оно имело окраску, которая проявлялась только по краям поверхности, и было почему-то не плоским, а изогнутым. Териза не знала, сколько прошло времени, пока она поняла, что в зеркале отражается вовсе не окружающая обстановка, но и отнюдь не интерьер из ее апартаментов. Правда, сейчас зеркало занимало ее внимание не больше, чем каменный пол, на котором она лежала.

Териза услышала чьи-то голоса.

— И где ты взял *ее*?

— Ты был невидим в зеркале. Как тебе это удалось?

— Куда ты отправлялся?

Медленно, как сквозь туман, к ней пробивалась удивительная информация, и она обнаружила себя на полу, окруженную мужчинами.

«Где я? — подумала она тупо, едва дыша от изумления. — В обществе мужчин?!»

Их было двадцать или тридцать, все смотрели вниз, на нее. Териза заметила среди них и стариков, и тех, что по-

моложе, но все оказались старше ее. На них были самые разнообразные плащи и рясы, сутаны и пелерины — без теплой одежды не обойтись в прохладном помещении. А еще на каждом была мантия, туго стянутая у шеи.

Некоторые смотрели на нее с изумлением и ужасом. Такие же чувства, впрочем, испытывала и она.

— Идиот! — прорычал один.

— Это невозможно! — пробормотал второй.

Остальных разбирал смех.

Джерадин стоял сбоку от нее и отчаянно глотал воздух. Нежный пурпур заливал его от самой шеи до впалых щек.

— Ладно, пригодник, — молвил между приступами смеха один из собравшихся. — Опять неудача. — Он был высок и крепко сложен, несмотря на худобу. Все у него было чрезмерным: длинный нос, широкие скулы, резко переходящие в уши, черные густые заросли на затылке и слишком открытый лоб. Но юмор и ум, светящиеся в глазах, делали его привлекательным. Просторный плащ и мантию он носил с подчеркнутой небрежностью, свойственной подлинным эстетам. — Наше королевство в опасности, мы послали тебя к Воину с просьбой о спасении. Но ты использовал это как возможность легкого флирта.

— Миледи, — продолжал он, обращаясь к Теризе, — видимо, вы нашли доводы юного Джерадина довольно убедительными, раз решили сопровождать его сюда. Но поскольку вы *уже* здесь, я думаю, вы скоро обнаружите, что в Морданте есть люди и получше него. — С насмешливой улыбкой он церемонно поклонился ей и протянул руку, дабы помочь встать.

— Мордант... — с удивлением повторила она. — Так оно и вышло. Он действительно доставил меня в Мордант.

Джерадин почти восстановил дыхание.

Териза невольно повернулась к нему. В это время один из тех, кто не смеялся, склонился над Джерадином. Лицо этого человека почему-то напоминало сосновую доску. И на этой доске выделялись брови, густые и кустистые, как заросли папоротника, но на голове никакой иной растительности не было. Ширина его была почти такой же, как высота.

— Стыдитесь, Мастер Эремис, — пробормотал он, просовывая огромную руку под голову и плечи Джерадина. — Поищите другой повод для насмешек. То, что произошло здесь, либо несчастье, либо чудо. Во всяком случае, подобного прецедента еще не бывало. Так что давайте будем серьезными.

Мастер Эремис не смог сдержать лукавой улыбки.

— Мастер Барсонаж, вы принимаете все слишком близко к сердцу. Разве можно реагировать на недочеты и

ошибки пригодника Джерадина иначе, нежели смехом? — Он снова переключил внимание на Теризу. — Леди?..

— Наш смех вовсе не от радости, Мастер Эремис, — раздался чей-то хриплый голос. — Вы ведь сами признали, что мы обречены, если не найдем Воина, явленного нам в предсказании. Меня совершенно не беспокоит король Джойс и его дурацкое королевство. — Тут толстяк, поддерживавший Джерадина, с шипением выпустил воздух сквозь зубы. — О нем пусть заботятся другие. Пусть он и дальше погружается в маразм, пусть в конце концов алендские и кадуольские мясники заменят его. Но у *нас* была единственная надежда, о Гильдия воплотителей! Этот ничтожный пригодник подвел нас.

Териза хотела обернуться, чтобы увидеть говорившего. Но она была словно околдована улыбкой, глазами и протянутой рукой Мастера Эремиса. Он смотрел на нее, *на нее*, словно она была реальным существом и действительно находилась в этой высокой каменной палате, где в воздухе чувствовалась зима, а свет исходил от масляных ламп и нескольких факелов; невероятно — она присутствовала здесь, хотя не могла находиться нигде, кроме как в своих апартаментах, одна, наедине с зеркалами.

Притягательность его взгляда возымела действие. Териза была не в состоянии отказаться от его помощи; он давал ей возможность действительно ощутить себя реальной, в чем она всегда сомневалась. Териза покорно протянула ему руку и позволила легко поставить себя на ноги.

— Вы не правы, — откашлялся Джерадин. Лицо его постепенно приобретало нормальный цвет. С помощью Мастера Барсонажа он попытался сесть. — Все вы! Она — именно то, что нам нужно.

Реакция последовала незамедлительно: большинство мужчин вступили в бурные дебаты.

— Что? Женщина? Невозможно!

— Ты что, ослеп? Посмотри на нее. Она даже *не вооружена*.

— Это не тот Воин, за которым мы тебя посылали. Ты думаешь, мы глупее тебя?

— Да, и вот доказательство этого! Рассуждайте же наконец здраво! Король Джойс и Адепт Хэвлок правы. Они живут своей жизнью.

— Оставьте мальчика в покое. Я уверен, это всего лишь еще одна оплошность.

Хриплый голос добавил:

— Какая безответственность! Ты обманул наше доверие и не пытайся представить свой провал успехом.

Теперь Териза увидела говорившего. Это был массивный горбун с такими мощными руками, что, казалось, он

2 Заказ 968

мог ломать камни; в его черной бороде поблескивала седина, с лица не сходило хмурое выражение.

Обращаясь к остальным Мастерам, он закончил:

— Я говорил, что мы не должны возлагать никаких надежд на этого ничтожного щенка, но оказался в меньшинстве. И вот, — он указал толстенным пальцем на Теризу, — результат!

Мастер Эремис снова рассмеялся и широко развел руками. Но прежде чем он успел что-то сказать, Джерадин запротестовал:

— Нет, Мастер Гилбур. — Кашляя, он высвободился из рук Мастера Барсонажа и заставил себя подняться. — На сей раз это не мой просчет. Подумайте, что произошло...

К несчастью, разговаривая и кашляя одновременно, он потерял равновесие. Наступил сам себе на ногу и тут же повалился на двоих воплотителей. Те едва успели подхватить его. Многие загоготали, отпуская недвусмысленные реплики. Для Теризы все это было непривычно.

Лицо Джерадина пылало от стыда.

— Пригодник Джерадин, — мягко сказал Мастер Эремис, — для вас это было нелегкое испытание. Но что сделано — то сделано, мы сейчас не ближе к Воину, в котором так нуждаемся, чем в начале вашей попытки. Поэтому будет разумнее с вашей стороны не конфликтовать с Гильдией, возражая против очевидного.

В ярости Джерадин рванул на себе плащ.

— Очевидно то, — воспламенился он, — что я ничего не напутал, хотя и оказался не в том месте, куда направлялся. Вы даже не принимаете во внимание...

— Юноша, — заревел за его спиной Мастер Барсонаж, — следи за своим тоном! Мы — Мастера. И мы не привыкли выслушивать оскорбления от пригодников.

И мгновенно клокочущая в нем ярость утихла. Теперь лицо его выражало кротость и огорчение.

— Простите. Я не хотел... — Он бросил жалкий, затравленный взгляд на Барсонажа. — Но это действительно *крайне важно.*

— Мы сами разберемся, что здесь важно, — буркнул массивный Мастер Гилбур. — Сделай только милость: не считай нас такими уж неразумными. А все остальное мы обсудим между собой.

Териза слушала эту полемику, не вникая в ее суть. Как только Эремис перестал смотреть *на нее*, она снова ощутила нереальность происходящего. Где она на самом деле находится? Неужели ее желание исчезнуть привело к такой ситуации? И она попыталась сосредоточить внимание на окружающем, чтобы хоть немного освоиться здесь.

Она стояла спиной к зеркалу, и инстинкт подсказывал ей, что это единственное зеркало, в которое не надо смотреть. Мастер Эремис стоял бок о бок с ней, все осталь-

ные воплотители сгрудились вокруг Джерадина, Барсонажа и Гилбура. Они стояли почти в центре большой круглой палаты с каменным полом. Стены и потолок ее были из грубо отесанного гранита. Несколько огромных факелов горели в держателях на дальних стенах, но большая часть света шла от ламп, свисающих с четырех массивных пилонов, которые поддерживали центральную часть потолка. Внутри пространства, ограниченного пилонами, находилось похожее на амфитеатр круглое деревянное ограждение со скамьями, обращенными к центру палаты. На скамьях могли разместиться сорок или пятьдесят человек.

Териза предположила, что это зал для официальных собраний Гильдии воплотителей. Вполне логично! А где есть логика, там может быть и реальность.

Ей хотелось избавиться от присутствующих здесь людей и просто побродить. Но часть ее сознания продолжала фиксировать то, о чем говорили Мастера. Она слышала нотки протеста в голосе Джерадина и глубокий сарказм в высказываниях Мастера Гилбура. Хотя она знала Джерадина всего лишь... А сколько, собственно говоря? Десять минут? Максимум двадцать... Она чувствовала, что доверяет ему. Он говорил и слушал ее с улыбкой, будто она действительно существовала. Встретившись с ним глазами, она заметила в них отчаяние и загнанность и сказала, обращаясь к Мастерам:

— Я думаю, вам следует дать ему шанс. Наверное, все-таки была причина, чтобы я согласилась отправиться с ним.

Мастер Эремис исторг из себя смешок, от чего Териза смутилась и даже задумала извиниться перед Джерадином.

— Конечно, конечно, миледи, — хмыкнул Мастер Эремис. — Я был не прав, говоря о флирте; он ни в коей мере не мог проявиться в поведении нашего пригодника. У него множество достоинств, но галантность и обходительность не в их числе. Так как у нас нет оснований подозревать, что вы были доставлены сюда силой, то, естественно, должна быть причина, заставившая вас последовать за ним. — Многие воплотители после реплики Эремиса заулыбались, а Джерадин все ниже склонял голову, чтобы скрыть краску стыда. — Ну, Джерадин, — обратился к нему Мастер, — так что же мы не приняли во внимание?

На мгновение Теризе показалось, что Джерадин откажется отвечать. Она не раз видела, как отец повергал ее мать в смущение, и единственной защитой для нее было упрямое молчание. Но Джерадин отринул насмешки и унижение. Восторг загорелся в его глазах, и он сделал пружинистый шаг вперед.

— Мастер Эремис, Мастер Гилбур, — он обвел взглядом Эремиса, Теризу и зеркало, — вы знаете, я всего лишь пригодник, и вы смеетесь потому, что в свое время я допустил

много ошибок. Но вы не подумали, что означает *ее* присутствие здесь. — Он сделал широкий жест в сторону Теризы. — Почему она здесь? *Как* она оказалась здесь?

Мастер Гилбур, вы учили меня, как следует отливать это зеркало. Оно совершенно такое же, как ваше. Практически они неотличимы, потому что вы видите в этом зеркале то же, что и в зеркале, отлитом вами.

Мастер Эремис, вы когда-нибудь слышали о зеркале, которое может воплотить что-либо, чего в нем самом не видно?

Вопрос заставил многих Мастеров задуматься. Гилбур нахмурился, его напряженное лицо напоминало сжатый кулак; Эремис задумчиво скривил рот; Барсонаж поднял брови так высоко, что они, казалось, дотянулись до макушки. Маленький человечек с кроличьим лицом отчаянно закивал.

Тогда Джерадин обратился ко всем воплотителям одновременно:

— Как известно, даже самые великие Мастера не могли создавать таких зеркал, которые показывали бы одно, а воплощали совсем другое. Адепт Хэвлок и в лучшие свои времена не мог добиться этого. Даже предания об Архивоплотителе Вагеле не упоминают о таких способностях.

Подумайте об этом, Мастера. Может быть, я случайно наткнулся на величайшее открытие в истории воплотителей. Или же я величайший Мастер с тех пор, как было отлито первое зеркало...

Внезапно он замолчал, не сводя глаз с Эремиса.

— Или что, пригодник? — проревел Мастер Гилбур. — Ведь ты наверняка не хотел ограничиться двумя возможностями?

— Или, — медленно сказал Джерадин, по-прежнему устремив взгляд на Эремиса, — вмешалась другая сила. Может быть, та же самая, что управляет пророчествами. Она отправила меня туда, куда я и должен был попасть из этого зеркала, где я мог бы найти того Воина, о котором говорится в предсказании, вместо избранного вами.

Он почти прошептал последние слова, и его карие глаза вспыхнули.

— Она — единственная, кого я мог привести к вам. Она — единственная, кто может нас спасти.

На секунду воцарилась тишина — вся Гильдия задумалась над заявлением Джерадина. Затем Мастер, похожий на кролика, воскликнул высоким тонким голосом:

— Я так и говорил. Я так и говорил с самого начала. Это все доказывает, что они — реальны.

— О, великая правда! — съязвил Гилбур. — Язык у пригодника хорошо подвешен, но логика его никуда не годится. *Она* — предсказанный нам спаситель? *Она* — сила, кото-

рая спасет нас от безумия воплотимого? *Посмотрите* на нее, Мастера. Какими силами она обладает? Как она будет сражаться, защищая нас? Чем она лучше Воина, избранного нами?

И он ткнул толстым указательным пальцем в зеркало за спиной Теризы.

Все как по команде посмотрели туда. Даже Мастер Эремис обернулся и глянул на зеркало.

Териза невольно следовала взглядом за указующим перстом.

Первое ее впечатление подтвердилось в полной мере: зеркало не показывало ничего из находившегося здесь — или когда-нибудь виденного ею.

Тонированное, слегка волнистое стекло показывало сцену, достаточно отдаленную, чтобы понять, что изображение гораздо меньше натуральной величины, но достаточно близкую, чтобы можно было различить детали. Посреди пустынного и чуждого пейзажа, залитого багровым светом натруженного красного солнца, стояло металлическое сооружение, которое Териза сразу же окрестила «космическим кораблем». Периметр обороны корабля был обозначен фигурами, похожими на людей, тоже металлическими. Прошло какое-то время, прежде чем она сообразила, что это действительно люди — люди в броне. Они подвергались атаке, но лучи, пагубно действующие на пейзаж, только сверкали на шлемах и нагрудниках оборонявшихся. Она не видела ответных залпов, но, наверное, ответ был адекватным.

Однако в центре зрелища был не корабль и не сражавшиеся. Приковывало к себе внимание одетое в металл существо, размахивающее руками или замирающее в ожидании, как бы наблюдая за ходом сражения. Оно было вооружено до зубов; странное оружие висело у него на поясе, а на спине просматривалось нечто, похожее на ружье почти орудийного калибра. Но не боевое снаряжение, а сама фигура, казалось, излучала силу — даже сквозь стекло. Она твердо стояла на чуждой ей земле, словно готова была уничтожить все живое для наведения здесь порядка.

Териза догадалась, что это и есть могущественный Воин, за которым был послан Джерадин.

Значит, вот какая помощь требуется Морданту? Значит, опасность *настолько* велика? И Джерадин хотел, чтобы эти люди восприняли *ее* как панацею от всех бед, как воина-спасителя? Внезапно она осознала, что Мастер Гилбур прав. Если Джерадин ожидает, что она послужит разумному решению их проблем, то наверняка он выжил из ума.

Видно, безумие вселилось в него тогда, если он осмелился просить ее последовать за ним? Она была просто обязана дойти до телефона, вызвать охрану, и пусть бы та расхлебывала заварившуюся кашу. Даже объяснение с отцом было предпочтительнее нелепой ситуации, в которой она оказалась сейчас.

Эта мысль повергла ее в смятение. Что она здесь *делает*? Она отвернулась от зеркала и, похоже, начала терять равновесие. Но вскоре обнаружила, что смотрит в глаза Мастеру Эремису, умоляя помочь ей. Совершенно не зная его, она чувствовала его ум, силу и жизненный опыт. Он располагал к себе и своим юмором, мягким и беззлобным, даже когда насмешка была явной.

Он встретился с ней взглядом, и в уголках его глаз собрались морщинки, словно к нему снова подкрадывался смех. Но он не рассмеялся, неожиданная морщинка появилась на его высоком лбу.

— Мастера, — сказал он спокойно, — это вопрос тонкий. Мы не можем игнорировать его. Пригодник Джерадин представил нам факт, который следует обсудить.

Несмотря на бурные протесты Мастера Гилбура, Эремис продолжал:

— Что же касается приведенного им Воина, тут его вкусы целиком совпадают с моими. К его словам надо прислушаться. Или он случайно, не подозревая об этом, совершил чудо. Или потихоньку, втайне, стал более велик, чем все мы, вместе взятые. — Мастер Эремис мягким движением пальцев мгновенно утихомирил волну протестов Гильдии. — Или здесь проявила себя сила, которую нам не дано понять и осознать, но тем не менее следует принять в расчет.

Я предлагаю, — сказал он в заключение, — пока отложить этот вопрос. У нас есть время подумать. Нужды Морданта — дело серьезное, но не настолько, чтобы впадать в крайности. Может быть, завтра нам удастся вникнуть в суть происшедшего. Не так ли, Мастер Барсонаж?

Териза была страшно удивлена, что он предлагает отложить вопрос, а не приказывает сделать это; она невольно приняла его за главу Гильдии. Но эта роль, похоже, была отведена толстому лысому человеку с густыми мохнатыми бровями и пергаментно-желтой кожей. Когда Мастер Эремис обратился к нему, тот окинул взглядом Мастеров, чтобы выяснить и их мнение.

Так как большинство было согласно, он сказал:

— Мне эта мысль кажется вполне достойной, хотя я сомневаюсь, что мы придем к чему-нибудь разумному, рассуждая, следует ли считать пригодника Джерадина жертвой случая или гением, либо это вмешательство посторонних сил. Мы вскоре решим, как нам следует поступить. Те, кто уже подготовил свои аргументы, могут пока тщательнее продумать их перед дебатами. — И тут же добавил: — Давайте встретимся завтра.

Мастер Эремис улыбнулся, услышав, что Мастер Барсонаж согласен.

— Отлично. — Он обернулся к Теризе и протянул ей руку. — Миледи, вы позволите сопровождать вас? Кто-то

ведь должен продемонстрировать вам гостеприимство Орисона. Я присмотрю, чтобы вас разместили как положено столь значительной даме. — Он произнес слово *значительной* с легкой издевкой — над ней или Джерадином. — Кроме того, есть множество вещей, о которых я хотел бы побеседовать с вами.

Териза не смогла бы отказаться от его предложения, даже если бы и хотела: его внимание завораживало и влекло непреодолимо. От него пересыхало в горле и появлялась слабость в коленках. Подсознательно она реагировала на него так, будто он был первым мужчиной, который относился к ней подобным образом. А впрочем, он и был *первым*.

Но когда она вознамерилась опереться на руку, предложенную Эремисом, Джерадин внезапно сказал непререкаемым тоном:

— Миледи, я предпочитаю сам сопровождать вас.

И в то же мгновение изумленная тишина воцарилась среди Мастеров. Они смотрели на Джерадина так, словно он оскорбил Эремиса. Джерадин покраснел, сознавая, что допустил промах. Тем не менее на его скулах перекатывались желваки упрямства.

Мастер Эремис перевел взгляд с нее на Джерадина и снова на нее.

— Пойдемте. — Это слово в его устах прозвучало одновременно как просьба и повеление. — Пригодник сыграл увертюру, но основную игру он должен оставить старшим по рангу, способностям и опыту. Надеюсь, в моем обществе вас не постигнет разочарование, миледи.

Однако пригодник не собирался сдаваться.

— Миледи, — сказал он, и его голос дрожал от решимости и тревоги, — Мастер Эремис считает, что вы не существуете.

Его реплика прозвучала в тишине как вызов, как будто он бросил в лицо Мастеру перчатку.

Юмор в глазах Эремиса сменился холодной яростью. Он резко отступил от Теризы; его длинное тело, казалось, вытянулось еще больше, и все замерли в ожидании сокрушительного ответа. Но внезапно он сделал еще один шаг назад, и самообладание вернулось к нему.

— Это почти правда, миледи, — сказал он холодно, не глядя в ее сторону. — Я верю, что вы не существуете, ибо вы были воплощены посредством зеркала.

— И таким образом, — добавил Джерадин, — он считает, что вы всего лишь иллюзия, миледи, артефакт, созданный из воплотимого, то есть вещь, которую можно использовать, а не женщина, которую следует уважать.

Это было уже слишком.

— Молчать! — прошипел Мастер Эремис. — Я не собираюсь беседовать об основах воплотимого со щенком,

настолько беспомощным, что он даже не может заслужить мантию, и к тому же глупым, ибо он не уважает тех, кто лучше его. — Он сделал жест в сторону Теризы. — Отправляйтесь с ним. Он доведет меня до безумия, если вы не пойдете.

Повернувшись, он пробрался через толпу Мастеров и в мгновение ока исчез за одним из пилонов. Териза услышала стук массивной деревянной двери.

Джерадин не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен вниз, на плиты пола. Он был слишком разгорячен и смущен, на его челе выступили капли пота.

4. Старая развалина

— Какое бесстыдство, — пробормотал один воплотитель. Другой улыбнулся, радуясь унижению Эремиса, но большая часть Гильдии была ошарашена. Мастер Гилбур пожал плечами, выражая неудовольствие. Человек, напоминающий кролика, дернул носом.

Они смотрели на Джерадина.

Теризу била внутренняя дрожь. Очень тихо, запинаясь, она спросила:

— Что вы имели в виду, сказав, будто, по мнению Мастера, я не существую? Или я перестала существовать после того, как была воплощена через зеркало? — Эта догадка потрясла ее до глубины души. Неужто неуверенность в собственной реальности была настолько явной, что даже посторонние сумели заметить ее? — Это не имеет ни малейшего смысла. Вообще все происходящее лишено смысла. Вы даже не знаете, кто я такая.

— Простите, миледи, — печально сказал Джерадин. — Я, по-видимому, дурно обращаюсь с вами, хотя, честное слово, проводить вас — это последнее, что я хотел бы себе позволить. — В его взгляде соединились смущение и смелость — он проклинал свою неловкость во всех ее проявлениях и в то же время бесстрашно шел навстречу последствиям, какими бы они ни были. — Я должен был позволить вам уйти с Мастером Эремисом. Не знаю, что на меня нашло.

Прежде чем она успела что-либо возразить, вмешался Мастер Барсонаж.

— Пригодник Джерадин, — сказал он, — наше терпение не беспредельно, немедленно извинитесь.

— Прошу прощения, — снова рассеянно повторил Джерадин.

— Эту сказку мы слыхали уже много раз. — В голосе Мастера слышался металл. — Так что помолчите и выслушайте все, что я скажу. Я не могу вам запретить довести до сведения короля то, что здесь произошло, вы все равно не послушаете меня. Она оказалась здесь из-за вас. Так что за нее отвечаете вы. А посему очутились ей гостеприимство Орисона, равно как и подлинное уважение Гильдии. Она загадка для нас, и обращаться с ней следует как можно деликатнее. Но, — хлопнул он по плечу Джерадина, — не отвечайте на ее вопросы, пригодник.

Эта тирада так потрясла Джерадина, что он широко раскрыл глаза.

Игнорируя Теризу, Барсонаж придал своим словам и руке большую весомость.

— Она загадка для нас — следовательно, представляет опасность. Не откровенничайте о Морданте или Гильдии до тех пор, пока мы не будем уверены в ней.

Джерадин уставился в пол под ногами Теризы и ничего не отвечал.

— Вы понимаете меня, пригодник? — настойчиво внушал толстяк. — Я — магистр Гильдии. Если я буду недоволен вами, то вы никогда не получите мантию Мастера.

Ни один из воплотителей не издал ни звука. В комнате стало неуютно не только от холода.

Джерадин дернул плечом, сжатым рукой магистра, и выпрямился, несмотря на давление.

— Я понял вас, Мастер Барсонаж. — Его голос звучал задумчиво, словно издалека. — Ответственность за эту леди лежит на мне.

— Во всех отношениях?

— Во всех отношениях!

Мастер Барсонаж осторожно убрал руку.

— Это другое дело, — пробормотал он. — Здравый смысл возобладал в вашей душе.

— Ха! — буркнул Мастер Гилбур. — Другое дело, как же! — Он мрачно посмотрел на Джерадина. — Если вы верите, что он сдержит слово, Мастер Барсонаж, значит, вы действительно здорово состарились.

Мастер Барсонаж уперся в бока огромными руками, похожими на ручки кувшина.

— Позвольте предостеречь вас от подобных высказываний, Мастер Гилбур. Мы верили ему и продолжаем верить — а у вас нет оснований для подобной самоуверенности. Пригодник Джерадин — отпрыск честного и славного рода Домне. Сыновья Домне всегда отличались правдивостью.

Он отвернулся от Теризы и Джерадина и сказал дружелюбно, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Эти собрания поглощают слишком много времени, и я снова пропустил полуденную трапезу. — Он хлопнул себя по животу. — Мастера, кто готов присоединиться ко мне?

Многие охотно поддержали предложение, остальные, в их числе и Гилбур, вежливо отказались. Гильдия стала расходиться, Мастера покидали центр палаты, направляясь к дверям, скрытым пилонами. Териза и Джерадин остались вдвоем.

Он явно испытывал смущение и продолжал смотреть на плиты под ее ногами.

Она впервые оказалась в столь глупом положении и совершенно не представляла, как себя вести. Никто не должен отвечать ни на один из ее вопросов? Никто не собирается объяснить ей, почему Мастер Эремис считает, что она не существует? И вообще, имеет ли она право протестовать?

В бытность свою маленькой девочкой она частенько не вовремя выражала протест, пыталась настоять на своем. *Это нечестно, почему я должна отправляться в постель, я хочу играть!* Но родители уже тогда начали отучать ее от капризов, и небезуспешно. Они хотели, чтобы она причиняла им как можно меньше беспокойства, особенно отец, который редко бывал деликатным, когда она старалась обратить на себя его внимание. Следуя его примеру, большинство слуг обращались с ней с такой же небрежностью. И многочисленные частные школы, в которые ее отсылали по его воле, получали специальные инструкции в отношении ее воспитания и поведения. Пассивный ребенок страдает всего лишь от недостатка внимания; активного же надлежит наказывать. Именно наказания впервые убедили ее, что она может и не быть реальной. И за долгие годы она научилась подавлять в себе эмоции, ничего не требовать и ничем не возмущаться.

Поэтому вместо того чтобы облегчить душу вспышкой гнева, она смотрела на покрасневшего от стыда Джерадина и молчала.

Наконец он поднял голову и горестно произнес:

— Простите, миледи. Я совершенно не представлял себе, что может произойти нечто подобное. Я знал, что мне придется убеждать их — особенно Мастера Гилбура. Но я не думал, что они... — Он скорчил гримасу. — Это несправедливо — швырнуть вас сюда и даже отказаться что-либо вам объяснить. Просто нечестно. И снова виноват *я*.

— В чем же ваша вина? — спросила она, настраивая его на продолжение разговора.

Он мрачно пробормотал:

— Я ведь ничего не рассказал им о зеркалах.

— Но почему?

Он пожал плечами.

— Я собирался. Но в последнюю секунду у меня появилось предчувствие... — Его голос дрогнул и тут же зазвучал с

новой силой. — Я просто не верю Мастеру Эремису. И, должен признаться, Мастеру Гилбуру. Я не хотел ничего говорить им.

Териза на миг задумалась.

— Но вы тем не менее не собираетесь отвечать на мои вопросы. — Благодаря долгим годам тренировки горечь в ее голосе почти не была слышна.

Поморщившись, он ответил:

— Нет, не собираюсь. Вы ведь слышали, что он сказал. Я думаю, что он не прав — но это не имеет никакого значения. Он действительно может навсегда прогнать меня. Я стремился к званию Мастера с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать лет. — И снова он повторил: — Простите меня.

Всячески избегая ее взгляда, он замолчал. В смущении он казался совсем юным — моложе ее. Неожиданно она обнаружила, что не злится на него, зла не было даже в самых темных глубинах ее души, где таились опасные эмоции. Он, похоже, невероятно огорчался из-за нее и гораздо меньше из-за себя. С таким уровнем такта она до сих пор не встречалась.

— А как вы считаете, я существую? — Она сама изумилась собственному вопросу.

Он резко глянул на нее, румянец медленно сошел с его лица.

— Ну конечно же. Разве это не очевидно? Фактически вы служите доказательством того, о чем все время говорили король Джойс и Адепт Хэвлок. Такие Мастера, как Гилбур и Эремис, считают, что именно зеркала создают то, что мы в них видим. Вещи начинают существовать лишь тогда, когда мы воплощаем их посредством зеркала. Но мне все это казалось чепухой. Особенно после того, как я сам прошел сквозь зеркало и встретил вас. — Ей показалось, что сейчас его переполняет радость. — Это был шок: я вошел в зеркало, ожидая найти Воина, а вместо него нашел вас, — и именно это подтверждает, что вы реальны. Все, что находится в зеркалах, — реально.

Но он тут же опомнился, его восторг приутих. Он снова выглядел отстраненным и стыдился своих чувств.

— Но я не должен отвечать на ваши вопросы.

Териза едва не рассмеялась. Ни с того ни с сего она почувствовала необыкновенный подъем, чего с ней давно уже не случалось. Он ведь только что убедил ее: если она продолжит разговор, то он не сможет сдержать себя и все расскажет. Он слишком серьезно относился к ней, чтобы просто отказать.

— Пригодник Джерадин, — сказала она, — если я реальное существо, то я, должно быть, важная персона. Даже если я результат ошибки, то все равно я — важная персона. Вам не кажется, что было бы уместно наконец-то осведомиться, кто я такая?

От удивления он широко распахнул глаза и приоткрыл рот, неотрывно глядя на нее. Поглощенный своей работой и спорами с воплотителями, он, судя по всему, совершенно забыл, хотя бы из простой вежливости, узнать ее имя. Осознав это, он задрожал от раскаяния и уничижения и готов был снова и снова извиняться. Но был остановлен тоном ее вопроса. Тогда он с облегчением рассмеялся.

— Ну и ну, Джерадин! — воскликнул он, тряся головой в притворном ужасе. — Ты сегодня превзошел самого себя. — Он отступил на шаг, принял карикатурную позу вельможи и отвесил глубокий поклон, при этом чуть не потеряв равновесие. — Миледи, — провозгласил он, — униженно падаю ниц перед вами. Не будете ли вы так любезны осчастливить меня, сообщив свое имя и титул?

— Это глупо, — ответила она, стараясь не выказывать веселость. — Никакого *титула* у меня нет. А зовут меня Териза Морган.

— О леди Териза де Морган, — продолжал он паясничать, — сколь благородно с вашей стороны не отталкивать недостойного слугу. И коль вы соблаговолите взять меня в провожатые, то я с величайшей радостью представлю вас Джойсу, основателю Гильдии, повелителю Демесне и королю Морданта.

Затем он перестал дурачиться и сказал серьезно:

— Я думаю, будет правильно, если вы встретитесь с ним прямо сейчас. Необходимо, чтобы он узнал о вас, независимо от мнения по этому поводу кое-кого из Мастеров. Он поймет, насколько вы здесь важны. И, может быть, захочет объяснить вам, что происходит.

Едва Джерадин сказал это, как ее настроение испортилось. Вновь услышав, что она «важная персона», Териза испытала знакомое ощущение нереальности происходящего. Как ни крути, ее появление здесь просто ошибка; она вовсе не та персона. И потому в ней все интуитивно воспротивилось встрече с королем Джойсом. Кто знает, может быть, он, как и ее отец, посмеется над проблемами, которые важны для нее.

— Джерадин, — спросила она, преодолевая смущение, — неужели все это столь необходимо? Может быть, причина в том, что вы ставите надо мной какой-то эксперимент, тренируясь в своих воплощениях?

Он посмотрел ей в лицо и понял ее душевное состояние. И от сочувствия мгновенно смягчился его взгляд.

— Миледи, всем сердцем клянусь — нужда наша огромна. Король Джойс отрубил бы голову любому воплотителю, посмей он ради забавы совершить то, что было проделано с вами — хотя есть и такие шутники, — тут он нахмурился, — но их вовремя обуздывает Гильдия.

К тому же, клянусь вам, — продолжал он, — если ваше воплощение — случайность, чья-то ошибка, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы вернуть вас в ваш мир.

И еще одно, миледи, — сказал он более решительно, — я найду способ вернуть вас в ваш мир, если король Джойс, Мастер Барсонаж или *кто-либо другой* не захочет обращаться с вами почтительно.

«Как это прекрасно, — думала Териза, — что мужчина, какой бы он ни был растяпа, так смотрит на меня и дает такие серьезные обещания». Она сейчас верила в его искренность и, чтобы скрыть свой восторг, слегка отвернулась от него. Затем, стараясь говорить как можно спокойнее, попросила:

— Называйте меня лучше Теризой. И никакая я не *миледи*. Я не хочу, чтобы король с самого начала считал меня лгуньей.

Она скорее почувствовала, чем заметила его уважение.

— Спасибо. Я думаю, вы поступаете правильно. У меня такое предчувствие... — Он мягко положил руку ей на плечо. — Ну что, пойдем?

В ответ она вежливо и несколько уклончиво улыбнулась — эту улыбку она отработала в детстве — и про себя вздохнула, потому что не умела открыто выражать своих чувств, как это удавалось ему по отношению к ней. Но, продолжая улыбаться, кивнула.

Он указал в направлении одного из пилонов.

— Тогда прошу вас сюда.

Он повел ее к двери, оказавшейся солидной деревянной конструкцией, скрепленной железными полосами и болтами, словно палату пытались отгородить от всего мира или надежно запереть тех, кто внутри. Все-таки, видимо, отгородить, решила она, когда Джерадин распахнул дверь. Но засовы имелись и с другой стороны, так что можно было запечатать дверь и снаружи.

Первыми, кого они увидели в коридоре, были два стражника.

Огромные, небрежно побритые, они выглядели так, словно их измотала и озлобила долгая тяжелая жизнь и не менее тяжелая служба. Кожаную одежду прикрывали кольчуги и металлические наколенники. На головах красовались металлические шлемы. У каждого на боку висел длинный меч, а в правой руке они сжимали пику. Один стражник был отмечен старым шрамом, который начинался под шлемом, шел вниз, между глаз, по носу и заканчивался у рта. У второго не хватало многих зубов.

Беззубый уставился на Теризу таким цепким взглядом, что она почувствовала себя не в своей тарелке, а второй по-дружески спросил Джерадина, остались ли еще в палате Мастера.

Джерадин покачал головой, и стражник позволил себе расслабиться.

— Тогда у нас есть немного свободного времени. Послушай, Джерадин. Нас с Аргусом дожидается маленький бочонок эля. Что ты думаешь по этому поводу? Не хотел бы, — он выразительно посмотрел на Теризу, — вместе со своей спутницей присоединиться к нам?

— Я думаю, Рибальд, — весело ответил Джерадин, — что в тот день, когда вы с Аргусом решили стать стражниками, вы разучились думать. К твоему сведению, моя «спутница» — леди Териза де Морган, и она предпочитает не тратить свое драгоценное время на распитие эля, тем более с типами вроде тебя. Да и как раз сейчас ее ожидает король.

— Слишком хороша для нас, а? — пробормотал Аргус. Но Рибальд резко пнул его локтем под ребра, и тот, покраснев, отошел в сторону.

Улыбаясь, Джерадин увлек Теризу дальше по коридору.

— Не стоит беспокоиться из-за них, — сказал он тихо. — Эти двое выглядят ужасно, но они хорошие ребята. Они служат с моим братом Артагелем. Я собираюсь договориться с ними, чтобы они присмотрели за вами.

— А зачем мне охрана?

— Потому что... — чуть не проговорился он. — По некоторым причинам я не могу отвечать на ваши вопросы. У Морданта слишком много врагов. И король Джойс... — Он замолчал, и в его глазах появилась грусть. — Попали вы сюда случайно или нет, но у вас наверняка есть враги. И пока на мне лежит ответственность за вас, я хочу быть уверен, что у вас есть охрана, — это вынудит других относиться к вам серьезно. Рибальд и Аргус согласятся, ведь я брат Артагеля. — И тут же он добавил: — Мастер Барсонаж допустил большую ошибку, запретив мне отвечать на ваши вопросы.

Дальше они шли по коридору молча.

Для сооружения этого коридора использовали гранитные блоки, из таких же блоков были возведены стены и потолок в палате Гильдии. Джерадин и Териза прошли множество поворотов, миновали несколько дверей, проследовали по лестнице, а затем пересекли огромный просторный зал, как будто специально созданный для балов.

Пол здесь был совершенно гладкий, камни подогнаны так плотно, что между ними не оставалось зазоров. Вдоль стен возвышались балконы, где могли размещаться и играть музыканты; с этих же балконов высокородные лорды и леди могли наблюдать за танцами. Зал обогревался огромными жаровнями; их здесь было несколько. В каждом углу грациозно вились изящные лестницы. Но в целом место было безжизненным. Кругом царила печаль и даже запустение: музыканты и шумные гости, безудержное веселье и праздничное многоцветие, способные вдох-

нуть жизнь в этот зал, давно канули в Лету. Жаровни были холодные, а свет проникал в помещение только из узких окон, расположенных высоко над балконами с одной стороны, и от этого зал казался мрачным.

Териза вздрогнула, когда Джерадин направился к одной из лестниц.

— Это не самый короткий путь, — объяснил он. — Но мы не можем идти прямо через двор, ваша одежда для этого не подходит. — Действительно, то, что она успела заметить, глянув в окна, походило на зиму.

По лестнице они поднялись этажом выше. Отсюда он повел ее по многочисленным проходам, коротким лестницам и залам, оставлявшим впечатление беспорядочности. Казалось, это массивное каменное сооружение возводилось без всякого плана, как придется. Но Джерадин, как ни странно, хорошо ориентировался в этом лабиринте.

Чем дальше они продвигались, тем больше им попадалось людей. Чаще это были стражники, стоящие на карауле или исполняющие обязанности рассыльных; но многие выглядели обитателями этого здания. В коридорах размахивали метлами старики, оставляя неубранными довольно большие участки. Тут и там крутились девушки с тряпками, ведрами и швабрами. Мальчишки мчались куда-то с сосредоточенными физиономиями, создавая видимость работы, чтобы никто не посмел их остановить и действительно чем-нибудь занять. Что же касается мужчин и женщин...

Териза могла легко определить их общественное положение по внешнему виду. Все они были тепло одеты, но подметальщицы и уборщицы носили шерстяные юбки и шерстяные шали поверх блуз, а также грубые деревянные башмаки, тогда как леди были облачены в длинные, до пола, платья из тафты или шелка и обуты в мягкую кожаную обувь, а их шеи и волосы украшены драгоценностями. Слуги и истопники одевались так же, как Джерадин: на них были плащи, штаны и ботинки, иногда одеяние дополнял длинный кинжал на поясе; лордов же отличали изящные, богато вышитые хламиды поверх пышных сорочек и обтягивающих бриджей и мечи в роскошных ножнах на боку. Все градации титулов можно было определить по наличию либо отсутствию оружия или декольте, по длине платья или узору на хламиде.

Несмотря на внешнюю элегантность, даже самые благородные лорды и леди не производили впечатления довольных жизнью людей. Глядя на них, можно было усомниться, приходилось ли им хоть раз в жизни присутствовать на балу. Их лица были отмечены печатью тревоги.

Многие из тех, кого встречали на пути Териза и Джерадин, приветствовали пригодника по имени или званию.

Все они разглядывали Теризу с нескрываемым любопытством. И она решила, что они, вероятно, никогда не видели ничего похожего на нее. Эта мысль возбуждала и приводила в смятение.

Наконец перед ними появилась витая лестница; она как бы проходила внутри башни и вела к высокой резной двери, по обеим ее сторонам стояло по стражнику. Они выглядели гораздо приличнее, чем Аргус и Рибальд, хотя казались не менее опытными и надежными и приветствовали Джерадина с такой же фамильярностью.

— Это леди Териза де Морган, — сказал Джерадин. — Вы можете доложить о нашем прибытии? Я думаю, король захочет повидаться с нами.

Стражники с излишней откровенностью бросали на нее жадные взгляды. Один из них пожал плечами; в его обязанность входило охранять короля, но он решительно ничего не мог придумать, дабы убедить Джерадина в опасности для короля сего визита. Второй постучался, проскользнул в комнату и закрыл за собой дверь.

Вскоре он вышел.

— Можете войти. Но будьте осторожны. Король и Адепт Хэвлок играют в перескоки. Если Адепт заметит, что вы мешаете ему сосредоточиться, он может повести себя крайне невежливо.

Джерадин кисло улыбнулся стражнику.

— Я знаю.

Его рука легко коснулась руки Теризы, когда они подошли к полуоткрытой двери.

Териза была поражена, увидев столь роскошно обставленные палаты, — такое в этом здании ей еще не встречалось. Правда, они были величиной с ее гостиную и столовую вместе взятые, зато здесь было тепло. Большую часть их покрывал толстый ковер с абстрактным узором светло-голубого и красного цветов. Каменные стены были обшиты светлыми деревянными панелями, и каждая была со вкусом украшена прекрасной резьбой или черной инкрустацией. Во вделанных в стену подсвечниках горели толстые свечи; небольшие пятисвечные канделябры стояли на изящном расписном столике в дальнем конце комнаты и по обеим сторонам каминной полки. Горячие угольня сверкали под языками пламени в камине.

В центре комнаты за небольшим столом сидели друг против друга два старика. Один из них был одет в пурпурную бархатную мантию, укрывавшую его, как палатка; он, казалось, потерялся в ней — возможно, она сохранилась с тех времен, когда он был молодым и сильным, а теперь уже не подходила, так как тело его усохло. У него были абсолютно белые волосы и

борода, выступающие вены придавали коже бледно-голубой оттенок. Довершали впечатление разрушительного действия времени суставы, раздутые артритом, и водянисто-голубой цвет глаз. Тонкий золотой обруч придерживал волосы старика.

— Король Джойс, — прошептал Джерадин.

Второй уже потерял большую часть своих волос, а то, что осталось, приобрело вид беспорядочно свалявшегося пуха. Орлиный нос придавал бы его лицу хищное выражение, если бы не постоянно трясущиеся мясистые губы. Его глаза, казалось, смотрели в двух совершенно различных направлениях. На нем была широкая грязная хламида, некогда белая, а под ней, как успела заметить Териза, не было ничего. Но сверху выглядывала желтая мантия.

— Адепт Хэвлок, — выдохнул Джерадин, — Королевский Подлец.

Оба сосредоточились на игровом поле. Оно состояло из черных и красных квадратов, но для игры использовались лишь черные. На них стояли небольшие круглые фишки: у короля — белые, у Хэвлока — красные. Териза увидела, как Хэвлок сделал ход: перепрыгнул через две фишки короля и снял их с поля.

Они играли в шашки.

Радость узнавания пронзила ее. Ведь это была одна из немногих игр, в которые она умела играть. Один из слуг отца научил десятилетнюю Теризу этой игре, и они играли время от времени почти год, пока он не потерял работу. Это был неловко скроенный молодой человек со странной мягкостью во взоре и доброй улыбкой. Однако правда заключалась в том, что она никогда особенно не любила эту игру; она играла с удовольствием только потому, что симпатизировала ему. Его обходительность по отношению к ней и мелкие знаки внимания совершенно очаровали ее. Когда его выгнали, она набралась смелости и спросила отца, почему, но тот отказался отвечать.

— Это не твое дело, Териза. Иди играй. Я занят.

Вспомнив того слугу, она внезапно вновь ощутила его уход как тяжелую утрату. Всю жизнь у нее с легкостью отнимали все самое дорогое, а она даже не могла поинтересоваться, почему.

Игра эта всколыхнула в ней забытые ощущения и по другой причине. Во всем этом было что-то неуловимо знакомое, хотя как может быть что-то знакомым в подобном месте? Как вообще это может быть? Что *она* делает здесь? Именно потому, что оно было знакомым и как бы выпадало из общего контекста событий, все, что происходило с ней, казалось еще менее реальным.

Джерадин сделал шаг вперед, но ни король Джойс, ни Адепт Хэвлок не отрывались от игры. Чуть выждав, он деликатно кашлянул. И на сей раз ни один из игроков не обратил

на него внимания. Он обернулся, посмотрел на Теризу и, пожав плечами, возобновил попытки привлечь к себе внимание.

— Мой владыка король, я привел к вам Теризу де Морган. — Он заколебался, прежде чем добавить: — Я сказал ей, что вам надо обязательно увидеть ее.

Адепт Хэвлок не замечал ничего, кроме игры. Но король поднял голову и посмотрел водянистыми голубыми глазами на Теризу и Джерадина.

Несколько минут он вглядывался в них, затем начал улыбаться.

Териза тут же решила, что улыбка у него чудесная. В ней не было ни капли фальши или расчета, что весьма неожиданно для правителя. Эта улыбка озарила его лицо чистотой, детской невинностью и удовольствием; он стал похож на мальчишку, случайно нашедшего нового тайного друга. Вопреки всякой логике она подумала, что ее жизнь могла быть совершенно другой, если бы кто-нибудь раньше так улыбался ей. Она не могла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ — да и не хотела сдерживаться.

С легкой старческой дрожью в голосе он молвил:

— Если ты сказал ей, что я должен с ней повидаться, Джерадин, значит, я наверняка должен. Было бы просто неучтиво с твоей стороны обмануть ожидания этой леди — и было бы непростительной грубостью с моей стороны не пойти вам навстречу.

Он осторожно отодвинул кресло и встал. Его движения были неловки, стоя он казался еще более нелепым в своей огромной мантии. Но его улыбка оставалась чистой, как луч солнца.

— Леди Териза де Морган, вы играете в перескоки?

Териза не отрываясь смотрела на короля Джойса, но краем глаза она заметила, как Джерадин поморщился.

Однако сейчас это совсем не волновало ее. Очарованная улыбкой короля, она ответила:

— Я не играла с тех пор, как была ребенком. — Это была чистая правда, если не считать тех партий, что она сыграла сама с собой уже после увольнения слуги. — Мы называем эту игру «шашки». Во всяком случае, мне кажется, что это точно такая же игра.

— Шашки? — Король Джойс, казалось, задумался. — Мне это название кажется странным. — И снова улыбнулся. — Ну, не важно. Надеюсь, когда Хэвлок в очередной раз разгромит меня, вы не откажетесь сыграть со мной парочку партий? Я буду в восторге и надеюсь — хоть не очень сильно — на честную победу.

— Мой владыка король. — Голос Джерадина звучал обеспокоенно. — Я сказал леди Теризе о вашем желании встретиться с ней, потому что она оказалась здесь в результате воплощения.

Похоже, реплика Джерадина немного опечалила короля. Он окинул пригодника унылым старческим взглядом, а улыбка на его лице сменилась выражением усталости и меланхолии.

— Я понял это, Джерадин, — сказал он. — Я еще не совсем ослеп.

— Простите, — пробормотал Джерадин. — Я просто хотел подчеркнуть, насколько она важна. Я привел ее к вам. — Он заговорил быстрее. — Гильдия этим утром отправила меня сквозь зеркало, чтобы заполучить Воина, которого они выбрали. Но вместо Воина я нашел ее. Она может оказаться именно той, о ком говорило пророчество.

Адепт Хэвлок по-прежнему игнорировал Джерадина и Теризу. Склонившись над доской, он двинул одну из шашек короля, и та побила одну из его собственных шашек. Тогда он принялся торжествующе перескакивать своей шашкой через расположение вражеских и дошел до последней клетки, где с некоторым усилием перевернул ее и превратил в дамку.

А Джерадин в это время, преодолев смущение, продолжал:

— Она — доказательство вашей правоты. Зеркала не создают того, что мы в них видим. Воплотимое действительно реально существует.

Король Джойс внимательно выслушал Джерадина, громко вздохнул и обернулся к Теризе.

— Миледи, — сказал он. — Похоже, этот юный торопыга не даст нам сегодня сыграть в перескоки. Будьте рассудительны, Джерадин, — переключил он внимание на пригодника. — Вы знаете, я согласен с вами. Но что на самом деле доказывает ее присутствие? — Казалось, он продолжает какой-то очень давний спор, который, даже в случае победы, не мог бы принести королю ровно никакого удовлетворения. — Неужели возможно, что вы нашли ее вместо конкретного Воина, а не совершили одну из своих многочисленных ошибок? Или, может быть, вы ощутили в себе доселе скрытую силу и нашли ее вместо Воина, потому что хотели именно этого? И каким образом ее воплощение может не противоречить фундаментальным основам воплотимого и вообще зеркал?

Джерадин был ошеломлен возражениями короля.

— Но я *видел*... — запротестовал он. — Все было по-другому.

Король Джойс спокойно смотрел на него и ждал, пока юноша соберется с мыслями.

— Я своими руками сделал зеркало, — с усилием произнес Джерадин. — Я видел в нем Воина, которого и собирался увидеть. Он был прямо передо мной, когда я вошел в зеркало. Но во время воплощения все изменилось. Я попал в комнату, которая совсем не походила на воплотимое. И *она*, Териза, была совершенно не похожа на Воина. А вы говорите, что ее создал я — по какой-то случайности, или по недомыслию, или потому, что сам не осознаю своих сил! Как это *возможно*?

В ответ король пожал плечами — с легкой грустью, как показалось Теризе.

— Кто может ответить? Много веков назад никто вообще не верил в возможность воплощения в реальности. Сто лет назад никто не подозревал, что воплотимое может как-то влиять на существование королевств, которые его используют. Джерадин, — добавил он, видя муку на лице пригодника, — я не утверждаю, что она *не* существует. Я лишь заметил, что ее присутствие здесь ничего не доказывает.

Джерадин покачал головой и сделал новую попытку.

— Но если рассуждать таким образом, то вообще невозможно доказать существование чего-либо. Невозможно доказать, что я беседую с вами. Невозможно доказать, что вы играете в перескоки с кем-то другим, а не сами с собой. И вообще, возможно, вы играете лишь в своем воображении.

Король улыбнулся и решил отделаться шуткой.

— К несчастью, я убежден, что мои игры в перескоки реальны, как и мой соперник. Поражения, которые я терплю, слишком болезненны, чтобы найти этому иное объяснение.

— Очень мудро, — неожиданно отозвался Адепт Хэвлок, не отрывая взгляда от доски. В полной сосредоточенности он двинул две или три шашки короля на противоположную сторону доски; затем его дамка проскакала через них, и он жадно схватил побитые шашки. — Только перескоки — реальны. Можете спросить у любого философа. А все остальное, — он широко развел руками, — можно не принимать в расчет.

Териза поневоле улыбнулась, видя мягкую улыбку короля, обращенную к Хэвлоку. Способ его игры в шашки ясно доказывал, что он не в своем уме; тем не менее она нашла трогательным доброе отношение короля к старому воплотителю. Глядя на них, она на мгновение забыла, что разговор прежде всего касается ее самой.

Но Джерадин был слишком расстроен, чтобы радоваться хорошему настроению короля.

— Мой владыка король, все это не шутка. Королевство трещит по швам, весь Мордант ждет от вас хоть каких-то действий. — Джерадин говорил срывающимся голосом, но осознанная необходимость сказать правду, казалось, избавила его от всяческих колебаний, сомнений и тревог. — Я не понимаю, почему вы ничего не делаете. Мастера, да будет вам известно, не выдержали бесконечного ожидания. Они... — Он слегка приглушил голос. — *Мы* делаем все возможное, чтобы найти ответ. И мы нашли его. *Мне* кажется, что нашли. Леди Териза не тот Воин, которого мы ожидали, но, вероятно, это не имеет значения. Есть причина, почему она находится здесь вместо ожидаемого Воина, и я не думаю, что это лишь чистая случайность. Я не скры-

тый Архивоплотитель. А зеркала не обладают собственным сознанием.

Наблюдая смену чувств на лице пригодника, Териза поняла, почему с ним так часто случаются всякие казусы. Он был одновременно мальчишкой, мужчиной и всем вместе взятым — и эти различные составные части редко в нем уравновешивались, что, как ни странно, казалось ей привлекательным. Но последующая мысль ее опечалила: сама она состояла из минимального количества частей.

Король тоже смотрел на Джерадина, и в его морщинах она углядела похожую печаль. Но его лицо, однако, не было лишено интереса и даже некоторой гордости.

— Такая убежденность достойна уважения, — заметил он. — Ты говоришь о том, что видел, Джерадин. Так скажи мне, что дало тебе такую убежденность.

Джерадин посмотрел на Теризу так, словно верил, что она знает, о чем следует сказать, что доказательства будут более убедительными в ее устах. Но, естественно, она не имела ни малейшего представления, чего он от нее хочет. И Джерадин снова обратил взгляд на короля Джойса.

— Мой владыка король, — сказал он с решимостью и тревогой, — она — Мастер-воплотитель.

После этих слов король перевел свой водянистый, ничего не выражающий взгляд — взгляд, который мог означать как удивление, так и скуку, — на Теризу.

Не обращая внимания на присутствующих, Хэвлок снял с доски все шашки и принялся расставлять их для новой партии.

— Я считаю, — тихо промолвил Джерадин, — что ее сила повлияла на направленность воплощения и потому я попал совсем в другое место.

Утверждение было настолько абсурдным, что Териза не сразу осознала необходимость что-либо ответить на это. Покраснев от пристальных взглядов обоих мужчин, она запальчиво сказала:

— Нет. Нет, конечно же, нет. Это безумие. Я даже не понимаю, о чем вы говорите.

Джерадин осторожно вставил:

— Я нашел ее в комнате, полностью увешанной зеркалами.

— Ну и что? — Такое предположение показалось ей диким и не на шутку испугало ее. — У всех есть зеркала. И многие люди используют их для украшения. Это всего лишь стекло, закрашенное с обратной стороны, чтобы оно могло отражать... Это совершенно ничего не значит.

— Возможно, в вашем мире дела обстоят именно так, — тихо сказал король, стараясь ее успокоить. — Но здесь все иначе.

Джерадин перебил его, он говорил страстно и убежденно:

— И в каждом из зеркал воплотимым была она сама. Они в точности отражали и *меня*. И с ней ничего не случилось. Ничего не случилось и со *мной*. Я мог бы сейчас бредить. Или совершенно лишиться рассудка. Но со мной все в порядке. И с ней все в порядке. Так вот, это были *ее* зеркала.

Териза буквально онемела от изумления. Она совершенно не понимала, о чем идет речь. *В каждом из зеркал воплотимым была она сама*. А здесь все совсем иначе. В один момент все ее уловки, попытки ухватиться за самые обыденные вещи — простенькие факты, подтверждающие, что она действительно реальна, — начали трескаться и рассыпаться.

А король Джойс смотрел на нее с растущим интересом, от чего она чувствовала себя еще хуже.

— Это правда, миледи? — спросил он так, словно Териза была представителем некоего экзотического мира. — История свидетельствует, что воплотитель однажды попытался создать плоское зеркало, которое в точности показывало то место, где он находится. Таким образом, он увидел в стекле себя — и в то же мгновение разум его помутился. Тело его осталось на прежнем месте, но внутреннее равновесие было нарушено, дух его улетучился. Он оказался потерянным при воплощении. Как люди вашего мира избегают подобной участи?

Цепляясь за остатки здравого смысла, она пробормотала:

— Но это невозможно. Зеркала никому не могут причинить вреда. Они всего лишь показывают, как вы выглядите. Словно отражение в воде. Разве вы никогда не видели в воде свое отражение?

Собеседники как-то странно посмотрели на нее. Мягким, успокаивающим тоном король Джойс сказал:

— С самого детства нас приучают относиться к зеркалам враждебно. Поэтому мы стараемся не смотреть в них.

Внезапно Адепт Хэвлок ударил кулаком по доске с шашками, затем подхватил доску и подбросил ее к потолку.

Шашки, словно деревянный дождь, застучали по граниту потолка и бесшумно скрылись в красно-голубом ковре.

Вскочив на ноги, старый воплотитель проревел:

— Кошмар и несчастье! — Его глаза опаляли яростным взглядом короля и Джерадина; багровые пятна появились на его лице, а толстые губы зашевелились, как мясистые черви. — Она — *женщина*! — Он сделал неприличный жест в ее сторону. — Неужели вы и все остальные умники из Гильдии воплотителей *слепы*? Она женщина, жен-жен-ЖЕН-щина. — В неистовстве он брызгал слюной. — О мои чресла!

Не зная, что же ей следует делать, Териза молча стояла, не в силах отвести от него взгляд.

— Посмотрите на него! — Мотая рукой, он ударил короля Джойса в грудь — удар, драматичный скорее по

исполнению, чем по намерению. — И на него! — Другой рукой он ткнул в Джерадина. Неловко, но быстро он нагнулся к полу наподобие плохо сконструированной механической игрушки, затем выпрямился. — И на это! — Новый наклон. — И на это! — Каждый раз, выпрямляясь, он показывал шашку в открытой ладони. — Все — *мужчины!* Все до одного!

Когда его ладонь наполнилась шашками, Адепт разжал ее, и они снова исчезли в ковре. — Клянусь крикливым козлом Архиволлотителем, — закричал он так, словно три стоящих перед ним человека вынуждали его переживать смертельные муки, — *она — женщина!*

Двигаясь со скоростью, чрезмерной для его неловких старых конечностей, он доковылял-допрыгал до входной двери палаты, резко распахнул ее и с силой захлопнул, не выходя. А потом, несколько успокоившись, поднял с пола шахматную доску и установил ее на столике. Не обращая ни на кого внимания, сел на стул и принялся изучать пустую доску, как будто напряженная партия продолжалась.

Король Джойс деликатно вздохнул.

— Прошу прощения, — сказал Джерадин.

Териза не могла понять, что с ней, почему ее сердце бьется так сильно, словно она только что избежала чудовищной катастрофы.

— Ничего страшного, мой мальчик, — ответил король с отсутствующим видом и потрепал пригодника по плечу. Его взгляд устремился в одну точку — казалось, он размышляет о чем-то или, может быть, просто успокаивается. Потом, загадочно улыбнувшись в сторону Теризы, он сказал: — Джерадин, мне вдруг пришла в голову одна мысль: довольно удивительно, что Гильдия отпустила леди Теризу с тобой. Она здесь благодаря воплощению — а некоторые Мастера, насколько я знаю, существа довольно ревнивые. И я подозреваю, что они предпочитают хранить то, чем занимаются, в секрете от меня. Тем не менее ты — здесь. Как ты объяснишь это?

Джерадин сделал попытку посмотреть королю в глаза, но его смущение было слишком очевидно.

— Ты сказал Мастерам, что, возможно, она и сама Мастер?

Пригодник шумно сглотнул.

— Нет.

— Ага, — кивнул головой король. — Это-то все и объясняет. Естественно, они сочли ее всего лишь одной из твоих ошибок и отпустили. Но *почему* ты не сказал им?

Румянец медленно заливал лицо Джерадина. На скулах вздулись желваки. Глядя на него, Териза почувствовала желание расплакаться. Но он только стиснул челюсти и упрямо молчал.

— Мой мальчик, мне кажется, ты поступил неразумно. — Король крепче сжимал плечо Джерадина, но лицо

его оставалось ласковым. — Ты ведь старался — сколько времени прошло! — десять лет старался стать воплотителем, членом Гильдии. Как же ты теперь можешь рассчитывать на успех, если рискуешь обманывать людей, которые превосходят тебя знаниями, умением и положением?

— Мой владыка король, — Джерадин заставил себя посмотреть на Джойса, чтобы тот увидел боль, светящуюся в его глазах; но внезапно в них появилось достоинство, — если бы я все рассказал им, они приказали бы мне хранить все это от вас в секрете. Тогда мне пришлось бы проявить открытое неповиновение — и надежды на мантию я утратил бы навсегда. — В его голосе зазвучала подспудная горечь. — Я не могу подчиняться приказам, требующим обманывать короля Морданта. И в то же время не могу отказаться от мечты. Поэтому я вел себя так глупо. Они решат, что я не заметил ее зеркал — или не понял значения того, что видел.

В ответ лицо короля озарилось улыбкой, которая так очаровала Теризу. И вмиг отступили его возраст, слабость и неуверенность, и он стал просто счастливым человеком.

— Спасибо тебе, Джерадин. Приятно видеть такую преданность, тем более у сына моего старого друга Домне. Я постараюсь сделать так, чтобы тебе не пришлось раскаиваться в своем поступке. А сейчас... — он задумался, — давайте порассуждаем, как нам лучше все устроить. Скажи мне, — он медленно опустился в кресло напротив сидящего Хэвлока. Его мантия неуклюже свесилась на одну сторону, еще больше напоминая палатку, — как Мастера реагировали на появление леди Теризы де Морган?

Успокоенный обещанием короля, Джерадин расслабился.

— Все просто. Вы и сами можете догадаться, что произошло. Все были до крайности изумлены, когда она появилась из зеркала. Мастер Гилбур пришел в ярость. Он, по всей видимости, считает меня злоумышленником, а не... — он скривился, — не просто неудачником. А Мастер Эремис, гм, был доволен.

— В этом-то я не сомневался, — подтвердил услышанное король. — Мастер Эремис, — объяснил он Теризе, — обладает чувством прекрасного.

Джерадин кивнул.

— Мастер Квилон воспринял ее появление точно так же, как и я, — в качестве доказательства, что вы правы в отношении воплотимого. Но его никто не слушал.

Мастер Барсонаж возложил на меня ответственность за нее. Он приказал мне обращаться с ней со всем радушием, согласно законам гостеприимства Орисона. Но приказал не отвечать ни на один ее вопрос. И вот она оказалась здесь, вырванная из собственного мира; единственным, что привело ее сюда, была моя просьба. Здесь все для нее внове, она не понимает

происходящего, и тем не менее мне приказано не давать ей никаких, даже самых простых, объяснений.

Териза почти не слушала его. Она размышляла: «Неужели он *смотрит* на меня так, словно я действительно существую?» Это ощущение поражало ее своей новизной и загадочной значимостью. «Неужели ему кажется, что я красива? Неужели такое возможно?»

— Правда может оказаться и в том, — заметил король, — что она сама Мастер-воплотитель и выбрала нас прежде, чем ты встретился с ней.

Джерадин возмутился.

— Разве это что-нибудь меняет? Я же говорил все это время, что она воплотитель. Она достойна...

— Нет. — Король говорил спокойно и решительно. — Ты делаешь выводы, ни на чем не основывая их.

Приказ Мастера Барсонажа имел под собой некоторые основания. Когда алендский монарх направил своего посла обсудить наши соглашения и выяснить мои намерения, он понимал, что происходит в его мире, и многое из того, что происходит в нашем. Это подразумевалось само собой. Но тем не менее я не стал объяснять ему все, что знаю, о чем думаю или во что верю, ни в политических целях, ни из вежливости. Я не приглашал его в тайные места Орисона и не пускал его в тайники души. Это было бы слишком опасно — несмотря на определенные преимущества. Не зная его секретов, я не мог предугадать или проконтролировать, как он воспользуется моими. И еще менее я расположен отвечать на вопросы, которые посол верховного короля Кадуола пожелал бы задать.

То же самое справедливо и по отношению к леди Теризе, — король посмотрел на нее, — если вы простите меня за то, что мы беседуем о вас как о лице отсутствующем. — Снова обратив взор на Джерадина, он продолжал: — Если, как утверждает леди Териза, она пришла из мира, в котором зеркала ничего не значат, и этот мир не подозревает о нашем существовании, тогда уж лучше проявить неучтивость и отказаться отвечать на ее вопросы. Но в таком случае — заметь это, Джерадин, — и вовсе было ошибкой воплощать ее здесь. Я сейчас говорю не о моральной стороне дела, а о практической. Если она не воплотитель, то какую пользу она может нам принести?

Джерадин стоял неподвижно и молчал.

Адепт Хэвлок продолжал изучать пустую доску, не обращая внимания на происходящее.

— И наоборот, если она *на самом деле* Мастер зеркал, способный изменить проводимое тобой воплощение, — тогда причины ее нахождения здесь известны только ей, а мы о

них даже не догадываемся. Она словно посол, которого следует в равной степени как уважать, так и опасаться.

Вы не считаете, миледи, — неожиданно обратился он к Теризе, — что я честно рассмотрел дилемму с обеих сторон?

Она уставилась на него, не в состоянии вникнуть в логику его умозаключений. Пытаясь найти в происходящем какой-то смысл, она сначала согласилась с существованием магических зеркал, которые не отражают то, что находится перед ними, а показывают альтернативные миры или реальности. Затем она начала склоняться к мысли, что ее собственные зеркала, находящиеся в ее квартире, обладали свойством давать *ей*, Теризе Морган, власть над реальностью и даже над разумом других людей. В результате все это превратилось в полную бессмыслицу, прежде чем она услышала странный вывод, который просил подтвердить король Джойс.

Она невольно повернулась к Джерадину. Он был единственной нитью, связующей ее с прошлой жизнью. Вы же видели меня, хотела возразить она. Вы видели мою квартиру. Там не было ничего магического. И вы не потеряли разум. Так что высказанные версии не имеют со мной ничего общего.

Однако Джерадин неотрывно смотрел на короля.

— Но если она настолько сильна, — медленно произнес он, — и как воплотитель более могущественна, чем мы можем себе представить, тогда с нашей стороны глупо обижать ее. Мы не знаем ее целей — они могут быть для нас как благом, так и несчастьем. Но они наверняка обратятся во зло, если мы будем обходиться с ней плохо. Нам нужна ее дружба, а не ее гнев. Надо быть открытыми и искренними с ней.

Речь Джерадина король Джойс слушал с улыбкой, переводя взгляд с оратора на Теризу и обратно, а по окончании ее сказал:

— Вот теперь твои доводы имеют под собой основания. Но, к счастью, лишь правители вольны принимать решения.

— Мой владыка король?

— Пригодник, — голос короля был спокоен, но в нем чувствовались металлические нотки, — здесь приказываю я. Вы более не несете ответственность за леди Теризу де Морган. Ваш король знает, как следует поступить, и освобождает вас от дальнейшего участия в этом. Ваш долг — вернуться в Гильдию, перед которой у вас есть обязательства. У вас больше нет причин видеться или беседовать с леди Теризой. Вы можете идти. Леди Териза останется со мной.

Джерадин побледнел; если бы он закрыл глаза, то его можно было принять за человека, упавшего в обморок. Однако глаза выдавали его внутреннее состояние. Они

горели таким неугасимым гневом, что казалось, в нем выжжено дотла все мальчишеское.

Он тихо сказал:

— Вы считаете меня недостойным.

От этих слов лицо короля исказилось недовольной гримасой. Джойс сделал резкий жест, как бы прогоняя пригодника.

— Ох, да уходите скорей. — Впервые за время общения с королем Териза увидела, что он ведет себя как капризный старик. — Вы разбиваете мне сердце.

На лице Джерадина заходили желваки.

— Слушаюсь, мой владыка король, — процедил он сквозь зубы. Затем резко повернулся к Теризе и отвесил поклон. — Прощайте, леди.

Она не ответила. Он был слишком обижен — и небезосновательно. Он нуждался в ее поддержке, но поддержка не могла пробиться сквозь многолетнюю броню молчания и пассивности.

По пути к двери он наступил на край валявшейся на ковре шашки и, споткнувшись, едва не упал. Когда он выходил из палаты, его лицо и уши пылали от стыда.

Уход Джерадина вызвал у Адепта Хэвлока приступы безумного хихиканья, казалось, радость его превосходила всяческую логику.

Его заливистые смешки звучали резким диссонансом воцарившейся в комнате тишине. Наконец король Джойс сказал, неловко пытаясь придать голосу беззаботность:

— Ну а теперь, миледи Териза де Морган, мы должны позаботиться о вас. Вас следует устроить как можно комфортнее, проявить радушие, на какое только способен Орисон; его достойна гостья вашего ранга и значимости. А позднее, может быть, вы не откажетесь сыграть пару партиек в перескоки? Я действительно очень устал от бесконечных побед Хэвлока.

Джерадина обидели ни за что, просто так. Ну зачем понадобилось принимать против нее какие-то меры предосторожности? И, к собственному изумлению, Териза услышала свой ответ:

— Мое имя — Териза Морган, и я вовсе не какая-то там миледи. Вы не должны были так поступить с ним.

Королю не удалась попытка улыбнуться. На его лице появилось печальное выражение.

— Миледи, я — король. И потому буду называть вас так, как мне нравится. Надеюсь, когда-нибудь вы поймете меня.

— Но вы ведь не собираетесь мне ничего объяснять. Вы не хотите отвечать ни на один из моих вопросов, — парировала Териза, вложив в эти слова дозволенную толику сарказма.

Вместо ответа король Джойс опустил свои старые кости на пол и принялся ползать по ковру, собирая шашки.

5. Гардеробы, полные нарядов

К несчастью, ничего не изменилось, и Териза наблюдала одну и ту же картину. Адепт Хэвлок продолжал пялиться на доску, словно мысленно разыгрывал будущие партии. А король все еще, ползая на четвереньках, собирал разбросанные шашки.

Паника, затаившаяся где-то в глубине сознания, стала пробиваться наружу. Зачем ей понадобилось высказывать упреки, взывать к справедливости? Она зависела от этих людей; одно неловкое слово, и она вообще может быть уничтожена. Стоит лишь королю распорядиться отослать ее в одно из зеркал, и она окончит свои дни в какой-нибудь еще более невероятной нереальности. Например, в том мире, где Гильдия отыскала своего Воина. Или окажется вообще неизвестно где — попросту растворится в серой, непонятной, неощутимой пустоте, которой так боялась и с которой сражалась всю свою жизнь.

По мере того как душа ее наполнялась страхом, она мысленно обращала свою мольбу к властителю — ведь ее жизнь находилась в его руках. «Мне очень жаль, — говорила она про себя. — Разрешите мне остаться здесь, я буду хорошей девочкой, обещаю».

Но внезапно король Джойс перестал шарить по ковру, стал коленями на пол и с трудом поднялся на ноги. Подойдя к столу, он высыпал собранные шашки перед Хэвлоком и с доброй улыбкой обернулся к Теризе.

— Простите меня, миледи. О чем я только думаю? Я по-свински забыл о вас. Вы, наверное, очень устали после воплощения и жаждете отдохнуть и освежиться. У вас есть какие-нибудь пожелания относительно комфорта? Нет? — Его извинения звучали жалко, но голос был полон бодрости. — Тогда я прикажу сопроводить вас в ваши покои и позаботиться о вас.

Продолжая улыбаться, он стал бессмысленно шарить руками по воздуху, пока не сунул руку в карман своей мантии, где обнаружил серебряный колокольчик на деревянной рукоятке. И принялся энергично звонить. Почти в то же мгновение дверь распахнулась, и в дверном проеме появился один из стражников.

— Мой владыка король?

— О, спасибо, — сказал король сконфуженно, так как запамятовал, зачем, собственно, звонил. Его пустые, ничего не понимающие глаза остановились на колокольчике в руке. Тогда он внезапно приказал:

— Служанку для леди Теризы де Морган.

— Слушаюсь, мой владыка король. — Стражник отдал честь, прижав руку к кольчуге, и ретировался.

Хэвлок снова расставил шашки, хотя король Джойс собрал их не все.

— И снова я прошу у вас прощения, — пробормотал король, не глядя на Теризу. Он провел рукой по лицу, вздохнул и опустился в кресло. — Моя память уже не та, что была когда-то. — Он не на шутку опечалился. — Будьте откровенны со мной, миледи. У вас есть семья? Есть ли кто, кого огорчит ваше отсутствие? Они не должны страдать из-за нас. Я прикажу Джерадину изыскать возможность, чтобы послать им весточку и успокоить их. Бедное дитя, может быть, это удержит его подальше от неприятностей. Какое сообщение вы хотели бы послать, миледи?

— Дело в том... — начала она и запнулась. Она хотела сказать, что никого нет, но не посмела. Ситуация была довольно нелепая. Ее страх и непонимание происходящего все усиливались. И кроме всего прочего, какая-то часть ее сознания негодовала оттого, что с ней обращались подобным образом. Она прокашлялась. — Дело в том, что у меня есть только отец.

— Так что передать ему?

Загнанная в угол, она тихо вымолвила:

— Он не заметит моего отсутствия.

Когда она сказала это, взгляд короля опалил ее. На миг она забыла о его седине, слабости тела, старческой голубизне сморщенной кожи — его глаза излучали силу. Он смотрел на нее с удивительной проницательностью.

— Тогда, наверное, — немного смущаясь, произнес он, — вы можете считать себя счастливой, что оказались здесь.

— Я не знаю, что и думать. У меня слишком мало информации. — Она старалась сдерживать приступ истерики. — Когда вы наконец решитесь сообщить мне о том, что здесь происходит?

— О миледи. — Король Джойс вздохнул и развел руками. Его распухшие суставы придали этому жесту еще большую беспомощность. — Это, очевидно, зависит только от вас. Когда вы сообщите всю правду о своем происхождении, о способностях создавать воплотимое, о своих целях?

Слабость, как от головокружения, охватила Теризу. Но почему-то ее сознание не затуманилось; она просто захотела немедленно лечь.

— Значит, вы, — произнесла она глухо, — не собираетесь ничего сообщить мне, пока я не докажу, что существую и не была создана зеркалом; пока не признаюсь, почему притянула к себе Джерадина, в то время как он собирался найти Воина (короче говоря, все то, что она считала совершенно невозможным в сложившейся ситуации), — до тех пор вы не поверите моим словам.

Нервы ее были взвинчены до предела, и потому желание расхохотаться показалось ей более чем страшным.

Король неотрывно смотрел на нее. Морщины на его лице становились все глубже и глубже. Она причиняла ему

боль, причину которой он не хотел объяснить. И она отвела глаза, не в силах вынести его искренний, честный взгляд.

Стук в дверь раздался вовремя. Она едва сдержала вздох облегчения.

В комнату вошел стражник, ведя за собой женщину.

Увидев ее, король нахмурился, словно стражник совершил непростительную ошибку; но его лицо тут же разгладилось.

— Саддит. Она будет вашей служанкой. Именно этого я и хотел.

Ростом женщина была ниже Теризы. Проницательные глаза, вздернутый нос и открытая улыбка говорили о ее простоте и непосредственности. Длинные черные волосы ниспадали на плечи волнистым потоком. Она была одета тепло, как и другие женщины, попавшие в поле зрения Теризы: красновато-коричневая юбка доходила до лодыжек; шаль того же цвета и из такого же материала накинута на плечи. Но пуговки на ее блузке были до половины расстегнуты — крупная грудь распирала ткань. Териза подумала, что она из тех женщин, которых мужчины не обделяют своим вниманием, тех, что твердо уверены в собственной реальности. Она кокетливо приподымала брови и стреляла глазами — подобная игривость не оставляла сомнений, что и она сама это прекрасно понимает.

Она бросила на Теризу быстрый взгляд, в котором явно промелькнуло удивление: она отметила необычность одежды своей хозяйки, а оценив ее фигуру и лицо, наморщила лоб. И почти моментально переключила внимание на короля.

— Мой владыка король, — сказала она, сделав грациозный реверанс, — вы вызывали служанку?

— Именно, — повторил он с притворной веселостью. — Именно так. Саддит, это леди Териза де Морган. Она гостья Орисона. Миледи, Саддит будет вашей служанкой. Я убежден, вы останетесь ею довольны.

Смущенная, Териза прибегла к своему излюбленному оружию — молчанию. Она не ожидала, что ей дадут служанку. С другой стороны, она была довольна хотя бы тем, что знает, как обходиться со слугами. Во всяком случае, она знала, как с ними сосуществовать — как проводить время, не нарушая ритма их деятельности, как свести свои требования к минимуму.

— Леди будет пользоваться павлиньими комнатами, — сказал король Джойс. Голос его теперь звучал вяло, вероятно, потому, что интерес к ней поуменьшился. — Ей понадобится гардероб. Леди Элега поможет ей выбрать все необходимое. Или лучше леди Мисте — у них почти одинаковые фигуры, так мне кажется. Пищу и освежающие напитки доставляйте в ее комнаты по первому ее требованию.

— Миледи, — он принялся изучать позицию на доске, — мы еще побеседуем с вами. Я надеюсь убедиться в ваших способностях к игре в перескоки.

Стражник держал дверь приоткрытой. Саддит вопросительно взглянула на Теризу. Было очевидно, что визит гостьи подошел к концу и она выглядит уставшей. Териза действительно слишком много пережила за последние несколько часов, чтобы понять, что с ней сейчас происходит. Чувство нереальности все плотнее охватывало ее. И только теперь она вспомнила, что ей давным-давно пора спать. Она провела весь день в миссии, печатая снова и снова одно и то же письмо; затем возвратилась в апартаменты в предчувствии, что ночь, ожидающая ее, будет ужасной... Но она даже представить себе не могла, насколько ужасной...

К счастью, Саддит пришла ей на помощь. Она взяла Теризу за руку и вывела из палат короля.

Стражники закрыли за ней дверь.

— Сюда, миледи, — сказала Саддит, и Териза автоматически двинулась вдоль коридора. Служанка шла, опустив очи долу, но временами искоса поглядывала на Теризу. Когда они спустились по лестнице, она спросила: — Вы проделали долгий путь до Орисона, миледи?

Териза покачала головой.

— Я не знаю. Я прошла через зеркало — так мне, во всяком случае, кажется.

Как давно это было? Может быть, вечность назад.

— Воплощение! — воскликнула Саддит с вежливым изумлением. — Вы — Мастер, миледи? Я никогда не слышала о женщине Мастере.

Несмотря на сонливость, Териза почувствовала, что появилась лазейка для получения информации.

— А разве женщины не занимаются подобными вещами?

— Становятся воплотителями? — Служанка деликатно улыбнулась. — Мне кажется, нет, миледи. Мужчины считают, что только мужчина способен придавать форму зеркалу или совершенствоваться в воплощениях, так как талант к воплощениям у них врожденный. А женщина, по их мнению, не может родиться с подобным талантом. Да и какая в том нужда? Почему женщина должна любить зеркала, — она кокетливо улыбнулась Теризе, — когда любой мужчина и так сделает для нее все, что она пожелает?

Они направились дальше по переходам этого невероятно огромного каменного здания в то крыло, которого Териза никогда раньше не видела. Большинство комнат вдоль длинных высоких коридоров казались обитаемыми, и суетящиеся

там люди были, похоже, представителями среднего ранга — торговцы, секретари, фрейлины, камердинеры.

Териза продолжала расспрашивать служанку:

— Значит, вы ничего не знаете о зеркалах или воплощениях?

— Нет, миледи, — ответила Саддит. — Я знаю только, что любой Мастер сделает для меня все, что я только пожелаю... если, конечно, я пожелаю то, что он в силах сделать.

— Это, должно быть, прекрасно. — Териза догадывалась, что та имела в виду; но идея показалась ей слишком абстрактной, чтобы воспринимать ее как реальность. Ни один мужчина никогда не находил ее настолько привлекательной.

— Миледи, — Саддит снова украдкой окинула взглядом фигуру Теризы, как бы утверждаясь в ранее увиденном, — но то же самое может относиться и к вам, если вы пожелаете.

«Ты имеешь в виду, — подумала Териза, — что если бы я расстегнула несколько пуговок на блузке, то король Джойс рассказал бы мне все, что я хочу знать?» Не в силах сдержаться, она залилась смехом.

— Возможно, — сказала Саддит, — в вашем мире женщины не нуждаются в такой власти. — Она, казалось, была потрясена этой мыслью.

— Не знаю, — призналась Териза. — У меня нет совсем никакого опыта.

Саддит быстро отвела взгляд, но Териза успела заметить в нем радость или даже ликование.

Они продолжали идти, пока не очутились возле очередной лестницы, которая как будто поднималась в другую башню. Лестница вывела их в небольшой коридор, в конце которого была широкая дверь из полированного дерева. Саддит открыла ее и препроводила Теризу в отведенные ей комнаты.

И тут же стало понятно, почему комнаты называли «павлиньими». Обилие павлиньих перьев на стенах поражало воображение. Некоторые свисали, словно плюмажи, над темными столами черного дерева, другие были укреплены в виде пышных вееров на тех участках стены, где иной декоратор поместил бы картины; остальные создавали нечто вроде спинки над просторной, низкой, покрытой шелком кроватью. Следующая комната, в которую вошла Териза, скорее всего, служила гостиной; на каменных стенах красовались ковры с павлиньими узорами, а кушетка и кресла были обтянуты материалом, в котором доминировала павлинья раскраска — голубое в сочетании с очень темным пурпуром; в проходе под аркой, справа, была видна спальня. Дверь слева предположительно вела в ванную.

Лампы, расположенные вдоль стен, не горели, так же как и свечи в подсвечниках на столах, но в комнатах было

светло от вечерних лучей, проникающих в застекленные окна гостиной и спальни. Только в многочисленных окнах и можно было увидеть стекло — по крайней мере Теризе не удалось обнаружить ни одного зеркала — ни над туалетным столиком, ни даже в ванной.

Ее стал пробирать холод: хотя в гостиной и спальне были камины, ни один из них не горел. Солнечный свет, льющийся на ковры, оживлял краски, при том что небо за окном выглядело бледным, холодным. И отсутствие зеркал, казалось, усиливало неприятные предчувствия. Как она сможет определить, что она еще здесь, что она реальна?

— Бр-р, — поежилась Саддит. — Орисон не ждал вашего прибытия, миледи, и никто не догадался согреть эти комнаты. — Она торопливо подошла к камину в гостиной и принялась разводить огонь, используя поленья и уголь из ящика, стоявшего рядом.

Териза продолжала осмотр апартаментов. В ванной комнате ванна, умывальник и ведро были искусно декорированы гальванизированным оловом; сложное переплетение медных труб снабжало комнату водой (к сожалению, сейчас ни одна из них не была теплой). В гостиной она испробовала мягкость кресел. В спальне заглянула в два огромных гардероба, которые приятно пахли кедровым деревом, но были пусты. К окнам не подходила, даже боялась выглянуть: настолько чуждо было все, с чем она уже столкнулась, что у нее пропала охота знакомиться с миром вокруг Орисона и выяснять, какова погода снаружи.

Первое впечатление не обмануло: в ее комнатах действительно не было ничего, что она могла бы использовать в качестве зеркала.

Когда она вернулась в гостиную, огонь уже потрескивал в камине. Саддит поднялась.

— С вашего позволения, миледи, сейчас я вас покину. Король оказался прав. У вас почти такие же размеры, как у леди Мисте, хотя, — она залихватски подмигнула, — некоторые прелести у вас заметно больше. Я должна побеседовать с ней по поводу платьев, достойных вашего положения.

Она вопросительно посмотрела на Теризу. Но Териза не сразу сообразила, что Саддит ждет позволения удалиться.

Слуги отца по-иному относились к ней. Пораженная и приятно удивленная, она набралась смелости и спросила:

— Вы пользуетесь зеркалами только для воплощений? Но ведь зеркала можно делать и не из стекла. Например, из полированной бронзы.

Саддит неожиданно вздрогнула.

— Мастера говорят то же самое — но как можно им верить? Воплотители не всегда желают добра другим людям. Они утверждают, что увидеть в зеркале самого себя хуже смер-

3 Заказ 968

ти. Но, может быть, опасность таится не в зеркале, а в воплощении. Мы предпочитаем не рисковать.

— Но если вы не смотрите на самих себя, откуда вам известно, как вы выглядите? Откуда знаете, что вы реальны?

Служанка хмыкнула.

— Миледи, я понимаю то, что мне нужно, по глазам мужчин.

Териза отпустила ее, и Саддит в мгновение ока исчезла.

Териза впервые за долгое время — с того самого момента, когда села перед зеркалом у себя в квартире, — осталась одна.

Переполненная ощущением чужеродности всего окружающего, она хотела куда-нибудь убежать от этого. Однако, стараясь не смотреть в окна, вернулась в спальню. Воздух еще недостаточно прогрелся, чтобы отважиться снять одежду, поэтому она просто стянула мокасины и легла на кровать.

Старательно закутавшись в покрывало, она свернулась в комочек и заснула.

Ее пробуждению не предшествовала, как бывало обычно, утренняя полудрема. Открыв глаза, она ощутила себя в чуждом, непредсказуемом мире, и тревога заполнила все ее существо. Особенно угнетало отсутствие зеркал. Стены были сплошь закрыты павлиньими перьями, и она нигде не видела себя. Не помогла и смятая постель. В самом деле, разве это может быть доказательством ее, Теризы, существования? Ей необходимо увидеть себя, чтобы отпали всякие сомнения. Вот почему она *должна* найти свое отражение...

Тем временем свет за окном сменился на вечерний; его едва хватало, чтобы различить убранство комнаты. Усилием воли она отогнала гнетущие страхи. У нее создалось впечатление, что здесь произошли какие-то перемены, как будто изменилась сама реальность. Может быть, потому, что угасает день? Но в этом нет ничего страшного — просто течение времени.

Потом ее внимание привлек горящий камин.

По-видимому, он был разведен совсем недавно, слабые огоньки пробивались сквозь толстый слой угля, решетка светилась вишневым светом; воздух заметно потеплел.

Этому тоже можно найти объяснение, успокаивала она себя. Кто-то развел огонь, пока она спала. Вот и все.

Но сама мысль о том, что кто-то вторгается сюда, пока она спит, была слишком неприятной, чтобы так просто согласиться с ней.

Спустив ноги с кровати, она села. Мягкая, пушистая поверхность ковра напомнила ей о мокасинах. Она надела их, поправила измятую фланелевую рубашку и встала.

Ничего ужасного не случилось. Ее тело было таким же. Камень, черное дерево и перья вроде не собирались исчезать или перемещаться. Сердце забилось ровнее, дыхание успокоилось.

Все в порядке. Кто-то побывал здесь, пока она спала. Вероятно, Саддит. Это можно легко проверить.

Териза подошла к ближайшему гардеробу и, мобилизовав все свои внутренние силы, открыла его.

Он был полон одежды.

Чего здесь только не было! Платья, блузки, шали, плащи... Две полки забиты нижним бельем. Такие вещи она видела на благородных леди во время путешествия по Орисону.

Второй гардероб не уступал первому в количестве вещей. А на туалетном столике она обнаружила восхитительную коллекцию гребней и кисточек, баночек с притираниями, кувшинов и хрустальных флаконов с духами.

Ее страх дрогнул и отступил, замер неподалеку, вопросительно поглядывая на нее. Маленькая девочка, которая когда-то играла, развлекаясь, с вещами и косметикой матери, довольно улыбнулась. В конце концов все происходящее может быть даже забавно.

Но тут из гостиной донесся женский смешок и басистый шепот мужчины. Она застыла на мгновение, словно была застигнута на чем-то неприличном.

Женщиной оказалась Саддит; внезапное появление госпожи было столь неожиданным, что она чуть не уронила поднос.

— Миледи! — воскликнула она, комически закатывая глаза. — Я думала, вы все еще спите.

Мужчина, один из стражников, которых Джерадин представил ей раньше, — Рибальд, со шрамом посредине лица, тоже был немало удивлен. Его рука лежала на плече служанки, а одежда и прическа Саддит приобрели слегка беспорядочный вид — все это свидетельствовало о том, что он не ожидал помехи и вознамерился не упустить удобный момент, когда руки Саддит были заняты подносом. Тем не менее он быстро пришел в себя и широко осклабился, видимо, решив таким образом успокоить Теризу.

В дверном проеме стоял Аргус, приятель Рибальда.

— Мне это нравится все больше и больше, — пробормотал он пришепетывая. — По одной на каждого.

Териза вся внутренне сжалась.

Саддит, несколько опомнившись, обратила внимание на реакцию Теризы.

— Следите за своими манерами, оболтусы, — сказала она спокойно. — Миледи не терпит шуток подобного рода. — И без особого усилия или злобы пнула носком деревянной туфли Рибальда в голень.

Он зашипел и скорчил гримасу. Отскочив назад, он схватился за голень обеими руками, но тут же заставил себя выпрямиться. Шрам на его лице изогнулся под напором целой гаммы чувств, включавших одновременно ярость, досаду и довольство.

За его спиной Аргус зашелся бесшабашным мальчишеским хохотом.

— Миледи, — чопорно сказала Саддит, — не позволяйте этим козлам пугать вас. Они далеко не такие пылкие ребята, какими хотят казаться. — Аргус воспринял эту реплику с неприкрытым изумлением; Рибальд старательно делал вид, что ничего не слышит. — Хотя они совершенные тупицы, им хватит ума понять, что если вы будете недовольны, то *я* разгневаюсь, и тогда, — она многозначительно улыбнулась обоим стражникам, — ни один из них не сможет больше передвигаться на собственных ногах.

На этот раз оба стражника даже не пытались хоть как-то реагировать.

— А сейчас, миледи, — продолжала служанка, — я принесла вам скромный ужин. Не знаю, к какой пище вы привыкли, поэтому решила пока предложить чего-нибудь попроще. Но если вам это не понравится, я с радостью принесу вам все, что смогу.

Саддит контролировала ситуацию, и это помогло Теризе успокоиться. Она вспомнила, что Джерадин хотел приставить к ней этих двоих для ее защиты. Да, он не очень смыслит в подобных делах! Но, с другой стороны, он освобожден от ответственности за нее — значит, Аргус и Рибальд находились здесь не по его просьбе.

— Что они здесь делают? — с трудом промолвила Териза.

— Эти двое? — Саддит пренебрежительно фыркнула. — Не имею ни малейшего представления. Вернее, я точно знаю, *что* они делают в настоящий момент. Но почему они облюбовали для этого сие место — не понимаю. Без сомнения, король Джойс велел капитану гвардии выделить вам охрану, а капитан проявил дурной вкус, выбрав этих двоих.

Громким шепотом Аргус пробормотал:

— Мы не должны позволять ей так обращаться с нами, Рибальд. Она запела бы совсем по-другому, если бы была одна.

— Если бы она была одна, ты, болван, — ответил Рибальд столь же деликатно, — ей не было бы нужды вести себя так. Ты бы не обидел леди Теризу своими дурацкими выражениями. — Он посмотрел на Теризу с уважением. — Правда заключается в том, миледи, что мы здесь не по службе.

— Нет? — Саддит не слишком удивилась.

— Капитан даже не знает, что мы здесь, мало того, я убежден, что и король тоже. Мы делаем это по просьбе Джерадина. Сегодня вечером он пришел к нам в караулку и попросил

присмотреть за вами. В качестве личного одолжения. Он не сказал о причине своего беспокойства, но был явно не в своей тарелке.

Он пожал массивными плечами.

— Если вам не хочется, чтобы мы были поблизости, то достаточно только сказать об этом. Мы можем уйти. Но тогда вы сами будете объясняться с Джерадином. Он, может быть, и не самый влиятельный человек в Морданте и слишком молод для своего положения, но мы не хотели бы обмануть его ожидания.

— Можешь добавить, — подсказал Аргус; он старался говорить тише, но мешало отсутствие зубов, — что он происходит из хорошей семьи.

Териза не знала, как отнестись к этому объяснению, и беспомощно посмотрела на Саддит.

Служанка окинула стражников язвительным взглядом и вздохнула.

— Ладно, пусть уж остаются, миледи. Они не такие вредные, как кажется. И я не думаю, что они нарочно хотят оскорбить Джерадина. Как сказал этот оболтус, — она кивнула в сторону Аргуса, — семья Домне пользуется всеобщим уважением, особенно Артагель, он известен как самый лучший фехтовальщик во всем Морданте, — она подмигнула Теризе, — вдобавок ко всему прочему. — И подытожила: — Даже признанному смельчаку не придет в голову обидеть Джерадина, так как он знает, что впоследствии ему придется иметь дело с Артагелем.

Так, значит, это Джерадин позаботился о ней. Значит, его беспокоит ее положение. Ради нее он не подчинился приказам короля Джойса и приставил к ней охрану. Ошеломленная его смелостью, она лишь пробормотала:

— Хорошо.

Аргус ткнул локтем в бок Рибальда и улыбнулся.

— Что я тебе говорил? Она тоже хочет нас. Под этими странными одеждами скрывается лихая бабенка. Она просто пока не освоилась...

Саддит повернулась к нему, готовая дать сокрушительный ответ, но Рибальд опередил ее: он схватил Аргуса за руку и потащил к двери.

— Да заткнись ты, бестолочь, — прорычал он. — Во всем Морданте не найдется бабенки, которая позарится на тебя. — Аргус хотел возразить, но Рибальд открыл дверь и вытолкнул приятеля в коридор. В дверях он задержался, чтобы бросить через плечо: — Мы будем здесь всю ночь, миледи. — Он старался говорить уважительно. Тем не менее фраза прозвучала двусмысленно: — И если мы вам понадобимся...

Аргус взорвался смехом, продолжавшимся и по другую сторону двери.

Саддит закатила глаза в притворном ужасе и двинулась с подносом к одному из столов.

— Как я уже говорила, миледи, если вам это не понравится, то достаточно только сказать. Кухня в Орисоне не слишком разнообразна, но, я уверена, любое ваше желание постараются исполнить.

Сперва, — продолжала служанка, — надо зажечь свет. — Она проворно подскочила к камину, нашла в ящике щепу и сунула ее в огонь. Затем принялась зажигать лампы и свечи.

По мере того как в комнате становилось все светлее, за окнами быстро сгущалась тьма, и Териза неожиданно почувствовала укол разочарования. Она упустила возможность выглянуть в окно, чтобы получше рассмотреть Орисон: как, например, он расположен и какая природа его окружает. Раньше она боялась этого знания, а сейчас желала его. Сон куда больше освежил ее, чем показалось вначале.

Погруженная в раздумья, она почти не испытывала голода, но все-таки решила взглянуть на еду.

Она оказалась на удивление знакомой; такой же знакомой, как язык, на котором разговаривали люди в этом странном месте, потому что это был ее родной язык. На тарелке лежал толстый кусок ветчины с непонятным гарниром, сыр, похожий на швейцарский, и бобы в стручках, а также ломти черного хлеба; в бокале — розовое вино. Причем мясо выглядело как мясо, а хлеб — как хлеб. При более тщательном рассмотрении оказалось, что мясо пахнет тмином, бобы немного другого цвета и формы, чем обычно, а сыр, несмотря на твердость, по вкусу напоминает творог. От вина исходил легкий аромат корицы.

Но должна ли она опасаться, что пища этого мира может повредить ей? К тому же, если, по словам Джерадина, у нее есть враги, то она, вероятно, должна опасаться отравленной пищи. Но такие предположения казались маловероятными. Здешние обитатели выглядели как обычные люди и говорили на ее языке. Да и сама она наверняка не была настолько реальной, чтобы стать объектом злодейства. Поэтому она уже без всяких колебаний отведала бобы и обнаружила, что по вкусу они напоминают спаржу. Тогда она принялась за хлеб и вино.

— Вам нравится, миледи? — Саддит уже зажгла свечи и лампы и остановилась возле Теризы.

— Все очень вкусно.

Служанка обрадованно улыбнулась.

— Тогда я оставлю вас, миледи. Если вам надоест одиночество, вызовите меня. — Она показала на шнурок колокольчика, который Териза не заметила раньше, потому что он был скрыт павлиньими перьями. — Мы найдем для вас какое-

нибудь развлечение. Может быть, я помогу вам примерить платья. Мне кажется, многие из них вам подойдут. Или, может быть, вы захотите развеяться в обществе. Леди Элега и леди Мисте жаждут встретиться с вами, но решили подождать до завтра, когда вы отдохнете за ночь после перемещения. Обе будут счастливы познакомиться с воплотителем-женщиной.

Териза проигнорировала последние слова Саддит.

— А кто такие Элега и Мисте? — спросила она.

— Дочери нашего короля. У него их три, Элега старшая, Мисте младшая. Средняя дочь, леди Торрент, живет со своей матерью, королевой Мадин, в Ромише, столице Файля. Королева родом из Файля.

Териза знала о Ромише и Файле не больше, чем о Домне или даже Орисоне. Но она была уверена, что сегодня вечером не хочет встречаться ни с Элегой, ни с Мисте. Она не желала видеть никого, кто породил бы в ней новые вопросы без ответов. Исключение она делала лишь для Джерадина или (пикантная мысль) Мастера Эремиса, которые могли бы хоть что-то прояснить. Но она не осмелилась бы просить Джерадина еще больше рисковать из-за нее.

— Я предпочитаю сегодня отдохнуть, — сказала она служанке.

— Прекрасно, миледи. — Саддит вежливо кивнула и направилась к выходу.

Но, открыв дверь, остановилась и скосила глаза в сторону Рибальда и Аргуса, затем жестом показала, что дверь следует закрыть на засов.

Териза улыбнулась с благодарностью и облегчением.

— Спасибо. Я постараюсь не забыть.

Саддит вышла, тихо притворив за собой дверь.

Териза тут же поднялась и задвинула засов. Сквозь массивную дверь доносились отдаленные голоса беседующих Саддит, Рибальда и Аргуса. Она хотела их подслушать, недоумевая, как женщина может быть с мужчинами до такой степени накоротке. Однако все же устремилась к столу, где ее ожидала пища, и вскоре веселые голоса стали не слышны.

Она осталась одна.

Странное дело, почему-то присутствие Рибальда и Аргуса за дверью действовало на нее умиротворяюще. Не они сами по себе успокаивали ее — она пришла к осознанию того, что они были первыми в этой невероятной ситуации, кто появился возле нее через какое-то время после расставания. Джерадин вырвал ее из привычной жизни и доставил в палату, полную Мастеров, но все они разошлись. Затем он отвел ее к королю и был изгнан. Следующий шаг — ее поручили заботам Саддит, и король Джойс с Адептом Хэвлоком тоже остались в прошлом. Каждый

из тех, с кем ей довелось повстречаться, мог быть создан только для одной встречи и перестать существовать, едва Териза расставалась с ним.

Вполне можно было предположить, что никто из них не был реальным.

Однако Рибальд и Аргус говорили о Джерадине так, будто он существовал вообще, независимо от нее. Они были настолько материальны, что завязали близкое знакомство с Саддит и обратили внимание на нее, Теризу. Таким образом, они служат доказательством того, что все происходящее с ней имеет под собой солидное основание, длится во времени и воплощено в действующих лицах. Они как бы подтверждали, что если она сможет найти дорогу, то найдет комнату короля и палату Мастеров, где она рассталась с ними; что Джерадин живет и действует где-то неподалеку, пытаясь сделать что-то для нее; что, какими бы безумными ни казались обстоятельства, она может верить им, как верит своему собственному миру.

Это был глобальный вывод, вытекающий из маленького факта. Тем не менее он успокоил ее. Она почувствовала, что боится меньше.

И вовсе не метафизический интерес заставил ее снова обойти комнаты, чтобы проверить, нет ли там еще каких-нибудь дверей. Затем она села за стол и испытала от этого удовольствие.

Процесс поглощения еды и вина сопровождался все возрастающей усталостью. Но Териза была слишком возбуждена, чтобы лечь спать, и потому решила примерить несколько платьев, принесенных служанкой.

Многие вызвали у нее вздох разочарования: их невозможно было завязать, застегнуть или зашнуровать без посторонней помощи; несмотря на это, все они казались ей красивыми и элегантными. Платья же и накидки, которые она смогла надеть, заставили ее снова затосковать по зеркалам, ведь она не могла видеть себя в них. Может быть, именно такое декольте или такая линия талии, пышные рукава или затейливые узоры кружев могут сделать ее красивой? Погруженная в это занятие, Териза не замечала течения времени.

Она примеряла доходящее до пола широкое темно-красное платье из толстого бархата, с широким черным кружевом и капюшоном; если его накинуть на голову, он мог бы скрыть и лицо. Териза уже решила снять его, чтобы лечь спать, как вдруг деревянная стенка гардероба, перед которым она стояла, шевельнулась и стала отодвигаться в сторону.

Поскрипывая, деревянные панели разошлись и открыли темный проем.

Из тьмы вынырнула фигура.

Несмотря на попытки двигаться бесшумно, эта фигура выдавала себя, стуча и шаркая подошвами. Платья, загораживающие путь, были бесцеремонно отодвинуты в сторону.

Она услышала, как незваный гость пробормотал себе под нос:

— Тише, тише. — Это был голос старый, тонкий и дрожащий. — Рыщем по спальным покоям прекрасных дам, хи-хи! Ну вы и дьявол, милостивый государь. Зеркала — лишь хрупкое стекло, а страсть и распутство будут всегда.

И тут человек заметил, что дверь гардероба открыта и Териза смотрит на него, зажав рот руками, а в ее взгляде застыл ужас.

— Что вы делаете здесь? — выдохнула она. — Чего вы хотите?

Его толстые губы задрожали. Адепт Хэвлок отпрянул, словно она замахнулась на него.

Несмотря на растущую тревогу, она внимательно разглядывала его и смогла заметить резкий контраст между аскетичным носом и губами сибарита, рассеянный взгляд безумца. Его противоречивая внешность создавала впечатление дикости, и впечатление это усиливалось торчащими в разные стороны клочками волос. Но вот он начал жестикулировать, явно выказывая намерение успокоить девушку; вся его поза демонстрировала нерешительность, даже страх.

— Желанная, — изрек он, словно хотел сказать *простите за вторжение.* — Все женщины — это плоть, но ты — само совершенство. *Я не собираюсь пугать тебя.* Ха, ха, рыщу по спальням. *Я не принесу вам вреда.* Страсть и распутство. *Вы можете верить мне.*

То, что он сумасшедший, было очевидно. К несчастью, это знание не слишком помогало. Если он безумец, то что же она должна делать? Этого она не представляла. Враждебно изучая его, она отступила на шаг или два, чтобы дать себе простор для маневра.

— Снаружи у двери находятся два стражника, — сказала она. — Они оба сильные, и у них длинные мечи. Если я закричу... — Она почувствовала, как к сердцу подступает паника: дверь-то заперта на засов. — Они появятся здесь прежде, чем вы прикоснетесь ко мне.

Протягивая в ее сторону ладони, он продолжал успокаивать ее. Какая-то часть его лица выражала страх, но другие части игнорировали угрозу; глаза вращались, нижняя губа отвисла, обнажая кривые желтые зубы; однако нос и скулы выглядели слишком решительно.

— Зима проморозила мои старые кости, — сказал он и добавил, словно посвящая в великую тайну: — Никто не понимает, как надо правильно играть в перескоки.

Он говорил тихо, да к тому же еще приложил палец к губам. Затем повернулся к гардеробу и сделал жест, как бы приглашая следовать за ним.

— Вы хотите, чтобы я пошла туда? — От волнения ее голос стал дрожащим, как и у него. Темнота за платьями была слишком густой, чтобы можно было хотя бы предположить, что скрывается в этой тьме. — Для чего?

— Король пытается защитить свои шашки, — убеждал он ее. — Отдельные шашки. Но что в них пользы? Они не представляют никакой ценности. Ни-ка-кой! Все дело в стратегии. Надо знать, какие принести в жертву пешки, чтобы поймать в ловушку противника.

Он говорил и продолжал размахивать руками, приглашая ее идти за ним.

— Нет уж, простите. — Мысль о том, что ей предстоит следовать в неизвестное место за гардеробом, пугала сильней, чем внезапное появление Адепта. — Я не могу идти туда. — Она хорошо знала, что такое замкнутое пространство. Она до мельчайших подробностей помнила, как родители наказывали ее, закрывая в темной комнате. В то время она во многом осознала собственную нереальность. В той комнате она впервые почувствовала, как начинает растворяться, исчезать из действительности, сливаться с черным ничто. — Там слишком темно.

— Хо, хо, хо, — ответил он тоном превосходства. Ему удавалось наставить на нее только один глаз, и он смотрел поочередно то правым, то левым. Лицо его приняло просительное выражение. — Тьма и желание. Мы задуем свечу, и никто не увидит, как мы наслаждаемся. Не нужно света, чтобы ощутить плоть.

Он полез в карман своей хламиды и вытащил неровный кусок стекла размером с ладонь. Он держал этот предмет таким образом, что она не могла его получше рассмотреть, но ей показалось, что это зеркало.

Адепт что-то пробормотал, провел рукой перед стеклом, и теплый желтый луч, столь же яркий, как солнечный, выскользнул с его поверхности.

Хэвлок направил его в гардероб. Луч прорезал тьму, и оказалось, что там каменный проход, идущий через стену куда-то вглубь.

Хэвлок осветил ход, демонстрируя, что там безопасно. Затем он снова повернулся к Теризе, одновременно прося и требуя, чтобы она пошла с ним.

— Нет, — повторила она, — я не могу. Я не знаю, чего вы хотите. Я не знаю, что вы собираетесь сделать со мной. — В надежде найти вразумительное объяснение его настойчивости она спросила: — Вас послал король Джойс?

Очевидно, она зря упомянула о короле. В одно мгновение Хэвлок превратился в того разъяренного старика, который швырнул в потолок доску с шашками и бушевал в палатах короля.

— К черту короля и все его колебания! — зашептал Адепт яростно. Его лицо приобрело апоплексически багро-

вый оттенок. Но ему удалось немного прийти в себя и удержаться от крика. — Он играет так же плохо, как и его дочери! Женщины — порождение глупости!

Он размахивал руками, и жесты его как будто кричали: *Пойдем со мной!*

Ей неоткуда было ждать защиты, и она сказала:

— Джерадин предупреждал меня, что у короля есть враги. Вы собираетесь предать его?

В его глазах промелькнуло коварство, и она почти физически ощущала опасность, волнами исходящую от него. Но она не знала, как следует реагировать, и, абсолютно беспомощная, не двигалась с места, пока он не поднял свое стекло и не направил свет ей в глаза.

Она отшатнулась и вскинула руки, стараясь защитить глаза.

Потом споткнулась и едва не потеряла равновесие. Но прежде чем она успела упасть или отпрянуть в сторону, Хэвлок стиснул костлявой рукой ее запястье и потянул к гардеробу.

Он был не настолько силен, как могло показаться. Если бы она смогла твердо стоять на ногах, нашла бы какую-то точку опоры, то сумела бы вырваться. Но он действовал слишком быстро. Удерживая ее в состоянии неустойчивого равновесия, он протащил ее по полу в гардероб и втолкнул в ход.

6. Несколько уроков

Свободной рукой она шарила по сторонам, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Но слепящий свет снова и снова вспыхивал перед глазами, ослепляя ее. Потом она почувствовала холодный камень хода, холодный воздух дохнул на нее из невидимых глубин. Хэвлок замедлил движение, позволяя ее ногам ощущать ступеньки.

Аргус и Рибальд наверняка спасли бы ее от этого безумца. К несчастью, дверь ее была заперта на засов, и не было времени позвать на помощь.

Зрение стало приходить в норму: стекло Хэвлока не причинило ей существенного вреда. Она уже не стукалась о стены и не соскальзывала со ступенек. Адепт тянул ее изо всех сил, но она уже могла немного контролировать продвижение.

Его стекло освещало путь, по которому они шли. Ход был узким и низким; будь она повыше, ей пришлось бы то и дело нагибаться. Здесь было множество резких поворотов и ответвления через каждые десять — пятнадцать футов пути.

Можно было предположить, что ответвления ведут к другим потайным ходам, в другие помещения и палаты. Но главный ход продолжал вести вниз.

Отсутствие паутины и пыли свидетельствовало о том, что местные обитатели частенько пользовались этими каменными тоннелями.

Воздух становился все холоднее, а Хэвлок продолжал тянуть ее за собой.

Непривычные к таким усилиям, ее колени задрожали. Она чувствовала, что ее тянут вниз по лестнице уже долгое время, пока наконец Адепт Хэвлок не достиг массивной, окованной стальными полосами деревянной двери. Она была оставлена незапертой, но он не спешил открывать ее. Он притянул Теризу поближе к себе и ослабил хватку.

Падая на дверь и каменные блоки стен, свет порождал тени, искажавшие черты его лица, придавая ему комичное выражение.

— Самое главное — это игра в перескоки, — упрямо шептал он, — все остальное не имеет значения.

Свет потух. Во внезапно наступившем мраке она услышала, как зашуршала его хламида, когда он засовывал стекло обратно в карман. Затем он толкнул дверь и шагнул в свет ламп впереди, не обращая внимания, следует ли она за ним.

Из дверного проема Териза взглянула на большую прямоугольную комнату.

Она была беспорядочно обставлена и выглядела как рабочее помещение. По центру вниз спускался высокий массивный пилон, темный серый камень, не согретый и не украшенный коврами или резьбой. Вдоль пилона стояло несколько столов: одни походили на мольберт художника или кульман чертежника; другие были плоские, заваленные бумагой и свитками пергамента. Возле столов выстроились скамьи, на многих громоздились книги и многочисленные стопки каких-то бумаг. Пол под столами был покрыт пылью. Напротив Теризы находился проход, очевидно, ведущий в другие комнаты. Рядом с проходом стояла кровать с мятым, рваным, серым от грязи бельем. Подушки на ней не было.

Свет шел от ламп, развешанных вдоль стен и на пилоне. Он ярко освещал две стены, более всего привлекшие внимание Теризы.

У одной стоял стол с двумя стульями и игральной доской. Все они были так же богато изукрашены, как те, что имелись у короля Джойса. Но на доске не было ни одной шашки.

А вторая стена была отмечена рядом дверей, они походили на дверь, через которую вошел сюда Хэвлок, — окованные железом и снабженные массивными засовами. Орисон, догадалась Териза, должно быть, весь испещрен потайными ходами, как сыр дырочками.

Не замечая Теризу, Адепт направился к столу, сел, повернувшись к девушке спиной, и согнулся над доской, как бы весь в игре.

Териза собралась было заговорить, но внезапно замерла. Они с Адептом Хэвлоком были не одни. Человек, которого она почему-то до сих пор не замечала, примостился на скамье у стола, подпирая щеку рукой. Он был одет в толстую серую рясу, достаточно теплую, чтобы победить могильный холод помещения. Это одеяние, казалось, могло бы сделать его обладателя невидимым среди окружающей обстановки, если бы на его плечи не была накинута желтая мантия Мастера.

Приглядевшись, Териза вспомнила, что уже видела это кроличье лицо с блестящими глазами, дергающимся носом и торчащими вперед зубами. В данном случае было трудно ошибиться еще и потому, что этот человек был единственным, кто согласился с Джерадином, который назвал ее появление перед Гильдией действительно важным событием.

— А вот и вы, — произнес Мастер. — Джерадин наконец-то собрался с мыслями и выяснил ваше имя. — В голосе его слышался сарказм, правда, беззлобный. — Леди Териза де Морган. Я — Мастер Квилон.

Адепт Хэвлок... — Мастер Квилон сделал паузу и глянул через плечо. — Кстати, — заметил он, — это его комнаты, а не мои. Мне кажется, надо бы изыскать какую-то возможность привести их в порядок. Даже если придется убирать самому. — Затем он вернулся к главной теме. — Так вот, несмотря на свое состояние, он попросил меня изложить вам некоторую часть истории Морданта — основную канву, так сказать, и объяснить, в чем наши нынешние проблемы.

Ее надежды на будущее мгновенно улетучились. *Хэвлок* попросил Мастера Квилона побеседовать с ней? Она резко спросила:

— Как?

Мастер с недоумением уставился на нее.

— Что — «как»?

— Как он попросил вас об этом? Откуда вы знаете, чего именно он хочет?

Мастер Квилон шмыгнул носом и пожал плечами, его щека продолжала покоиться на кулаке.

— У него бывают минуты просветления. Кроме того, он находится в таком состоянии много лет. Мы уже как-то приноровились к этому. Время от времени он способен высказывать здравые мысли, причем достаточно понятно.

Ладно, решила она, возможно, все сказанное достаточно логично (если хватать людей и тащить их куда-то силой означает «достаточно понятно»). Но оно оставляло предостаточно вопросов.

— Предположим, что вы действительно поняли, чего он хочет. Но почему вы делаете это? Ведь и Мастер Барсонаж, — она споткнулась на этом имени, — и король Джойс сказали Джерадину — нет, *приказали* ему — не отвечать ни на какие мои вопросы. — То, что она говорила, было невероятно смело и могло представлять для нее некоторую опасность. С каких это пор она начала говорить с людьми подобным образом? Но она уже не могла остановиться. — Почему вы не подчиняетесь им обоим? На чьей вы стороне?

В ответ он изумленно заморгал: неужели, мол, его позиция не ясна? Тем не менее ответу предшествовало затянувшееся раздумье.

— Это все не так просто, как вам может показаться. Несмотря на свой, — Мастер Квилон посмотрел на Хэвлока, — гм, некоторый недуг, Адепт Хэвлок номинально все еще возглавляет Гильдию. Многие воплотители учитывают его прошлые заслуги перед нами — и, естественно, перед всем Мордантом. А они столь велики, что он продолжает пользоваться уважением даже в таком состоянии. Стали бы вы отказываться от своего отца, если бы он начал вести себя странно по мере приближения старости?

К счастью для Теризы, вопрос оказался риторическим. Не дожидаясь ответа, Мастер Квилон продолжал:

— К тому же наступили такие времена, когда следует строго разграничивать степень преданности. Мастер Барсонаж — человек благородный, он старается быть беспристрастным, но в глубине души отчаянно боится любого решения или действия. Что же касается короля Джойса... — Он вздохнул. — Вот уже многие годы он не совсем понимает, что происходит вокруг, и его суждения не всегда оказываются верны.

Это не удовлетворило Теризу, но она загнала свою смелость как можно глубже. Старая привычка к скрытности и почтительному отношению, вечная эмоциональная узда сдерживали ее. Мастер Квилон вроде бы честно собирается поговорить с ней, но, нападая, она поневоле может помешать ему сказать то, что хотела услышать.

Тем не менее Териза осторожно сделала еще одну попытку. Показав на Адепта, она спросила:

— А почему его называют Королевским Подлецом?

Квилон снова вздохнул и выпрямился.

— Миледи, — он сделал слабый жест, словно смертельно устал от всего происходящего, — вы не желаете присесть?

Она послушно нашла свободную скамью и пододвинула ее к столу, поближе к Мастеру. Она не привыкла еще к платью, в которое была одета, и чувствовала себя неловко, но приняла удобную позу, опершись спиной о стол.

И Мастер Квилон начал рассказ.

— Я предположу, что вы не знаете ничего о нас и наших проблемах. — Он по-прежнему напоминал кролика, его нос дергался, пока он собирался с мыслями, но в его манере говорить слышалась нотка подлинного величия. — Если это не так, надеюсь, вам будет не слишком скучно. Затем я постараюсь ответить на все вопросы, какие могут у вас возникнуть.

Даже не знаю, с чего начать. У нас в некотором смысле две истории — о королевствах и воплощениях. До самого недавнего времени они не были единым целым, пока король Джойс и Адепт Хэвлок не слили их воедино. Вы, наверное, с трудом поверите в это, ибо застали их лишь в нынешнем виде, но в свои лучшие годы они героически покорили Мордант и остальной *наш* мир, придавая ему новую форму из самых высоких побуждений.

Обе истории фрагментарны. Фактически Мордант, как и Гильдия, не существовал до тех пор, пока их не создал король Джойс. Вообще-то здесь находилась местность под названием «Мордант», но она была не чем иным, как несколькими мелкими княжествами, зажатыми между древним владением Кадуола на востоке и более молодым — Аленда на севере и западе. Эти княжества были тем, что мы сейчас называем провинциями, — провинция Армигит, провинция Вердон и так далее, — но в действительности они больше напоминали так называемые баронские владения. Эта схожесть проистекает из тех времен, когда они тоже были вассалами Аленда. Они выжили лишь потому, что все вместе служили буфером между Алендом и Кадуолом, постоянно находившимися в состоянии войны.

В наше время Аленд и Кадуол соприкасаются на протяжении приблизительно последних восьми миль реки Суол, но это место являет собою непроходимое болото; оно примыкает к морю и тянется вдоль побережья... — Он начал шарить взглядом по комнате, и тут же последовало объяснение столь странного поведения.

Хэвлок, — сказал Мастер негромко, — у тебя есть карта? Где-то в этом хаосе непременно должна быть карта. Я хочу показать вам, как это все выглядит в жизни.

Адепт Хэвлок даже не повернул головы. Сосредоточившись на доске, он переставил воображаемые шашки и принялся изучать новую позицию.

— Ладно, не важно, — пробормотал Мастер и перевел взгляд на Теризу. — Даже без карты, я уверен, вы сможете сориентироваться. Из-за болот Аленд и Кадуол могли добраться друг к другу лишь через Мордант, который занимает низину между реками Пестиль и Вертигон. Аленд чрезмерно горист, а Кадуол отличается слишком сухим климатом. Таким образом, они много веков стремились захватить Мордант как для того, чтобы

подчинить себе, так и для того, чтобы сделать серьезный шаг к выяснению отношений между собой.

Проще говоря, княжества Морданта уцелели лишь потому, что их захватывали снова и снова, поколение за поколением, и они всегда ориентировались на ту силу, которая в настоящий момент отсутствовала. Так как Мордант был разрознен, разделен на части, каждую часть было легко захватить, но трудно удержать. Кадуол, к примеру, мог сделаться властителем провинции Вердон или Тор. Аленд мог захватить Термиган или Домне. Тогда Вердон — лорд этой провинции, или Тор, или Термиган, или Домне должны были клясться в вечной преданности новому князю. Но в то же самое время они изыскивали любую возможность, чтобы предать своего князя. Вот так и получалось, что Кадуол тоже проникал в Термиган, а Аленд — в Тор и обитатели провинции, ко всеобщей радости, освобождались. Но тут же приходил новый владыка. И весь процесс начинался снова, отличаясь лишь деталями, пока Кадуол и Аленд предпринимали судорожные попытки захватить весь регион. Таким образом провинции и сохранились.

Естественно, все это сопровождалось ужасным кровопролитием. Понятное дело, увеличивалось число жертв. Крестьян Морданта постоянно грабили, жгли, насиловали и сгоняли с земель — то есть издевались всеми доступными тиранам способами. Мордант не обезлюдел по одной-единственной причине: и Кадуол, и Аленд нуждались в плодах, произраставших на полях и холмах этой низины, и потому были вынуждены импортировать людей, а точнее рабов, особенно из Кадуола, на замену убитым крестьянам. Эти работники вскоре обнаруживали, что жить крестьянским трудом гораздо приятнее, чем быть рабами или крепостными, и врастали в провинцию, в которой их поселяли. Таким образом, население Морданта регулярно пополнялось.

Но все еще было терпимо, пока здесь господствовала лишь тирания. С появлением воплощений жизнь в Морданте изменилась в худшую сторону. Я не наскучил вам, миледи?

Териза была изумлена тем, что зевнула. Вино, долгий день, шокирующее вторжение Хэвлока и его поведение изрядно вымотали ее. Однако она покачала головой.

— Меня удивляет одно: что все это имеет общего со мной?

Мастер довольно резко ответил:

— Оно имеет то «общее», что вы тоже находитесь здесь. И повлияет на все, что произойдет здесь, пока вы будете среди нас.

— Прошу прощения. Пожалуйста, продолжайте.

— Вот и хорошо, — немного чопорно сказал Квилон и дернул носом. — В те дни казалось, что каждое значительное лицо имеет в своем распоряжении более или менее спо-

собного воплотителя или, наоборот, само служит воплотителю. Кадуол, к примеру, стал великим, когда в нем появился первый Архивоплотитель. А аленлский монарх использовал группу воплотителей, чтобы создать конфедерацию Вассалов Аленда.

И здесь наши сведения снова весьма отрывочны. Талант воплотителя встречается не так уж редко, но, с другой стороны — не столь часто. А во времена войн Мастера, похоже, заводились под каждым кустом. В результате Кадуол в свое время так переформировал армию, что *каждый* капитан имел в своем распоряжении воплотителя. Аленд обладал почти такой же силой. И, естественно, каждый из владык Морданта защищался с помощью воплотителя, который зависел от него, так как нуждался в его поддержке и опеке.

Как вы, наверное, представляете себе, стекло, из которого делаются зеркала, не совсем то, что можно получить из песка, набранного с дорожки возле первого попавшегося дома. Изучение, производство и использование зеркал требует оборудования, красителей, печей и многого другого, и потому каждый воплотитель, который не был рожден в богатстве, должен был каким-то образом объединяться с богатым. Но я отвлекся.

Любопытно, миледи, — медленно произнес Квилон, — обладаете ли вы воображением или опытом, чтобы представить себе тот кошмар, который может породить примерно дюжина воплотителей, сражаясь друг с другом и армиями, как, впрочем, и с ни в чем не повинными мужчинами и женщинами, случайно оказавшимися поблизости. Предположим, что обладаете. Вот стоит воплотитель, чье зеркало показывает море лавы. По его слову расплавленные камни вскипают, выплескиваясь наружу и все сжигая на своем пути. А вон воплотитель, чье зеркало показывает крылатого левиафана, который может пожрать весь окрестный скот. По его слову чудовище воплотится здесь в ярости и ненасытной жажде пожирать, пока он не отзовет его — или пока другой воплотитель не найдет возможность его уничтожить. И это всего два человека. А теперь представьте пятьдесят — да что там, сто! — подобных воплотителей, великих или малых... И все поглощены тем, чтобы их искусство служило войнам и кровопролитию.

Возможно, в вашем мире воплощения используются для других целей. Возможно, они помогают накормить голодных, доставляют воду для борьбы с засухой, энергию и силу для блага всех людей. Но в нашей истории все было по-другому.

Да, одно отступление. — Он вздохнул. — Знание о воплощениях, то есть понимание их сути и назначения, почти не передавалось из поколения в поколение. Воплотители ревностно хранили свои секреты, опасаясь за свою жизнь, и потому обмен новыми идеями или технологиями шел

довольно долго. Фактически он стоял почти на нуле и мог вообще заглохнуть, если бы производство зеркал не нуждалось в помощи пригодников. Каждый воплотитель должен иметь помощников. Таким образом, пусть и не слишком заметный, прогресс все-таки был.

Это варварская история, миледи, — с нескрываемым сарказмом сказал он. — Мы традиционно не гуманисты, и нас трудно назвать слишком щепетильными. Король Джойс решил полностью изменить нас.

Хэвлок, — он повернулся на скамье и посмотрел на Адепта, — было бы благородно с твоей стороны, если бы ты предложил немного вина. Весь этот разговор порождает жажду.

Хэвлок мгновенно поднялся со стула и заковылял в противоположный угол комнаты, за пилон. Вернулся он с каменным графином и глиняным кубком. Кубок выглядел так, словно его не мыли в течение последних ста лет.

Он бесцеремонно брякнул графин перед Квилоном и сунул кубок ему в руку.

— У нас варварская история, — повторил Адепт, подмигивая Теризе, — потому что мы слишком много пьем. Вино и прелюбодеяние — суть вещи несовместные. — Вернувшись к своему столу, он продолжил прерванную невидимую игру.

Мастер Квилон тупо уставился в кубок. Наконец вытер его рукавом. Что-то бормоча себе под нос, он налил в кубок немного вина и протянул его Теризе. Затем поднес графин к губам и сделал солидный глоток.

Она тоже хотела пить. Но темный след, оставшийся на рукаве Мастера Квилона, сразу отбил всякую охоту.

— Как я говорил, — продолжал он, вытирая губы кончиками пальцев, — король Джойс взял на себя труд все вокруг изменить.

Слушайте же, что он совершил. Сначала он покорил княжества Морданта: одни — силой, другие — убеждением. И когда он объединил Мордант в отдельное суверенное королевство, то затеял странную войну как против Аленда, так и против Кадуола. В бесчисленных битвах и набегах — а продолжалось это более двух десятилетий — он не захватывал территорий, не убивал воинов, не угонял крестьян. Все, чего он добивался, — Мастер энергично потер нос, стараясь его успокоить, — это взять в плен всякого воплотителя, попадавшегося на глаза его воинам, и привести сюда, в Орисон. При этом он предложил свое вечное покровительство и защиту каждому воплотителю, который сдастся добровольно. В конце концов он собрал их всех — по крайней мере принято считать, что всех. От западных гор Аленда до восточных пустынь Кадуола воплотителей не осталось больше нигде — все они были только здесь.

И собрав их воедино, он не сделал того, что так отчаянно пугало Кадуол и Аленд. Он не обратил таланты воплотителей в свою силу. Вместо этого он создал Гильдию. И дал им работу — мирную работу. Многие из его распоряжений относятся к изучению весьма специфических проблем. Могут ли воплощения использоваться для борьбы с засухой? Могут ли зеркала зажигать огонь? Могут ли воплотители строить дороги? Тесать гранит? Удобрять землю?

Вопросы богатства король Джойс оставил Кадуолу и Аленду. — Мастер Квилон снова отвлекся. — У Аленда есть золото. У Кадуола — драгоценные камни. Мордант не нуждается в них. Урожай и скот, пища, ткани, вино — в этом сила Морданта и его богатство.

Но превыше всего этого была другая работа. Король приказал Гильдии решить этическую проблему в отношении воплотимого: создаются ли существа, силы, предметы зеркалами посредством воплощений, или они прежде жили своей собственной жизнью, из которой были извлечены посредством воплощения?

Все очень просто, не так ли? — Квилон снова отхлебнул из графина и вытер губы. — Вам может показаться, что так, миледи. Но меня очень настойчиво просили, чтобы я рассказал вам, *каким образом* король достиг всего этого.

Он был рожден в княжестве, которое сейчас известно как провинция Демесне, и стал владыкой Орисона — хотя тогда Орисон был гораздо меньше — в пятнадцать лет, когда его отец был пойман на горячем: он предал кадуольского тирана, тогдашнего властителя княжества, был пойман и медленно четвертован — его разорвали на части с помощью скота перед юным Джойсом и всей остальной семьей в назидание, чтобы такого рода урок научил их хранить верность своему господину. Он был не простой мальчик, поэтому с детства обладал способностями, которые позволили ему привлечь сильного, гм, невероятно умного, — он покосился в сторону Хэвлока, — воплотителя в качестве верного друга. То, что совершал этот мальчик после, он совершал вместе с этим воплотителем.

Первым делом они посреди ночи исчезли, оставив семью Джойса расхлебывать недовольство князя Кадуола.

Естественно, это не прибавило ему уважения, которым он пользовался раньше у своих людей. Поэтому они были удивлены, когда он вернулся во главе сил, собранных поблизости, в Торе, изгнал людей Кадуола и лично отделил голову от туловища у назначенного ими князя.

А как раз в те времена Тор переживал короткий период независимости. И там независимость почему-то уважали больше, чем в других княжествах. Тор был закрыт с тыла горами,

по краям — Вердоном, Армигитом, Домне и Термиганом, и потому его было нелегко покорить. Юный Джойс убедил Тора, который и сам был достаточно юн, чтобы выслушивать чьи-то предложения, что единственная надежда для людей и всего Морданта — это объединение провинций как против Кадуола, так и против Аленда. И Тору эта идея понравилась. Кроме того, ему понравился и сам юный Джойс. С другой стороны, ему не слишком нравилось рисковать своей провинцией. Поэтому он одолжил Джойсу две сотни человек, которых тот должен был использовать против двух с лишним тысяч кадуольцев. Но Джойсу, его воплотителю и, конечно же, двумстам воинам понадобилось всего три дня, чтобы освободить Демесне. Прежде чем наступил рассвет третьего дня, новый флаг реял над Орисоном — штандарт Морданта.

Вас может удивить — как такое было возможно? Так вот, король Джойс постоянно пользовался тайными ходами, которыми во все времена славился Орисон. Действительно, Орисон всегда был кипящим котлом заговоров и контрзаговоров, с тех пор как была возведена первая из его башен, — объяснил Мастер Квилон. — Кроме того, их атаки были направлены прежде всего против кадуольских воплотителей, а не против солдат. Фактически Джойс старался вообще не трогать солдат. Когда дело было сделано, он предложил им выбирать между службой у него и свободой. Те, кто выбрал службу, составили ядро гвардии, которая впоследствии объединила Мордант и потом в течение десятилетий успешно отражала атаки как Кадуола, так и Аленда.

Естественно, к этому времени отношение к нему людей изменилось в лучшую сторону, ему начали верить.

И тогда, уже с более весомой поддержкой Тора, юный Джойс занялся освобождением Вердона. Затем три провинции обратили свое внимание на Армигит и Термиган. Домне оказалась у них почти без всяких усилий с их стороны — она всегда была самой незначительной из провинций, хотя Демесне и меньше по территории. Наконец, после самой яростной и кровопролитной битвы, в какой ему доводилось участвовать, Джойс освободил Файль и стал королем.

Я не собираюсь усыщать свою историю ненужными подробностями. Скажу только, что все провинции поклялись в верности королю Джойсу, но не пытались сохранять эту верность до тех пор, пока он не научил их крепко держать слово; что первые его успехи объяснялись тем только, что ни Аленд, ни Кадуол просто ничего не знали о его намерениях и действительно жестокие войны за независимость Морданта начались уже позднее, когда враги поняли, что произошло, и подняли против Джойса все свои силы. Прошло двадцать лет, прежде чем хватка на-

шего короля на горле всего Морданта стала достаточно цепкой, чтобы он мог позволить себе собирать воплотителей.

Это было тридцать лет назад, — пробормотал Мастер, заглядывая в горлышко графина, дабы выяснить, сколько там осталось вина. — Для нас, очевидцев, это было великое время. Даже мальчишки вроде меня считали — все, что делает король, имеет оттенок святости, подлинного мужества и героических подвигов.

Он начал заметно мрачнеть — то ли из-за предстоящей части рассказа, то ли от выпитого. Он нерешительно пожевал губами. Вероятно, решал, как много еще следует рассказать Теризе. А может быть, просто думал, не приложиться ли еще раз к графину.

— А что дальше? — тихо спросила Териза. Она хотела узнать, как король из рассказа Квилона превратился в дряхлую развалину, которую видела она, в человека настолько незначительного, что люди, в детстве боготворившие его, сейчас могли ослушаться его практически без всякого повода. — Расскажите мне, что было дальше.

Мастер Квилон скривился.

— Итак, разумеется, вместе со своим другом, который советовал, помогал и поддерживал его, Джойс первым делом начал собирать воплотителей. Но воплотители настолько привыкли хранить секреты своего мастерства в тайне от всех, рассматривая любого как своего врага, что большая их часть серьезно возражала против этого. Естественно, Кадуол и Аленд делали все возможное, чтобы пополнить ряды своих воплотителей. Все три королевства находились в состоянии беспрестанной войны — хоть и необъявленной, но тем не менее войны, — и все это время король Джойс бил в одну точку, пока враг не ломался. Кроме того, он не гнушался всевозможными видами коварства и преступлений. Он подкупал нужных людей направо и налево. Он отправлял небольшие банды в молниеносные набеги. Он сманивал гонцов, священников, капитанов, всякого, кто мог знать, где находится нужный ему человек. Он не брезговал даже похищением семьи воплотителя, держа ее в качестве заложника до тех пор, пока воплотитель не сдавался. Все это оказалось значительно более сложным и трудным, чем процесс ваяния Морданта из отдельных провинций. И отняло у него еще двадцать лет.

Он снова замолчал. Затем основательно приложился к графину и продолжил рассказ.

— Впрочем, основная часть этой работы была закончена уже через пять лет. Оставалось лишь одно препятствие. Алендский монарх и кадуольский верховный король, как вам это ни удивительно будет услышать, не доверяли королю Джойсу. Даже убедившись в том, что после каждого своего налета он моментально покидал их королевства, едва лишь находил

то, что ему нужно, они продолжали бояться его. В их глазах он выглядел безумцем. И, естественно, раз у него были воплотители, а у них нет, они могли оказаться беззащитными перед ним.

В своем желании предпринять хоть что-то верховный король Кадуола оказался более смекалистым и менее щепетильным, чем аленлский монарх. Верховный король Фесттен, который до сих пор правит мелкими княжествами-королевствами Кадуола из большого прибрежного города Кармага, где высоко над горами вздымаются минареты, а внизу плещется море и где жизнь богатых и сильных пропитана самыми экзотическими пороками, какие только известны людям... — похоже, Мастер Квилон был о Кармаге не лучшего мнения, — ...Фесттен начал собирать своих воплотителей. Он сформировал группу приблизительно из тридцати человек, каждый из которых был достаточно силен в искусстве воплощений, и поставил над ними Архивоплотителя Вагеля. Кроме того, он назначил своего личного воина, Бретера верховного короля, ответственным за безопасность своих воплотителей. Охраняемая невероятной доблестью Бретера, эта клика посвятила себя исключительно искусству разрушения — чтобы защитить Кадуол и одержать победу над королем Джойсом.

Без всякого предупреждения Адепт Хэвлок поднял голову, словно внезапно решил послушать, о чем говорит Мастер Квилон.

— Пять лет прошло, прежде чем король изыскал возможность уничтожить эту клику, — продолжал Мастер. — Затем почти вся она была перебита. Ее члены слишком *приспособились*, — выдавил он кисло, — к жалкой морали Кадуола и погрязли в бурных развлечениях. Они не могли примириться с пересадкой на другую почву. В то же самое время, как все считали, был уничтожен и Архивоплотитель. Но сейчас все чаще поговаривают, что он жив. Жив и, скрываясь где-то, плетет новые сети.

Бретер верховного короля потерпел неудачу и, как водится, был казнен, а его место занял другой.

Широким движением руки Хэвлок очистил доску, как бы сбросил все свои шашки на пол. Затем поднялся на ноги. Подойдя к Теризе и Квилону, он коснулся ее руки, осклабился и кивнул в направлении двери, откуда они пришли. Когда она посмотрела на него, он начал вращать глазами и решительно заговорил.

— Время и приливы людям не подвластны, — сказал он так, словно у него наступило просветление, — но все они ожидают женщин.

— Нет, Хэвлок, — произнес Квилон с твердостью, какой Териза от него не ждала. — Без сомнения, ты знаешь все лучше, чем я. Но я собираюсь рассказать ей и все остальное.

Лицо Адепта стало свирепым. Он зажмурил один глаз так, чтобы иметь возможность вперить убийственный

взгляд другого в Мастера Квилона. Но Квилон не дрогнул, и лицо Хэвлока мгновенно изменилось. На нем появилась широкая ухмылка.

— Ну подожди, Вагель, — воскликнул он пронзительно, как ребенок во время игры. — Я иду. Хи-хи. Я *иду*.

Залихватски подмигнув Теризе, он отвернулся и принялся копаться в залежах на ближайшем столе.

Мастер пожал плечами. Запрокинув голову, он допил оставшееся вино и с шумом поставил графин перед собой. Глаза его начали слегка косить, красные пятна на щеках доползли почти до носа.

— Это произошло десять лет назад, миледи, — сказал он замогильным голосом. — В течение следующих пяти лет мы жили в относительном спокойствии. Оборона, которую создал король Джойс, давала нам относительную безопасность. Большая часть Мордант жила в относительном мире. Гильдия прошла через стадию наиболее сильных конфликтов, как личных, так и касающихся доверия друг к другу, и стала относительно единой, и старшее поколение — то есть люди, которые хорошо помнили, какой была жизнь до появления короля Джойса, — постепенно начало исчезать. Создав Гильдию, король Джойс, естественно, не мог контролировать или ограничивать рождение новых талантов по всему миру. Но он контролировал *знание* о воплотимом. Талант мог реализоваться только в Орисоне, прослужив здесь в качестве пригодника.

Аленд и Кадуол вели себя относительно тихо. Большая часть нас, Мастеров, — тут его сарказм зазвучал с новой силой, — была в относительной безопасности, если подчинялась приказам короля. В течение пяти лет мы не замечали — видимо, потому, что не хотели замечать, — что свеча его разума угасает. Возможно, потому, что ему не было больше нужды совершать ничего великого или героического и к нему относились как к человеку, которого многие из нас любили.

Но наконец-то мы начали замечать перемены. Да уж, *начали*. — Мастер Квилон заговорил еще более едко. — Мы больше уже не могли игнорировать то, что в Мордант стало проникать нечто злое.

Неведомый воплотитель начал воссоздавать ужасных и отвратительных тварей из своих зеркал и позволять им бродить по земле там, где они могли найти жертву.

В холоде комнаты дурное предчувствие ледяной рукой стиснуло сердце Теризы.

— Легко предположить, что это действует Вагель. Это такое же разумное объяснение происходящему, как и все остальные. Он всегда славился тем, что находил в своих зеркалах чудовищ и силы разрушения. И не задумывался о том, каковы могут быть последствия проводимого воплощения. Однако ник-

то не знает, где он обрел покровительство и материалы, чтобы создавать свои зеркала.

Мы можем предположить, что он обрел их в Кадуоле или Аленде, но его создания забираются слишком глубоко в Мордант; однако довольно сомнительно, что такого рода зеркала могут быть сделаны где-то, а затем привезены сюда, на такое расстояние, без того, чтобы слухи о них не достигли Орисона.

Но если не в Кадуоле и Аленде, тогда где? Кто в Мордапте посмеет устраивать подобный заговор против королевства? И почему король Джойс ничего не делает, чтобы все это прекратить?

Раньше, возможно, это предательство было бы обнаружено с помощью терпения и осторожности. Ведь нападения происходят не слишком часто. И все считали, что король ждет сообщения от своих шпионов или друзей, которые раскроют тайну и сообщат ему, а уж он-то будет знать, что делать.

Но атаки становились все более ужасными, и никаких объяснений не последовало. Вместо этого шпионы и друзья донесли вести, что Аленд и Кадуол знают, что происходит, от *своих* шпионов и друзей, и собирают силы, чтобы воспользоваться ситуацией в Мордапте. Армии уже стоят возле рек Пестиль и Вертигон. Регулярно происходят набеги для проверки надежности обороны провинций. Разъяренные, потому что им приходится защищаться без всякой помощи со стороны короля, некоторые провинции начали бунтовать против него. А кошмары становятся все грандиознее как по количеству, так и по качеству. Архивоплотитель — если это *действительно* он — создает зеркала в полной тайне, и сколько их уже произведено, не знает никто. А король ничего в ответ не предпринимает.

Впрочем, совсем ничего — это слишком сильно сказано, — пробормотал Мастер так, словно во рту у него скопилась желчь. — Он все чаще и чаще играет в перескоки.

Гильдия, естественно, не обращала на эту проблему никакого внимания. Даже если мы и слышали сообщения, доходившие до каждого живущего в Орисоне, у нас были свои предсказания, — а мы узнали достаточно много о пророчествах, с тех пор как наши усилия объединились.

Вы можете увидеть, миледи, гибель Морданта; он разрушается силами, которые мы можем укротить, но против них наш король — после основания Гильдии — действовать нам запретил. Он запрещает нам становиться оружием. В то же время он не делает ничего для спасения Морданта, хотя у него вполне достаточно сил, чтобы спуститься в наши мастерские и указать на зеркало, которое даст нам способ защиты. Он позволил искать Воина лишь потому, что мы — после многочисленных бесплодных дебатов — пришли к выводу: тот Воин, которого мы

выберем, не будет воплощен здесь против собственной воли, а прибудет к нам путем убеждения, имея при этом возможность отказаться.

Короче, наш король довел нас до края пропасти. Как только люди открыто выкажут неповиновение — а это произойдет довольно скоро, — Мордант возвратится к тем временам, когда был не чем иным, как полем битвы между Аленлом и Кадуолом. И если Вагель почувствует себя достаточно сильным, он присоединится к одному из них и покорит второго и станет, таким образом, властителем мира.

Внезапно Мастер Квилон схватил кубок Теризы, влил в себя вино, до которого она даже не дотронулась, и глухо пробормотал в кубок:

— Мне, во всяком случае, подобная перспектива не по душе.

Она слушала Квилона так внимательно, что не замечала Хэвлока, пока тот не коснулся ее рукава.

Он улыбался как сатир.

— Я помню. — Его дыхание источало болотный газ. — Я все помню.

— Он помнит все, — ухмыляясь, повторил Квилон. — Зеркала охраняют нас.

— Да, — прошипел Хэвлок, — я помню. — Его улыбка стала не просто похотливой, в ней проглядывала кровожадность.

Квилон вздохнул.

— Да, ты помнишь, Адепт Хэвлок. — Он повторял слова так, словно играл роль в исключительно скучной постановке.

— Помню все.

Возбужденный Адепт резко подпрыгнул, от чего его хламида взлетела над кривыми коленями. Затем последовал пируэт, и он снова уставился на Теризу с убийственной улыбкой.

— Я помню Вагеля. У него было зеркало, изрыгающее огонь. У меня было — полное воды. У него было еще одно — с кровожадной бестией. Но бестия не смогла дышать водой. У него было оружие, которое пускало огненные лучи; они разрезали стены и превращали плоть в пепел. Но лучи лишь заставляли воду кипеть. Я *помню.*

Я помню комнату, куда загнал его. Вам сказать, сколько свечей горело на столе? Сосчитать все камни в стенах? Измерить, под каким углом лежали в углах тени? Рассказать вам обо всем, что я увидел в его последнем зеркале?

Оно было совершенно плоским, но из-за красителя и формы показывало некое место среди островерхих холмов и глубоких ущелий в Вассалах Аленда. Высокое летнее солнце освещало мягкую траву на склоне одного из холмов и сверкало в воде, сдерживаемой дамбой. О, как оно сверкало! Я видел бабо-

чек, таких, каких не встретишь в Морданте, они танцевали среди маргариток и одуванчиков. А над дамбой стояла могучая ель. Я видел все это.

Помните обо мне, миледи. — Он смотрел на Теризу пронизывающим взглядом, но поочередно то левым, то правым глазом — другой обязательно оказывался устремленным на пилон за ее спиной. — Я прекрасно помню Вагеля. Я слышал, с каким презрением он смеялся надо мной, и видел, как он входит в зеркало, словно ему нечего бояться. Я видел, как сначала один ботинок, затем второй прошли через зеркало и оказались в траве, давя зеленые стебли. Я видел, как сверкала его черная мантия под летним солнцем. Я видел, как плечо его закрывает дамбу, когда он сделал шаг или два по направлению к вершине холма.

Затем он обернулся и пригласил меня последовать за ним. Он издевался надо мной, миледи. — Руки Хэвлока судорожно двигались, как будто он царапал воздух когтями. — Он *издевался*, и издевка светилась на его лице. Так что я последовал за ним, хотя каждый воплотитель знает, что такое воплощение никуда не приводит, это — безумие. — Его голос возвысился до вопля. — Подожди, Вагель. Я иду. Я иду. А-а-а! — Вопль внезапно сменился стоном.

Я — Адепт. Я раскрыл это зеркало. Я шагнул в него. Но когда я ступил в него... — его голос завизжал фальцетом, — он снял солнце с небес и швырнул его мне в глаза, и глубоко во мне разлился свет. Свет, миледи, хи-хи. Свет.

Мастер Квилон кашлянул. Глаза его покраснели от печали или от вина. Он сказал хрипло:

— Миледи, вы спрашивали меня, почему его называют Королевским Подлецом? Потому что его считали в своем роде предателем таких же, как он, — остальных воплотителей.

Это действительно так, он предал многих воплотителей королю Джойсу. В его понимании цели короля были важнее свободы личности. Но самый большой акт предательства произошел с воплотителями, собравшимися вокруг Вагеля в Кармаге. Именно он уничтожил клику. Утаив свое происхождение и свои привязанности, он присоединился к Архивоплотителю как очередной создатель зеркал, жадный до власти. Три года — его жизнь постоянно подвергалась смертельной опасности — он служил Вагелю и изучал его, участвуя во всех злодействах, но на самом деле изучая слабые места клики и ее планы. И когда он выяснил все их слабые стороны, то захлопнул ловушку, приведя короля Джойса и эскадрон его гвардии в то место, где воплотители жили и ковали свои заговоры.

Но Архивоплотитель, — уныло продолжал Квилон, — обладал тем единственным, чему не научился Адепт. Он

был способен, как мы знаем сейчас, хотя в то время это казалось невозможным, воплощать себя *внутри* нашего мира посредством плоского зеркала. Когда Хэвлок последовал за Вагелем, попытка воплотить себя стоила ему разума, как стоила бы разума любому, кроме Вагеля, — только ему это удалось. Но мы-то стали считать, что Архивоплотитель мертв, когда Хэвлок вернулся в бреду к королю Джойсу и никаких следов его врага обнаружено не было.

Как я уже говорил, — Мастер вздохнул, — у Адепта Хэвлока бывают моменты некоторого просветления. Но вот уже более десяти лет главный друг и советник короля пребывает в безумии.

Адепт проявлял во время разговора все большее нетерпение. Когда Квилон закончил, Хэвлок вдруг взмахнул руками, как будто собирался взлететь. Затем схватил Теризу за руку, сорвал ее со скамьи и потащил к открытой двери.

— Пошли, женщина! — ревел он. — Я не должен быть под подозрением!

Подозрением? Мысли Теризы были слишком переполнены только что услышанным — она забыла обо всем остальном. Но ей явно не нравилось, что ее волокут, словно непослушного ребенка. Она сделала несколько быстрых шагов, чтобы догнать Хэвлока, но нашла опору для ноги и дернула руку, пытаясь избавиться от его хватки.

Это оказалось легче, чем она предполагала. Пальцы старика соскользнули с ее руки; он чуть не упал, когда она высвободилась.

Ее сердце судорожно билось — скорее не от затраченных усилий, а от испуга, вызванного собственной дерзостью, она обернулась к Мастеру Квилону.

Он изучал ее с интересом, его голова была склонена набок, а нос подергивался.

— Я хочу поблагодарить вас, — сказала Териза, пока смелость не покинула ее. — Вы мне очень помогли. Я вас не выдам.

Он мрачно покачал головой, словно сейчас ее обещание было гораздо серьезнее, чем что-либо иное.

— Это было бы и в самом деле весьма неплохо, миледи.

— Я ничего не знаю о ваших зеркалах, — сказала она не задумываясь. — И я не воплотитель. Но мне кажется, что миры, которые видны в зеркалах, могут быть реальными. Место, из которого я пришла сюда, было совсем не то, что в зеркале Джерадина, и он попал туда вовсе не по ошибке.

Мастер Квилон пожал плечами, депрессия навалилась на него с новой силой.

— Я надеюсь, что вы правы, миледи. Я верю, это так и есть. Но аргументы противной стороны слишком серьезны, чтобы их просто отмести. Если ваш мир реален и если вы не воплотитель — тогда как могло произойти подобное воплощение, осуществленное Джерадином?

— Я не знаю, — повторила она. — Это все слишком ново для меня. Но... — она была поражена тем, что говорят ее губы, — я постараюсь это выяснить.

Вероятно, лишь для того, чтобы не сказать еще чего-нибудь, столь же не свойственного ей, она уступила драматическим жестам Хэвлока, выражавшим нетерпение, и обернулась, чтобы следовать за ним.

— Ничто другое, — пробормотал Адепт, мрачно поглядывая на нее. — Только игра в перескоки имеет значение. — Когда Териза вошла в потайной ход, он закрыл дверь. Он некоторое время копался в темноте, пока не извлек свет из своего куска стекла. Затем поспешил вперед, преодолевая ступеньки с такой скоростью, какую только позволяли его старые ноги.

Она обнаружила, что подниматься по ступенькам гораздо легче, чем спускаться, — гораздо проще сориентироваться в пространстве, чтобы правильно поставить ногу; но Хэвлок усложнял подъем, водя лучом из стороны в сторону и светя им далеко вперед, вместо того чтобы направлять перед собой. Он стал проявлять еще большее нетерпение. Легкие его хрипели от усилий, но он не был намерен замедлять шаг.

«Ради чего спешка?» — думала она, затрудненно дыша. Лифты в ее доме не подготовили ее к длительным подъемам по ступенькам.

Адепт Хэвлок остановился на развилке и посветил лучом во всех направлениях, после чего посмотрел на нее сверху вниз.

— Проблема с женщинами в том, — задыхаясь, выдавил он, — что они не умеют вовремя промолчать.

И когда он снова начал подъем, ей показалось, что каменный коридор почему-то стал более узким, давяще-тесным. Стук каблуков по ступенькам, казалось, вторил ударам ее сердца и как будто даже отражался от стен. Потолок стал давить на нее. Хэвлок совсем обезумел: он пытался говорить о вещах, о которых не мог высказаться прямо. С чего эта спешка, эта паника? Она не понимала, почему пытается идти как можно ближе к нему или почему старается сдерживать дыхание.

Не прошли ли они мимо ее комнат? Это было возможно, поскольку волокли ее так долго, что она потеряла чувство дистанции.

Но вот она услышала где-то вдалеке слабый металлический звук и приглушенный вскрик.

Хэвлок вполне разборчиво пробормотал ругательство и бросился вверх по ступенькам, гася на ходу свет.

На долю секунды она застыла, когда тьма коридора навалилась на нее. А затем, подгоняемая страхом, невольно бросилась вперед, вслед за Адептом, отчаянно стараясь догнать его прежде, чем останется в темноте одна.

Шарканье его подметок из сыромятной кожи слышалось где-то впереди. Она потянулась, потянулась сильнее, и ее пальцы вцепились в хламиду.

Этого было достаточно. Он сделал неожиданно резкий поворот; она последовала за ним, держась за его одежду.

За поворотом забрезжил свет ламп, но освещение не помогло ей. Как только ее ноги застучали по дереву вместо камня, она зацепилась за дверцу гардероба, полного одежды, и во весь рост растянулась на полу собственной спальни.

Здесь повсюду были павлиньи перья. Они летали в воздухе, лежали небольшими кучками на ковре, деликатно осыпали край постели. Одно из них накрыло ее лицо, ослепляя, когда послышался резкий возглас:

— Миледи! — и мелодичный удар стали о сталь.

Голос, похоже, принадлежал Рибальду.

Она отбросила в сторону перо, чтобы увидеть, как стражник отчаянно парировал удар, искры сыпались с лезвия его меча.

Вместе с Аргусом он ожесточенно бился с третьим мужчиной, который стоял у входа в спальню, отрезая их от нее.

Павлиньи перья мужчина использовал в качестве щита.

Он был одет в плащ и кожаные латы, такие черные, что его трудно было рассмотреть; Териза воспринимала его как мечущуюся в неярком свете тень, и все его движения напоминали изломы тени. Только меч его притягивал и отражал свет, злобно сверкая, когда высекал искры из клинков противников.

Руки у него были заметно короче, чем у Рибальда или Аргуса, он был более хрупким, чем любой из них, но удары наносил не менее мощные.

Стражникам явно не давалась победа.

Оба уже получили серьезные ранения. Аргус был отмечен свежим шрамом под глазом, костяшки его пальцев кровоточили. У Рибальда зияла рана в основании шеи, там, где она переходила в плечо. В местах ударов кольчуга превратилась в висящие лохмотья. Очевидно, противник Рибальда и Аргуса мог бы легко расправиться с ними поодиночке.

В этот момент Рибальд был отброшен назад яростной атакой. Он потерял равновесие и оказался за пределами досягаемости клинка нападавшего, но сильно ударился об угол камина и рухнул на колени.

Аргус попытался продвинуться вперед, его меч вознесся над головой незнакомца. Однако тот оказался проворнее; его длинный меч успел смягчить удар и отвести его. Зато он ткнул своим импровизированным щитом в лицо Аргусу. Прежде чем он сориентировался, человек в черном пнул его ногой в пах с такой силой, что тот буквально взлетел.

Рухнув на пол, Аргус скорчился, и его вырвало.

Мягко, как тень, мужчина обернулся к Теризе.

Сейчас она видела его лицо. Его глаза в мерцании ламп горели желтоватым светом, нос напоминал лезвие томагавка, а зубы обнажились в кошмарной улыбке. Ей почему-то показалось, что его щеки покрыты шрамами.

Его плащ вознесся над плечами, когда он сжал рукоятку меча обеими руками и занес лезвие над Теризой.

— Миледи! — снова закричал Рибальд.

Покачиваясь, едва держась на ногах, он заставил себя снова броситься на спину противника.

Она приподнялась на руках и коленях, но пошевелиться не могла. Ничего из происходящего не имело ни малейшего смысла. Она только смотрела, как человек в черном резко развернулся и встретил нападение.

Их мечи скрестились так неистово, что ей показалось — они вот-вот сломаются. Звон железа оглушал. Но на этот раз Рибальд и его меч выдержали; человек в черном вынужден был увести меч за плечо и парировать ответный удар.

Он сделал это с завидной ловкостью, и Рибальду пришлось отскочить, чтобы сохранить руки в целости.

Атакующий мгновенно последовал за ним, нанося удары то с одной, то с другой стороны. Рибальд останавливал удары клинком; искры осыпали его руки, но, похоже, он ничего не чувствовал. Он снова отступил, но на сей раз контролируя свои движения и готовясь к новой атаке.

Внезапно мужчина отскочил от Рибальда в сторону — и прыгнул к Аргусу. Пока Аргус в ужасе смотрел на него, беспомощный от боли, мужчина занес меч над его головой.

— Нет! — В отчаянном броске Рибальд попытался достать противника. И отчаяние на миг сделало его беззащитным. Он не успел отбить удар, когда человек в черном изменил направление своего клинка. Острие меча ударило Рибальда в лицо и отшвырнуло на пол.

— А сейчас, миледи, — сказал незнакомец голосом мягким как шелк, — давайте покончим со всем этим.

Выставив меч перед собой, он вступил в спальню.

Териза внезапно осознала, что никто больше не придет ей на помощь, что никакой молодой человек не появится из ее сна и не станет рисковать жизнью, спасая ее. Если она хочет жить, она должна что-то сделать для своего спасения — позвать на помощь, вскочить на ноги и броситься в тайные ходы Орисона, — все что угодно. Но она оставалась на месте, не в состоянии понять, почему кому-то вообще понадобилось нападать на нее, да еще с такой ненавистью, парализующей волю, отнимающей всякую способность двигаться.

К счастью, в самый последний момент Адепт Хэвлок выскочил из своего укрытия в гардеробе и направил луч яркого света в глаза нападавшего.

Человек заревел от боли и отпрянул. На миг он застыл, прижимая руки к глазам; его меч был направлен в потолок. Затем он хрипло пробормотал проклятие. Хотя он практически ничего не видел, он опустил клинок и снова вытянул его вперед, пробуя воздух, готовый в любой миг нанести удар.

Аргус, корчившийся в другой комнате, потянулся к своему мечу.

— Сейчас... — выдавил он, скрипя зубами от острой боли и желания убить. — Сейчас я тебя достану.

Нападавший замер. Если бы он мог видеть Аргуса, то знал бы, что опасности нет; Аргус с трудом преодолевал и те несколько дюймов, что отделяли его от меча. Но человек ничего не видел. Он замер, прислушиваясь к звукам, издаваемым Аргусом, и вдруг развернулся возле Теризы, сделал молниеносный акробатический прыжок, который позволил ему перескочить через Рибальда и Аргуса, и быстро определил, где находится дверь. Через секунду он исчез.

Застонав, Аргус пнул неподвижное тело Рибальда.

— Иди за ним, идиот. Не дай ему уйти...

Териза смотрела прямо перед собой, слишком ошеломленная, чтобы мыслить логически. Рибальд и Аргус пытались защитить ее — и чуть не погибли. Деревянная дверь была проломлена как раз там, где располагался засов. Если у этого человека восстановится зрение и он вернется... Адепт был сумасшедшим, это понятно, но он сообразил, что здесь происходит, во всяком случае, до некоторой степени.

— Хэвлок, — нерешительно пробормотала она, — вы что-нибудь понимаете?

Но Адепта в комнате не было. Дверь, замаскированная под заднюю стенку гардероба, была закрыта.

7. Подземелья Орисона

Следующие полчаса почти не сохранились в памяти Теризы. Ее обнаженные нервы трепетали в каждой клеточке тела, пульс, казалось, был готов разорвать вену; с таким количеством адреналина в крови она могла быть немного поворотливее и, во всяком случае, составить более ясную картину происшедшего. Но все начинало ускользать от нее, как только она

пыталась сосредоточиться на этом. Реальность словно песок утекала меж пальцев.

— Нужно вызвать помощь, — выдавил из себя Аргус, глядя на нее. Он не отодвинулся от Рибальда, он скорчился над ним, с трудом удерживаясь на ногах. — Если он вернется...

Аргус, видимо, имел в виду что-то очень важное. Разве она сама не подумала о том же минуту назад? Но сейчас она сомневалась в этом. Даже природный инстинкт не приходил ей на помощь.

Может быть, использовать тайный ход Адепта и найти дорогу к Мастеру Квилону? Она хотела человеческого тепла, хотела, чтобы рядом оказался кто-нибудь понимающий, что происходит, и чтобы он позаботился о ней. А сможет ли Мастер Квилон успокоить ее? Вопреки своей воле и желанию она прошла мимо Рибальда и Аргуса к звонку, спрятанному за украшением из перьев. Отсюда ей была видна открытая дверь. Каким образом можно по-другому позвать на помощь?

Она изо всей силы дернула за мягкий шелк шнурка, а затем вернулась в спальню.

Неосознанно привела в порядок вещи в гардеробе и закрыла дверцу, дополнительно маскируя тайный ход.

Время тянулось бесконечно, по крайней мере так ей казалось, может быть, из-за непроходящего смятения — и вот наконец появилось решение ее проблем в образе женщины, похожей на служанку. Правда, она была старше Саддит, заспанная и небрежно одетая. И настроение ее было далеко не безоблачным. Тем не менее, едва взглянув на Рибальда и Аргуса, на валяющиеся повсюду перья и сломанную дверь, она позабыла о своем раздражении и поспешно удалилась.

Вскоре Териза услышала далекие крики:

— Эй, охрана! На помощь!

— Дура набитая, — пробормотал Аргус сквозь зубы.

Рибальд приходил в себя. Он прижал руки к лицу и тут же отдернул их.

— Дочь козла, — простонал он. — *Кто* был этот сукин сын? — Он с трудом приподнялся на локте и оглядел комнату. Увидев Теризу, он издал вздох облегчения и снова повалился на пол.

— Я умираю, — громко прошептал Аргус. — Этот свин уничтожил меня, я теперь не мужчина.

— Не думай об этом, — безучастно ответил Рибальд. — Радуйся, что не лишился жизни.

Теперь Териза слышала, как по каменному полу наружного коридора застучали подкованные ботинки — множество ботинок. В комнату, размахивая мечом, влетел человек, одетый, как Рибальд и Аргус. За его спиной было пятеро таких же, готовых к бою; они, казалось, жаждали немедленно свершить

расправу, как всадники в ее сне. Они быстро осмотрели комнаты, а потом сгрудились вокруг защитников Теризы.

— Что случилось? — спросил один из них, сильно заикаясь. — Вы, сукины дети, наконец-то столкнулись с женщиной, способной справиться с вами обоими?

Прежде чем Аргус успел ответить, в комнате появился еще один человек. От прямых, припорошенных сединой волос до выдвинутой вперед челюсти, от массивных плеч до вышагивающих ног весь он излучал мощь и невольно вызывал к себе уважение, хотя был ниже Теризы и почти на фут уступал в росте мужчинам, находящимся в комнате. Он был одет так же, как и они, не считая пурпурной перевязи, надетой через плечо поверх кольчуги, и пурпурной ленты над густыми седыми бровями. В его глазах сохранялась неизбывная подозрительность, а рот был искривлен гримасой, как будто он давно забыл сменить ее на другое выражение.

Он осмотрел комнату, оценивая ситуацию, затем приблизился к Теризе и принужденно кивнул ей.

— Миледи, — сказал он. Несмотря на то что голос прозвучал негромко, она чуть не подскочила от его интонации. — Я Смотритель Леббик, управляющий Орисона и командир гвардии Морданта. Я поговорю с вами через пару минут.

И тут же повернулся к Рибальду и Аргусу. Не повышая голоса, он заставил его звучать, словно удары хлыста.

— Что здесь произошло?

Они с трудом пытались объяснить случившееся. В качестве личной услуги пригодник Джерадин просил их приглядеть за леди Теризой де Морган и оказать ей помощь, если таковая понадобится. Он сказал, что не знает, отчего она может понадобиться. Но они были свободны и решили: почему бы не услужить приятелю? Долгое время ничего не происходило. Затем в коридоре появился человек в черном. Он подошел к ним и попросил позволить ему пройти, потому что у него есть дело к леди Теризе. Когда они поинтересовались, какого рода это дело, он выхватил меч, сломал дверь и попытался убить благородную даму. После того как ему это не удалось, он убежал.

Слушая их, Териза сообразила, что ни Аргус, ни Рибальд не знал, что ее не было в комнатах. И кроме того, ни один из них не видел Адепта Хэвлока. Именно поэтому они и не могли объяснить, почему незнакомец сбежал. Глядя на Теризу так, словно он верил, что именно она была тому причиной, Аргус что-то пробормотал о вспышке света, а затем перевел взгляд на Смотрителя Леббика.

Все еще словно бы не замечая ее, Смотритель выслал всех шестерых стражников из комнаты за подкреплением, чтобы начать поиски человека в черном.

— Хотя, — пробормотал он, когда те ушли, — он сейчас наверняка уже на полпути к забвению. — И снова переключил внимание на Рибальда и Аргуса. — Давайте разберемся. Он отгонял вас от двери достаточно долго, чтобы успеть выломать ее. Он дошел до самого порога спальни. Он саданул ногой одного из вас и покалечил другого. А затем вдруг ударился в панику и сбежал. Без сомнения, он был ошеломлен, увидев, как легко справился с вами. Наверное, все, кто служит королю, похожи на вас. Странно, что он не умер от ужаса.

Рибальд и Аргус потупили взоры.

— Миледи? — спросил Леббик мрачно.

Териза не ответила. Только сейчас она поняла, почему закрыла гардероб. Хэвлок рискнул не подчиниться приказам короля и Гильдии, чтобы ознакомить ее с историей Морданта, и она не хотела предавать его.

— Отлично, — прорычал Смотритель. — Ладно, опустим пока этот момент. Объясните-ка мне вы, бараньи головы, — потребовал он от Аргуса и Рибальда, — почему вы никому не сказали, что будете здесь? Клянусь звездами, я потратил почти всю свою жизнь, пытаясь вдолбить тупым кускам мяса, насколько важна связь и возможность получить подкрепление. Если вы поверили Джерадину, будто леди может оказаться в опасности, то почему вы не предприняли простейших мер предосторожности, чтобы в случае нужды позвать помощь?

Рибальд прикрывал рукой рану на лице.

— Мы не поверили Джерадину. Вы ведь его знаете. Мы просто оказывали ему услугу. Из-за Артагеля.

— Свиная отрыжка! — взорвался Смотритель Леббик. — *Я* объясню вам, почему вы никому ничего не сказали. Если бы вы доложили, чем собираетесь заниматься, своему капитану и тот поддержал бы вас в этом, он непременно доложил бы об этом мне, а *я* — королю. А поскольку король не приказывал мне приставить охрану к сей леди, он мог бы выразить удивление, — голос Смотрителя звучал так, что, казалось, был способен заморозить кровь в жилах, — по поводу того, какое вы имеете *право* вмешиваться в его решения!

— Мы не собирались никого оскорблять, — запротестовал Аргус. — Мы всего лишь...

— Я знаю. Приберегите свои извинения. Джерадином я займусь сам. *Вы* доложите обо всем происшедшем своему капитану. И считайте себя счастливчиками, что я не приказал заковать вас в кандалы. Идите.

Аргус и Рибальд подчинились; с трудом сдерживая стоны, они поднялись на ноги. Ни один из них не посмотрел в сторону Теризы.

Осторожно — под злыми взглядами Смотрителя — они подобрали свои мечи и покинули комнату.

— А сейчас, миледи, — Леббик обернулся к ней, — мы, пожалуй, обсудим этот вопрос несколько более подробно. Я уверен, король Джойс будет доволен, услышав, что вам удалось в одиночку, без помощи оружия избавиться от нападавшего, после того как двое моих гвардейцев оказались поверженными. И, я уверен, он захочет выяснить, что же в вас есть такого, что вызывает подобного рода нападения посреди ночи.

Он сделал к ней шаг, выпятив грудь.

— Так кто вы, миледи? О, вашу историю я уже знаю — Орисон не способен хранить такие вещи в тайне. Вас случайно доставил сюда пригодник Джерадин. Но *кто* вы? — Он вперил свой колючий взгляд в Теризу, и она почувствовала, как в нее впиваются иглы. — В какого рода игры вы собираетесь играть с моим королем?

В его голосе звучала такая ярость, что Териза задрожала. Еще шаг — и он оказался совсем близко. Она знала, что произойдет, если Леббик протянет правую руку и ткнет в нее указательным пальцем. Она начнет, захлебываясь от плача, бормотать: «Простите меня, я не хотела. Я больше так не буду, обещаю. Пожалуйста, только не наказывайте меня. *Я не знаю, в чем моя вина*».

К счастью, в этот момент в комнату проскользнул еще один стражник и стал навытяжку. Он был довольно молод, и страх перед Смотрителем Леббиком ясно читался на его лице.

— Простите меня, Смотритель, — сказал он запинаясь. — Я не хотел вас прерывать. Но у меня послание от короля.

Леббик сделал глубокий вдох и закрыл глаза, чтобы не потерять контроль над собой. Затем повернулся спиной к Теризе.

Стражник судорожно сглотнул и уставился на Смотрителя, словно кролик на удава.

— Послание от короля? — яростно прохрипел Леббик. — Вы сказали, что прибыли с посланием. Ну?

— Да, сэр Смотритель. Послание от короля. Он приказал прекратить расследование.

— *Что?* — Удар хлыста.

— Король приказал прекратить расследование, сэр.

— Так... Это имеет некоторый смысл. В такие времена, как нынешние, опасный наемный убийца в замке — тривиальная проблема. Он дал какое-то *объяснение* своему приказу?

— Да, сэр. — Лицо гвардейца стало белым как мел. — Он сказал, что ему мешает беготня среди ночи.

Леббик даже вытянулся от ярости. Тем не менее спросил почти спокойно:

— И все?

— Да, сэр. Кроме того, он сказал... — казалось, стражник был бы счастлив, провались в эту минуту пол у него под ногами, — что хочет, чтобы его гостей не беспокоили.

Смотритель взмахнул рукой, но не ударил стражника.

— Выслушайте мое предупреждение, миледи, — сказал он. — Я — Смотритель Орисона. Я несу ответственность за множество вещей, но прежде всего — за безопасность короля. Он страдает от неестественной веры в собственное бессмертие. Я настроен несколько иначе. — Его челюсти перемалывали слова, словно мельничные жернова. — Я буду подчиняться ему беспрекословно до тех пор, пока это будет в моих силах. А затем я стану решать все сам.

Он развернулся на каблуках и вышел.

Проходя мимо стражника, он притормозил и хладнокровно отдал приказ:

— Я хочу, чтобы к леди приставили охрану. И на сей раз пусть все будет организовано наилучшим образом. — У двери он снова остановился. — Держите дверь прикрытой. Завтра утром я прикажу починить засов.

И вышел.

Стражник обернулся к Теризе, выразительно пожал плечами, как бы извиняясь наполовину за свою робость, наполовину — за грубость Смотрителя, и последовал за своим командиром, плотно притворив за собой дверь.

Когда он вышел, показалось, что вместе с ним из комнаты улетучились последние крохи надежности этого мира.

Без всякого предупреждения налетела тревога. Придерживая платье, Териза поспешила к дверям и замерла. Она слышала совсем рядом с дверью голоса множества мужчин — это отдавались приказы и распоряжения насчет ее охраны. Но она продолжала оставаться в опасности и без всякой защиты. Незнакомец собирался убить ее. Она быстро схватила кресло и пододвинула его к двери. Затем поставила второе кресло внутрь гардероба, чтобы блокировать потайной ход Хэвлока.

А после этого она уже не знала, что делать.

Долгое время она не могла ни расслабиться, ни сосредоточиться на чем-то определенном. Верховный король Фесттен казнил своего Бретера, обманувшего его ожидания, когда Адепт Хэвлок предал сторонников Архивоплотителя. Хэвлок потерял разум, когда последовал за Вагелем в плоское зеркало. Мастер Квилон не побоялся рассказать ей обо всем, хотя и король Джойс, и Гильдия запретили это. А Смотритель Леббик по какой-то причине не доверял ей.

Как могло все это случиться с *ней?*

Но затем она неожиданно ощутила необычный прилив радости. Видимо, Джерадин все же доставил ее именно туда, где она *имеет значение.* Уже одно то обстоятельство, что она находится здесь, многое меняет. Смотритель Леббик воспринял ее достаточно серьезно, чтобы на нее злиться, Мастер Эре-

мис *смотрел* на нее. Можно даже предположить, что он счел ее прекрасной.

Такого с ней никогда раньше не случалось.

Наконец-то она могла заснуть спокойно.

Утром ее разбудил льющийся в окна солнечный свет. Она не сразу сообразила, где находится. Может быть, она лежит на кровати в своей квартире, там, где и должна быть? Но лучи ярко осветили ковер на полу, и Териза увидела разбросанные повсюду павлиньи перья. В памяти невольно возникли картины недавнего кошмара и человек в черном. То, что она помнила, было, по-видимому, реальным.

Несмотря на свою яркость, солнечные лучи были холодными, зимними. И воздух над покрывалом был ледяным: она не подумала о том, чтобы поддержать огонь в очаге перед тем как лечь спать, и посреди ночи он погас. Сдерживая дыхание, она выбралась из-под теплых покрывал и быстро натянула толстое бархатное платье, в котором провела предыдущую ночь. Камень под ее босыми ногами был настолько студеным, что она со слабым писком перескочила на ближайший ковер.

Посмотрев на окна, она заколебалась: выглянуть наружу или все-таки не стоит? Вид из окна мог подтвердить или опровергнуть все ее построения.

С другой стороны, она чувствовала себя довольно глупо, откладывая эту проблему на потом. Любой человек, имеющий хоть крупицу естественного любопытства, наверняка выглянул бы из окна не задумываясь.

Так и не определив, чего же именно она боится, Териза подошла к окнам спальни.

Ромбической формы оконные стекла — толщиной почти с ее руку — были заплавлены в рамы свинцом. В тех местах, где свинец прилегал неплотно, мороз расписал стекла узорами. Но само стекло было чистым и показывало мир, в котором безраздельно властвовала зима.

Териза находилась на довольно большой высоте и потому могла видеть очень далеко. Под бесцветным небом и потускневшим солнцем холмы, покрытые снегом, составляли линию горизонта. Заснеженные деревья склонялись к дремлющим холмам. Кое-где проглядывали из-под снега черные, голые стволы и ветви; они казались жалкими и незначительными на широком белом пространстве, как бы подчеркивая всевластие зимы.

Териза осознала, как высоко находится, только тогда, когда соотнесла свое положение с окружающими строениями.

Она и в самом деле находилась в башне — почти у самого ее верха, судя по тому, как просматривались дру-

гие башни. Вместе с ее башней их было всего четыре. Расположенные по углам огромной неправильной структуры Орисона, они контрастировали с остальной частью замка, как если бы строились в другие времена и предназначались совсем для других целей. Все они были прямоугольные, одинаковой высоты, все заканчивались парапетом с каннелюрами — грозные, как кулаки, воздетые к небу.

На фоне их геометрической точности весь остальной Орисон выглядел хаотично, бессистемно и странно.

Главные стены замка были прямыми и строгими и представляли собой прямоугольник, возведенный вокруг огромного внутреннего двора. Териза выяснила это без труда, потому что ее окна смотрели на одну из длинных сторон прямоугольника. На противоположном конце внутреннего двора, далеко от ее башни, находился, по всей видимости, базар: огромный конгломерат лавок и шатров, сараев и палаток, тележек и повозок — все было расставлено хаотично, все окутано дымом нескольких дюжин костров.

В другом углу двора раскинулась площадка, казавшаяся достаточно большой, чтобы выполнять функции плаца. Там виднелись всадники на лошадях, играющие дети и множество людей, идущих на базар или оттуда по грязному снежному месиву.

В этот утренний час базар находился в тени, которую создавали высокие стены Орисона. Там, видимо, было очень холодно. Териза отметила, что даже дети не слишком долго задерживаются на открытом воздухе.

Поскольку ее окна выходили на внутренний двор, Териза не могла видеть внешних стен; но зато смогла определить, что у Орисона нет второй линии обороны; он сам по себе был крепостью. Сооруженный из мрачного серого камня, снаружи со всех сторон он показывал суровое, неулыбчивое лицо.

Внутри же этих стен замок казался созданным скорее для того, чтобы крепко хранить свои тайны, а не для удобства обитателей. Поражало разнообразие крыш, изгибавшихся под различными углами. Одни части крыш были высокими и прямоугольными; другие — узкими и изогнутыми. Дюжина труб, одна на другую не похожих, курились дымом на легком ветерке. В некоторых домах перед окнами были балконы; в других из окон торчали палки с бельем. Териза не могла удержаться от мысли, что король Джойс, соединив четыре башни своей древней столицы, ограничил пространство, в котором должен был развиваться Орисон, а затем пустил все на самотек, позволив множеству архитекторов самых разных направлений изощряться кто во что горазд.

Сейчас она, во всяком случае, поняла, почему пути через замок, по которым вели ее Джерадин и Саддит, были такими затрудненными. Многочисленные переходы, внезапные

соединения, непредсказуемые ступени и странные отклонения от прямого пути объяснялись хаотичностью постройки.

И насколько она могла видеть, единственный путь со двора наружу заканчивался дорогой, проходящей через массивные ворота в длинной стороне прямоугольника, расположенные почти прямо под ней. Эти ворота в настоящий момент были открыты, позволяя телегам, запряженным волами, въезжать на базар. Но определить, охраняются ли они, не представлялось возможным.

Пока Териза смотрела вниз, стекло от ее дыхания запотело. Она стерла морозный узор рукавом и прикоснулась к одному из стекол — острое ледяное покалывание проникло под кожу. Это значило для нее гораздо больше, чем внушительность каменных сооружений Орисона, это заставило ее поверить: все, что она видит, — реально. Она действительно находится здесь, в *этом* месте, где бы оно ни было и что бы это ни означало. Она здесь.

Но ее раздумья были прерваны стуком в дверь гостиной. Она направилась открывать, однако по пути к двери вновь засомневалась, действительно ли ей так уж хочется открыть и встретиться с тем, что ждет за дверью? Ведь тот, кто пытался убить ее, может быть снаружи.

Но есть ли у нее выбор? Пожалуй, нет, если она надеется хоть в какой-то мере выяснить, что с ней происходит. А может быть, она просто хочет есть?

Ее сердце — сердце женщины, подвергающейся риску, — учащенно забилось, когда она отодвинула в сторону кресло и открыла дверь.

Двое стражников, которых она раньше не видела, отсалютовали ей.

Рядом с ними стояла Саддит, прижимая поднос к боку.

Блеск в ее глазах и наклон головы красноречиво говорили о том, как она беседовала со стражниками: ее блузка была расстегнута еще больше, открывая весьма заманчивый вид, особенно когда Саддит поводила плечами. Но как только она увидела Теризу, ее лицо стало сочувствующим и озабоченным.

— Миледи, с вами все в порядке? Они меня успокоили, но я не знаю, можно ли верить им. Мы с той женщиной поменялись временем службы. Я ведь не знала, что на вас нападут и что она окажется такой гусыней. Она должна была остаться с вами. Я принесла завтрак. Я знаю, вы расстроены, но все-таки попытайтесь поесть. Надеюсь, вам это удастся.

Териза слушала непрекращающийся поток слов и понемногу оттаивала. Она испытывала облегчение от того, что снова видит Саддит. Это означало безопасность — Саддит была реальной.

— Да, — сказала она, когда служанка на мгновение умолкла. — Я проголодалась. И боюсь, что позволила огню погаснуть. Пожалуйста, входи.

Закрывая дверь, Териза услышала, как стражники дружно прищелкнули языками.

Саддит тоже расслышала этот звук.

— Эти двое, — поведала она с непринужденной усмешкой, пока убирала тарелки, оставшиеся после ужина, чтобы освободить место для новых, — сомневались, когда я сказала, что при виде вас у них задрожат коленки — не говоря уж обо всем прочем. Сейчас они понимают, что я была права.

Она указала на кресло возле стола, на который поставила поднос.

— Пожалуйста, садитесь и поешьте, миледи. Каша согреет вас, пока я буду разводить огонь. А еще, мне кажется, вам следует найти одежду получше.

Териза села. На тщательно сервированном подносе были изюм, темный хлеб, ломоть темно-желтого сыра и горячий горшок с кашей, по виду напоминавшей пшенную. Помня о предыдущей еде, она поспешно начала есть, останавливаясь время от времени, чтобы насладиться комбинацией острого сыра и сладкого изюма.

Саддит же, суетясь возле ближайшего камина, болтала без умолку.

— И как он выглядел? — спросила она. — Тот человек в черном, который напал на вас? — Она, казалось, была возбуждена и чем-то довольна. — Орисон полон слухов. Он выше Рибальда и настолько массивен, что я не смогла бы обхватить его руками. У него лицо охотника, охотничий взгляд и достаточно силы в руках и чреслах, чтобы расшвырять Рибальда и Аргуса, как мальчишек. — Она выпятила грудь и печально вздохнула. — Таковы слухи. А каким он был в действительности, миледи?

Медленно и неуверенно Териза произнесла:

— Ужасным.

— Если бы я не поменялась, у меня была бы возможность его увидеть. — Саддит задумалась, на лице ее появилось загадочное выражение. Затем рассмеялась. — Нет, пожалуй, мне было лучше там, где я была.

Териза довольно много времени выслушивала монологи преподобного Тэтчера, чтобы почувствовать намек, и потому вежливо спросила:

— И где же ты была?

Глаза Саддит засверкали от радости.

— О, я не должна говорить вам об этом. — И тут же стремительно бросилась в спальню, чтобы развести там огонь.

Уже в следующую секунду она высунула из-за двери голову и спросила:

— Вы помните, что я говорила прошлой ночью, миледи? Любой Мастер сделает для меня все, что я поже-

лаю, — если, конечно же, это будет ему по силам. Наверное, вы думали, что это все пустая болтовня. — Она снова исчезла, только было слышно, как она возится с огнем. Затем она вернулась в гостиную. — Я буду откровенна с вами, миледи. Я ни с кем не менялась, а просто попросила ту женщину, которую вы видели, позаботиться о вас, чтобы иметь в своем распоряжении всю ночь. Не упускать же такую возможность! — Саддит улыбнулась. — Я провела ночь с Мастером.

Териза никогда ни от кого не слышала что-нибудь подобное; новизна ощущения заставила ее спросить:

— И он достал для тебя то, что тебе хотелось получить?

Пришел черед удивляться Саддит.

— Миледи, я разделила с ним ложе не потому, что в чем-то нуждалась. — Она хихикнула от этой мысли. — Я спала с ним потому, что он — Мастер.

Покачивая головой, она снова вернулась в спальню.

Неожиданно Териза обнаружила, что не может сосредоточиться на завтраке. Откровенность служанки обеспокоила ее. И напомнила ей, что она ничего не знает о мужчинах — о том, что они делают с женщинами; о том, что доставляет им удовольствие. Она никогда не была объектом страсти или нежности.

Отодвинув поднос в сторону, она отправилась в ванную и, насколько ей это удалось, воспользовалась мылом и холодной водой. Затем, поспешно набросив платье на горящую кожу, присоединилась к Саддит, которая стояла перед одним из гардеробов, выбирая для нее подходящую одежду.

По чистой случайности Саддит открыла не тот гардероб, в котором стояло кресло, блокирующее заднюю стенку. Почти моментально служанка выбрала простое, но эффектное темно-алое платье, доходящее до пола.

Териза нерешительно сказала:

— Я не уверена, что этот цвет мне пойдет. Не лучше ли мне надеть свою прежнюю одежду?

— Наверняка нет, миледи, — ответила Саддит вежливо, но твердо. — Я не знаю, как к тем вещам относятся там, откуда вы прибыли, но здесь ваш наряд совершенно не годится. Если, конечно, вы не хотите оскорбить леди Мисте, которая так любезно предложила воспользоваться своим гардеробом. Вот смотрите. — Саддит поднесла платье ближе. — Это не самый подходящий к вашим глазам цвет, — объясняла она, — но он прекрасно гармонирует с вашей кожей. И удачно оттеняет волосы. Не примерите ли вы это платье?

Чувствуя себя довольно глупо, Териза лишь пожала плечами.

Саддит показала ей ряд крючков, на которые платье застегивалось сзади. Териза разделась и тут же облачилась

в тяжелую ткань выбранного платья. Оно почти подошло: замечание Саддит, что по сравнению с леди Мисте «некоторые прелести у вас заметно больше», означало, что грудь леди Мисте была меньше и не так сильно подчеркивалась глубоким декольте. Но в этом платье было тепло и удобно, чего Териза отрицать не могла.

Она пожалела об отсутствии зеркала. Ей хотелось увидеть себя. Взгляд Саддит — полувосторг, полусмятение, словно Териза выглядела лучше, чем служанка хотела или ожидала, — взгляд этот кое-что означал, но совсем не то, что могло ей сказать зеркало.

А еще Саддит нашла для Теризы пару подбитых мехом сапожек с твердой подошвой. Они не слишком сочетались с платьем, но зато были теплыми, а платье было достаточно длинным, чтобы скрыть их.

Слова благодарности прервал стук в дверь.

Саддит пошла открывать, Териза медленно последовала за ней.

Каково же было изумление Теризы, когда в дверях она увидела Джерадина!

Он выглядел довольно жалко, словно провел ужасную ночь: вокруг рта и глаз залегли белые тени; яркие красные пятна выступали на его щеках — следы смущения или, может быть, лихорадочного безрассудства. Но когда он увидел Теризу, его лицо расплылось в безмятежной счастливой улыбке, которую она запомнила со времени их первой встречи.

Он долго не отрываясь смотрел на нее, а она — на него; он улыбался, словно влюбленный юнец.

— Миледи, вы выглядите чудесно, — вымолвил он наконец.

Она же отнеслась к встрече не столь однозначно. Конечно, она была рада видеть пригодника: отчасти потому, что он, подобно Саддит, Адепту Хэвлоку и другим, вернулся, демонстрируя свою способность к постоянному существованию; отчасти потому, что он ей нравился (хотя она не могла утверждать это с полной уверенностью из-за отсутствия опыта в подобных вопросах); отчасти потому, что он был одним из немногих, кого, похоже, заботили ее мысли и чувства. И просто потому, что он стоял здесь, у ее дверей. Король Джойс не ограничился только приказом не отвечать на ее вопросы — он сказал: «У вас больше нет причин видеться или беседовать с леди Теризой». Джерадин доказал преданность своему королю — и тем не менее был здесь, нарушив его волю.

К тому же еще никто не говорил ей, что она выглядит чудесно.

Она с удивлением обнаружила, что краснеет. Показав на свое платье, она призналась:

— У меня такое чувство, будто я участвую в бал-маскараде.

Переводя взгляд с Теризы на Джерадина и обратно, Саддит издавала короткие смешки.

— А что такое «бал-маскарад», миледи? — спросила она, пытаясь скрыть свою веселость.

Териза пыталась справиться с неловкостью.

— Это такой бал, где люди одеваются в необычные, даже странные одежды и притворяются не теми, кто они есть на самом деле.

После этих ее слов Джерадин отчего-то опечалился. А Саддит отреагировала так, будто именно этого от нее и ждали.

— Да, миледи, — сказала она, — это, должно быть, страшно забавно. Надеюсь, вы извините меня, я пойду верну тарелки на кухню. А еще я узнаю, желают ли леди Мисте и леди Элега повидаться с вами. Пожалуйста, позовите меня, если вам будет что-нибудь нужно.

Что касается вас, пригодник Джерадин, — промолвила она с вежливой насмешкой в голосе, унося поднос с тарелками, — то выслушайте дружеский совет. Женщины не слишком любят мужчин, которые всего лишь тупо глазеют на них.

Она со смехом покинула комнату, прикрыв дверь ногой.

Но Джерадин словно не заметил ухода Саддит. Неотрывно глядя на Теризу, он тихо спросил:

— И вам тоже хотелось не быть собой? Тогда кем же?

— Кажется, я разрешила вам называть меня Теризой. — Она отвела от него взгляд. Ну почему она так скованна? И почему он задает такие дурацкие вопросы в то время, когда рискует поплатиться за неподчинение королю? — Я никем не хочу быть, я просто надела это платье, чтобы не обидеть леди Мисте, которая предложила его; так сказала Саддит. — Она взглянула ему в лицо. — Джерадин, что вы здесь делаете? Ведь король Джойс не велел вам видеться со мной. У вас будут неприятности.

Он слабо улыбнулся.

— У меня и так неприятности. И хуже, вероятно, не будет. Вы же видели короля Джойса. Он давно уже никого не наказывает. Я не думаю, что у него хватит на это воли. А может быть, его уже ничто не волнует. Самое худшее, что он может сделать, так это отдать меня на растерзание Смотрителю Леббику. — Джерадин вздохнул. — Я предполагаю, что Леббик — неплохой человек. Артагель, например, уверен в этом. Но он не слишком деликатен. И он действительно взял меня в оборот. Потому что я просил Рибальда и Аргуса охранять вас. — Так вот почему он опечален. Смотритель Леббик действительно мучил его допросами половину ночи. — Я все время извинялся, хотя мы оба понимали, что я был прав. — Он пожал плечами. — Во всяком случае, теперь я не боюсь его. После прошедшей ночи самое страшное, что он может сделать, — это посадить меня в подземелье. Но он не посмеет так поступить с сыном Домне — во всяком случае, без серьезных на то оснований. — Жесткие морщинки на его лице

медленно разгладились. — Так что какое-то время мне нечего опасаться.

Теризу захлестнула волна сострадания: она ясно представила, как вел себя Смотритель.

— Но почему? — спросила она. — Почему он так отнесся к вам? Разве вы виноваты?

— Ну, я полагаю, у него есть на то причины. Он допытывался, почему я решил, что на вас могут напасть, когда подобная мысль не пришла больше ни в чью голову во всем Орисоне. В его обязанности как раз и входит знать все, что здесь происходит. А тут вдруг получилось, что мне известно то, чего не знает он.

— И что же вы сказали ему?

Он хмыкнул.

— Только правду. Мордант находится в осаде тварей из воплотимого. Король Джойс не позволяет Гильдии защищаться, но даже если бы и позволил, воплотители настолько разобщены, что толку все равно не было бы. Кадуол и Аленд только и ждут момента, чтобы напасть на нас. И в это самое время король ведет себя как человек, у которого правая рука не ведает, что творит левая. Кто, находясь в здравом уме, не приказал бы охранять такую важную гостью? — Он скривил рот в усмешке. — Смотрителю Леббику не понравилось услышанное.

Он храбрился, но бледность, проступающая сквозь лихорадочный румянец на щеках, говорила яснее о его душевном состоянии.

— Могу представить,— сказала Териза, — как он себя вел. Он был здесь прошлой ночью. После того, как все закончилось.

— Я знаю, — угрюмо подтвердил пригодник. — Он добивался, чтобы я еще кое-что объяснил. Как вам удалось спастись, когда Аргус и Рибальд были повержены? И почему вы не ответили на этот вопрос, когда он задал его?

В этом он в общем-то прав, миледи. — Джерадин принялся вышагивать по комнате, не глядя на Теризу. — Даже Артагель не может победить Рибальда и Аргуса, когда они вместе. Они, быть может, и не производят впечатления лихих парней, но это действительно крепкие ребята. А вам удалось избавиться от человека, который с легкостью победил их. Вы понимаете, к каким выводам пришел Леббик, исходя из этого факта?

— Нет, — выдохнула она, — не имею ни малейшего представления.

— Тогда я скажу вам. Он думает, что вы в сговоре с этим человеком. Или, точнее, тот человек в сговоре с вами. Он пробился к вам с какой-то целью — допустим, чтобы передать вам сообщение или дать вам знать, что уже предприняли ваши союзники. Но, может быть, все еще хуже. Может быть, вы даже не *нуждаетесь* в союзниках. Вы запросто избави-

лись от него, и у вас нет ни царапины. А это означает *силу*. — Весь этот разговор, казалось, довел его до изнеможения. — Я пытался объяснить ему, что это невозможно. Я хотел защитить вас. Но когда он все разложил по полочкам, — Джерадин остановился и посмотрел на нее страдальческими глазами, — у меня не было никаких оснований считать его рассуждения бредом. Однако вы утверждаете, что это так.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутилась Териза. — Ну конечно же, это бред.

Она желала лишь успокоить его; она не собиралась признаваться ни в чем, что могло бы заставить ее предать Адепта Хэвлока и Мастера Квилона.

— Я ничего не знаю о воплотимом — или Морданте — или... — она снова мысленно увидела дикую улыбку, суровую, как проклятие, нос, как томагавк, дикие желтые глаза, — ...о том человеке, который пытался убить меня.

— Миледи, — вмешался он, — я нашел вас в комнате, полной зеркал! И поскольку это была комната, куда меня перенесло не контролируемое мною воплощение, то только вы могли заставить меня воплотиться там. Вы сидели в кресле перед зеркалом и смотрели, сосредоточиваясь на мне. Мне показалось, что вы зовете меня.

Миледи, — повторил он смущенно и виновато. — Я хочу поверить вам. Я хочу доверять вам. Но я не знаю как.

У Теризы было слишком мало времени, чтобы привыкнуть к новым правилам и эмоциям, диктуемым данными обстоятельствами; мрачная серьезность Джерадина вызвала у нее удивление. Она не была подготовлена даже к своей реакции на все это — главным для нее были не его доводы, а его печаль.

— Я очень сожалею. Я не знала, что вы будете рассуждать подобным образом. Идите сюда.

Повернувшись, она быстро прошла в спальню и направилась к гардеробу с секретной дверью.

Она не собиралась выдавать Адепта Хэвлока и Мастера Квилона, не собиралась создавать конфликтные ситуации или осложнять то, что произошло с ней в Орисоне, не зная заранее, на чьей стороне она хочет видеть себя. Но Хэвлок и Квилон были по отношению к ней гораздо честнее, чем Гильдия и король, и она не могла отплатить за их благородство черной неблагодарностью.

Джерадин последовал за ней. Она открыла дверцу гардероба и показала ему кресло, которое затащила туда. Потом извлекла кресло, давая возможность увидеть тайную дверь.

— Ох, — воскликнул он устало, — вы нашли один из ходов!

— Я не знала, что он находится здесь, когда мне отвели эти комнаты, — начала она. — Но посреди ночи... —

она сглотнула, надеясь, что сможет сказать достаточно без лишних слов, — Адепт Хэвлок появился из этой двери. Я не думаю, что он хотел напугать меня, но он говорил об игре в перескоки и... — она на мгновение поежилась, — и страсти... до тех пор, пока я от ужаса не захотела кричать. И он был здесь, когда произошло нападение. У него был кусок стекла, вроде зеркала, которое давало яркий свет. Когда этот человек расправился с Аргусом и Рибальдом, он бросился ко мне. Но Адепт Хэвлок направил свет ему в глаза. Он был ослеплен, забыл обо мне и ретировался.

Она спокойно встретила изумленный взгляд Джерадина.

— Наверное, мне следовало рассказать об этом Смотрителю. Я действительно не хотела навлекать на вас неприятности. Но Адепт Хэвлок спас меня. И он, похоже, хотел сохранить все в тайне. Когда я поняла, что Аргус и Рибальд не видели его, я решила никому не рассказывать, что он был здесь.

Затем, решительно меняя тему разговора, Териза тихо сказала:

— Я не воплотитель. В том месте, где вы нашли меня, зеркала не делают того, что они совершают здесь. — Она не могла побороть смущение и объяснить, почему украсила свою квартиру зеркалами, но у нее был наготове другой довод. — Когда вы появились в моей комнате, то, наверное, заметили осколки стекла. Они валялись на ковре. И даже застряли у вас в волосах. *Вы* сделали это.

— Я? — Он приоткрыл рот.

— Два объекта не могут находиться в одной и той же точке пространства в один момент времени, — процитировала она. — Ваше воплощение перенесло вас на место моего зеркала. Если бы я пыталась воплотить вас, то все закончилось бы катастрофой. Зеркало было бы уничтожено, и я не смогла бы отослать вас назад или отправиться с вами. Но зеркала у нас совсем не такие, как у вас. В них нет ничего магического. Когда вы появились, зеркало попросту лопнуло. Разве вы не понимаете? Я говорю правду. Воплощение производилось с вашей стороны. Я всегда говорила вам правду.

Какое-то время он хмурился, переваривая услышанное. Но по мере того как приходило понимание случившегося, улыбка на его лице становилась все шире и радостнее.

— Ну конечно же, — выдохнул он, подмигивая ей. — Я не должен был досаждать вам вопросами. Я действительно видел разбитое зеркало. Почему же я не подумал?.. — С каждой фразой его дурное настроение отступало все дальше, и бремя проблем, давящих на него, казалось все меньше. — Я должен был и сам сообразить.

От избытка чувств он положил ей руки на плечи и притянул к себе, чтобы поцеловать в щеку. Но его энтузиазм сыграл с ним злую шутку: он не рассчитал движение и ударил ее скулой.

— Ох, простите, простите, — пробормотал он с огорчением. Отклонился назад и замахал руками, словно стараясь уверить ее, что это произошло случайно. — Простите меня, миледи. Я прошу вас простить меня. — Он поднес руку ко рту. — О, я потрясен. Я, кажется, прикусил язык.

Териза потерла щеку; удар скорее поразил ее, чем причинил боль. Втайне она хотела, чтобы он попытался снова ее поцеловать. Но, подобно ему, испытывала неловкость. Она не придумала ничего лучше, чем сказать насмешливо:

— Пригодник Джерадин, если вы не начнете называть меня Теризой, я скажу Смотрителю Леббику, что вы силой ворвались в мои комнаты и пытались нанести мне травму.

Джерадин рассмеялся; он смеялся звонко и искренне, огорчения его как не бывало.

— Миледи, — сказал он наконец. — Я за всю свою жизнь никогда не называл женщину по имени, данному ей родителями. У меня есть по меньшей мере три брата, которые считают, что я еще достаточно юн для порки, и я уверен, они тут же выпорют меня, если услышат, что я обращаюсь к вам как-нибудь иначе, чем «миледи», и не важно, насколько плохо вы будете обращаться со мной. Будьте терпеливы. Вы, например, можете считать, что я еще многому должен научиться.

Она была счастлива, видя, как он доволен, и от того, что ей с такой легкостью удалось умолчать об Адепте Хэвлоке.

Он стоял и смотрел на нее молча, радуясь ее улыбке и прядям волос, ниспадавшим на плечи. Затем помотал головой, внутренне собираясь, коснулся своей скулы и произнес:

— Собственно говоря, у меня есть официальная причина появиться здесь. Я должен передать вам сообщение. Это я на случай, если кто-то спросит, почему я вообще приходил.

Гильдия хочет сообщить вам, что вы наверняка не захотите присутствовать на их сегодняшнем заседании. Это не более чем способ вежливо вас уведомить, что вы не приглашены. Они намерены говорить о вас и не желают, чтобы вы, — Джерадин комично скривился, — своим присутствием как-то повлияли на их решение. Откровенно говоря, я тоже не приглашен. Они не собираются посвятить целое заседание спорам с каким-то пригодником.

Он говорил и становился все более серьезным. Потом немного помолчал, словно стараясь предугадать реакцию Теризы на то, что он готов был ей сообщить.

— Миледи, — произнес он медленно, — я и так уже не подчинился приказу короля — как вы правильно заметили. И потому не думаю, что могу нажить более серьезные неприятности. Я решил, — он перевел взгляд на пол, хотя и заставлял себя смотреть на нее, — что раз все Мастера будут на заседа-

нии, то никто, похоже, не станет препятствовать нам... — Его глаза невольно снова встретились с ее глазами, и она увидела в них тревогу и неуверенность. — Я мог бы ответить на некоторые ваши вопросы, показав вам рабочие помещения. Где хранятся зеркала, сделанные Гильдией.

Его предложение заставило Теризу задуматься. Нарушать запреты было очень опасно, она прекрасно знала это. Людей, которые нарушают запреты, как правило, наказывают. Она с трудом перевела дух и спросила:

— А вы уверены, что поступаете правильно? — но, чувствуя, что он может посчитать ее неблагодарной, поспешно добавила: — Я хочу сказать, что это будет слишком опрометчиво. На вас и так уже многие злятся. Если вы делаете это для меня... — Она замолчала.

— Я хотел бы использовать такую возможность. — Теперь его открытое лицо выражало решимость, и она осознала, как нелегко ему было принять подобное решение. — Я начал думать об этом, когда король Джойс приказал прекратить расследование. Он даже не отдал гвардейцам приказ найти напавшего на вас мужчину... — Его голос сник, и он неловко пожал плечами. На его лице было ясно написано, как он разочарован в своем короле. — В любом случае это вовсе не так опасно, как кажется. Ведь, несмотря ни на что, я не предоставлю вам никакой информации, которую вы могли бы использовать как враг Мордаита. Если вы воплотитель, то и так знаете все, что я покажу вам. Если же нет — то все равно никак не сможете использовать то, что увидите.

— Тогда чего ради?..

— Потому что я должен сделать хотя бы это. Ведь именно я доставил вас сюда. Если вы не тот человек, который нам нужен, или же *тот* человек, но просто не желаете нам помочь, то в мои обязанности входит вернуть вас туда, откуда вы пришли. Вам просто необходимо в достаточной мере понимать суть воплотимого.

Он помолчал немного, чтобы снова набраться смелости и сказать о самом тревожном для него:

— Но и это еще не все. Даже если вы захотите вернуться назад, если я захочу вернуть вас назад — Мастера этого не позволят. Убедившись, что вы не та, кто нам нужен, они все равно не смогут игнорировать вашу значимость. Они не захотят, чтобы вы исчезли.

Именно сейчас, — сказал он с опаской, — пока они находятся на заседании, у нас действительно есть шанс добраться до настоящего зеркала и отправить вас домой. Сам я не хочу возвращать вас, — добавил он тут же. — Я верю, что вы именно та, кто нам нужен. Я не знаю, как и почему, но так оно и есть. Если вы хотите вернуться, я буду умолять вас остаться. Но, — он вздохнул, — вы имеете право вернуться. И будет аморально держать вас здесь против вашей воли.

Он смутил ее. Возможность вернуться к себе домой, к работе в миссии, к скучным обедам с отцом не была для нее особенно важной проблемой. Другие вопросы занимали ее внимание. За этим его предложением ей виделось нечто гораздо более основательное.

Она посмотрела вниз, на платье — на роскошный багровый материал, оттеняющий ее кожу, на глубокий вырез. «Нет, — внутренне запротестовала она. — Еще слишком рано. Я не готова».

Тем не менее риск, который он взваливал на себя во имя ее *прав*, требовал немедленного ответа.

— Я пойду с вами, — сказала Териза, хотя она чувствовала, как лихорадочно бьется пульс и кружится голова. — Если бы еще знать, какой выбор у меня есть.

Джерадин улыбнулся.

— В таком случае следует отправляться немедленно. Если мы задержимся, то можем упустить свой шанс. Невозможно предположить, как долго будет продолжаться заседание.

Териза хотела оказаться в его объятиях, чтобы успокоиться. Она мысленно видела женщин в красивых платьях, крепко прижимающихся к груди молодых мужчин, счастливых от ощущения поддержки и безопасности. Но пригодник сделал вежливый жест, пропуская ее вперед, и она послушно направилась к двери.

Джерадин открыл перед ней дверь и держал ее, пока Териза выходила. Он обратился к стражникам по именам, и они ответили дружелюбным тоном, пошучивая, словно были в курсе его ночного разговора со Смотрителем. Но не последовали за ними.

Чувствуя поднимающуюся волну страха, она с сомнением посмотрела на них.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Джерадин, — никто не собирается нападать на вас в Орисоне средь бела дня. — В этом он был твердо уверен. — Никто не посмеет.

Териза хотела спросить его, откуда такая уверенность. Но это был его мир, а не ее. И ей оставалось только поверить ему на слово.

Спокойным шагом она направилась к лестнице.

Какое-то время они шли молча. Пока он вел ее коридорами, ей казалось, что она узнает дорогу, по которой ее вчера вела Саддит. Судя по тому, что было видно из окон, Джерадин направлялся в противоположную сторону гигантского прямоугольника Орисона; чтобы ей не пришлось вновь месить снег и грязь, он вел ее по бесчисленным коридорам. И снова они встречали множество мужчин и женщин всевозможных профессий и рангов. Но теперь, вместо того чтобы пялиться на Теризу, они уступали ей дорогу и приветственно кивали, как будто ее платье было для них свидетельством того, что она — знатная леди, с которой они не знакомы.

С каждым приветствием ее беспокойство возрастало. Она не привыкла к такому обилию внимания. И, стараясь отвлечься, спросила Джерадина, часто ли наемные убийцы посещают по ночам жителей Орисона.

— В общем-то нет, — сказал он, но, почувствовав тон вопроса, ответил с юмором: — Это довольно редкий случай, иначе Смотритель Леббик вел бы себя гораздо непримиримее. Он относится к своим обязанностям *слишком* серьезно.

— Тогда почему король Джойс приказал прекратить расследование? — Она вспомнила странный приказ, переданный Леббику. Королю *мешает беготня среди ночи.* По крайней мере Джойс точно знал, чего ожидать от Смотрителя, и подумал о Теризе, чтобы защитить ее от служебного рвения Леббика. — А у меня сложилось впечатление, что нападения — это нечто обычное, не стоящее беспокойства.

Джерадин протестующе покачал головой.

— Орисон всегда был местом *спокойным* — с тех пор, как король покорил Демесне. Я ожидал, что он поднимет на ноги всю гвардию, но вместо этого он отправил людей на отдых. — И тут же он признал: — Однако, правда, в этом месте невозможно кого-либо отыскать. Здесь слишком много комнат. Я не думаю, что найдется хоть один, кто знает, как все они соединяются. А кроме того, существуют тайные ходы. Раз он оторвался от погони, было бы просто чудом найти его снова.

«Даже после того как Хэвлок ослепил его?» — удивилась она. Но не произнесла вопрос вслух.

— А вот что *мне* хотелось бы знать, — сказал Джерадин, выходя из задумчивости, — откуда ему было известно, где найти вас?

Эта мысль как-то не приходила ей в голову.

— А как Аргус и Рибальд нашли меня?

— Это совсем не одно и то же. Они знали, что к вам будет приставлена служанка, поэтому крутились среди служанок, пока не выяснили, что именно Саддит назначена прислуживать вам. Все, что им затем оставалось сделать, — это выяснить, куда она направилась. Никто и не собирался держать в секрете ваши апартаменты. Но откуда *он* узнал, где вас разместят? Ведь он просто наемный убийца, прячущийся в Орисоне. С кем он мог говорить? Он должен был с кем-то поговорить. Он должен был, — следующие слова Джерадин произнес медленно, — иметь союзника, живущего здесь. Кого-то, кто мог бы задавать вопросы, не навлекая на себя подозрений. Или...

Они спустились по лестнице еще на уровень, повернули к основанию одной из башен и продолжали путь.

— Или, — прошептал Джерадин, — он сам — один из живущих в Орисоне. Он живет здесь, как и все осталь-

ные, и служит королю — или делает вид, что служит королю, — а по ночам прокрадывается во тьме, намереваясь совершить убийство. Может быть даже, я с ним знаком.

— Разве такое возможно?

Он в задумчивости пожал плечами.

— Орисон — большой город. И он все время открыт, особенно для тех, кто живет в Демесне. Никто не контролирует здесь появление *каждого* отдельного человека. Хотя, естественно, Смотритель Леббик и пытается это делать. — Его мысли приняли иное направление. — Леди, вам следует внимательнее смотреть по сторонам. Если вы увидите кого-нибудь, кто напоминает нападавшего на вас, немедленно скажите об этом.

Слегка напуганная такой перспективой, Териза несколько минут напряженно вглядывалась в лицо каждого встречного, пытаясь отыскать хоть какие-то характерные черты или ненавидящий взгляд. Но постепенно успокоилась. Этот человек был бы глупцом, если бы показался там, где она может увидеть его. А если он все же посмеет, она без особых усилий распознает его. Мысленно она могла увидеть его в любой момент, стоило ей только закрыть глаза.

Очередная лестница привела их в огромный, пустой, лишенный всякого очарования бальный зал, который они пересекали днем раньше. В зал вело множество проходов, и Териза сразу узнала коридор, ведущий в комнату заседаний Гильдии.

Воздух стал холоднее.

— В прежние времена, — сказал Джерадин, ведя ее по коридору, — до того, как король Джойс объединил Мордант, и прежде, чем Орисон стал таким большим, как сейчас, — на этом месте были темницы. В те времена каждый замок должен был иметь свои темницы. Но король Джойс убрал все оборудование пыточных камер, соединил между собой большую часть казематов и зал, который служил караулкой, и передал все это Гильдии. Так здесь образовался рабочий цех. — В его голосе звучала гордость. — Вы видели бывшую комнату для допросов? Это там, где Мастера собрались на совет. Сейчас мы будем держаться от нее подальше.

Териза помнила спуски по лестницам, но снова потеряла ориентацию среди дверей и бесконечных поворотов. Она не имела ни малейшего представления, где они находятся, когда Джерадин открыл очередную толстую, обитую железом дверь, характерную для темниц, и яркий свет ударил ей в глаза, а в лицо дохнуло жаром.

Это, видимо, и есть бывшая караулка. Она выглядела достаточно просторной, чтобы в ней могла разместиться сотня человек. Но сейчас в ней не было ни одной лежанки. Вместо этого там находились две огромные печи, рычащие, словно мартены, рядом с которыми штабелями было сложено топли-

во; горки тщательно просеянного песка; мешки с известью и поташом, каменные чашки и литейные формы разнообразных профилей, отполированные до металлического блеска; рабочие столы, заставленные весами, горшками, горелками, ретортами; железные пластины и ролики загадочного предназначения; тянувшиеся вдоль стен бесчисленные полки, нагруженные каменными сосудами всевозможных форм и размеров.

В комнате трудились множество молодых людей, одетых так же, как и Джерадин; они поддерживали огонь в печи, полировали куски камня, взвешивали и перевешивали крупинки порошка из банок, убирали на место все, что было сейчас не нужно, и пропитывались потом от жары. Один из них заметил вошедших и помахал рукой. Джерадин помахал в ответ и закрыл дверь, отрезая от коридора звуки и свет помещения.

— Вам нет нужды заходить туда, — сказал он, — вы только испортите платье. Но именно здесь мы отливаем стекло для наших зеркал. Большую часть работы делают пригодники. Если юноша хочет стать воплотителем, но не чувствует для этого достаточно сил в крови, его способности проверяются здесь, пока Мастера не приобщат его к подлинным таинствам ремесла. Новички должны пройти весь курс обучения, начиная с умения поддерживать в печи постоянную температуру. Более опытные учатся смешивать красители и подготавливать формы.

— Именно этим вы и занимаетесь, когда не обманываете своего короля?

Он поморщился, но тут же широко улыбнулся.

— Так оно и есть. Единственное достоинство быть самым старшим среди пригодников заключается в том, что я прекрасно знаю все, чему их обучают. Просто я не могу выполнить все это правильно. Поэтому я как бы состою на службе у Мастеров. Обычно я посещаю все их собрания, но не потому, что их интересует мое мнение, а потому, что могу сбегать и что-то принести, передать распоряжение и тому подобное. Они не доверяют мне отливать зеркала, — Териза услышала в его голосе нотку печали, несмотря на улыбку, — потому что их они делают сами.

Но он не позволил себе расстраиваться из-за своей врожденной неуклюжести.

— Пойдемте дальше, — сказал он спокойно. — Я хочу показать вам кое-какие зеркала.

Он коснулся ее руки, и она снова захотела, чтобы он обнял ее, придал сил и уверенности. Восторженность, с которой он говорил о зеркалах, подействовала на нее странным образом: ей захотелось вернуться, отказаться от риска — ведь это могло оказаться опаснее, чем они себе представляли.

— Так что же делают сами Мастера? — тихо спросила она.

— Они занимаются большей частью исследованиями. — Его горящие глаза были устремлены вперед. — Они пытаются доказать, что воплотимое действительно существует или, наоборот, не существует в независимой реальности. Некоторые пытаются рассчитать предсказание — например, какое воплотимое появится в зеркале определенной конфигурации и формы. Большая часть открытий сделана благодаря ошибкам. К несчастью, Гильдия не слишком далеко продвинулась как в доказательствах, так и в попытках предсказания. И потому воплотители вроде Мастера Барсонажа занимаются в большей степени прикладными задачами, в частности, пытаются решить, насколько одно зеркало должно отличаться от другого, чтобы они соответствовали различному воплотимому.

Однако Гильдия занимается и прикладными исследованиями. Это тоже была идея короля Джойса. Он хочет, чтобы воплощения приносили пользу, а не только служили войне и разрушениям. Не так давно был сделан значительный шаг вперед. — Джерадин, нахмурившись, вздохнул. — И именно Мастер Эремис совершил это. Он отлил зеркало, которое показывало воплотимое, где не было ничего, кроме дождя. Ничего другого. Гильдия проверила воду, и она оказалась пригодной для питья. Так что теперь у нас есть отличный резерв на случай засухи. Это зеркало может быть перевезено в любое место, где гибнет урожай. — Относясь объективно к человеку, которого не любил, пригодник все же признал: — Это — действительно полезное открытие.

Но большую часть времени, — добавил он уже не с таким энтузиазмом, — мы проводим в тревогах о разуме короля Джойса.

Желая отогнать неприятные мысли, он торопливо потянул Теризу за собой.

В конце коридора они увидели поворот и вскоре подошли к тяжелой двери, похожей на дверь темницы. Териза замедлила шаг — дверь охранялась. Но пригодник успокаивающе улыбнулся ей и небрежно кивнул стражникам; один из них тоже кивнул, приветствуя леди в багровом платье, в то время как второй отпер дверь, позволив Теризе с Джерадином пройти в небольшую, хорошо освещенную комнату, напоминавшую прихожую. Массивные двери в толстых стенах вели из нее в другие комнаты.

— Здесь когда-то были камеры для заключенных, — пояснил пригодник, — но Мастера переделали их, теперь здесь можно показывать зеркала и хранить их.

Когда стражники закрыли за ними дверь, она прошептала:

— Почему они не остановили нас?

Он улыбнулся.

— Собственно говоря, формально все рабочие помещения находятся в ведении Гильдии. Мастер Барсонаж не

отдал приказа не пускать нас сюда, потому что ему не пришло в голову, что я могу вас сюда привести. Идемте.

Териза волновалась все сильнее. Пытаясь провести ее через ближайшую дверь, Джерадин наступил на длинный подол ее платья, не удержался на ногах и налетел на стену с такой силой, будто намеревался вышибить себе мозги.

Однако в последнее мгновение ему удалось сгруппироваться. Удар отдавался громким гулом, но Джерадин моментально вскочил на ноги и удержал Теризу от многословных извинений.

— Не беспокойтесь обо мне. — Она с трудом сдерживала смех. — А вот с вами все в порядке?

Он глянул на нее исподлобья.

— Миледи, если бы я повреждал себе что-нибудь каждый раз, когда мне не везло, то умер бы еще в пятилетнем возрасте. Самое печальное во всем этом, — добавил он мрачно, — что я приношу вред окружающим и самому себе, но никогда не получаю серьезных травм. Мне это кажется несправедливым.

Она рассмеялась.

— Ну хорошо, вы не принесли мне вреда. И я рада, что вы не слишком сильно ушиблись.

Он смотрел на нее так, словно забыл о цели их визита сюда.

— Благодарю вас, миледи, — сказал он тихо и ласково. — Давайте попытаемся войти еще раз. — С преувеличенной осторожностью он двинулся через проход в следующее помещение.

Они оказались в комнате, образованной путем объединения трех или четырех камер. Свет исходил от множества масляных ламп, которые совершенно не дымили. Кроме ламп на изящных подставках, в комнате ничего не было — ни украшений на стенах, ни ковров на полу, лишь три высоких предмета скрывались под роскошными шелковыми покрывалами.

Сияя, Джерадин сдернул ближайшее покрывало, открывая зеркало.

Как и все остальные зеркала, которые Териза видела в Орисоне, оно было величиной в ее рост; стекло не имело совершенно плоскую или совершенно чистую поверхность, и форма его лишь приблизительно соответствовала прямоугольной; оправленное в роскошную полированную раму, зеркало стояло на полу на крепкой опоре, позволяющей поворачивать его из стороны в сторону, как, впрочем, и вверх-вниз.

В зеркале этом не было видно ни камня стен, ни ламп перед ним. В нем не было даже Джерадина.

Там был виден бескрайний морской простор под ярким небом. Теризе показалось, что это воплотимое — всего лишь картина, прекрасно нарисованная, создающая иллюзию трехмерности. Но волны на море не были застывшими.

Они накатывали издалека, а становясь совсем близкими, исчезали из виду. Маленькие барашки пены появлялись на верхушках волн и растворялись прямо на глазах.

Воплотимое было настолько реальным, что Териза ощутила приступ морской болезни.

— Мастер Барсонаж отлил его много лет назад, — пояснил Джерадин. — Это такого рода зеркало, на каких, по желанию короля Джойса, мы должны сконцентрировать все наши силы. Они должны быть полезными практически. Мастер Барсонаж искал мир воды — воплотимое, которое Мордант может использовать в случае засухи. Или пожара. Предания гласят, что он экстраполировал это зеркало из маленького, отлитого когда-то Адептом Хэвлоком. Если это действительно так, то просто удивительно, как ему удалось столь точно воссоздать каждый изгиб, оттенок и форму в совсем иных пропорциях... — Он провел пальцами по раме, словно бы гладил. Закрывая поверхность зеркала, он добавил: — К сожалению, эта вода слишком солона для наших полей и растений.

Покачивая в изумлении головой, она прошла за ним в следующую комнату.

Помещение это оказалось почти такого же размера, как и предыдущее. Оно тоже было освещено лампами на подставках. Но в нем находилось четыре закрытых шелком зеркала.

— Я не собираюсь поучать вас, — сказал он. — Если вы действительно воплотитель, мои пояснения будут скучны вам. А если нет, то, наверное, ошеломят вас. Скажите мне, если вам что-то будет непонятно.

Он немного подумал и выбрал зеркало.

Когда он открыл его, Териза невольно вскрикнула и отступила на шаг.

Из зеркала на нее смотрела пара глаз, каждый размером с ее руку.

Они жадно уставились на нее, с зубов под ними капало нечто похожее на яд, а рот был слегка приоткрыт, как будто готовясь проглотить Теризу. У нее сложилось впечатление, что плоть между глазами и ртом напоминает тело слизня, но она не могла оторваться от этих глаз, алчных, ненасытных, похотливых...

Джерадин нагнулся к нижнему краю зеркала и принялся что-то делать с его рамой. Глаза тут же сдвинулись на несколько футов в сторону, и Териза обнаружила, что не отрываясь смотрит на этот кошмар с другого расстояния. Теперь она видела огромное, похожее на слизня чудовище, сидящее в пещере.

— Сейчас мы изменим фокусировку. — Джерадин снова принялся возиться с рамой; воплотимое отодвинулось. Он мягко нажал с одной стороны, и воплотимое медленно

поползло назад, открывая вид на гору, в которой зиял вход в пещеру. — Возможности ограниченны, понятное дело. Но как только зеркало готово — оно работает, и вместо того чтобы передвигаться во всех направлениях, мы можем осмотреть все воплотимое — в данном случае всю гору — с разных сторон, попросту изменяя фокусировку. Если у нас на это хватит терпения.

Он выпрямился и накинул на зеркало покрывало.

— Предание гласит, что король Джойс захватил это зеркало во времена войн за независимость Морданта. Воплотитель, отливший его, как раз и воплотил это... — он содрогнулся, — это чудовище, и оно стало пожирать целую деревню, хижина за хижиной.

Но это было давно, когда Адепт Хэвлок еще не потерял рассудок. Король Джойс захватил это зеркало в целости и сохранности, и Адепт Хэвлок сумел провести обратное воплощение.

Гильдия была создана для того, чтобы держать воплощения под контролем. И потому давно уже не создавалось зеркал, похожих на это.

Териза чувствовала слабость в ногах и руках, голова кружилась.

— Как? — спросила она слабо. — Как могло столь огромное чудовище выбраться наружу?

— О, размеры как раз не проблема. Воплотители давным-давно обнаружили, что если зеркало показывает все тело полностью — приблизительно как я сейчас демонстрировал вам, уменьшая размеры, — то можно воплощать что угодно. Правда, никто не знает, как это работает. Однако если зеркало сфокусировано в нужное время в нужном месте, то можно воплотить даже целую снежную лавину. Пойдемте.

Не глядя на нее, он прошел в следующую комнату.

Подсознательно ожидая, что слизняк сам поднимет покрывало и будет смотреть ей вслед, Териза последовала за Джерадином. Мордант подвергается *такому* нападению? Здесь скрываются люди настолько безумные или злые, чтобы воплощать *такие* вещи? Тогда Джерадин серьезно заблуждается. Мордант нуждается не в ней. Он нуждается в Воине Мастера Гилбура. И во всех закованных в броню воинах, которые сражались под его руководством. И в оружии, которое хранится на его корабле.

Она буквально наступала на пятки Джерадину, потому что все это казалось ей безумием и она хотела поскорее выбраться отсюда.

Он провел ее в помещение, несколько большее, чем предыдущие; вероятно, к нему были присоединены дополнительно одна или две камеры, чтобы расширить его. Шесть закрытых зеркал стояли на гладком каменном полу, но четыре из них были придвинуты поближе к стенам, дабы освободить простран-

ство для двух других. Эти зеркала были одинакового размера. Даже закрытые покрывалами, они казались совершенно одинаковой формы.

Когда он приблизился к ним, его лицо исказила болезненная гримаса.

— Это самая большая комната из тех, что у нас есть. Но Мастера вдобавок убрали кое-что отсюда, чтобы у нас была возможность удобно расположить эти два зеркала. Гильдия часто экспериментирует с плоскими зеркалами, пытаясь найти возможности их использования или по меньшей мере понять принципы их работы.

Он быстро подошел к одному из зеркал, стоящих у стены.

— Вот, — сказал он раздраженно, хотя Териза не могла понять почему. — Я покажу вам, что произошло с Адептом Хэвлоком.

Неловким движением он сдернул покрывало со стоящего перед ним зеркала.

Она невольно вздрогнула.

Ничего ужасного не произошло.

Зеркало действительно было плоским. Она предположила, что цвет, песок, из которого оно было сделано, некоторая неправильность формы — именно те самые вещи, что влияют на воплотимое в зеркале. Но так как это было плоское зеркало, оно существовало более в этом мире, чем где-либо еще.

Что-то из открывшегося ей показалось знакомым.

— Это опасно, — пробормотал Джерадин. — Я не знаю, кто придавал ему форму, но если это была ошибка, то ошибка, заключающая в себе опасность. И даже если ошибки не было, то все равно опасно хранить это зеркало.

Териза увидела развилку дорог. Обе дороги были покрыты толстым слоем снега и заметны лишь благодаря глубоко отпечатавшимся в снегу следам колес. А силуэты голых, лишенных листвы деревьев заметнее подчеркивали эти дороги, четко выделяясь на белом пространстве. Воплотимое казалось настолько живым, что она видела, как холод проползает под распростертыми ветвями деревьев.

С другой стороны, она не понимала, почему это могло представлять опасность.

Неужели именно эти деревья и эту развилку она видела из своего окна рано утром?

Похоже, что так.

— Вы могли видеть это место из своих окон, — развеял ее сомнения Джерадин. — Это там, где дорога, ведущая из Орисона, разветвляется: одна идет на юг, к провинции Тор, другая — в северном направлении, к Вердону и Армигиту. Но для чего кто-то потратил столько сил, чтобы создать зеркало, пока-

зывающее место, которое можно видеть отсюда? Если там что-то будет происходить, то оно не успеет предупредить нас. Как я уже объяснял, оно может быть результатом чистой случайности. Или, возможно, кто-то пытался создать зеркало, показывающее Орисон, — и немного промахнулся.

— Кому же это могло понадобиться? — спросила Териза.

Он пожал плечами.

— Кому-то, кто хотел бы шпионить за королем Джойсом. Но что делает его особенно опасным — более опасным, чем другие плоские зеркала, — это наша невероятная близость к его воплотимому, практически мы можем видеть в нем самих себя. Если мы снимем зеркало с подставки, отнесем его на перекресток и станем перед ним, то увидим в воплотимом себя. И тогда мы будем потеряны навсегда, стерты — заперты в воплощении, которое подхватит нас и в то же время не перенесет ни на дюйм с того места, где мы стоим.

Он уронил покрывало на пол и отступил, пристально вглядываясь в зеркало.

— Я думаю, это просто чудо, что Адепт Хэвлок пережил такое. Во всяком случае, ему повезло. Он всего лишь сошел с ума, а не был стерт с лица земли. Но если мы попытаемся воспользоваться этим зеркалом сейчас, если воплотим себя на развилке дорог, то кончим так же, как он. Нервное потрясение разрушит наше сознание.

Никто, собственно, не знает почему. — В его голосе слышались досада и раздражение. — Люди, которые считают, что воплотимое не существует, что зеркала сами создают все, что мы видим, утверждают, будто стресс происходит потому, что созданное место в точности напоминает реальное. Вы ожидаете реальности и не получаете ее, и, таким образом, сознание дает сбой.

— А что, если воплотимое — реально?

— Тогда именно воплощение вызывает нарушения психики. Полагаю, вы можете сказать, что воплощение — слишком сильная штука, чтобы использовать его подобным образом. Если вы хотите попасть отсюда туда, — он показал на сцену в зеркале, — то проще воспользоваться лошадью, а не зеркалом. Потому что, если вы используете не всю силу, направленную на воплощение, она оборачивается против вас. Во всяком случае, нечто подобное произошло с Адептом Хэвлоком.

Джерадин повернулся к зеркалу спиной.

— Вот почему Мастера хотят понять плоские зеркала. Они опасны — но в них заключены фундаментальные знания. Пойдемте, — буркнул он. — Я слишком долго оттягивал этот момент.

С хмурым видом он приблизился к двум зеркалам, стоявшим в центре комнаты.

Сейчас Териза понимала его. Он был зол, потому что его душу раздирало противоречие: он поступал против своего желания, так же как король, который утверждал, что Мордант нуждается в ней, а сам делал совершенно иное.

И Джерадин рисковал быть обвиненным в предательстве, пытаясь вернуть ее домой.

Хотя платье было теплое, Теризу пробрал холод, когда Джерадин снял одно из покрывал и она узнала зеркало, которое днем раньше стояло в зале заседаний Гильдии, — зеркало, доставившее ее сюда.

Его воплотимое изменилось и в то же время осталось прежним. Сражение затихло. Металлические фигуры увеличили периметр обороны и охраняли его. Но чуждый пейзаж, залитый красным стареющим солнцем, оставался все тем же, как и высокий корабль посередине.

Так же как и его люди, Воин (та самая фигура в броне, которая главенствовала в этом воплотимом) двигался; он обходил периметр, ненадолго останавливаясь у каждой точки обороны, как бы проверяя правильность расположения своих войск. И снова его сила была почти ощутима, несмотря на барьер, разделяющий миры. Он выглядел человеком, покоряющим целые континенты.

Джерадин искоса посмотрел на нее, оценивая реакцию. Затем снял шелк с другого зеркала.

Она моментально поняла, что второе зеркало идентично первому; форма была одинаковая, изогнутость — та же. Даже полированные рамы казались совершенно идентичными. Но воплотимое несколько отличалось. Под красноватым светом, посреди голого пейзажа прямо на них смотрели глаза, спрятанные под непроницаемым забралом.

Прошло какое-то время, прежде чем Териза поняла, что оба зеркала показывали одну и ту же сцену; первое показывало корабль, в то время как второе максимально фиксировало главное в этой команде. Глядя сразу на оба зеркала, она могла видеть, как каждое из них точно отображало все движения скрытой шлемом головы командира; только угол зрения на него был различным.

Джерадин тихо пробормотал:

— Жаль, что мы не можем воспринимать через стекло звуки. Было бы неплохо, если бы мы могли слышать разговоры. Но, естественно, многие из Мастеров считают, что не существует каких-либо звуков и разговоров, которые можно услышать.

Он осторожно принялся менять фокусировку второго зеркала, пока изображение в обоих не стало одинаковым. Затем встал рядом с Теризой, продолжая избегать ее взгляда.

— Одно из них сделал я, — сказал он. — То, которое мы использовали вчера, — дубликат. Оригинал создал

Мастер Гилбур. Я не мог воспользоваться его зеркалом. Воплотители давным-давно выяснили, что существует некая взаимосвязь между зеркалом и способностями человека, создавшего его. Поэтому мне пришлось сделать копию. — Он мрачно хмыкнул. — Это отняло довольно много времени, потому что я все делал неправильно. Вы можете определить, какое из них чье?

Она покачала головой. Это вовсе не волновало ее. Она думала лишь о его недовольстве и своих возможностях. Становится и в самом деле реальным возвращение назад, в ее мир, в ее апартаменты, к ее работе и ее отцу...

...а человек, стоящий рядом, хочет, чтобы она осталась. Он хочет этого так сильно, что сама мысль о ее уходе причиняет ему боль.

— Откровенно говоря, сделать это не может никто, — пробормотал он. — Но Мастер Гилбур и я не имеем с этим никаких проблем. Любой воплотитель чувствует свою работу. То зеркало, которое отлил я, заставляет мои нервы вибрировать. — Он показал на зеркало слева. — Вот это.

— Миледи, — наконец он посмотрел ей в лицо. Руки он держал скрещенными на груди, словно бы усмиряя их. Его угрюмость превратилась в тугой клубок беспокойства и боли, — вы уверены, что хотите совершить это?

— Джерадин...

Сейчас, когда он хотел встретиться с ней взглядом, она избегала смотреть ему в глаза. Она никогда не умела отказывать и просто приноравливалась к обстоятельствам. Но она не принадлежала этому миру. Все это не имело смысла. И как можно мягче она сказала:

— Пожалуйста, поймите — я не воплотитель. Ничто из происходящего скорее всего не имеет ко мне никакого отношения. Вы не заставляли меня прийти с вами сюда. Вы просто попросили меня последовать за вами, и я пошла, сама не знаю почему, — призналась она. — Наверное, просто хотела убедиться, что моя жизнь может быть иной, не такой, какой она была. Я не хотела *просто сидеть* там. Но сейчас я понимаю, что совершила ошибку. Вы не нуждаетесь во мне. Вы нуждаетесь в Воине. И я думаю, для меня будет лучше, если я вернусь туда, откуда пришла.

— Это ваше право. — Несмотря на отчаяние, в его голосе звучали нотки достоинства и даже требовательности, которые она уже слышала раньше. Важность того, что он говорил, отразилась в его глазах. — Вы очень нужны здесь. Мирная жизнь в Морданте на грани уничтожения. В скором времени Гильдии не станет, от Орисона не останется и камня на камне, а то, что останется от королевства, погрязнет в кровавой бойне, превратится в арену заговоров и предательств.

И вдруг, то ли в его голосе, то ли в его словах, она услышала звуки рогов, нашедшие во сне отклик в ее сердце и изменившие все вокруг.

— Вы дали нам надежду, — продолжал он. — Вы говорите, что вы не воплотитель. Может быть, это и так. А может быть, вы еще сами не знаете себя. Наверняка вы просто не догадываетесь, что обладаете силой, превосходящей силу любого воина. Я не могу объяснить это, но верю, что вы находитесь здесь потому, что *должны* быть здесь.

И, — наконец он стал говорить обыденно, его взгляд затуманился, — вы придали смысл моей жизни. До тех пор, пока я верю в вас, все это имеет значение.

Его настойчивость должна была убедить ее, но, наоборот, отпугнула. Это было совершенно необъяснимо. *Она* здесь необходима? *Она* обладает силой? *Она* придала смысл его жизни? Нет. Легче было поверить в то, что она действительно исчезла, растворившись среди снов. Или в то, что она никогда не существовала, а воплощение создало ее...

Тем не менее то, чего он хотел и что предлагал, тронуло ее. Его убежденность, подтвержденная звуками рогов, что-то всколыхнула в ней.

— Не опережаем ли мы события? — спросила она, неуклюже меняя тему. — Мы не знаем еще, сработает ли все это. Надо сначала выяснить эту деталь, а потом уже беспокоиться обо всем остальном.

Он пристально смотрел на нее, пытаясь разгадать ее чувства.

— Вы правы. — Внезапно решившись, он протянул ей руку. — Вот. Хватайтесь за руку. Я пойду впереди — на тот случай, если что-то произойдет не так. — И при этом на шаг приблизился к своему зеркалу.

Она ощутила холодный воздух комнаты, посмотрела на его руку, на зеркало, на его решительное лицо. Добившись всего, чего хотела, именно в этот момент она заколебалась.

— Не должны ли мы сначала совершить какой-то ритуал? — То, что она говорила, было полным абсурдом, но она не сознавала этого. Едва она была поставлена перед выбором, как тут же потеряла способность рассуждать. — Ведь должны быть магические порошки, или заклинания, или что-нибудь в этом роде?

— Именно так работают воплотители в вашем мире? — Он посмотрел на нее с подозрением.

— Нет, конечно же, нет. Я хотела сказать, что у нас вообще нет воплотителей. Я же говорила вам, у нас магии не существует. — Стыд опалил ее щеки. — Мне просто казалось, что нужны какие-то приготовления.

Он сделал над собой видимое усилие и заговорил спокойнее.

— Простите. Я ни в чем не подозреваю вас. Воплотимое создается тогда, когда отливается зеркало, когда ему придается форма, когда оно окрашивается. Это приготовления. А затем оно или работает, или нет — в зависимости от того, имеет ли реальную власть над ним тот человек, который пытается что-то проделать с ним. Если он собирается воплотить что-то здесь — тогда дело другое. Тогда слова и жесты могут помочь процессу. Но нет необходимости призывать что-то сюда. И нам сейчас остается лишь, — ему не удалась попытка улыбнуться, — сделать несколько шагов вперед.

Он снова протянул ей руку.

На этот раз она взялась за нее.

То, что он делал, вызвало у нее приступ тошноты.

Джерадин подвел ее к зеркалу и принялся водить свободной рукой, пытаясь установить его — или себя — в правильное положение. — Сначала я всего лишь просуну туда свою голову, — размышлял он вслух, — и осмотрюсь. Затем вернусь, и тогда вы можете решать, что делать дальше. Держите крепко, — добавил он. — Пока мы держимся друг за друга, вы можете пройти в зеркало туда и обратно с такой же легкостью, как и я.

Внезапно он сунул голову в зеркало.

И голова исчезла, словно отрезанная ножом. Она появилась за стеклянным ограждением воплотимого, затылок пригодника загородил часть пейзажа и корабль.

Териза инстинктивно крепче вцепилась в него. Он слишком сильно подался вперед, потерял равновесие и начал падать. Его рука оперлась на раму зеркала, наводя фокус на изображение. Но в то время как он продвигался вперед, она заметила, как один из закованных в броню воинов выпустил в его сторону яркий пучок света.

Она рванула Джерадина на себя, он вылетел из зеркала, споткнулся и повалился назад, пытаясь сгруппироваться.

Его лицо стало белым как бумага.

— С вами все в порядке? — спросила она.

— Он выстрелил в меня, — хрипло прошептал пригодник. — Он в меня чуть не попал.

— Я видела его. Я видела ваш затылок.

— Да будут прокляты его красители! — Он почти непрерывно сглатывал. — Если бы я попал туда... вместо того чтобы найти вас... они убили бы меня раньше, чем я открыл рот.

В сердце у нее начало покалывать от дурных предчувствий. Зеркало, которое невероятным образом привело Джерадина к ней, в то время как должно было привести его к Воину, сейчас делало то, что от него ранее и ожидалось.

— Я не верю этому. — Такое зеркало не могло отпустить ее домой. Она застряла здесь. — Я хочу попытаться сама.

— Миледи! — Его изумление и страх мгновенно превратились в растерянность. — Вас убьют! Второй раз они

не промахнутся. — Он быстро вскочил на ноги, положил руки Теризе на плечи и легонько встряхнул ее. — Нет! — закричал он ей в лицо. — Я не позволю вам убить себя!

— Я должна попытаться! — закричала Териза в ответ. Вполне вероятно, что за всю свою жизнь она никогда ни на кого так не орала.

Вывернувшись из его рук, она рванулась к зеркалу и наступила на подол своего платья. Не в силах остановиться, она начала падать — и словно нырнула прямо в зеркало.

В отчаянии Джерадин схватил ее за руку как раз в подходящий момент, чтобы сделать воплощение возможным. И вместо того чтобы столкнуться со стеклом и разбить его, она прошла внутрь.

На этот раз процесс воплощения не подействовал на нее так сильно, как тогда, когда она была вырвана из своего мира. Оно было одновременно длинным, не имеющим протяженности во времени, и коротким, как если бы вечность подмигнула ей, когда она проходила мимо; но при этом узнаваемость впечатлений произвела на нее большее воздействие, чем в прошлый раз их чуждость.

Она упала на землю, на холм, покрытый густой травой, среди которой пробивались полевые цветы.

Если говорить более точно, ее тело находилось по пояс в траве. Она, видимо, лежала животом на краю нижней рамы зеркала, и все, что находилось ниже этой прямой ровной линии, не было видно. Она чувствовала свои ноги. Ими вполне можно было шевелить. Но при этом она оставила их в другом мире, и кто-то держал их.

Этот мир был теплым и напоенным особым ароматом весны. Легкий ветерок колыхал яркие головки цветов и остужал прикосновение к волосам горячих лучей солнца; небо было настолько голубым, что казалось не настоящим. Склон холма справа от нее спускался вниз, к быстрому ручью, такому широкому, что вполне мог сойти за узкую речушку. Вода текла по золотому руслу из песка и камней, словно жидкий хрусталь, и радостно журчала, проносясь мимо.

Териза обнаружила себя в долине, резко очерченной холмами. Через несколько сотен футов долину ограждала узкая полоса оврага, второй склон которого переходил в гору, а русло было ограничено и как бы охранялось высокими, неровными, массивными валунами, похожими на часовых, которых холмы выставили по обеим сторонам ручья. Огражденный этими стенами, ручей выглядел темным и загадочным — но в то же время это место приглашало к себе, предлагая спокойное убежище и безопасность.

Ее сердце забилось сильнее. Она выросла в городе и потому редко могла видеть воочию такую красоту. Она просто замерла, опьяненная запахом весенней травы, погруженная в аромат полевых цветов.

Но вскоре она подумала о Джерадине. Это был вовсе не тот чуждый пейзаж, где фигуры в броне стреляли в людей. Териза хотела показать все это ему.

Зачарованная, она принялась отползать назад.

По мере того как она отползала, все большая и большая часть ее тела исчезала в плоскости воплощения. И Джерадин бесцеремонно помогал ей. Исчезла ее грудь, а потом и плечи.

Камень под ее руками источал холод. Воздух в комнате был холодным. Даже свет ламп казался холодным.

Сцена в зеркале практически не изменилась. Командир что-то обсуждал с воином, стрелявшим в Джерадина. Видимо, они пытались понять внезапное появление и столь же внезапное исчезновение человеческой головы перед ними. Возможно, они считали, что это какая-то ловушка, устроенная людьми, с которыми им приходилось сражаться, обитателями этой планеты.

— Миледи, — Джерадин дышал так тяжело, словно провел это время в борьбе за свою жизнь, — с вами все в порядке? Что произошло? Я не видел вас в зеркале. Я не видел, чтобы они стреляли в вас. Они, похоже, не знали, что вы находились там. Что случилось?

— Джерадин...

Она была настолько потрясена и так замерзла, что с трудом смогла подняться на ноги. Слишком резкий и слишком всесторонний контраст совершенно сбил ее с толку. Весенний ручей?.. Поток, журчащий и танцующий в солнечном свете?.. Нет, этого не могло быть здесь, в замкнутом каменном подземелье. И не могло быть в зеркале, где люди, привычные к насилию, обсуждали свои дела.

Где-то внутри нее процесс воплощения все еще не остановился, шел дальше. Сейчас она, во всяком случае, знала, что это означает. Сомнение леденило ее нервы, она была на грани истерики. Она испытывала ощущение падения, потери самой себя, доведенное до самых крайних пределов; это был момент, когда она начисто потеряла контроль над собой, над реальностью, над жизнью.

Именно так она всегда растворялась, когда теряла уверенность в своем существовании.

И это вновь произошло с ней.

Джерадин склонился над ней, страстно желая знать, что она видела, но Териза не могла переключить на него свое внимание. Она неотрывно смотрела на зеркало возле сте-

ны, которое он оставил незакрытым, — зеркало, показывающее развилку дорог...

Изображение в нем изменилось.

Она так пристально всматривалась в зеркало, что Джерадин невольно обернулся.

Увидев зеркало, он выдохнул в изумлении:

— Это невероятно. Как вы?..

Изображение уводило в удивительный мир детства, родины.

— Я *знаю* это место. Я бывал там. Собственно, именно там я вырос. Там мы играли, когда я был еще ребенком. Мы называли это место Сжатый Кулак. Это в провинции Домне, приблизительно в пяти милях от Хауселдона. — Несмотря на растерянность, в его голосе звучало удовольствие. — Это долина среди гор. Прекрасное место! Там должны быть сотни небольших пещер и лазеек, где можно спрятаться. Наша любимая игра...

Териза верила ему: ведь она сама только что побывала там. Она узнала очертания поверхности, рисунок долины. Склон холма был покрыт снегом; на месте ручья сверкал лед; серая поверхность валунов обросла инеем, словно белым мхом. Пейзаж был тот же. Изменилось только время года. Весна превратилась в зиму.

Джерадин смотрел на нее так, словно она совершила какое-то чудо.

— Миледи, — воскликнул он восторженно. — Я не знаю, каким образом вам это удалось. Это невозможно. Зеркала не могут изменять своего соответствия воплотимому. Но вы сделали это. Неизвестно как. Вы — воплотитель. Вы наверняка воплотитель. Ничего подобного никогда раньше не делали. Нам повезло, что вы находитесь среди нас.

Румянец снова вернулся на его щеки.

Она не имела ни малейшего понятия, почему ему пришло в голову, что именно она была причиной невероятного изменения. Но сейчас все это казалось не столь уж важным. Ее беспокоило кое-что другое.

Она видела один и тот же ландшафт в двух различных зеркалах. Сам ландшафт, по утверждению Джерадина, был реальным. Но видела она его в разные времена года. Одно из зеркал лгало. Сейчас была зима, а не весна. Значит, лгало то зеркало, которое показало ей Сжатый Кулак весной.

Постепенное исчезновение самой себя разрывало ее сердце. Зеркало Джерадина обманывало. Зеркало, доставившее ее сюда. Зеркало, показывающее воплотимое, которое не являлось реальностью.

И когда она осознала, что сама она — несуществующая иллюзия, то чуть снова не рухнула на пол.

5 Заказ 968

8. Разные встречи

— Почему это невозможно? — Голос Теризы звучал слабо и тихо, голова кружилась.

Возбуждение охватило Джерадина. Он как будто не замечал ее состояния.

— Никто не знает, как изменять воплотимое. Это невозможно. Воплотимое — неотъемлемая часть зеркала. Но вы только что совершили это. Вы — предсказанный нам Воин.

Он еще не знал, что она видела во втором зеркале. Его зеркале. Он не знал, что она получила доказательство своего небытия. Она подсознательно делала успокаивающие движения руками, отгоняя навязчивые мысли. Все это выглядело ужасно.

С другой стороны, она не *ощущала* ужаса. Она чувствовала отстраненность, словно ее куда-то несло. Ощущение, что она растворяется и постепенно исчезает, становилось все сильнее. Или, может быть, на этом она сосредоточила свое внимание. Интересно, почему она все еще находится в этой комнате, с Джерадином?

Зеркало, доставившее ее сюда, показывало воплотимое, которое не было реальностью.

— Вы сказали, что это реальное место. Не так ли? Но я никогда не видела его раньше. — Ее голос слегка дрожал, она пыталась восстановить в себе веру в то, что реально существует. — Я никогда не была здесь. Я не могу изменять воплотимое, если не знаю, как это делать. — Она прижала локти к бокам и попыталась говорить тише. — Иначе мне не составило бы никакого труда вернуться в мои апартаменты.

Этот аргумент поразил его как раз в тот момент, когда он пребывал на вершине экстаза. Он нахмурился.

— Но именно *вы*, должно быть, сделали это. Если не вы... Тогда остаюсь лишь я. А *я* не могу проделать даже простейшее воплощение.

— А вы когда-нибудь пытались?

Что бы Териза ни говорила, это теперь не имело ровным счетом никакого значения. Ее жизнь все больше и больше отдалялась от нее.

Он задумался над ее вопросом.

— Нет, конечно же, нет. Это полная бессмыслица. Воплотимое является фундаментальной частью самого зеркала. Вот почему у зеркал такое ограниченное применение. Они не могут менять свою настройку. — Внезапно он приблизился к зеркалу. — Но вот это, — пробормотал он в изумлении, — это изменилось, пока мы находились в комнате. Так что — нет, это не бессмыслица. Один из нас, должно быть, сделал это. — Он отступил

на шаг, его лицо приняло отстраненное выражение. — Или кто-то другой в Орисоне, обладающий большей силой. Кто-то, находящийся поблизости.

— Это абсурд, пригодник Джерадин, — прервал его рассуждения резкий голос. — Невозможное — невозможно. Должно быть другое объяснение.

Джерадин мгновенно обернулся.

Териза тоже повернула голову, уплывая в своих мыслях все дальше.

В одном из дверных проемов стоял Мастер Эремис.

Он был одет в тот же развевающийся плащ поверх мантии, в котором она видела его днем раньше. И снова ее поразило, насколько условно его можно назвать привлекательным: большой нос и впалые щеки делали его лицо похожим на клин; густые волосы, свисающие с макушки, подчеркивали высокие залысины. Но в данном случае условность потеряла свое привычное значение. Мастер был высоким, гибким и сильным; в его светлых глазах светился ироничный ум; улыбка обещала нечто неизведанное. И то, *как* он смотрел, заставило Теризу затаить дыхание.

Ей уже было сказано, что он считает ее прекрасной.

Неожиданно сердце ее забилось от восторга. Ощущение, будто она растворяется, исчезает, потеряло всякий смысл.

Благодарная своему спасителю, она ждала, что Эремис будет делать дальше.

Он смотрел на измененное зеркало, сосредоточенно хмурясь.

— Да, — пробормотал он. — Это — невозможно. — Затем снова обратил свой взор на Теризу и Джерадина. — Освежите мою память, пригодник. Возможно, я страдаю склерозом. Приказывал вам Мастер Барсонаж, чтобы вы не передавали ни частицы знаний этой леди?

Джерадин уставился в пол и упрямо молчал.

Внезапно Мастер Эремис подался вперед. До того как Териза перебралась в свою квартиру, ей довелось повстречаться со множеством людей, обладающих властью, приятелей ее отца, но она никогда еще не видела такой властности, как у Мастера Эремиса. С ним можно было сопоставить только отца; но манеры ее отца были гораздо менее привлекательными. В них не хватало азарта или страсти, что могло бы объяснить, почему ее мать вышла за него замуж. Когда Эремис вошел, он заговорил с Джерадином, но интерес, сверкавший в его глазах, и улыбка на губах были адресованы ей.

— Ладно, все это не важно. Я думаю, то распоряжение было глупым. Первое правило хорошего тона — ни в чем не отказывать прекрасной даме. Тем не менее вам, к счастью, повезло, что остальные Мастера слишком поглощены своими спо-

рами, чтобы проявлять бдительность. Мастер Барсонаж может выгнать вас, если узнает, что вы наделали. Но от меня он ничего не узнает.

— Благодарю, — неловко выдавил Джерадин. Неожиданное появление Мастера заставило его ощутить себя напроказившим мальчишкой.

Эремис посмотрел на Джерадина.

— Мое обещание не удовлетворило вас? Уверяю, в Гильдии у вас нет большего друга, чем я. Вы знаете, что я выступал против решения отправить вас за избранным нами Воином. Вы думаете, я дурно отношусь к вам или сомневаюсь в ваших способностях? Вы не правы. Воин представляет угрозу. Я просто беспокоился о вашей безопасности, Джерадин.

— Мне легче было бы выразить свою благодарность, если бы я понял это раньше, — процедил Джерадин сквозь зубы, неотрывно глядя в пол. — Что вам пользы в моей безопасности?

— Постыдитесь. — Мастер улыбнулся. — Ехидство вам не к лицу. — Он приблизился и положил руки на плечи Джерадина, словно заботливый отец, при этом заговорщицки подмигнув Теризе. — Ваша безопасность лично мне не принесет никакой *пользы*. Но я ценю ваш ум — и ваше упорство. Я был бы огорчен, увидев, как пропадают такие способности.

Кроме того, — сказал он, сжимая плечи Джерадина, — тот факт, что вы в безопасности, означает: вы можете официально представить меня этой, — взгляд его переместился от лица к вырезу платья, там на мгновение задержался, а потом скользнул к ее глазам, — восхитительной, созданной для услад леди.

Джерадин неуклюже ответил:

— Я уверен, что вам известно ее имя.

— Да, но слышал я его не от вас. Ведь вы — тот, кто ее воплотил. И, как заметил Мастер Барсонаж, несете ответственность за нее. — Эремис взглянул на Теризу столь многозначительно, что слабость, которую она ощущала, стала гораздо приятнее. — Я прошу вас, чтобы вы по всем правилам представили меня ей.

Джерадин искоса посмотрел на Теризу. Гримаса искривила его рот. Тем не менее он выговорил:

— Миледи, позвольте представить вам Мастера Эремиса. Он происходит из Эсмереля, одного из новоотстроенных поселений Тора. Мастер Эремис, это леди Териза де Морган. — Едва сдерживая ярость, он добавил: — Она — гостья короля Джойса и находится под его покровительством. Смотритель Леббик охраняет ее.

Мастер Эремис снова рассмеялся.

— Джерадин, вы как ребенок. — Он снова похлопал пригодника по плечам и отошел от него. — Но я все же докажу вам свое дружеское расположение, и так, что это удивит вас.

Но сейчас, — сказал он, снова обращаясь к зеркалам, — вернемся к вопросу: каким образом воплотимое могло измениться? Я сомневаюсь, что была произведена замена. — Он коснулся плоского зеркала кончиками пальцев. — И в то же время налицо фундаментальное изменение. Это наводит на размышления.

Похоже, этот вопрос в данный момент не слишком интересовал его.

— А пока что, — сказал он неожиданно, снова взглянув на Джерадина, — я хотел бы услышать, что заставило вас привести сюда леди Теризу. Ваше зеркало и зеркало Гилбура открыты. Это вызывает у меня серьезные опасения, что вы пытались помочь ей покинуть наше общество — или убеждали ее, что возвращение невозможно. Первое предположение я отвергаю. Это — абсурд. Даже вы, пригодник, не рисковали бы своей жизнью, своим будущим в Гильдии и будущим Морданта только для того, чтобы на следующий день все испортить.

Таким образом, я делаю вывод, что ее возвращение невозможно, в зеркале произошло некое изменение, закрывшее дверь, которую вы — каким-то образом! — открыли, чтобы привести сюда леди Теризу.

Но и это невозможно. — Он рассмеялся, словно эта мысль ему понравилась. — Значит, у нас полный набор невозможностей. Вот достойное вас поле деятельности, пригодник. Но, как вы, надеюсь, поняли, я уважаю ваш ум. Ваша способность все путать существует скорее для практических действий, а не для теории. Рассмотрите такую проблему: возможно ли теоретически спроектировать или перенести воплотимое с одного зеркала на другое? — Он говорил, словно учитель, задающий вопросы, ответы на которые ему известны. — Объяснит ли это те невозможности, что окружают леди Теризу?

Изучите эту проблему и дайте мне знать, к каким вы пришли выводам. Со своей стороны я собираюсь поднять этот вопрос на заседании Гильдии. Вы будете вознаграждены, если получите ответ раньше, нежели Мастера.

Прежде чем Джерадин успел ответить, Мастер Эремис переключил все внимание на Теризу.

— А сейчас, миледи, — сказал он, возвращаясь к своей привычной манере вести беседу, — может быть, вы окажете мне честь и проводите меня до моих покоев? Площади, отведенные мне Орисоном, не слишком велики, но я могу обещать вам гостеприимство и комфорт. — Легко и решительно он придвинулся к ней. — Есть множество вопросов, которые мы могли бы обсудить к обоюдному удовольствию.

Его улыбка и его близость, казалось, имели столько исключительно мужского смысла, что кровь бросилась ей в

голову. Она смотрела на его лицо до тех пор, пока дыхание ее не участилось и она не почувствовала, что не в состоянии отвести взгляд.

— Мы не будем надоедать вам, пригодник, отвлекая ваше драгоценное внимание, — промурлыкал Мастер через плечо. — Вас ждут более важные деяния.

Одной рукой он прикоснулся к Теризе. Его пальцы были длинными и тонкими, прикосновения — нежными, подушечки пальцев, казалось, готовы были ласкать, пробовать, узнавать. Указательный палец Мастера коснулся кожи на плече у края платья и медленно проследовал вдоль ткани вниз, к основанию груди.

— Миледи, мы можем идти?

Ее губы невольно раскрылись, словно ждали его. Околдованная магнетизмом и светом его глаз, она чувствовала, что не в силах сдвинуться с места. Но если бы он обнял ее за талию, она последовала бы за ним куда угодно.

— Мастер Эремис, — голос Джерадина был таким сдавленным, что больше походил на хрип, — что обсуждается в Гильдии? Если Мастера намерены принять решение по поводу леди Теризы, то мы все трое должны быть там. Сегодня я знаю о ней намного больше, чем знал вчера. — Он говорил с отчаянием и яростью, но старался держать себя в руках. — И она скажет что-нибудь в свою защиту.

Мастер поднял бровь.

— Пригодник Джерадин, — сказал он тихо, не отводя взгляда с Теризы и не убирая пальца из выреза ее платья, — это уже совсем непростительно. Я ведь распрощался с вами. Если вы не можете вести себя как взрослый человек, то должны вернуться в Хауселдон к вашим игрушкам и нянькам. Орисон — не место для детей.

— Мастер Эремис. — Тон, каким вымолвил это имя Джерадин, заставил Теризу посмотреть на него. В его лице она увидела неожиданную твердость, силу и сосредоточенность. — Я в отношении многого ошибался. Я совершил огромное количество ошибок. Но я никогда не подводил Гильдию. — Сдерживаемая ярость сквозила в его словах. — В этой комнате произошло нечто невозможное. Мастера должны знать то, что знаю я, и все, что леди Териза может сообщить им. О чем они спорят?

— Твое дело — красители и серебро, мальчишка! — Эремис резко отвернулся от Теризы. — Ты так же слеп, как и глух? — Но он вовремя взял себя в руки. — Ну хорошо, — прорычал он. — Возможно, если я отвечу, ты наконец-то оставишь нас в покое.

Они сейчас важно надувают щеки, эти напыщенные воплотители, и занимаются сегодня тем же, чем и всегда, — препирательствами, размышлениями, предположениями и сомнениями, — склоняясь к парадоксальному выводу, что невозможно принять решение относительно леди Теризы де Морган.

Невозможно объяснить, появилась она здесь случайно или в результате вмешательства посторонних сил. Соответственно нельзя знать, была ли та сила, которая вмешалась, наша или ее. А все, что сама она говорит о себе, может и не быть правдой. *Если* она реально существовала в своем мире и не является созданием своего воплотителя, она может иметь личные причины отвечать так, как она отвечает нам. А если она действительно создана зеркалом — что кажется мне очевидным, — тогда подоплеку всех ее действий и ответы следует искать у того воплотителя, который сделал так, что вы отыскали ее. Но кто за это ответственен — конечно же, тайна, потому что, очевидно, он враг Гильдии и Морданта.

Таким образом, разумно обоснованное решение относительно нее не может быть принято в силу вышеизложенных обстоятельств. Я предполагаю, что Мастера будут пережевывать это необычное заключение еще час или два — до той поры, пока Мастер Барсонаж не почувствует, что рискует пропустить свою трапезу.

Завтра будут обсуждаться действия, которые следует предпринять для разрешения этой дилеммы. И тогда я собираюсь рассказать им о последних невероятных событиях, случившихся с леди Теризой.

Ну, пригодник, вы удовлетворены?

И снова Джерадин не смотрел в глаза Мастера. Силы, казалось, оставили его. Со склоненной головой и ссутуленными плечами, он выглядел так, словно сейчас начнет в ярости пинать пол носами ботинок. Он не желал понимать намеков и покидать комнату.

— Дело вовсе не в случайности, — сказал он голосом, противоречащим всей его позе. — Зеркало, которое доставило ее сюда, теперь уже не может доставить ее обратно. В работу вступила посторонняя сила. И она имеет нечто общее с леди Теризой.

Она утверждает, что не является воплотителем. Она утверждает, что в ее мире *нет* воплотителей. Она использует слово «магия» — но и магии в ее мире нет. Когда я был там, то видел доказательства того, что не она доставила меня туда. Но это вовсе не значит, что у нее нет сил *здесь*.

Териза была ошеломлена этим доводом. Когда Мастер Эремис отвлекся от нее, она немного восстановила свою способность размышлять. В результате чего пожалела, что не рассказала Джерадину об увиденном в зеркале, прежде чем он собрался с кем-то спорить. Ее слова могли спасти его и не выставлять в глазах других идиотом.

К несчастью, сейчас спасать его было слишком поздно.

— Я считаю, — сказал он, выговаривая слова медленно и отчетливо, — что в ней есть нечто особенное. Мы нуждаемся в ней. Я *уверен*, что во мне нет ни капли скрытого

таланта. Но я не нашел бы ее, если бы она не была нам жизненно необходима.

Джерадин прикусил губу, стараясь сдержаться. Лицо его было встревоженным и смущенным, но взгляд не отрывался от лица Мастера.

— Мастер Эремис, я считаю, она слишком важная фигура, чтобы стать просто одной из ваших женщин.

— Ты негодный щенок! — воскликнул Мастер. Он как будто стал еще выше и собирался с силами, чтобы нанести сокрушительный удар. Но внезапно разразился смехом. — О Джерадин, Джерадин! — выдавил он между взрывами хохота. — Неудивительно, что я желаю тебе всего самого лучшего! Ты — просто бесценное создание... Скажи мне, мальчик, — его голос повысился на несколько тонов, словно он изображал ярость, — неужели возможно при виде этой леди, — широким жестом он указал на Теризу, — *поверить*, что она будет лишь *одной из* моих женщин? — Запрокинув голову, он засмеялся еще громче, от всей души.

Именно этого не хватало ее отцу. Он никогда не смеялся. Странным образом веселье Мастера Эремиса наполнило Теризу печалью. И ей этого не хватало. Если бы она выросла в семье, где люди смеялись, то вся ее жизнь могла бы быть совсем другой. Она могла бы быть совершенно...

Почти в один миг печаль вернула ощущение, что она растворяется.

И ощущение это оставалось, несмотря на взгляд Мастера и его прикосновение. Сейчас оно стало сильнее. Ощущение безопасности сменилось опасениями. И это заставило Теризу повернуть голову, словно она знала, что сейчас произойдет на плоском зеркале, которое открыл Джерадин.

Пока она не отрываясь смотрела на него, невозможное воплотимое Сжатого Кулака стало меняться, как в калейдоскопе. Снежная вьюга поутихла, и ручей превратился в дорогу; камни выпустили ветви и вытянулись в деревья; пушистый девственный снег притаял и превратился в грязь. Через мгновение сцена предстала безошибочно узнаваемой — это было перепутье близ Орисона, там, где сходились дороги из разных провинций; зеркало показывало реально существующее, подлинное воплотимое.

На этот раз на северо-восточной дороге показались всадники. По меньшей мере человек десять на конях, вспахивающих копытами снег, словно они спешили достичь Орисона...

...словно за ними гнались.

— Миледи, — ошеломленно прошептал Джерадин.

Затем он воскликнул:

— Зеркала и осколки!

Мастер Эремис тоже горящими глазами смотрел в зеркало, но молчал.

На одного из всадников словно хищник прыгнуло черное пятно, появившееся невесть откуда. Оно напоминало щенка и казалось слишком маленьким, чтобы навредить ему. Тем не менее обладало невероятной силой и яростью. Всадник вскинул руки вверх и полетел с лошади. Похоже, он что-то кричал.

Ни один из его товарищей не обернулся, чтобы помочь ему. Они только сильнее пришпорили своих скакунов, летя по направлению к замку. Потерявшая седока лошадь встала на дыбы и помчалась безумным галопом, исчезая за краем зеркала.

Холодная рука зашевелилась в животе Теризы и стиснула изо всех сил ее внутренности.

Она была так напугана, что не заметила, как перестала растворяться.

Снова из ниоткуда появилось еще одно темное пятно.

Вся сцена, казалось, рванулась к Теризе, когда пятно бросилось вперед. Джерадин стоял у края зеркала; он менял фокус, увеличивая воплотимое. Сейчас она сумела рассмотреть, что пятно — скрюченное, почти круглое существо с четырьмя конечностями, похожими на шевелящиеся крюки, и чудовищными челюстями, занимающими более половины его тела. Выпав из какой-то невидимой точки, оно приземлилось, затем прыгнуло всаднику прямо на грудь. И в то же мгновение его крюки пришли в действие, челюсти раскрылись и принялись рвать добычу.

Зеркало показывало агонию человека, рухнувшего на спину и безуспешно пытавшегося не дать вырвать из тела сердце. Показывало пятна крови на снегу.

Указав на одного из всадников, Джерадин воскликнул:

— Вердон! Он будет убит!

— Возможно, и нет! — вмешался Мастер Эремис. — Они отъехали на какое-то расстояние от места нападения. Если они смогут ускакать за пределы видимости от того зеркала, которое воплощает эти кошмары, то будут спасены.

Териза не могла бы определить, который из всадников был лорд Вердон. Все они казались ей одинаковыми — корчившиеся от холодного ужаса, скачущие, чтобы спасти свои жизни; глаза лошадей панически выпучены. Она сдерживала дыхание в невольной тревоге, пытаясь не реагировать на появление нового черного пятна, которое выпрыгнуло прямо из воздуха; она заставляла себя отвести взгляд от его раскрытых челюстей.

Но Мастер Эремис оказался прав. После того как всадники проскакали еще некоторое расстояние, никто из них больше не подвергся нападению.

Джерадин стоял со сжатыми кулаками, цедя сквозь зубы:

— Благодарение звездам, благодарение звездам.

Териза почувствовала боль в груди и внезапно подступившую тошноту. Она не находила слов, чтобы выразить свое отвращение.

— Что это за существа?

Мастер Эремис пожал плечами.

— Воплощенные существа, вроде этих, не имеют для нас названий. У меня есть более интересный вопрос. — Пламя в его глазах разгорелось ярче. — Согласно последнему рапорту, Вердон отказался покинуть Скарпинг, так как считает, что все происходящее в настоящий момент на берегах Вертигона требует его пристального внимания, — ходят слухи, будто Кадуол засылает шпионов, подтягивает армию, запустил несколько банд. И тем не менее он оказался здесь. Что заставило его покинуть свою провинцию? — Не ожидая ответа на вопрос, он взял Теризу за руку. Порывистыми движениями, пребывая в глубокой задумчивости, он увел ее от Джерадина и зеркал. — Пошли. Я хочу получить объяснение.

Джерадин последовал за ними словно в прострации.

Длинные ноги спешащего Мастера Эремиса делали широкие шаги; она едва поспевала за ним. Но, заметив, как ей приходится семенить, умерил шаг, улыбнулся и согнул руку так, чтобы ей было удобнее опереться на нее.

Сейчас Териза радовалась, что он не разговаривает с ней. Большая часть ее внимания уходила на борьбу с тошнотой.

Он вывел ее из подземелья, и они шли по-прежнему через пустой бальный зал, по коридорам Орисона, все тем же путем, которым днем раньше Джерадин вел ее к башне, где обитал король Джойс. В больших покоях, похожих на зал ожидания, перед ступеньками, ведущими наверх, Мастер остановился. Всего несколько человек находились здесь, и у большинства из них был замученный, усталый вид просителей — взгляд, который Териза распознала почти автоматически, потому что слишком часто видела его в миссии. И здесь было больше стражников, чем она помнила по предыдущему дню. Они с воодушевлением сообщили Мастеру Эремису, что Вердон находится у короля Джойса, но ясно дали понять, что все прочие во время их встречи будут лишними.

Почти в то же мгновение в комнате появился Смотритель Леббик и направился к лестнице.

Мастер Эремис опустил руку Теризы и поспешил к Смотрителю.

— Может ли это быть правдой, Леббик, — он словно башня возвышался над низкорослым воином, но в его обращении не было ни нотки превосходства, — что Вердон оказался здесь? Странная новость. Какой кризис вынудил оплот Морданта оставить свои владения на растерзание Кадуолу?

— Мастер Эремис, — язвительно ответил Смотритель Леббик, — это дело короля.

Стремительно атаковав ступени, он скрылся из виду.

Мастер посмотрел ему вслед.

— Самовлюбленный болван, — пробормотал он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Я всего лишь хотел услышать объяснение.

Териза посмотрела на Джерадина. Он стоял в стороне, его доброе лицо было омрачено тревогой, к которой примешивалась горечь. Если у него и был ответ на вопрос Мастера Эремиса, отвечать он не торопился.

Никто в приемной не мог ничего объяснить. Стражники стояли неподвижно, видимо, вспомнив о своих обязанностях или о приближающемся обеде. Просители были поглощены своими проблемами. Териза отдышалась и попыталась выгнать из своего сознания скрюченные круглые фигуры с раскрытыми челюстями.

Нетерпение воплотителя с каждой секундой возрастало. Внезапно он заявил таким тоном, словно все вокруг жаждали услышать его мнение:

— В провинции Вердон — кризис. Это очевидно. Но я сомневаюсь, что именно кризис привел Вердона сюда. Он не из тех людей, которые бегут от опасностей или признаются в собственной слабости. Нет, я думаю, что именно наш прославленный король несет ответственность за тот кризис, который заставил Вердона прибыть в Орисон. Я мог бы поставить дюжину золотых дублонов, что он проделал весь путь потому, что его толкнула на это ярость. И он придет еще в большую ярость, когда аудиенция закончится.

И словно по мановению волшебной палочки вниз покатился негодующий рев:

— Нет!

Лязгая металлом, на лестнице появился человек. Он был большой и плечистый; железные наплечники над нагрудником, сам нагрудник и железные перчатки на руках делали его еще больше. На одном его боку висел огромный меч, такой тяжелый, что им можно было рубить голову скоту, на другом — боевой кинжал. Голова, была совершенно лысая, но брови — рыжие и густые, рыжие клочки волос торчали над ушами, а воинственно встопорщенные усы были столь велики, что еда и питье оставили вокруг рта темные пятна. О поспешности его прибытия можно было догадаться по комкам грязи на обуви.

Он обратил вниз лицо с резкими чертами, словно собирался что-то протаранить лбом.

За ним торопливо шла женщина. Ее небесно-голубое платье и дорогие украшения свидетельствовали о ее высо-

ком происхождении, но двигалась она так, будто не подозревала, что на ней прекрасное длинное бальное платье, великолепное ожерелье и сережки. В обрамлении бледной кожи и коротко стриженных белокурых волос ее фиалковые глаза излучали свет.

— Милорд Вердон! — требовательно запротестовала она, спускаясь вслед за ним. — Вы должны попытаться еще раз! Вы не должны сдаваться. Наверняка это всего лишь недопонимание ситуации. Вы должны еще раз объяснить ему. *Мы* должны объяснять ему это до тех пор, пока он не поймет всю важность вашего визита. *Милорд!*

— Нет! — повторил тот. Голос его напоминал треск ломающихся прутьев. Он сошел со ступенек в центр зала, повернулся к ней и, воздев сжатые кулаки к потолку, проревел:

— Он уже ответил! *Он не отдаст такой приказ!*

Сила его негодования заставила даму остановиться. Она так побледнела, что казалось, вся кровь отхлынула от ее лица. Тем не менее она не колебалась.

— Но он *должен!* — ответила она. — Я утверждаю, что он *должен* сделать это! *Что-то* должно же быть сделано для спасения Морданта. Я уверена, даже сейчас Смотритель Леббик пытается убедить его. Давайте же вернемся, милорд. Это настолько жизненно важно, что вы *обязаны* преуспеть.

Подавляя ярость, лорд Вердон крепче стиснул перед собой кулаки; его перчатки зазвенели, ударившись о металл нагрудников.

— Нет, миледи, — глухо сказал он. — Я этого больше не выдержу. Пусть он играет в перескоки, в то время как королевство *разваливается!* — Его руки сделали резкое движение вниз, словно швыряя надежду на пол. — Я сражался на его стороне десять лет, чтобы сделать Мордант тем, что он представляет собой в настоящий момент. Я не знал колебаний, когда он искал добровольцев.

Повторите ему *это*, миледи. Тело каждого из моих людей, который будет ранен или убит, защищая его в его слепой бездеятельности, будет прислано сюда. Пусть посмотрит на их раны и объяснит, почему он, — лорд уже не мог больше сдерживаться, — *не отдал приказ!*

— Милорд Вердон, — голос Мастера Эремиса звучал учтиво и мягко, но в то же время достаточно авторитетно, чтобы привлечь внимание всех, находящихся в зале, — я подозреваю, что наш досточтимый владыка, король Джойс, совершил какую-то глупость. Очередную. Вы не сообщите мне, что произошло на сей раз?

Тон его заставил блондинку покраснеть; она прикусила губу и промолчала.

Вердон обернулся.

— Мастер Эремис... — Хмурым взглядом он оценивающе смотрел на Мастера. Затем воскликнул: — Однако! Задета моя честь. Я просто не ожидал от него такого.

Я не буду рассказывать вам обо всех ужасах, которым подвергались мои люди в течение часа, — и это всего лишь в броске камня от ворот замка «нашего досточтимого владыки». Это были твари из воплотимого, и мне тошно от подобных вещей. Я сражался бок о бок с королем Джойсом, чтобы этих чудовищ из зеркал наконец не стало на наших землях.

Я не буду говорить о них, потому что сказать о них в общем-то нечего. — Его твердый взгляд остекленел. — Пусть они будут на совести того воплотителя, что сотворил это.

Но все же вам следует знать — наши границы с определенного времени подвергаются нападениям. *Я* не собираюсь держать это в секрете. Вдоль всего Вертигона, от одного края Вердона до другого, от севера до юга, селения, несмотря на неподходящее время года, подвергаются нападению банд мародеров из Кадуола, которые грабят и сжигают все, что попадется им под руку. А потом убегают. На мои протесты эта жирная скотина, губернатор Фесттен, только пожал плечами. Он сказал, что мародеры наносят ущерб и ему. После войн с Мордантом у Кадуола не хватает сил, чтобы справиться с бандитами, так он заявил. И *я*, Мастер Эремис, — лорд Вердон ударил железной перчаткой в свой нагрудник, — *я* вынужден охранять Вертигон с небольшим количеством людей.

Не получая поддержки или совета из Орисона, — продолжал он с откровенным сарказмом, — я попытался решить проблему своими методами.

Из своих патрулей я отобрал хорошо обученных следопытов и шпионов, чтобы, когда появятся мародеры или найдутся признаки, по которым можно будет проследить за ними, они отправились по их следам. Я должен знать, где прячутся эти сволочи. Я бы многое отдал, чтоб отыскать какой-нибудь их лагерь, даже не остановился бы перед тем, чтобы немного углубиться на территорию Кадуола, лишь бы выкурить этих бандитов из их щелей.

Мастер Эремис кивнул.

— Логичная мысль, милорд Вердон. Но я подозреваю, вы были немало удивлены тем, что обнаружили.

— Удивлен? — проревел Вердон. — Клянусь убийцами-мясниками, Мастер Эремис! Мы ведь говорим о Кадуоле — а значит, меня ничто не удивит. Тем не менее, — продолжал он мрачно, — я был совершенно не готов к тем донесениям, которые оказались на моем столе. Некоторые из моих следопытов пропали — потому, без сомнения, что позволили застать себя за своим занятием. Остальные не показывались так долго, что я мысленно почти похоронил их, прежде чем они наконец вернулись домой. И все, кто выжил, рассказывали одну и ту же историю.

Естественно полагать, что эти мародеры — самые обычные бандиты. Одевались они в лохмотья и выглядели людь-

ми, обнищавшими настолько, что готовы на кровопролитие. Нападали беспорядочно, словно хотели только привести противника в смятение, не имея четко разработанной тактики. Серьезную проблему они представляли лишь потому, что приходили из Кадуола. И потому, что их было *много.*

Но я оказался не прав, Мастер Эремис. — Он сжал кулаки, и его ярость снова выплеснулась наружу. — Я был не прав. Вы можете поверить в это? После рейдов продолжительностью в два, четыре или даже десять дней все банды, за которыми следили мои люди, возвращались в *один и тот же лагерь.*

Териза глянула на Джерадина и увидела, как он медленно бледнеет.

— И в этом лагере, — продолжал Вердон, — они общались с солдатами Фесттена, одетыми в форму Кадуола. На повозках с провиантом красовалась личная печать верховного короля. Палатки, в которых проживали офицеры и хранились припасы, были построены по-кадуольски.

— Ну конечно, — пробормотал Мастер Эремис. — Ваше удивление понятно, милорд Вердон. *Я* лично потрясен. — Однако он вовсе не выглядел потрясенным. — И какова же была численность этого войска?

— Тут сведения противоречивы. Мои следопыты наблюдали за ними не в самых благоприятных условиях. И некоторые при этом были охвачены паникой, тогда как такая работа требует хладнокровия и выдержки. Но я убежден, что оно насчитывает не менее пятнадцати тысяч человек, готовых к бою.

Один из стражников в зале протяжно присвистнул; Териза не заметила, кто это был.

— И это — *зимой,* — рявкнул Вердон. — Они же прямо-таки вцепятся нам в глотку, как только позволит погода.

— Видите, как обстоят дела, Мастер Эремис, — сказала блондинка. — У короля должны быть какие-то причины поступать так. Подобное сообщение он не должен проигнорировать.

— В Северном и Южном Вердоне, — прохрипел Вердон, — у меня немногим более трех тысяч человек. Я точно знаю, что Орисон имеет не меньше пяти тысяч, и все они бездействуют в лагерях под началом Смотрителя Леббика.

— Точнее, около восьми тысяч, как мне кажется, — заметил Мастер Эремис.

— Восемь тысяч? И тем не менее, когда я попросил о помощи, — Вердон стиснул зубы, чтобы удержаться от очередной вспышки ярости, — король отказал. Он отказывал несколько раз. Сначала я не поверил. Наконец я прибыл сюда сам, чтобы лично просить о помощи. Я потерял в дороге семь человек — у самых стен Орисона. Но он, однако, снова отказал. —

Разъяренный лорд дернул себя за ус. — И это при том, что армия вторжения, сосредоточенная у его восточной границы, ожидает момента, чтобы воспользоваться хаосом, вызванным воплощениями — а их с каждым днем становится все больше; при том, что, без сомнения, в Аленде плетется заговор.

— Это невероятно, — выдохнула блондинка себе под нос. Ее фиалковые глаза глядели потерянно и озабоченно. — Он должен был отдать приказ. Почему он этого не сделал?

Джерадин нахмурился, погрузившись в размышления. Но мысли его отражались на лице гримасой отвращения.

— Десять лет я сражался с ним бок о бок, — закончил Вердон. — Я верил в него. А сейчас я знаю, что для него это ровным счетом ничего не значит.

Мастер Эремис изучал закованного в латы мужчину.

— Возможно, тогда, — сказал он тихо, — вас не удивит, если вы услышите, что я оказался точно в такой же ситуации.

Оба, Джерадин и блондинка, выразили удивление. Вердон выгнул рыжие брови.

— Вы, Мастер Эремис?

— Ну конечно же. — Глядя на лорда как-то особенно, Эремис приблизился к нему и положил руку на наплечник. — Наши проблемы на удивление схожи, милорд. Вы не прогуляетесь со мной до моих покоев? Все сражения Вердона все равно не могут быть выиграны в ближайший час или два, а у меня есть превосходный эль из Домне. Взаимное сочувствие нам обоим было бы на пользу.

Несколько секунд Вердон смотрел на Мастера Эремиса так же непонимающе, как Джерадин и леди. Он поморщился при слове *сочувствие*, как будто никогда не слышал его. Затем его лицо стало непроницаемым. Он осторожно сказал:

— Благодарю вас. Ваше предложение благородно. Я был бы не прочь утопить свое горе в кружке доброго эля, если у вас таковой найдется.

Мастер рассмеялся.

— Найдется, а также многое другое, что я с радостью предложу вам.

— Тогда я — ваш, Мастер Эремис!

— Замечательно! — Эремис кивнул блондинке и Теризе. — С вашего позволения, леди. — Его прощание было коротким; он был достаточно искушен в таких делах. Как только Вердон, в свою очередь, поклонился дамам, Мастер Эремис вывел его из зала.

Медленно, словно бы нехотя, Джерадин и блондинка посмотрели друг на друга. Оба они выглядели скованными, смущенными. Но она первая взяла себя в руки и спросила:

— Почему он поступил так, пригодник?

Джерадин переминался с ноги на ногу, но не сводил с нее глаз.

— Не знаю, миледи. У Вердона сердце и душа воина. И он сражался с Кадуолом слишком долго. Мастер Эремис знает, что он не доверяет ни одному воплотителю.

Она осмотрелась по сторонам. Затем, обхватив руки повыше локтей ладонями, прижала их к груди.

— Я *ненавижу*, когда он подобным образом смотрит на меня. Он улыбается и свободно жестикулирует, но я вижу, что все это — рисовка.

— Мне это тоже не слишком нравится, — пробормотал Джерадин. — Но непонятно, что у него могло оказаться общего с Вердоном?

Они погрузились в напряженную тишину. Сейчас он не глядел на Теризу, а изучал каменный пол. Она устремила взгляд в коридор, куда удалились Мастер Эремис и Вердон, словно хотела броситься вслед за ними и потребовать ответа. Наблюдая за леди и Джерадином, Териза пришла к выводу, что они давно знакомы друг с другом. Леди, судя по внешнему виду, была приблизительно ее возраста и, как показалось Теризе, они с Джерадином могли бы составить неплохую пару. Особенно яркость ее фиалковых глаз, казалось, подходила к бурной смене его настроений.

Внезапно леди смутилась. Повернувшись к Теризе, она сказала:

— О, прошу прощения. Как невежливо с моей стороны. Вы стояли здесь все это время, а я даже не удосужилась перемолвиться с вами хоть словечком. Вы, должно быть, леди Териза. — На ее лице появилась улыбка, которая могла быть и искренней, правда, довольно осторожная. — Я узнаю это платье, — объяснила она. — Если бы манеры пригодника хоть чуточку отличались от моих в лучшую сторону, — взгляд, который она бросила на него, свидетельствовал о досаде, — он бы давно уже представил нас друг другу. Я — Элега. Король Джойс — мой отец.

— О да! — Териза узнала имя. Так как ей никогда раньше не приходилось иметь дело с королевскими дочерьми, она совершенно не представляла, как их следует приветствовать, и сказала то, что часто слышала из уст своей матери: — Очень приятно встретиться с вами. — Затем энергично тряхнула головой — уж слишком ее голос напоминал голос матери.

К счастью, леди Элега не была знакома с матерью Теризы.

— Мисте и я, — продолжала она, — захотели встретиться с вами с того самого момента, как услышали, что вы — могу ли я воспользоваться словом «посетили»? — посетили нас. Обстоятельства у нас складываются не лучшим образом. Дела, о которых вы наверняка слышали, повергают меня в растерянность. — Казалось, она испытывала удовлетворение от беседы с Теризой, как будто в ней нашла для себя компенсацию необъяснимому обращению ее отца с Вердоном.

— Я была бы счастлива, — она улыбнулась, — и Мисте была бы в восторге, если бы вы заглянули в наши палаты. Вы, наверное, даже не представляете, какой интерес проявляют к вам в Орисоне. Мы с сестрой всегда рады новым друзьям. Но, скажу вам честно, миледи, — она понизила голос, словно собиралась поведать тайну, — Мордант — это мир мужчин. Нам, женщинам, редко выпадает случай проявить свои таланты. Поэтому ваше появление имеет для нас особую ценность. Миледи, можем ли мы надеяться на ваш визит?

Териза моментально замерла. Затем ощутила прилив страха. Почему она всегда так пугается, когда ей надо принять даже самое простое решение? Это все от матери. Ее мать обязательно сказала бы: *Какая прекрасная мысль. Когда бы вы хотели, чтобы я зашла? Ох, мой муж в эти дни так занят... Может быть, я перезвоню вам как-нибудь на будущей неделе.* Териза посмотрела на Элегу и простодушно ответила:

— Я могла бы заглянуть к вам прямо сейчас.

Но, сообразив, как это могло быть воспринято Джерадином, она покраснела от досады. А он даже не смотрел на нее; его лицо было спокойным, как ничего не отражающее зеркало. Только широко раскрытые глаза говорили о том, что он все слышал.

В этот момент она вспомнила, почему следовало опасаться даже простейших решений: решения порождают проблемы.

Между тем Элега сделала вывод, что в обществе Джерадина вполне естественно слышать такие заявления, — значит, Теризе предпочтительнее по той или иной причине пойти с ней. С непринужденной улыбкой, которой невозможно было не верить, она произнесла:

— Благодарю вас, миледи. Кстати, мы могли бы перекусить вместе. Я уверена, у нас найдется о чем поговорить.

Но, повернувшись к Джерадину, она как бы подобралась и вежливым холодным тоном спросила:

— Вы не присоединитесь к нам, пригодник?

Он стиснул зубы, бросил на Теризу быстрый взгляд и пробормотал:

— Нет, спасибо. — Голос его был нарочито равнодушным. — Я думаю, леди Териза сегодня уже достаточно настрадалась от моего общества. Передайте леди Мисте мои наилучшие пожелания.

Он отвесил в ее сторону резкий поклон и направился к выходу из зала.

В дверном проеме он задел плечом косяк и запрыгал на одной ноге, пока не восстановил равновесие. Стражники хмыкнули, наблюдая за ним.

Леди Элега прикрыла рот ладошкой, чтобы спрятать улыбку.

— Бедняга Джерадин. — Она покачала головой, отгоняя мысли о нем. — Что ж, пойдемте, миледи. — Указав в направлении ступенек, она пошла впереди Теризы. — Мы с сестрой занимаем комнаты этажом выше покоев короля. Нам было велено жить здесь, чтобы находиться в такой же безопасности и в таких же условиях, что и отец. Но вообще, — сказала она цинично, — правда в том, что все наиболее значительное доходит до нас гораздо позднее, чем до него, — и дальше уже не идет. — Пытаясь смягчить смысл своих слов, она с усмешкой добавила: — Как я уже говорила, Мордант — это мир мужчин.

— Называйте меня просто Териза, — тихо сказала гостья леди Элеги. Но мысли ее были заняты совсем другим, а сердце разрывалось на части. Одна часть осталась с Джерадином и изнывала от того, что Териза причинила ему боль. Джерадин был единственным из тех, кого она знала, кто придавал смысл ее существованию здесь. А другая часть ее сердца болела по иной причине. Говорил ли Вердон королю Джойсу об этих кошмарных черных кляксах? Ну конечно же, да. Он должен был сказать. И король *тем не менее* отказывается что-то предпринять? Если бы он только *видел*...

— Териза. Хорошо, — удовлетворенно кивнула леди. — Тогда вы должны называть меня Элега. Я надеюсь, мы станем настоящими друзьями.

— А вы давно его знаете? — спросила Териза. Это было лучше, чем вспоминать о челюстях и крови.

— Пригодника Джерадина? — Элега рассмеялась, но ее веселость казалась несколько наигранной. — Вы, наверное, не поверите, но когда-то мы с ним были обручены.

— Обручены?

— Да. Поразительно, не так ли? Но его отец, Домне, хоть и не воин, как, например, Вердон, — один из самых старых и самых доверенных друзей моего отца. — Волнение в голосе Элеги внезапно навело на мысль, что, может быть, дочери короля тоже предупреждены и должны опасаться говорить ей слишком много. — Из-за постоянных войн король женился поздно. Я, старшая дочь, родилась через год после рождения Джерадина, седьмого сына Домне. Позднее, во время очередной войны, мой отец для безопасности отослал всю семью в провинцию Домне. Я провела несколько сезонов в одном из поселений в Домне — Хауселдоне, и мы с Джерадином вместе играли. — Эти воспоминания, казалось, не слишком нравились ей. — По этой причине, считая, что мы подходим друг другу, наши родители обручили нас.

Один пролет ступенек привел их к этажу, на котором располагались покои короля. Элега прошла мимо высокой резной двери, ведущей в его покои, и стала подниматься по другой лестнице.

— Мне все-таки больше нравится один из его братьев, — продолжала она. — Все женщины без ума от Артагеля, но Вестера обожали бы куда как сильнее, если бы знали его получше. Однако обоим не хватает честолюбия. Мне более по вкусу Найл. Но, к сожалению, женщины в подобных случаях обычно мало что могут сделать.

— А что случилось с вашим обручением?

— О, я просто отказалась выходить за Джерадина замуж. Он совершенно невозможен, Териза. — Элега, видимо, сама не замечала, сколько злобы таится в ее словах. — Достаточно того, что он не может выйти из комнаты, не споткнувшись. Он — воплощенное невезение. Он служит воплотителям на три года дольше, чем любой другой пригодник со времен основания Гильдии, и с того момента, как начал службу, не приблизился к мантии Мастера ни на шаг.

Его целеустремленность — как и его страсть пытаться все исправить — должно уважать. Но я — дочь короля Морданта, и я не хочу провести остаток жизни, убираясь в хижине в провинции Домне и подметая осколки зеркала, расколовшегося при очередной неудаче Джерадина.

Вы знаете? — Она внезапно прыснула. — Первый раз, когда он был официально представлен моему отцу, — мы как раз ехали верхом с визитом в Домне, двенадцать или четырнадцать лет назад, — у него был такой вид!.. Чтобы поскорее увидеть короля, он не смог придумать ничего лучше, как срезать путь, перескочив через бревно, за которым оказалась кормушка для свиней. Когда он добрался до нас, на нем было больше объедков, чем осталось в той яме. До чего же он неловок!

Териза едва не рассмеялась. Она легко могла представить Джерадина, словно была очевидцем той сцены; грязь, застрявшая в волосах, прилипшая к лицу, пропитавшая одежду; стекают помои, опадают куски шелухи. Он был именно таким человеком, с которым могло произойти нечто подобное.

Но вдруг, охваченная безграничным чувством жалости к нему, она чуть не расплакалась. Бедняжка, пробормотала она про себя. Он заслуживает лучшей доли.

— Нет, Териза, — подытожила Элега. — Пригодник Джерадин будет честным и порядочным мужем для туповатой женщины, думающей лишь низом живота, с сильным инстинктом материнства и неоправданной терпимостью к бесконечным несчастьям. А мне он не подходит.

Териза ничего не ответила. Значит, тебе не повезло. Но вслух она этого не сказала.

Преодолев подъем по ступенькам, они увидели еще одну дверь, не менее высокую, чем дверь в королевские

покои, которая находилась прямо под ней. Однако эту дверь никто не охранял; видимо, на этот уровень башни другого прохода не было, и тот, кто охранял короля, оберегал также и его семью.

Потом Териза вспомнила о тайных ходах. Вполне возможно, что в Орисоне не было места, достаточно безопасного от кого-то, кто хорошо здесь ориентировался.

Улыбаясь, Элега открыла дверь, приглашая гостью.

— Добро пожаловать к нам, леди Териза де Морган, — объявила она официальным тоном и втянула Теризу в анфиладу комнат, принадлежавших ей с сестрой.

Териза была удивлена, обнаружив, что эти комнаты далеко не так богато украшены и обставлены, как королевские палаты. Толстые шерстяные ковры выглядели скорее ремеслом крестьян, чем произведениями искусства, — ковры для пользования, а не для показа. Диваны, кресла и кушетки были массивными и восхищали больше добротностью и прочностью, чем изяществом. Некоторые из предметов мебели в первой комнате выглядели так, словно сделали их давным-давно; стол в столовой, который она увидела, заглянув в проход, явно знавал лучшие дни.

Териза не могла удержаться от вопроса, почему король Джойс держит своих дочерей в черном теле. Элега объяснила:

— Раньше мы все жили здесь, а те комнаты, что внизу, использовались лишь для официальных королевских дел — для приемов, небольших аудиенций, скромных банкетов и так далее. Моя мать, королева, не любит излишеств, но она прекрасно понимала, что видимая роскошь идет на пользу государству. Поэтому официальные комнаты были обставлены скорее напоказ, чем для жилья. — Сама она служила прекрасной иллюстрацией своим словам. То, как она носила свои драгоценности, свидетельствовало, что ее заинтересованность в делах отца не имеет ничего общего ни с богатством, ни с роскошью.

Теризе захотелось спросить, почему король перебрался вниз или по какой причине королева (Саддит, похоже, упоминала, что звали ее Мадин) больше не живет в Орисоне. Но задавать личные вопросы ей было уже невмоготу; пока она собиралась с духом, чтобы все-таки рискнуть, из дальних комнат появилась женщина, одетая в воздушное платье из желтого шелка.

— О, Мисте! — Взгляд, которым Элега окинула сестру, был ласковым и немного презрительным, как будто говорил, что она ее любит, но не слишком высоко ценит. — Я раздобыла для нас редкое угощение. Это Териза — леди Териза де Морган. Она прекрасно выглядит в твоем платье, не правда ли? Мы вместе отобедаем. Териза, позвольте представить вам леди Мисте, мою сестру. Она — единственная из всех живущих в Орисоне, кто более меня *жаждет*, — последнее слово она произнесла с юмором, — свести с вами знакомство.

Такое откровение заставило Мисте покраснеть. Она была, как заметили король Джойс и Саддит, сложением очень похожа на Теризу, правда, несколько более щуплая в некоторых частях тела. И во многом напоминала свою сестру, хотя в ней не было такого, как у Элеги, сочетания: живые глаза, бледная кожа и светлые волосы. Стоя рядом, они казались слегка отличными друг от друга версиями. Темно-русые волосы Мисте, может быть, и не выглядели при свечах как чистое золото, но явно сверкали богатством в солнечном свете. Оттенок кожи свидетельствовал, что на нее прекрасно ложится загар. И вдобавок менее драматичный цвет ее глаз, казалось, больше гармонировал с ярким дневным светом, чем с полумраком и тенью.

Когда Мисте вошла в комнату, Териза отметила в ней некую отстраненность взгляда, словно ее мысли витали в другом мире. Но глаза ее странно оживились, когда Элега представила ей Теризу. В ней появилась какая-то необычная восторженность, казалось, она вся дрожит. Подобная реакция настолько поразила Теризу, что она инстинктивно оглянулась, ожидая увидеть кого-то, так взволновавшего Мисте, за своей спиной.

— Миледи... — Мисте сделала глубокий реверанс, взмахивая желтым шелком, явно не только для того, чтобы оказать уважение Теризе, но и чтобы скрыть румянец на лице.

Териза, беспомощная и встревоженная, бросила на Элегу умоляющий взгляд.

Элега положила руку на плечо сестры.

— Прекрасно исполнено, Мисте, — сказала она суховато. — Однако мне кажется, что такой торжественный прием смущает Теризу. Я зову ее Теризой по ее же просьбе. Наверняка она позволит и тебе так же обращаться к ней.

— Да, пожалуйста, — мгновенно подхватила Териза. На этот раз она была совершенно искренней.

Леди Мисте подняла голову, и стало ясно, что ее румянец выражал восторг, а не смущение; она не выказывала никаких признаков стыда или неловкости и внимательно рассматривала гостью.

— Добро пожаловать к нам, миледи, — сказала она вежливо. — Я уверена, что смогу называть вас Теризой — через какое-то время, когда мое сердце перестанет так лихорадочно биться. — Ее улыбка удивительно напоминала улыбку короля Джойса. — Простите, если я смутила вас. Возможно, вы не понимаете, какую оказали нам честь. Я сама хотела просить вас заглянуть к нам.

— Это *и в самом деле* честь, — добавила Элега, прежде чем Териза успела запротестовать. — По нормам Морданта, мы всего лишь две женщины, живущие под присмотром отца, потому что он никак не может найти для нас подходящую пару. Разные правители и выдающиеся личности, которые посеща-

ют Орисон, не считают нужным появляться у нас или ставить нас в известность о своем пребывании здесь. И я по чистой случайности оказалась у короля, когда... — Она обернулась к сестре и непринужденно сказала: — Мисте, ты не поверишь, отец превзошел самого себя. — Несколькими уничтожающими фразами она поведала сестре об аудиенции Вердона у короля Джойса. И добавила: — Пятнадцать тысяч человек, Мисте. А у Вердона всего три тысячи. И отец отказался помочь ему. Он зашел слишком далеко. С этим нужно что-то делать.

— Элега, он наш отец, — заявила Мисте. — Вполне очевидно, что мы не понимаем его намерений. Как мы можем что-то предполагать, когда знаем ничтожно мало о его мыслях и тревогах? — В отличие от Элеги она не подчеркивала своего незнания; это была простая констатация факта. — Но мы не должны слишком поспешно судить его. Вокруг Морданта возникла сложная обстановка. Похоже, новая война не за горами. Хаос из воплотимого регулярно обрушивается на нас. Вот и леди... — она посмотрела на Теризу, моментально покраснела, но заставила себя закончить, — Териза... — леди Мисте мягко улыбнулась, — Териза пришла к нам через зеркало. Ходят слухи, что она и есть ответ на пророчество. Мы не должны судить впопыхах.

— Мисте, ты неисправима. — У Элеги на лбу появилась небольшая морщинка. — Если Бретер верховного короля ворвется к нам, изрубит меня в куски у тебя на глазах и распорет своим клинком тебе живот, ты и тогда скажешь, что мы не должны судить его впопыхах.

— Я верю, — сказала леди Мисте серьезно, но без всякого раздражения, — что Бретер верховного короля хранит в своем сердце больше чести.

— Ну какая же ты глупышка! — тихо воскликнула Элега. Ее фиалковые глаза сверкали на бледном лице. Но она тут же схватила сестру и крепко обняла ее, пока ее раздражение не утихло. А когда отошла в сторону, то снова могла вести себя как положено благовоспитанной даме. — Но даже глупышка и знаменитость из другого мира, — она улыбнулась, показывая, что дурачится, — должны есть. Я распоряжусь.

Она подошла к ближайшему шнурку и дернула его. Потом вышла в соседнюю комнату.

Териза услышала, как она быстро отдает распоряжения. Через некоторое время появилась служанка с подносами, направилась в столовую и стала накрывать на стол.

Териза осталась наедине с Мисте.

Пристальный взгляд Мисте, ее внимание заставляли Теризу первничать. Она чувствовала, что Мисте ей нравится, но не хотела, чтобы леди смотрела на нее таким образом.

Казалось, Мисте рассматривает нечто внутри, позади или впереди Теризы, и это вызывало ощущение, будто она снова растворяется. Она поневоле вспомнила, что зеркало, доставившее ее сюда, было лживым.

— Здесь так много того, чего я не понимаю. Почему король, ваш отец... почему он ведет себя столь пассивно? Какой смысл может заключаться в том, что он не хочет поддержать Вердона?

— О, миле... Териза. Вы затронули вопрос, который поразил нашу семью в самое сердце, у нас до сих пор нет на него ответа. — Леди указала жестом на диван. — Не хотите ли присесть?

Они удобно устроились на мягком диване, и Мисте продолжала:

— Вы пробыли среди нас недолго. Однако что касается нашей политики, то тут нам похвастаться особенно нечем. — Ее печаль означала разочарование, равно как и признание непреложности этого факта. — Вы, возможно, не знаете, что у нашего отца *три* дочери. Наша средняя сестра, Торрент, вместе с нашей матерью — королевой Мадин — больше не живет здесь. Они решили перебраться в Ромиш — точнее, в поместье неподалеку от Ромиша. Мне кажется (потому что я там не была), что они живут там с семьей матери.

Два года назад ничего похожего не произошло бы. Тогда мы жили все вместе. И я радовалась этому, хотя не могу сказать, что мы были счастливы.

Териза оставалась неподвижной и молчаливой. Она уже чувствовала, какого рода история сейчас прозвучит. Работа в миссии много раз вынуждала ее выслушивать подобные истории.

— Мне кажется, вам понравилась бы наша мать, мил... Териза. Это женщина, которая знает, чего хочет, — факт, не раз вызывавший у отца немалое раздражение. — Мисте улыбнулась при воспоминании о матери. — Если б вы послушали Элегу, она заставила бы вас поверить, что во всем Морданте не найдется и пяти подобных женщин. Но, по моему мнению, она несколько преувеличивает. Мне кажется, нашим женщинам не хватает лишь смелости следовать за своей мечтой. — Ее взгляд будто бы пронзил противоположную стену, словно камень был прозрачным. — Впрочем, никто не собирается отрицать, что королева Мадин одна из немногих, кто достаточно уверен в себе — или до такой степени смел, чтобы настоять на своих желаниях.

Вот взять хотя бы тот факт, — отвлеклась она от нити повествования, — что матушка позволила разорвать помолвку Элеги с Джерадином Домне, хотя сам король приложил к ней руку. Наша мать при этом радовалась, что у нее есть дочь, которая знает, чего хочет.

Так вот, — продолжала леди, — Мадин любила Джойса с детства, задолго до того, как он стал королем Мор-

данта, — и он любил ее. В шутку даже поговаривают, что кампанию, которая привела его к трону, он начал только для того, чтобы сбежать от трудностей, стоявших на пути их страсти. Таким образом, когда он подчинил себе Демесне и присоединил к ней провинцию Файль, то бросился к ногам матушки и умолял ее, чтобы она вступила во владение его имуществом — после того, как ее отец, Файль, дал на это свое согласие.

К его изумлению, — Мисте снова улыбнулась, — матушка отказала ему. Она не отрицала, что бесконечно любит его, но заявила, что не хочет видеть его своим мужем или возлюбленным. Он принялся за войну, как фермер за пропашку земли, который не должен останавливаться, пока поля его не будут вспаханы и засеяны. Но пока руки давят на плуг, его время и его жизнь принадлежат кровопролитию. Она готова разделить с ним многое, но не готова разделить его с такой коварной любовницей, как война, когда каждое копье, стрела и меч его врагов жадно нацелены на его сердце. Если желание его не угаснет и он до той поры останется жив — то ему достаточно будет прислать лишь словечко, что войны закончены, и она примчится к нему хоть на край света.

Прежде всего батюшка все же мужчина. И потому, конечно, он пришел в ярость. Но при этом он все же *настоящий* мужчина. Какое-то время он бушевал — он сам говорит, что несколько дней, а матушка упоминала об этом просто как о *некотором времени*, — но затем наконец рассмеялся громко и звонко. И сказал себе, что нет на свете другой женщины, подходящей ему так, как она, и поклялся страшной клятвой: что бы ни случилось, ей недолго упрямиться. И ускакал — напоследок пробурчав хвастливо, подобно всем молодым мужчинам, что покорит Кадуол и Аленд до следующей зимы.

Печально, но клятву свою он не сдержал. Много лет прошло до той поры, когда он наконец смог назвать себя королем, не опасаясь, что титул этот будет отобран у него в битве на следующий же день. А когда он все же добился своего, то повел войну иного рода: борьбу за объединение всех воплотителей в Гильдию. При случае он навестил матушку, чтобы она знала — он не изменил своих намерений. Просто его войны еще не закончились.

И наконец матушка посчитала, что хватит. Покинув Ромиш верхом, без всякой свиты и охраны, сопровождаемая только служанкой, она поскакала по холмам и лесам Морданта и достигла того места, где сражался король. Он и его люди, в их числе и Адепт Хэвлок, только что закончили битву с коварным воплотителем, и батюшка был с ног до головы осыпан пеплом. Тем не менее она подъехала к нему, по его словам, так, словно их представляли друг другу в тронном зале Орисона, и

сказала: «Мой владыка король, долго ли еще будет происходить все это?»

Он посмотрел на своих людей и на нее. В это мгновение, как он рассказывал, ему хотелось совершить какой-нибудь дурацкий поступок. Она была женщиной, прискакавшей без охраны, лишь со своей служанкой, а только что погибли пятеро его людей. Но батюшка не стал ничего предпринимать, помог ей сойти с коня, отвел в свою палатку и объяснил, что он делает и что ему еще осталось сделать.

Тогда матушка сказала: «Мой владыка король, это может продлиться еще лет десять, а то и дольше».

Он кивнул. Ее оценка была правильной.

«Это чересчур долго, — сказала матушка. — Я ждала уже более чем достаточно. Есть ли в этом лагере человек, который может совершить обряд бракосочетания?»

Мой отец утверждает, что тупо глядел на нее не меньше часа, прежде чем понял, чего она хочет, но матушка уверяла, что он потерял разум не более чем на пару секунд. Затем он издал вопль, и схватил ее в объятия, и закружился так лихо, что сломал палаточный кол, и палатка рухнула на них.

Тем не менее именно он настаивал на том, чтобы они вернулись в Орисон и устроили богатую и пышную свадьбу. Он сказал, что меньшего она не заслуживает. С ее же точки зрения, он просто хотел увезти ее от опасностей битв в безопасность своего Демесне.

Их союз, — Мисте посмотрела на Теризу, и Териза увидела на лице леди одновременно счастье и печаль, — был тем, что некоторые называют «милые бранятся — только тешатся». Оба наверняка прекрасно знали недостатки друг друга. Однако тем, кто наблюдал за ними со стороны, казалось, что любой компромисс может быть достигнут лишь лет через двадцать. И только мы замечали, как светились радостью глаза батюшки, несмотря на бурно проявляемую ярость, когда матушка спорила с ним. Мы слышали, с какой теплотой и преданностью она всегда говорила о нем, когда его не было поблизости. Я бы сказала, что это был прекрасный союз, Териза.

Но конец его, — она вздохнула, — был неожиданным.

— А что произошло? — Териза думала о своих родителях, пытаясь найти какую-нибудь мелочь, которая могла бы связать их с только что услышанным.

Мисте печально сказала:

— Он стал совершенно пассивен. Искра задора потухла в нем. Все чаще и чаще он закрывался с безумным Хэвлоком, чтобы играть — как он уверяет — в пересмешки, в то время как должен был заниматься управлением страной. Принимал все меньше и меньше решений. Заговоры и их проявления игно-

рировал. Над людьми не вершилось правосудие. Не сразу, конечно, а в течение нескольких лет отец превратился в то, что люди называют «старой развалиной». Его власти — как и преданности его подданных — хватает лишь на то, чтобы следить, когда появится узурпатор. Все остальное его не волнует.

Для всех нас это было огромное горе, но для матери — настоящий удар в сердце. Так как она всегда уважала собственное мнение, то принимала во внимание и мнение отца. Но теперь он спорил с ней только по самым тривиальным поводам — к примеру, должны ли его дочери учиться игре в перескоки вместо вышивания или нет. И это утомило ее настолько, что она решила: хватит. И тогда она пришла к нему.

«Старик, — сказала она. По ее желанию все дочери присутствовали, — это должно прекратиться. Под боком у тебя творят свои злые дела воплотители. Враги твои пригнулись, изготовившись к нападению; шакалы вьются у самых твоих ног. Волнения доводят провинции чуть не до восстаний. А ты тем временем играешь в перескоки с этим глупцом Хэвлоком. Я говорю: ты обязан это прекратить».

«Дорогая моя, — ответил он так, словно она обидела его несправедливо, — много лет ты отказывалась выйти за меня замуж потому, что я воевал. Ты хочешь, чтобы я снова начал войну?»

«Тогда я была юной и незамужней, — возразила она. — А сейчас, по моему собственному выбору, я — твоя жена. Ты — мой муж, но ты и король Морданта. Я согласилась с твоими королевскими обязанностями и требую от тебя: исполняй их как надлежит королю. Это твой долг, и он должен быть исполнен».

«Уж так получилось, — заявил батюшка с ноткой былой твердости, — что *я* король Морданта. И никто, кроме короля, не будет мне указывать, в чем заключаются мои обязанности. Я проконсультировался сам с собой и считаю, что выполняю свой долг в полной мере».

Отец наш видел, как она покидала Орисон. Когда она уехала, он плакал отчаянно, словно его разрывало на части. Но не сказал ни слова, не попытался объясниться, не успокаивал ее, не позвал назад.

Вместе с ней уехала и Торрент, она верила, что так будет правильнее. Элега же осталась здесь...

В этот момент леди Элега вернулась.

— Я осталась здесь, — вмешалась она, и глаза ее загорелись, — потому, что для Морданта должно быть что-то сделано — и это не может быть сделано в Ромише. Какие бы действия ни потребовались, чтобы спасти королевство, я хочу принимать в них участие, если смогу. Сестра же моя, — продолжала она, с трудом сдерживая презрение, — осталась здесь потому, что мечта-

ет, будто в один прекрасный день король воспрянет, чтобы защитить свое королевство, если только мы будем достаточно верить в него.

Мисте снова вздохнула.

— Возможно.

И тут же Элега принялась извиняться:

— Ох, прости меня, Мисте. Я не должна была говорить так резко. Его обращение с Вердоном выбило меня из колеи... Возможно, ты осталась здесь для того, чтобы он, даже в самых непредвиденных обстоятельствах, мог рассчитывать на доброе отношение и общество хотя бы одной женщины, которая его любит.

Или, быть может, подумала Териза, она здесь осталась как свидетель того, что случится с ним, возможно, единственный свидетель из королевской семьи. Мать Теризы оставалась с отцом до самой своей смерти, но не из упрямства; упрямство подразумевает принятие решения, а ее мать была не способна решать. Она просто была выбрана своим мужем и согласилась с его правом сделать это. Для нее это был единственный путь поверить в себя.

Элега обернулась к Теризе.

— Однако мы пригласили вас сюда совсем не для того, чтобы рассказывать такие истории, — вдруг сказала она веселее. — Как заметила моя сестра, мы хотели бы побольше узнать о вас. И стол уже накрыт. Не могли бы мы побеседовать во время еды?

— Не думаю, что много смогу рассказать вам, — ответила Териза. Контраст между ее собственной жизнью и той историей, которую она только что услышала, живо продемонстрировал ей ее ничтожность. Если не считать покушения на ее жизнь, в ней самой не было ничего действительно реального. — Вы были исключительно добры ко мне. Но я попала сюда случайно. Я вовсе не воплотитель. В моем мире — в том мире, откуда я пришла, — нет воплотителей. Что-то получилось не так, когда Джерадин делал то зеркало. Или что-то произошло во время воплощения. — И снова она поймала себя на том, что говорит точь-в-точь как мать. Но что еще могла она сказать? — Я не знаю, почему позволила уговорить себя и отправилась сюда.

И как бы в довершение картины своего перемещения она сказала:

— Я хотела вернуться обратно. Но то зеркало почему-то изменилось. Он уже больше не может заставить его работать.

Она замерла. Сердце ее сжалось, словно она сказала нечто опасное, и иррациональное желание плакать, которое охватило ее, когда она представила себе Джерадина в помоях, возвратилось с новой силой.

Глядя сквозь нее так, как если бы в комнате стало вдруг невыносимо жарко, Мисте выдохнула:

— Неужели такое возможно? Ох, неужели возможно? — Она, похоже, считала, что услышала нечто гораздо более удивительное, чем любая волшебная сказка.

В противоположность ей Элега резко запрокинула голову, словно ее ударили по лицу; у нее горели глаза. Она медленно цедила слова, тщательно стараясь контролировать себя.

— Вы хотите сказать, миледи, что у вас нет причин находиться здесь? Никакой цели? Что вы прибыли сюда не для того, чтобы сыграть роль в разрешении проблем Морданта? Вы хотите заставить нас поверить, что вы не что иное, как обычная женщина? Что эта «случайность», как вы ее называете, не должна была произойти с вами?

Териза не хотела отвечать. Тон вопроса был чрезвычайно оскорбителен. Но она сама создала эту ситуацию и должна была найти в себе смелость посмотреть ей в глаза, чтобы хоть в этом не быть похожей на свою мать.

— Я вовсе не леди, а простой секретарь в миссии. — Она держала спину прямо, а голову поднятой. — Там нуждаются во мне. Немногие согласились бы пойти на такую работу, потому что за нее очень мало платят. Однако я потеряю и эту свою работу, если поскорее не вернусь домой. Преподобный Тэтчер не справится со всем в одиночку.

Я живу в обычной квартире. Ем и сплю. Хожу на работу. Вот и все.

Она решила, что Элега станет теперь презирать ее. Однако Мисте прошептала:

— Это чудесно, это просто замечательно! — Ее взгляд еще больше сфокусировался на Теризе. — Я даже не представляла себе, что такое возможно.

Но Элегу раздирали противоречивые чувства, которые запечатлевались на ее лице, сменяя друг друга; сейчас на нем было такое выражение, словно в нее плеснули кислотой.

— Вам следовало все же отправиться вместе с Вердоном, — глухо сказала Териза. — Он и Мастер Эремис — вот кто вам действительно был нужен.

В ответ леди попыталась улыбнуться и, установив на своем лице безмятежное выражение, спокойно сказала:

— Миледи, это не обязательно. Мы не имеем отношения к Гильдии. У нас нет тайных союзников среди врагов Морданта. Мы не станем манипулировать вами или предавать вас. Мы женщины, такие же, как вы, а не самовлюбленные мужчины, алчущие власти. Нам можно доверять. Мы, наверное, единственные люди в Орисоне, кому вы можете довериться. Перед нами притворяться не нужно.

Мисте мгновенно посмотрела на сестру.

— Элега, у Теризы нет причин лгать нам. Я уверена, что она не лжет. И это не притворство.

С яростью, которой позавидовал бы Смотритель Леббик, леди Элега фыркнула:

— *Ну, так и быть.*

Но тут же опомнилась и снова попыталась улыбнуться. Однако теперь она выглядела как женщина, отчаянно пытавшаяся сдержать неотвратимое желание разнести все в клочья.

— Простите, — сказала Териза. — Простите.

9. Мастер Эремис играет

Леди Элега и Мисте старались за едой вовлечь Теризу в легкую беседу, но не преуспели в этом. Мисте постоянно улыбалась, словно видела своим проницательным взглядом какую-то тайну; она задавала Теризе вежливые вопросы о том, что та видела и делала в Орисоне. Элега маскировала растущее нетерпение, ковыряясь в еде и заполняя паузы описаниями жизни, которую Териза могла бы вести, если бы родилась и воспитывалась в Морданте, — безопасной жизни, свободной от сомнений, рождающих безразличие к собственной судьбе. Но обе явно не говорили того, что думали.

Испытывая все большую неловкость, все три женщины искали ответы на внезапно возникшие вопросы. К счастью, вскоре появилась Саддит, и Териза, неуклюже попрощавшись с Мисте и Элегой, отправилась обратно в свои комнаты.

Саддит в присутствии дочерей короля держала глаза низко опущенными. Но при этом тем не менее изучающе смотрела на Теризу. Неуверенность в ее глазах медленно сменялась чувственностью и юмором.

Когда они с Теризой прошли мимо покоев короля и оказались вне пределов слышимости стражников, она сказала сладким голоском:

— Прекрасно, миледи! Вы встретились с леди Элегой и леди Мисте. Они — самые высокородные леди в Орисоне. И что вы о них думаете?

Я думаю, размышляла Териза печально, что они обе несчастливы. Но она не хотела говорить Саддит ничего подобного.

Молчание Теризы, казалось, подтвердило предположение служанки. Чтобы скрыть смешок, она опустила

глаза на свою незастегнутую блузку, которую распирали роскошные груди.

— Я думаю, — сказала она с удовлетворением, — что они забыли, какое положение занимают здесь.

— Что ты хочешь этим сказать?

Пока они шли, Териза обнаружила, что в поисках человека, нападавшего на нее, заглядывает в лицо каждого, кто попадается им по дороге. Это было все-таки более спокойное занятие, чем раздумья о том, что она видела в зеркалах рабочего помещения Гильдии.

— Они самые высокородные леди на этой земле, — пояснила служанка. — У них есть положение и богатство, дорогие платья и редкие самоцветы. Сердца всех самых значительных людей Морданта по праву принадлежат им. И как же они используют предоставленные возможности? Леди Элега отгоняет поклонников. Она не желает мужчину — она желает быть одна. А леди Мисте недалеко ушла от нянькиных сказок о любовных романах и приключениях. — Саддит тихонько рассмеялась. — У них есть все права быть теми, кто они есть. Однако для этого у них не хватает жара в крови. Ни одна из них недостаточно женщина, чтобы вертеть королевским двором как подобает.

Когда-нибудь, миледи, — добавила она доверительно, — я займу место среди них. Я поднимусь так же высоко, как самые высокородные леди Морданта. И такое сравнение не пойдет им на пользу.

Прямота служанки показалась Теризе странной; она не привыкла к тому, чтобы слуги проявляли такое свободомыслие. Любопытство заставило ее спросить:

— А разве тебе не нравится то, чем ты занимаешься сейчас?

Саддит неприязненно глянула на Теризу, подозревая в вопросе насмешку. Но, увидев ее открытый, доброжелательный взгляд, она мгновенно расслабилась и чистосердечно ответила:

— В настоящий момент мое положение достаточно хорошее, миледи. Прежде чем стать служанкой, я была посудомойкой на кухнях Орисона. А до этого служила в таверне, рядом с которой стояла армия Морданта. А до *того*, — она скривилась, — кормила цыплят и мела полы в родной деревушке в Демесне. Служанка леди в Орисоне — это почетное место, конечно же. Но лишь на время. Для меня этого недостаточно.

Териза задумалась.

— Что ты хочешь этим сказать?

Саддит ответила с похотливой улыбкой и огоньками в глазах:

— Миледи, именно в постели мужчины отбрасывают свою напыщенность и становятся приручеными детьми, которыми втайне и являются. Когда я выяснила это, родная

деревня перестала удерживать меня. Солдат из Морданта не мог расстаться со мной и нашел мне место в таверне, поблизости от своего лагеря. Повар из Орисона не мог перенести, что мое тело будет страдать от похотливых рук солдат, и нашел мне место на кухне. Сын одного из старших командиров не смог отказать мне, и я получила место служанки. Это постели мужчин занесли меня столь высоко, и они вознесут меня еще выше.

Вы помните, леди, прошлую ночь я провела с Мастером? Мое положение в Орисоне укрепляется.

Ее откровенность казалась невероятной и звучала для Теризы словно иностранный язык. Ни при каких обстоятельствах она не призналась бы никому, что Мастер Эремис прикоснулся к ее груди.

— Он считает, — продолжала Саддит, — будто взял меня к себе в кровать, чтобы вознаградить меня за услугу, в которой я ему не отказала. Но он только воображает себе это, так же как наслаждается иллюзией свободы и власти. Он переспал со мной, потому что не мог иначе. Он начал делиться со мной своими мыслями. Скоро он обнаружит, что и на людях его претензии исчезают, как это происходит тогда, когда мы одни. Затем он найдет для меня какое-нибудь местечко, чтобы поднять меня поближе к себе. Но это будет место, которое выберу я, а не он, и уверяю вас, миледи, — продолжала она, сияя, — что я выберу место, которое откроет мне путь к сыновьям правителей Морданта.

Это очень просто, миледи. — Служанка хотела говорить спокойно, однако чуть не захлебывалась от восторга. — И кроме того, вы можете рассчитывать на меня и мою помощь. — Она продолжала поучать ее, словно мудрая сестра. — Если пожелаете, мы сделаем из вас незабываемую женщину, — она улыбнулась, — и причем в самом скором времени.

Териза достигла лестницы, ведущей в ее комнаты, с легким туманом в голове. Она извинялась перед дочерьми короля. За что? За то, что не является могущественным воплотителем, прибывшим спасти этот мир? Или просто за то, что она недостаточно реальна, чтобы заслужить их интерес, их дружбу и их союз?

Хочет ли она, чтобы Саддит сделала из нее незабываемую женщину?

— Я подумаю о твоем предложении, — пробормотала она отстраненно, когда они подошли к стражникам, стоящим у порога ее комнаты. — Это слишком ново для меня, мне нужно время подумать.

— Ну конечно же, миледи. — Саддит говорила как истинная служанка; но взгляды, которые бросали на Теризу стражники, подтверждали впечатление, что Саддит подмигнула им. — Позвольте мне помочь вам раздеться, и тогда я покину вас, на сколько вы сами пожелаете.

Один из стражников издал протяжный звук, словно поперхнулся. Териза смутилась и покраснела, когда Саддит вводила ее в комнаты. Как только дверь за ними закрылась, она проверила, сдержал ли Смотритель Леббик свое слово.

Да. Засов починили.

В комнатах было убрано, все приведено в порядок. Разбросанные ночью павлиньи перья все были собраны. На одном из столов, располагавшихся возле стены, стояли графин с вином и несколько бокалов.

Она почувствовала облегчение, когда Саддит расстегнула крючки на платье. Ей казалось, что легкие ее сдавлены, — в течение многих часов она не могла вдохнуть полной грудью. С радостью она переоделась во фланелевую рубашку, штаны и мокасины. Затем терпеливо ждала, пока Саддит разведет огонь, зажжет лампы и наконец-то уйдет.

Как только это произошло, Териза закрыла дверь, направилась к гардеробу с заблокированной дверью и проверила, действительно ли кресло запирает вход. Невероятно, чтобы она могла казаться *настолько* незабываемой. Ей не хотелось, чтобы еще кто-нибудь из мужчин смотрел на нее так, как Мастер Эремис.

Разве что Эремис сделает это снова. Еще разок. И тогда у нее появится шанс понять, что это означает.

Но когда она подошла к окну, чтобы взглянуть на зимний пейзаж Орисона и попробовать как-то разобраться в своих чувствах, лицо, которое пришло ей на память, оказалось лицом Джерадина, а выражение его было жестким, безучастным и застывшим, потому что она обидела его, а он не собирался это показывать.

Весь долгий вечер, пока солнце катилось на запад, к холодным белым холмам, она наблюдала за отрядом солдат, упражнявшихся в выездке на плацу, и при этом случайно заметила, как из замка вышла фигурка, облепленная мокрым снегом и грязью, похожая на Вердона. Люди на конях ждали его. Они были облачены в широкие плащи, предохраняющие от капризов погоды. Он вскочил на скакуна, явно предназначенного специально для него. Пустив лошадей во весь опор, они выехали из Орисона.

Ей он показался человеком, который знает, чего хочет.

На следующий день после завтрака она приняла ванну, надела свою собственную одежду и попыталась решить, что собирается делать. По непонятной причине ее уже не беспокоило ощущение, что она исчезает, — несмотря на то что весь вечер она провела наедине со страхами и странностями своего положения; несмотря на то что реальность ее существования стала вроде бы немного сомнительнее, чем раньше; несмотря

на то что поблизости нигде не было ни одного зеркала и даже ничего похожего на зеркало, где она смогла бы увидеть свое отражение. Однако все эти проблемы не беспокоили ее. Зеркало, доставившее ее сюда, оказалось лживым. Она не была воплотителем — а Мордант нуждался в помощи кого-то куда более сильного, чем просто воплотитель. Человек в черном пытался убить ее. Она видела людей, которых, словно сырое мясо, рвали на части создания, пришедшие невесть откуда. Боль причинялась тем людям, которые рассчитывали на ее помощь.

Со всем этим нужно было что-то делать.

Ну хорошо, а *что* именно?

Этого она не могла себе даже представить.

Именно потому она вскочила и побежала отворять, когда услышала стук в дверь. Стук этот прозвучал для нее как сигнал спасения.

Отодвинув засов, она распахнула дверь.

Снаружи стоял Мастер Эремис.

А рядом с ним — Джерадин.

— Доброе утро, миледи, — ласково сказал Мастер. — Я вижу, вы прекрасно выспались. Ваши глаза стали еще ярче — хотя я не предполагал, что это возможно. Но должен признаться тем не менее, — он скосил на нее глаза, — что предпочел бы ваш вчерашний наряд. Впрочем, это не важно. Я пришел проводить вас на собрание Гильдии.

Это было слишком внезапно. Ее сердце все еще трепетало из-за его неожиданного появления.

— Гильдии? — переспросила она, словно была глухой или недоразвитой. — Я приглашена?

В поисках ответа она невольно обернулась к Джерадину.

Лицо пригодника было непроницаемо. Он производил впечатление человека, который поклялся сдерживать свои эмоции. Наверняка он чувствовал себя обиженным, но не хотел показывать этого. Или просто пытался держать свои чувства к Мастеру Эремису под контролем. Она не могла определить.

И все-таки он был единственным, кому она доверяла, и лишь от него желала бы услышать объяснения по поводу происходящего.

Он не хотел встречаться с ней взглядом.

— Честно говоря, никто из нас не приглашен, — сказал он чересчур обыденно. — Но Мастер Эремис настаивает, чтобы мы оба пошли с ним.

— Именно так, — подтвердил Мастер. — Я ведь уже упоминал, что хотел бы продемонстрировать вам свое дружеское расположение. И, кроме того, сегодня Гильдия должна решить, какие действия следует предпринять относительно леди Теризы и нужд Морданта. Наверняка эта дискуссия представляет для вас некоторый интерес, не так ли, миледи?

Териза мучилась из-за того, что совершенно не представляла, как надо себя вести с Мастером Эремисом и Гильдией. Еще большее страдание испытывала она от чувства вины перед Джерадином. И теперь пыталась найти какую-то возможность спросить Джерадина, что ей следует делать. Но слова застревали в горле; улыбка Эремиса замораживала их.

Джерадин водил взглядом по комнате. Тем же обыденным тоном он сказал:

— Это может оказаться не слишком приятным. Как минимум половина воплотителей возмутится, когда узнает, что мы появились без приглашения. Но Мастера Эремиса, похоже, все это не беспокоит. И эта возможность нам очень кстати. Я думаю, нам не следует упускать свой шанс.

Пока Териза слушала Джерадина, у нее сложилось странное впечатление, что за минувшую ночь он значительно повзрослел.

Стараясь подчеркнуть, как она ценит его мнение, Териза сказала:

— Ну хорошо. — Она не смотрела на Мастера Эремиса. — Тогда я иду. — И вдруг замерла под хмурым взглядом Мастера, от которого сердце ее заныло.

К несчастью, взгляд Джерадина не поднимался выше ее колен; он не заметил, что она хочет извиниться.

Мастер Эремис многозначительно кивнул в сторону двери.

— Значит, вы позволяете нам захватить вас с собой, миледи? — Его усмешка была слишком откровенной, но быстрая улыбка смягчила эту откровенность. Он смотрел на нее так, что она поневоле вспомнила прикосновение его пальца к своей груди. Она ответила стыдливой улыбкой, оперлась на его руку, и он вывел ее из комнаты.

Джерадин следовал за ними, не выказывая никаких чувств.

Внезапно один из стражников шагнул вперед, привлекая к себе внимание.

— Мастер Эремис.

Эремис остановился и вопросительно изогнул бровь.

— Да?

— Приказ Смотрителя Леббика. Мы должны все время знать, где находится леди. Куда вы ее ведете?

Териза была удивлена. Вчера, когда она покидала комнаты вместе с Джерадином, никаких упоминаний о подобных приказах не было. Она посмотрела на Мастера Эремиса и увидела, что и он изумлен. Его непроницаемость развеялась, перед ней стоял глубоко задумавшийся человек. Его старания пошли насмарку.

Но в поведении стражников не было ничего, что показалось бы Мастеру Эремису удивительным.

— Я пригласил леди Теризу на заседание Гильдии, — без запинки ответил он, но сквозь шелковистость голоса

пробивались потки яда. — Без сомнения, Смотрителю Леббику — под которым я подразумеваю короля Джойса — любопытно узнать, что Гильдия собирается обсуждать в ее присутствии. — Он в отвращении скривил нос. — Без сомнения, шпионы тотчас донесут ему все новости. Пойдемте, миледи.

И повел ее вниз по ступенькам с такой грацией, словно она была одета для официального приема.

Его маршрут к бывшим подземельям Орисона был точно таким же, как и путь, которым вчера вел ее Джерадин. Пока они шли, высокое тело Эремиса чуть нависало над ней, будто бы поддерживая и в то же время как бы утверждая некое право собственности, но в полном соответствии с нормами вежливости; они как будто делились секретами. Териза молчала; весь разговор проистекал с его стороны. Она смотрела на людей, проходивших мимо, выискивая среди них человека, напавшего на нее. И потому Мастер застал ее врасплох, когда сказал небрежным тоном:

— Мы с Вердоном вчера обсуждали вас, миледи.

Она была слишком изумлена, чтобы ответить. Неужели она из тех женщин, которых можно *обсуждать*?

Мастер Эремис хмыкнул, как будто она сказала что-то умное.

— Он... гм... как бы это сказать, — Эремис старался подобрать слово посильнее, — имеет *обширнейший* опыт общения с женщинами, но мы с ним так и не пришли к единому мнению, какому из ваших *достоинств* следует отдать наибольшее предпочтение. Я пообещал дать ему ответ, когда он вернется в Орисон.

От этой мысли она вздрогнула. На что он намекает? На что-то наглое и интимное — но что? Ее сознание совершенно не реагировало на вопрос. Как он собирается прикоснуться к ней? Какие эмоции пробудит? У нее не было опыта общения с мужчинами, поскольку она игнорировала их, но точно так же она игнорировала саму себя.

Невольно она крепче прижалась к его руке, словно ей было холодно и она надеялась таким образом согреться.

Миновав пустующий бальный зал вместе с Джерадином, идущим следом, они повернули в коридор, который вел вниз, к рабочим помещениям Гильдии. И снова она запуталась в дверях и поворотах, но через какое-то время опознала прямой коридор, ведущий к бывшей камере пыток, которую сейчас воплотители использовали в качестве зала заседаний. Стражники отсалютовали и открыли массивные деревянные двери для Мастера Эремиса, Теризы и Джерадина, и те вошли в зал.

Большое круглое помещение с четырьмя массивными пилонами, поддерживающими по периметру свод, казалось, опоясывало Мастеров, собравшихся здесь. Но когда Эремис повел Теризу к полукруглому ряду скамеек и более хорошему

освещению, перспектива изменилась; пространство начало казаться менее давящим, менее похожим на гробницу, запрятанную под каменными плитами.

Здесь находилось по меньшей мере десять воплотителей, и все они уставились на Теризу и Джерадина, которых вел за собой Мастер Эремис. Некоторые сидели на скамьях, опираясь на низкое ограждение центральной части зала; остальные стояли у возвышения. Два дня назад на возвышении находилось зеркало, доставившее ее сюда. Сейчас никакого зеркала здесь не было, и потому возвышение приобрело свой первоначальный вид — приподнятой платформы, где когда-то содержались узники, приговоренные к пыткам.

Териза без каких-либо затруднений узнала Мастера Барсонажа: она запомнила его лысую голову, кустистые брови, лицо, цветом и текстурой напоминавшее грубо оструганную доску, крепкое тело. Из остальных воплотителей она смутно припомнила двоих или троих: те, кажется, стояли рядом, когда Джерадин вытащил ее из зеркала. У большинства Мастеров было странно-отчужденное выражение, словно они собирались заочно судить ее. Или подвергнуть безжалостному допросу.

— Что это значит, Мастер Эремис? — спросил глухо Мастер Барсонаж. — Разве мы не решили раньше, что ни пригодник Джерадин, ни леди не должны принимать участия в наших дальнейших дискуссиях?

Джерадин принялся внимательно изучать камни на потолке.

— Так решили вы, Мастер Барсонаж, — добродушно ответил Мастер Эремис. — Но я решил убедить Гильдию в противном.

Магистр сильно нахмурился.

— Это недопустимо. Что за игры? Наша судьба — и, конечно же, судьба всего Морданта — зависит от нашего выбора. У нас нет времени... — он посмотрел в лицо Мастеру Эремису, — и у меня нет терпения заново решать давно уже решенные вопросы.

Некоторые из воплотителей кивнули, выражая свое согласие с ним. Похоже, Эремис не пользовался у них популярностью.

— Не будем придирами, — раздался знакомый голос, и звучал он так, словно говорившему не хотелось привлекать к себе внимания. — Что касается меня, Мастер Барсонаж, то мне было бы любопытно послушать Мастера Эремиса. Возможно, у него есть резон не признавать авторитет Гильдии, но в несерьезности обвинять его нельзя.

До тех пор пока она не услышала этот голос, Териза не замечала, что Мастер Квилон тоже присутствует здесь, сидит на скамье, но подальше от центральной части помещения, чем остальные воплотители. Его серый плащ и невыразительная внешность сливались с каменным окружением. Взгляд Теризы

невольно остановился на нем, словно она была рада увидеть кого-то, кого хотела считать своим другом, но опасалась, что в его присутствии может проговориться. Однако Квилон не смотрел на нее. Его блестящие глаза оглядывали прочих Мастеров, а нос заметно дергался.

— В любом случае, — заключил Мастер Эремис, — у меня есть право приводить на заседание Гильдии всякого, кого я считаю нужным. Это одно из наших правил, как вы, наверное, помните, Мастер Барсонаж.

Воплотитель ответил:

— Это так.

Остальные кивками выразили согласие.

Мастер Барсонаж недовольно хмыкнул, но не стал утруждать себя спором по этому поводу. Отвернувшись, он продолжал беседу с Мастерами, стоявшими рядом с ним.

Глядя в спину магистра, Мастер Эремис мимолетно улыбнулся. Затем он подвел Теризу к пустой скамье и усадил лицом к центру комнаты, после чего жестом, повелительным и добродушным одновременно, приказал Джерадину сесть рядом. Сам же остался стоять. Со своего места Териза почти физически ощущала, насколько он выше всех остальных присутствующих.

Комната не казалась такой холодной, как два дня назад.

Поодиночке и небольшими группами в помещении появлялись воплотители. Териза обратила внимание, что двое или трое из них были достаточно молоды и, видимо, перешли из пригодников в разряд Мастеров совсем недавно, — они были не намного старше Джерадина. Среди остальных воплотителей она распознала массивного горбатого Мастера Гилбура — угрюмость крепко угнездилась в его мясистых чертах, в темной бороде серебрилась проседь, а сгорбленная спина служила как бы противовесом мощным рукам. Она вспомнила его голос, глухой, как уханье совы. Но — стар или млад, знакомый или нет — все они поглядывали на нее и хмурились при виде Джерадина. Похоже, никто из Мастеров не желал ни ее присутствия, ни присутствия Джерадина. Проходя мимо, Мастер Гилбур задал риторический вопрос:

— Это еще что за очередная глупость?

Вскоре она услышала, как Мастер Барсонаж тихо произнес:

— Кажется, все в сборе. Давайте начнем.

Воплотители опустились на скамьи, их желтые мантии напоминали блики света. Теперь выхода отсюда не было: все двери заперты и даже закрыты на засовы, чтобы невозможно было проникнуть сюда снаружи. Гильдия строго хранила свои тайны. Если бы Мастер Эремис не убедил Теризу, сама она ни за что не пришла бы сюда. Ей было бы не по силам переубедить двадцать пять или тридцать мужчин, настроенных к ней враждебно.

Мастер Эремис, однако, не опустился на скамью, а продолжал стоять. Его улыбка была все такой же чарующей, но к лицу слегка прилила кровь, а светлые глаза опасно засверкали.

— Мастер Барсонаж, — сказал он мягким голосом, — несмотря на все мое уважение к вашему возрасту, занимаемой должности и опыту, я сомневаюсь, что ваши вопросы более важны, чем мои.

Никто из вас, наверное, не упустил из виду, что я привел на это собрание двух лиц, которым прежде было запрещено присутствовать на наших заседаниях, — пригодника Джерадина и леди Теризу де Морган. — Он не посмотрел ни на одного из них, игра его велась с Мастерами. — Именно они *являются* предметом нашей предстоящей дискуссии. Он — источник силы, понять которую мы не можем, но которая позволила ему найти ее в зеркале, сфокусированном на выбранном нами Воине.

Джерадин наклонил голову и обхватил ее руками.

— Она — плод наших усилий, усилий, прилагаемых для сохранения нашей собственной безопасности и спасения Морданта. Кто должен присутствовать на нашей дискуссии, если не они?

Прежде всего, я считаю, надо бы решить вопрос с самим пригодником Джерадином...

— Фи, Эремис! — грубо прервал его Мастер Гилбур. — Все это уже было сказано. Это аргументы ребенка. Давайте к делу.

— К делу, Мастер Гилбур? — Эремис вскинул брови. — Вы желаете, чтобы пошла насмарку прекрасная речь, которую я заготовил специально для этого заседания? Замечательно. В таком случае я верю в ваше здравомыслие и посему не буду заниматься дальнейшим обоснованием моего предложения.

Я предлагаю... — внезапно сказал он так громко, что голос его эхом отразился от каменных стен, — признать, что пригодник Джерадин заслужил мантию Мастера!

Когда эхо его слов замерло, воплотители уставились на него. Голова Джерадина дернулась вверх; его глаза были широко раскрыты от обуревавших его чувств. Териза вспомнила: *Я собираюсь выказать тебе свое дружеское расположение.* Так вот что он имел в виду! Мастер Эремис задумал добиться признания для пригодника, увидеть, как он будет наконец-то вознагражден за годы усилий. Она не могла понять, почему лицо Джерадина выражало не радость, не благодарность, а нечто похожее на страх.

Лицо его стало медленно краснеть, пока совсем не запылало.

Улыбка Мастера Эремиса была под стать его взгляду — дерзкая, вызывающая и в то же время довольная.

Магистр не улыбался. Он уставился на Мастера Эремиса, грудь его тяжело вздымалась. При этом он явно вслушивался в голоса остальных Мастеров.

— Мастер Эремис, неблагородно издеваться над пригодником таким вот образом.

— Издеваться, Мастер Барсонаж? — мгновенно ответил Мастер Эремис с интонациями протеста и ярости, хотя улыбка на его лице продолжала все так же сверкать. — Я совершенно серьезен. — Несколько смешков прокатилось над аудиторией. В ответ Эремис возвысил голос так, что перекрыл всех остальных Мастеров. — Пригодник Джерадин совершил нечто, чего не делал до него еще ни один воплотитель! Даже Архивоплотитель Вагель не мог использовать зеркало так, как *он!* Так почему вы смеетесь над ним? Клянусь чистым песком, вы *не должны* смеяться! — Его голос вновь обрел прежнее добродушие. — Джерадин так же достоин мантии, как и любой из нас, и я хочу получить ответ на свое предложение!

Улыбка не сходила с его уст.

— О, какой кошмар! — воскликнул Мастер Гилбур, прежде чем кто-нибудь успел заговорить. — «Я хочу получить ответ на свое предложение». — Его сарказм был тяжеловесен как дубина. — Вы мечтатель, Эремис. Вы сунули голову в плоское зеркало и вынули ее оттуда такой же безумной, как у Хэвлока. Сделать Джерадина Мастером? Должен ли я объяснять вам, насколько это глупо?

— Вы должны сделать это, — ответил Мастер Эремис голосом, полным сладкого яда, пока остальная часть Гильдии смотрела на них в недоумении и замешательстве. — Я оставлю без внимания оскорбление, но тем не менее требую объяснения.

— Так слушайте, — проревел Гилбур. — Мы не можем принять его в Гильдию в качестве самого знаменитого воплотителя всех времен. Мы не можем положиться на его лояльность. Пока телом он служит нам, душа его и сердце принадлежат королю Джойсу. Не секрет, что когда он два дня назад ушел с этой дамочкой, то повел ее прямо к этой старой развалине. Но что он рассказал ей по дороге? Спросите его об этом, Эремис. Что он сообщил о нас королю? Спросите его и *об этом.* А как он служит нашим интересам с тех пор, как она появилась здесь? Мастер Барсонаж приказал ему ничего не рассказывать ей до тех пор, пока Гильдия не примет решения. У меня нет сомнений, что приказ этот был нарушен, едва пригодник Джерадин и леди покинули сие помещение.

При каждом слове Гилбура мышцы на лице Джерадина подергивались. Но он не опускал голову, не отводил взгляд. Вместо этого он побледнел, стал сосредоточенным и напряженным. Териза затаила дыхание, переживая за него, и боялась, что именно сейчас кто-нибудь упомянет о том плоском зеркале, которое неожиданно изменилось, и тогда ему придется объяснять, что они оба там делали.

— Пригодник Джерадин, — Мастер Барсонаж смотрел на Джерадина твердым, немигающим взглядом, — вы должны объясниться.

Джерадин сжал челюсти и опустил глаза. Напускное спокойствие покинуло его, словно упала не подходящая по размеру маска. Он встал.

— Мастер Барсонаж, — сказал он, понижая голос, чтобы тот не дрожал. — Я не стыжусь своей преданности королю Джойсу, мы все должны быть преданы ему. Он создал Мордант. Он принес нам мир. Он создал Гильдию такой, какой она является в настоящий момент. Хотя сам он... — голос пригодника на секунду дрогнул, — сам он ко мне вовсе не лоялен. Я ни в малейшей степени не нарушил ваш приказ, Мастер Барсонаж, когда отводил леди Теризу де Морган к королю. Но когда я пришел к нему, он обратил на меня внимания не больше, чем вы. И отдал мне точно такой же приказ. И освободил меня от ответственности за леди.

Мастер Гилбур намекает, что я шпион короля. — Горечь прозвучала в его словах. — Но это не так. Каким целям это могло бы служить? Если бы я попытался раскрыть королю Джойсу тайны Гильдии, он бы не стал слушать меня.

Джерадин неуклюже опустился обратно на скамью.

Териза понимала, как он обижен и расстроен. И вспомнила свой сон, в котором трое всадников мчались, чтобы убить ее, а молодой мужчина, одетый так же, как Джерадин, сражался, чтобы спасти ее. В том сне она так и осталась неподвижной, пассивной, какой была всю свою жизнь.

Воспоминание об этом вынудило ее встать.

— Он говорит правду. — Она дрожала, но это не могло остановить ее. — Он послушно исполнил все ваши приказания. А король Джойс прогнал его. Джерадин не ответил ни на один мой вопрос.

И, словно ее ослепила внезапная вспышка ярости, она добавила:

— И король, со своей стороны, тоже не дал мне никаких ответов. Он вел себя точно так же, как и вы. Он мне не верил.

Мастер Квилон уставился в пространство.

На миг лицо Джерадина прояснилось от облегчения и радости. Возвратились задор и пылкость, делающие его таким привлекательным. Но улыбка Мастера Эремиса, обращенная к Теризе, выглядела столь же дружественной и мягкой, как нападение ястреба.

Смелость внезапно покинула ее. Она села и склонила голову, чтобы закрыть лицо волосами.

— Благодарю вас, миледи, — сказал тихо Мастер Барсонаж. — Пригодник Джерадин, по-моему, вы заслужили извинения — со стороны Мастера Гилбура.

Мастер Гилбур громко хмыкнул.

— Можно подумать, что вся эта чепуха — правда.

— Не похоже, — голос Мастера Барсонажа звучал строго, — что Мастер Гилбур или кто-либо другой из Мастеров хочет это сделать, значит, я должен извиниться от их имени. Любой из сыновей Домне заслуживает большего уважения, чем то, какое вы оказываете одному из них.

— Это не важно, — пробормотал Джерадин. Затем повысил голос. — Для меня будет достаточно, если Гильдия с бóльшим уважением будет относиться к леди Теризе.

— Прекрасно, — зловеще прошептал Мастер Гилбур, — он не удовлетворен, извинений со стороны магистра Гильдии ему недостаточно. Скоро он будет поучать нас в отношении наших обязанностей и долга.

— Достаточно, Мастер Гилбур! — мгновенно прервал его Барсонаж. — Это не делает вам чести. Манеры пригодника Джерадина не есть предмет нашей дискуссии. Сейчас мы обсуждаем, достоин ли он мантии Мастера.

Мастер Гилбур ответил взглядом, который мог бы прожечь доску.

Магистр долго смотрел на него. Но то, что видел Мастер Барсонаж, похоже, лишь усиливало его тревогу, и потому он первым отвел взгляд. Тишина в помещении стала гнетущей, пока он хмуро смотрел в пространство, успокаиваясь.

— Вы внесли предложение, Мастер Эремис. Желаете ли вы сказать еще что-нибудь?

— Я хочу сказать, что способности пригодника Джерадина говорят за него сами, — ответил Мастер Эремис и, кивнув, сел.

— Замечательно. Мастера! — возвысил голос Мастер Барсонаж. — Мы выслушали предложение. Должно ли оно быть принято? Какова воля Гильдии?

Териза, частично по раздражению Мастера Гилбура, частично по странному возбуждению Мастера Эремиса, начала понимать, что здесь происходит нечто гораздо более значительное, чем она может понять. В происходящем были еще и скрытые мотивы. Она в растущем напряжении смотрела, как Мастера поднимали руки, голосуя.

На какой-то миг ей показалось, что Джерадин победил. Множество рук было поднято в его поддержку, хотя большинство из них — за исключением руки Эремиса — не без внутреннего колебания. Но почему-то руки Мастера Квилона среди них не было. Он смотрел на Джерадина, и его взгляд выражал понимание и симпатию; но он поднял руку лишь тогда, когда стали считать голоса против предложения.

И этих голосов оказалось больше. Мастер Барсонаж закончил подсчет и объявил, что предложение отвергнуто.

О Джерадин, сказала Териза про себя, *мне так жаль.*

Но произнести это вслух у нее не хватило смелости.

— Мастера, — заметил Эремис тихо, но вполне отчетливо, — вы пожалеете о своем решении.

Мастер Гилбур ответил на это яростным рыком.

— Пригодник Джерадин, — чувствовалось, что к магистру еще не вернулось внутреннее спокойствие, — решение относительно вас принято. Таким образом, я должен просить вас в настоящий момент покинуть нас.

Теризе показалось, что Джерадин вовсе не выглядит человеком, о котором Гильдия когда-нибудь пожалеет.

— Мастер Барсонаж, — сказал он, поднимаясь, — леди Теризу вы все же должны оставить участницей ваших дискуссий. Это ее право: знать и понимать, что здесь происходит. — Возможно, днем раньше она и оскорбила его, но на его чувстве справедливости это не отразилось. — Отказывать ей в этом было бы безрассудством. Если она просто женщина, попавшая сюда случайно, то никакого вреда принести не может. Если же она тайный воплотитель — если она предсказанный защитник, вызванный сюда в соответствии с нуждами Морданта, — тогда вы рискуете разозлить ее и восстановить против себя.

Отзвуки его слов еще висели в воздухе, когда он резко повернулся к воплотителям спиной и покинул зал заседаний.

Мастер Эремис покачал головой и вздохнул. На лице его играла загадочная улыбка.

Териза почувствовала, что у нее сводит живот. Она и так была уже напряжена до предела — особенно когда поняла, что не будет никаких упоминаний о плоском зеркале, изменившем свое воплотимое.

— Мастер Барсонаж, — прохрипел Гилбур, — может, отпустим и женщину и займемся делами? Нет никаких причин тянуть с этим. К тому же я не люблю проводить целый день в бестолковых дебатах.

— Так вы сами их и затягиваете, Мастер Гилбур, — неожиданно вмешался Мастер Квилон. — Хотя, с другой стороны, поспешать следует медленно. Не стоит огульно отметать вопросы, поднятые пригодником Джерадином.

— Мастера, — сказал Эремис, — я могу привести вам серьезный довод, почему нам следует согласиться с присутствием среди нас леди Теризы де Морган. Довод этот я услышал из ее собственных уст. Король Джойс желает оставить ее в неведении. Если такова *его* политика, то *наша* должна быть противоположной — мы обязаны просветить леди Теризу и информировать обо всем. Для чего еще мы устраиваем такие дебаты, как не для того, чтобы наконец-то прекратить бездействие, которым сковал нас король?

— Мастер Эремис... — голос Мастера Квилона звучал отчетливо, тогда как сам он был не виден, — вы предлагаете нам совершить предательство?

— Если вы считаете предательством борьбу за наше выживание, за будущее всего Морданта, — ответил высокий Мастер, — то да, это так. Но в настоящий момент я лишь предлагаю позволить леди Теризе присутствовать здесь во время наших дебатов.

— Любите вы все запутывать, — хмуро сказал Мастер Барсонаж. — Мне не нравится то направление, в котором вы нас ведете. К тому же, как и Мастер Гилбур, я хотел бы все же наконец заняться делами, а не гадать, что у вас на уме.

Мастера, вы слышали высказанное предложение. Можно ли принять его? Какова воля Гильдии?

На этот раз Мастера Гилбур и Квилон голосовали по-разному. И снова Гилбур оказался среди большинства.

Принятое Гильдией решение позволяло Теризе остаться.

Неожиданно оказалось, что на нее смотрит слишком много глаз. Слишком многим мужчинам было любопытно, как она отреагирует. Она склонила голову, чтобы скрыть смятение. Они должны были позволить остаться не ей, а Джерадину.

— Замечательно, — раздраженно сказал магистр. — Теперь давайте перейдем к вопросу, который следует решить безотлагательно.

— Наконец-то, — выдохнул Мастер Гилбур.

— Не буду пересказывать вам суть вопроса, — начал Мастер Барсонаж. — Достаточно сказать, что нам следует выбрать политику — или наметить направление действий, — чтобы отреагировать на неожиданный результат попытки пригодника Джерадина воплотить избранного нами Воина. Мы согласились на то, чтобы он предпринял эту попытку, лишь потому, что так диктовали обстоятельства и что это согласовывалось с предсказаниями. Мы тогда приняли решение отправить Джерадина в зеркало и сделали это исключительно из уважения, — в этот момент Мастер Гилбур снова хмыкнул, — я сказал, исключительно из *уважения,* — повторил магистр, — к вере нашего короля в то, что воплотимое, которое мы видим в зеркалах, не есть творение воплотителя, а существует само по себе, независимо от нашего сознания.

Тогда-то все и пошло наперекосяк. Теперь мы уже осознали, что невозможно определить, какую роль леди Териза де Морган играет в судьбе Морданта. Таким образом, мы должны сейчас принять решение, какой линии поведения нам следует придерживаться. Примиримся ли мы с результатом содеянного и будем ожидать дальнейшего развития событий? Или же попытаемся еще каким-нибудь способом разрешить нашу дилемму?

Мастера, вам придется принять серьезное решение.

Не поднимаясь, Мастер Эремис тут же высказался:

— Я утверждаю, что нам следует примириться с последствиями содеянного и ждать дальнейшего развития

событий. — Сейчас он говорил таким тоном, словно собирался спровоцировать ответную реакцию. — Как я уже неоднократно отмечал, — он позволил себе подпустить немного сарказма, — леди Териза представляет собой невероятно мощную демонстрацию беспрецедентной силы, которая пока не доступна нашему пониманию. Нам не следует более рисковать до тех пор, пока мы не узнаем о ней больше.

— Неужели это говорите *вы*, Мастер Эремис? — вмешался юный голос. Его обладатель был одних лет с Джерадином; он даже не старался сдерживать свой пыл. — Вы говорите так, словно напуганы. Мы ведь уже пришли к заключению, что не знаем, *что* представляет собой эта леди. А поскольку на основании этого мы не можем принимать никаких решений, в данной ситуации не имеет никакого значения, что именно такое непредсказуемое сделал пригодник Джерадин. Важно лишь то, что *его попытка закончилась провалом.* Само по себе предсказание — важно. Так должно быть, или же мы ничего не понимаем в воплотимом. А пригодник потерпел неудачу. Поэтому нам следует предпринять новую попытку.

Вспышка страсти промелькнула в глазах Эремиса, но он не ответил.

Мастер Барсонаж тихо спросил:

— А вы никогда не ошибались, когда были пригодником?

— Я не застрял в пригодниках на всю свою жизнь, — ответил юный воплотитель, — как вам прекрасно известно.

— В любом случае, — Мастер Гилбур вступил в эту дискуссию словно секира, со всей своей мощью, — вопрос заключается не в том, совершают пригодники ошибки или нет. Я согласен с тем, что мы должны снова пробовать. Лично *я* буду пробовать. Используя оригинальное зеркало, то, которое копировал пригодник Джерадин. Я воплощу выбранного нами Воина здесь... — внезапно он махнул огромным кулаком в сторону Мастера Квилона, — и *да будут прокляты* сомнения короля, каковы бы они ни были! Он будет сидеть и играть в пересмешки с этим безумцем Хэвлоком до тех пор, пока земля не треснет у него под ногами и весь Орисон не ляжет в руинах. Чтобы Мордант выстоял, нам просто *необходимо* обладать силой!

— Отлично сказано, Мастер Гилбур! — Двое или трое воплотителей захлопали в ладоши. Но Мастер Барсонаж смотрел на Гилбура с нескрываемым беспокойством.

Териза ощутила приступ страха и в тот же миг мысленным взором увидела бронированную фигуру, озирающую пейзаж, который был для Воина так же чужд, как и для нее, но смотрел он на него так, словно не ждал ничего, кроме победы, и странное оружие в его руках воплощало ту силу, которая позволяла ему верить в это.

— Так как? — сказал еще один Мастер. — Вы тоже выступаете за то, что Мастер Квилон называет предательством? Или же собираетесь войти в зеркало и просить Воина прийти к нам? — Немного помолчав, он добавил: — Да он вас застрелит.

— Я не боюсь того, что Квилон называет предательством, — ответил Мастер Гилбур. — Неужели никто из вас не понимает *причины* того, что все мы в такой опасности? Ведь на самом деле опасность нависла не над Мордантом. А над Гильдией. Вы в опасности, потому что все, кто ненавидит короля Джойса или жаждет власти, — все они желают заполучить то, чем мы располагаем, — все ресурсы воплотимого. И они осмелятся действовать, чтобы добиться своей цели, потому что король Джойс бросил нас. Он создал Гильдию и ограничил ее права, чтобы она служила лишь ему и никому другому, но сейчас он забыл о нас. Мы должны сами защищаться — или погибнуть!

— Я согласен, — осторожно заговорил Мастер Эремис. — Но какими средствами мы должны защищаться? Вот в чем мы не сходимся во мнениях.

— Мастер Эремис, — буркнул Гилбур, — вы не сходитесь во мнениях со всеми присутствующими. Ваши слова не имеют смысла.

Неуверенно, словно бы не желая привлекать к себе внимание, Мастер Квилон сказал:

— Может быть, поможет, если мы снова посмотрим на предсказание?

— И чем это поможет? — оскорбительным тоном ответил Мастер Гилбур. — Вы разве забыли, что оно показывает? Или вы думаете, в нем может что-то измениться?

Квилон, казалось, не заметил оскорбления.

— Я хотел бы убедиться, что в нем ничего не изменилось.

— И я тоже, — сказал еще один воплотитель.

— К тому же, — продолжал Мастер Квилон, — остается еще вопрос об интерпретации предсказания. Возможно, опыт прошедших дней поможет нам более правильно понять его смысл.

Несколько человек возле помоста коротко высказали свое согласие.

Мастер Барсонаж вздохнул.

— Понадобится некоторое время, чтобы доставить зеркало сюда. Мастера, мы не будем голосовать по этому поводу. Любой из нас имеет право выдвинуть подобное требование — особенно если оно будет поддержано.

— Я хочу увидеть это зеркало, — не задумываясь сказал один из сторонников Мастера Квилона.

— И я, — добавил еще один.

— Отлично. — Магистр кивнул кому-то, кого Териза не разглядела; заскрипела открываемая и закрываемая дверь.

Все молчали, пока Гильдия ждала. Может быть, так было положено по протоколу. Или, быть может, никто не хотел ничего говорить, пока требование Квилона не было удовлетворено. Мастер Барсонаж стоял в центре платформы. Мастер Гилбур опустил огромные руки, как будто практиковался в поломке вещей. Мастер Эремис откинулся на спинку скамьи и небрежно поглядывал в потолок, словно человек, которому хорошие манеры не позволяли насвистывать от скуки. Мастер Квилон, похоже, изо всех сил пытался не шмыгать носом, но не смог в этом преуспеть. Остальные воплотители выражали разные степени нетерпения, любопытства, спокойствия и тревоги.

У Теризы сложилось впечатление, что ей следовало бы волноваться сильнее. В этих спорах скрывались подводные течения, которые она ощущала, но не понимала. Они могли представлять угрозу. Люди эти устраивали заговоры — а заговоры опасны. Но она испытывала лишь слабое, смешанное с тревогой любопытство. Ей хотелось увидеть предсказание, которое привело к ней Джерадина.

Два пригодника внесли в зал зеркало. Оно было оправлено в роскошную деревянную раму и имело не менее пяти футов в высоту. Когда пригодники пронесли его мимо Теризы, направляясь к возвышению, она разглядела, что зеркало состоит из осколков. Они были вделаны в дерево, и ни один не соприкасался с другим, но было похоже, что все это представляло собой нечто единое.

Так тихо, чтобы никто другой не смог его услышать, Мастер Эремис шепнул ей:

— Видимо, пригодник Джерадин не удосужился объяснить вам, как осуществляется предсказание, миледи. Для предсказания используются два рода искусства: нужно создать плоское зеркало определенного типа, правильно сфокусированное, и объяснить то, что в нем отображено. Говоря проще, плоское зеркало делается так, чтобы показать некое лицо, место или событие, из которого можно извлечь предсказание. К примеру, если мы хотим решить, ждет ли нас война с Кадуолом, мы можем попытаться создать зеркало, показывающее Кармаг, — зеркало, в котором будет виден верховный король Фесттен. Зеркала показывают места, однако войны затеваются людьми. Затем зеркало разбивают. Если все проделано правильно, его разбивают на куски, которые показывают части того, что произойдет в будущем с воплотимым, на котором было сфокусировано зеркало.

Это зеркало создал Мастер Барсонаж. — Он насмешливо ухмыльнулся. — По этой причине никто из нас не сомневается, что все было проделано правильно. — И добавил: — Вторая трудность, как вы можете видеть, в правильном толковании того, что мы наблюдаем. Я всегда подозревал, миледи, что предсказание существует прежде всего в сознании толкователя.

Едва пригодники поставили свой груз на платформу, большая часть Мастеров покинула скамьи и сгрудилась вокруг зеркала. Только Гилбур и его самые стойкие сторонники не чувствовали никакого желания снова глядеть на разбитое зеркало. Но все остальные решили хоть мельком взглянуть на предсказание. Деликатно взяв Теризу за руку, Мастер Эремис повел ее вперед, к краю возвышения.

Пригодники отошли в сторону, и перед Теризой открылась зеркальная поверхность.

Зеркало было разбито не менее чем на дюжину осколков.

Каждый показывал совершенно иное воплотимое.

И все воплотимые двигались. Когда она впервые глянула на них, ей показалось, что они слепо рвутся друг к другу, словно стремясь к объединению.

Куски, которые показывают фрагменты того, что произойдет в будущем.

При взгляде на них Териза тотчас внутренне похолодела. Это было похоже на внезапный приступ мигрени. Она чувствовала, что может в любое мгновение упасть в обморок. Но она закрыла глаза и поборола подступившую слабость. Когда же вновь открыла их, то заставила себя сосредоточиться на одном из воплотимых.

Что произойдет в будущем.

Сначала она была поражена, поняв, как много узнает — и насколько точны детали, несмотря на небольшие размеры осколков. Король Джойс согнулся над партией в перескоки — игрой, которая затем, когда шашки разлетелись во все стороны, обратилась в хаос. Он смотрел на них так, словно собирался найти какой-то смысл в происходящем, и руки его бесцельно шарили над доской. В следующем куске Джерадин начал входить в зеркало; но его тело было блокировано воплотимым внутри воплотимого. В следующем снова был он, на этот раз в окружении зеркал, все они показывали сцены насилия и разрушения. В другом осколке Воин, закованный в броню, посреди чуждого пейзажа, стрелял из своего оружия, целясь куда-то за край стекла.

Но это была лишь малая часть воплотимых. Остальные превосходили ее опыт. Один осколок показывал замок — она предположила, что это Орисон, — с дымящейся брешью с одной стороны и духом смерти, витающим над ним. На нескольких осколках зеркала были видны битвы: мужчины на лошадях, рубящие друг друга так яростно, что Териза видела кровь, брызжущую из ран; сражающиеся воины, казалось, воплощали истинное безумие; солдаты, проткнутые пиками; растоптанные трупы; резня. Дым, застилающий солнце. А некоторые изображения были полны ужасов, которые могли прийти лишь из воплотимого: камни, падающие с неба, словно со склона горы; огнен-

ные чудовища, настолько горячие, что все, чего бы они ни касались, возгоралось; всепожирающие черви. Деревни уничтожались; замки рушились; урожай горел, женщины, мужчины и дети умирали.

Но посреди мелькающей мозаики попадались и мирные сцены, вероятно, уже после победы: широкий пурпурный стяг, водруженный над холмом; праздник, который мог быть свадьбой, происходящей в высоком бальном зале; фермеры на полях, еще хранящих следы сражений.

Вдруг один из фрагментов привлек ее внимание...

Трое всадников погоняли коней, словно стремясь вырваться из зеркала, мчались так отчаянно, что движения лопаток их лошадей несли такую же эмоциональную нагрузку, как и ненависть, выраженная воздетыми остриями мечей. Словно бы устремив на нее взоры сквозь пучину предсказаний и воплощений, они мчались, чтобы поспеть к тому моменту, когда Териза и ее будущее сольются воедино.

Всадники из ее сна.

Да, конечно, это они.

И тут же чудесное и радостное спокойствие завладело ее сознанием. Это продолжалось лишь миг, но, пока он длился, она, насторожившись, ожидала услышать те самые звуки рогов, от которых щемило сердце. Ну конечно. Почему она не подумала об этом раньше?

Не о всадниках, нет. Она не знала, что все это означает. А о *будущем*. Зеркала способны показывать, что происходит, не только через расстояние. Они обладают способностью показывать через *время*. Эти осколки *показывают части того, что произойдет в будущем*. Так вот почему ей удалось увидеть одно и то же воплотимое в двух различных временах года, один и тот же пейзаж и зимой и весной: *время*. То, что она тогда видела, не свидетельствовало о том, что зеркало, доставившее ее сюда, было фальшивым. Она просто видела демонстрацию его нового потенциала, открывающего возможность предсказывать будущее.

А это означает...

Мастер Квилон с края платформы спросил:

— Вам эти сцены хоть на что-то проливают свет, миледи? — Казалось, он интересуется просто из вежливости. — Признаюсь, меня они только сбивают с толку.

— Искусство толкования, миледи, — тихо сказал Мастер Эремис, — заключается в чтении потока воплотимого. Движение изображений здесь вовсе не хаотично. Существует... возможно, это можно назвать «градиентом»... нечто, направленное от кризиса к будущему действию. К несчастью, этот градиент не так-то легко определить. Мы видим опасность для Мордана. Мы видим значимость Джерадина. Он в августейшей компа-

нии — короля Джойса, верховного короля Фесттена и алендского монарха. И он единственный, кто виден здесь одновременно на двух изображениях. Здесь есть Воин, которого, как мы думали, он приведет к нам. И сцены, которых мы не понимаем. — Он показал на Джерадина, окруженного зеркалами. — И мы видим наше будущее — разрушения и надежду. Но куда течет поток воплотимого — определить гораздо сложнее. Ведет ли нас Джерадин к надежде или к опустошению? О чем думает король Джойс, когда его враги поднимают головы?

— Итак, — прохрипел со своего места Мастер Гилбур, — ничего не изменилось. Предсказание показывает нам то, что мы уже прекрасно знаем.

— Когда мы пришли к решению, что пригодник Джерадин должен попытаться воплотить нашего Воина, — пояснил Мастер Барсонаж, осаживая Гилбура, — логика этого поступка казалась достаточно ясной. Воин этот, судя по всему, не мог стать причиной упадка. Таким образом, он должен был оказаться источником надежды.

Сейчас, — он вздохнул, — толкование менее очевидно.

— О истина! — Мастер Гилбур все больше раздражался. — «Менее очевидно» — ну как же. Вмешательство пригодника в наши дела — это путь, ведущий к разрушению. Только Воин, которого вы видите здесь, несет нам надежду.

Магистр процедил сквозь зубы:

— Именно это нам и предстоит решить.

Еще какое-то время воплотители стояли у возвышения. Некоторые перешептывались. Некоторые обращали внимание других на детали предсказания, которые их коллеги могли упустить. Затем постепенно все вернулись на свои скамьи. Продолжая держать Теризу за руку, Эремис отвел ее на прежнее место.

Когда Мастера расселись наконец по местам, Гильдия погрузилась в молчание. Все, за исключением Гилбура, казалось, призадумались — возможно, переживали, что предсказание не дает более ясного ответа, а может быть, колебались, соглашаться ли им с решением, предложенным Мастером Гилбуром, или нет. Сам он продолжал хранить упорное молчание, словно решил ни в коем случае не заговаривать первым.

Наконец воплотитель, которого Териза не знала, спросил:

— Нет ли здесь какого-то промежуточного решения? Почему мы должны либо ничего не делать, либо идти на риск, сделав слишком много?

— Нет, — пробормотал другой. — Король не оставил нам выбора. Положение у нас критическое. Управляя Мордантом как безумец, он создал слишком тяжелую ситуацию, чтобы было допустимо «промежуточное решение».

— До меня дошел слух, — задумчиво произнес третий Мастер, — что вчера прибыл Вердон и имел встречу с королем Джойсом. Он сообщил, что армия из тридцати тысяч кадуольцев стоит за Вертигоном, и просил подкрепления.

Так вот, ему было отказано.

Отразившееся на лицах многих воплотителей изумление показало, что этот слух еще не достиг их ушей. Мастер Эремис довольно ухмыльнулся.

— Тем не менее, — сказал Мастер Барсонаж громче, чем нужно, стараясь снова взять на себя руководство, — он — король. Именно его прерогатива — принимать решения. Мы не знаем истинных причин его отказа.

— Это правда, — вмешался Мастер Гилбур. — Но меня это не волнует. Когда наемный убийца пытается вонзить мне нож в сердце, а человек, который поклялся меня защищать, отступает в сторону, я не спрашиваю его о причинах. Сначала я сражаюсь с убийцей. И только когда я побеждаю его и заковываю их обоих в кандалы, при этом, вероятно, переломав каждому из них парутройку конечностей, только *тогда* я спрашиваю своего защитника, что побудило его поступить именно так.

— Мастер Гилбур, — магистр вскинул массивную голову, чтобы прямо взглянуть на Гилбура. Сочетание страха и гнева появилось на его лице, — как можете вы кипеть такой яростью? Я принимаю ваши доводы, но никак не ту ненависть, которая звучит в ваших словах. Не важно, что еще можно сказать на эту тему, но король Джойс создал нашу Гильдию. Он сделал нас такими, какие мы есть.

— Такими, какими мы стали, — поправил его Гилбур, — слабыми и беспомощными.

Нахмурившись, Мастер Барсонаж продолжал:

— Не следует принимать серьезных решений, руководствуясь слепыми страстями. Что заставляет вас так ненавидеть его, Мастер Гилбур?

Мастер Гилбур стиснул руки так, что косточки пальцев побелели.

— Лично я, — вмешался Мастер Эремис, — предполагаю, что наш добрый Мастер Гилбур когда-то имел несчастье просить руки одной из королевских дочерей. Вполне понятно, что король Джойс поднял его на смех.

Кое-кто из воплотителей рассмеялся, но Мастер Гилбур заставил их замолчать, топнув ногой.

— Я в ярости, Мастер Барсонаж? Вы слышали ненависть в моем голосе? Я ненавижу его? У меня есть на то причины.

Как вам известно, я был одним из последних воплотителей, присоединившихся к Гильдии перед победой над

Архивоплотителем Вагелем. Но как я попал в Гильдию — никто из вас не знает.

Я посвятил всю свою жизнь исследованиям, и в те дни никакие другие вопросы меня не интересовали, хотя, конечно, я слышал, что король предложил всем воплотителям покинуть свои лаборатории и перебраться к нему в Орисон. Я не знал, правда, что некий воплотитель тайно ошивается возле места моего уединения, пещеры в холмах Армигита. Этот негодяй хотел воспользоваться моими знаниями и внезапно напал на меня, намереваясь пытками вынудить рассказать ему все, что я знал. Я защищался, но он застиг меня врасплох, и я не мог победить. Во время борьбы часть свода моей пещеры рухнула, придавив меня каменной глыбой, которую я был не в силах сдвинуть. Нападавший прихватил с собой самое ценное из моего имущества и сбежал.

Но получилось так, что во время бегства он наткнулся на отряд короля Джойса, поскольку король узнал о моем противнике раньше меня и был уже близ моей пещеры, чтобы расправиться с этим человеком. И тогда этот воплотитель обратил свои силы против короля. Однако он не мог сравниться с тогдашним Адептом Хэвлоком и поплатился за это жизнью.

Поврежденный потолок продолжал обваливаться. Но король, рискуя жизнью, вошел внутрь, поднял камень и освободил меня. Он не мог исправить зло, причиненное моей спине, — это зло я до сих пор ношу на себе. Но он поправил мое здоровье, позволил продолжать исследования и дал мне цель жизни — Гильдию.

— И за это вы его ненавидите? — изумленно спросил Мастер Барсонаж.

Мастер Гилбур потряс в воздухе сжатыми кулаками.

— Да!

О, он был великомудр, создавая Гильдию. Он был силен и хитер, создавая Мордант. И он был добр ко мне. Но он не приучил меня спокойно относиться к его все растущему безволию, к трусости, к отказу от действий, поскольку все это есть не что иное, как *предательство.*

Я ненавижу того, кем он *стал*, Мастер Барсонаж. Если вы или я впадем в безумие, нас привяжут к кроватям, а обязанности наши будут возложены на других. Наша бездеятельность или душевная болезнь никому не принесет вреда. Но *он* остается королем. И не предпринимает никаких действий — только создает помехи любому действию, которое может дать нам надежду.

Вы должны испытывать такую же ярость, как и я. Человек, самый почитаемый во всем Морданте, *предал нас!*

Его выкрик эхом прокатился по залу. И в то же мгновение он сел. Затем в тишине тихо пробурчал:

— Однажды на меня напали и сломали мне спину. Мы должны обладать силой, чтобы быть в состоянии защититься.

Он склонил голову на руки и замер.

Все молчали. Мастер Эремис поднялся со своего места, словно хотел что-то сказать, но затем раздумал. Мастер Квилон все сильнее вжимался в скамью — казалось, он старался исчезнуть. Магистр стиснул руками могучую грудь, будто человек, который испытывает страстное желание сбежать, но не находит в себе сил. Некоторые воплотители смотрели на остальных, как бы ища поддержки, другие старательно избегали смотреть на кого-либо.

Териза вслушивалась в напряженную тишину и изумлялась: неужели у реальных существ все это вызывает такие сложности? Что при этом требуется от нее? Что должна делать она?

Внезапно Мастер Гилбур схватился за поручень, и ей показалось, будто дерево захрустело.

— Собачьи яйца! — проревел он. — Вы собираетесь сидеть здесь вечно? Если вы считаете, что я не прав, скажите об этом. Неужели ни у кого из вас не хватает смелости сказать мне, что я не прав?

И тут же молодой воплотитель, который спорил с Мастером Эремисом, воскликнул:

— Я поддерживаю предложение Мастера Гилбура. Мы должны вызвать Воина.

Его слова словно бы прорвали плотину. В мгновение ока воздух наполнился возгласами, требующими поставить вопрос на голосование.

Продолжая сжимать руками грудь, Мастер Барсонаж ждал, пока восстановится тишина, и, вздохнув, подвел черту.

— Хорошо. Это — безумие, но на него следует отреагировать. Я знаю свои обязанности. Вы все слышали предложение. Должно ли оно быть принято? Какова воля Гильдии?

Териза считала руки с удивительной для нее самой скоростью. Мастер Барсонаж, Мастер Эремис, Мастер Квилон и несколько других проголосовали против.

Но они оказались в меньшинстве. Мастер Гилбур победил.

Магистр шумно выразил свое недовольство.

Словно потрясенная тем, что она сейчас совершила, Гильдия погрузилась в молчание. Воплотители неуверенно поглядывали друг на друга. Довольный, Мастер Гилбур осклабился. Однако он наслаждался победой молча. Казалось, никто не знал, что же делать дальше.

И тогда снова поднялся Мастер Эремис. Несмотря ни на что, манеры его оставались такими же небрежными, как всегда, но Териза видела в его лице, особенно в глазах, восторг — вкус к той игре, в которую он играет.

— Я удивлен, — начал он. — *Это* — безумие, как сказал Мастер Барсонаж. Но я не собираюсь оспаривать голосования. Я допускаю, что мое суждение может быть ошибочным. — Он сверкнул улыбкой, на которую никто не отозвался.

Но следующий вопрос, — продолжал он, — который вам предстоит решить, — *когда* следует предпринять попытку воплощения. Разрешите мне просить вас об отсрочке. Шести дней, полагаю, будет вполне достаточно.

Мастер Гилбур вскинул голову, словно его пнули в ребра. Мастер Квилон смотрел на Эремиса, как маленький зверек смотрит на змею.

— Отсрочка, Мастер Эремис? — спросил Барсонаж. — На шесть дней? — Его внимание снова было целиком обращено на происходящее; он казался заинтересованным. — Если Мастер Гилбур продолжит в том же духе, то начнет воплощение прямо сейчас. Так к чему отсрочка?

— Нет, почему же, давайте подождем, — насмешливо сказал Гилбур. — Катастрофа засасывает нас, подобно зыбучему песку. Тридцать тысяч кадуольцев стоят возле Вердона. И только аленд-скому монарху ведомо, какое предательство он затевает. Нас атакуют различные твари из воплотимого — повсюду, словно время и расстояние нашему врагу не помеха. Через шесть дней все мы будем мертвы! Но, несомненно, все мы склонимся перед великой мудростью нашего уважаемого Эремиса.

— Мастер Гилбур... — и снова воплотитель выглядел так, словно втайне был очень доволен происходящим, — предупреждаю вас, попридержите язык. Не то мне придется самому за ним проследить. А чтобы мне легче было за ним следить, я просто вырву его у вас изо рта.

Гилбур ответил взрывом смеха.

— Мастер Барсонаж, — плавно продолжал Эремис, — я не позволю так легко отмести мою просьбу. Причина же ее вот в чем. Вчера мне довелось побеседовать с Вердоном, после его аудиенции у короля Джойса. Разговор наш был откровенным, и мы сошлись на том, что положение Морданта угрожающее, что пассивность короля непростительна и что должны быть предприняты какие-то действия, невзирая ни на что.

Мастера, не мы одни оказались перед подобной проблемой, — обратился он к присутствующим. — Давайте сравним ее с ситуацией в провинциях. Ведь, когда Кадуол начнет войну, именно Вердон падет в первую очередь. Армигит всегда становился первой жертвой хищнических планов Аленда, а вслед за ним — Термиган, Файль и Тор, где погибнет каждый десятый. И потому Вердон обещал, что соберет в Орисоне всех лордов провинций — за исключением, конечно же, Домне, который

слишком предан королю, — чтобы они вместе могли решить свои насущные проблемы. А также они попытаются заключить союз с нами.

Териза увидела в глазах Квилона растерянность. Магистр же, напротив, слушал эту речь со все возрастающим воодушевлением.

— Их встреча состоится ночью шестого дня, — продолжал Мастер Эремис. — Я был приглашен участвовать в их беседе и говорить от имени Гильдии.

— Что? Через *шесть дней?* Разослать посланников и ждать прибытия лордов? — недоверчиво спросил магистр. — В такое время года? — Все дружно поддержали его. — Если Армигит выедет прямо сейчас, то он скорее всего доедет вовремя. Баттен находится в сорока милях отсюда. Но Файль? Тор? Это — безумие. Даже при наилучших условиях Термиган проделает путь до Орисона за *десять* дней.

— И тем не менее, — ответил Мастер Эремис тоном, не терпящим возражений, — Вердон обещал это мне. Вы хотите назвать его лжецом? — Он улыбнулся. — Правда, я полагаю, что он уже давно решил устроить подобный совет и заранее разослал своих гонцов — до того, как побеседовать со мной.

И тут же продолжал говорить по существу:

— Мастера, мне кажется, нам нельзя упускать такую возможность, ибо мы можем найти поддержку и решение, что следует делать. Если у нас есть шанс достигнуть договоренности с лордами провинций, объяснив им, что мы можем предложить Морданту, то зачем рисковать, вызывая у них отрицательные эмоции своим Воином? Давайте немного повременим с Воином, зато нам удастся скрепить дружбу по всему Морданту, и это принесет куда больше пользы перед лицом надвигающейся катастрофы.

Териза обнаружила, что смотрит на него с восторгом, не отрываясь. Логичность и допустимость того, что он предлагал, удивили ее. Он пытался отстаивать Мордант таким способом, который был ей понятен.

— Кроме того, — быстро добавил Мастер Барсонаж, — быть может, лорды предложат такой вариант защиты, при котором наш Воин не понадобится. И еще: у нас будет шесть дней, чтобы лишний раз подумать, правильно ли мы поступаем. Мастер Эремис, я восхищаюсь вашей предусмотрительностью и инициативой. Прекрасно сработано.

— В самом деле? — воскликнул один из молодых воплотителей. — Но по какому праву Мастер Эремис будет говорить от нашего имени с лордами провинций?

— Как только что упомянул Мастер Барсонаж, — сказал Эремис с блеском в глазах, — по праву предусмотрительности и инициативы.

— Но ведь вы голосовали против воплощения Воина, — запротестовал другой Мастер. — Как мы можем быть уверены, что это не какой-то заговор, который повредит нашим планам? Как мы можем быть уверены, что вы станете защищать наши решения и позицию перед лордами честно?

— Мастера, — ответил Эремис с добродушным сарказмом, — лорды не согласятся открыть свои сердца перед всей Гильдией. Ведь по сути мы — создания короля Джойса, и все, кто боится его пышной *политики*, боятся и нас.

— Мой вопрос остается открытым, — снова вмешался молодой воплотитель. — Как можно доверить вам скрепить за нас союз, когда вы выступаете против того, что мы собираемся сделать?

Мастер Эремис быстро посмотрел по сторонам — на Мастера Барсонажа, Мастера Квилона, глаза которого, казалось, вылезали из орбит от растущего беспокойства, на воплотителей, спорящих с ним, и пожал плечами.

— Ну хорошо. Я могу взять с собой одного из вас, дабы вы могли убедиться, что я не обману ваше доверие — рискуя при этом навлечь на себя недовольство лордов.

Мастер Гилбур, согласны ли вы сопровождать меня на встречу?

Шепот удивления прокатился по рядам. Гилбур какое-то время просто тупо смотрел на него, но быстро опомнился и кивнул, пробормотав:

— Я согласен.

Мастер Барсонаж вздохнул с облегчением.

— Мастер Гилбур, я поддерживаю это предложение. Итак, Мастера, было предложено на шесть дней отложить воплощение нашего Воина, пока Мастер Эремис и Мастер Гилбур не побеседуют с правителями провинций. Вы с этим согласны? Какова ваша воля?

Решение было принято почти единогласно.

Териза стала дышать ровнее, словно опасность уже миновала. Шесть дней... За шесть дней может случиться всякое.

Но Мастер Эремис на этом не успокоился. Все еще продолжая стоять, он сказал:

— Кстати, лорды провинций прибудут в Орисон открыто, как надлежит при их ранге. Но встречаться они будут тайно.

Магистр кивнул.

— Я понимаю вас. — Все происшедшее, казалось, придало ему уверенности. — Мастера, — сказал он резким голосом, — миледи Териза де Морган, никто не должен говорить о том, что мы сейчас здесь обсуждали. Никто. Каково бы ни было ваше личное мнение о присутствующих здесь, вы не должны говорить ничего. — Он обращался ко всем сразу, но взгляд его остановился на Теризе. — Лорды не будут относиться к нам с доверием, если хоть одно слово о предстоящей встрече

проникнет наружу. Если король Джойс вмешается, все наши надежды на союз окажутся напрасными. То, что мы делаем, мы делаем не для того, чтобы спасти свою шкуру, а чтобы сохранить Мордант. Мы не должны стать жертвой предательства. — Он медленно двинулся вперед, пока не остановился перед скамьей, на которой она сидела, и уставился ей в лицо. — Миледи, — сказал он тихо. — Вы *никому* не должны говорить о том, что услышали сегодня.

Он криво улыбнулся.

— Джерадин начнет расспрашивать вас, не сомневаюсь. Леди Элега — если вы уже успели познакомиться с ней, то наверняка знаете, что она невероятно любопытна. Смотритель Леббик желает знать обо всем, что происходит в Орисоне. Даже король Джойс может вопреки самому себе проявить любопытство.

Миледи, вы не должны говорить *ничего.*

Она попыталась заглянуть в его глаза, но те казались слишком испуганными, избегающими ее взгляда. Он просил ее сделать выбор и придерживаться его до конца — просил взять на себя хоть маленькую толику ответственности за успех предприятия Мастера Эремиса. Быть может, пассивно, но тем не менее предстояло сделать выбор. Разве не так поступают люди, уверенные в себе, — делают выбор и остаются верны ему до конца?

Она колебалась, так как не готова была дать обещание, что ничего не скажет Джерадину.

К счастью, Мастер Эремис пришел ей на помощь.

— Мастер Барсонаж, — сказал он твердо, — я уверен в ней.

Магистр посмотрел на Эремиса нахмурившись: может, ему не нравились его мысли, а может, в словах или тоне Мастера промелькнуло нечто такое, что вызвало у него некоторое недоверие. Но он только покачал головой.

— Мастера, — сказал он задумчиво, — есть ли другие вопросы, которые нам следует сейчас обсудить?

Ответа не последовало.

— Тогда разрешите на этом закончить. Я думаю, на сегодня мы наговорились уже достаточно, чтобы остальные проблемы Морданта могли подождать еще день.

Териза огляделась, разыскивая Мастера Квилона. Его не было видно. Похоже, он уже поспешил уйти.

Мастер Эремис взял ее за руку, заставляя встать.

— Пойдемте, миледи, — сказал он тихо. — Вы среди нас лишь третий день, но тем не менее я чувствую, что заждался, когда же смогу предложить вам свое гостеприимство.

Она не могла не обратить внимания на то, каким образом он взял ее руку и прижал к своему боку. Она чувствовала в нем торжество и неприязнь — и в то же время таинствен-

ность и возбуждающий энтузиазм. Он действовал слишком быстро. Уверенность и решимость, с какой он вывел ее из палаты впереди большей части Мастеров, вскружили ей голову.

Когда она была так близко к нему, его физическое воздействие заглушало в ней все остальное. От него исходил легкий запах пота и пряностей, и она ощущала, как напрягались и расслаблялись мускулы под его плащом. На чем основывалась его уверенность, его власть? И что он видит в ней? Почему зашел настолько далеко, что требует от нее чего-то? Она вообще не понимала его. Но именно это заставляло ее держаться за него еще крепче. Его уверенность была словно магическое заклятие, потому оно и очаровывало, что было невероятно привлекательно и в то же время совершенно незнакомо ей. И потому она шла рядом с ним, словно его сила и ее неуверенность были следствием каких-то чар; они опутывали ее так, что она не могла проявить непослушание.

Он заставил ее желать чего-то, названия чему она не знала.

Формально как бы сопровождая ее, он увел ее из рабочих помещений Гильдии по знакомым уже общественным коридорам Орисона, но в бальном зале свернул не в том направлении, к которому она привыкла, — не на путь, ведущий в ее комнаты. По дороге он объяснил, что они направляются в ту часть замка, которая отведена под личные покои Мастеров, ту часть замка, которую король Джойс перестроил, когда начал создавать Гильдию, — чтобы у воплотителей были удобные, даже роскошные апартаменты, которые подчеркивали бы уважение, с каким относятся к их обитателям. Но Териза обращала внимание лишь на звук его голоса, а не на смысл слов. Словно завороженная, она сосредоточилась на его физической осязаемости; его запах, голос и твердая рука в эту минуту раз и навсегда решали проблему реальности ее существования.

Когда они миновали бальный зал, им стало попадаться все больше и больше людей. Она замечала двусмысленные ухмылки в ответ на приветствия, которыми Мастер Эремис обменивался со своими знакомыми, добродушные или завистливые улыбки прочих встречных. Стражники притворно закатывали глаза, кое-кто даже осмелился подмигнуть. Леди и служанки изучали ее, пытаясь понять, в чем секрет ее привлекательности.

Ощущение, что она заколдована и реальна, заставило Теризу почувствовать себя неожиданно смелой. Игнорируя любопытные взгляды окружающих, она сказала:

— Это было прекрасно — то, что вы собирались сделать для Джерадина.

— Вы так считаете, миледи? — Она уловила в тоне Мастера иронию. — Ваша наивность очаровывает. У вас

детская душа в теле женщины. — Свободной рукой он потрепал ее по предплечью, и прикосновения его, казалось, оставляли на ее коже невидимые следы. — Квилон, например, наверняка не согласился бы с вашей точкой зрения. Он бы сказал, что я поступил жестоко.

Упоминание о Квилоне вызвало у Теризы защитную реакцию. Мало в чем она действительно могла быть уверена; но она была уверена, что не смогла бы предать ни Мастера Квилона, ни Адепта Хэвлока. Она решила, что Эремис бросает пробный шар, и ответила почти не задумываясь, быть может, даже слишком поспешно:

— Квилон? А кто он такой? Меня не представили большей части Мастеров.

Он ответил с легкой улыбкой:

— Это не важно, миледи. Уверяю вас, это не имеет никакого значения.

И взмахом руки дал понять, что они уже прибыли к его жилищу.

Они вошли в короткий коридор, упиравшийся в дверь. Камень стен был все тем же гладким серым гранитом, как и везде в Орисоне, но дверь не имела ничего общего с дверями в рабочих помещениях Гильдии. Она была из палисандрового дерева, отполированного до такого блеска, что инкрустация на нем распознавалась безошибочно. Изображение в полный рост самого Мастера Эремиса с его насмешливой улыбкой и удивительно проницательным взглядом — такой эффект, как скоро поняла Териза, достигался путем вкрапления небольших кусочков слоновой кости.

— Надеюсь, вы всегда сможете найти меня, миледи, — заметил он. — Двери Мастеров отмечены их особыми знаками и печатями. Но Орисон велик, и знаки можно спутать. Всякий, кто знает меня, всегда подскажет вам, где находятся мои апартаменты.

Он быстро открыл дверь и ввел ее в свои палаты.

Его упоминание о *роскоши* не подготовило Теризу к тому, что она увидела. После невзрачности каменных стен коридоров обилие мебели казалось экзотичным и изысканным. Свет и тепло исходили от ароматических свечей, хитро упрятанных в огромных раковинах, напоминающих вазы, с тонкой резьбой на боках. Основным предметом мебели был гигантский диван, обшитый шелком и покрытый множеством подушек; перед ним располагался длинный низкий стол, с его резной столешницы прямо к ножкам свисало множество медных цепей. Стояли здесь также два или три кресла, каждое — в чехле из такого же шелка, что и обивка дивана. Изящный умывальник и ванна, оба медные, скрывались в одной из ниш. Неподалеку стоял деревянный шкаф, заполненный графинами с вином. Пол был по-

крыт множеством разноцветных ковриков, в которых преобладал кроваво-красный цвет, резко контрастировавший с голубой мебелью и канареечно-желтыми портьерами. Материал, закрывающий потолок, тоже был канареечно-желтым. В росписи на стенах присутствовали все три цвета, но основным был кроваво-красный — роспись изображала различные стадии обольщения женщин.

Улыбаясь, Мастер Эремис отпустил руку Теризы и закрыл дверь на засов.

— Как видите, Джойс хорошо заботится о своих воплотителях, миледи, — резюмировал он. — Несмотря на то что Мордант не может похвастаться богатством. Много веков провинции не производили ничего, кроме зерна, винограда и скота — и фермеров, чтобы выращивать их. Но богатство нашего короля — как и его сила — это результат войн. — Он осмотрелся вокруг. — Без сомнения, всей этой роскошью раньше пользовался кто-то из дворян Кадуола. Но меня это вполне устраивает.

Мастер Эремис подошел к умывальнику, сполоснул руки и побрызгал себе на лицо. Когда он вернулся к ней, Териза ощутила более сильный запах пряностей.

— Устраивайтесь поудобнее. — Он указал на диван. — Хотите вина? — Улыбка его потускнела, а глаза засверкали ярче.

Запах курящихся ароматических трав, пряностей, выражение его лица нарушили душевное равновесие Теризы, и она была близка к панике. Чтобы потянуть время и немного успокоиться, она выдавила из себя:

— Я кое-чего не поняла в зеркалах. Когда Джерадин показывал их мне.

Мастер нахмурился, может, из-за упоминания о Джерадине, а может, из-за ее неуверенности. Он прошел к шкафу, достал два бокала и наполнил их вином, таким же кроваво-красным, как ковер. Затем протянул ей бокал и отпил из своего. Он снова улыбался, но требовательность в его глазах стала более явной, более воинственной.

— Честно говоря, миледи, — сказал он, — никто не в состоянии объяснить то, что вы видели. Никакое зеркало, плоское оно или нет, не может изменять своего воплотимого. И поскольку это совершенно невозможно, то я и сам не поверил бы, если б не видел собственными глазами.

Вы, конечно же, заметили, что мы не обсуждали это на нашем сегодняшнем собрании. Ибо что может быть сказано о невозможном после того, как оно исчезло? Большинство Мастеров не поверили бы мне, если бы я описал увиденное нами. Тем более, — добавил он задумчиво, — что я не распознал новое воплотимое, не смог идентифицировать его.

— О, Джерадин узнал его. Это место называется «Сжатый Кулак». Он сказал, что оно где-то в провинции Дом-

не. — Она вдруг почувствовала, что говорить этого не следовало. Однако поведение Мастера Эремиса вынуждало ее быть разговорчивой. Он склонился над ней, словно ожидая, когда она закончит, чтобы можно было вплотную заняться ею. Но ей нужно было время. И потому она тут же добавила: — Но я имела в виду .овсе не это.

И против собственной воли рассказала Мастеру Эремису о том, о чем не говорила Джерадину. Она рассказала ему, что увидела в зеркале, которое показывало Воина: не сцену насилия и не свою квартиру, а Сжатый Кулак весной.

Ее сбивчивые объяснения заинтересовали его, хотя он не выказал того интереса, на который она рассчитывала. От задумчивости лицо его выглядело хмурым.

— *Это* странно, — признал он. Затем медленно увлек ее на диван и посадил так, что ее бок прижимался к его боку, а рука обхватила ее спину. — А что, Джерадин тоже попал туда?

Она покачала головой.

— Он пытался. — Она была в смятении от благовоний, запахов пряностей и сбивающих с толку желаний. — Он хотел проверить, может ли отправить меня обратно туда, откуда забрал. Чтобы у меня хотя бы был выбор и возможность вернуться. Но когда он вошел в зеркало, то оказался в мире вашего Воина.

— В самом деле? — Он вопросительно изогнул бровь. — Так, значит, именно ваша воля изменила воплощение?

Ей не хотелось бы так думать.

— Или же Джерадин сделал это за меня. Он, вероятно, даже не подозревал, что делает это. Похоже, он сам не знает, какой обладает силой. — Она вспомнила, как Джерадин покидал зал заседаний, как вступался за нее, и впервые почувствовала к нему уважение. И пробормотала себе под нос: — Им следовало все же признать его Мастером.

— Тогда, — сказал Мастер Эремис твердо, — хорошо, что изменение воплотимого не стало предметом публичного обсуждения. Многие из Мастеров не поверили бы в такие способности Джерадина и решили, что вы и есть тот самый могущественный воплотитель, которого все так ждут и боятся.

Но вы не воплотитель, как нам обоим хорошо известно. Я тихо шепну Мастерам, которым можно доверять, о происшедшем, и мы попытаемся найти объяснение тем вещам, которых вы не понимаете.

Пока он говорил, его рука обхватила ее талию. Его дыхание обжигало ей волосы.

— Вы удовлетворены? Я жажду начать наконец исследование вашего женского естества.

Она почувствовала, что выбора у нее нет, что всякая возможность выбора осталась позади. Ее тело томилось в

одеждах. Она вдохнула его дыхание, когда его губы оказались прижатыми к ее губам.

Но тут кто-то постучал в дверь.

Сначала стук был тихим: несколько деликатных ударов. Мастер Эремис оставил их без внимания. Его язык касался губ Теризы, придавая поцелуям вкус, какого она раньше никогда не знала. Но затем стук стал более настойчивым. Вскоре тот, кто стоял в коридоре, принялся колотить в дверь.

— Сучье отродье! — Эремис соскочил с дивана. Бормоча под нос проклятия, он подошел к двери, открыл засов и широко распахнул ее.

Териза увидела стоявшего в дверном проеме Джерадина.

Ей вдруг стало трудно дышать; она почувствовала, что лицо ее горит.

Он не смотрел на нее или на Эремиса, а словно бы внимательно изучал пространство между ними.

— Мастер Эремис, — сказал он спокойным, тщательно контролируемым голосом, — могу ли я чем-нибудь услужить вам?

— *Услужить* мне? — прорычал Мастер. — Почему вы решили, что я вообще нуждаюсь в ваших услугах? Убирайтесь отсюда.

— Я ваш должник. По непонятной причине вы предложили мне мантию Мастера. Я выполнил на сегодня все свои обязанности и хочу каким-то образом отплатить вам за ваше великодушие.

— Очень хорошо. Я весьма ценю ваш порыв. Но отплатите мне, пожалуйста, тем, — Мастер Эремис с видимым усилием удерживался от крика, — что оставьте меня в покое.

Джерадин поднял глаза и решительно сказал:

— Леди Териза достойна лучшего.

Затем повернулся и вышел.

Мастер Эремис снова выругался и рывком закрыл дверь, но поймал ее прежде, чем она хлопнула, мягко довел до конца и запер на засов. Он повернулся к Теризе, и на его лице появилась отстраненная, особенная улыбка — улыбка, которая могла быть признаком уважения.

— Этот мальчишка бросает мне вызов, — пробормотал он. Голос Мастера звучал так, словно он разговаривал сам с собой; но взгляд, который он бросил на Теризу, свидетельствовал, что он помнит о ее присутствии. — Придется мне о нем позаботиться.

Но он тут же отбросил эти мысли и посмотрел на нее более настойчиво. Блеск в его глазах стал заметнее. Он вернулся к дивану, осушил свой бокал и снова сел рядом с ней.

Неумышленно, она все же чуть отодвинулась в сторону и теперь могла отгородиться от него поднятым бокалом. Ее щеки продолжали гореть: непонятно каким образом, но Джерадин заставил ее почувствовать, что потом она будет стыдиться

того, что делает сейчас. «Леди Териза достойна лучшего». Что это могло означать? Он слишком мало знал ее, чтобы говорить такое.

Но то, как он произнес это — «Леди Териза достойна лучшего», — тронуло ее. И заставило отодвинуться от нависшего над ней Мастера Эремиса.

— Это мне напомнило кое-что. — Голос Теризы был робким, даже просительным, но при этом она ощутила растущую отвагу — она даже с трудом узнавала себя. Заканчивая эту фразу, она посмела встретиться с ним взглядом. — Он сказал, что вы не верите в мое существование. Помните? И вы подтвердили, что не верите, будто я существовала до тех пор, пока не появилась из зеркала? Это мне тоже непонятно.

— И в чем же? — Эремис был исполнен терпения.

Она попыталась объяснить:

— Я ничего не знаю о воплотимом. Я совершенно ничего не понимаю в этом. Но я пытаюсь. Мне легче поверить, что зеркало — нечто вроде окна. Оно позволяет смотреть из одного места на другое. Или из одного мира на другой. — Она надеялась, что он не заметит, как сильно бьется ее сердце, как стесненно вырывается из ее груди дыхание. Она не хотела, чтобы он понял, насколько важен для нее этот вопрос. — Гораздо труднее поверить, будто кусок стекла *создает* то, что вы видите в нем.

Пожалуйста, скажите, неужели вы *действительно* думаете, что я не существовала до тех пор, как вы впервые меня увидели?

— Ага. — Он понимающе кивнул. — Как вы, наверное, уже знаете, миледи, это основной вопрос, который мучает и терзает Гильдию. Кроме того, Джойс еще более все запутал, настаивая на этической стороне этого дела — например, по какому праву мы перемещаем сюда воплотимое из его естественного окружения? Но я отвлекся, такой вопрос не может быть решен до тех пор, пока нет определенности в самом главном. Является ли зеркало *окном*, как вы выразились, или то воплотимое, что мы в нем видим, появилось только благодаря самому процессу создания зеркала и придания ему формы?

Говоря это, он придвинулся к Теризе плотнее, навис над ней. Его рука снова обхватила ее талию, теперь ей некуда было деваться, и чары его снова начали брать верх. Она никогда не подозревала, что нежный запах пряностей может быть столь чувственным. Не в силах выдержать его взгляд, она смотрела на его губы словно бы наперекор своей неуверенности — не говоря уже о растущем смятении — и хотела, чтобы он целовал ее вновь.

— Основная проблема заключается в недостатке не понимания, а воображения. — Мастер забрал у нее из рук бокал и отставил его в сторону. Голос его стал более низким и хриплым. — Причем свидетельство этого — явное, но мы не принимаем его потому, что, как вы заметили, в это труднее поверить.

Его губы прикоснулись к ней, мягко целуя; раз, потом снова. На второй раз она ответила ему, как будто знала, что делает.

— Миледи, — выдохнул он, — совершенно очевидно, что вы не существовали до того момента, как появились при воплощении. Зеркало глупо. Зеркала показывают воплотимое, но мы не можем воспринимать через стекло звуки. А если вы пришли к нам из другого мира, — он снова поцеловал ее, — уже существовавшего до этого, — с каждым новым поцелуем ее ответ был все жарче, — то как же получилось, что вы разговариваете на том же самом языке, что и мы?

Но поскольку Джерадину удалось сделать зеркало, которое воплотило такую женщину, мне следует восхититься его вкусом.

На этот раз его рот завладел ее губами и не отпустил. Его язык разжал ее губы. Она откинулась назад на подушки — его рука опрокинула ее туда. На мгновение все ее чувства сосредоточились на поцелуе — и на том, как правильно целовать самой. Все было действительно так, как говорил Мастер: ее создало зеркало. И потому она свободна в своих поступках. То, что она делает, не имеет ни малейшего значения. Сначала она не сознавала, что Мастер расстегивает ее рубашку. Но его поцелуй был таким крепким, а рука такой опытной, что она не испытывала ни малейшего желания остановить его.

— Мастер Эремис, — услышали они голос, — миледи Териза, не хотели бы вы перекусить?

Эремис вскочил на ноги, в глазах его пылала ярость. Териза приподнялась на подушках и посмотрела на Джерадина.

На этот раз он появился из дверного проема, ведущего во внутренние покои; видимо, он воспользовался ходом для прислуги. И снова, как и раньше, его взгляд был устремлен куда-то между Теризой и Мастером. В руках у него был огромный поднос, на котором громоздились куски сыра, хлеб и несколько кистей винограда.

— Я подумал, что, обсуждая будущее Мордаита, — сказал он тоном столь небрежным, что это прозвучало вдвойне оскорбительно, — вы вполне могли проголодаться. — Он прошел дальше в комнату. — Поскольку время завтрака давно уже миновало.

— Свиное дерьмо! — тихо выдохнул Мастер. Пальцы его согнулись когтисто. — Это невыносимо! Неужели я должен закрывать даже двери, предназначенные для прислуги, чтобы держать вас подальше отсюда?

— Я ведь уже сказал вам, — уважительный тон Джерадина был почти неотличим от небрежного, — я ваш должник. Я должен хоть как-то отблагодарить вас.

Териза с огромным трудом удержалась от смеха. Повторное вторжение пригодника не вызвало замешательства;

оно походило скорее на абсурд. И так же абсурдно вел себя Мастер Эремис, который казался достаточно разъяренным, чтобы по столь ничтожному поводу вырвать у Джерадина из груди сердце. Оказавшийся в явно непадлежащем ему месте, посреди комнаты для совращения, подчеркнуто вежливый Джерадин напомнил Теризе, почему он ей так нравится. Ей с трудом удалось сохранить серьезное выражение лица.

Словно чувствуя, что он выглядит по-дурацки, Мастер Эремис выпрямился.

— Пригодник, я верю вам, — прошипел он, направляя указательный палец, словно острие копья, ему в лицо. — Вы хотите расплатиться со мной. Но *расквитаться* было бы более верным словом, не так ли? Вы мстите мне, потому что Гильдия смеялась, когда я предложил одарить вас мантией, и сейчас вы хотите *расквитаться* со мной, сводя меня с ума.

Послушай же меня, малыш. — Он старался выглядеть спокойнее, несмотря на внутреннюю борьбу между волей и яростью, которая ощущалась в его голосе. — Я хочу, пригодник, чтобы вы немедленно ушли и оставили меня в покое. Я всегда был вашим другом, что бы вы обо мне ни думали. Но вы разрушите остатки дружелюбного отношения к вам, если это издевательство надо мной будет продолжаться. И мой гнев придется вам не по душе.

Если Джерадин и проникся этой угрозой, то виду не подал. Не глядя в сторону Теризы, он спросил — безразлично, небрежно:

— Миледи, хотите ли вы, чтобы я оставил вас здесь?

И лишь задумавшись над этим вопросом, она обнаружила, что не может дать на него ответ. Он ей нравился. Она хотела бы дать ему ответ, который бы понравился ему; она бы почувствовала себя лучше, если бы себя лучше почувствовал он. Но ее тело оказалось слишком близко к тому, чтобы узнать, что же такое ее женское естество — или хотя бы что под этим подразумевает Мастер Эремис. Териза внутренне дрожала, ноги не держали ее, она была не в силах подняться с дивана. Смятение ее стало еще сильнее.

— Вы что, слепы, пригодник? — Мастер почти шептал. — Единственное, чего она хочет, — это чтобы вы оставили ее в покое.

— Тогда... — на мгновение самоконтроль Джерадина ослаб, и боль проступила на его лице, — мне следует уйти. — Его голос снова зазвучал спокойно. — Пожалуйста, простите мне это безумное вторжение. Я был не прав.

Мастер Эремис гневным жестом указал на дверь. Джерадин развернулся и вышел тем же путем, каким и вошел.

— Глупец. — Эремис глядел вслед уходящему пригоднику. — Он считает, что можно играть со мной в игры. Но я в игры не играю. — Внезапно он сел рядом с Теризой. — Миледи, помните, в игры я не играю.

Она встретилась с ним взглядом и смотрела не отрываясь, пока не почувствовала, что трепещет. Если то, что она делает, не имеет никакого значения, то почему ее душа полна такой боли? Может быть, ее смятение было сильнее, чем ей казалось, и это изменило ее. Или, быть может, она испытывала непреодолимое желание защитить Джерадина. Но, какова бы ни была причина, Териза изумила саму себя, сказав так, словно привыкла анализировать поведение других людей:

— Я могу понять, почему он считает, что вы играете.

К ее удивлению, эта реплика вызвала у Мастера интерес. Гнев его немного утих, испытующий взгляд остановился на Теризе. От этого его лицо стало казаться более привлекательным, чем в минуты неприкрытой страсти.

— Правда? Я удивлен. — Тон его был насмешливым, но вполне учтивым. — Что же такого я сделал, что произвел на вас подобное впечатление?

Она сделала попытку ответить ему откровенно, отчасти потому, что ей в радость было свободно говорить все, что она думает, а отчасти потому, что этот его вопрос вызвал у нее легкое замешательство, отняв у ее мысли рациональное зерно.

— Вы не проявляете уважения к людям, когда говорите о них в частной беседе, и потому, когда на публике вы ведете себя уважительно, то не выглядите убедительным. И вы непоследовательны. Похоже, вы совершаете иногда неожиданные поступки, — от собственной смелости голова у Теризы слегка кружилась, — как, например, предложение сделать Джерадина Мастером, не потому, что считаете это правильным, а потому, что любите изумлять других.

От улыбки глаза его немного прищурились.

— Непоследователен, миледи? *Я?* Вы не присутствовали, когда обсуждалась роль пригодника в воплощении Воина. Вы не слышали, насколько последовательно я поддерживал и защищал его. — Он, видимо, получал особое удовольствие, беседуя с ней в таком духе. — Так почему я непоследователен?

Она задумалась. Этого и следовало ожидать: наверняка он начнет гневаться на нее. Так бывало всегда, когда она пыталась привлечь к себе внимание. Но ей не хотелось испортить происходящее. Пытаясь свести риск к минимуму, она осторожно ответила:

— Я была удивлена, когда вы выбрали Мастера Гилбура, чтобы он отправился с вами на эту встречу. Похоже, он не слишком симпатизирует вам.

Изумление ее переросло в панику, когда Эремис разразился хохотом.

Какое-то время он был даже не в состоянии говорить. Похоже, она случайно затронула предмет его наибольшего довольства собой. Громко хохоча, он снова сел рядом с ней на диван, откинулся на подушки и заложил руки за голову.

Когда Мастер смог наконец успокоиться, он сел прямо, положил руки Теризе на плечи и притянул к себе для поцелуя.

— О, это самая приятная пикантность, миледи, — произнес он, наслаждаясь ее непониманием, — и в тайне этой заключено много юмора. Не сомневаюсь, что и вся остальная Гильдия была изумлена. — Только блеск расчетливости в его глазах, когда он наслаждался последствиями того, что совершил, мешал ему быть таким же беззаботно счастливым, каким временами бывал Джерадин. — Никто из этих глупцов не знает, что на самом деле Джойс был не единственным, кто спасал жизнь Гилбура, когда пещера обвалилась. Я тоже участвовал в этом.

И пока Териза тупо смотрела на него, а мысли ее метались и суть всего происшедшего на заседании Гильдии кардинально менялась, он прижал ее к себе и снова завладел ее губами.

У нее перехватило дыхание. Но как только поцелуй стал слабее, она выдавила:

— Подождите. Подождите минутку. Я не понимаю.

Осыпая поцелуями ее глаза, лоб, уголки губ, он снова заставил ее откинуться на подушки.

— Чего вы не понимаете?

— Вы и Мастер Гилбур работаете на пару. — Ее дыхание стало прерывистым. — Вы заранее спланировали, что будет происходить во время заседания... Вы просто играли все это время... Почему вы делаете вид, что вы враги?

— Потому, моя чудесная, — между фразами его язык лизал ее губы, — что некоторые из этих пустоголовых воплотителей не любят меня. Возможные решения и выходы из ситуаций отвергаются ими уже по той простой причине, что их предлагаю я. — Его горячее дыхание, казалось, переполняло ее легкие. — А правда повернула бы их и против Гилбура. — Она снова почувствовала его руку на пуговицах рубашки. — Ложь же заключается в том, что факт, будто он был спасен королем Джойсом, дает ему особые права, благодаря чему он оказался способен манипулировать голосованием.

Зажатая между подушками и его рукой, Териза ощущала свою беспомощность, но все же сумела спросить:

— Но почему? Почему вы хотите появления этого Воина? Он ведь опасен.

Мастер Эремис приподнялся, чтобы встретиться с ней взглядом. Его лицо было серьезным, и он сказал нравоучительно:

— Оружие и войны опасны. Могущество опасно. Однако ничто другое спасти нас не может.

Вы не знаете Вердона. Конечно, вы видели его ярость. Он любит своих людей. Он гордится Мордантом — и своим местом в королевстве. Но король отказал ему в под-

держке. В отчаянии он пойдет на все, лишь бы защитить то, что любит.

Ей показалось, что она слышит стук в дверь. На мгновение Мастер Эремис застыл. Но звук был довольно слабым и не повторился.

— И я такой же, — продолжал он. — Я насмехаюсь над моими коллегами Мастерами, но лишь потому, что талант к воплощениям — не гарантия ума и смелости. Я люблю ту силу, которую представляет Гильдия, и с радостью стал бы сражаться, защищая ее. Однако я тоже оказался обиженным. Король не согласился признать меня своим советником.

И потому я без колебаний воспользуюсь одной ложью или несколькими, чтобы обрести силу, в которой нуждаюсь.

Она не совсем понимала то, что видела в его глазах или слышала в его голосе. Его манипуляции с Гильдией были слишком сложны для такой простой цели; его объяснение было слишком беспорядочным. Но физическая близость его и ощутимое прикосновение лишали ее способности рассуждать; запах пряностей и поцелуи были убедительнее логики.

Ее губы отвечали ему, словно сами знали — как. Проскользнув под рубашку, его рука охватила грудь. От его прикосновения соски заныли. Она невольно выгнулась, прижимаясь к нему сильнее. Он распахнул ее рубашку, и груди предстали обнаженными. Тогда его рот оставил в покое ее губы, и Мастер жадно задышал.

— Миледи, я был прав. Вы созданы для услады мужчин. — И его язык пополз по ее груди, пока губы не сомкнулись на соске.

Готовая рискнуть в этот момент чем угодно, Териза обхватила руками его голову и удерживала ее там, где она находилась, чтобы он не прекращал своего занятия.

Она была настолько зачарована, что никак не реагировала, лишь просто смотрела, когда в комнату вошла Саддит.

Подобно Джерадину, служанка старательно избегала смотреть на Мастера Эремиса или Теризу. Она держала голову склоненной, и выражение на ее лице было совершенно непроницаемым.

— Мастер Эремис... — начала она.

Он яростно вскочил с дивана, его рука застыла на взлете, словно он ожидал увидеть Джерадина и хотел ударить его.

— Мастер Эремис, — повторила Саддит, вздрагивая, и бойко заговорила, стараясь отвести от себя его гнев. — Мое вторжение непростительно, я знаю, но вы все же должны простить меня. У меня не было выбора. Вы не отвечали на стук в дверь. Миледи, вы должны простить меня, у меня не было выбора...

— Не было *выбора?* — Распознав Саддит, он опустил руку. Тем не менее ему понадобилось какое-то время, чтобы справиться со своими чувствами. — Ты — служанка. Как

можно говорить о *выборе*, когда ты входишь в мои комнаты без приглашения?

— Простите меня. Я знаю, то, что я сделала, непростительно. — Так как лицо Саддит было пустым, а тон ее почти совсем безучастным, в голосе не очень-то слышалась мольба о прощении. — Но мне приказано привести леди Теризу. Леди Мисте желает побеседовать с ней. Она — королевская дочь, Мастер Эремис. Я не могла ослушаться ее. В ее власти наказать меня и даже причинить мне вред. — Однако похоже было, что она не слишком напугана. — И если леди Мисте пожалуется на меня Смотрителю Леббику...

Эремис прервал ее.

— Ты могла бы сказать леди Мисте, что не нашла свою госпожу.

Он уже справился с собой. И вздохнул.

— Но ожидать этого от тебя было бы чересчур. — Он обернулся к Теризе. — Миледи, вы должны идти. Дочери короля капризны — а наш король позволяет им делать все что вздумается. Не стоит игнорировать их требования.

Только глаза выдавали его. Они были темными и убийственно жестокими.

Теризе хотелось завыть от разочарования и от внезапного ужаса. Его свирепость живо напомнила ей свирепость ее отца. Она испытывала головокружение, ей хотелось расплакаться — или рассмеяться. Но облегчение ее было так же сильно, как чувство потери и тревоги.

И поскольку она не знала, что еще остается делать, то молча принялась застегивать рубашку.

10. Последний посол Аленда

Все еще слабо дрожа, переполненная смущением и стараясь не показывать этого, Териза вышла следом за Саддит.

Мастер Эремис открыл засов и кивком попрощался, провожая ее из комнат. Но при этом на лице его появилась довольная улыбка превосходства; он снова был нечувствителен ко всяческим потрясениям. И если бы Териза не видела при этом его глаз, то ее испуг тут же прошел бы.

Когда дверь закрылась, она невольно с облегчением вздохнула, потому что Саддит, а не Джерадин, прервала Мастера Эремиса в третий раз. Она не хотела даже пытаться представить себе, что произошло бы, если б ярость Мастера обрушилась на пригодника.

Однако Саддит выглядела так, словно гнев Эремиса ничуть ее не беспокоил. Вместо проявления смущения или озабоченности на лице ее застыло удовлетворенное выражение.

Теризе хотелось спросить, почему леди Мисте захотела вдруг видеть ее? Но еще больше ей хотелось задать вопрос: «Как тебе удалось прийти в самый неподходящий момент?» Но едва они с Саддит вышли из ответвления, что вело к покоям Мастера Эремиса, к ним присоединился Джерадин.

Он не делал никаких попыток сдержать свои чувства и сиял, словно счастливый щенок.

— Саддит, ты — чудо! — Схватив ее за руки, он принялся пританцовывать с ней, пока не наткнулся на стену и чуть не сшиб служанку на пол; затем он запечатлел на ее щеке сочный поцелуй и отпустил. — Я твой должник. Навеки! Как тебе это удалось?

И, не дожидаясь ответа, чуть ли не прыжком повернулся к Теризе.

Она не замедлила шаг.

Трудно было сказать, что он увидел на ее лице; но что бы это ни было, настроение его тут же изменилось. Однако на сей раз он хотя бы не стал извиняться.

— Я знаю, что это совершенно не мое дело, — он старательно сдерживал ликование по поводу ее освобождения, — но у меня появилось очень сильное ощущение... — Он состроил гримасу. — Мы, кажется, уже говорили насчет моих *ощущений*. Я уже говорил вам, что они почти всегда подводят меня. Но я продолжаю делать то, к чему они меня побуждают. Несмотря ни на что. И на сей раз у меня было очень сильное ощущение, что вам грозит опасность.

— Конечно же, была опасность, — насмешливо ответила Саддит. — Но вы спутали свои ощущения. У вас появилось очень сильное ощущение, что вы сами хотите затащить леди в постель, и вам было неприятно думать, что кто-то попользуется ею до вас. А может быть, к тому же вы боялись, — сказала она с насмешкой, — что если она хоть раз попробует заняться любовью с Мастером Эремисом, то уже не заинтересуется вами.

От этих слов Саддит глаза Джерадина стали грустными, и он покраснел как мальчишка.

А Териза внезапно почувствовала первый озноб. Она подошла так близко к тому, чему не знала названия; может быть, в этом заключается ответ на жизненно важный вопрос — кто и что такое она есть? Мастер Эремис уверял ее, что она не существует. Но его прикосновения... Она вся дрожала. Голос ее звучал глухо.

— Вы хотите сказать, что Мисте вовсе не хочет меня видеть? Что вы это придумали?

Пригодник встрепенулся, но Саддит опередила его.

— Конечно же, *нет*, — сказала она шутливым правоучительным тоном. — Я не врунья, миледи. — С некото-

рым усилием она подавила желание улыбнуться. — Леди Мисте действительно хотела бы побеседовать с вами. Я провела некоторое время в поисках вас, прежде чем встретила пригодника Джерадина и он сообщил мне, где вы находитесь.

После такой поддержки Джерадин уточнил:

— Но правда и то, что леди Мисте не из тех дам, которые настаивали бы на ваших поисках.

Саддит кивнула.

— Мне кажется, она совершенно не понимает, что значит быть дочерью короля.

— Если бы она знала, где вы, — продолжал Джерадин с нотками довольства, пробивающимися сквозь напускную серьезность, — я уверен, она приказала бы подождать, пока Мастер Эремис не закончит с вами.

— Однако, — подвела итоги служанка, — я все же заставила его поверить в обратное. В дальнейшем он будет более осмотрителен в своем выборе.

Джерадин не смог больше сдерживаться; он запрокинул голову и расхохотался.

Саддит присоединилась к нему.

Удивительно, но их смех был таким искренним, что состояние, из-за которого у Теризы началась дрожь, стало медленно рассеиваться. Ей тоже захотелось смеяться.

— Он так злился. — В этот момент она почувствовала, что не сможет произнести ни слова, не рассмеявшись. — Надеюсь, он не умрет от разочарования? Выглядел он на редкость глупо.

Ее выражение, что Мастер Эремис выглядел *глупо*, вызвало новый приступ смеха у Саддит и Джерадина.

Смеясь и не замечая по дороге ничего, они чуть не сшибли Мастера Квилона.

Из-за неприметного плаща и неказистой внешности он появился перед ними словно из ниоткуда. Его улыбка состояла лишь в легкой растянутости губ.

— А, вот и вы, пригодник, — скороговоркой сказал он. — Вы-то мне и нужны. Пойдемте со мной.

Териза почувствовала, что его тон не понравился Джерадину.

— Мастер Квилон... — Джерадин казался обиженным, — я выполнил на сегодня все свои обязанности и хотел бы провести вечер...

— Да-да, вот именно, — перебил его воплотитель. — Вы хотели провести вечер, помогая мне. Я должен закончить свои исследования до того, как Мастер Гилбур вызовет своего Воина и нам придется отложить все наши дела из-за войны, которая непременно при этом начнется. Пойдемте.

Он проворно повернулся и пошел от них по коридору.

— Мастер Квилон! — запротестовал Джерадин. — Но ведь пригодникам позволено распоряжаться своим свободным временем после того, как они выполнят возложенные на них обязанности!

Мастер остановился, оскалился так, что вид у него стал дикий и хищный, но глаза при этом оставались холодными.

— Стыдитесь, Джерадин, — сказал он спокойно. — Лень никогда не сделает из вас Мастера. Только труд. Как же вы надеетесь выучиться, если не хотите затратить на это никаких усилий? — Он нахмурился. — Я не шучу, пригодник. Пойдемте со мной.

И быстро засеменил прочь.

— Идите же, Джерадин, — прошептала Саддит. — Не будьте глупцом. Что случилось с вашим желанием стать Мастером? Своим непослушанием вы навредите только самому себе.

Пригодник скривился, воздел руки к небу и потрусил за Мастером Квилоном.

Саддит снова рассмеялась, на этот раз над Джерадином, но в ее веселье не было насмешки.

— Он хороший мальчик, миледи, весьма привлекательный. — Она улыбнулась. — И его человекость может быть в чем-то пикантной. Но на вашем месте я бы не забивала себе голову им. Вы можете метить гораздо выше.

Если вы смогли заинтересовать Мастера Эремиса, — теперь она говорила серьезно, даже слегка раздраженно, — не прилагая со своей стороны никаких усилий, то наверняка можете метить гораздо выше! К примеру, рассмотрите кандидатуру Смотрителя Леббика. Вам трудно поверить, после того как вы столкнулись с его языком и его настроениями, но он прекрасный кандидат. К тому же его жена давным-давно умерла — после продолжительной болезни. *Вот* человек, безумно нуждающийся в женщине. Я могла бы попытаться привлечь к вам его внимание. Уверяю вас, что *служанкой* в Орисоне я останусь недолго.

— Саддит, что мне делать? — спросила Териза, повинуясь импульсу. Сейчас, когда Джерадин ушел, она испытывала страстное желание поговорить с ним. Несмотря на распоряжение Мастера Барсонажа, она хотела рассказать ему все. И хотела знать, как он ответит на доводы Мастера Эремиса. Но со служанкой обсуждать все это она не могла. — Я не воплотитель. И я ничего не знаю о мужчинах. — Затем, вспомнив руки Эремиса и его губы, она добавила: — Мастер Эремис и Джерадин ненавидят друг друга.

— Миледи, — сказала Саддит весело, — я постаралась бы сделать все, чтобы Мастер Эремис не возненавидел *меня*.

По коридору пробежал холодок — видимо, где-то забыли закрыть окно. Териза вздрогнула. Саддит молчала до самого конца пути.

* * *

Териза ожидала, что служанка отведет ее в апартаменты, которые леди Мисте делила со своей сестрой, в башне над комнатами короля Джойса, но Саддит отвела ее в ее же комнаты. Мисте ждала Теризу здесь.

Саддит, как обычно, обменялась игривыми репликами со стражниками и ввела Теризу внутрь. Они застали леди Мисте у одного из окон. Несмотря на холод снаружи, солнечный свет подчеркивал летний цвет ее волос и кожи, делая ее более красивой, чем она казалась в своих комнатах, в компании Элеги. Однако она смотрела на лежащие внизу окрестности замка и на зиму так, словно хотела бы оказаться где угодно, только не здесь

Лицо ее выражало отстраненность, но, как только Териза вошла, Мисте отвернулась от окна и улыбнулась.

— Миледи... — начала она и тут же поправила себя, — Териза, как мило с вашей стороны, что вы пришли так скоро. — Тот странный восторг, с которым она восприняла сообщение Теризы, что она не могущественный воплотитель и не женщина, наделенная особой силой, а простой секретарь миссии, еще не улетучился. — Я надеюсь, что не отвлекла вас от чего-то важного. У меня ничего срочного нет. Это у Элеги все срочно, а я просто хотела немного поговорить.

Такое признание заставило Теризу задуматься. Она подсознательно ощущала, что Мисте была одной из немногих здесь, кто не смотрел на нее как на диковинку или не строил относительно нее каких-нибудь планов, — одной из немногих, с кем она может просто дружить. Но она совершенно не знала, как ответить. Ей было слишком мало известно о дружбе.

К счастью, Саддит пришла ей на помощь. Присев в реверансе, она невозмутимо изрекла откровенную ложь:.

— Леди Териза как раз возвращалась сюда, когда я ее встретила, миледи. Она присутствовала на заседании Гильдии, но теперь заседание уже закончилось.

К тому же время давно миновало! — воскликнула она. — Не принести ли вам чего-нибудь поесть? Вы сможете поговорить и за столом.

Какое-то время Териза ожидала, что именно Мисте ответит Саддит. Мисте ведь была дочерью короля. Но потом поняла, что это *ее* комнаты, а значит, в ее обязанности входит проявление гостеприимства.

— Да, пожалуйста, — поспешно сказала она. — Я проголодалась. — И тут же, торопясь исправить свою ошибку, спросила Мисте: — А вы? Не знаю, что принесет нам Саддит, но уверена, произойдет это скоро.

Мисте продолжала улыбаться. Ее взгляд был прямым и в то же время отстраненным, словно бы насквозь проходил через глаза и мозг Теризы и устремлялся куда-то дальше.

— Благодарю. Вы очень любезны.

— Хорошо, миледи, — сказала служанка. — Я скоро буду. — На пути к двери она повернулась так, чтобы оказаться к Мисте спиной, и строго посмотрела на Теризу. Взгляд ее, казалось, говорил: «Очнитесь же. Проявите внимание. Эта женщина — дочь короля». Затем Саддит вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

С точки зрения Теризы, тот факт, что Мисте была дочерью короля, не имел ровным счетом никакого значения. А имело значение лишь то, что Териза внезапно захотела подружиться с Мисте, захотела так сильно, что от этого желания внутри у нее похолодело. Ведь у нее никогда не было настоящего *друга*...

Нет, конечно же, у нее были друзья: приятели по играм в детские годы, девочки, которые шептались с ней в школьных коридорах, обмениваясь сплетнями. Но родители никогда не позволяли ей поддерживать дружбу. Они не отпускали ее в гости к юным приятелям и никогда не пригласили ни одну девочку в их дом. Такое отношение родителей приветствовалось в тех частных заведениях, куда ее отдавали, в школах для избранных, где все было направлено на формирование характера, а не на создание круга друзей.

А может быть, причина ее одиночества была в ней самой, возможно, избыток пассивности и сомнений возводил для других непреодолимый барьер, в то же время становясь для нее незаживающей раной.

И она не хотела терять *эту* возможность.

Териза неловко указала на два стоящих рядом кресла.

— Не желаете ли присесть? — Затем вспомнила про графин, стоявший на одном из столов. — Может быть, немного вина? — Но ее попытки вести себя вежливо были настолько жалкими, что она сама себя презирала. — Простите, — сказала она, отбросив всякие претензии на то, что знает, как себя вести в подобных ситуациях. — Я в полнейшей растерянности. Все для меня здесь так ново. У меня ведь никогда не было гостей в моей квартире.

Мисте не могла знать, что это чистая правда, но восприняла ее суетливость нормально.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мне кажется, вы превосходно справляетесь с обязанностями хозяйки. А если еще принять во внимание случившееся с вами за последние три дня... Вы попали в странный и чуждый для вас мир. Оказались в замке, полном конфликтов и заговоров. Половина вашего окружения верит, что вы можете спасти их от войны и хаоса. На вашу жизнь покушались. Будь я на вашем месте... — в ее тоне послы-

шались потки зависти, — то гордилась бы, если б вела себя хотя бы наполовину так рассудительно.

Неожиданно глаза Теризы наполнились слезами. Участие Мисте застигло ее врасплох.

— Спасибо. — Она попыталась объяснить причину своей благодарности. — Мне очень часто кажется, что я теряю рассудок. Все хотят от меня чего-то, а я едва ли понимаю, что происходит.

— Лучше присядьте. — Мисте взяла Теризу за руку и подвела ее к одному из кресел. Затем леди достала из рукава своего платья изящный носовой платочек и протянула его Теризе. — То, что с вами произошло, чрезвычайно странно. И вы, должно быть, думаете, что всякий, с кем вы встречаетесь, плетет против вас какие-то интриги. Только что вас вынудили присутствовать на заседании Гильдии. Я сомневаюсь, что они вели себя галантно, когда узнали, что вы не воплотитель.

Териза кивнула, вытирая глаза платочком.

— Все от меня чего-то хотят. Гильдия хочет, чтобы я ничего не говорила королю. Он хочет, чтобы я ничего не сообщала Гильдии. И все они хотят, чтобы я ничего не обсуждала ни с кем другим. — Она чуть не добавила: «Кроме Мастера Квилона и Адепта Хэвлока». — А все Мастера устраивают заговоры друг против друга. Мастер Эремис... — *Он поцеловал меня! Он целовал мою грудь!* — Смотритель Леббик кричит на меня. — Она заколебалась на долю секунды и высморкалась в тонкую ткань. — Даже Джерадин — он хочет, чтобы я оказалась воплотителем.

— О, Джерадин! — В голосе Мисте послышалась улыбка. — Не поручусь за остальных, но ему, во всяком случае, можно верить. Можно сомневаться в его суждениях: он — неудачник. Но сердцу его нельзя не верить. Общепризнано, что у Домне нет плохих сыновей. — Немного подумав, она добавила: — Я хотела бы быть вашим другом, Териза.

Сейчас во взгляде Мисте не было отстраненности. Она смотрела Теризе прямо в глаза.

И, чтобы не расплакаться вновь, Териза отвела взгляд. Предложение Мисте тронуло ее до глубины души, и то, что она чувствовала сейчас, не поддавалось объяснению. Неужели такая, как она, может иметь друзей? Уклоняясь от самого важного — и ненавидя себя за это, — она сказала:

— Вы о нем лучшего мнения, чем Элега.

Мисте снова улыбнулась, но при этом взгляд ее устремился куда-то вдаль и вновь стал отстраненным. Она тихо ответила:

— Я лучшего мнения, чем она, в отношении очень многих вещей. Элега — истинная королевская дочь и жаждет занять важное место в управлении Мордантом. Она не прощает ни отца, ни общество, окружающее ее, и вообще никого и

ничего, что, как ей кажется, стоит между ней и ее естественным правом плести интриги, манипулировать и строить заговоры наравне с любым лордом. Она никогда не простит Джерадина за то ошибочное решение, из-за которого она когда-то была его суженой. — Мисте пожала плечами. — Мне же кажется, что гораздо лучше быть просто женщиной. Я думаю только хорошее о тех, кто предержит власть в Орисоне. — Тон ее был доверительным и успокаивающим, и звучала в ее голосе нотка раздражения, которой она как бы нехотя подчеркивала, что не совсем согласна с собственными словами. — И потому о себе я думаю тоже только хорошее.

Териза понимающе кивнула.

— Именно об этом вы и хотели поговорить со мной?

— О нет, — мягко возразила Мисте. — А может быть, и да. Впрочем, я вообще-то не собиралась говорить ничего особенного. Мне просто хотелось побольше узнать о вас. Вы для меня — чудо. Вы утверждаете, что вы — обычная женщина, и я вам верю. Я верю всему, что вы говорите о себе, хотя мне трудно считать женщину из другого мира вполне обычной, а кроме того, вы оказались здесь, в Морданте, во время великого кризиса. И если в вашем мире нет воплотителей, то такое воплощение должно вам представляться невероятным.

Что же касается меня, то со мной никогда не происходило ничего экстраординарного. Я никогда не бывала в другом мире. Да что говорить, последние несколько лет я редко покидала даже Орисон. А на что похож ваш мир? Как вы живете там? — Она оживилась и даже слегка покраснела от любопытства. — И каково это — вот так просто шагнуть в зеркало и обнаружить, что все вокруг изменилось? И что делают в вашем мире зеркала, если их отливают не для магии?

— Пожалуйста... не столько вопросов сразу. — Териза невольно улыбнулась, заметив восхищение во взгляде Мисте. — У нас вообще нет ничего магического. Зеркала просто... — она попыталась найти точное сравнение, — просто отражают. Они показывают лишь то, что стоит перед ними. Если они плоские. Если же они не плоские, то все равно отражают то, что перед ними, только искажая пропорции.

В моей квартире... — Она засмущалась. Ей еще никому не приходилось признаваться, что она завесила все стены своей комнаты зеркалами, чтобы постоянно иметь возможность убеждаться в собственном существовании. Дрогнувшим голосом она закончила: — Там у меня множество зеркал.

— Тогда вы, должно быть, очень умны, — пробормотала Мисте, словно бы выдавливая из себя каждое слово.

— Умна? Почему же?

— Вы можете видеть себя такой, какая вы есть. Вы можете видеть все так, как оно есть на самом деле. У меня нет такой возможности. А те, кто смотрит на меня, делают это с предубеждением, они относятся ко мне как к королевской дочери, а вовсе не как к женщине, и часто выглядят просто сконфуженными. Никто из нас не знает достоверно, как он выглядит в глазах окружающих.

— Но у нас все точно так же, — заметила Териза, — и точно такая же предубежденность. Мы ведь смотрим лишь на внешность. Все, что нас заботит, — это внешняя оболочка. — Она старалась быть искренней. — Я, конечно же, видела, что собой представляю. Но все равно не знаю, какая я. Внешность не помогает узнать, какова я на самом деле.

Мисте такая точка зрения казалась смешной и трогательной.

— Значит, вы считаете себя неумной?

— Мне кажется, я не знала никого, кто был бы по-настоящему умен, — ответила Териза после короткого раздумья. — Разве что можно было считать признаком ума бесполезное самоотречение преподобного Тэтчера.

Леди улыбнулась.

— Тогда вы наверняка ошибаетесь, Териза. Вы действительно самая умная женщина в Орисоне, потому что не похожи на тех, кто считает себя умным. Вы знаете разницу между реальным и кажущимся и не пытаетесь судить об одном на основании взглядов другого.

— Это вы называете умом? — Теризе хотелось рассмеяться уже просто из-за того, что Мисте была довольна. Веселый нрав леди Мисте подчеркивал ее родственную связь с королем: ее улыбка была такой же обезоруживающей и очаровательной, как у него. — Разве тот факт, что я *ничего* не понимаю, не говорит против меня?

Мисте снова рассмеялась.

— Ну конечно же, нет! Понимание — это дело королей и мудрецов, а не обычных женщин. И оно всегда ошибочно. Потому что зависит от знания тех вещей, о которых знать что-либо невозможно, — от знания того, чего увидеть нельзя.

Скажу вам откровенно, Териза, в Элеге мне хотелось бы видеть меньше понимания и больше мудрости. Вы мудрее ее.

Какое-то время они молчали, погрузившись в серьезные раздумья, потом Мисте спросила:

— Так откуда же такая мудрость? Расскажите мне о своем мире. Какие там у вас нужды и обязанности? Как вы проводите свои дни?

Несколькими минутами раньше этот вопрос смутил бы Теризу. Но дружелюбие Мисте развеяло все барьеры. И, не успев еще подобрать слова, Териза начала рассказывать о своей работе в миссии.

Раньше она никогда и ни с кем не обсуждала ее. Слова, казалось, сами цеплялись одно за другое, когда она описывала работу в миссии, человеческие обломки и реликты, о которых они заботились, условия, окружение; печатание на машинке, заполнение бланков и подшивание бумаг, свои отношения с преподобным Тэтчером; причины, подвигнувшие ее заниматься этой работой: она полагала, что на этом месте действительно способна хоть что-то сделать, потому что могла позволить себе получать нищенскую зарплату, потому что не считала для себя возможным заниматься чем-то более престижным или необходимым. Она рассказывала все это без перерыва, пока некое несоответствие между тем, что она говорит, и восторженным блеском в глазах Мисте не остановило ее. Леди поглощала каждую ее фразу так, будто слушала сказку о великих подвигах и страстной любви.

Териза виновато сказала:

— Простите. Я не хотела рассказывать такую чепуху.

— Это же просто чудо, — выдохнула леди. — Простите меня за то, что я повторяюсь, но какой же странный существует мир! И вы — часть его.

— Очень маленькая часть, — поправила ее Териза. — И с каждой минутой становлюсь все меньше. Преподобный Тэтчер, наверное, уже успел найти мне замену. — Да и у отца наверняка нет никаких причин желать ее возвращения.

Мисте восторженно поднялась с кресла.

— Но в этом-то все и дело. — Она зашагала взад-вперед по ковру, глядя при этом на все что угодно, кроме собеседницы. — Вы обычная женщина, и вы говорите, что ваша жизнь в вашем мире совершенно обыденна. Но как странно это звучит для меня! А ведь я тоже обычная женщина.

Я королевская дочь — ну и что? Это лишь случайность, просто факт моего рождения. Это обязывает меня хорошо одеваться и командовать слугами. А в остальном, мне кажется, я — обычная женщина, и это прекрасно.

Я окружена людьми неудовлетворенными. Отсутствие у Элеги влияния приводит ее в ярость. Джерадин доводит себя неизвестно до чего, пытаясь обрести такое Мастерство, какого ему все равно никогда не достичь. Половина Гильдии хочет избавиться от ограничений и всяких не нужных им дел, чтобы заняться только исследованиями. Остальные Мастера жаждут власти над Мордантом. Жизнь Смотрителя Леббика крутится вокруг женщины, и тем не менее в своем горе он ненавидит всех женщин. Аленд и Кадуол стремятся нарушить мир, который принес им больше пользы, чем все века войн.

Териза, я не оправдываю бездеятельность моего отца. Я просто не *понимаю* этого. Я в достаточной мере его дочь,

чтобы осознавать важность борьбы и необходимость риска. Пассивность меня не удовлетворяет. Но мы должны понимать, что не так уж это ужасно — быть теми, кто мы есть на самом деле.

И вы — тому доказательство. — Мисте повысила голос, чтобы придать словам больший вес. — По своим запросам вы — самая обычная женщина, без какого-либо опыта обращения со сверхъестественными силами и без предрасположенности к этому. Но ваша жизнь тем не менее вовсе не бессмыслица. Великие силы бурлят сейчас по всему Морданту, и вы тоже во все это вовлечены. Нет ни единой жизни, которая не была бы важна; каждый может в любой момент соприкоснуться с величием, да и не только соприкоснуться, но и удержать его в своих руках.

Териза пристально смотрела на Мисте. С отчаянием, которое удивляло ее саму, она хотела воскликнуть: «*Величие?* Это невозможно даже вообразить. Что общего могу *я* иметь с *величием?*»

К счастью, Мисте почти сразу же сообразила, какой эффект производят ее слова. Отгоняя прочь всю свою серьезность, она рассмеялась и тут же снова стала застенчивой.

— Элега, — сказала она, демонстративно пожимая плечами, — хоть и не говорит этого прямо, но считает меня бездумной. Она полагает, что «романтические настроения» находят на меня потому, что я не удовлетворена своей жизнью. — В ее голосе появилась нотка печали. — Но отец всегда уважал мои убеждения. Он любил меня за них, и это еще больше крепило наши узы. — Ее лицо стало суровым. — Но с тех пор как он изменился, для нас обеих стало невозможно беседовать с ним.

Териза слушала, сдерживая свои чувства. Но ведь в этом больше нет необходимости, не так ли? Она свободна, разве не так? Прошлого больше не существует. Все, что она когда-то говорила или делала, не имеет значения. Она вполне может сказать Мисте правду. Териза медленно выпустила воздух из легких и попыталась расслабиться.

— Мой отец никогда не менялся. Он всегда был именно таким.

— Вы имеете в виду — пассивным? — спросила Мисте. — Потерянным и одиноким?

— Нет. Я хочу сказать, что с ним всегда было невозможно о чем-либо поговорить.

Постепенно, словно зверушка, выбирающаяся из норки после урагана, она начала улыбаться. Только что она критически отозвалась о своем отце — и ничего ужасного не произошло. Может быть, несмотря ни на что, дружба все же возможна?

Они снова сидели рядом. Лицо Мисте было спокойным и располагающим к откровенности.

— Расскажите мне о нем, — попросила она.

Но именно в этот момент Саддит постучала в дверь и вошла в комнату с подносами.

Териза не желала исповедоваться при служанке и поспешно встала — быстрее, чем следовало, — чтобы поблагодарить Саддит и помочь ей накрыть на стол.

Если Мисте и удивляли манеры Теризы, она ничем не выказала этого. Похоже, она тоже чувствовала, что между ними происходит нечто значительное, требующее уединения, и потому не стала продолжать разговор. Когда Саддит снова вышла, Мисте начала демонстрировать удовольствие, доставляемое едой, и держала свое любопытство в узде.

Проникнувшись деликатностью Мисте, Териза какое-то время была занята только мясом, запеченным в тесте. Потом, желая ненадолго сменить тему ранее начатого разговора, она задала практичный вопрос, из числа тех, интересоваться которыми приучила ее работа в миссии: как Орисон умудряется так хорошо кормить столько народу в середине зимы?

Мисте рассказала о системе снабжения Орисона пищей и материалами. На протяжении веков экономическая система держалась за счет войн, в которых владыки-лорды отстаивали свою привилегию брать то, в чем они нуждаются, силой. В результате этих кровопролитных сражений численность населения Мордана уменьшилась почти в десять раз, несмотря на постоянное пополнение человеческих ресурсов. Одним из самых знаменательных деяний короля Джойса было то, что он заменил войну торговлей. И постепенно сделал Орисон основным покупателем и продавцом всего, что Мордант производит и в чем нуждается. Все поселения Демесне и все провинции Мордана торговали с Орисоном, и Орисон использовал доходы от этой торговли, чтобы снабжать жителей всем необходимым; богатство, таким образом, действовало как удобрение, принося королевству Джойса еще большее богатство. Подобная же система торговли установилась с Алендом и Кадуолом — они испытывали такую нужду в ресурсах Мордана, что не могли не пойти на сделку с королем Джойсом. Эти доходы тоже унавоживают почву благосостояния Мордана. В результате все провинции почти совсем избавились от последствий кровавого режима, с которого начиналось правление короля Джойса.

Теризу подробности не слишком интересовали, но все же она была благодарна Мисте за объяснения. Только что она критиковала своего отца — и не была наказана. Когда леди закончила, Териза отреагировала на ее рассказ применительно к себе.

— Может быть, вам это покажется нелепым, но я только что сообразила, что так ни разу и не вышла из замка с тех пор как появилась у вас. — Она посмотрела на окна с толсты-

ми стеклами и морозными узорами на них. — Я даже не представляю, как там, снаружи.

Мисте отложила в сторону вилку и промокнула губы салфеткой.

— Я понимаю ваше удивление. Ваш мир кажется странным мне, и точно так же наш слишком необычен для вас. И тем не менее всех нас строго предупреждали, — на ее лице отразились внутренние колебания и сомнения, — не сообщать вам никаких «секретов». Но ваша способность воспринимать все это нормально... Однако довольно — я уже говорила, что вы изумляете меня.

Как это все произошло, Териза? У меня ведь нет никакого представления о самом процессе воплощения. — В ее голосе послышались новые интонации. — Я никогда не проходила через зеркало в другой мир... Впрочем, это еще одно из моих «романтических настроений», — призналась она. — Мне кажется, что такие события в жизни любого человека должны быть знаменательными, в какой-то мере переломными, изменяя его столь же основательно, как это происходит и с окружающим его миром.

— Нет. — Териза вспомнила свои ощущения затерянности и исчезновений. — Не думаю, что это изменило меня. — Она чуть не добавила: я бы очень хотела, чтобы это произошло. — Это продолжалось слишком недолго.

Это похоже, — произнесла она внезапно, — на умирание без боли. В одно мгновение вся жизнь утекает из тебя; все, что ты знаешь или понимаешь, все, что заботит тебя, растворяется в пустоте, ты больше не существуешь и бессильна что-либо сделать. Однако это не больно.

Я имею в виду, что нет физической боли, — пояснила она. — И нет боли психологической. К этому просто неприменимо понятие «боль». Может быть, потому, что мир вокруг вовсе никуда не исчезает, а просто как бы замещается чем-то другим. Вы понимаете? Я думаю, это единственная причина, которая помогла мне выдержать.

Мисте робко улыбнулась в ответ — она услышала то, что соответствовало ее представлениям и надеждам.

— Я не совсем понимаю. Элега сказала бы, что вы говорите глупости. Воплощение — это лишь переход в другое состояние бытия, и ничего больше. Но в том, что вы сказали, есть нечто, — ее рука бессознательно сжалась в кулак, — что не кажется мне глупым.

Ибо, возможно, лишь смерть придает жизни смысл.

Но я не умерла, хотела было запротестовать Териза. *Это не то, что я имела в виду. Меня вообще не было.*

Однако неспособность внятно объяснить свои ощущения вынудила ее промолчать.

— Териза, — сказала Мисте тихо, не глядя на нее, — вы дали мне пищу для размышлений. Вы сказали, что не

обладаете мудростью, — в ее голосе чувствовалось все возрастающее воодушевление, — однако я не встречала еще таких глупцов, которые заставили бы меня серьезно пересмотреть свои взгляды на жизнь.

— Только не надо обвинять в этом *меня*. — Териза не смогла сдержать улыбку. — Я ведь не делаю это преднамеренно.

Мисте рассмеялась. Териза с радостью присоединилась к ней.

Они продолжали хохотать, словно старые подруги, когда Саддит постучала в дверь и снова появилась в комнате. Она покраснела и тяжело дышала, как будто преодолела несколько лестничных пролетов.

— Миледи Териза, — сказала она, ловя ртом воздух, — миледи Мисте, вас ожидает король. Есть новости. И очень важные. Приказано, чтобы вы явились в зал для аудиенций. Все знатные лорды и леди Орисона должны собраться там.

— Это действительно новость, Саддит, — согласилась Мисте. Изумление отразилось на ее лице, когда она посмотрела на служанку. — Мой отец не собирал Орисон в зале для аудиенций уже больше года. По какому поводу он собирает всех?

— Прибыл посол, миледи, — ответила Саддит, все еще не отдышавшись. — Посол Аленда — и посреди зимы! Ему, видимо, это обошлось недешево — сколько времени, людей и продуктов! И поговаривают, что это сам принц Краген! Что могло привести сюда сына алендского монарха, несмотря на все трудности, да еще когда весь Мордант знает, что Аленд жаждет войны, а вовсе не мира?

Мисте проигнорировала этот вопрос.

— И он просит аудиенции у короля Джойса?

— Просит, миледи? Он *требует*. Так говорят.

— И король решил пойти навстречу требованию принца, — продолжала Мисте. — Это хорошо. Может быть, даже очень хорошо. Возможно, дела королевства снова начали беспокоить его.

Териза, мы должны идти. — Она направилась к двери. — Такое никак нельзя пропустить.

После того что рассказал ей Мастер Квилон, Териза могла оценить важность новостей Саддит. Она без колебаний последовала за королевской дочерью.

Наверное, это и означало свободу. Она могла критиковать своего отца и делить восторг со своим другом, не беспокоясь о последствиях.

Когда они углубились в лабиринт коридоров замка, Мисте свернула в новом для Теризы направлении. В этой части Орисона проходы были более просторными, чем в других местах; потолок выше; стены дальше отстояли друг от друга; пол до гладкости истерт ногами многих поколений. Зимний солнеч-

ный свет через окна в арках между опорами потолка изливался на цветную мозаику витражей, словно бы проросших из камня; у знамен стояли стражники с приставленными к ноге пиками. Эта часть замка выглядела более официальной и менее обжитой, чем другие места Орисона.

Несколько групп мужчин и женщин двигались в том же направлении, что и Мисте с Теризой. Среди них попадались офицеры гвардии; все остальные были облачены в роскошные одежды, выдающие их высокое происхождение. Почти каждый радушно кивал им, приветствовал леди Мисте уважительно или по-дружески. Она отвечала с равнодушной вежливостью; так же как взгляд, все ее внимание было устремлено куда-то далеко вперед. Некоторые из тех, кто обгонял их, открыто пялились на Теризу. В своем наряде, кажущемся им необычным, она чувствовала себя среди этих людей голой.

Она в смущении посмотрела по сторонам и обнаружила, что Саддит с ними нет. Видимо, челяди не дозволялось присутствовать на аудиенции в честь посла Аленда. Она пожалела об этом: ей не хватало поддержки Саддит и ее советов.

Поток людей вливался в стрельчатые двери приблизительно в двенадцать футов высотой; к ним примыкала красочно расписанная галерея. Эти двери и вели в зал для аудиенций.

Он напомнил Теризе собор — по своим размерам и оформлению. Каменные стены почти везде были обшиты деревянными панелями с изображениями персонажей и сцен, которые не говорили ей ровным счетом ничего. По краям панелей шли затейливые узоры и резные фигурки. Эта художественная облицовка поднималась на двадцать или тридцать футов к сводчатому потолку. Темно-коричневое дерево придавало залу мрачный вид; но от высокого потолка, простора и свежего воздуха исходила некая торжественность. Свет шел от узких окошек в два ряда, расположенных почти под потолком, от множества высоких канделябров, стоявших вдоль стен, и масляных ламп по углам. Ароматические добавки в горящем масле наполняли зал запахом сандала.

В дальнем конце напротив дверей стояло сооружение, которое было не чем иным, как трон короля Джойса; массивное кресло из черного дерева на деревянном постаменте в четыре или пять ступеней доминировало над окружающим пространством. Пол зала большей частью был ничем не покрыт, только широкая полоса толстого роскошного ковра тянулась от дверей до первой ступени, ведущей к трону. С трех сторон открытого пространства расположились ряды скамей, похожих на церковные, на них рассаживались люди, входящие в зал.

Все они замолкали, едва только проходили через высокие двери. Атмосфера зала, казалось, действовала на них усмиряюще.

Оглядевшись, Териза обратила внимание еще на одну любопытную деталь: над панелями со всех четырех сторон зала нависал балкон, и стражники, стоящие на нем, были вооружены луками.

Кроме галереи, больше нигде в зале стражников не было, только у дверей стояли два и еще по одному с обеих сторон трона, но их было достаточно, чтобы Териза втянула голову в плечи, размышляя, сколько же должно было совершиться покушений в Орисоне, прежде чем король Джойс или его предки соорудили балкон для защиты. Это была надежная охрана. Пока гвардейцы остаются верными своему королю, он, пожалуй, может не бояться никого, кто бы ни появился в этом зале.

Следом за леди Мисте Териза миновала череду скамей и направилась к королевскому трону. По обе стороны возвышения стояли ряды кресел — места специально для тех, кто делил с королем бремя власти или пользовался его благосклонностью.

Ближайшее кресло справа от трона занимал Смотритель Леббик. Гневный взгляд и пурпурная лента, повязанная поверх коротких седых волос, делали его похожим на одержимого.

Териза обрадовалась, что ей не придется сидеть возле него. Там расположились офицеры, бывшие у него в подчинении; большая группа кресел предназначалась для Мастеров, среди которых Териза узнала Гилбура, Барсонажа и Квилона. (Квилон? Почему он не работает вместе с Джерадином?) Мисте повела Теризу влево от трона, где они присоединились к леди Элеге и нескольким пожилым мужчинам, которые напоминали скорее советников, чем придворных; Мисте представила их: Распорядитель Коммерции, Распорядитель Тайных Фондов. Все они пялились на Теризу так, словно она свалилась с Луны.

Элега проявила большее радушие.

— Я рада, что вы тоже здесь, — прошептала она, усаживая Теризу в кресло рядом с собой. — Я боялась, что вас найдут слишком поздно или что Мисте убедит вас, будто аудиенция не заслуживает вашего внимания. — Казалось, она хотела обидеть Мисте, но та не обращала на их разговор ни малейшего внимания. — Сам Краген, Териза! Сын Маргонала, алендского монарха, и принц Вассалов Аленда. Представляете! Он проделал расстояние от Скараба до Орисона среди зимы. Несомненно, его требования должны быть бескомпромиссными и ужасными. Так что отец сейчас либо поднимется до уровня своего королевского величия, — ее глаза сияли от возбуждения, — либо покажет всем, как мало его заботят нужды Морданта.

— Элега, он наш отец, — пробормотала Мисте себе под нос. — Даже если он окончательно потерял разум, он все равно заслуживает нашего уважения.

Элега тихо хмыкнула.

— Пусть передаст кому-нибудь бразды правления, раз выжил из ума. Тогда мы будем уважать его как отца, не презирая при этом как короля, впавшего в маразм.

Териза заметила, что Леббик поглядывает на них так, будто слышит каждое слово и ненавидит их за это.

Его взгляды повергли ее в неописуемый ужас, и прошло какое-то время, прежде чем она сообразила, что все двери в зал уже закрылись.

На балконе каждый стражник снял с плеча лук и приставил к тетиве стрелу. Териза невольно схватила за руку Мисте. Но леди покачала головой и улыбнулась, успокаивая ее.

Смотритель поднялся. Глядя на сидящих, он официально объявил:

— Лорды и леди, внимание. — Он не повышал голоса, и тем не менее тот достигал самых дальних уголков зала. — Вы все приглашены сюда на аудиенцию Джойсом, владыкой Демесне и королем Морданта.

И тут же король Джойс появился из-за возвышения, на котором стоял трон. Он был в той же мантии из пурпурного бархата, в которой Териза последний раз видела его. Золотой обруч поддерживал его белые волосы, но борода выглядела так, словно он только что проснулся и забыл расчесать ее. Правда, сейчас через его правое плечо спускалась перевязь, оканчивающаяся искусно сработанными кожаными ножнами, в которые был вложен меч; перекладину двуручного эфеса украшали драгоценные камни. Из-за тяжести меча король казался еще более ссохшимся и жалким в своей огромной мантии. Двигался он очень медленно.

За ним следовал Адепт Хэвлок.

Все присутствующие в зале поднялись и стали отвешивать поклоны, когда король взошел на возвышение и начал усаживаться на трон; затем, словно повинуясь сигналу, которого Териза не заметила, они выпрямились и молча застыли перед королем.

И тогда Адепт Хэвлок вышел на открытое пространство перед креслами, приплясывая.

Он перескакивал с ноги на ногу, подергивал головой, размахивал руками, высоко вскидывал колени.

Подол его грязной хламиды задрался, замызганная мантия съехала набок, босые ноги и жалкие кустики волос на голове, торчащие во все стороны, делали его похожим на отверженного, жалкое человеческое отродье, попавшее сюда прямо из какой-то грязной подворотни. Его кривой нос портил впечатление от того азарта, с которым он проделывал странные телодвижения, а губы сибарита и бегающий взгляд подчеркивали его безумие.

Он сам и его выступление были настолько невероятными, что Териза чуть было громко не рассмеялась. Все

смотрели на Хэвлока — или избегали смотреть на него — с чувством презрения, омерзения или ужаса. Кто-то, кого она не видела, громко, злобно пробормотал:

— Слава Королевскому Подлецу!

Смотритель Леббик пронзал Адепта таким взглядом, что хламида последнего должна была вот-вот загореться. При виде Хэвлока даже Мисте потеряла терпение: принцесса нахмурилась и прикусила нижнюю губу, а глаза ее заблестели от подступивших слез и ярости.

Однако сам Хэвлок не обращал никакого внимания на реакцию публики. В одной руке он держал источающее вонючий дым серебряное кадило, которым он помахивал словно погремушкой. Вскоре все с теми же ужимками и подскоками он приблизился к людям, вставшим со своих скамей, чтобы приветствовать короля, и начал прыгать перед отдельными личностями, размахивая кадилом, пока дым не вызвал у них кашель и слезоточивость, и выкрикивал, как бы подражая особым молитвам:

— В зале всё те же!

— Перескоки — это игра, в которую боги играют с судьбой.

— Двенадцать свечей было зажжено на столе, двенадцать раз по двенадцать вариантов безумия и тайн.

— Все женщины гораздо лучше одеты тогда, когда совершенно раздеты.

— Бабочки и одуванчики. Мы, в конце концов, не что иное, как бабочки и одуванчики.

Король Джойс взобрался на трон, поставил локти на подлокотники и подпер голову обеими руками.

— Слава королю Джойсу! — закричал дурным голосом Адепт Хэвлок, продолжая приплясывать перед двором и окуривать всех вонючим дымом. — Без него половина из вас была бы мертва. Остальные были бы рабами Кадуола.

Он выбрал симпатичную юную леди, чтобы как можно конкретнее выразить свои мысли.

— Если ты мертва от живота вверх, а нижняя часть жива, — он исступленно улыбнулся, — то тебя еще можно использовать.

Девушка до такой степени побледнела, что, казалось, вот-вот потеряет сознание. Но вместо этого она вдруг залилась нервным смехом, прикрываясь рукой.

Тогда Адепт остановился. Он посмотрел на нее в изумлении и негодовании, свободной рукой схватившись за лысую голову.

— Чушь все это! — завопил он и швырнул кадило через плечо. Оно раскрылось от удара о пол, угли вывалились на толстый ковер. С возмущением в голосе Хэвлок буркнул: — Не стоит тратить больше слов, миледи. Я вижу, что зря теряю время.

Он резко отвернулся от нее и направился к тому месту, откуда появился.

— Ты слышал меня, Джойс, — закричал он на короля, в ярости сжимая кулаки. — *Я просто зря теряю время!*

И исчез за возвышением.

Все присутствующие казались ошеломленными. Было очевидно, что обитатели Орисона вовсе не привычны к подобным выходкам Хэвлока; начались негромкие перешептывания, но они очень быстро стихли. На лице магистра Гильдии было безучастное выражение. Мастер Квилон прикрывал глаза рукой. Ненависть, смешанная с презрением, исказила черты Мастера Гилбура. Глаза Элеги горели яростью. Мисте выглядела так, словно в любую минуту готова разрыдаться.

Сквозь вонь кадила и запахи ароматических масел Териза различила запах горящей ткани. От тлеющих на ковре углей загорелся ворс.

Король Джойс поплотнее запахнул свою мантию. Его водянистые голубые глаза были пустыми.

Смотритель Леббик пришел в себя первым. Кипя от ярости, он вскочил со своего кресла, бросился к тлеющему ковру и принялся затаптывать угли. Затем посмотрел на короля со сжатыми у груди кулаками.

— Вероятно, вы понимаете суть представления, устроенного здесь Адептом, мой владыка король. — Голос его дрожал от гнева. — Я — нет. Мне было бы гораздо понятнее, если бы вы приказали *заковать его в цепи.*

И тут же опомнился. Без всякого перехода он объявил:

— Мой владыка король, принц Крагеи Алендский просит у вас аудиенции. Он утверждает, что прибыл сюда в качестве посла своего отца, Маргонала, алендского монарха. Будет ли позволено пригласить его?

Король ответил не сразу. Глубокий вздох вырвался из его груди.

— Мой старый друг умнее меня. Все это пустая трата времени. Но раз уж нам нужно в этом убедиться, давайте сделаем то, что следует сделать. — В его жесте согласия сквозило раздражение. — Пригласите принца Крагена. — И тут же добавил: — Пожалуйста, не мельтешите здесь. Вы утомляете меня.

Леббик обвел взглядом балкон и, кивнув, вернулся к своему креслу.

Вняв приказу отца, Мисте быстро села, Териза последовала ее примеру; Смотритель занял свое место. Вскоре и все остальные присутствующие расселись по местам.

Элега села последней; несколько секунд она одна стояла, глядя на короля, словно старалась силой воли заставить его вести себя так, как она хотела. Но Джойс не смотрел в ее сторону, и она уселась, гневно что-то бормоча себе под нос.

В этот момент высокие двери распахнулись. Где-то вдалеке зазвучали фанфары. Все обратили свои взоры на трех человек, появившихся у входа.

Один шел впереди, двое других на шаг отставали от него, и Териза сразу же предположила, что первый из них — принц. В его манерах была самонадеянность, а в поступи — королевская уверенность в себе. Черные кудри выбивались из-под остроконечного шлема, черные усы блестели, словно набриолиненные, черные глаза полыхали энергией. Церемониальный шлем и нагрудник из начищенной до блеска меди подчеркивали смуглость кожи, контрастируя с ней; сбоку висел меч в прекрасных медных ножнах. Шелк, облегающий его тело, подчеркивал тот же контраст, поигрывая при движении светом и тенью.

Судя по тому, что шедшие следом двое мужчин выглядели воинственно и настороженно, Териза решила, что это телохранители. Принц проигнорировал лучников, стоящих на балконе над ним; его спутники — нет.

Он шагал вперед, пока наконец не подошел к трону на такое расстояние, которое позволяло ему считать себя ровней королю Джойсу, но недостаточно близко, чтобы стражники восприняли это как попытку покушения на жизнь его величества. Он остановился, отвесил королю Джойсу изысканный поклон, который повторили его хорошо обученные спутники, и возгласил:

— Слава Джойсу, властителю Демесне и королю Морданта! Привет тебе от Маргонала, алендского монарха и лорда Вассалов Аленда, чьим послом я являюсь. — Тон его, как и улыбка, был предельно вежлив. — Великие дела затеваются нынче в мире. Времена сейчас суровые, и нелишним было бы правителям побратски советоваться друг с другом, чтобы вместе встречать опасность. Мой отец прислал меня в Орисон расспросить о многом и предложить кое-что, что может вызвать у тебя интерес.

Король Джойс не встал и никак не ответил на приветствие принца. Лишь мрачно пробормотал:

— Краген, не так ли? Да, я знаю тебя. — Старческое дребезжание голоса окрасило его речь нотками раздражения.

Улыбка принца стала более натянутой.

— Разве мы встречались, милорд король?

— Да уж, лорд принц. — Король Джойс сделал особое ударение на его титуле. — Ты должен помнить. Это было семнадцать лет назад. Ты возглавлял несколько эскадронов алендских всадников, пытаясь не дать мне добраться до одного из твоих воплотителей. Когда я разбил тебя, то отогнал затем к самой границе, дабы ты лучше прочувствовал свое поражение, а заодно и понял: не надо лезть в чужие дела. Ты был щенком-переростком, Краген, семнадцать лет назад, и я надеюсь, что за это время ты поднабрался ума-разума.

Принц Краген больше не улыбался. Не улыбались и его люди. Один из них что-то прошептал, что именно — Териза расслышать не могла. Однако держался Краген по-прежнему свободно и уверенно.

— Спасибо за напоминание, король. Сомневаюсь, что мне нужно было чего-то там поднабраться, потому что я всегда готов забыть прошлые обиды. По этой же причине я вовсе не держу на тебя зла. Как бы то ни было, но все-таки лучше, что я прибыл в качестве посла, а не в качестве противника, не так ли? А поскольку я здесь в качестве посла, тебе нет нужды гнать меня прочь или защищаться, отбиваясь от щенка-переростка.

Смотритель Леббик издал сквозь зубы шипение, которое было слышно во всем зале. Хотя он сидел на кресле, сложив руки перед собой, вид у него был такой, точно в любой момент он может сорваться со своего места и вцепиться принцу Крагену в глотку.

Король Джойс нахмурился.

— Я всегда говорил, — неторопливо ответил он принцу, — что щенок опаснее взрослой собаки. Собака научена опытом. У щенка же никакого опыта нет, и его поведение может быть непредсказуемым.

Глаза алендского посла подернулись желтоватым оттенком ярости. Но внешне он этого никак не проявлял, оставаясь по-прежнему спокойным и предупредительным. Всем своим видом он давал понять, что его нисколько не задевают оскорбления.

— Лорд король, ты держишь охотничьих собак? Я не знал, что ты развлекаешься подобным образом. Это одно из моих увлечений, можно сказать — страсть. Среди своих людей я не последний знаток охоты и могу уверить тебя, что никогда не встретишь щенка, который приносит добычу.

Руки короля вцепились в подлокотники трона.

— Это потому, — выдохнул он, — что собаки травят добычу *стаями*.

— Ох, отец, — тихо простонала Элега.

Раздражение спутников принца Крагена понемногу стало преобладать над здравым смыслом. Один из них взялся за рукоять меча, другой повернулся к королю боком и что-то горячо зашептал на ухо Крагену. Но принц решительно успокоил обоих резким взмахом руки. Он явно был настроен на мирную беседу, чего бы это ему ни стоило.

— Король, мне кажется, ты питаешь неприязнь ко мне — или к самому алендскому монарху. Если это так, то моя миссия призвана изменить такое твое отношение. Я готов вынести свои предложения на прилюдное обсуждение, если ты того желаешь. Но не лучше ли будет провести закрытую аудиенцию? Таково было мое предложение, как ты помнишь.

— Твое *требование*, как мне помнится, — прохрипел Смотритель.

— Однако, — сказал король, словно бы продолжая прерванный разговор, — я прошу прощения за то, что назвал тебя щенком. Ты действительно стал мудрее и этим отличаешься от своего отца.

Принц Краген снова изобразил на лице улыбку.

— О, я думаю, ты недооцениваешь аленского монарха, король, — произнес он, растягивая слова. — За эти годы он стал средоточием мудрости. Моя миссия служит тому подтверждением.

И вдруг, впервые за все время аудиенции, принц отвлекся от короля. Все так же улыбаясь, он сказал:

— Ты Смотритель Леббик, не так ли? Если ты не придержишь язык, как подобает цивилизованному человеку, я тебя удавлю.

Териза замерла; несмотря на мягкость тона, слова принца звучали угрожающе. Она услышала удивленные возгласы в зале. Стражники крепче сжали оружие; офицеры Леббика вскочили с мест. Мисте была встревожена, а Элега смотрела не то на Смотрителя, не то на принца — Териза не могла определить, на кого именно — с восторгом и завистью.

Леббик медленно поднялся на ноги, медленно повернулся к королю. Затем дождался тишины, чтобы заговорить с его величеством.

Король Джойс сидел, откинувшись на спинку трона. Казалось, он морщился. Не давая Леббику заговорить, Джойс слабо произнес:

— Я хотел бы, чтоб ты наконец перешел к делу, Краген. Я слишком стар целый день тягаться с тобой в остроумии. — И добавил, обращаясь к Смотрителю: — Садитесь, Леббик. Если какой-то щенок попытается навредить кому-нибудь или чему-нибудь в Орисоне, то он получит по заслугам. Я уверен, что вы скормите его кишки воронам.

Смотритель Леббик посмотрел на Крагена и кивнул.

— С удовольствием, — пробормотал он, усаживаясь.

Териза слышала, как Элега и многие другие ахнули. Одни — облегченно, другие — разочарованно.

Голос короля Джойса стал более твердым.

— У нас мало поводов любить Аленд. Поэтому я спрашиваю тебя прямо, Краген: зачем ты здесь?

Принц произнес как ни в чем не бывало:

— Я отвечу так же прямо, король. Аленский монарх хочет знать, что происходит в Морданте. Он желает покончить с хаосом слухов и предположений. И... — принц Краген сделал паузу, подчеркивая драматичность момента, — он предлагает заключить с ним союз.

Реакция зала была адекватной его заявлению. Не в силах больше сдерживать себя, Элега вскочила на ноги — так же, как, впрочем, и Смотритель, и двое из его офицеров, и Мастер Барсонаж. Мастер Квилон застыл с открытым ртом. Шепот изумления пополз по рядам, поднимаясь к потолку. Прижав руку ко рту, Мисте с надеждой и волнением смотрела на отца.

У Теризы не было оснований разделять враждебность Смотрителя Леббика. Насколько она могла судить, принц сейчас произнес первые разумные слова в этом зале для аудиенций.

— Союз? — прохрипел Леббик. — С Маргопалом? Дерьмо собачье.

Один из его офицеров подхватил:

— Неужели алендский монарх полагает, что мы окончательно потеряли разум?

Однако нашелся один, кто воскликнул:

— А что, если мы объединимся против Кадуола? Ведь верховный король собирает свои армии за Вертигоном! Вердон предупредил об этом!

И тут же Мастер Барсонаж возразил Смотрителю:

— Союз? Союз против нашей погибели? — Он с горячностью обратился к Джойсу: — Мой владыка король, вы должны согласиться! — Теризе вдруг показалось, что сейчас он перейдет на крик. — Вы должны согласиться, и тогда Гильдии не придется призывать Воина.

Не менее страстно его поддержала леди Элега:

— Отлично сказано, принц Краген! Молодец.

Но король ничего не говорил, пока шум в зале не стих. Он как будто не удивился. Его лицо было напряженным, словно он с трудом сдерживал зевоту.

Наконец наступила тишина. Смотритель Леббик и все остальные нехотя расселись по местам. Постепенно общее внимание сосредоточилось на короле Джойсе.

Что-то пробормотав себе под нос, он выпрямился на троне. Его обруч сбился набок, пряди волос упали на лоб.

— Союз, принц Краген? После стольких десятилетий вражды? Почему я должен соглашаться на союз?

— Король, не имею об этом ни малейшего понятия, — ответил принц спокойно. — Фактов у меня нет, но слухи, доходящие до нас из Морданта, говорят, что вам необходим союз и что нужда в нем все возрастает. Потому-то алендский монарх и решил предложить свою помощь.

— Что заставило алендского монарха решать за нас, в чем именно мы нуждаемся?

Принц деликатно пожал плечами.

— Я вынужден повторить, что до него доходят лишь слухи. Но суть этих слухов вполне однозначна. — Он кив-

нул мимо Леббика на Мастеров. — Похоже, некоторые — возможно, даже многие — из ваших воплотителей действуют против вас же самих.

— Это невозможно! — моментально возразил Мастер Барсонаж. — Вы ведете себя оскорбительно, милорд принц.

Король Джойс проигнорировал замечание магистра.

— А что алендский монарх надеется получить от такого союза?

— Твое доверие, король.

Териза усмотрела в этом здравый смысл.

Но король Джойс отреагировал совсем иначе. Он подался вперед, сомнение ясно читалось на его лице.

— Что? *Доверие?* Он не желает захватить половину Кадуола? Он не жаждет заполучить собственных воплотителей?

— Как я уже сказал, — терпеливо объяснил принц Краген, — алендский монарх стал намного мудрее. Он понимает, что между правителями такое вполне приемлемо, и когда они верят друг другу, для них нет ничего невозможного. Конечно же, он нуждается в ресурсах воплотимого для своих людей. Конечно же, он жаждет получить богатства Кадуола, приобрести то, что есть у Морданта и чего не хватает Аленду. Но он понимает, что эти желания неисполнимы, если не будет доверия. А доверие должно с чего-то начинаться.

Он предлагает вам свою помощь и ничего не просит за это. Если то, чего он хочет, может быть достигнуто, это приведет к дальнейшему сотрудничеству — его помощь убедит тебя в искренности его намерений.

— Понятно. — Король Джойс снова откинулся на спинку трона. — Несомненно, это объясняет, почему Маргонал собрал возле границ Армигита и Файля колоссальную армию. Ко мне уже просочились слухи об этом.

— Тогда ты, должно быть, знаешь еще и то, — невозмутимо ответил принц, — что верховный король Фесттен готовит вторжение на твою территорию. Без сомнения, — он позволил себе ноту сарказма, — он хочет воспользоваться твоей слабостью — вернее, затруднениями, — чтобы завоевать королевство, поработить провинции и захватить всех воплотителей для себя одного. Я думаю, ты понимаешь, король, что алендский монарх не может позволить этого Кадуолу. Если ты не согласишься на союз, он будет вынужден выступить против верховного короля. Потому что созданная тобой Гильдия не должна попасть в плен.

— Вот это правда, — заметил король. — Это — чистая правда. — И надолго застыл, уставясь в потолок с открытым ртом и пощипывая бороду, словно погруженный в глубокие раздумья. Его глаза были закрыты, и Териза внезапно подумала: «О нет! Он, похоже, собирается спать». Однако он внезапно посмотрел вниз на принца Крагена и улыбнулся.

Улыбка светилась на его лице подобно солнцу.

— Милорд принц, — впервые за время аудиенции он казался действительно чем-то довольным, — ты играешь в перескоки?

Териза почувствовала спазм в горле от накатившей на нее паники, когда принц ответил:

— «Перескоки», король? Я не знаком с такой игрой.

— Это игра, — дрожь в голосе короля была подобна пылу страсти, — которую я нахожу весьма поучительной.

Он хлопнул в ладоши. Териза невольно вздрогнула. Мисте и Элега смотрели на отца с напряжением и тревогой.

В то же мгновение деревянная ширма на краю зала раздвинулась, оттуда вышли двое слуг с небольшим столиком. За ними следовали еще двое, каждый с креслом. Держа головы низко склоненными, они опустили свою ношу на широкий ковер, расположив стол и кресла так, чтобы те оказались между принцем и основанием трона короля Джойса. Пока лорды и леди Орисона в изумлении наблюдали за происходящим, кресла были повернуты так, словно приглашали короля и принца сесть за стол. Затем слуги удалились, ширма закрылась.

Териза была шокирована. Она узнала стол и кресла: последний раз она видела их в апартаментах короля Джойса.

Доска для игры стояла на столе, все шашки расставлены на исходных позициях.

— О отец, — прошептала Мисте, — как ты мог докатиться до этого?

Элега побагровела от стыда и отчаяния.

— Он просто *безумен*, — ответила она. — Безумен!

Но король Джойс не обращал никакого внимания на реакцию окружающих. Подавшись вперед, он сказал принцу:

— На первый взгляд игра кажется простой. Даже ребенок может играть в нее. Но есть в ней свои подводные камни. В общем, цель ее — заставить противника выигрывать битвы против тебя так, чтобы в итоге он проиграл войну. Не хочешь ли попробовать сыграть?

— Я? — Принц Краген не смог сдержать удивления. — Как я уже сказал, мне эта игра не знакома. Я с удовольствием понаблюдаю за ней, коль на то будет твоя воля. Если, конечно, — заметил он едко, — у тебя нет ничего лучшего для аудиенции. Но играть в нее я не умею.

— Глупости. — В голосе короля зазвучали нотки, которых Териза раньше не слышала, нотки повелительные, не допускающие возражений. — Я настаиваю. Перескоки — превосходная игра для титулованных особ.

— Я вынужден отказать вам. — Краген говорил спокойно, но на лбу его выступила испарина. — Король, я

провел почти тридцать дней на заметенных снегом дорогах, добираясь из Скараба в Орисон, потому что миссия, возложенная на меня алендским монархом, не терпела отлагательства. Я не хотел бы, чтоб решение затягивалось даже на день. Но уж если так складываются обстоятельства, я подожду. Можем ли мы встретиться завтра, в менее официальной обстановке?

Король остановил его мановением руки. Откашлявшись, чтобы прочистить горло, он сказал:

— Я хочу быть хотя бы по возможности честным. Пусть я так и не стал достойным соперником Адепта Хэвлока, но опыта уже поднабрался. Нет, милорд принц, — возвысил он голос, — я не видел тебя уже семнадцать лет. Твои силы и способности мне неизвестны. И потому я выставлю сыграть с тобой того, чьи способности мне также неизвестны.

Внезапно — впрочем, ее предупредила растущая внутри нее тревога — Териза услышала, как король официально объявил:

— Миледи Териза де Морган, не будете ли вы любезны проверить ради меня способности принца Крагена?

Все в зале смотрели сейчас на нее. Лицо ее горело. Она глянула вверх, на короля Джойса. Перед всеми этими людьми?.. Страх сделал ее зрение острым, словно расстояние между ними уменьшилось. Она видела вены, пульсирующие на висках короля под старческой тонкой кожей. Волосы, свисающие на лоб, делали его нелепым. Но он улыбался.

И улыбка его не потеряла своей силы. Она успокаивала Теризу, словно обещание, что король ее не обидит; служила подтверждением того, что она слишком ценна, чтобы с ней обращались плохо; поддерживала веру в то, что она справится с его просьбой. Улыбка была невинной и чистой, и Териза не могла не уступить.

Еще не решив, что ей делать, она встала и направилась к принцу Крагену.

И тут же пожалела о своем поступке. Она слишком хорошо понимала суть происходящего, чтобы не пытаться перечить прихоти короля, но при этом вовсе не была уверена, что поступает правильно. К тому же почти все важные особы Орисона смотрели сейчас на нее. Как дочь своего отца, Териза не сделала бы этого.

Она с трудом заставила себя встретиться взглядом с принцем.

Его густые черные брови сошлись на переносице, и он, похоже, покусывал щеку. Куда делись его вежливость и благородные манеры? Он не улыбнулся, не кивнул, не приветствовал ее. Желтоватый блеск в его глазах усиливался по мере того, как росла его ярость. Он, казалось, был в таком напряжении, что в любой момент мог схватиться за меч.

Она подошла к нему так близко, насколько ей позволяла смелость, — их разделяло примерно десять футов.

— Миледи, — ей казалось, что король Джойс говорит из дальнего конца туннеля, — позвольте представить вам Крагена, принца Вассалов Аленда и сына Маргонала, алендского монарха. Милорд принц — леди Териза де Морган.

Миледи, я уверен, что принц позволит вам сделать первый ход. — И король указал ей на кресло, обращенное в сторону принца и его спутников.

Принц повернулся к королю Джойсу спиной.

— Не старайтесь понапрасну, миледи, — сказал он, — я не буду играть.

— А я думаю, будешь. — Голос короля уже не казался старческим или невинным. Он звучал как голос владыки, терпение которого начинает истощаться. — Пожалуйста, садитесь, миледи.

Териза беспомощно подошла к креслу, указанному королем, отодвинула его, села за стол и сосредоточила все внимание на доске, не рискуя смотреть на принца Крагена. Ей казалось, что если она встретится с ним взглядом, то он заставит ее провалиться сквозь землю. Весь зал внимательно следил за ней. Воздух был насыщен тревогой и сомнениями.

Но так ли уж она была беспомощна? Если ее создало зеркало, то все, что она о себе знала, все ее прошлое могло быть просто иллюзией. В таком случае она предназначена для этого мира. Она была создана для того, чтобы оказаться здесь, и ничто из предначертанного не могло оказаться для нее слишком сложным.

— Ты совершаешь ошибку, король. — Несмотря на то что принц говорил тихо, в его голосе было столько же взрывной энергии, сколько ее могло быть в крике. — Теперь я понимаю тебя. Когда я пришел к тебе послом от моего отца и испросил аудиенции, ты незамедлительно решил поглумиться надо мной. И выбрал для этого публичное издевательство, хотя я предпочитал частную встречу. Ты с самого начала планировал озадачить меня этой... — он проглотил проклятие, — *игрой*. Ты здесь заранее все подготовил, ждали лишь твоего сигнала. Без сомнения, ты выбрал леди Теризу де Морган потому, что хочешь таким образом сделать насмешку более изощренной. Честное слово, король, я удивлен, что ты вообще удосужился подождать, пока я объясню цель своей миссии, прежде чем начать это издевательство. Достаточно. Я возвращаюсь к алендскому монарху и сообщаю ему, что ты не желаешь союза.

— Ну уж нет! — Тон короля был таким, что Териза залилась краской. — Ты сядешь и будешь играть.

— Нет.

— Клянусь своим мечом, *да!* Я пока еще король Морданта, и все здесь подвластно моей воле!

Прежде чем принц или его телохранители успели отреагировать, Смотритель Леббик подал сигнал. По всему периметру балкона стражники натянули луки, далеко оттягивая тетиву.

Все они целились в Крагена.

— Предательство! — выдавил один из телохранителей. К счастью, у него хватило ума оставить меч в ножнах.

— Предательство, да? — прохрипел Смотритель Леббик со злорадством. — Держи язык за зубами, как положено цивилизованным людям, иначе я скормлю тебя свиньям.

Принц Краген медленно описал взглядом полный круг, изучая балкон, ширмы, расположение скамей и кресел. Выхода не было. Он снова взглянул на короля Джойса: его лицо при этом было непроницаемым. Весь зал беззвучно смотрел на него.

Внезапно тишину прорезал неистовый выкрик леди Элеги:

— Уходи! — В нем была такая боль, словно ее пытали. — Оставь эту безумную затею. Ты — посол. Твоя миссия — мирная. Если он убьет тебя, то весь Мордант будет проклинать его до самой могилы!

Принц даже не посмотрел в ее сторону. Он молчал.

Одним быстрым движением он бросил себя за стол напротив Теризы и скрестил руки на груди, глядя на нее, и его взгляд казался пикой, пронзающей ее насквозь.

Король Джойс ничего не сказал. Смотритель Леббик ослабился и тоже промолчал. Мастер Квилон как будто совсем исчез из поля зрения. Обе дочери короля тихо сидели на своих местах. Никто не собирался прийти на помощь Теризе.

И только она могла спасти принца.

Она не смотрела ему в лицо; все ее внимание сосредоточилось на доске. Ей казалось невероятным, что когда-то она действительно играла в эту игру. Слугу, который научил ее играть, выгнали. Возможно, он был ее другом, даже не собираясь становиться им. Может быть, поэтому его и выгнали. В состоянии, близком к панике, она подумала: «Но почему? Почему король делает это? И почему именно я?»

Она знала почему. Потому что король вел себя как безумец, оскорбительно, так, словно хотел развязать войну с Алендом. Потому что Кадуол тоже готовился к войне. Мастер Квилон уже дал ей ответ. Сейчас он внимательно смотрел на нее. И Джерадин показал ей это в своем зеркале. Потому что из ниоткуда посылали немыслимых тварей с чудовищными челюстями, чтобы разрывать людей в куски.

Но если ее прошлое не существует, тогда что она теряет?

После долгих раздумий, когда пот выступил на ее лбу, а ужас не давал дышать, она подалась вперед и сделала первый ход.

И в то же мгновение принц Краген вытянул руку, коснулся пальцем своей шашки и двинул ее, зеркально повторяя ход Теризы. Его жест обнажил темные жилы, выступившие на руке, скрытые ранее шелком.

Она кивнула, немного успокаиваясь. А что еще он мог сделать? Он ничего не знал об игре. Он был в ее руках.

Словно отдаленное звучание рогов, к ней пришло понимание того, что в этом и может заключаться решение дилеммы.

Она сделала очередной ход.

Краген скопировал его.

Быстро, не колеблясь, Териза сделала еще один ход. Он скопировал его снова.

Еще через несколько ходов она смогла повернуться в кресле и посмотреть на короля Джойса. Ее сердце билось, потому что она рискнула, сделала то, что могло навлечь на нее гнев короля.

— Пат.

Лицо короля налилось кровью, как при апоплексии. Он едва не кипел от гнева. Или же сдерживался из последних сил, чтобы не расхохотаться, — она не могла сказать точно.

Принц очень быстро оценил происшедшее. Он поднялся и, бросив на Теризу лишь один беглый взгляд, отвесил королю Джойсу тяжелый поклон.

— Благодарю тебя, король. Это действительно очень поучительная игра. Чудесное развлечение для владык. Аленлский монарх будет в восторге, узнав о ней.

Но сейчас, с твоего позволения, я удаляюсь. Боюсь, что долгая дорога из Скараба утомила меня. А я не могу обходиться без отдыха.

Он кивнул своим телохранителям — они тоже склонились в глубоком поклоне. Затем повернулся и направился к дверям.

Король Джойс с трудом справился со своими эмоциями.

— Иди отдыхай, если ты так нуждаешься в этом. — Он снова казался очень довольным собой. — Ты более щенок, чем я думал.

Принц Краген тут же замедлил шаг и дернул плечом. Шокированные неожиданным окончанием встречи с послом, присутствующие смотрели на него и на короля Джойса.

Но принц не остановился. Двери перед ним открылись, и он покинул зал для аудиенций.

Прежде чем кто-либо успел отреагировать, Элега вскочила на ноги. Ее глаза метали молнии. Пронзительный голос отразился от высокого потолка зала:

— Отец, мне за тебя *стыдно!*

Быстро, насколько позволяли ее длинные юбки, она устремилась за принцем.

Никто больше не издал ни звука. Никто не посмел.

Король Джойс осторожно вздохнул. Обеими руками убрал волосы со лба, поправил обруч и запустил пальцы в бороду.

— Это печалит меня, — пробормотал он, не отдавая себе отчета, что каждый в зале мог слышать его. — Я ведь всегда гордился тобой.

Когда он скрылся за возвышением, Мисте воскликнула тихим, полным боли голосом:

— О отец! — и бросилась вслед за ним.

Териза могла бы гордиться собой. Она одержала своего рода победу. Но, несмотря на это, сердце ее заполнила печаль, словно пат был и у нее в душе: Мисте страдала, Элега была в ярости, а король Джойс стал значить для нее намного меньше, чем должен был значить.

И ей показалось, что воспоминания о звуках рогов унеслись куда-то из ее памяти.

11. Несколько дней, в которые ничего особенного не происходило

Теризе пришлось бы столкнуться с серьезными затруднениями, если б она попыталась самостоятельно отыскать дорогу в свои комнаты, поскольку с этой частью Орисона была совершенно не знакома. Но Смотритель Леббик позаботился о ней. Как только лорды и леди начали расходиться, горячо обсуждая изумившее их представление, он приказал одному из стражников проводить ее.

Обратная дорога показалась Теризе гораздо длиннее, но наконец она оказалась в своих покоях, за дверью, запертой на засов, и у нее теперь появилась возможность поразмыслить над тем, что происходило с ней сегодня.

Поглядев в окно, она с удивлением обнаружила, что небо чистое, без единого облачка, а крыши и башни замка, припорошенные снегом, в розовых отблесках, в то время как на землю и далекие холмы наползает тьма. Она не представляла, что день уже близится к концу, и, позабыв обо всем, просто смотрела на закат, который превратил Орисон в подобие замка из волшебной сказки, — древние камни, окутанные зимней тьмой, но все же воспаряющие, словно мечта или надежда, к небу и свету, нежно розовея по краям. Теризе припомнились звуки рогов и до боли захотелось покинуть замок, но не для того, чтобы убежать обратно домой, к иллюзии жизни, а попасть в мир Морданта и

найти то местечко среди холмов и леса, где можно услышать охотников или музыкантов, играющих, несмотря на холод, весело и страстно.

Откуда предсказанию стало известно о всадниках из ее сна?

Она, конечно же, могла и сама придумать ответ. Если она была создана зеркалом, значит, зеркало создало и ее сны. Но что-то в подобной версии ее не удовлетворяло.

Ей нужно о многом рассказать Джерадину и, конечно, о своих чувствах к Мастеру Эремису. Джерадин — единственный, кому она верит, кто способен помочь ей, подсказать, что делать.

А прийти к какому-то решению необходимо — это очевидно. Король Джойс стал на путь саморазрушения — путь более опасный, чем пассивность, в которой обвиняли его люди. Отказавшись укрепить оборону Вердона, изгаляясь над принцем Крагеном, он активно способствовал гибели Морданта.

Мордант нуждается в сильном и волевом повелителе, способном умно и расчетливо добиваться цели, сообразуясь с обстоятельствами. Смотритель Леббик явно не подходит: он слишком предан королю. Гильдия — тоже: несмотря на то что Мастера все еще сохраняют значительное влияние в королевстве, они слишком разобщены, чтобы действовать эффективно. Адепт Хэвлок? Он безумен. Мастер Квилон? Териза не знала, какими мотивами он руководствуется, и вообще не могла представить его возглавляющим борьбу за выживание Морданта.

Итак, остается лишь Мастер Эремис.

Джерадину, конечно же, эта идея придется не по вкусу. Но, быть может, ей удастся его убедить. И если они станут помогать Мастеру, она, вероятно, получит возможность проводить с ним больше времени...

Эта мысль вызвала в памяти прикосновение его губ к ее груди. Териза вздрогнула и обняла себя руками. Саддит уверяла ее: «Любой Мастер сделает для вас все, что вы пожелаете, — если, конечно же, это будет ему по силам». И еще она говорила: «То же самое вполне может быть доступно и вам, если вы захотите». Хорошо, почему бы и нет? У нее не было ни опыта Саддит, ни ее умения оценивать ситуацию, но Эремис все же счел ее очаровательной.

До этого никто никогда не считал ее очаровательной.

Когда солнце закатилось за горизонт и тьма поглотила замок, Териза отошла от окна, выпила бокал вина и устроилась поудобнее в кресле, продолжая размышлять.

Потом Саддит принесла ужин. Служанке не терпелось поболтать: Орисон полон слухов об аудиенции принца Крагена, причем самых противоречивых, но ей хотелось бы знать, что происходило на самом деле. Териза же к этому времени

почувствовала огромную усталость, да еще ко всему прочему не была настолько уверена в себе, чтобы излагать свое суждение по этому вопросу. Полученные за день впечатления без остатка исчерпали ресурсы ее эмоций, а сладкие воспоминания о Мастере Эремисе нагнали на нее сон, и после немногословных полуискренних извинений она отослала Саддит. Поужинав и выпив бокал вина, Териза повесила одежду в тот гардероб, где не было кресла, блокирующего дверь в потайной ход, и легла в постель.

Она почти моментально заснула...

...и почти сразу проснулась от глухого деревянного стука. Сны, содержания которых она не помнила, туманили сознание; она была почему-то убеждена, что некие звуки производит ее собственная одежда, она стучит в дверь гардероба, умоляя ее выпустить, так как ей неловко находиться среди чужих платьев и плащей. Но разве такое возможно?

Стук повторился. Казалось, прошла вечность, прежде чем Териза осознала, что стук доносится из фальшивого гардероба.

Из того, где была дверь, ведущая в потайной ход.

Скованная дремотой и усталостью, Териза внутренне сопротивлялась любому вторжению в зыбкий мир покоя и забытья и не собиралась отвечать на стук. В голове неуклюже ворочались смутные мысли: «Мне никак не дают отдохнуть. Неужели все ночи напролет здесь шпионят друг за другом?»

Стук повторился, приглушенный голос прохрипел:

— Миледи!

Насколько ей было известно, лишь Адепт Хэвлок и Мастер Квилон знали о тайном ходе.

Если стук будет громче, стражники снаружи услышат его.

— Хорошо, хорошо, — пробормотала она, откидывая покрывала и выбираясь из постели. — Иду.

К счастью, огонь в камине почти потух, отчего комната сильно выстудилась, — это напомнило ей, что она совсем нагая. Голова стала соображать яснее. Териза бросилась к гардеробу, достала вещи и оделась. Стук повторился.

— Да *иду* я, — ответила она громче.

Как только она убрала кресло, дверь раскрылась, и из гардероба ударил свет лампы.

Териза прищурилась, так как глаза еще не успели привыкнуть к свету, но без труда узнала визитера. Мастер Квилон пробрался сквозь висящие платья и вылез из шкафа.

— Миледи, — прошептал он с некоторым раздражением, — вы слишком крепко спите.

— Прошу прощения, — сказала она, но в ее голосе не было слышно раскаяния. — Я никак не могу привыкнуть, что в мою комнату врываются посреди ночи.

— Я тоже предпочел бы сейчас спать, — заметил он. — Но есть нечто более важное, чем сон. — От раздражения нос его задергался. В свете лампы Мастер еще больше походил на кролика. Но страсти, обуревавшие его, никак не шли к его лицу. Глаза его маниакально блестели, словно у домашнего зверька, впавшего в бешенство. — Виделись ли вы с Джерадином после аудиенции принца Крагена?

Териза невольно отступила на шаг. Его поведение пугало; комната внезапно наполнилась предчувствием опасности.

— Он пропал?

— Пропал? Ничего подобного. А почему он должен был пропасть? Я только хотел узнать, беседовали ли вы с ним сегодня после того, как я развел вас.

Териза сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— А что произошло?

Мастер Квилон зарычал:

— Миледи, *вы беседовали с ним?*

— Нет, — ответила она испуганно. — Я не видела его. Я не говорила с ним. А что происходит?

Мастер Квилон какое-то время молча смотрел на нее.

— Хорошо, — выдохнул он, и его лицо немного расслабилось. — Это хорошо. — Но он не сводил с нее взгляда. — Миледи, на заседании Гильдии вы слышали достаточно много. И я пойду дальше, предположив, что еще кое-что вы узнали от Мастера Эремиса. Вы не должны беседовать об этом с Джерадином. Он *ничего* не должен знать.

— Но почему? — Страх пронизал ее; тревога обручем сдавила живот. Она надеялась, что увидит его снова, проведет с ним целый день и все расскажет ему. — По какой причине? Ведь он единственный, с кем я могу поговорить!

— Потому что, — Мастер тщательно выговаривал слова, — это единственная возможность сохранить ему жизнь.

— *Что?*

— До тех пор пока он ничего не знает, враги не решатся выдать себя убийством. Но если вы расскажете ему все что знаете, он наверняка начнет действовать. И тогда станет слишком опасен и будет убит.

— Убит? — Она внутренне содрогнулась. Пол и свет лампы закачались. — Почему кто-то хочет убить его?

— Миледи, — ответил Квилон с трудом, — вам должно быть очевидно, что ваше присутствие здесь — не случайно. Вы были воплощены через зеркало, которое создавалось совсем для других целей. Как это было сделано? Никакая ошибка или недочет не могут объяснить этого. Вы утверждаете, что неповинны в этом. Тогда кто?

Миледи, вы для нас очень важны. — Внезапно Мастер Квилон повернулся и начал забираться обратно в гардероб. Его голос глухо прозвучал из-за одежды: — Джерадин в опасности.

Териза смотрела ему вслед, пока он забирался обратно в ход и закрывал за собой дверь, отрезая от нее свет. Немного опомнившись от услышанного, она заставила себя двигаться. Мысль о том, что жизнь Джерадина зависит от ее молчания, была настолько невыносимой, что она чуть не разрыдалась. Раздвинув платья, она пробралась к двери и открыла ее.

Мастер Квилон был уже на лестнице, ведущей вниз. Он обернулся на шум и посмотрел на Теризу. Свет падал под таким углом, что на его лице лежали тени, словно темные пятна усталости.

— Миледи?

— Кто его враги?

Она не могла определить выражение его лица, но голос его был твердым.

— Если бы мы знали это, мы смогли бы остановить их.

Прежде чем она успела сказать еще что-то, он повернулся и продолжал спускаться по лестнице. Его тень дергалась подобно марионетке.

— А кто его друзья?

Только эхо вторило ей.

Когда затих шорох сандалий Мастера Квилона на ступенях и исчезли последние отблески света, она вернулась обратно в комнату и, закрыв дверь, снова заблокировала ее креслом.

И снова легла спать.

На следующее утро пришло решение.

Она ничего не скажет Джерадину.

К несчастью, это оказалось не так легко, как хотелось бы. Ее желание исповедаться перед ним было невероятно сильным. Тем более что своим молчанием она невольно причинила бы ему боль.

Поэтому во избежание лишних объяснений ей придется некоторое время не встречаться с ним.

Проснулась она рано. Несмотря на отсутствие опыта, сумела развести огонь в камине. Стуча зубами от холода, тщательно вымылась и, проклиная затейливость одеяний, в которые невозможно было облачиться без посторонней помощи, надела нарочито скромное светло-серое платье, чтобы не выделяться среди окружающей обстановки.

Она попросит Саддит провести ее по Орисону, дабы изучить замок более обстоятельно. Ей надо заняться чем-нибудь непредвиденным для Джерадина — хоть на день оказаться вне поля его зрения и тем самым избавить себя от необходимости принимать какие-то решения.

Самостоятельное одевание длилось довольно долго. Едва Териза справилась с этим, подоспел завтрак. Саддит постучала в дверь и, после того как Териза отодвинула засов, вошла с подносом. Сегодня она выглядела еще более очаровательной — или еще более распущенной, — чем обычно; в ее улыбке было больше нахальства, в походке — больше уверенности. Повинуясь внезапному побуждению, Териза сказала:

— Ты выглядишь счастливой. Ты провела очередную ночь с Мастером? Или нашла кого-нибудь получше?

— Да что вы, миледи, — запротестовала Саддит, хлопая ресницами. — Что вы хотите этим сказать? Я невинна, как девственница. — Она улыбнулась. — Это так говорится. Я столь же удовлетворена, как и большинство девственниц во сне.

Посмеиваясь своей шутке, она поставила перед Теризой завтрак.

За едой Териза предложила ей прогуляться. Служанка мгновенно согласилась.

— Но прежде, — она критически осмотрела Теризу, — нам необходимо кое-что изменить в вашем гардеробе. Если вы собирались выглядеть так, будто провели в этом платье всю ночь, оберегая свою добродетель, то вам это удалось. Честное слово, миледи, вам следовало подождать, пока я помогу вам.

— Я не думала, что это выглядит настолько ужасно. — Териза торопилась уйти; она не хотела, чтобы Джерадин застал ее здесь. Но при первом же взгляде на свое платье поняла, что Саддит права. Опечаленная, она доверилась вкусу служанки.

Это было ошибкой. Саддит потребовалось всего несколько минут, чтобы расстегнуть и снять с нее платье; но едва она это сделала, раздался стук в дверь.

У Теризы сжалось сердце. Она не была готова к этому. Неужели ей придется говорить ему неправду? Она не верила, что сможет убедительно солгать Джерадину.

Саддит, конечно же, не подозревала, что творилось в голове миледи. Она поспешила из спальни, чтобы открыть дверь. Териза услышала ее кокетливую речь:

— Пригодник Джерадин, какой сюрприз! Вы пришли расплатиться со мной за вчерашнее? Но для этого нужна более интимная обстановка. Или вы собираетесь оставить меня на потом, отдав предпочтение леди Теризе?

Смех Джерадина звучал несколько принужденно.

— Дорогая Саддит, вы можете найти что-нибудь получше меня. Честное слово, вам действительно это удается. Лучшее, что *я* могу сделать, — это попросить у леди Теризы позволения побеседовать с ней. Она свободна?

— Джерадин, — ответила Саддит с насмешливой серьезностью, — *свободных* женщин не бывает.

Умыкнув, она вернулась в спальню, где Териза ждала, пока ее оденут.

— Миледи, прибыл пригодник Джерадин. Для прогулки по Орисону он подходит вам лучше, нежели я. И он — мужчина, несмотря на то что стеснителен, легко смущается и всего лишь пригодник. Передаю вас ему.

Нет, хотела сказать Териза. Не надо. Но Саддит уже выходила из комнаты. Напоследок она прочла Джерадину еще одно нравоучение и закрыла за собой дверь.

Териза не могла бы сказать, сколько времени она простояла, не в силах сдвинуться с места и сожалея о том, что не умеет ругаться. Но она не могла стоять так до скончания века — Джерадин рано или поздно сделает несколько шагов по комнате и увидит ее. Чувствуя себя такой же смущенной, какой всегда была перед анемичными молодыми людьми, с которыми ее знакомил отец, пытаясь выдать замуж и побыстрее сбыть с рук, она вышла из спальни.

Улыбка Джерадина вмиг развеяла все ее благие намерения; он казался таким счастливым от одного только созерцания ее, что она чуть не сломалась и не выложила ему всю информацию. Но Териза позволила себе лишь посмотреть на него в ответ и заставила свои губы растянуться в улыбке.

— Прошу прощения за то, что не пришел снова повидаться с вами вчера, — начал он поспешно, даже не пытаясь скрыть радость, так и брызжущую из него. — Не знаю, что уж взбрело в голову Мастеру Квилону. Обычно он не бывает таким. Он отвел меня в свою личную лабораторию и засадил за работу: просеивание песка и все такое прочее. Работу столь примитивную и бессмысленную, что самый юный пригодник мог бы с ней прекрасно справиться. Затем пришло сообщение, что прибыл принц Краген и король Джойс собирается дать ему аудиенцию. Я думал, что это спасет меня. Как бы Мастер Квилон ни относился ко всему происходящему, он не мог требовать от меня, чтобы в такой час я занимался просеиванием песка.

Он скривился.

— Как обычно, я оказался прав. Песок мне просеивать не пришлось. Вместо этого он проинструктировал меня, как приготовить самый сложный краситель, о котором я только слышал, и приказал мне получить его тремя различными способами. «В экспериментальных целях». Некоторые Мастера не позволяют пригодникам выполнять столь сложную работу. И прошли уже годы с тех пор, как *кто-то* из Мастеров давал мне работу такой сложности. Я не знал, радоваться мне или вешаться.

Я закончил работу не раньше полуночи. Но до сих пор не уверен, сделал ли хоть один краситель правильно.

И, похоже, самое интересное я пропустил.

Териза ощутила в горле комок и сглотнула.

— Вы, наверное, слышали, что произошло.

Он медленно кивнул, внимательно глядя на нее; ее холодность его несколько удивила.

— Вы действительно играли в перескоки с принцем Крагеном?

Не в силах посмотреть ему в лицо, Териза обратила свой взор к окну. Чистое небо вчерашнего вечера бесследно исчезло; низкие, тяжелые облака словно бы придавили окрестные холмы, и все вокруг окрасилось в серые тона. И от платья, выбранного ею, казалось, веяло такой же печалью, какой была полна ее душа.

— Да.

Джерадин с уважением присвистнул.

— Поразительно! А ведь он совершенно ничего не понимал в этой игре! Как вам удалось заставить его сделать пат? Это просто великолепно! Алендскому монарху следовало бы пожаловать вам титул за то, что вы так остроумно сохранили принцу честь. — И он добавил с грустью: — Судя по слухам, это действительно самое умное, что можно было предпринять ввиду надвигающейся катастрофы. Обладай король Джойс хотя бы половиной вашего здравого смысла, нам было бы на что надеяться.

О Джерадин! Ненавидя саму себя за то, что делает, Териза воспользовалась удобным случаем уклониться или по меньшей мере отсрочить неизбежные вопросы. Не поворачивая головы, она кисло сказала:

— Но что в этом толку, не так ли? Это ведь все равно бессмысленно. Насколько я могла понять, он затеял аудиенцию лишь для того, чтобы поразвлечься за счет принца. Он *хочет* войны с Алендом.

Затем она обернулась и сказала, глядя на него:

— Джерадин, почему вы так преданы ему? Может быть, когда-то он был великим королем — я не знаю. Но сейчас ничего этого в нем не осталось. — Она не замечала, что противоречит себе — той, которая во время аудиенции не могла превозмочь притягательность улыбки короля. — Почему вы считаете, что он прав?

В его взгляде была такая боль, что Теризе захотелось броситься в спальню и спрятать голову под подушки. Тем не менее она продолжала:

— Именно поэтому Мастера и не верят вам: никто из них не может понять — почему вы так преданы ему.

— Они так сказали? — ответил он вопросом на вопрос. — Они не верят мне, потому что я продолжаю служить своему королю? А я-то думал — потому, что с девятилетнего возраста я не делал ничего правильно.

Чуть дрожа, Териза повернулась к окну и прижалась к холодному стеклу, чтобы охладить пылающий лоб. Не говорить с ним? Не рассказать ему всей правды? Но как она может сделать это, даже ради спасения его жизни?

— Простите, — произнес Джерадин, видя ее реакцию. — Я не хотел... Это для меня действительно очень больная тема, как вы, наверное, заметили. Однако у меня есть предчувствие...

Она ждала, но он не продолжал. Наконец она спросила:

— Так что же на этот раз?

С глубокой, хотя и неосознанной убежденностью он ответил:

— У меня есть предчувствие, что король знает, что делает.

— О Джерадин! — Териза не могла сдержаться; она снова обернулась к нему, явно выказывая свое раздражение. — Вы действительно считаете, что начинать войну с Алендом — это *мудро?* Вы думаете, это *поможет* справиться с проблемами Морданта?

— Нет, — ответил он мрачно. — Я ведь говорил вам, что мои предчувствия меня всегда подводят. Но я просто не могу их игнорировать. — И после некоторого колебания добавил: — Я не рассказывал вам, как увидел его впервые?

Примерно представляя, что ей предстоит услышать, Териза кивнула.

— Не хотите ли присесть?

— Нет, спасибо. — Взгляд Джерадина становился все более отстраненным, сосредоточенным на той истории, которую он собирался рассказать. — Я слишком долго просидел над весами. Спина у меня до сих пор ноет.

Он начал медленно расхаживать перед ней вперед и назад.

— В то время мне было не больше одиннадцати или двенадцати лет, и я еще ни разу не покидал родной дом. Нет, конечно же, не было такого места в пределах нескольких миль от Домне, где я не проезжал бы верхом, не работал или не проходил вместе с братьями, выполняя поручения или, — он улыбнулся, — пытаясь исправить то, что натворил. И что бы там ни говорили, Домне — самая красивая из провинций, особенно весной, когда зацветают яблони, кизил и шиповник и холмы, насколько хватит глаз, покрыты цветочным ковром. Я любил бродить по ним, играть в тихих местечках вроде Сжатого Кулака, лазить по горам.

Казалось, Джерадину доставляло удовольствие вспоминать это.

— Но центром моей вселенной был Хауселдон. Мой отец, Домне, — человек, который любит свой дом больше всего на свете. Общение с семьей он предпочитает всему остальному, хотя люди полагают, будто он самый близкий друг короля. Каждый год или два ему приходилось отправляться куда-нибудь по поручению короля Джойса, иногда за пределы Морданта, и при этом он всегда брал с собой по меньшей мере двух из моих

братьев. Именно в такой поездке Артагель открыл в себе талант к фехтованию, чего никогда не произошло бы, оставайся он дома. Но я тогда был слишком юн, чтобы ездить с ним. И я был любимчиком матери. Когда она умерла, Тольден — это мой старший брат — и его жена присматривали за мной, словно считали, что я никогда не стану взрослым.

По труднообъяснимой причине я не пошел в отца. Тольден же — вылитый отец, и, когда он станет Домне, даже любимые кусты отца в нашем саду не заметят, наверное, никакой разницы. Так же как Миник и Вестер, он в нашей семье самый красивый. Я не вношу в этот же перечень Стида только потому, что он бегает за каждой юбкой в Домне, а не занимается стрижкой овец. Я не говорил вам, что наша семья занимается разведением овец? Впрочем, мы, конечно же, занимаемся всеми фермерскими делами, как и любая другая провинция, но шерсть и пряжа — это именно то, чем мы славимся. — В голосе его слышалась неприкрытая гордость. — Как только мои братья обнаружили, как я неуклюж и рассеян, — продолжал он, — они перестали подпускать меня и близко к кошарам. Однако же как-то летом мне пришлось пасти овец довольно долго, и вскоре в радиусе пяти миль я знал каждую овцу по имени.

Оценивая все это сейчас, думаю, что любовь ко мне моего отца должна быть просто невероятной. Он до сих пор не может расстаться даже с клочком шерсти, не пустив его в дело. Глаза у него горят, когда он видит молодняк или новое стадо. И он радуется обществу своих сыновей как ни одному человеку в мире. Он смог разглядеть даже во *мне* — представляете? — нечто хорошее. Когда я теперь приезжаю домой, первые пять дней я чувствую себя невероятно счастливым и удивляюсь, почему я вообще уехал оттуда.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— А *следующие* пять дней я придумываю, как сказать Домне, что мне скоро снова уезжать. Может быть, потому, что я никогда не был с ним ни в одном путешествии и каждый раз ждал, когда он и братья вернутся и весь следующий сезон будут рассказывать истории об удивительных вещах и событиях, свидетелями и участниками которых они являлись. Я потому и люблю Найла. Если не считать меня, он — самый младший и тоже частенько оставался дома. Когда Артагель вернулся, набравшись опыта в армии Морданта, мы с Найлом относились к нему как к особе королевской крови. Мы хотели, чтобы он рассказал нам *абсолютно все.*

Или, может быть, потому, что король Джойс отослал королеву Мадин и дочерей и те гостили у нас больше года, когда мне было пять или шесть лет. Кажется, это случилось тогда, когда алендский монарх и верховный король Фесттен впа-

ли в отчаяние, пытаясь сохранить своих воплотителей, и король Джойс боялся, что они вознамерятся остановить его, напав на его семью. Во всяком случае, мы с леди Элегой были сверстниками и большую часть времени играли вместе. Даже тогда, — нежность Джерадина по отношению к ней была очевидна, — она была истинно королевской дочерью, и я иногда не знал, как мне с ней себя вести. Я любил ее рассказы о войнах и королевской власти, несмотря на то что, судя по ее словам, она спасала королевство гораздо чаще, чем могла это делать пятилетняя девочка. Именно Элега пробудила в том юнце, каким я был тогда, желание познать весь мир, как я познал Домне.

А может быть, потому, что мой отец дружил с королем и это было самым невероятным из всего, что я знал о своем отце.

Но какова бы ни была причина, я, сколько себя помню, никогда не мог смириться с мыслью стать фермером или пастухом.

Он внезапно замолчал и посмотрел на Теризу.

— Простите. Я не собирался всего этого говорить. Я просто хотел, чтобы вы поняли, каким мальчишкой я был, когда впервые встретился с королем.

— Не нужно извиняться, — ответила она мягко. Ее радовало все, что уводило его от расспросов. И ей было интересно слушать о его семье. Его откровенность производила на нее такое же впечатление новизны, как Мордант и воплотимое, и рассказ его звучал странно и удивительно, как волшебная сказка. — Если бы вы сами об этом не сказали, я бы и не заметила вашего лирического отступления.

Джерадин шутливо поклонился.

— Вы очень великодушны, миледи. — И продолжал рассказ: — Как я говорил, это было примерно тринадцать лет назад. Мордант находился тогда в состоянии относительного мира, потому что Адепт Хэвлок был еще не готов победить Архивоплотителя Вагеля и его клику, и король Джойс объезжал королевство, готовясь к окончательному завершению войн. После Термигана он посетил Домне.

В тот день, когда он приехал, я пропалывал кукурузу на одном из полей в окрестностях Хауселдона. Точнее, я успел только дойти до этого поля — оно находилось довольно далеко, но на холме, и дорогу от него было хорошо видно. Я был настолько возбужден, что совсем не смотрел себе под ноги. И в тот момент, когда король со свитой проезжал по дороге мимо меня, я бросил мотыгу и побежал к дому, — Джерадин хмыкнул, — и рухнул в яму с силосом прямо посреди поля.

Дело в том, что вокруг Хауселдона есть загородка, не позволяющая животным разбредаться, и, к несчастью, яма с кормом для свиней находилась как раз между мной и ближайшим проходом. Однако один из моих братьев положил через

яму бревно, дабы не обходить ее всякий раз, и, чтобы сократить путь, я побежал по нему.

Вы, наверное, уже можете себе представить, что произошло. — Он скривился в насмешливом отвращении. — Но это меня не остановило. Я просто *должен* был увидеть короля Джойса, и как можно быстрее. Это было самым важным в моей жизни. Поэтому мне удалось добежать до дома как раз тогда, когда король и его люди — королева Мадин с Элегой, Торрент и Мисте, Адепт Хэвлок в своей развевающейся мантии, Смотритель Леббик с множеством гвардейцев, два или три советника короля и несколько слуг — вот видите, я все прекрасно помню — начали слезать с лошадей. — Он снова хмыкнул. — В волосах у меня застряли вишневые косточки, апельсиновые корки висели на одежде, дынная кожура прилипла к ногам, и весь я с ног до головы был в грязи.

Большинство присутствующих рассмеялись — за исключением Элеги, которая казалась разгневанной, — но не мой отец и не король. Домне сказал: «Мой владыка король, это мой младший сын, Джерадин» — словно он никогда не любил меня так сильно, как в тот самый момент. Тогда король кивком подозвал меня к себе. Не обращая внимания на то, что я был весь в грязи, он положил мне руки на плечи и крепко сжал их. «Ты мне нравишься, мой мальчик, — сказал он. — Приезжай в Орисон через несколько лет». Что-то вроде этого. «У вас в семье уже есть воин, которым можно гордиться, — Артагель. А ты будешь воплотителем».

Джерадин снова остановился и посмотрел Теризе в лицо.

— Он сделал меня самым счастливым человеком на свете. И я этого никогда не забуду. Я не так предан ему, как должен бы, — ведь он запретил мне разговаривать с вами, помните? — но он мой король, и я буду стараться служить ему до тех пор, пока это будет в моих силах. — Он смущенно улыбнулся. — Во всяком случае, это лучшее объяснение, какое я могу вам дать. Однако, если вы зададите мне еще хотя бы пару вопросов, я заговорю вас до смерти и тем самым не дам возможности рассказать, что же произошло с вами вчера.

Теризу охватил ужас. Избегая встречаться с ним взглядом, она сказала:

— Мне понравился рассказ о вашей семье. Вы слышали, что Саддит упоминала о прогулке? Она собиралась показать мне Орисон. Я хотела бы познакомиться с тем, что меня окружает, поближе. — И, к собственному изумлению, добавила: — Эта комната начинает действовать на меня угнетающе.

Забыв о своей стеснительности, Джерадин мгновенно стал собранным и задумчивым.

— Я с удовольствием буду сопровождать вас. После вчерашнего я, без сомнения, могу себе позволить день

отдыха. Но заседание Гильдии вещь слишком важная, чтобы беседовать о ней на публике. С моим везением кто-нибудь нас обязательно подслушает. Почему бы вам не рассказать мне, что случилось после того, как я ушел? А затем мы пойдем.

Если у него было тайное желание узнать, чем она занималась с Мастером Эремисом, то он довольно хорошо скрывал свои чувства. Однако Теризе нужно было каким-то образом отвлечь его, и ей не пришло в голову ничего лучшего, чем сказать:

— А вы уверены, что хотите услышать именно об этом, а не о том, что было у Мастера Эремиса? Вы ведь довольно настойчиво пытались прервать наши занятия.

Она старалась его раззадорить, но это ей не удалось. Слова прозвучали так, будто их произнесла ее мать, пытаясь шуткой прикрыть желание причинить боль.

Джерадин помрачнел.

— Я был не прав, миледи? — спросил он растерянно. — Неужели Мастер Эремис желал вам добра?

Она не могла найти ответ; ей было слишком стыдно за свое поведение. Мягко, словно извиняясь, она сказала:

— Вы знаете, что он для меня сделал? Он доказал, что я не существую. Или не существовала, пока вы не нашли меня в зеркале. Вы каким-то образом создали меня.

Внезапно пригодник разгневался. Его глаза загорелись.

— Он убедил *вас* в этом? *Вас?* Это, должно быть, потребовало всей его логики. И что же он сказал? Какие аргументы он приводил на сей раз?

Удивленная и слегка напуганная реакцией Джерадина, она ответила:

— Язык. Зеркала ведь не воплощают звук. — Сконфуженная, она повторила то, что сказал ей Мастер Эремис.

Джерадин всплеснул руками. Остановившись у окна, он посмотрел наружу, на зимний пейзаж.

— Сукин сын, — прохрипел он. — Ну почему он занимается *такими* делами? — Он резко повернулся к Теризе. — Все это чушь собачья, и это ему хорошо известно. Это интересный факт, но он ничего не *доказывает.*

Она безмолвно смотрела на него.

— Есть по меньшей мере одно альтернативное объяснение этому. Воплощение изменяет сами объекты. Это — часть таинства. Язык — это еще не все. Когда я сунул голову в зеркало — в то, где был виден Воин, — я не испытывал никаких проблем с воздухом, которым дышал. Но почти наверняка в том мире, куда я попал, воздух должен быть совсем другим, не как здесь. Почему зеркало создает чуждые пейзажи, чуждых людей, чуждые законы природы, чуждые существа — и не создает чуждый

воздух? Это все не имеет смысла. Я, наверно, изменился при воплощении так, чтобы иметь возможность дышать нормально. И если бы те люди не были столь решительно настроены убить меня, мы с ними могли бы побеседовать.

Однако этим я точно так же не могу ничего доказать. Но доказательство — не главное. Главное то, что ответ, который дал вам Мастер Эремис, не обязательно правилен. Возможны и другие объяснения.

А значит, он вовсе не относится к вам хорошо, раз позволяет себе подобное. — Его тон был непререкаемым, словно сжатый кулак. И он, казалось, не сознавал, что Териза все больше впадает в панику.

Ее прошлое было реально? Она не могла просто повернуться к Джерадину спиной и игнорировать его слова, как будто это была сыгранная роль и она вправе выбрать себе другую. Ибо если он прав, тогда она не принадлежит этому месту — и в таком случае все, что она делает, имеет большое значение. Ее ошибки могут вызвать серьезные осложнения; риск, на который она пошла ради принца Крагена перед королем Джойсом, может привести к ужасным последствиям.

Джерадин едва слышно сказал:

— Видно, у него есть причина желать, чтобы вы поверили, будто я создал вас. Ему что-то нужно от вас. — Он скривился. — Конечно, он хочет переспать с вами — но я имел в виду не это. Если бы все было так просто, он не старался бы принизить вас.

Миледи, так что же произошло на заседании Гильдии после моего ухода? Какое решение они приняли?

Териза почти не слышала его, но через мгновение его слова вдруг прозвучали в ее сознании резко и громко, и она уловила, что он сказал. Она побледнела.

— Решение? — выдохнула она, стараясь держать себя в руках. Даже это — ее решение оберегать его — на самом деле может оказаться неправильным. Может быть, она не должна верить Мастеру Квилону. Или же, возможно, Джерадину следовало умереть — в случае, если он представлял для Морданта некую опасность, чего Териза сама понять никак не могла, потому что была здесь посторонней. Она знала только, что верный ответ ей недоступен. Внезапная слабость охватила ее, тьма закружилась в уголках глаз. Колени начали подгибаться.

Как-то незаметно для нее Джерадин преодолел расстояние, разделявшее их. Он схватил Теризу и сжал ее кисти в своих руках.

— Териза, — прошипел он страстно, — что они решили?

Ноги не держали ее. Если б он ее отпустил, она бы просто упала. Но через мгновение она обнаружила, что непреодолимое желание получить ответ, отразившееся на его лице,

понемногу возвращает ей силы. Он рисковал больше, чем когда-либо будет рисковать она. Мастер Квилон прав: Джерадин слишком прямодушен, чтобы остерегаться. Она не могла позволить, чтобы его убили; она не хотела дать его врагам повод убить его.

Но когда Териза выпрямила колени и ощутила собственный вес, она поняла, что путей к отступлению нет. Она не могла допустить, чтобы его убили, но как сделать, чтобы этого не допустить? Как заставить себя солгать ему? Она понимала, что не сможет солгать человеку, который смотрит на нее так, как сейчас Джерадин. Даже если раньше она не существовала, с этого момента она стала реальной, потому что Джерадин так смотрит на нее: в ярости от ее поведения и в то же время отчаянно желая помочь ей.

Одну за другой она рывком высвободила руки и, продолжая испытывать слабость, промолвила:

— Мне велели ничего вам не говорить. Мне сказали: если вы узнаете, что решила Гильдия, то ваши враги убьют вас.

Болезненное, словно от пощечины, изумление исказило его черты, и он отступил на шаг.

— Убьют?.. — Его взгляд забегал по сторонам, словно пытаясь найти объяснение. — Меня? *Какие* враги? Почему кто-то?.. — Вопросы вылетали из него обрывками, и он не мог притормозить их поток, чтобы выговаривать полностью. — А вы?.. Они поступили *так* с вами? Кто?..

Внезапно он видимым усилием воли взял себя в руки, подавил смятение и сдавленным голосом пробормотал:

— Вы несчастная женщина. Вы знаете нечто, чего не знаю я, и хотите поделиться со мной, но боитесь, что это будет стоить мне жизни. А если я скажу, что у меня нет врагов, — я даже *представить* не могу, что у меня есть враги, — вы просто не будете знать, кому верить.

Она кивнула. Если он станет продолжать в том же духе, то она расплачется.

Но вдруг Джерадин сделал нечто, потрясшее ее до глубины души. Ни странная любовь ее отца, ни слабоволие преподобного Тэтчера, ни страстность Мастера Эремиса не подготовили ее к тому, что Джерадин успокоится, проглотит свое неудовольствие и одарит ее улыбкой.

— Знаете, Териза, прогулка кажется мне великолепной идеей. — Опасность он встретил с блеском в глазах. Она смутно осознала, что наконец-то он стал называть ее по имени. — Я с удовольствием покажу вам Орисон и его окрестности. Мне почти ничего не известно о тайных ходах, о которых здесь так много говорят, но, думаю, все остальное я изучил довольно неплохо.

Она сейчас испытывала такую радость и облегчение, что подошла к нему, не раздумывая положила ему руки на плечи и поцеловала в щеку.

И такое блаженство появилось у него на лице, что она не смогла сдержать смех.

Все еще смеясь, они покинули ее комнаты.

Экскурсия продлилась гораздо дольше, чем предполагала Териза. Фактически она растянулась на несколько дней. Джерадин прекрасно разбирался в хитросплетении коридоров, пронизывающих Орисон из конца в конец. Он ни разу за это время не попытался выяснить, что произошло на заседании Гильдии, или проникнуть в ее секреты; но зато рассказал историю о каждом знамени в коридоре, ведущем в зал для аудиенций, — каждое из них было штандартом армии, побежденной в бою королем Джойсом. Многие высокородные особы, которых они встречали на пути, либо не узнавали Джерадина, либо узнавали, но отгораживались вежливой улыбкой; однако любой стражник, служанка, судомойка, повар, уборщик, виночерпий, оружейник, подмастерье, каменщик, торговец от самых глубоких подземелий до самых верхних башенок замка, казалось, был его другом или знакомым, если не его личным, то знакомым его семьи. Связь Джерадина с этими людьми была такой же, как и знание об Орисоне; он был задорен, как щенок, спотыкался о лестницы и собственные ноги, натыкался на стены, что-то постоянно терял — и приходил в восторг, когда замечал что-то подобное за другими; среди судомоек, оружейников и уборщиков его признавали своим, несмотря на его неуклюжесть, воспринимая все его приключения с юмором, и многие из этих людей смотрели на него с восхищением, которое вполне можно было принять за уважение.

Наконец, изрядно устав, но стараясь не показывать этого, Териза спросила его, как долго он может уклоняться от выполнения своих обязанностей.

— Если меня не смогут отловить, — ответил он, улыбнувшись и пожав плечами, — то не смогут и сказать, чем же мне следует заниматься. И не смогут наказать меня. — Он закрыл эту тему, отворив перед ней дверь одной из огромных кухонь, где готовилась еда для жителей Орисона, — или, возможно (потом Териза не могла припомнить всех подробностей), это была одна из просторных, заставленных тяжелыми столами трапезных, где питались люди, работавшие в замке, или, может быть, одна из огромных комнат, служивших кладовыми, где люди попадались столь же часто, как в жилых отсеках замка, и было на удивление чисто, потому что того требовал — и частенько проверял — Смотритель Леббик: он пекся о том, чтобы в Орисоне никогда не вспыхивали эпидемии.

Всю дорогу Джерадин безостановочно что-то рассказывал ей. Наконец он и сам полюбопытствовал, почему Териза почти не задает вопросов.

— Думаю, я уже ясно дал понять, — объяснил он, — что не собираюсь выполнять то, что мне приказано относительно вас. — Он старался придать своему голосу небрежность. — И расскажу вам обо всем, что вы хотите знать.

Его предложение опечалило Теризу. Она не хотела признаваться, что Мастер Квилон уже сделал это. Но поскольку ей следовало все же что-то сказать, мысль о Мастере Квилоне заставила ее вспомнить Адепта Хэвлока, который, в свою очередь, напомнил ей об Архивоплотителе Вагеле и его клике, — она попросила:

— Расскажите мне о Бретере верховного короля.

Эта просьба была настолько странной, что Джерадин остановился и посмотрел на нее.

— О Гарте? А где вы слышали о нем?

Териза вздрогнула и приказала себе собраться. В попытке свести свою ложь к минимуму она с волнением сказала:

— Один из Мастеров упомянул как-то о нем. При этом они говорили о Вагеле и Кадуоле.

Териза с трудом выдержала долгий пристальный взгляд пригодника. Затем, к ее облегчению, он пожал плечами и пошел дальше, видимо, приняв ее объяснение.

— Кадуол — удивительная страна. — Его ответ, как обычно, был всеобъемлющ. — Имея флот, он больше контактирует с остальным миром, чем Аленд, — а мы и вовсе отрезаны от всего этого. Торговля приносит кадуольцам такое богатство, какое у нас вряд ли когда-нибудь появится. Но богатство само по себе не приносит добра, оно лишь позволяет покупать еду, удовольствия и власть. Ну, еду-то они получают от нас за вполне сходную цену... во всяком случае, так было, пока они не начали скапливать войска у границ Вердона. Теперь они добывают ее в основном разбоем. Власть же не приносит им особой радости, особенно с тех пор как король Джойс основал Мордант и Гильдию. И потому Кадуол покупает как можно больше удовольствий.

С другой стороны, страна эта очень скудна. Большая часть ее территории — это пустоши и пустыни, а в тех областях, где есть вода, ветры чуть ли не сдирают кожу с костей. Такие условия приучают всякого, кто там выживает, к власти силы и жестокости.

Довольно странно, как удается Кадуолу сочетать наслаждения и жестокость. — Джерадин немного подумал и пояснил: — Бретер верховного короля — это, по традиции, личный воин Фесттена, тот, кто его защищает и убивает от его имени. Он предположительно лучший фехтовальщик в стране — самый сильный и самый жестокий, продукт жестоких обстоятельств и тренировок. Фактически кадуольцы утверждают, что людей, которые не преуспели в пригодниках Бретера верховного короля, столько, что Кармаг построен на их костях. Однако награда, кото-

рую получает величайший воин во всей стране, — это не богатство, не власть и даже не свобода. Награда эта — наслаждение. Наслаждение возможностью погибнуть, исполняя свои обязанности, — погибнуть на службе у верховного короля.

Как бы то ни было, власть и богатство в Кадуоле — в той мере что и контроль над наслаждениями — всегда относились к сибаритской части их культуры. Верховный король Фесттен не может похвастаться в ближайших десяти коленах предком, который когда-нибудь жил в пустыне, или стоял под ветром, катящим камни, или измерял свою жизнь длиной клинка. И то, как он управляет Кадуолом, напоминает мне скорее магистра Гильдии. — Джерадин улыбнулся. — Насколько я могу судить, управлять Мордантом он хочет лишь для того, чтобы сэкономить деньги на покупке еды и потратить больше на наслаждения.

Увлеченный своим рассказом, Джерадин, казалось, позабыл о том странном факте, что Териза не задает никаких вопросов. Облегченно вздохнув, она подумала, что и Гильдия, и король имеют, пожалуй, серьезные основания охранять свои секреты. К примеру, если бы по какой-то дикой фантазии она была в сговоре с Гартом, эта экскурсия была бы для нее бесценной.

На второй день Джерадин показал ей огромный резервуар, где дождевая вода, растаявший снег и воды небольшого ручья, питавшего Орисон, собирались вместе и хранились для нужд замка. И это тоже сведения, которыми мог бы воспользоваться враг.

Она была в восторге от того, что ради нее пригодник идет на колоссальный риск. Она-то знала, что совершенно безвредна, но он не мог быть в ней столь же уверенным.

Ей стало казаться, что хранить от него тайны — не слишком правильный способ выражения ему благодарности. Она не хотела причинять ему страданий.

На следующий день, к ее удивлению, Джерадин не появился, чтобы продолжать экскурсию. Вместо этого он послал ей весточку, где говорилось, что Мастер Квилон вновь засадил его за работу. И, что еще сильнее удивило Теризу, она снова легла в постель и проспала большую часть дня.

Однако снился ей Мастер Эремис, а потом она не могла заснуть всю ночь. С наступлением утра Териза обнаружила, что ждет, когда появится Джерадин. Если он не придет, она может попытаться найти ответы на свои вопросы у того человека, который так страстно целовал ее.

Где же он? Почему он забыл о ней? Неужели он больше не хочет ее? Неужели она настолько непривлекательна, что он потерял к ней всякий интерес?

К счастью, вскоре после завтрака в ее дверь постучал Джерадин.

Он принес с собой толстый овчинный полушубок и ботинки, подобные тем, какие носил сам.

— Сегодня, — сказал он нравоучительно, с лукавой улыбкой в глазах, — зубцы башен.

Она надела полушубок поверх серого платья, и Джерадин с чуть насмешливой галантностью вывел ее из комнаты.

Судя по тому, что она могла видеть из окон, у Орисона не было внешнего оборонительного периметра; тот же самый камень служил как для комнат и коридоров внутри, так и для их защиты — снаружи. Но когда Джерадин вывел Теризу наверх, она заметила невероятную толщину стены; ее внешний край был утыкан поверху зубцами, достаточно широкими, чтобы хранить за ними боеприпасы, достаточно высокими, чтобы лучникам удобно было стрелять, оставаясь при этом хорошо защищенными от вражеских контратак, и достаточно крепкими, чтобы выдерживать натиск катапульт и штурмовых таранов; причем там же, на стене, размещались склады, караулки и проходы. Воспоминание о фрагменте предсказания, который показывал Орисон с проломленной в стене дымящейся дырой, с картиной смерти повсюду, повергло Теризу в недоумение. Насколько же мощной должна быть сила, способная произвести подобные разрушения!

Джерадин повел ее дальше, на вершину башни, той самой, где находились ее комнаты.

Воздух казался колючим, как осколки стекла, нос и уши у нее почти моментально замерзли. Ветер на этой высоте был более пронизывающим. Тяжелые облака, низко нависавшие все предыдущие дни, несколько поднялись, но улучшение видимости не радовало: слежавшийся снег за зубцами и в углах парапета выглядел старым, грязным и смерзшимся, не тронутым редкими лучами солнца. Дыхание порождало густой пар; Териза спрятала руки в рукава полушубка и дрожала. Но ей не хотелось просить Джерадина прекратить осмотр — отсюда открывался самый лучший обзор окрестностей Орисона.

Положение солнца позволило ей установить, что вытянутая часть прямоугольника замка проходит с северо-запада на юго-восток. Они с Джерадином находились на восточной башне. Пятна грязи, проглядывающие из-под снега, обозначали дорогу, выходящую из ворот в северо-восточной стене и разветвляющуюся приблизительно в полете стрелы от замка. Один рукав заворачивал к югу, к реке Бродвайн и провинции Тор (как объяснил Джерадин несколько дней назад), а второй шел параллельно Бродвайн на северо-восток, в провинцию Вердон, и в той стороне было еще одно ответвление — на северо-запад, к провинции Армигит. Река, уверял Джерадин, в другие времена года видна издалека, но зимой, подо льдом и снегом, сливается с

холмами. Тем не менее это было то самое место, которое Териза видела в плоском зеркале, та самая река, что брала начало в узком ущелье, которое Джерадин называл «Сжатый Кулак». Она проходила через всю Домне, отделяла Тор от Термигана и Армигита и часть Демесне от Вердона и, наконец, разделяла Вердон на Северные и Южные области, прежде чем слиться с Вертигоном уже на границе Морданта.

Как странно, подумала Териза, трясясь от холода, насколько же спокойнее этот пейзаж выглядит отсюда, чем в том зеркале, которое позволило ей, Джерадину и Мастеру Эремису стать свидетелями нападения на Вердона. Под простором открытого неба было почти невозможно поверить в чудовищных монстров и насильственную смерть. Или, может быть, подобные вещи существуют лишь в зеркалах?

Она не слишком прислушивалась к тому, что рассказывал Джерадин; ей нужна была карта, чтобы все представить. А она продолжала просто обозревать окрестности Орисона. Замок доминировал над близлежащими заснеженными холмами, но холмы, находящиеся в отдалении, были выше, круче и интереснее. Заросли деревьев шли вдоль дорог после их разветвления, а холмы вокруг Орисона были совершенно голыми, словно их специально очистили. Джерадин подтвердил это: Смотрителю Леббику требовалось открытое пространство для обучения своих людей, и к тому же правители Орисона не хотели оставлять места, где мог сосредоточиться приближающийся враг. На некотором расстоянии от замка все же виднелись деревья, толстые, черные и загадочные, словно из ее сна. И дороги, казалось, уводили куда-то, где происходили чудеса.

Ей хотелось сказать: «Отвези меня в Домне. Отвези меня в Термиган, Армигит и Файль. Увези меня отсюда». Но погода была слишком холодной, а снег слишком глубоким, и ей не сравниться с принцем Крагеном или с кем-нибудь из его людей — она не могла путешествовать в таких условиях. Когда Териза увидела группу всадников, приближающихся к Орисону с юга, то почему-то ей пришла в голову мысль, что она ни разу еще не садилась на лошадь.

Часто моргая от бьющего в лицо ветра, пытаясь сфокусировать зрение, Джерадин уставился на всадников. Через какое-то время он тихо выдохнул:

— Песок и красители! Это похоже на Тора. Сам Тор! С тех пор как я прибыл сюда, он ни разу не бывал в Орисоне.

Для Теризы он добавил:

— Говорят, он слишком растолстел, чтобы куда-то ездить. А мне еще казалось, что он слишком стар. Он по меньшей мере на десять лет старше короля Джойса. — И задумчи-

во пробормотал: — Если это он, то что же он делает здесь? В такое время года?

Едва он сказал это, как Териза почувствовала холод, сжавший ее сердце. Она повернулась к ступенькам, которые вели внутрь башни. Вердон держал слово, данное Мастеру Эремису.

Однако один из Мастеров сказал — или предположил? — что Тор не способен совершить подобное путешествие. Из-за того что времени слишком мало? Или расстояние слишком велико?

Джерадин внезапно проскочил мимо нее, почти бегом спускаясь по ступенькам.

— Пойдемте! — крикнул он через плечо. — Это, несомненно, Тор! И он везет с собой какой-то сверток!

На секунду она замерла в нерешительности. *Сверток?* Но затеянная Джерадином спешка вынудила ее помчаться вслед за ним.

Он спускался, преодолевая по две ступеньки за раз. Длинное платье не позволяло Теризе спускаться с той же скоростью, но на первом повороте лестницы он оглянулся, увидел, как она мучается, и замедлил шаги.

Они вместе стали торопливо спускаться с башни.

Несколькими минутами раньше ей было холодно; теперь ее бросило в жар. Несмотря на спешку, она остановилась на лестнице, чтобы снять полушубок. Джерадин пытался сдерживать свое нетерпение, но его лицо ясно показывало, что он раздражен ее медлительностью.

— Извините... — пробормотала она, продолжая спуск.

Прежде чем Джерадин успел ответить, он оступился, издал вопль и покатился вниз, ударяясь о каменные ступени.

— Джерадин! — Териза в отчаянии бросилась вслед за ним.

Когда она догнала его, он уже встал на четвереньки и оттолкнулся руками от пола. Голова у него моталась из стороны в сторону, словно он не мог вспомнить, где верх. Териза схватила его за руку, помогая подняться.

— С вами все в порядке?

Джерадин выглядел ошеломленным, он оперся на нее, поднимаясь на ноги.

— Не беспокойтесь. Если бы подобное перестало происходить со мной по меньшей мере раз в день, я бы начал волноваться, не случилось ли чего. — Он с трудом помотал головой. — Пойдемте. Я и так пропустил уже почти все, что только можно. Не хочу пропустить еще и это.

Но все же он заметно притормозил шаг, ведя ее по ступенькам к воротам.

Внезапно вновь пахнуло холодом. Они достигли высокой и широкой двустворчатой двери, за которой находился огромный двор Орисона. Дверь была обита полосами железа

и снабжена засовами, чтобы запирать ее при необходимости; сейчас она была открыта настежь.

От стен замка эхом отражались крики. По коридору промчались стражники; еще несколько солдат показались в дальней части двора. Через мгновение появился Смотритель Леббик. На морозе его команды звучали отрывисто, и он тоже помчался к воротам.

— Застегните полушубок, — настойчиво прошептал Джерадин.

Териза подчинилась, он взял ее за руку и вывел на открытое пространство.

Ее ноги по щиколотку утонули в грязи. Она охнула, жалея красивые сапожки, но вскоре забыла о них, сосредоточиваясь на каждом шаге.

Они с Джерадином оказались в юго-восточной, относительно чистой оконечности двора; палатки базара и телеги фермеров сгрудились на северо-западе, среди них виднелись лотки торговцев и гвардейцы, ответственные за поддержание порядка и спокойствия. Но даже эта часть двора казалась достаточно большой, чтобы там можно было проводить парады с участием сразу нескольких эскадронов всадников.

Дорога из замка не была закрыта. Ворота — колоссальная деревянная конструкция из толстых бревен, обитая сталью, — были подняты, как и в любой другой день; во время их прогулок Джерадин показал ей в архитраве гигантские вороты, которые поднимали ворота. Териза наблюдала, как Смотритель выстраивает почетный караул, чтобы приветствовать владыку провинции Тор. Трубач протрубил приветствие. Джерадин подвел ее, насколько солдаты позволяли подойти, поближе к месту, где всадники Тора должны будут, въехав в Орисон, спешиться, и здесь они стали ждать.

На дороге к Орисону были видны всадники; они уже почти достигли замка, хотя казалось, что они еле передвигаются. Териза обратила внимание на то, что все до одного всадники в черном. Дыхание лошадей оставляло на сбруе серебристую изморозь; попоны их были черными, и черная ткань покрывала носилки, которые держали в руках четверо всадников. Лицо мужчины, возглавлявшего процессию, скрывалось в тени черного капюшона, черный плащ был наброшен на плечи.

Этот человек выглядел столь тучным, что Териза удивилась, как лошадь может нести такую тяжесть.

Вместе со своими спутниками он приблизился к Смотрителю Леббику и остановился перед ровной шеренгой почетного караула. Все лошади, казалось, проседали под тяжестью груза, который они несли.

— Приветствую вас, милорд Тор, — мрачно сказал Смотритель. Его плечи поникли, словно зима возложила

на них непосильную ношу; пурпурная лента на лбу подчеркивала мрачно приподнятые брови.

— Добро пожаловать в Орисон! Какова бы ни была причина, приведшая вас в наш замок в такую пору, — добро пожаловать!

Тор медленно поднял руки в черных перчатках и откинул капюшон, обнажая лысую макушку, прикрытую редкими седыми волосами; черты лица, формой и цветом напоминающие подмороженный картофель; выцветшие глаза. Его толстые щеки были пощипаны морозом.

Хриплым басом он спокойно произнес:

— Я хочу видеть короля.

Териза увидела гримасу недовольства на суровом лице Леббика.

— Милорд Тор, — ответил он, — короля Джойса известили о вашем прибытии. Но в настоящий момент он занят другими делами. — Он не смог сдержаться и не выразить интонацией своего отвращения к этим *другим делам* — король, вероятно, играет в перескоки. — Я уверен, что вскоре он удостоит вас аудиенции.

Облака цвета могильных плит обложили все небо. Холод, казалось, сгустился на внутреннем дворе замка. Долгое время Тор не двигался и ничего не говорил. Его глаза смотрели куда-то в пространство, словно он ослеп. Наконец он с видимым усилием перебросил ногу через седло и спешился. Гвардейцы молчали; было отчетливо слышно лишь дыхание лошадей и хлюпанье сапог Тора по грязи, когда он направился к носилкам.

Лорд снял с носилок черный сверток в форме человеческого тела, более высокого, чем он сам, и понес его, натужно прижимая к животу, пока не оказался перед Смотрителем Леббиком.

Тем же самым спокойным, безжизненным тоном он сказал:

— Это мой старший сын. Я хочу видеть короля.

Тревога в глазах Смотрителя стала явной.

— Ваш сын, лорд Тор? Какая потеря. — Териза припомнила: Леббику было хорошо известно, что такое потери. — Весь Мордант будет печалиться вместе с вами. Как он умер?

На мгновение нотка страсти появилась в голосе Тора.

— Его лицо было вырвано диким зверем, коего не ведал ни Мордант, ни Аленд, ни Кадуол. Хотите посмотреть на то, что с ним стало? — Вытянутой рукой он указал Леббику на тело, покрытое саваном.

И почти мгновенно пыл его угас. Он снова равнодушно повторил:

— Я хочу видеть короля.

— Это невозможно. — Смотритель Леббик говорил глухо и хрипло, словно человек, мучимый болью. — Король Джойс еще не решил удостоить вас аудиенции.

Воцарилась тишина, и только люди, сопровождавшие Тора, нарушили ее, бормоча проклятия. Как долго им пришлось скакать, чтобы доставить изуродованного сына Тора к королю?

Внезапно Джерадин оставил Теризу. Он преодолевал грязь с такой стремительностью, что, казалось, его не в силах остановить ни препятствия, ни стражники, и приблизился к Тору. Юношеская нескладность и неловкость совершенно исчезли. Каштановые волосы, обрамлявшие его решительное лицо, придавали Джерадину вид настолько уверенного в себе человека, словно он обладал властью и знал, как ею пользоваться.

Не обращая внимания на яростный взгляд Смотрителя Леббика, Джерадин сказал:

— Милорд Тор, я Джерадин, младший сын Домне. От имени отца и всей нашей семьи разрешите выразить мои искренние соболезнования. Король Джойс увидится с вами. Когда он узнает, почему вы прибыли, то непременно увидится с вами.

— Джерадин, — басом рявкнул Смотритель, — я тебе это припомню. Ты забыл, кто ты есть, щенок!

Джерадин тут же обернулся к Леббику.

— Нет, Смотритель. — Он вдруг как будто стал выше, вырос в одно мгновение, убежденный в правомочности своих действий. — Это *я* вам припомню. Лично меня вы можете оскорблять сколько вам заблагорассудится. Но еще не настал день, когда вы сможете оскорблять Домне. А я сейчас говорю от его имени. И от его имени я беру на себя ответственность. Если ее груз раздавит меня — что ж, значит, так тому и быть. Король увидится с лордом Тором.

Гримаса исказила черты Смотрителя Леббика. Руки, висящие вдоль тела, сжались в кулаки. Выдохнув, он вкрадчиво произнес:

— Ну что ж, попробуй, щенок. Подобные выходки легко даются тем, у кого нет обязанностей, кто игнорирует последствия своих поступков. Мои обязанности заключаются в том, чтобы следить за исполнением всех приказов короля Джойса, и я буду добиваться их исполнения, — его рука дернулась у бедра, как бы подчеркивая весомость произнесенных слов, — чего бы это ни стоило.

Затем он отступил в сторону и приказал почетному караулу сделать то же самое.

Джерадин поддерживал Тора под руку, помогая нести его тяжелую ношу. Вместе они двинулись к ближайшей распахнутой двери. Не меньше дюжины солдат вытянулись перед ними в струнку, а потом стали сопровождать их.

Териза пошла вслед за ними.

Смотритель решительным жестом остановил ее.

— Нет, миледи. Здесь достаточно неприятностей и без вашего вмешательства. — Он выплевывал слова вмес-

те с густым паром. — Я не позволю видеть страдания короля женщине подозрительного происхождения.

Повысив голос, он приказал двум стражникам отвести леди Теризу де Морган в ее комнаты.

Какую-то долю секунды она готова была взбунтоваться — она не совершала ничего предосудительного и была не способна ничего такого совершить, даже если бы подумала об этом заранее. Ей хотелось пойти с Джерадином. Если бы она могла сделать хоть что-то для Тора... Ей страстно хотелось помочь ему, но взгляд Леббика заставил ее отступить. В нем светилась ярость, он, казалось, предупреждал, что, если Териза не угомонится, он будет вынужден совершить насилие.

Она обернулась к людям, которых он назначил ей в провожатые, и пошла с ними.

Пробираясь по грязи, она слышала, как Смотритель Леббик неловко приветствует спутников Тора, предлагая всадникам и их лошадям воспользоваться гостеприимством Орисона. А затем он последовал за Тором и Джерадином.

Оказавшись в своих комнатах, Териза вычистила, насколько было возможно, сапожки и вымыла их в ванне. Она думала о Торе. Очевидно, он прибыл в Орисон *не* по просьбе Вердона. С другой стороны, разве так важно, какие причины привели сюда лорда Тора? Главное, что он оказался здесь. Это явно было на руку Мастеру Эремису.

Мастер Эремис был не слишком удобным объектом для размышлений. Его отсутствие вызывало у нее смутную боль разочарования и страх. Тем не менее размышления о нем были более приятными, чем образ Тора, стоявший у нее перед глазами, образ толстого старого человека, по колено в грязи, с мертвым сыном на руках и глазами, пустыми от горя. Когда мать Теризы умерла и она заплакала, отец ударил ее, всего раз, чтобы заставить замолчать. Затем он напился, первый и единственный раз за время, что она себя помнила. После этого он начал приводить в дом других женщин, словно его жена никогда не существовала. Териза предпочитала думать о Мастере Эремисе.

Прошел час, прежде чем она осознала, что никак не может успокоиться. Она была не из тех женщин, которые бесцельно бродят по комнатам, но сейчас вдруг обнаружила, что старательно вымеряет шагами ковры и каменные плиты пола — в ожидании Джерадина. Он посмел возразить Смотрителю. Териза понимала, что никогда еще не видела в нем такой силы. Но вернется ли он рассказать, что произошло дальше?

Он все-таки пришел. Перед полуденной трапезой Териза услышала стук в дверь. Открыв ее, она увидела в коридоре Джерадина.

Он выглядел, словно побитый мальчишка. Глаза казались опухшими от слез, а выражение лица было таким несчастным, что ей захотелось обнять его.

Однако на это Териза не решилась. Жизнь, полная сдержанности, ничему ее не научила: она не знала, как успокаивать других. Но инстинктивно, не колеблясь, положила свою руку на его и выдохнула:

— О Джерадин, что случилось?

Он попытался собраться, но безуспешно.

— Тор увиделся с королем. Сын Домне смог добиться хотя бы этого. Я просто не позволял никому говорить мне «нет». Но король Джойс...

У него перехватило горло, слова застревали в нем, словно им было больно выходить наружу. На какой-то миг его черты исказились. Он смущенно посмотрел на стражников, стоящих по бокам двери.

— Пожалуйста, Териза. Я не могу говорить об этом в коридоре.

Ее сердце лихорадочно билось.

— Входи же, — пробормотала она. — Это глупо с моей стороны. Я не собиралась держать тебя здесь.

Продолжая касаться руки Джерадина, она ввела его в гостиную.

Если бы он не тратил столько сил на то, чтобы сдерживать себя, и если бы не ее скованность, они могли бы обняться. Но он выглядел таким далеким в своем горе... К тому же ей пришлось отступить от него на шаг, чтобы закрыть дверь.

Когда она снова обернулась к нему, он стоял, сжимая кулаки.

— О Джерадин, — причитала она, — Джерадин...

— Я не знаю, что происходит, — сказал он хрипло, словно выдавливал из себя слова. — Клянусь, я ничего не понимаю.

Увидеться с королем оказалось совсем не трудно. Для этого было достаточно проигнорировать стражников у двери, сказавших, что король занят. При данных обстоятельствах они не могли преградить путь Тору.

Король Джойс и Адепт Хэвлок играли в перескоки. Об этом ты, наверное, уже догадалась. Ибо что же еще, — сказал он кисло, — могло помешать ему повидаться с человеком, благодаря которому начался его путь к трону короля Морданта? Но он, казалось, ничуть не удивился тому, что кто-то посмел прервать его занятие. Когда я ворвался, он оставил игру, чтобы поприветствовать нас. На лице у него при этом была его обычная улыбка, от которой просто хочется распластаться перед ним, чтобы он мог по тебе пройтись.

Он заметил на руках у Тора огромный сверток, и я пояснил, что это такое. Я был уверен, что поступил пра-

вильно. Хоть раз в жизни я наконец-то совершил благородный поступок.

Он, казалось, вспомнил о своей силе и вызвал ее из глубин души. И вдруг стал выше, массивнее, глаза его загорелись гневом.

«Как это произошло?» — спросил он. Тор не мог отвечать, и потому ответил я: «Воплотимое. Какой-то странный волк». И, чтобы он воочию убедился в содеянном, я сказал: «Посмотрите на его лицо».

Король Джойс приподнял край савана.

Джерадин содрогнулся.

— Это было ужасно. Хотя выглядело бы куда хуже, если бы тело не оставалось на морозе в течение всех десяти дней, пока Тор находился в пути.

Когда король Джойс увидел это, он словно бы внутренне распрямился. Он принял тело из рук Тора. Затем обратил лицо к потолку, словно собираясь завыть. В его лице было столько боли и ярости, казалось, оно безмолвно кричало. Я думал, что наконец-то — *наконец-то* — он разгневался достаточно, чтобы решиться на что-то...

Но я ошибся.

Джерадин даже не пытался смягчить свою боль.

— Адепт Хэвлок выбрал именно этот момент, чтобы сказать: «Джойс, твой ход» — словно он не замечал происходящего в комнате.

И король Джойс сломался.

Его лицо скривилось, он заплакал — тихо, почти беззвучно. «О мой старый друг, — сказал он. — Прости меня. Прости меня». Затем опустился на колени, не в силах больше удерживать тело на весу, — Джерадин, рассказывая это, едва сдерживал плач, прижимая локти к животу, а сжатые кулаки — к груди, — и как можно осторожнее опустил сына Тора на пол. Какое-то время он стоял на коленях, склонившись над телом. Затем снова поднялся... — Джерадин сжал кулаки еще крепче, словно бы набираясь сил, чтобы договорить, — и вернулся обратно к игре.

Какое-то время Джерадин стоял неподвижно, пытаясь справиться со своими эмоциями, а Териза смотрела ему в лицо, страдала за него, за Тора, за короля Джойса — и молчала.

— После этого, — продолжал Джерадин, тяжело вздохнув, — он уже ни на что не обращал внимания. Не отдал распоряжений насчет похорон. Не отвечал ни на какие вопросы. Может быть, он даже позабыл, что мы находимся здесь. Он наконец-то двинул одну из шашек. Насколько я мог видеть, этот ход укрепил позицию Хэвлока.

За все это время Тор не проронил ни слова. Он выглядел слишком ошеломленным, слишком глубоко погружен-

ным в горе, чтобы хоть что-то сказать. Мне казалось даже, он вот-вот потеряет сознание. Но ему удалось все же взять себя в руки. «Мой сын — мертв, — сказал он, словно пытаясь понять поведение короля. — И это — лучшее, что ты можешь в такую минуту делать?»

Король не отвечал. А Адепт Хэвлок сказал: «Когда будете уходить, закройте, пожалуйста, за собой дверь».

Джерадин снова вздрогнул.

— Затем Смотритель Леббик выпроводил нас оттуда. Двум его людям пришлось применить силу, чтобы увести Тора. Но я за это ему благодарен. Он оказал нам услугу, выдворяя нас.

Внезапно пригодник прижал кончики пальцев к глазам, стараясь избавиться от слез, боли и слабости. Когда он снова посмотрел на Теризу, его глаза были красными и растерянными. Уверенность покинула его. И сейчас еще больше, чем когда-либо, он производил впечатление молодого человека, сломленного подсознательным пониманием надвигающейся катастрофы.

— Смотритель Леббик был прав, — сказал он. — Лучше бы Тор не виделся с ним. Я, похоже, только усугубил его горе.

— Мне очень жаль, — прошептала Териза, ненавидя себя за неспособность облегчить его страдания. Но она ничего не могла для него сделать, она только повторила: — Мне очень жаль.

Позднее в этот же день, оставшись в своих комнатах одна, когда впереди было еще полвечера, а заниматься, кроме размышлений, было нечем, Териза стояла у окна и смотрела на дорогу. Показались еще какие-то всадники.

Эта группа была больше отряда Тора и выглядела более воинственно. О прибытии всадников к стенам Орисона возвестила труба; Смотритель поспешил выстроить почетный караул, тот же, что встречал Тора. Затем вся группа проследовала в замок.

Теризе никак не удавалось собраться с мыслями.

Саддит вместе с ужином принесла новости.

— Вы слышали, миледи? Оба, Файль и Армигит, прибыли в Орисон, оба потребовали аудиенции у короля Джойса. И обоим было отказано. — Служанка гордилась своими сведениями. — Говорят, Файль привез письма от королевы Мадин и леди Торрент. И тем не менее получил отказ.

Судя по слухам, он воспринял этот отказ стоически. Армигит же вел себя совершенно иначе. Я сама была свидетелем. Он бегал по коридорам, хватал за руку каждого, кто готов был его выслушать, и изливал на него свое негодование. — Она хмыкнула. — Я даже начинаю сомневаться, что он действительно взрослый мужчина, миледи.

Когда Саддит удалилась, Териза обнаружила, что все же пришла к нужному решению. Король Джойс не желает встречаться с лордами провинций; он отказался даже получить весточку от жены. Он зашел слишком далеко. Мастер Эремис прав: положение дел таково, что Мордант может спасти только кто-то другой.

Ей следует отправиться к нему и рассказать все, что она знает.

Возможно, придется поведать ему о тайных встречах с Мастером Квилоном и Адептом Хэвлоком. Не для того, чтобы предать их, но лишь с целью помочь Мастеру Эремису: эта информация позволит ему действовать более успешно.

Териза приняла подобное решение, быть может, скорее для самой себя. Ей не хотелось всю свою жизнь так и оставаться пассивной. Ее присутствие здесь не имело никакого смысла — но, пока она здесь, она будет делать хоть что-то полезное, будет стараться помочь. Помочь Джерадину, а также всему остальному Морданту. Джерадин слишком ошеломлен, потрясен встречей с королем и потому не в состоянии преодолеть свою былую неприязнь к Мастеру. Он слеп по отношению к тому простому факту, который она видит ясно: Мастер Эремис единственный человек, способный объединить Гильдию и лордов против врагов Морданта.

Но она уже не думала о Джерадине — или о Морданте, — когда пришла к окончательному решению. Она вспоминала о том, как Мастер Эремис целовал и ласкал ее.

Она провела бессонную ночь, но встала рано. Вымылась. Вымыла и высушила волосы. Когда Саддит принесла завтрак, Териза поняла, что не может есть. Не рискуя бороться с подкатывающей тошнотой, она попросила служанку помочь ей надеть платье, которое выбрала накануне вечером, — из розовато-лилового шелка, обтягивающее бедра и широкое в груди, с глубоким вырезом. Отпуская Саддит до вечера, она сказала, что собирается провести день в обществе леди Мисте.

Саддит, услышав столь явную ложь, лишь пожала плечами и ушла с довольной улыбкой, словно у нее были свои планы.

После ухода служанки Териза еще какое-то время оставалась в своих комнатах. Она уверяла себя, что это не колебания — нет, ничего подобного. Она просто ждет подходящего часа. Но правда заключалась в том, что она потеряла уверенность. Мастер Эремис был для нее слишком — слишком опытным, слишком посвященным, слишком властным. Джерадин обвинял его в том, что он пытается манипулировать ею. И он наверняка манипулировал Гильдией. Объяснения, которые он ей дал, были далеко не удовлетворительными. И, похоже, больше она его не интересовала.

Однако в конце концов Териза отмела все сомнения и на исходе утра неверной рукой открыла дверь и вышла.

Один из стражников при виде ее негромко присвистнул сквозь зубы; она это проигнорировала.

Спускаясь вниз, Териза слегка запаниковала, потому что не помнила точно, как пройти к комнатам Мастера Эремиса. Она не обратила особого внимания на путь, когда в тот единственный раз посещала его апартаменты. И еще ей показалось, что за ней следует какой-то мужчина...

Три или четыре раза на разных уровнях замка она оглядывалась, но этот человек исчезал в тот самый момент, когда она вот-вот, кажется, должна была его разглядеть. Он вроде был высоким и сильным, серый плащ скрывал его одежду и затенял лицо, но не укрывал длинный меч, выглядывавший возле сапог.

С другой стороны, он не мог быть тем человеком, который напал на нее в ее комнатах, так как был одет не в черное. И, похоже, вовсе не следовал за ней. Видимо, он вскоре отстал от нее. Она его больше не замечала.

Обеспокоенная его присутствием, вероятно, больше, чем он того заслуживал, она выбросила мысли об этом человеке из головы и снова сосредоточилась на поисках покоев Мастера Эремиса.

То, что Териза запомнила во время прогулок с Джерадином, существенно помогло ей. Наконец она нашла коридор, ведущий в ту часть Орисона, что была отведена исключительно для Мастеров. После этого ей оставалось только найти дверь из полированного палисандра с изображением Мастера Эремиса в полный рост.

Добравшись наконец до этой двери, Териза подняла руку, чтобы постучать, — и замерла. Дыхание ее было слишком прерывистым; ей требовалось время, чтобы успокоиться. Изображение на двери было действительно весьма необычным. Глаза, которые, казалось, видели все на свете; рот, обещающий удовольствия, которые могли ей на самом деле и не понравиться. Он был для нее чрезмерен. Если бы у Теризы оставалась хоть капля здравого смысла, она сама призналась бы себе в этом. Ей не следовало так рисковать.

И потому она не постучала. Движимая безумной логикой одержимого, она положила руку на дверную ручку и открыла дверь со звуком более тихим, чем стук ее сердца.

Она нашла комнату для соблазнений такой, какой ее помнила, — именно здесь Мастер целовал и ласкал ее. Она увидела, что багрянец верхнего ковра драматично подчеркивает голубизна обивки и желтизна занавесок. Она увидела изящно сделанные медные подставки, с которых расточали свет и тепло лампы с ароматическими маслами. Она увидела роспись на стенах — различные сцены обольщения. Она увидела диван...

А на диване — Мастера Эремиса. К счастью, он не смотрел в ее сторону. Он лежал лицом вниз, и все его

внимание было сосредоточено на женщине, лежащей под ним. Крепкие мускулы его голой спины и ягодиц напрягались и расслаблялись в ритме его движений.

Ноги женщины обхватили его у пояса. Ее руки обвили его спину. Она издавала возгласы, шедшие, казалось, из самой глубины тела.

Ее одежда, разбросанная на полу, была Теризе хорошо знакома. В дополнительных доказательствах она не нуждалась.

Женщина, вне всяких сомнений, была Саддит.

Она видела нечто подобное и раньше. Ее родители жили в отдельных комнатах. Но после смерти матери Териза стала использовать ее комнату для того, чтобы скрываться от всех, словно, будучи уже на том свете, мать утешала ее больше, чем когда была жива. Естественно, она ничего не говорила об этом отцу, и он, вероятно, не подозревал о ее присутствии, когда повалил одну из своих женщин на постель матери. Она тогда смотрела какое-то время, прежде чем поняла, что происходит у нее на глазах.

Сейчас Териза просто тихо закрыла дверь, несмотря на щемящую боль в сердце, и вернулась в свои комнаты. Осторожно, стараясь не порвать платье, она в конце концов справилась с шелковым нарядом и отшвырнула его в сторону. Затем переоделась в свои старые вещи, подошла к окну и долго смотрела на разбушевавшуюся зиму.

Она все еще стояла у окна, когда к замку приблизилась еще одна группа всадников. Как и предыдущие две, эта группа была больше, чем процессия Тора, — и менее мрачная. Снова труба приветствовала прибывших, когда они въезжали в ворота. Снова Смотритель Леббик встречал их почетным караулом. Когда всадники спешились, Теризе показалось, что она узнала выправку и лысую голову Вердона. Но она не была в этом уверена.

12. Что мужчины делают с женщинами

Она не знала, как сможет снова посмотреть в глаза Саддит. К счастью, когда служанка принесла ей ужин, старые привычки пришли Теризе на помощь. Она отнеслась к сияющей Саддит так же вяло, бледно и безлико, как вела себя с родителями напустила на себя отсутствующий вид, словно закуталась в плащ и не было ничего, что могло бы привлечь к ней внимание Саддит, вызвать у служанки какие-нибудь эмоции или дать

пищу для раздумий. В результате Териза была в состоянии выслушать болтовню Саддит так спокойно, будто ничего при этом не ощущала. Она без труда справилась с вежливыми и вялыми попытками служанки выяснить, как ее хозяйка провела время.

Теризе казалось вполне нормальным, что это не вызвало у нее никаких чувств. Как она могла что-либо ощущать, если была словно бы в вакууме и ни одна эмоция не затрагивала ее сознания?

К несчастью, за привычки приходится расплачиваться. Чувство, что она исчезает, растворяется, с новой силой нахлынуло на нее. Ей снова предстояла отвратительная ночь — и не было зеркал, с помощью которых она могла бы защититься.

После того как служанка собрала тарелки и ушла, Териза приняла ванну, используя холодную воду и тепло камина, чтобы создать иллюзию физической реальности. Еще какое-то время старательно переставляла лампы в комнате, пытаясь получить свое отражение на стекле окна. Но чернота ночи снаружи упорно отказывалась показать ее изображение.

Ей захотелось принять все как есть и беспрекословно подчиниться последствиям. Но она боролась с этим уже много лет. Что же сделал с ней Мастер Эремис? Не он создал ее проблему. Неужели она была настолько глупа, что поверила, будто он может ее от этого излечить? Что его прикосновение к ее телу даст ей то, чего ей не хватает? Тогда почему она бессмысленно тратит время, так переживая? Почему же она...

...дрожит посреди комнаты и сердце ее замирает от того только, что кто-то постучал в ее дверь?

Териза знала ответ. Сегодня та самая ночь, когда Мастер Эремис и Мастер Гилбур должны встретиться с лордами провинций.

Какое-то мгновение она собиралась вообще проигнорировать того, кто стоял за дверью. Но стук повторился, напоминая Теризе, что нет места, где она могла бы спрятаться. Собрав всю смелость, какая в ней еще оставалась, Териза пошла открывать.

На пороге стоял улыбающийся Мастер Эремис.

Он глядел на нее так, что она поняла — он имеет над ней слишком большую власть; она вмиг отмела все вопросы о реальности своего существования и стояла пред ним реальная — реальная для него. И, кстати, разве он причинил Теризе какой-либо вред, занимаясь любовью с Саддит? Глаза его обещали гораздо большее. Кто еще из тех, кого она знает, мог бы целовать ее так порывисто, весело и со знанием дела?

И если его интерес к ней угас, она может возродить его, рассказав об Адепте Хэвлоке и Мастере Квилоне.

Смущенная, пытаясь держаться прямо, она сказала:

— Я не хочу идти.

Эремис мягко проскользнул в комнату, словно знал ее лучше, чем она сама.

— Миледи, — сказал он настойчиво, — вы должны.

— Почему? — Его лучезарный взгляд и ослепительная улыбка кружили ей голову. — Это не имеет ко мне никакого отношения.

— Ох, — ответил Мастер, — вот тут вы совершенно не правы. — Теперь его лицо было серьезным. — Вы должны отправиться со мной в качестве подтверждения моих добрых намерений. Вы, возможно, не представляете себе, какой дурной репутацией пользуются все воплотители — по вине короля Джойса. Все мы находимся здесь по его воле и потому честны настолько, насколько честен он, благодушно настроены по отношению к Кадуолу и Аленду, что превращает нас в предателей, и являемся источником существующей напряженности в отношениях с ними. Однако нам приходится мириться с этим, потому что Гильдия была создана скорее силой, чем по доброй воле. Передо мной стоит задача переубедить этих лишенных власти лордов, поверить мне, а это может быть достигнуто лишь в том случае, если я буду честен с ними. Я должен показать им вас, дабы они получили представление о том, что Гильдия собиралась сделать совсем недавно — и что мы собираемся сделать сейчас.

Миледи, от вас зависит очень многое. Если вы откажетесь пойти со мной, я ничего хорошего от этой встречи не ожидаю... — Он пытался выглядеть менее самодовольным. — И все мои попытки спасти Мордант пропадут втуне.

Его руки игриво поправили край мантии.

Териза хорошо помнила его руки. Она в тот раз только начинала узнавать, что они могут делать. Сердце ее пылало. Она чуть не сказала: «Хорошо, я пойду с вами, если после этого вы отведете меня в свои комнаты». Эти слова так рвались из ее горла, что она ощутила легкое головокружение. Ей пришлось несколько раз сглотнуть, прежде чем она смогла кивнуть головой.

Мастер сделал шаг к ней.

— Миледи, — проворковал он, завладевая ее рукой, — я нисколько не сомневался, что вы поймете меня.

Едва он вывел Теризу за дверь, как их остановили стражники. Они хотели знать, куда он ее ведет. По распоряжению Смотрителя Леббика. Хотя Джерадина — впрочем, Териза, возможно, просто не обращала на это внимания — никогда об этом не спрашивали, когда она уходила вместе с ним. Мастер Эремис резко ответил, что леди Териза де Морган решила присоединиться к нему и еще нескольким Мастерам и посидеть за скромным ужином в покоях магистра Гильдии. И он повел ее дальше.

Выпяченная нижняя челюсть Мастера ясно говорила о том, что стражники его разозлили.

Держа ее за руку, он спустился с башни и потащил по лабиринту коридоров. Внезапно, вновь увидев человека в сером плаще, она резко остановилась и чуть было не потеряла равновесие. Но он исчез почти в то же мгновение: Териза потеряла его из виду прежде, чем успела указать на него Мастеру Эремису. Улыбкой извинившись за свою неловкость, она продолжала путь. Человек в сером плаще больше не появлялся.

Мастер Эремис не делал попыток скрываться, но шел сложным путем, чтобы сбить с толку тех немногих стражников, что попадались им на пути. Тем не менее через какое-то время стало ясно, что он ведет Теризу вовсе не туда, где в Орисоне помещались личные комнаты Мастеров Гильдии. И, точно так же, он шел вовсе не к замысловатому комплексу комнат и коридоров лабораторий. Напротив, он постепенно спускался в глухую, заброшенную часть замка, смутно напоминавшую место, где располагались квартиры Хэвлока, — помещения в основании Орисона. На миг Теризу поразила странная мысль, что Мастер Эремис имеет что-то общее с Мастером Квилоном и Адептом. Но хотя коридоры, которые выбирал Мастер Эремис, были холодными, пустыми и неубранными, посещали их достаточно часто, чтобы в них сохранялось освещение: на стенах примерно через равные промежутки висели лампы. Ответвляющиеся коридоры и залы, мимо которых они проходили, хранили следы, напоминающие, что когда-то здесь жили люди. Видимо, они перебрались выше, на другие уровни, когда Орисон поднимался вверх. А может быть, фундамент начал протекать. Но каковы бы ни были причины, эти помещения покидали ради более сухих на более высоких уровнях. Сапоги Мастера Эремиса похрустывали, проламывая ледовые корочки лужиц на полу, и звук этот мягким эхом расходился по коридорам. Териза все время слышала, как где-то в отдалении капает вода.

Она обхватила себя руками, спасаясь от холода, и пыталась запоминать дорогу, чтобы не потеряться.

Внезапно от стены отделилась темная фигура и материализовалась перед ними. Териза невольно вздрогнула. Ближайшая лампа была футах в двадцати или тридцати от них, и в ее слабом свете появившийся выглядел массивным и жутким, схожим с медведем.

Но Мастер Эремис несколько раз цокнул языком, и она тотчас увидела профиль лысой головы, густых бровей и пышных усов. Этот человек был закутан в меховой плащ такого же мокровато-темного цвета, как тени вокруг. Силуэт его напоминал скорее не человека, а зверя, потому что под плащом на нем были латы.

Когда Териза присмотрелась, то заметила тонкую полоску света, обозначившую дверь за его спиной. Он, должно быть, ждал снаружи появления Мастера Эремиса.

— Мастер Эремис, — выдохнул мужчина. Пар вырывался из его рта. — Все уже прибыли — даже этот горбун, которого мы должны терпеть, чтобы успокоить Гильдию. А вы, я бы сказал, не торопитесь. — Териза в свете лампы могла видеть лишь половину его лица, но его глаз уставился прямо на нее. — И зачем вы привели женщину?

— Милорд Вердон, — ответил воплотитель, — не так-то легко, как вам кажется, устроить, чтобы встреча, подобная нашей, прошла втайне. — Спокойствие голоса только подчеркивало сарказм. — Леббик все контролирует — или думает, что контролирует. Так что приходится вкладывать в соответствующие уши солидные порции вранья. А насчет женщины — я все объясню.

Вердон не отрываясь смотрел на Теризу.

— Я надеюсь, что все сочтут ваше объяснение удовлетворительным, Мастер Эремис. — Он перевел взгляд на воплотителя. — Когда вы убеждали меня в необходимости этой встречи, я обещал, что соберу всех остальных лордов так быстро, как только смогу. Но рассылка курьеров на такие расстояния и получение ответов в такое время года должны были занять не менее пятнадцати дней. Вы убеждали меня, что это отнимет гораздо меньше времени. Должен признаться, я не вполне поверил вам. Сейчас я с изумлением признаю, что вы оказались правы.

Териза в удивлении чуть не сказала вслух:

— *Пятнадцать* дней? Ведь он говорил нам о шести. Он сказал Гильдии, что через *шесть* дней...

Но рука Мастера, стиснувшая ее плечо, заставила ее промолчать.

— У воплотимого есть свои преимущества, — загадочно пояснил он.

— Без сомнения, — согласился Вердон. — И, без сомнения, вы их нам объясните, когда сочтете нужным. Но один ответ вы должны дать мне сейчас. Я обеспокоен присутствием среди нас Тора.

— Обеспокоены, милорд Вердон?

— Да, Мастер Эремис. — Из-под края плаща лорда проглядывал сжатый кулак. — Я ему не верю. Он слишком долго оставался другом короля. Я изъявил согласие на его присутствие только потому, что полагал, он слишком стар и слишком толст, чтобы проделать подобный путь. Но его присутствие здесь меня беспокоит.

Эремис изумленно поднял бровь.

— Однако сейчас *вы* начинаете беспокоить *меня*. Мне показалось, что вы не доверяете не Тору. А мне.

Выражение лица Вердона не изменилось.

— Это меня действительно беспокоит. — В голосе Эремиса прозвучали нотки злости. — Когда вы говорили о пятнадцати днях, я знал, что времени понадобится гораздо мень-

ше, потому что Термиган был уже на пути в Орисон. У меня случайно есть плоское зеркало, которое показывает его трон в Стернвале, и я видел, как он уезжал.

Когда в Орисон прибыл Тор, я без колебаний пригласил и его. Разве никто ничего не говорил вам, милорд? Разве Тор не сказал вам, почему находится здесь? Он прибыл, чтобы потребовать хоть каких-то действий от нашего бравого короля, ибо его старшего сына убили порождения некоего злобного воплощения. А король отказал ему. Он отказался даже выслушать его требования — как отказал в аудиенции Файлю и Армигиту. Тор любил своего сына, — продолжал Мастер Эремис, — и я верю, что он будет нашим союзником.

— Хорошо, — пробормотал Вердон. — Хорошо. — Он повернул голову, и его лицо оказалось в тени. — Он был другом короля больше сорока лет. Но, может быть, горе сделает его более покладистым. Может быть, стоит рискнуть.

— Милорд Вердон, — сухо сказал Мастер, — вы недавно упомянули, что я задержался. Если мы не присоединимся к лордам как можно скорее, у них возникнут подозрения, и мы рискуем остаться в одиночестве.

Глаза Вердона сверкнули в полутьме. Он вытянул руку и осторожно коснулся груди воплотителя.

— Помните, Мастер Эремис, — тихо произнес он, — я — владыка провинции Вердон. Я не люблю, когда мною манипулируют — или когда меня обманывают. И подозреваю, что все остальные лорды имеют такие же дурные привычки.

Он резко повернулся и зашагал по коридору, его подошвы гулко стучали по каменному полу.

Несколько мгновений Мастер Эремис и Териза продолжали стоять на месте.

— Недалек тот день, — сказал он почти ласково, — когда этот заносчивый лордишка научится быть поосторожнее с угрозами.

Почти невольно, словно вопрос вырвался сам собой, Териза поинтересовалась:

— Почему вы лгали Гильдии? Вы ведь сказали им, что сегодняшняя встреча была идеей Вердона.

Он в тот же миг прижал палец к ее губам.

— Миледи, — прошептал он, — я ведь уже объяснял, что некоторые из моих коллег Мастеров меня недолюбливают. Они согласились рискнуть и одобрили эту встречу лишь потому, что полагали, будто в основе ее честь Вердона, а не мое предвидение. Я прошу вас теперь не говорить больше ни слова, пока вы вновь не окажетесь в безопасности в своих комнатах.

Продолжая крепко сжимать ее руку, он повел ее вслед за Вердоном.

Они поспешили за резким эхом его шагов, пока не миновали очередной поворот; впереди Териза увидела свет, льющийся из открытого дверного проема. Дверь не охранялась; видимо, лорды верили, что в Орисоне они в безопасности. Вердон прошел внутрь, и Териза услышала тихие голоса, приветствующие его. Через мгновение Мастер Эремис вывел ее к свету.

Он отпустил ее руку и легонько подтолкнул вперед. При этом ей показалось, что сам он отступил назад, как будто используя ее для того, чтобы отвлечь внимание от себя.

Дверь вела в комнату, обставленную аскетично, как тюремная камера, и примерно таких же размеров. Свет шел из многочисленных ламп, размещенных на длинном и крепком, очень солидном деревянном столе, занимавшем по меньшей мере половину комнаты. Тяжелые стулья, расставленные вокруг стола, почти не оставляли свободного места.

Едва войдя в комнату, Териза увидела Мастера Гилбура; он сидел в дальнем конце стола; его черты были искажены гримасой недовольства, словно находиться здесь ему уже до смерти надоело.

Вердон еще не сел, но все остальные лорды заняли свои места. Териза моментально узнала Тора. Он сидел рядом с Мастером Гилбуром. От соприкосновения с зимой его кожа приобрела более живую окраску, однако в целом его лицо походило скорее на остывший вареный картофель, а глаза остекленели. На столе перед ним стоял огромный кувшин.

Напротив него сидел человек, которого Териза, основываясь на описании Саддит, тут же мысленно окрестила Армигитом. Из-за мягких черт лица он казался более полным, чем на самом деле, и как будто чем-то обиженным; волосы Армигита были подкрашены и слегка подвиты; пышный и вычурный наряд отдаленно напоминал одеяние красавицы. В этой комнате он был единственным, кто выглядел моложе Мастера Эремиса; видимо, свой титул он унаследовал, а не добыл в войнах за Мордант.

Как и остальные лорды, он был вооружен, но тонкий меч у него на боку казался декоративным.

Следующий за Армигитом человек был полной его противоположностью; он казался высеченным из цельного блока кремня. Каждая черточка его лица, каждый взгляд, каждый жест словно предупреждали, что сейчас их хозяин нанесет удар. Кожа у него была пыльного, серого оттенка, что подходило к его темным глазам. Брови еле угадывались из-за отсутствия цвета.

Териза предположила, что это, скорее всего, Термиган: он недостаточно стар, чтобы быть отцом королевы Мадин. Лорд, сидящий напротив него, возле Тора, по-видимому, Файль. Этот человек по меньшей мере одних лет с Тором; редкие волосы, обрамляющие его лысину, коротко подстрижены; он

сидел согнувшись, словно борзая. Его лицо казалось чересчур вытянутым, а челюсть слишком массивной; он выглядел бы недоумком, если бы не глаза — ясные, пронзительно голубые. Поза, в которой он сидел в кресле — прямо, сложив руки на груди, — подтверждала стоицизм, которым он славился, по словам Саддит.

За исключением Тора, чье внимание было приковано к кувшину, все остальные смотрели на нее. Взгляд Файля не выражал никаких чувств; Термиган поглядывал на нее с подозрением, Армигит — со сладострастием, а лицо Мастера Гилбура было мрачным и раздраженным.

Благодаря присутствию людей и наличию ламп в комнате было значительно теплее, чем в коридоре.

Никто не тратил время на представления. Как только Мастер Эремис вошел в комнату, через минуту или две после Теризы, Вердон мрачно объявил:

— Мастер Эремис сказал, что объяснит ее присутствие здесь. — Рыжие волосы его бровей и в ушах стали заметны Теризе, когда он сел на стул рядом с Термиганом.

— Да, я хотел бы услышать объяснение, — моментально рявкнул Мастер Гилбур. — Какую чепуху вы понесете, чтобы заставить нас спокойно проглотить ее присутствие здесь, Мастер Эремис?

Натолкнувшись на такое проявление недоброжелательности, Териза почувствовала, как начинает гореть ее лицо. Любой, повнимательнее присмотревшись к ней, заметил бы на ее висках капельки пота. Неужели она может быть действительно важным звеном в планах Мастера Эремиса? И почему все, чего он ожидает от этой встречи, зависит от нее?

— Миледи... — его тон был предельно вежлив, — присаживайтесь. — Он указал ей на стул рядом с Файлем, а сам расположился во главе стола напротив Мастера Гилбура. Его манера держаться, а также пряди черных волос, зачесанные назад от высокого лба, и щеки, плавно переходящие в большой нос, придавали ему сходство с какой-то экзотической птицей. Но между тем ей еще не приходилось видеть его менее серьезным, нежели сейчас. Блеск в глазах словно бы служил противовесом твердой складке губ. Руки, фривольно раскинутые на столе, противоречили попытке выглядеть предельно серьезным.

— Милорды, — сказал он спокойно, глядя по очереди на каждого, — время для нас — весьма важный фактор. Если бы мы не спешили, я предпочел бы не принимать никаких решений без обсуждения с вами и вашего одобрения. Зима, правда, может продержаться еще месяц или даже полтора. Но она может закончиться и через десять дней. И тогда огромная армия начнет двигаться на нас из Кадуола. Не так давно мудрый король

Джойс отказался от предложенного ему союза с Аленом, издеваясь над послом, чтобы отказ был как можно более оскорбительным. И силы Маргонала находятся от нас не намного дальше, чем силы верховного короля.

— Это правда, — сказал Армигит с детской обидчивостью. — Если б король Джойс дал мне аудиенцию, я рассказал бы ему об этом. Армии Маргонала стоят менее чем в дневном переходе от Пестиля. Мои командиры утверждают, что не смогут противостоять ему. Когда Аленд пойдет в атаку, я буду сокрушен. А король Джойс отказался со мной говорить!

Он мог бы еще долго продолжать в том же духе, но Мастер Эремис ловко его перебил:

— Но что еще хуже, так это порождения злых воплотителей. И твари из воплотимого не будут ждать до весны. Весь Мордант подвергается их нашествию. Странные волки загрызли сына Тора. Кошмарные оборотни бесчинствуют в деревнях Файля. Всеядные ящерицы бродят по складам Демесне. Огненные ямы появляются в полях Термигана — почти перед стенами Стерваля.

Термиган холодно кивнул:

— Вот потому-то я сейчас здесь. Я — солдат. Но я бессилен против огненных ям.

— У нас очень мало времени, милорды, — продолжал Мастер Эремис, — и потому я предлагаю вам согласиться еще кое с чем...

Он выдержал для эффекта паузу, и Мастер Гилбур возмущенно сказал:

— Выкладывай, Эремис. Что ты еще натворил?

Попытки Мастера удержаться от смеха чуть не провалились. С трудом подавив свои эмоции, он сказал:

— Я пригласил еще кое-кого на нашу встречу. — И прежде чем кто-либо успел отреагировать, он сказал через плечо: — Милорд, вы можете войти!

Териза в изумлении смотрела, как в дверь прошел принц Крагеи в сопровождении двух телохранителей.

На его лице было написано, что самонадеянность его ничуть не пострадала. Сейчас на нем не было церемониального медного шлема, нагрудника и ножен. Черный шелк, в который принц был одет, подчеркивал темный цвет его кожи; усы сохранили свой блеск. Как и прежде, на боку у него висел огромный меч. Телохранители Крагена были вооружены вполне серьезным оружием — для битвы, а не для украшения.

Увидев его, Армигит часто заморгал. Термиган резко отодвинул стул и положил руку на рукоять меча, готовый вскочить на ноги. Лицо Мастера Гилбура апоплексически побагровело. Тор сделал солидный глоток из кувшина и рыгнул.

— Это сюрприз, — изрек Файль голосом, похожим на шорох сухих листьев. — Вы явно не сторонник полумер, Мастер Эремис.

— Вы что, последнего ума лишились? — набросился Вердон на Эремиса. — Я предупреждал, что не люблю, когда мною манипулируют. Вы пригласили сына алендского монарха на нашу тайную встречу?

Один из телохранителей ловко протиснулся между принцем Крагеном и Термиганом. Но прежде чем он успел обнажить меч, принц остановил его.

— Лорды, — он сделал широкий жест, — послушайте меня. Вы удивлены — но отнюдь никем не преданы. Наоборот, я благодарен Мастеру Эремису за предоставленную мне возможность встретиться с вами. После унижения, которое я претерпел от вашего короля, я собирался немедленно покинуть Орисон. И это означало бы неотвратимую войну между Мордантом и Алендом. А алендский монарх страстно желает мира. Самое сильное его желание — заключить союз против злодейств Кадуола и воплощений. Таким образом, когда Мастер Эремис попросил меня задержаться в Орисоне, обещая предоставить мне шанс побеседовать с вами, я согласился с его доводами.

Лорды, я не смог достигнуть союза с королем Морданта. Но неужели, в конце концов, я не могу заключить союз с лордами Морданта?

— Аленд мне враг, — незамедлительно высказался Термиган, по-прежнему сжимая меч. — Многие из моих друзей и братьев были убиты Алендом за то, что защищали свое право на свободу. Я не понимаю, Мастер Эремис, зачем вы позвали нас сюда — обсуждать предательство?

— О, *предательство?* — Армигит всплеснул изящными руками, быстро опомнившись от изумления. — Со своей стороны я весьма рад видеть принца Крагена с мирными предложениями. Кому же вы преданы, милорд Термиган, — королю Джойсу или Морданту? Вы знаете, что сделал наш король — и чего не сделал, — чтобы помочь нам в наших нуждах. Я лично называю *предательством* дальнейшее подчинение ему. Мордант, — добавил он высокопарно, — вот чему стоит служить.

— Лорд Термиган, — продолжал принц Краген, — вы, надеюсь, можете понять позицию алендского монарха. Как я уже говорил, он хочет во что бы то ни стало сохранить мир. Нам знакомо понятие «мир», мы не раз сражались за его отмену и по-прежнему полагаем, что он ничуть не лучше войны. Однако ваш король не удовлетворился миром. Он создал Гильдию.

Лорды, — обратился он ко всем присутствующим, — Гильдия представляет огромную опасность. Пока ваш король крепко держал ее в своих руках, она служила делу мира, и мы

принимали это как должное. Но сейчас король слаб. Мордант подвергается нападениям тварей из воплотимого — и могущество воплотителей не используется для его защиты. Как мы можем объяснить это? Либо ваш король сошел с ума и больше не хочет защищать то, что создал с таким трудом, либо... Либо он сошел с ума и толкает Гильдию к применению силы против собственного королевства, готовясь к тому, — Мастер Гилбур запротестовал было, но принц успел предвосхитить его намерение и поспешно завершил фразу, — чтобы вскоре сокрушить всех нас!

— *Это* — ложь! — рявкнул Мастер Гилбур, ударяя кулаком по столу. — Естественно, король Джойс безумен. Но он как раз *не* использует воплотимое! Клянусь рогами козла Архивоплотителя, не мы причина его несчастий!

Принц Краген даже не пошевелился.

— Вы говорите только за себя, Мастер Гилбур, — сказал он спокойно, — что касается вас, вам я в этом отношении верю. То, что Гильдия хотела этой встречи, свидетельствует в ее пользу. Мне кажется, и Мастер Эремис доказал свои добрые намерения, когда собрал нас всех вместе, получив разрешение Гильдии сообщить нам, что Мастера намерены предпринять для защиты Морданта. К сожалению, это ничего не меняет. Ваш король ослабел. И потому Кадуол надеется завладеть Гильдией. А Аленд, естественно, должен этому воспрепятствовать. Мы не можем позволить, чтобы такое сообщество воплотителей стало оружием в руках верховного короля.

Лорд Термиган, вы многое потеряли в войнах с нами. Мы тоже потеряли многое. Но и Мордант и Аленд потеряют гораздо больше, если управлять Гильдией станет Фесттен.

— Отлично сказано! — вмешался Армигит. — Отлично сказано!

Вердон мрачно посмотрел на Мастера Эремиса и тихо сказал:

— Вы умнее, чем я предполагал, Мастер Эремис. Если бы я знал, что вы способны видеть далеко вперед, я пришел бы к вам за советом раньше.

Глаза Мастера Эремиса блеснули, но он не позволил себе улыбнуться.

Аргументы принца показались Термигану убедительными. Он опустил меч и, задумчиво нахмурившись, уставился в одну точку.

Неожиданно Тор громыхнул кувшином по столу.

— Да садитесь же, милорд Термиган. Такое количество стоящей передо мной ярости меня изнуряет. Давайте узнаем, какие еще сюрпризы здесь для нас заготовлены.

— Прежде чем мы продолжим, — сухо сказал Файль, — может быть, Мастер Эремис объяснит нам, для чего он привел эту юную особу?

От неожиданности сердце у Теризы заколотилось.

Термиган вдруг сунул меч в ножны и сел. Его мрачные глаза ни на кого не смотрели.

— Да, Мастер Эремис. Объяснитесь насчет женщины. Вы хотите, чтобы мы согласились сразу на многое.

Мастер Эремис открыл рот, чтобы ответить, но принц Краген среагировал быстрее.

— Лорды, это леди Териза де Морган. О ней самой я ровным счетом ничего не знаю, но, несомненно, я ее должник. Во время моей аудиенции с вашим королем она сделала все возможное, чтобы уменьшить мое унижение. За это весь Аленд благодарен вам. — Он отвесил Теризе официальный поклон и произнес голосом, в котором одновременно звучали железо и шелк: — Лорды, я прошу вас относиться к ней с уважением.

Мастер Гилбур тихо хмыкнул.

Тор бросил на Теризу поверх головы Файля затуманенный вином взгляд.

— Вы были с тем парнишкой, Домне, — сказал он хрипло. — С Джерадином. Когда я прибыл. — Глаза его неожиданно наполнились слезами. Отчаянно заморгав, он откинулся назад на спинку стула, а затем шлепнул рукой по столу. — Примите и мои уверения: мы с принцем Крагеном позаботимся, чтобы к вам относились с должным уважением.

И, отхлебнув из кувшина, тут же склонился набок, словно теряя сознание.

— Очень мило, — пробормотал Армигит, не глядя на Теризу. — Что дальше? Предложения руки и сердца?

Но остальные лорды, казалось, больше склонялись на сторону Тора, чем Армигита. Его сарказм не был оценен, и общее внимание сосредоточилось на Мастере Эремисе.

— Я окажу ей подобающее уважение, — сказал Термиган, — когда пойму, почему она оказалась здесь.

— Милорды... — Эремис в досаде развел руками. — Сейчас я объясню вам. Вы не присядете, милорд принц?

— Благодарю. — Принц проворно приблизился к стулу между Теризой и Файлем. Его глаза сверкнули. — Могу я сесть рядом с вами, миледи? — промурлыкал он. Но ответа дожидаться не стал. Когда он сел, она обратила внимание, что руки его тщательно ухожены, но на ладонях следы мозолей.

Телохранители принца расположились у него за спиной.

— Как вы, наверное, уже слышали, — сказал Мастер Эремис, — это леди Териза де Морган. Она появилась у нас из воплотимого.

Никто из собравшихся не отреагировал; видимо, об этом и так всем было известно.

— Сверх этого вы знаете о ней столько же, сколько и я, — за исключением нескольких незначительных под-

робностей. — Эремис не мог сдержать улыбку превосходства, которая заставила Армигита хмыкнуть. Но он быстро подавил ее. — Она не рассказывает нам ничего. У нее не обнаружено пока никаких талантов воплотителя. Я привел ее сюда для того, чтобы вы уяснили, что сделала Гильдия в попытке откликнуться на нужды Морданта и что мы сейчас предполагаем сделать.

Милорды, наша дилемма сходна с вашей. Мы ведь не слепы. Мордант в огромной опасности, а король Джойс потерял остатки разума. Однако мы действуем так, как действуют воплотители. И потому мы создали зеркало для предсказаний.

Чтобы создать его, потребовалось немало времени. Не так-то просто создать зеркало для столь специфичного предсказания. Но когда все было готово и мы наконец получили предсказание, оно оказалось настолько запутанным, что мы вынуждены были действовать, как нам подсказывал здравый смысл.

Не буду утомлять вас подробным описанием этого предсказания. Достаточно заметить, что основная проблема заключается в его толковании. Говоря проще, предсказание показывает трудные времена для Морданта. И чуждого нам Воина, обладающего огромной разрушительной силой. И похоже, существует некая связь между этим Воином и младшим сыном Домне, Джерадином.

Так уж получилось, что этот самый Воин есть на одном из зеркал, отлитых Мастером Гилбуром.

Мастер Гилбур обвел помещение взглядом, исполненным достоинства.

— И мы пришли к решению, — продолжал Эремис, — что этот воин и есть тот самый Воин, который спасет Мордант — если его воплотить здесь. И мы согласились — не без некоторых споров, — что как раз Джерадин и должен заняться этим воплощением.

Он кивнул в сторону Теризы.

— В результате здесь появилась вот эта леди. В силу некоторых причин мы не можем объяснить этого. Что-то в проведенном Джерадином воплощении произошло не так. — Он замолчал, пережидая хмурые взгляды лордов и их перешептывание.

Тор заерзал на своем сиденье.

— Я знаю этого Джерадина, — пробормотал он. — Хороший мальчик. Настоящий сын своего отца. — И, ни на кого не обращая внимания, он широко зевнул и снова отхлебнул из кувшина.

Потом со все возрастающим нетерпением в голосе заговорил Армигит:

— Вы хотите заставить нас поверить, Мастер Эремис, что Мордант может спасти эта... — он махнул рукой, — эта *женщина?*

— Нет, милорд Армигит. — Голос Файля был сух и резок, как обычно, но в нем слышалась неожиданная твер-

дость. — Мастер Эремис никого не будет заставлять, тем более человека, у которого никогда не было ни жены, ни дочери. Он пытается объяснить нам решения Гильдии, в результате которых здесь появилась леди Териза.

— Именно так, лорд Файль. — Несмотря на серьезное выражение лица, смешинки в глазах Мастера Эремиса были, похоже, реакцией на сконфуженность Армигита. — Я надеюсь, что, увидев леди Теризу, вы поймете, почему мы решили не принимать самое простое толкование предсказания.

Таким образом, основываясь на том же предсказании, мы должны совершенно отказаться от участия в этом деле Джерадина. Мастер Гилбур сможет провести воплощение, как только вы дадите на то свое согласие.

Теризе показалось, что в комнате вдруг резко похолодало.

— Но... — запротестовала она.

Но ведь Гильдия решила совсем по-другому.

Мастер Эремис зашел слишком далеко.

Тор тихо всхрапнул. Но другие отнеслись к словам Мастера с куда большим вниманием. Термиган не отрывал от Мастера Эремиса глаз. Рот Армигита приоткрылся от удивления. Взгляд Крагена метнулся по комнате, фиксируя реакцию остальных. Файль зашевелил губами, словно беседовал сам с собой. В полной изумления тишине Териза слышала скрип сапог телохранителей, когда они переступали с ноги на ногу.

И в одно мгновение ее восприятие ситуации изменилось. Несмотря на странные манеры, Мастер Эремис действительно обладал способностью очаровывать ее. Сейчас она поняла, что он делает. Он пытается создать союз, объединить три силы — лордов, Гильдию и представителя Аленда — и заставить их действовать так, чтобы они не могли отказать ему. Не имея власти короля или хотя бы авторитета магистра Гильдии, он был вынужден использовать столь хитроумные интриги. Но главной целью его манипуляций было спасение Морданта.

Внезапно принц Краген со шлепком опустил ладони на стол и воскликнул:

— Смело сказано, Мастер Эремис! Вы дерзки и полны замыслов, и вы заслужили мое восхищение! Вы предлагаете нам создать союз Аленда, лордов Морданта и Гильдии. Я даже не предполагал, что найдется человек настолько смелый, чтобы сделать подобное предложение, и с достаточным авторитетом, чтобы собрать нас всех вместе.

— Мастер Эремис действительно дерзок и полон замыслов, — сказал Файль. — Но в награду за создание союза он хочет, чтобы решение о воплощении Воина было принято нами.

— Вы сказали «обладающий огромной разрушительной силой», — вмешался Термиган. В тоне его слыша-

лось недовольство, но темные глаза ничего не выражали. — Что вы имели в виду?

— Минуточку, милорд Термиган, — перебил его Файль, — я хотел бы закончить.

Термиган закрыл рот.

— Поправьте меня, если я не прав, Мастер Эремис. — В сверкании голубых глаз Файля было что-то птичье. — Разве король Джойс не запретил любые воплощения субъектов, если это делается против их воли?

— Ну да, — прохрипел Мастер Гилбур. — Чем больше мы нуждаемся в воплотимом, тем сильнее он старается ограничивать нас в этом.

— А он знает, что этот ваш Воин будет воплощен здесь против своей воли?

Мастер Эремис в недоумении развел руками.

— Милорд, это одна из многих причин, по которым наша встреча происходит втайне. Наш мудрый король для защиты Морданта не может и пальцем пошевелить, но не оставит от Орисона камня на камне, лишь бы не дать провести запретное воплощение.

— Спасибо, я понял, — ответил Файль. — Простите, что перебил вас, Термиган.

— Со своей стороны, — страстно заявил Вердон, — я согласен на все, главное — удержать мясника Фесттена за Вертигоном. Я поклялся королю, что пришлю ему всех раненых и убитых, если на меня нападут, — и я действительно сделаю это.

Армигит выглядел так, словно его вот-вот стошнит.

Термиган не отводил взгляда с Эремиса. Он тихо сказал:

— Так расскажите нам об этом оружии «огромной разрушительной силы», Мастер Эремис.

— Да ну, к чему это? — гневно возразил Гилбур. — Он *предсказан*. Мы *должны* призвать его.

Однако Мастер Эремис ответил:

— Он обладает оружием огромной разрушительной силы, которое исторгает всепожирающий огонь. Броня защищает его от нападений любого рода. Мы видели его в битве и заявляем, что даже вся наша армия не в силах противостоять ему. Ему явно не страшны ни дикие звери, ни оборотни, ни хищные ящерицы. Огненные ямы не причинят ему вреда. Он наверняка способен в одиночку справиться со всеми тварями из воплотимого, которых насылает на нас...

— ...все чаще и чаще. — Улыбка принца Крагена тронула лишь его усы. — Так кто же их *насылает*, Мастер Эремис?

— Мне кажется, — ответил Мастер Эремис настолько мрачно, насколько позволяло его веселое настроение, — что это Архивоплотитель Вагель.

Тор снова всхрапнул. Затем поднял голову, посмотрел по сторонам мутным взором и с трудом поднялся на ноги.

— Милорды, мне, пожалуй, следует отправиться в постель. Я уже слишком стар для канители подобного рода.

— Не нужно уходить, мой друг, — мягко сказал Файль. — Ты должен помочь нам принять решение.

Тор яростно рявкнул:

— Решение? Я не вижу никаких возможных решений. Я не собираюсь возвращаться в Маршальт. Признаюсь честно — я для этого слишком *стар*. Эти вопросы не для меня. Если король Джойс вознамерился уничтожить Мордант, я останусь здесь, чтобы помогать ему. Я останусь на его стороне до конца. — Тор хмыкнул. — Он заслужил это. — И он начал медленно продвигаться к двери. — Мой сын всегда говорил мне, что я проявил себя как трус и негодяй, дав Джойсу не более двухсот человек, когда он впервые стал претендовать на королевский трон. Сейчас мой сын мертв. И потому я больше не могу позволить себе подобную неосмотрительность.

Он медленно вышел из комнаты.

К удивлению Теризы, Армигит сказал:

— Тор прав. Всем нам следует сейчас отправиться спать. Такое решение нельзя принимать поспешно. — Его глаза побелели, на верхней губе блестели капельки пота. — Что, если нас обнаружат? Что, если Смотритель Леббик нагрянет сюда? Нам нужно время подумать. Мы должны принимать решения с осторожностью, — сказал он дрогнувшим голосом. Но, заставив себя собраться, закончил: — И вообще, я не люблю никаких решений.

Источая сарказм и яд, лорд Вердон рявкнул:

— Милорд Армигит, ваш отец, должно быть, переворачивается в гробу. Неужели ради того он выиграл столько кровавых сражений, — лорд бросил взгляд на принца Крагена, — против всевозможных врагов, чтобы доверить затем свою провинцию слюнтяю, который не любит принимать решений?

Армигит покраснел, но не нашел в себе достаточно мужества, чтобы ответить.

— Милорды, — продолжал Вердон, — Армигит с востока граничит с моим Вердоном, с запада — с Файлем и Термиганом, с севера — с Алендом. Нас вполне достаточно. Армигит не сможет противостоять нам всем. Он позволит нам принять решение за него.

В наступившей тишине Армигит корчился как червяк, а Вердон яростно смотрел на него. Первым нарушил молчание Файль.

— Будьте уж последовательны до конца, милорд Вердон. — Его голос напоминал шуршание сухой шелухи. — Какое решение вы предлагаете?

— Я предлагаю заключить союз, о котором упоминал Мастер Эремис, — мгновенно ответил Вердон. — Я предлагаю всем нам объединиться и наметить план действий против Кадуола, а также против тварей из воплотимого. Короля Джойса мы во внимание принимать не будем. Когда принц Краген приведет в действие свои силы... — он говорил так, словно уже слышал пение труб, и его лысая голова, казалось, сияла от воодушевления, — лорды провинций объединятся с ним и с Воином Гильдии во имя спасения королевства.

Мастер Эремис сидел неподвижно, едва сдерживая улыбку. Гилбур, восседавший по другую сторону стола, закрыл лицо руками.

— Это не более чем красноречие, милорд Вердон. — В тоне Термигана не было сарказма. — Я человек, обделенный любовью. Мне мало пользы от вас, милорды, — и совершенно никакой от короля Джойса. Но Термиган — *моя* провинция. От глубин рудных шахт до пшеничных полей и высот башен Стерваля все это мое.

Скажите мне вот что. Когда Кадуол будет раздавлен, а твари из воплотимого уничтожены и король Джойс лишится своего королевства, — кто будет управлять Мордантом и Термиганом? Кому будет подчиняться моя провинция?

Принц Краген ответил с удивительной поспешностью:

— Леди Элеге.

Элеге? — подумала Териза, вздрагивая, словно от удара.

— Она старшая дочь короля и его законная наследница. Я в последние дни имел удовольствие общаться с ней. Она понимает, что такое власть и сила, лучше, чем вы думаете. — Он сделал паузу. — И она не из Аленда.

— Женщина, — простонал Армигит, постепенно восстанавливая уязвленное самолюбие. — Затем вы женитесь на ней, и Маргонал станет нашим королем.

Глаза Крагена опасно сверкнули, но отвечать он не стал. Вместо этого он спросил Термигана:

— Вас это устраивает, лорд?

— Милорды, — перебил его Файль. Впервые за все время он убрал руки с груди и положил длинные пальцы на стол. Вены на его руках вздулись. — Это все следует прекратить.

Взгляды присутствующих тут же сосредоточились на нем.

— Я услышал уже достаточно. — Он говорил старым и усталым голосом, но нотки властности в нем были хорошо различимы. — Если вы собираетесь согласиться на этот союз, то вам следует считаться с тем, что я выступаю против него. Файль будет поддерживать короля. — И как бы извиняясь, он добавил: — Поймите, ведь я его тесть. Королева Мадин — необыкновенная женщина. Какой бы выбор я ни сделал, мне следует заручиться ее поддержкой.

— Женщины, женщины! — Вердон вскочил на ноги, ярость исказила его черты. — Неужели Мордант погибнет только из-за того, что вы не можете посмотреть в глаза собственной дочери? Или потому, что принц Краген очарован леди Элегой? Или потому, что... — он дернул усом, посмотрев на Теризу, — Мастер Эремис желает переспать с этим продуктом воплотимого? Милорды, эти вопросы не так уж важны! Пока мы обсуждаем эти глупости, катастрофа все приближается. Мы должны...

— Нет, милорд Вердон. — Хотя Термиган не повышал голоса, его было хорошо слышно даже сквозь крик Вердона. — Вы можете делать все что хотите. Но вы будете делать это без меня. Милорд Файль слишком вежлив, чтобы высказать то, что он думает. Но я не настолько вежлив. Здесь плетется заговор. Милорд принц с неправдоподобной готовностью соглашается со всем происходящим здесь. Я *знаю* алендского монарха. Уж если он вцепится в Мордант, то не ослабит хватку — разве что леди Элега согласится быть его уполномоченной. — Он поднялся. — Создавайте какие хотите союзы. Я не верю ни Аленду, ни воплотителям. — И вышел, грубо хлопнув дверью.

Несколько секунд никто не шевелился и не произносил ни слова. Неожиданное заявление Термигана, казалось, шокировало всех. Териза почти физически ощущала, как рушатся планы Мастера Эремиса. Он выглядел так, словно вот-вот рассмеется, но она была уверена, что на самом деле Мастер в ярости.

— Еще одно, — сказал Файль. Он тоже встал. — Мастер Эремис... Мастер Гилбур... Вы не должны воплощать Воина, обладающего такой разрушительной силой.

Мастер Эремис удивленно вскинул бровь. Армигит, похоже, готов был сползти со стула и забраться поглубже под стол. Но Вердон с неприязнью посмотрел на Файля, а Мастер Гилбур яростно спросил:

— *Нет?*

— Вы нарушите этим приказы короля и, более того, унизите ту цель, ради которой создавалась Гильдия. Вы не должны делать этого.

— Это была цель Джойса, а вовсе не наша! — возразил Гилбур. — И мы не позволим старой развалине с куриными мозгами учить нас, что нам следует делать. — Он внезапно схватился за стол с такой яростью, что забытый Тором кувшин с грохотом скатился на пол. — Мы собираемся *выжить*!

— В таком случае, — уныло сказал Файль, — я должен буду сообщить королю о ваших намерениях.

Териза ощутила, как в ней нарастает паника по мере того как все, что предлагал Мастер Эремис, медленно разваливалось на глазах.

Принц Краген вскочил на ноги, его телохранители стали рядом.

Вердон через стол посмотрел на Файля.

— Вы собираетесь предать нас, милорд Файль?

— Нет, милорд Вердон, — ответил Файль, словно охваченный глубоким горем. — Я ничего не расскажу об этой встрече. Я собираюсь только помешать этим воплотителям предать своего короля.

Он должен был выглядеть глупо, когда покидал комнату: старый и тощий, с высоко поднятыми плечами и странными пропорциями головы, подчеркивающими сгорбленность его фигуры. Люди, которым он противостоял, были моложе, сильнее и привлекательнее. Но он не выглядел глупо. К своему изумлению, Териза обнаружила, что восхищается им. Его преданность тронула ее. Она легко могла себе представить, что Джерадин приветствовал бы уход Файля аплодисментами.

Когда старый лорд ушел, Мастер Эремис запрокинул голову и издал нечто среднее между стоном и криком филина.

— Держите себя в руках, Мастер Эремис! — прорычал Мастер Гилбур. Горбатый воплотитель уже не скрывал свою ярость. — Я предупреждал вас, что такое может произойти. Эти *лорды* забыли уроки прошлого, но они помнят, что не следует доверять воплотимому. Я с самого начала утверждал, что нам следует действовать самостоятельно, и пусть провинции защищают себя сами.

— Да, Мастер Гилбур, — сказал Эремис, — вы действительно предупреждали меня. Вы откровенно предупреждали меня. — Внезапно он вскочил с кресла и сказал поспешно, но настойчиво: — Милорд принц, милорд Вердон, вы должны извинить меня. — Армигита он просто проигнорировал. — Несмотря на предупреждение Мастера Гилбура, я не жалею о нашей встрече. — Лицо его было настолько бесстрастным, что Териза не могла прочесть на нем его истинных чувств. — Наши коллеги Мастера заняты подготовкой воплощения Воина. Мы должны идти к ним немедленно, прежде чем Файль накличет на нас гнев короля. Если их застигнут за запретным воплощением, боюсь, наш благородный король снова восстановит наказания.

Милорд принц, не присмотрите ли вы, чтобы леди Териза благополучно вернулась в свои комнаты?

Не дожидаясь ответа принца, он сказал:

— Пойдемте, Мастер Гилбур, — и вышел за дверь.

Мастер Гилбур последовал за ним со скоростью, какую позволяла его сгорбленная спина.

Териза, сконфуженная, не в силах была пошевелиться. Почему она так восхищалась Файлем, когда он и Термиган разрушили до основания попытки Мастера Эремиса спасти Мордант? И почему воплощение уже начинается? Гильдия ведь согласилась ждать решения встречи.

— Все уже настолько плохо, милорд принц, — сказал Армигит, — что у некоторых не хватает смелости согласиться с предложением о союзе. Я предпочел бы обсудить этот вопрос в другой обстановке. Прежде всего мне хотелось бы испросить неприкосновенности моих владений. За это я бы...

Он затих — его никто не слушал.

— Милорд принц, — неловко выдавил Вердон, — прошу простить за неудачу этой встречи и за ее безрезультатность. Заверяю вас, что Мастер Эремис и я желали только добра. Вам не имеет смысла больше оставаться здесь. Следует ли мне освободить вас от забот о леди Теризе?

— Не нужно извинений, лорд Вердон. — Принц Краген не выглядел таким разочарованным, как того ожидала Териза. — Это правда, что моя миссия не увенчалась успехом. И, говоря откровенно, я не вижу, каким образом Мордант и Аленд могут теперь избежать войны. — Он бросил на Теризу обжигающий взгляд и улыбнулся. — Но, может, счастье еще улыбнется мне. Я ведь должник леди. И с удовольствием буду ее сопровождать.

— Как пожелаете. — Вердон по всем правилам этикета откланялся, завернулся в плащ и вышел.

Армигит почти сразу же поспешил за ним, словно боялся здесь оставаться. Териза услышала уже из коридора, как он окликнул Вердона, прося прихватить его с собой. Ответа Вердона слышно не было.

— Миледи, — принц Краген положил руки на спинку ее стула, — вы идете? — Он слегка наклонился над ней и улыбнулся. — Как сказал лорд Вердон, не имеет смысла оставаться...

Териза не знала, как ей следует понимать его улыбку. Она в некоторой степени походила на улыбку Мастера Эремиса, но при этом еще говорила, что принц Краген более хороший дипломат и гораздо лучше умеет скрывать свои чувства. Его самоуверенность служила прекрасной маской.

Териза встала не колеблясь. Манерам она училась у отца и других самоуверенных людей.

Он отодвинул с ее пути стул, взял под руку, прижимая к себе плотно, но без всякого намека на интимность. С одним телохранителем, идущим впереди, а другим позади, он вывел ее из комнаты.

В один миг воздух вокруг нее стал холодным. Звук капающей воды, казалось, пронизывал ее.

— Вам не холодно, миледи? — тихо спросил принц. — Вы не так уж тепло одеты.

Ей следовало отделаться какой-нибудь пустячной репликой. Но она лишилась всякой возможности быть уступчивой с самого момента своего появления здесь. Инстинкт самозащиты подсказал ей ответный вопрос:

— А вы действительно знаете леди Элегу?

Она почувствовала, как он напрягся. Немного помолчав, он вежливо ответил:

— Миледи, ко мне принято обращаться с указанием титула.

— Милорд принц.

Он весело улыбнулся, глядя в темноту коридора.

— Благодарю вас. Да, я имел удовольствие познакомиться с леди Элегой. У меня была с ней продолжительная беседа после провала моей аудиенции с королем Джойсом.

Сапоги телохранителей скрипели и похрустывали, когда они шагали по лужицам, покрытым тонким ледком. В тех местах, где свет ламп был достаточно ярким, она могла видеть пар от дыхания.

Териза робко спросила:

— Тогда почему вы заинтересовались мною?

И снова он погрузился в молчание, словно ему нужно было время, чтобы осмыслить ее вопрос и продумать ответ.

— Миледи, — ответил он наконец, — если бы другая женщина задала подобный вопрос, мне не составило бы труда на него ответить. Неужели вы не подозреваете, что ваше лицо и формы способны заинтересовать любого мужчину? Возможно, подозреваете. И потому мне кажется, что ваш вопрос несет в себе совсем другой подтекст.

Если вы не кокетка и ваш вопрос не ставит цель привести меня в замешательство, тогда я отвечу честно. Я очарован леди Элегой. Король Джойс превзошел самого себя, когда создавал подобное произведение.

Териза издала почти слышимый вздох разочарования.

Идущий впереди телохранитель на миг приостановился, заколебавшись.

Морозный воздух проникал под рукава, ее рукам было холодно.

— Немногие жители Морданта действительно понимают, какова моя позиция, — продолжал принц Краген, немного отвлекшись от темы. — Дело в том, что правление в Аленде не наследственное. Когда мой отец, нынешний алендский монарх, умрет, я не унаследую автоматически его трон в Скарабе. Новый монарх будет *избран* из тех, кто желает или способен править.

Кстати, — объяснил он, — именно выборность монарха и способствовала объединению Вассалов Аленда, поскольку только их правители или члены их семей могут получить трон.

И выборы эти — не просто формальность. Они осуществляются голосованием. В прежние времена это было проверкой на коварство. Кто изрубил, отравил или в достаточной мере запугал своих соперников, тот имел все шансы стать монархом.

У мира есть свои преимущества. — Голос принца странным образом гармонировал с эхом шагов. — И алендский

монарх стал мудрее, как я уже много раз повторял. В наше время тот, кто хочет править Алендом, не должен плести интриги, замышлять убийства. Заявив о себе публично, он проходит проверку на службе королевству. Говоря проще, ему дается возможность продемонстрировать свою способность управлять королевством. — Он хмыкнул. — Например, если сейчас какой-нибудь барон старой закалки выдвинет претендентом своего сына, а затем возьмется за дело, добросовестно пытаясь перерезать всех противников, то его сын с честью пройдет проверку, верша суд над своим отцом.

И в этом случае он будет иметь вполне реальные шансы занять престол.

Миледи, — сказал он откровенно, — эта миссия — проверка для меня. И похоже, она безнадежно провалена. Так что, мне кажется, уже не стоит опасаться, что я буду следующим алендским монархом. — Внезапно принц перешел на более ласковый тон. — Но мы говорили о леди Элеге. Я упомянул обо всем этом лишь затем, чтобы вы поняли: если бы ее королевство было частью Аленда, то путь к трону монарха не был бы для нее закрыт. Я верю, она могла бы подняться высоко среди алендских владык.

Идущий впереди телохранитель опять проявил нерешительность. На этот раз он замер на полушаге. Холод внезапно лизнул сердце Теризы: ей показалось, она услышала то же, что и он, — тихий скрип кожи, звук, который напомнил ей о мечах и ножнах.

Принц Краген потянулся к своему мечу. У него хватило времени выкрикнуть:

— Берегись! Защищайте леди!

А потом на них напала тьма.

Из бокового коридора выскакивали тени. Сколько? Она не могла сказать — пять или шесть. Плащи вздувались у них за плечами, словно крылья. Их кожаные доспехи были так черны, что их почти не было видно. Свет отражался лишь от обнаженной стали.

Атака явно была направлена на Теризу, но отпор принца и его телохранителей несколько изменил это направление.

Меч ударял о меч, звон долго стоял в ушах. Насилие в неприкрытом виде предстало перед ней. Териза увидела, как голова ближайшего к ней телохранителя отделилась от плеч и, словно мяч, небрежно откатилась в сторону. Струя горячей крови ударила Теризе в лицо, и труп повалился на нее, придавливая к стене.

Поскользнувшись в крови и на льду, она сползла на пол.

Двое атаковавших оттеснили принца назад. Он прекрасно владел клинком и был сильнее, чем казалось на первый взгляд, но противники его были профессионалами. Он не мог справиться с ними обоими одновременно. Удары их двуручных мечей отгоняли его дальше по коридору.

Один из атакующих рухнул на камень, его легкие с шумом втянули воду из лужицы. Второй телохранитель продолжал отбиваться, не отступая ни на шаг. Одной рукой он зажимал рубленую рану на боку, а второй наносил удары мечом своему противнику.

Вдруг нападавший резким движением швырнул свой плащ на голову телохранителя.

Териза перестала видеть его. Перед ней появилась черная фигура с занесенным мечом.

Свет упал на лицо нападавшего. Нос его был словно острие томагавка. Хищная улыбка обнажила зубы. Глаза отблескивали желтым светом, как у кота.

Он снова собирался убить ее.

И на этот раз уже ничто не могло помешать ему. Она была бессильна остановить его. И она не знала, почему он хочет убить ее, даже не могла представить. В этом не было ни капли *смысла*...

— Стой!

Этот возглас испугал его. Крик эхом раскатился по коридору, заставил нападавшего на Теризу развернуться, чтобы защитить свою спину.

Суровый голос сказал:

— Пятеро против троих — так поступают лишь трусы. Но даже трус не станет нападать на беззащитную женщину.

Териза с трудом сфокусировала взгляд на говорившем — это был человек в сером плаще.

Мерзкое освещение не позволяло хорошо рассмотреть его черты, и она не могла сказать, видела ли когда-нибудь это лицо раньше. Но он держал в руках меч, и улыбка не могла скрыть боевой азарт в его глазах.

Один из нападавших вытащил меч из ослепленного плащом телохранителя и бросился к человеку, пришедшему на помощь Теризе. Но его сподвижник пренебрежительно махнул рукой, отсылая к принцу Крагену.

Черное против серого, враг Теризы и новоприбывший уставились друг на друга.

Несколько секунд они стояли без движения. Человек в сером спокойно сказал:

— Было бы интересно узнать, кто ты такой.

Человек в черном оскалился в ухмылке и сделал выпад в сторону противника.

Зазвенело железо, посыпались искры. Эхо вторило ударам. Человек в черном был отброшен к стене. Но он быстро оправился от удара и возобновил атаку, видимо, обладая иммунитетом к боли. Он сделал попытку ослепить своим плащом человека в сером, но это ему не удалось. Их мечи вновь скрести-

лись; удар был парирован; мечи со звоном скрестились вновь. Атакуя, отбивая, перемещая свои тела во всех направлениях, они рассыпали во все стороны фейерверки искр.

Человек в сером продолжал улыбаться, но при этом все его внимание было сосредоточено на битве.

Териза хотела как-то помочь ему. Она знала, что должна подняться на ноги, взять один из валявшихся на полу мечей и попытаться вмешаться. Ради принца Крагена. Или человека в сером. Но она не шевелилась. Она лежала на холодном влажном камне, сжимая руками виски, в ужасе от того, что происходит из-за нее.

Она совершенно не понимала — *почему?* Чем она заслужила такую ненависть? Или *такую* защиту?

Человек в сером передвигался по-тигриному быстро и ловко; трудно было уследить за ударами меча, словно бы ожившего в его руках. Он и его противник гремели железом, а эхо и искры разлетались вокруг них. За время, равное двум ударам сердца, он блокировал удар противника, затем отнял одну руку от рукояти меча и двинул кулаком в лицо агрессору.

Легко, почти незаметно нападавший на Теризу отступал, заставляя соперника двигаться вперед. Рукой в перчатке он перехватил клинок ее защитника и успел ударить его в горло.

Человек в сером отлетел и упал на пол. Но тут же резко вскочил на колено, отбил яростную атаку, поднялся на ноги. Он продолжал улыбаться, все еще *продолжал улыбаться.* Однако противником его был тот, кто с легкостью справился с Аргусом и Рибальдом. Пот уже тек с его лба. Лампы высветили признаки отчаяния на его лице.

По коридору прокатились крики. И он совершил ошибку, оглянувшись, чтобы выяснить, что они значат.

Его противник отреагировал на это ударом от живота, парировать который было невозможно.

Но человек в сером все же парировал его.

Однако эта конвульсивная попытка стоила ему равновесия. И хотя он отразил следующий удар, тот был настолько силен, что его отшвырнуло назад.

На мгновение он оказался таким же беспомощным, как и Териза.

Но тут, вращая окровавленным мечом, в атаку бросился принц Краген.

Всего на шаг позади него бежал Вердон.

Человек в черном бросил на Теризу взгляд, полный ненависти, и мгновенно отступил в коридор. Руками и клинком он сделал странный жест...

И внезапно исчез. Прежде, чем эхо сражения успело затихнуть в коридоре. Словно никакого сражения и не было.

Вердон резко остановился и смотрел ему вслед, широко разинув рот. Принц Краген от изумления выронил меч. Человек в сером поднялся на ноги и втягивал ноздрями воздух, словно надеялся, что каким-то образом сможет учуять следы противника.

Териза, дрожа, оперлась руками о камень и поднялась.

Принц судорожно дышал, как загнанная лошадь; но он все же подошел посмотреть, что случилось с его людьми. Когда он увидел, что у одного из них отрублена голова, он прижал руки к сердцу, и лицо его исказила гримаса боли.

— Это мои друзья, — выдохнул он. — Я был вашим должником, миледи. Но сейчас, думаю, я с вами в полном расчете.

Вердон рявкнул:

— Дерьмо свинячье! — Обращался он не к принцу Крагену. — Кто они такие? Откуда они знали, что мы будем здесь?

Стоя на четвереньках, Териза видела, как ее спаситель вытер свой меч и вложил его в ножны, затем опустился перед ней на колени, помогая подняться. У него была прекрасная улыбка — он пытался успокоить ее, — и лицо его было лицом мужественного человека. Оно кого-то ей напоминало. Глаза его все еще были полны беспокойства.

— Миледи, я — Артагель, один из многочисленных братьев Джерадина. Он просил меня присмотреть за вами. Похоже, я не справился. Без сомнения, — он скривился, — кто-то всерьез собирается убить вас.

Запах крови на ее одежде так дурманил, что она просто не могла не потерять сознания.

13. Безумие из благих намерений

Когда Териза пришла в себя, она не могла понять, где находится. Одна половина ее, казалось, стояла, вторая — лежала. Она чувствовала, что падает, но что-то крепко держало ее за пояс.

— Итак, нас предали, — прохрипел Вердон. — Впрочем, это нетрудно было предположить. Видимо, в Аленде слово «союз» означает совсем не то, что у нас. Какая прекрасная возможность ввергнуть весь Мордант в панику — напасть на ничего не подозревающих лордов провинций и Мастеров Гильдии! Ясное дело, мы окажемся недостаточно сильны даже для того, чтобы защитить себя.

— Лорд Вердон... — молвил принц Краген грозно.

— А если мы недостаточно сильны, чтобы защитить себя, — буркнул Вердон, — то куда же еще могут обратиться люди за помощью, если не к Маргоналу и к вам?

— Двое из моих друзей — *мертвы!* — воскликнул принц. Его царственная самоуверенность слегка пошатнулась. — Если бы я хотел устроить в Морданте панику, то убил бы одного из *лордов*, а не *своих друзей*.

По мере того как к Теризе возвращалась ясность зрения, она разглядела, что лежит, но ее руки и торс приподняты над полом. Ее ладони касаются холодного камня, но чья-то рука удерживает ее за пояс, чтобы голова ее была на весу.

— Если вы хотите найти предателей, — гневно ответил принц, — то советую вам присмотреться к вашим приятелям-лордам. Кому выгодно, чтобы провинции не объединились против своего короля?

— И в самом деле, милорд принц, — удивился Вердон, — кому?

— Любому из лордов, который сам хочет стать королем, не предавая при этом Джойса. Тор не собирался возвращаться в Маршальт. И у королевы Мадин было довольно времени, чтобы разъять альянс между своим мужем и Файлем. Вполне возможно, что их дорога к власти была бы короче, если бы она не шла через союз лордов с Алендом и Гильдией.

— С вами все в порядке, миледи? — спросил Артагель. Он-то и поддерживал Теризу.

Она наконец поняла: он удерживал ее в этой позе потому, что она потеряла сознание. Артагель помог ей подняться, и она обнаружила, что может самостоятельно держаться на ногах. Внимательно наблюдая за ней, он осторожно убрал руки с ее талии. Взгляд в коридор убедил ее, что они несколько отдалились от места битвы. Ее одежда все так же тошнотворно смердела кровью, но теперь она уже была в состоянии выдержать это. Териза сделала глубокий вдох, отбросила с лица волосы и пробормотала:

— Мне кажется, да. Благодарю вас.

Он мягко улыбнулся ей.

— Предлагаю еще одно решение, лорды, — сказал он, обращаясь к принцу Крагену и Вердону, — вы оба были преданы воплотителем.

— Хотел бы я поверить в это, — мрачно ответил Вердон. Он, казалось, признавал Артагеля равным себе. — Но о месте нашей встречи знали только Мастер Эремис и Мастер Гилбур. А Мастер Эремис самолично ее и организовал. Если бы он хотел, чтобы мы перессорились, он не стал бы тратить на это столько сил. Все, что ему надо было сделать, — это не делать ничего. — Он немного помолчал. — Однако по отношению к Мастеру Гилбуру я такой же уверенности питать не могу.

— И я, — сказал принц Краген, — никогда не думал, что воплотители способны на такие вещи. Разве не правда, что подобное воплощение может обеспечить лишь плоское зеркало? И разве не правда, что воплощение посредством плоского зеркала вызывает безумие? Как это сочетается с тем, что мы видели собственными глазами?

Никто из них не обращался при этом к Теризе. Она была уверена, они не подозревают, что она слышит их, но все же тихо ответила:

— Архивоплотитель Вагель.

На мгновение все трое застыли. Затем Вердон взорвался.

— Да, так утверждал Мастер Эремис. Но кто в Орисоне — или даже во всем Морданте — может быть настолько глуп или настолько подл, чтобы стать союзником этого негодяя?

— Так давайте посмотрим, лорды. — Артагель прошел мимо Вердона и принца Крагена к одному из мертвых нападавших.

Териза последовала за ним, силясь изгнать из своего сознания сцены кровопролития. Когда Артагель склонился над телом, она замерла рядом. Он перевернул тело на спину, и она вздрогнула при виде зияющей раны в груди. Тем не менее она продолжала смотреть, как он отводит в сторону плащ, чтобы осмотреть лицо мертвеца и его доспехи.

Особым образом выдубленный кожаный нагрудник был настолько черным, что она не могла рассмотреть на нем ни единой детали, которые, похоже, анализировал Артагель. Она не понимала, о чем он говорит, когда он внезапно обнажил сердце мертвеца и сказал:

— Ага.

— У меня не такие глаза, как у вас, — прорычал Вердон. — Что там?

— Отметина. — Артагель резко поднялся на ноги. — Я видел такую раньше. — Его глаза ничего не выражали; лицо казалось высеченным из монолита. — Этот человек — из Кадуола. А отметина означает, что он состоит на службе у Бретера верховного короля.

— Гарт? — изумленно воскликнул принц Краген. — *Здесь?* Вы сражались с Гартом?

— Я не знаю, с кем сражался. — Голос Артагеля был таким же, как его лицо, — лишенным всяких эмоций. — Кто бы он ни был — он меня победил. Но вот этот человек — несомненно, один из пригодников Гарта. Остальные наверняка тоже.

— Кишки и падаль! — выругался Вердон. — Пригодник Бретера верховного короля?

— Однако — *здесь*? — воскликнул принц, не веря в происходящее. — Как эти люди смогли попасть сюда? Как

они вообще оказались в Орисоне? Они не смогли бы просто проехать через ворота. Смотритель Леббик не такой уж идиот.

Артагель едва заметно кивнул.

— Они, должно быть, прибыли тем же способом, каким исчез их главарь.

— Вагель? — воскликнул принц. — Но почему же тогда мы верили, что он мертв?

Вердон не ответил. При упоминании о Леббике он дернул головой, словно вспомнил о чем-то важном. Теперь он стал пристально поглядывать по сторонам, стараясь контролировать обе стороны коридора одновременно.

— У меня есть вопрос получше. Хотим ли мы, чтобы нас застали здесь, когда появится Смотритель?

Принц мгновенно насторожился.

— А он появится? Неужели мы так недалеко от ближайшего стражника?

— Этот трусливый червь, Армигит, — пояснил Вердон. Его голос источал яд. — Когда мы услышали звуки сражения, которые привели меня к вам, он помчался в противоположную сторону, вопя от ужаса. Он, наверное, заблудился, иначе Смотритель уже давно был бы здесь. Но, как бы то ни было, времени у нас совсем мало.

— Меня он будет расспрашивать в любом случае, — задумчиво сказал Краген. — Мои люди погибли. Но если я исчезну, у него не будет повода связать с этим кровопролитием и меня. — И принц быстро принял решение. — Лорд Вердон, Артагель Домне, я благодарю вас за спасение моей жизни. Но я не останусь с вами, чтобы сделать вас в глазах других предателями. Миледи, прощайте.

Подняв свой меч, он сунул его в ножны и побежал. Вскоре звук его шагов растворился в тишине.

— Я тоже покину вас, — сказал Вердон Артагелю. — Уж не знаю, какую роль эта женщина играет в нашей судьбе, но не хочу быть обвиненным в том, что предал интересы государства, защищая ее. И, гневно бормоча: — Кадуол! Дерьмо собачье! — он торопливо последовал за принцем.

Териза посмотрела на Артагеля и увидела снова блеск в его глазах; он вновь улыбнулся ей и весело кивнул.

— Ну а мне, миледи, скрывать совершенно нечего. Что бы здесь на самом деле ни произошло, Орисон будет предполагать, что только я могу быть причиной такого количества мертвецов. Боюсь, в этом виновата моя репутация — не знаю, правда, почему. Однако у меня о Леббике сложилось лучшее впечатление, чем у большинства. Но все равно вам совершенно незачем проводить остаток ночи, слушая, как он будет на вас орать. — Он указал рукой вдоль по коридору. — Может, пойдем?

— Благодарю вас, — снова сказала она. Ей хотелось, чтобы он взял ее за руку, она нуждалась в поддержке. — Я не думаю, что смогу выдержать его нападки. Он меня почему-то не любит.

— Глупости. — В каком-то душевном порыве Артагель обнял ее за талию, по-дружески прижал к себе и сказал с неизменным юмором: — Вы не знаете его так хорошо, как я. Наш добрый Смотритель обижает только тех, кому симпатизирует. И если он симпатизирует вам сильно, он становится просто невыносимым. Его жена — упокой, Господи, ее душу — была единственным существом, которое всегда вызывало у него страсть и пробуждало добрые чувства.

Сквозь мрак они проследовали к следующей лампе.

И вдруг Териза содрогнулась, услышав топот бегущих ног.

Артагель был совершенно невозмутим. Не переставая улыбаться, он втащил ее в боковой коридор и повел другим путем к обитаемой части замка. Он с легкостью уклонялся от появлявшихся вдалеке солдат. И куда быстрее, чем она ожидала, привел ее в ту башню, где находились ее комнаты.

К этому моменту она уже хоть как-то ориентировалась в ситуации. Артагель спас ей жизнь потому, что Джерадин попросил его присмотреть за ней. Сейчас он уводил ее от допроса Смотрителя, во время которого ей бы пришлось лгать, лгать и изощряться, чтобы не впутывать Мастера Эремиса, принца Крагена и лордов провинций. И некоторое время назад она начала задумываться, чем можно отблагодарить Артагеля.

Ей ничего не приходило в голову, за исключением одной-единственной мелочи. Пока что им везло; они ни к кому не подходили достаточно близко, чтобы стал заметен тот кошмар, в который превратились ее перепачканные кровью и грязью одежды. Но для того чтобы добраться до своих комнат, ей придется миновать стражников, стоящих у двери...

У подножия лестницы, ведущей в башню, Териза остановилась, убрала его руку и несколько смущенно — оттого что не привыкла таким образом обращаться с высокими стройными мужчинами, которые загадочно улыбались ей, — пояснила:

— Думаю, отсюда я смогу добраться и сама. Пока нам везло. Но я не думаю, будто вы хотите, чтобы вас видели со мной.

Артагель насмешливо приподнял бровь.

— Неужели, миледи? — События этого вечера, похоже, ничуть не нарушили его душевное равновесие. — Должен признать, что вы сейчас не так чисты, как следовало бы. Но я выбираю себе друзей не по таким малозначащим признакам. — Он хмыкнул. — В противном случае я бы никогда не имел ничего общего с Джерадином.

Его улыбка обезоруживала, но Териза настойчиво сказала:

— Я совсем не это имею в виду. Стражники непременно заметят, — она в отвращении скривила губы, — как я выгляжу. И кто-нибудь обязательно сообразит, что женщина, вымазанная в крови, наверняка имеет какое-то отношение к тем мертвецам. Если вас увидят со мной, то решат, что вы мой сообщник.

Я понимаю, вас это ничуть не волнует. А должно бы. Как вы собираетесь объяснить все Смотрителю?

Он был непоколебим; Леббик его не волновал. А она не могла заставить его лгать ни ради себя, ни ради Мастера Эремиса. Тогда она стала убеждать его по-другому.

— Вы знаете, как он поступил с Джерадином, когда тот в прошлый раз обеспечил меня охраной?

Артагель задумчиво нахмурился.

— В этом вы правы, миледи. Он попытался объяснить, почему не доверяет стражникам, но я, признаться, ничего не понял. Это как-то связано с приказом короля Джойса Смотрителю? Или с тем, каким образом тот истолковал приказ? — Он пожал плечами. — Джерадин всегда витал в более высоких духовных сферах, чем я. Это правда, что стражники спрашивают, куда вы идете, едва вы выходите за дверь?

Териза ощутила новый приступ страха. Раньше она об этом как-то не задумывалась, но теперь поняла, что стражники относились к Джерадину совсем *иначе*, чем ко всем остальным, приходящим к ней. Она кивнула.

— Это не имеет смысла. — Артагель покачал головой. — Но, возможно, это просто случайность. А случайности — единственный недостаток Джерадина. Я хочу сказать, кроме его неуклюжести. Он слишком нетерпелив. Все непонятное обычно вскорости проясняется, если не обращать на него особого внимания.

Снова улыбнувшись, он добавил:

— Но вы правы. Я не хочу доставлять ему новых неприятностей. Дальше вы пойдете одна. — Однако тут же на его лице появилась озабоченность. — Но я буду продолжать за вами присматривать. Я отношусь к Джерадину вполне серьезно, когда он обеспокоен. И на сей раз у него была достаточно веская причина. Бретер верховного короля тренирует своих приспешников лучше, чем хотелось бы. Если я вам понадоблюсь, то знайте — я всегда где-нибудь поблизости.

Он снова широко улыбнулся. Глубоким, вежливо-насмешливым поклоном попрощался с ней.

— Отдыхайте, миледи. — И ушел.

Она осталась одна. У нее сейчас может не оказаться защитников, если вдруг люди в черном вновь внезапно появятся неизвестно откуда, чтобы напасть на нее.

И еще: ей придется лицом к лицу столкнуться со Смотрителем Леббиком.

Ей хотелось сесть. Колени были слишком слабы, чтобы поддерживать ее. Но она поставила ногу на ступеньку и с усилием стала подниматься вверх.

Когда стражники у двери увидели, как она выглядит, они сразу забеспокоились. Один из них спросил:

— Миледи, с вами все в порядке? Вам не нужна какая-нибудь помощь?

Териза не посмела взглянуть им в глаза. Собрав всю свою волю, она твердо ответила:

— Нет, благодарю. Все хорошо, — и буквально влетела в свои комнаты. Торопливо закрыла дверь на засов. Убедилась, что дверь тайного хода надежно блокирована креслом.

После этого она отшвырнула в сторону свои мокасины и с отвращением стянула с себя одежду, более не в силах выносить прикосновение засохшей крови к телу. Сначала она вымылась, поливая себя ледяной водой и сама изумляясь своей смелости. Потом безжалостно чистила и стирала свои вещи и, наконец, развесила их перед огнем.

Она решила встретить Смотрителя Леббика во всеоружии.

Но дрожь почему-то никак не унималась.

Смотритель явился этим же утром, рано, едва дождавшись, пока она разделается с завтраком. Териза надела серое платье, потому что трусливый инстинкт подсказывал ей, что так она будет выглядеть более решительной и менее заслуживающей оскорбления. И встретила его в гостиной, как ей казалось, с чувством собственного достоинства.

Он, как всегда, носил особые отличительные знаки своей службы — пурпурную повязку, поддерживающую его седые волосы, и пурпурную ленту через плечо поверх лат. Но на самом деле его власть выражалась во взгляде, в скупости движений, в выпяченной челюсти. Даже если бы он не занимал в Орисоне никакой должности, он все равно командовал бы всеми в любой комнате, куда входил.

— Миледи, — вымолвил он с деликатностью железного прута, — я надеюсь, вы прекрасно выспались после ваших вчерашних приключений.

Она собиралась солгать. Для этого правильнее было бы взглянуть ему в глаза, но на такую смелость она бы явно не потянула. В конце концов, она еще ни разу не лгала разгневанным мужчинам.

— Каких приключений? — Она проклинала себя за то, что голос ее так тих и слаб, хотя, вероятно, на сей раз это было ей на руку.

Смотритель Леббик явно не испытывал симпатии к слабым и тихим женщинам.

— Не нужно играть со мной, миледи. Я вполне справляюсь со своими обязанностями, несмотря на все свои недостатки, но глупость — не в их числе.

— Я не собираюсь играть. — Это была чистая правда. Териза изо всех сил сдерживалась, чтобы не сбежать в другую комнату и не спрятаться под кровать. Или не выболтать правду. — Я уходила с Мастером Эремисом. Затем вернулась одна. У нас не было никаких приключений. Можете спросить его. Он скажет вам то же самое.

— Миледи... — Леббик поборол нетерпение, которое так и не появилось в его глазах, — я не собираюсь тратить все утро впустую. Что бы вы ни делали, моя ночь оказалась длиннее, чем ваша, и когда я вернулся в свою постель, та была холодной. Так что сделайте милость, говорите правду.

Ее выдержка начинала давать трещины; она чувствовала это. Да, она дала самой себе обещания — но что общего все происходящее имеет с ней? Отец не научил ее быть сильной.

— Я говорю *правду*, — ответила она без внутренней убежденности, вздрагивая от отвращения к самой себе.

Его реакция не заставила себя долго ждать.

— Дерьмо собачье! С тех пор как вы появились здесь, вы не сказали ни единого слова правды! Клянусь звездами, женщина, я заставлю тебя отвечать! Армигит прибежал, скуля, из подземелий Орисона — где он никак не должен был находиться — и начал кричать, что внизу идет битва. Естественно, он не имел ни малейшего понятия, кто участвует в ней. У него вместо мозгов гнилые яблоки. Но оказалось, что он говорил правду. Мы нашли двух мертвецов — телохранителей принца Крагена, убитых неизвестно из-за чего, — и достаточно крови для небольшой войны. Но не нашли объяснения.

В течение двух или трех ударов сердца ее мозг был абсолютно пуст. *Двое* мертвых? Их ведь должно быть шестеро! Четыре кадуольца и... Она была готова закричать: «Простите, я не виновата, это не я». Но — *что случилось с четырьмя кадуольцами?*

К счастью, Леббик не дал ей вымолвить ни слова.

— Я спросил принца Крагена. Он выразил справедливое недоумение и предположил, что *кто-то* убил его людей. *Кто-то*, сказал он, хочет спровоцировать войну. *Кто-то*, — намек Смотрителя на короля Джойса был слишком откровенным, — хочет заставить принца явиться в Аленд совершенно оскорбленным. И кроме всего прочего, телохранители были его *друзьями*.

Он стиснул кулаки.

— Миледи, я знаю, как добывать правду из мужчин вроде него. Некоторые орудия пыток еще сохранились. Но, к несчастью, он — посол. Я не могу тронуть его и пальцем.

Вы — другое дело.

Внезапно в голове у нее прояснилось. Она не стала бояться меньше, но необходимость вынудила ее думать быстро и четко. Итак, четыре тела исчезли. Кто-то забрал их. Вероятно, они исчезли так же, как исчез и нападавший. Значит, Смотритель Леббик не знает, что в Орисоне были кадуольцы. Он не знает правды. Мастер Эремис будет спасен. Артагель будет спасен. Если она проявит смелость.

Ее голос был почти спокойным, когда она спросила:

— Значит, вы собираетесь пытать меня?

Вместо того чтобы прямо ответить на ее вопрос, Леббик рявкнул:

— Едва завершив беседу с принцем Крагеном — представьте себе мое изумление, — я вдруг узнаю, что вы вернулись *одна*, — его тон стал ядовитым, как серная кислота, — со своего ужина с Мастером Эремисом и магистром Гильдии — и были при этом с ног до головы вымазаны кровью.

Он сжал кулаки.

— Вы хотите убедить меня, что телохранители принца убили друг друга, сражаясь за вашу благосклонность? Тогда позвольте поинтересоваться, как *получилось*, что вы бродили как раз по той части Орисона; как *получилось*, что эти два тела оказались у вас на пути, и как *получилось*, что вы поскользнулись и упали, пока кровь была еще теплой; как произошло это просто невероятное стечение обстоятельств? Нет, миледи, я такое объяснение не приму. Вы вернулись одна и были измазаны кровью. Но вы не стали объяснять, что же произошло, хотя здравый смысл, пусть даже столь крохотный, как у собачонки, должен был подсказать вам: надо все выложить стражникам. Значит, все, что с вами произошло, вы предпочитаете держать в секрете. Вы что-то хотите скрыть. Но я *догадался* об этом, миледи.

Его вспышка ярости заставила Теризу извлечь из тайников своего сердца, о которых она и сама не подозревала, ответный гнев. Сколько сарказма она может проглотить молча за один раз?

— Ваши стражники, должно быть, ошиблись, — сказала она. — Может, слабое освещение сыграло с ними злую шутку. Или, возможно, им это просто приснилось. На мне не было ни капли крови. Я не спускалась ни в какие подземелья и не понимаю, о чем вы говорите.

Произнеся это, она хотела издать ликующий вопль радости, который оповестит весь мир о том, чего ей удалось достичь.

Но Смотритель вел себя так, будто она не сказала ни слова — или будто не слышал ее. Понизив голос, чтобы тот звучал подобно свисту плетки в умелых руках, он сказал:

— Я — Смотритель Орисона и командир королевских войск Морданта. Вас не интересует, как я достиг столь

высокого положения? Все очень просто. Во время одной из войн за независимость Морданта король Джойс освободил меня, захваченного алендским гарнизоном близ границ провинции Термиган. Я был тогда мальчишкой, но я был женат, — в горле у него появился ком, — уже почти десять дней. Я из семьи фермера, а фермеры и крестьяне женятся рано. Таким образом, я был женат уже десять дней — и шесть из них провел в тюрьме. Случилось так, что командир гарнизона проезжал мимо нашей фермы, заметил мою жену, и она ему понравилась. Я был настолько глуп, что стал сопротивляться, и меня арестовали.

Но я не был наказан. *Мне* никакого вреда не причинили. — Смотритель оскалился. — Я был всего лишь зрителем, так что видел все, что они творили с моей женой. Как командир, так и большая часть гарнизона.

Затем король Джойс застиг гарнизон врасплох. Мы были освобождены.

Голос Смотрителя становился все более тихим.

— Когда он заметил рвение, с каким я отомстил командиру, он поручил мне дело, где подобное рвение шло на пользу. И когда я проявил способности в этом деле, я начал подниматься по службе.

Сейчас он потерял разум... — едва слышно прошептал Леббик, — но в мои обязанности входит сохранять его жизнь и власть до того дня, когда он придет в себя и ему понадобится все, что я умею. А потому не лгите мне, миледи. Если вы не скажете мне правду, то я ее у вас вырву.

У Теризы пересохло в горле. Ей с трудом удалось найти свой голос.

— Но ведь король приказал вам оставить меня в покое...

— Миледи, — удар хлыста, — меня ничуть не смущают распоряжения безумца. Мой король был в полном разуме, когда сделал меня своим Смотрителем и командиром. И свои обязанности я буду продолжать исполнять.

Странным образом он отталкивал и привлекал ее одновременно. Но она не могла позволить себе испытывать страх или симпатию. Ей нужно было найти способ защититься.

— Не сомневаюсь, что так и будет, — сказала Териза таким тоном, будто ее ничтожные запасы ярости были столь же неиссякаемы, как у него. — Но мне кажется, что манерам вы учились у того командира гарнизона. Я сказала вам, чем занималась. Прежде чем назвать меня лгуньей, вам следовало хотя бы проверить, не говорю ли я правду. Осмотрите мои вещи. Они чисты. Спросите Мастера Эремиса. *Спросите* его. Или вы заранее решили, что и он лжец, и не хотите проверять его слова? Вы просто пытаетесь облегчить себе работу, нападая на самое

слабое существо из всех, кого можете найти. Если бы вы хоть чуточку постарались, то, может быть, и смогли бы узнать что-нибудь.

Она затаила дыхание, а сердце немилосердно колотилось в груди.

Боль затуманила его взгляд.

— Достаточно, женщина, — сказал он басом. — Когда вы будете страдать так, как страдала моя жена, я позволю вам говорить со мной подобным тоном. Но до тех пор вы не имеете на это права. Вы враг Морданта и короля Джойса, и у вас нет *никакого права!*

Она хотела разрыдаться. *Я не знала. Я не хотела, чтобы все так получилось.* Но освободиться от груза и выплеснуть все, что он хочет знать, было бы безумием. И каким-то образом невероятным усилием воли она взяла себя в руки. И ответила:

— Нет, ничего подобного. Я не враг никому. Даже вам. Я просто зритель. Я не имею ничего общего со всем *этим*.

Его челюсти щелкнули, а глаза на мгновение потемнели, и Териза подумала, что он собирается сломать ей кости. Но он не сделал этого. Он был более опасен: он знал, как обращаться со своей яростью.

— Хорошо. Пойдем вашим путем, миледи. Я поговорю с Мастером Эремисом — я проверю ваш рассказ. Я *уверяю* вас, — это слово походило на плевок, — что пустоголовый Армигит повторит вместе со мной каждый шаг своей истории. Я побеседую со всеми солдатами Орисона, которые могли повстречать телохранителей принца Крагена — или видели, куда вы направляетесь с Мастером Эремисом. Я тщательно изучил то место, где погибли эти двое. Они вдвоем просто не могли истечь таким количеством крови. И как минимум четыре человека прошли по их крови, пока она еще не засохла. Один из этих следов был не больше женского. — Хотя желание его было очевидно, Смотритель позволил себе только поднять руку и легко прикоснуться к ее щеке. — Я добуду правду. Любым способом, невзирая ни на что.

Резко повернувшись, он вышел из комнаты. Дверь за ним с шумом захлопнулась. С такой же силой он мог ударить и ее. Если Мастер Эремис каким-то образом не убедит его, что она говорит правду, она окажется в его власти.

Но она сдержала обещания, данные самой себе. Она совершила это, *совершила*: она обвела Леббика вокруг пальца. Значит, для Морданта еще существует надежда. Она, Териза Морган, женщина, которая никогда не знала, что значит верить в себя, — она стала *другой*. От этой мысли ей захотелось петь. Она представила, как подходит к окну, обнаруживает за ним трибу-

ну и кричит всему миру, лежащему пред ней, — грязному двору, крышам, покрытым снегом, дымящимся трубам, стражникам, охраняющим ворота: «Я совершила это! Я обманула Смотрителя!» Видение это было настолько невероятным, что она рассмеялась.

Она так воодушевилась, что торопливый стук в дверь ничуть не смутил ее.

— Входите! — выкрикнула она, даже не задумываясь, кто бы это мог быть.

Мастер Эремис.

И с ним был Джерадин.

На лице пригодника застыло изумление; он словно сам не понимал, как здесь очутился. Тем не менее Териза восприняла его появление с радостью. Хотя она и не могла признаться ему, что сейчас совершила, она позволила себе непринужденно улыбаться ему, и это доставляло ей невыразимое наслаждение.

Он улыбнулся ей в ответ и смущенно пожал плечами, переводя взгляд на Мастера Эремиса.

Мастер притворно хмурился, словно не хотел, чтобы кто-то заметил, как он доволен.

Быстро затворив дверь, он поспешно подошел к ней. От него, казалось, исходили флюиды восторга и нетерпения, и от его присутствия в ее комнате ее нервы заныли, и она готова была идти за ним в любое место, куда бы он ни приказал.

— Смотритель, — сказал он быстрым полушепотом, едва пересек павлиний ковер. — Он был здесь. Почему?

Вопрос сдавил ее горло будто рука душителя.

Она мигом поняла, что он имеет в виду; он хотел знать, что из ночных похождений известно Леббику. Но она не знала, как ответить. Джерадин смотрел на нее, обеспокоенный и встревоженный ее молчанием. Однако ей строго-настрого наказали все хранить от него в тайне. Как она могла ответить, не подвергая его жизнь опасности — и не ставя его в известность, что собирался сделать Эремис?

Мастер приблизился к ней, схватил за плечи и затряс так, что ноги ее едва не отрывались от пола.

— Говори! — яростно прошипел он, сверкая глазами. — Почему Леббик был здесь?

Она ощутила его силу и безумное иррациональное желание спросить: «А почему вы бросили меня прошлой ночью? Я хотела пойти с вами в ваши комнаты». Но он хотел от нее большего. И Джерадин смотрел на все это. Он был достоин лучшего — и не заслуживал таких мук.

Встретившись с неистовым взглядом Мастера, Териза сказала, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно честнее:

— Он ничего не знает.

— Ничего? — Он вопросительно выгнул бровь и ослабил хватку. — Тогда почему он был здесь?

Внезапный испуг накрыл ее новой волной неуверенности. Мастер Эремис не знал, что произошло после того как закончилась встреча. Значит, она должна сообщить ему об этом и предупредить, что пригодники Бретера верховного короля обладают властью появляться и исчезать в Орисоне. И снова — она не могла говорить о подобных вещах при Джерадине.

Джерадин смотрел на нее с явным беспокойством. Если он чувствовал какую-то личную боль от того, что она и Мастер Эремис делились какими-то тайнами, то это было вторичным по отношению к его тревоге за нее.

Но она пока сказала Мастеру гораздо меньше, чем собиралась. Пытаясь говорить небрежно, Териза произнесла:

— Стражники сообщили ему, что я ушла с вами, — она мельком глянула на Джерадина, — и вернулась одна. Это пробудило его любопытство.

Долгие несколько секунд Мастер изучал ее, пытаясь распознать в ее словах правду. Затем отпустил, обернулся и рассмеялся так, словно это было лучшее, что он услышал в своей жизни.

— Любопытство? — выдавил он. — Старый развратник. Я могу поставить золотые дублоны против медяков, что он был более чем любопытен. Он, должно быть, *возжаждал* узнать.

Джерадин отвел взгляд в сторону, яркий румянец проступил на его щеках.

Теризе было стыдно за себя.

К счастью, прекрасное настроение Мастера Эремиса быстро восстановилось.

— Ладно, звезды, очевидно, улыбаются нам, — сказал он весело. — Я уверен, Файль побеседовал с королем Джойсом. Отсюда следует, что король ни о чем не сообщил Леббику. Или наш неподражаемый сюзерен окончательно потерял способность понимать то, что он слышит, или просто не поверил в это, или он уже не в состоянии принимать решения. Нам надо действовать, пока у нас еще есть время.

Он поспешно направился к двери и бросил через плечо:

— Мастера уже собрались. Идем.

Териза осталась на месте. Все произошло слишком быстро. Она до сих пор чувствовала невыразимый стыд. И она не сообщила Мастеру Эремису всего того, что ему следовало знать.

Но почему Гильдия собралась в такой спешке? Разве Мастер Эремис не остановил их, не отговорил от вызова Воина еще прошлой ночью? Что изменилось с тех пор?

Однако Эремис проявлял признаки нетерпения. Из дверного прохода он скомандовал:

— Джерадин, захвати и ее тоже! — и вышел из комнаты.

Это распоряжение заставило пригодника вновь взглянуть на нее. Он торопливо прошептал:

— Териза, *что* происходит?

— Я не могу сказать, — ответила она. Но ей хотелось, чтобы в ее объяснении был хоть какой-то смысл. — Я бы хотела это сделать. Но все это для меня чрезмерно. — Однако чего ей действительно хотелось, это успокоить его. — Я не знаю, чему он смеялся. Я не провела с ним ночь.

Он смотрел в сторону. Сначала Теризе показалось, что он снова страдает. Затем она догадалась, что он пытается скрыть облегчение. Когда он вновь обернулся к ней, его лицо было спокойным.

— Мы должны идти. — Он пытался шутить. — Мастер велел мне прихватить тебя. Я перестану быть пригодником, если не смогу выполнять даже такие простые приказы.

— Хорошо, — сказала она умиротворенно. — Я действительно не знаю, что собирается сделать Гильдия. Но мы на этот счет можем не беспокоиться.

Наслаждаясь его широкой идиотской ухмылкой, она взяла Джерадина за руку, и они поспешили за Мастером Эремисом.

Сходя вниз по каменным ступеням, она пожалела, что не надела свои мокасины. Они были теплее и лучше предохраняли ноги, чем мягкие сапожки, которые порекомендовала ей Саддит. Но неудобство не было достаточным основанием, чтобы вернуться.

Когда они с Джерадином спустились из башни и двинулись по одному из главных коридоров, то почти сразу же наткнулись на Мастера Эремиса; он остановился с кем-то потолковать. По его позе можно было догадаться, что собеседник ему хорошо знаком; когда ракурс изменился, она узнала Артагеля.

— Это Артагель, — быстро прошептал ей Джерадин. — Я о нем тебе рассказывал. Я упросил его присмотреть за тобой — дать тебе еще хоть какую-то защиту. И я бы обязательно тебя ему представил, если бы мы так не спешили.

Эти слова вызвали в ее мозгу новую россыпь догадок. Значит, Артагель ничего не рассказал Джерадину о прошлой ночи. А если он ничего не рассказал Джерадину, то скорее всего не рассказал никому. Значит, существовал вполне реальный шанс, что Мастер Эремис не знает о нападении.

Артагель небрежно опирался о стену и улыбался, меч выразительно висел у него на боку. Он, казалось, лишь из вежливости слушал, что говорил ему воплотитель.

Мастер Эремис покачал головой.

— Артагель, Артагель... — пробормотал он опечаленно. — Мне казалось, что мы — друзья.

— И мне так казалось. — Улыбка Артагеля стала вызывающей. — Но Джерадин уверил меня, что вы вовсе не друг ему — а значит, и мне.

Мастер бросил на Джерадина взгляд, значения которого Теризе понять не смогла, и снова посмотрел на Артагеля.

— Вы всегда позволяете ему выбирать вам друзей?

Артагель громко рассмеялся.

— Всегда. Он ведь мне брат.

Какой-то миг Мастер Эремис безмолвствовал. Он стоял к Теризе спиной, и она видела только лицо Артагеля. Он обрадовался еще больше, когда заметил брата. Эремис стремительно зашагал прочь. Но, уходя, он сказал:

— Джерадин ошибается. Я еще больший друг, чем ему кажется.

Артагель посмотрел мимо Теризы и Джерадина и пожал плечами. Словно разговаривая с воздухом, он объяснил:

— Он хотел нанять меня. Считает, что нуждается в защите. В Орисоне, однако. Любопытно, чего он боится?

Джерадин буркнул:

— Вероятно, своих друзей.

Артагель улыбнулся еще шире.

— Кстати, о друзьях. Ты знаешь, что Найл здесь?

— Нет. — Джерадин был искренне изумлен.

— Я повстречал его случайно. Он как будто не слишком был рад меня видеть. Но я заставил его признаться, что он находится здесь восемь или десять дней. Я не имею ни малейшего представления, почему он проделал подобное путешествие в середине зимы. Он сказал, что захотел покинуть на какое-то время Хауселдон, чтобы развеяться.

— Он словно бы в одной из твоих экспедиций, — задумчиво сказал Джерадин и добавил: — Он, должно быть, скрывается. Иначе я обязательно наткнулся бы на него. Ты подозреваешь, что у него какие-то неприятности?

— Я думаю вот что. — Артагель оттолкнулся от стены. — Ты должен идти. Мастер Эремис не будет сегодня слишком терпеливым.

— Миледи. — Он кивнул Теризе и зашагал по коридору, направляясь в сторону, противоположную помещениям Гильдии.

— Он прав. Нам лучше поторопиться, — напомнил ей Джерадин.

Она пошла за ним быстро, преодолевая сопротивление юбок; но в голове у нее творилось черт знает что. Подумав немного, она спросила:

— По-моему, Найл — один из твоих братьев, не так ли? Почему он прибыл сюда среди зимы и даже не попытался повидаться с тобой?

Он пожал плечами, не глядя на нее, словно ответ мог причинить ему страдание.

Териза сделала вид, что забыла о своем вопросе, и на всякий случай поинтересовалась:

— А в какие такие «экспедиции» отправляется Артагель?

Это оказалось безопасной темой.

— Разве я не рассказывал тебе о нем? Он уверяет, будто слишком ленив, чтобы постоянно нести бремя солдатской службы, но правда в том, что он ненавидит приказы. Поэтому он выполняет, если можно так выразиться, всякие временные поручения Смотрителя Леббика. Когда есть охота, он добровольно напрашивается на какую-нибудь авантюру. Смотритель отсылает его с поручениями по всему Морданту — и, вероятно, в Кадуол и Аленд, но об этом не принято упоминать вслух. Он вернулся всего несколько дней назад, после того как отловил контрабандиста, поставлявшего продукты провиантмейстерам верховного короля Фесттена.

Когда я узнал, что он в замке, то не удержался и попросил его помощи. Я не говорил тебе, что он лучший фехтовальщик в Морданте?

Териза бросила на него взгляд, полный участия и сочувствия, которого, к счастью, он не заметил. Его брат мог быть самым замечательным фехтовальщиком в Морданте, но человек в черном оказался лучше.

Мысль о том, что Артагель может быть побежден человеком, который исчезает и появляется в Орисоне там и тогда, когда и где ему угодно, заставила ее задрожать от страха.

Когда они с Джерадином прошли через пустой бальный зал в коридор, который вел к рабочим помещениям Гильдии, и спустились по ступенькам в подземелье, то вновь оказались в коридоре, что вел к залу заседаний Гильдии. Впереди них в помещение вошли Мастер Эремис и еще один Мастер. Стражники у дверей отсалютовали им — ничем не выдавая того, что Смотритель Леббик или король Джойс знает, что на уме у воплотителей. Тем не менее Териза почувствовала стеснение в груди, когда они с Джерадином проходили в двери вслед за Мастером Эремисом.

Два или три Мастера вошли в зал после нее с Джерадином; потом все двери были закрыты и заперты на засовы, и воплотители расселись на скамьи в пространстве, ограниченном пилонами. Она теперь узнавала уже больше Мастеров, и почти все знакомые ей лица находились здесь. За исключением Мастера Квилона. Это ее удивило. Она ожидала, что он... нет, он был здесь, сидел неподалеку от нее, уставившись в пол, словно в дремоте.

Он был единственным человеком в зале, который не смотрел на Джерадина, Теризу и Мастера Эремиса с некоторой долей сконфуженности, любопытства или раздражения.

Свет масляных ламп и факелов помаргивал, окрашивая Мастеров в разные цвета спектра. Казалось, у всех были горящие глаза и впалые щеки.

Затем внимание Теризы сместилось к центру помещения. Некоторые из Мастеров, стоявших у них на пути, сели; другие отошли в сторону, чтобы пропустить Эремиса. И она увидела высокое зеркало, стоящее на каменном возвышении.

Зеркало с Воином.

Сцена в зеркале изменилась; космический корабль исчез. Но разве Джерадин не говорил ей, что зеркала фокусируются на *место*, а не на *людей?* Неужели корабль улетел? Или просто сейчас его не видно? Чуждый пейзаж казался неизменным, за исключением некоторых деталей: он был голым, красным и мрачным под старым умирающим солнцем, усеян обломками скал и покрыт песком.

Металлические фигуры сосредоточились в центре воплотимого — словно сражались за свою жизнь.

Черное пламя, жидкое как вода и гибкое как хлыст, со всех сторон окружало их. Три или четыре фигуры неподвижно лежали посреди этой сцены, их снаряжение и тела, в которых зияли огромные дыры, еще дымились. Оставшиеся люди использовали для прикрытия камни, насколько это было возможно, и безостановочно палили в черное пламя из своего оружия.

Среди них по-прежнему выделялся Воин. Он жестами указывал направление огня своим спутникам, и его чудовищное ружье выплевывало вспышки, каждая из них изменяла раскинувшийся перед ним ландшафт.

В нем чувствовалось отчаяние, которого Териза раньше не ощущала. Впервые она осознала, что его тоже можно победить.

Но Мастер Эремис отнесся к этому совсем иначе. Довольно потирая руки, он сказал:

— Великолепно! Существует ли он, или это просто создание зеркала, он не будет возражать против проводимого нами воплощения.

— Мастер Эремис, вы позволяете себе чересчур много! — Магистр Гильдии стоял рядом с зеркалом, его руки были сложены на массивном животе, а лицо цвета сосновой доски окрашено гневом. Видимо, боязнь того, что предлагали совершить Мастер Гилбур и другие, перешла у него в ярость. — Ваша самонадеянность оскорбительна. Вы призвали нас так срочно, вы принесли сюда зеркало до нашего общего решения и, снова без разрешения, привели с собой Джерадина, словно все уже решено. Но еще ничего не решено. Вам было поручено провести от нашего имени беседу с лордами провинций. Вы не рассказали нам о результатах этой встречи. Вы не рассказали нам, что там об-

суждалось — и какую позицию заняли лорды. Естественно, мы не можем принимать решения, пока не выслушаем полный отчет, как ваш, так и Мастера Гилбура.

Кроме того, эта леди не имеет права присутствовать здесь, — добавил он раздраженно. — Так что исправьте свои ошибки, выпроводив ее и пригодника наружу.

— Самонадеянность?! — Голос Мастера Гилбура загремел прежде, чем Мастер Эремис успел что-либо сказать. — Это не самонадеянность. Это — инстинкт самосохранения. Мы должны действовать — или умереть! Перестаньте тянуть время, Барсонаж. Женщина ничего не значит. Но посмотрите на Джерадина! — Он слегка махнул в его сторону своей могучей рукой. Все взгляды в помещении обратились к пригоднику. — Он, конечно, неуклюжий и невезучий. Но он никогда не был глупцом. *Посмотрите* на него.

Джерадин как будто ни на что не обращал внимания. Он покусывал нижнюю губу и так напряженно думал, что глаза его от этих усилий казались дикими.

— А где теперь держать его? Вы уже выболтали ему всю информацию, в которой он нуждался. Через минуту он догадается, что мы предлагаем, — и отправится докладывать обо всем королю Джойсу. А так он ничего никому не скажет.

Словно подтверждая правоту слов Гилбура, Джерадин внезапно взглянул в лицо Теризе. В этот миг все остальные для него просто не существовали. То, о чем он думал, наполняло его паническим страхом.

— Так вот чего вы не могли сказать мне? — прошептал он. — Они решили призвать Воина? И Мастер Эремис устроил своего рода встречу с лордами провинций? — Он ненадолго задумался. — Но они ждали результатов этой встречи. Мастер Эремис должен был предложить нечто вроде союза. Гильдия и лорды против короля Джойса?

Она не могла помочь ему. Ее душа ушла в пятки, и она чувствовала, что вокруг него внезапно сгустилась опасность; но она ничего не могла с этим поделать.

— Мне нужно предупредить его.

С такой поспешностью, что Териза не успела остановить его, Джерадин направился к ближайшей двери.

Мастер Гилбур с неожиданной быстротой бросился вслед за пригодником. В попытке схватить Джерадина Гилбур толкнул его. Потеряв равновесие, Джерадин ударился об один из пилонов и сполз на пол.

Мастер Гилбур тут же сжал огромный кулак на кожаном жилете Джерадина и поднял его на ноги.

— Нет, щенок, — проревел он, — ты услышал слишком много. Так что теперь тебе придется выслушать остальное.

По виску Джерадина текла кровь. В том месте, где он ударился головой, на пилоне осталось небольшое красное пятно. Он отчаянно пытался вырваться из цепкой хватки Гилбура, но это ему не удалось — а жилет не рвался. Вскоре его боевой задор прошел, и он бессильно обвис.

Териза хотела накричать на Мастера Гилбура — тот факт, что она считала Джерадина неправым, не имел никакого значения. Она с состраданием смотрела на его кровь.

— Мне так жаль.

— Это не твоя вина, — ответил он глухо. — Кто-то сообщил тебе, что я буду убит, если узнаю, что происходит. Кто бы это ни был — виноват он.

Териза быстро оглянулась. Мастер Квилон не поднимал головы. Но лицо Мастера Эремиса выражало неподдельное изумление.

Тем не менее, быстро опомнившись, он сказал хмуро:

— Она говорит правду, Джерадин. Ты не поверишь в это — но я привел тебя сюда, чтобы спасти твою жизнь. И теперь, когда ты уже не можешь себе этого позволить, — ты будешь жить.

И он тут же обернулся к остальным воплотителям.

— Мастера, если вы сядете и дадите себе труд выслушать меня, я расскажу вам, что произошло во время встречи с лордами провинций — и почему мы должны безотлагательно воплотить нашего Воина.

Его повелительный тон не предполагал возражений. И Мастер Барсонаж процедил сквозь зубы:

— Хорошо же, Мастер Эремис. Пока я готов согласиться с вами. Но есть много такого, чему я хотел бы услышать от вас объяснения.

И, нахмурившись, он уступил место в центре зала Эремису.

Остальные Мастера последовали его примеру. Прежде чем ее могли бы разделить с ним, Териза схватила Джерадина за руку. Мощные лапы Мастера Гилбура придавили обоих к доске скамьи. А Мастер Эремис в это время поднялся на возвышение. И почти сразу же начал.

— Мастера, я постараюсь быть кратким. — Он говорил тихо, но его голос отражался эхом и в самых дальних углах комнаты. — Наша встреча с лордами провинций была прервана и закончилась безо всякого решения потому, что они не поверили нам. Они считают, что мы служим королю Джойсу и хотим заманить их в ловушку. Или что мы служим лишь себе и пытаемся заставить их служить нам.

— Мастера Эремиса обвиняют в наглости, — вмешался один из молодых Мастеров. — Однако же нет бо́льших наглецов, чем сами лорды!

Териза чуть слышно прошептала Джерадину на ухо:

— Не беспокойся, король Джойс и так знает, что происходит.

Он уставился на нее, ничего не понимая.

— Конечно же, — продолжал Мастер Эремис, в полной мере используя свой знаменитый сарказм, — переговоры были делом непростым. Для начала я должен информировать вас, что был даже более «самонадеян», чем вам могло показаться. После того как я лицезрел результат миссии, направленной к нашему королю, я пригласил на встречу принца Крагена из Аленда.

Это сообщение подействовало на многих Мастеров ошеломляюще. Они буквально застыли. Эремис теперь полностью завладел их вниманием. Магистр обратил на него яростный взгляд, но не прерывал.

— Я, конечно же, не буду уверять вас, что полностью доверяю любому представителю алендского монарха. Но принц подчеркивал, что ищет мира. И я не сомневаюсь, он действительно хочет защитить нас от Кадуола. Именно потому я решил, что его присутствие не вызовет лишних осложнений, а при случае откроет нам возможности для более значительного союза, чем просто объединение Гильдии с лордами.

— Файль все рассказал ему, — объяснила Териза Джерадину. — Во всяком случае, о Воине. А не о встрече.

— Тогда почему... — на секунду он забыл, что нужно говорить тихо, но колючие взгляды Мастеров и рука Мастера Гилбура, рванувшая за жилет, напомнили ему об этом, — почему он ничего не предпринимает?

Заметно смягчившись, Мастер Барсонаж пробормотал:

— Вы превзошли самого себя, Мастер Эремис. Вы прекрасно все рассчитали, но вам не хватило знания психологии. Я боюсь, что этот трюк вынудил лордов отнестись к вам с еще большим подозрением. Я не прав?

Эремис вздохнул.

— Это второй вопрос, который я собирался прояснить. Лорды действительно не захотели меня внимательно выслушать — но не из-за присутствия принца Крагена. Говоря откровенно, мне кажется, что они выслушали бы внимательнее его, если бы там не было меня. Их ненависть к Аленду меньше их недоверия к воплотителям.

Одни Мастера вслух выразили свое удивление, другие мрачно пробормотали проклятия. Но Мастер Эремис воздел руки, призывая их замолчать.

— Я не хочу быть несправедливым. Принца Крагена очень заинтересовало наше предложение. Вердон проявил еще больший интерес. Но что касается остальных... — Он пожал плечами. — В Армигите вообще, похоже, не осталось ни капли здравого смысла. А Тор был слишком пьян, чтобы хоть как-то соображать.

— Неужели ты не понимаешь? — Териза обернулась к Джерадину, озабоченная тем, чтобы ему все было понятно. — Вот почему у Мастера Эремиса не осталось другого выбора.

Он весь помрачнел от внутренней боли. Похоже, он не хотел понимать ее.

— Я верю, что Термигана при других обстоятельствах можно было уговорить, — сказал Мастер Эремис. — Вместе с Вердоном этого было бы достаточно. Мы имели бы основу, на которую можно опереться и от чего можно отталкиваться. Но мы потерпели крах из-за упорного недоверия Файля к воплотимому.

— Файля? — спросил Мастер Барсонаж. — У него репутация рассудительного человека.

Мастер Квилон внезапно оживился. Его глаза засверкали, он лихорадочно впитывал информацию.

— Да, он *рассудителен*, — вмешался Гилбур, — если можно назвать рассудительностью то, что он отверг все предложения просто потому, что мы собираемся вызвать Воина без разрешения короля Джойса.

Еще один Мастер возмутился:

— Вы говорите серьезно? Тогда почему, на его взгляд, эта встреча проходила втайне? Почему он принял приглашение, если разрешение короля ему так важно?

— Чтобы шпионить за нами, — проревел Мастер Гилбур. — Почему же еще?

Магистр был потрясен.

— Это действительно так?

— Да, — звонко ответил Мастер Эремис. — Он признался в своем намерении информировать короля, чтобы тот предотвратил любое проявление нашей воли или желания.

Сосредоточив внимание на Джерадине, Териза подумала: «Ведь на самом деле все было совсем не так». Но все это действительно было. Чем больше она вспоминала, тем больше соглашалась с Мастером Эремисом и Мастером Гилбуром. Хотя подсознательно не ставила под сомнение благородство Файля.

— Тогда почему, — неожиданно вмешался Мастер Квилон, — король ничего не предпринял, чтобы остановить нас?

Внезапно разъярившись, Мастер Эремис резко обернулся к Мастеру Квилону.

— Вы просите меня объяснить *его* поступки? Если бы я обладал *такой* мудростью, то легко мог бы спасти Мордант.

— Мы не можем объяснить это, — настойчиво поддержал его один из воплотителей, до сих пор молчавший. — И мы должны действовать — пока Леббик и его люди не попытались остановить нас.

Джерадин старательно прислушивался к каждому слову, и выражение озабоченности не сходило с его лица.

— Хорошо. — Мастер Барсонаж с трудом поднялся со своего места. — Все остальное предположить нетрудно. — У него был вид человека, потерпевшего поражение; даже брови его казались обвисшими. — Я считаю, нам следует поторопиться. Короче, Мастер Эремис. Что вы предлагаете?

Эремис обернулся к магистру. И этот поворот, и уравновешенность Мастера, и взгляд, брошенный на Барсонажа, были полны такой энергии, что, казалось, от него сыпались искры. Он выглядел слишком возбужденным, чтобы Териза могла распознать его истинные чувства.

— Я предлагаю воплотить нашего Воина, — сказал он, — прямо сейчас. Немедленно.

Мастер Барсонаж сухо кивнул, помолчал секунду и спросил:

— А для чего?

Мастер Эремис ответил незамедлительно:

— Доказать наши добрые намерения. Нам не верят, потому что считают, будто нас не волнует ничего, кроме самих себя. Или потому, что мы, будучи орудиями короля, видимо, должны были вслед за ним потерять рассудок. — Затем он возвысил голос так, что он зазвучал как горн или труба. — У нас нет иного способа убедить других, кроме как предпринять решительные действия для защиты Морданта. Только выступив на борьбу со злом самолично, мы сможем доказать, что достойны доверия.

Этого должно было хватить Эремису, чтобы добиться желаемого. Для Теризы этого оказалось достаточно: его пылкость и страсть передались ей. Но Мастер Гилбур не хотел оставлять за ним последнее слово.

— К тому же, — прохрипел он, — не следует отвергать ту возможность, что принц Краген и лорды пришли на встречу с нами совсем по иной причине. Мы были созданы Джойсом. Этим он подал пример Кадуолу и Аленду. А те всегда полагали, что он будет использовать Гильдию для своей выгоды, и потому маневрировали друг против друга, чтобы *захватить* нас. — Он положил сжатые кулаки на перила. — Они хотят владеть нами, будто мы вещи, а не люди.

У нас нет мечей или солдат, — его голосу не хватало глубины и резонанса, но звучал он потрясающе звучно, — и потому мы никогда не сможем защитить себя, *если не продемонстрируем свою силу!*

В тишине, наступившей вслед за его выкриком, все услышали стук в дверь. Звук был таким, словно лезвие меча или секиры врубалось в дерево.

И все они услышали приказ:

— Именем короля — откройте дверь!

На короткий миг Териза изумилась, почему король Джойс вдруг изменил самому себе.

Джерадин дернул головой.

— *Смотритель.* — И тут же попытался вскочить на ноги, крича при этом: — Смотритель Леббик! Ломайте дверь! Остановите их!

Гилбур дернул его назад, а затем своим каменным кулаком ударил по голове так сильно, что все тело пригодника резко дернулось, а глаза остекленели.

Теризу словно парализовало. Все произошло слишком внезапно. Король Джойс наконец-то принял решение. Планы Мастера Эремиса — в опасности. *Джерадину — больно.*

Воплотители повскакивали на ноги, стараясь перекричать друг друга; однако Мастер Барсонаж продолжал сидеть на скамье. Из него, казалось, вытекли все силы, до последней капли.

— Итак, это должно быть сделано, — пробормотал он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Иначе существование Гильдии станет просто бессмысленным.

— Гилбур! — рявкнул Мастер Эремис. Улыбка обнажила его зубы. — Действуй без промедления!

Мастер Гилбур отпустил Джерадина и поспешил в центр палаты, к зеркалу.

Кое-кто из воплотителей зааплодировал, многие замерли в тревоге. Но все они уступали дорогу Мастеру Гилбуру. Некоторые отошли за пилоны, поближе к стенам, чтобы быть подальше от зеркала и от двери, в которую ломился Смотритель Леббик.

Эремис занял место Гилбура, усадил безвольного Джерадина прямо и держал их с Теризой так, чтобы они не могли вырваться.

Зеркало было направлено прямо на них. Джерадин едва понимал, что происходит, ему даже не совсем удавалось удерживать голову, но Териза видела все отлично.

Мастер Гилбур положил руку на раму и начал медленно наводить зеркало на Воина. Наконец Воин оказался в центре воплотимого; затем стал приближаться, пока не заполнил собою все изображение в зеркале.

Стук в дверь сменился тяжелыми методичными ударами. Териза услышала, как дерево затрещало. Но стальная оковка была слишком толстой, чтобы сломаться быстро. В промежутках между ударами Смотритель Леббик выкрикивал:

— Мастер Барсонаж! Воплотители! Клянусь звездами, я сейчас открою эту дверь!

Мастер Гилбур бросил взгляд на Мастера Эремиса.

— *Воплощайте же его!* — прошипел Эремис.

Джерадин застонал, потряс головой. Часто моргая, он пытался прояснить зрение.

Мастер Гилбур вцепился обеими руками в край зеркала, как бы пытаясь втащить Воина сюда исключительно физической силой. Его хриплый голос шептал слова, которых Териза не понимала.

— Нужно остановить его, — тяжело дыша, произнес Джерадин. Каким-то образом ему удалось подняться. Ноги его подкашивались. Шатаясь, он заковылял к Мастеру Гилбуру.

Мастер Эремис теперь уже не держал Теризу. Он сделал попытку схватить Джерадина, и это ему не удалось. Отпустил ли он ее ради этой попытки — она не знала; она на него не смотрела. Все ее внимание было сосредоточено на Джерадине.

Териза побежала вслед за ним.

Он явно не успевал. Если бы он не был все еще оглушен ударом Мастера Гилбура, то понял бы, что не успеет достичь зеркала вовремя.

Поверхность стекла впереди него стала темной, и Воин шагнул из зеркала на возвышение в центре палаты.

Броня делала его по меньшей мере семи футов ростом. Лица видно не было — его прикрывала темная пластина, которая, наверно, служила забралом. Металлическая кожа, защищавшая его, была в нескольких местах обожжена до черноты и пробита по меньшей мере дважды. Ядовитый дымок курился над ранами. Воин двигался так, словно получил серьезные повреждения.

Но ружье его было наготове. Выпрямившись на возвышении, он направил ствол прямо в грудь Джерадина.

Териза схватила Джерадина за плечи. Он был слишком слаб и плохо соображал и поэтому свалился на пол даже от ее небольшого веса.

Первый выстрел прошел поверх них. Мастера закричали. Кто-то даже завизжал.

Пытаясь сгруппироваться и встать, она внезапно обнаружила, что смотрит прямо в ствол ружья.

Долго-долго, на протяжении одного удара сердца, она наблюдала, как рука Воина, закованная в металл, нажимает на спусковой механизм.

Вдруг он вскинул ствол вверх, и выстрел ударил в потолок.

Посыпались раздробленные камни.

Воин убрал одну руку со своего ружья, схватил Теризу за шею и швырнул на Джерадина.

— Лежи там. — Его голос, как будто усиленный мегафоном, был едва слышен из-за грохота падающих камней. — Я не воюю с женщинами.

Он снова принялся стрелять.

А еще через миг рухнул весь потолок.

КНИГА ВТОРАЯ

14. Из-под обломков

Жизнь в Орисоне с некоторых пор становилась все более непредсказуемой, и вот настал день, когда Смотритель Леббик окончательно понял, что плавное течение его собственной жизни превратилось в бурлящий поток.

Рано или поздно безумные замыслы этих фанатичных воплотителей должны были завершиться катастрофой. Даже страшно подумать, во что превратился зал заседаний Гильдии.

Но если бы только это...

Последние события породили такой клубок проблем, в том числе глобальных, что Смотрителю придется пустить в ход всю свою изворотливость, силу и власть, чтобы распутать его. Правда, налицо пока лишь симптомы, зацепиться не за что. Но уж если Смотритель принял решение, значит, добьется своего. И он хищно улыбнулся. Так он улыбался, бывало, лишь жене и, очень редко, королю Джойсу; те знали его достаточно хорошо, чтобы понять: его улыбка — дурной знак. Действительно, кто же еще, кроме жены и старого друга, мог оценить особую свирепость его улыбки!

К несчастью, жена покинула его — долгая, мучительная болезнь словно топором обрубила нить ее жизни. С того дня минул почти год, но ему до сих пор не хватало ее так сильно, что все внутри сжималось от боли.

А король Джойс пустил его в самостоятельное плавание...

Он отказался выслушать Файля. Тем самым он не давал возможности предпринять сколь-нибудь решительные действия, отнимал всякую надежду.

Смотритель крепче сжал кулаки, улыбка его стала яростнее. Он заставил себя не думать об этом. Король Джойс — тот человек, которому Леббик обязан жизнью. Страсти, кипевшие при основании Морданта, идеалы, провозглашенные при создании Гильдии, — все это было для Смотрителя кровью в

жилах, воздухом в легких. Он был правой рукой короля. Король спас его...

А теперь *отказался выслушать Файля.* Нет, Смотритель не допустит, чтобы все это — Мордант, возвышенные порывы и недостигнутые цели — так просто исчезло, сгинуло в полном отчаянии. Пока Леббик остается правой рукой короля, он этого не допустит.

Но сейчас надо думать о другом. Сейчас предстоит решить сразу слишком много проблем.

Эта женщина...

Смотритель длинно и витиевато выругался про себя. Она каким-то образом оказывалась в центре всего происходящего. Во всем этом должна быть некая взаимосвязь, и ему нужно найти ее; эта женщина каким-то образом оказывала влияние на Орисон и весь Мордант.

Более того, именно из-за нее его горло пылало от страсти, которой он не испытывал с той поры, когда его жена была в расцвете сил и красоты.

Он решил не думать об этом — до поры. Он будет заниматься своими делами, не упуская все это из виду, пока не поймет, что оно означает.

Для начала следует точно определить размеры катастрофы...

Все проблемы явно взаимосвязаны.

Первым по времени, а может, и по опасности, стало происшествие с телохранителями принца Крагена.

Ясно, что их убили не просто так. И они двое не могли потерять столько крови. Более того, абсолютно нереально, чтобы их кровью было залито столько разных мест в том коридоре.

А эта женщина вернулась в свои комнаты, буквально пропитанная кровью.

Значит, где-то в самом Орисоне окопалась банда воинов-предателей — или хуже. У них была отличная выучка, и их вполне хватало, чтобы убить опытных телохранителей и унести с собой своих мертвых и раненых. У них есть друзья, которые прячут их. Они имеют что-то общее с этой женщиной. И их цель — вызвать войну между Мордантом и Аленлом. Или хуже.

Это порождало новые вопросы. Что стало с человеком в черном, который пытался убить Теризу в первую же ночь, проведенную ею здесь? Ему легко удалось скрыться. Почему он не предпринял новой попытки?

Чего ожидать дальше? Нападения на короля?

А король *отказался выслушать Файля.* Старый лорд хотел предупредить Джойса о намерениях Гильдии, и король отказался его выслушать. Тогда Файль обратился к Смотрителю, потому что ему не оставалось ничего другого.

Однако это вызывало новый вопрос: откуда Файлю стало известно о намерениях воплотителей? Он решительно отказался объяснить это Леббику.

Что касается проведения Гильдией насильственных воплощений вопреки запретам короля Джойса, то Смотритель Леббик знал, кто должен нести за это ответственность, — вернее, знал, кого ему следует проклинать. Он вынудил Файля назвать пару имен. Однако они еще могут подождать. Результаты воплощения породили более неотложные проблемы.

Решив защищаться от Аленда или Кадуола, воплотители избрали для этой цели какого-то чужака Воина, обнаруженного в их зеркалах, — бойца с навыками ведения боя, мощным оружием и одержимостью к сражениям. Чего они ожидали, вырывая этого Воина из его привычной жизни? Благодарных поклонов? Торопливых предложений о помощи? Им повезло, что он просто обрушил потолок в зале, а не убил их всех скопом, как они того заслуживали.

Судя по проходу, который Воин выжег, выбираясь из рабочих помещений Гильдии сквозь толстую северную стену Орисона на открытое пространство, он обладал достаточной силой для уничтожения любого количества людей. Смотритель Леббик поначалу даже опасался, что он решит снести замок до основания. В этом случае у Леббика не осталось бы другого выбора, кроме как заставить всех воплотителей, которых ему удалось бы найти, заняться обороной. И вообще, обнаружилось, что боевые силы и механизмы Орисона вдруг оказались не готовы к войне.

К счастью, Воин продолжал двигаться прямо — уходя все дальше от Орисона, барахтаясь в снегу, словно взбесившийся дикий зверь. Неестественность продвижения Воина подсказывала Леббику, что тот серьезно ранен.

Оставались еще две наиболее срочные проблемы, не считая здоровенной дыры в стене. Естественно, проломом вскоре придется заняться вплотную — но не сейчас. Сначала нужно послать отряд наблюдения за Воином. Это очевидно. Его местонахождение должно быть известно, поэтому следует предпринять попытки контролировать его, возможно, даже остановить. Его нынешнее направление может привести в самый густонаселенный район Демесне, прямо к Баттену, в сердце провинции Армигит.

Второй неотложной проблемой был Мастер Квилон, непрестанно путающийся под ногами, словно собачонка. Он высовывал свое покрытое пылью лицо всякий раз, когда Смотритель замолкал, и принимался кричать, что женщина и Джерадин погребены под обвалившимся потолком.

Смотритель Леббик осклабился.

— Вы думаете, они еще живы?

— Не знаю! — ответил Квилон. — Но наверняка скоро умрут, если их не вызволят!

Леббик для себя уже решил этот вопрос. У него не набиралось необходимого количества людей, чтобы преследовать Воина и эффективно разбирать завалы. Вызов подкрепления из лагерей, расположенных на холмах поблизости от Орисона, займет некоторое время.

Один такой лагерь лежал как раз на предполагаемом пути следования Воина.

Смотритель безотлагательно приступил к действиям. Он отправил посыльного собрать всех свободных стражников в разрушенном зале заседаний. Другой посыльный помчался на улицу за лошадью, унося подробные инструкции для войск короля. Затем Смотритель обернулся к Мастеру Квилону.

— На это уйдет немало времени. Мы не сможем разобрать все завалы за несколько часов. — Окинув взглядом зал и пролом, он сказал: — Камни придется выносить наверх. Даже если женщина и Джерадин еще живы, они скоро задохнутся. — И почти беззлобно добавил: — Разве что вы и другие члены Гильдии придумаете хоть что-нибудь полезное.

Не замечая улыбки на своем лице, он двинулся дальше раздавать поручения.

Квилон тут же отправился на поиски Мастера Барсонажа.

Магистр сидел на полу у дверей, ведущих в палату. Эти двери и спасли Гильдию. Не зная, чего следует ожидать от Воина, Мастера отошли к стенам зала и потому с легкостью могли добраться до дверей. В результате всего двое из них погибли: одного уничтожил первый выстрел Воина, а второй был придавлен крупным обломком потолка. Все прочие остались целы и невредимы — включая Мастера Гилбура и Мастера Эремиса, хотя никто так и не смог понять, каким образом им удалось выскочить вовремя.

Выглядел Мастер Барсонаж не лучшим образом. Он, как и Квилон, был покрыт каменной крошкой и засохшей древней известью, от чего вполне мог бы сойти за нищего. Глаза его покраснели; он сидел, зажав руки между колен, и, видимо, пребывал в шоке вследствие какой-то невидимой раны.

— Барсонаж! — резко окликнул его Мастер Квилон. — Вставайте! Надо поторапливаться!

Мастер Барсонаж не отвечал, только смотрел мимо Квилона; он как будто лишился дара речи. Но когда Мастер Квилон разразился бранью, магистр поднял голову и моргнул.

Посмотрев на Мастера, он прохрипел сиплым от пыли и отчаяния голосом:

— Квилон. Я знал, что это была ошибка. С самого начала. Не следовало вызывать того, кто обладает такой

силой. Но у нас не было выбора. Или был? Предсказание — и все остальное — говорило против нас. Лорды — Кадуол и Аленд — король Джойс... — Он снова склонил голову. — Это была ошибка.

— Не важно, — нетерпеливо перебил Мастер Квилон. — Мы все совершаем ошибки. Идемте же.

Мастер Барсонаж уставился на Мастера Квилона безучастным взглядом.

— Джерадин и леди Териза! — Квилон от нетерпения чуть не подпрыгивал. — Они под этими камнями!

Лицо магистра не изменилось.

— Как и зеркало Гилбура. Оно превратилось в прах. А значит, мы не сможем исправить содеянное. Зеркало Джерадина показывает то же самое воплотимое, но с ним самим что-то не так. Любое же другое зеркало будет смертным приговором как для нашего Воина, так и для того воплотимого, которое примет его.

— Зеркала нам помогут! Да очнитесь же, Мастер Барсонаж! Забудьте о Воине. Нам нужно спасти Джерадина и леди Теризу! Люди Смотрителя пытаются вызволить их, но они действуют слишком медленно. Все эти камни надо убрать. *Но люди Смотрителя действуют слишком медленно.*

Постепенно Мастер Барсонаж начал понимать.

— Они не могут выжить, — пробормотал он. — Под всем этим... Невозможно.

— Должны! — закричал Мастер Квилон срывающимся голосом. — Другого шанса у нас нет! *Идемте же!*

Он резко нагнулся и попытался поднять грузного магистра.

Бесконечно долгий миг тот не мог собраться с силами, чтобы встать. Но наконец пробормотал:

— Думаю, нам следует попытаться. Даже если это бессмысленно. Хоть что-то мы должны сделать после такой катастрофы?

Он поднялся вместе с облаком пыли.

С лихорадочной поспешностью Квилон провел Мастера Барсонажа по коридору к бывшим камерам, где бережно хранились зеркала Гильдии. После недолгого размышления магистр выбрал зеркало, на которое, по-видимому, и рассчитывал Мастер Квилон — высокое, с бескрайним морским пейзажем, где не было ничего, кроме воды. Мастер Барсонаж с огромным усилием один поднял зеркало и пошел с ним обратно в зал заседаний.

Движимый благородной целью, он обрел уверенность в своих силах, и груз показался ему легче. В коридоре они с Мастером Квилоном встречали других воплотителей; те понемногу приходили в себя, но слонялись без дела, и магистр все более твердо отдавал распоряжения членам Гильдии, призывая их помогать ему.

Вскоре Мастера достигли палаты.

Двери оказались распахнутыми, и зимний ветер беспрепятственно гнал холод, снег и труху в коридор.

В палате громоздилась куча обломков не только от обрушившегося потолка, но и от каменных блоков с более высокого уровня. К ним присоединились мощные гранитные блоки из стен, заменявшие строителям Орисона кирпич, и куски пилонов вперемешку с мелкими блоками — все это появилось, когда Воин прокладывал себе путь через наружную стену.

Теперь Мастеру Квилону стал ясен метод Смотрителя: его стражники могли расчищать завал, лишь вытаскивая камни наверх и выбрасывая их из дыры. Но даже с помощью всех пригодных для этого зеркал Орисона работа наверняка отнимет не меньше целого дня.

Здесь царил полумрак, усугубляемый начавшимся снегопадом, хотя сквозь пролом виднелось затянутое облаками утреннее небо; в воздухе висела пелена пыли; стражники и слуги замка уже собрались и начали кирками, лопатами и ломами разбирать завал.

На вершине горы обломков Квилон увидел Артагеля: он, словно обезумевший, пытался голыми руками своротить огромный блок от стены размером с него самого. Его проклятия были подобны плачу.

Мастер Квилон проворно поднялся на гору и встал рядом с братом Джерадина. Нагруженный зеркалом магистр медленно следовал за ним.

Оказавшись рядом с Артагелем, Квилон схватил его за руку. Артагель оттолкнул Мастера, даже не глянув в его сторону. Дикий блеск в его глазах таил угрозу.

— Дайте нам место, Артагель! — закричал ему в лицо Мастер Квилон. — Мы справимся с этим лучше. Джерадину не станет легче от того, что вы измотаете себя. Мы сможем добраться до него, но нам нужна помощь, а не глупое упрямство.

— Он мне брат, — прохрипел Артагель, не оставляя безнадежных попыток.

Мастер выругался, и в его устах это звучало нелепо:

— Меня не волнует, мать он тебе, отец или незаконнорожденный отпрыск всех семей Морданта. Не хочешь помочь — отойди.

Артагель с усилием разжал кулаки с побелевшими суставами.

— Ну, покажи, воплотитель, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы. — Покажи, как ты справишься с этим лучше.

К тому времени Мастер Барсонаж взобрался на вершину.

— Так дай же нам место! — снова крикнул Мастер Квилон в лицо Артагелю — в это время магистр устанав-

ливал зеркало рядом с блоком, который Артагель безуспешно пытался сдвинуть.

Квилон помогал держать зеркало, пока Барсонаж совершал необходимый ритуал. Магистр нараспев произнес заклинания, готовя зеркало принять тело из этого мира, потом оба воплотителя опустили зеркало к каменному блоку...

...и блок оказался воплощенным в катящем волны море.

Появились другие воплотители и целая толпа стражников. Многие Мастера несли с собой зеркала. Среди них был и Эремис. Мастер Квилон заметил отсутствие Гилбура, но думать о причинах не было времени. Пока они с Мастером Барсонажем снова устанавливали зеркало, он громогласно отдавал приказы стражникам, чтобы они сгруппировались возле каждого зеркала. Кто-то протянул Артагелю лопату, и он, согласно кивкам Мастера Барсонажа, принялся швырять обломки в зеркало, освобождая следующий большой кусок гранита.

И пыль, и мелкие камешки, и куски побольше, способные разбить любое стекло, проскакивали в воплотимое и поглощались морем. При желании Мастер Квилон мог бы видеть всплеск на воде после каждого взмаха лопаты.

Окинув взглядом гору, он с удовлетворением отметил, что уже задействованы и другие зеркала. Только два из них оказались столь же велики, как то, что держали они с Мастером Барсонажем, но все были выбраны разумно: ни одно из них не было плоским, и ни одно из них не содержало сцены, где внезапное появление больших камней могло бы вызвать какие-либо неприятности. Единственным исключением могло стать зеркало, принесенное с помощью юного пригодника Мастером Эремисом. В нем находился гигантский хищный слизняк с ядовитыми клыками и алчными глазами. Стражники вокруг Эремиса швыряли обломки прямо в морду чудовища.

Похоже, оно в ярости ревело.

— Квилон! — закричал Мастер Барсонаж. — Внимательнее!

И Мастер Квилон торопливо помог магистру пригнуть зеркало, чтобы воплотить в него следующий огромный каменный блок.

— Есть ли надежда? — спросил Артагель. — Неужели они еще живы?

— Должны, — повторил Квилон. Но его сомнения становились все более и более очевидными.

У Теризы не было сомнений в том, что она еще жива.

Скудные порции воздуха, которые ей удавалось вдохнуть, были пропитаны пылью; легкие уже переполнились ею, и каждый очередной вдох грозил приступом надрывного кашля. Края и углы камней давили ей на спину, ребра в любую минуту

могли треснуть. Каждый выдох взметал песчинки, и они запорашивали глаза, ослепляя в кромешной тьме. Она ощущала тяжесть навалившихся на нее обломков, медленно сдавливающих ее слабую плоть и кости, пытаясь окончательно ее расплющить. К тому же камни были горячие от выстрелов Воина, и воздух настолько разогрет, что вдыхать его было больно.

Териза сознавала, что жива. И совершенно не понимала, как это может быть.

Воин швырнул ее на Джерадина лицом вниз, поэтому она не видела, что именно его закованная в металл фигура и его разрушительный огонь защитили ее и Джерадина от самой страшной части камнепада. Блоки низвергались на Воина и не попадали на них; мелкие куски и пыль заполнили прикрываемое им пространство. Когда же он двинулся дальше, чтобы покинуть Орисон, обломки, которые тотчас посыпались на Теризу и Джерадина, падали не с потолка и верхнего уровня, а со стенок образовавшегося кармана. Но на груду камней над ними каждый выстрел Воина обрушивал новые куски.

Однако Териза еще дышала. Немного воздуха здесь пока оставалось.

Но его явно не хватало.

Териза ощутила едва заметное изменение — острый край плиты, давившей прямо на середину спины, сдвинулся на долю дюйма. Она тоже попыталась сдвинуться хоть чуть-чуть, но ей удалось лишь пошевелить пальцами. Жара и пыль, вдыхаемые с каждой порцией воздуха, исторгнутого из камней, вызывали тошноту. Боль, словно разгорающееся пламя, все сильнее жгла легкие, глаза, раскинутые в стороны конечности. Неужели ей суждено умирать вот так, медленно, мало-помалу, чувствуя, как с малейшим шевелением обломков боль растет, становится непереносимой...

Нечто подобное с ней уже бывало. Иногда родители, обозлившись за что-нибудь, закрывали ее в шкафу. Никто не реагировал на ее крики и истерические просьбы, пока она не успокаивалась и не просила у родителей прощения. А однажды, скорее всего за какую-то пустяковую провинность, ее втиснули в шкаф, и, как только дверь закрылась, все вещи обрушились на нее, но ее протесты и мольбы, как и прежде, разбивались о холодное молчание.

И тогда она вдруг почувствовала, что исчезает, растворяется.

Вещи поглотили ее, со всех сторон обступала абсолютная и замкнутая тьма; и в этот миг пришло осознание, что паника и страх ничего не значат, что ощущение ужаса или недостатка воздуха — это ерунда. Закрытые двери, груда одежды и тьма, накрывшая ее словно саван, заставили ее утратить чувство реальности.

Она тогда не поняла этого, как, наверное, не понимала никогда, что такое отношение к происходящему спасло ее — защитило от тьмы и родительской неприязни, не позволило окончательно искалечить ее.

На этот раз, к несчастью, защиты не существовало. Ее сознание начало исчезать. Она испытывала непреодолимое желание кричать. Но тогда она наглотается пыли, и невозможность дышать разорвет ей сердце.

— Джерадин, — ее голос звучал не громче шепота, такой же отчаянный, как боль, пронзающая легкие, — Джерадин, ты слышишь меня?

Естественно, он не мог ее слышать. Он лежал на спине, лицом к падавшим каменным обломкам. Его голова неизбежно должна была оказаться раздавленной. Он, вероятно, находился под ней, но Териза не ощущала ничего, что могло напоминать его тело.

— Джерадин, — взывала она, — Джерадин!

Но выход был. Он явился к ней легко и почти не вызвал удивления. Она может сейчас раствориться. Она может отказаться от долгой борьбы с нереальностью и нырнуть в обволакивающую ее тьму. И тогда она окажется в безопасности. Выживет она или умрет — ей ничто не будет угрожать, потому что ее не станет.

Едва эта мысль пришла ей в голову, как она поняла, что такой уход будет очень легким. Обещая защиту, он обещал покой.

— Териза?

Слово, произнесенное хриплым, исполненным боли голосом, доносилось из такого далека, что она не поверила.

— Териза! — Невероятно слабый, измученный, сдавленный — но упорный, желающий достучаться до ее души голос. — С тобой все в порядке?

Внезапный спазм сжал горло. Теперь она не может ни уйти, ни сбежать. Спасительное бегство от опасности стало невозможным. Джерадин здесь, с ней. Она слышит его голос. Она должна остаться.

— Териза! — Джерадин пытался справиться с потками паники. — С тобой все в порядке? — Он закашлялся. — Ты слышишь меня?

— Джерадин, — боль снова сдавила ей грудь, — я не могу дышать. Я долго не выдержу.

— Старайся дышать потише. — Его шепот доносился до нее из какой-то невероятной дали. — Делай мелкие вдохи. Расслабься. Здесь достаточно воздуха.

Несмотря на разделяющее их чудовищное расстояние, она распознала в его голосе тревогу. Он тоже был сдавлен.

— Нас обязательно спасут. Нас уже начали откапывать. Все, что нам остается, — это ждать.

— Я не могу. Не могу. — Утратив единственный шанс спастись, она впала в истерику. — Я не могу пошевелиться. Джерадин, у меня сейчас сломается спина.

— Не думай об этом. — Его голос проникал к ней, как пыль между камнями. — Изгони все лишнее из своего сознания.

— Не могу. — Она стиснула зубы, чтобы не закричать от отчаяния.

— Ты можешь. — Каким-то образом ему удалось заговорить громче. — Все это ерунда. Думай о чем-нибудь другом. Расскажи мне, что произошло. Я не помню ничего после того, как Мастер Гилбур ударил меня по голове. Он воплотил Воина? Или Смотритель остановил его?

Джерадину удалось на мгновение успокоить ее. Неужели он ничего не помнит?.. Он пришел в сознание, не понимая, где он и почему?..

— Териза...

Уловив в его голосе просительные нотки, она осознала, насколько он зависит от нее. Если он сейчас останется без нее, он тоже закричит.

Что-то глубоко внутри нее взывало: «Я не могу, меня раздавливает! *Я этого не выдержу! Выпустите меня!*» Но Териза заставила себя сделать то же, что и он. Она сосредоточилась на нем, а не на себе. Он, оказывается, даже не был свидетелем своего погребения заживо.

— Попробую.

Короткими рваными фразами, такими же судорожными, как дыхание, она поведала ему о финале воплощения, произведенного Мастером Гилбуром.

Когда она закончила, он издал стон и умолк. Прежде чем Териза испытала новый приступ истерики, Джерадин сказал:

— Это доказывает одно: ты именно *тот* человек. Тот, кому суждено спасти Мордант. Ты — Воин!

— Что? — выдохнула она. — О чем ты говоришь?

— Существовала некая вероятность, — он с трудом выдавливал из себя слова, — что ты попала сюда по ошибке. Я ведь иногда ошибаюсь. Но это означало, что Мастер Гилбур прав. Сейчас мы знаем — это не так. Его Воин не собирается спасать нас. Значит, именно ты настоящий, необходимый нам Воин.

— Это невозможно. — Она чувствовала, как ее кости дробятся на хрящи и мелкие кусочки. Воздух стал плотнее. *Ты можешь. Думай о чем-нибудь другом.* — Ведь все осталось прежним. Я не воплотитель. Я ничего в происходящем не понимаю. Мастер Эремис — вот кто может спасти Мордант.

Ее слова растаяли где-то вдали. Если Мастер еще жив... Он был прав, предупреждая, что опасно воплощать Воина. Ведь так? Что, если обрушившийся потолок раздавил его? Что, если он уже мертв? Она содрогнулась от ужаса, несмотря на давление камня. Крупный обломок, упирающийся в спину, сместился еще чуть-чуть.

— Мастер Эремис? — Джерадину как-то удалось хмыкнуть. — Думаешь, он способен спасти Мордант? Если ты заставишь меня поверить в это, то тебе не нужно быть воплотителем. Значит, ты и без того обладаешь достаточным могуществом.

Она прикусила губу, чтобы не закричать: «Я этого не выдержу!» Но она не ответила, и он сменил тему разговора.

— Наверное, тебе следует рассказать, из-за чего меня предположительно должны убить. Я хочу понять, — похоже, он заскрежетал зубами, — почему ты веришь Мастеру Эремису.

— Хорошо. — Я не могу! *Ты можешь.* Его голос — единственное, что не позволяло камням раздавить ее.

И, собрав всю волю, Териза отогнала боль из сознания, отгородилась от жара и давления камней. Чтобы заполнить освободившееся пространство, она представила себе Джерадина: линию его скул, завитки волос надо лбом (*кровь, текущую по виску, после того как Мастер Гилбур ударил его... прекрасное лицо, раздавленное камнями* — нет, только не это, не позволяй себе вспоминать все), быструю смену настроений в его глазах — от веселости к полному отчаянию. Именно из-за него она не могла потерять сознание, раствориться, исчезнуть. Когда она представляла себе его, легче вспоминалось то, что он хотел знать.

Ее рассказ был коротким, спрессованным давлением камней. Тем не менее она поведала ему почти все, что могла. Она рассказала ему то, о чем он и сам догадывался, — о решении Гильдии воплотить Воина, а также послать Мастера Гилбура и Мастера Эремиса к лордам провинций. Мастер Эремис устроил эту встречу, чтобы отложить воплощение Воина. Мастер Квилон был тем человеком, который запретил ей говорить о чем-либо Джерадину. — *Ты можешь.* — Встреча с лордами и то, что произошло на ней. Все, что она смогла вспомнить о принце Крагене. Нападение человека в черном.

Закончив, она на миг задержала дыхание, надеясь, что давление на грудь станет меньше. Но этого не случилось.

Реакция Джерадина удивила ее. Он стал еще более далеким и несчастным и пробормотал:

— Значит, Квилон и есть предатель.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он запретил тебе рассказывать мне о том, что происходит, зная, что я непременно расскажу обо всем королю Джойсу. О встрече и о Воине.

— Нет. — Пыль в ее легких начала превращаться в камень. Она больше не могла сдерживать себя, не могла. — Если рассуждать так, то все Мастера — предатели. Они голосовали за призыв Воина *и* за встречу. Мастер Квилон просто более предан им, чем королю Джойсу. И он пытался сохранить твою жизнь.

Джерадин, помоги же мне.

Он как будто задумался.

— Но в Гильдии должен быть предатель. — От боли его голос стал громче. — Человек, который напал на тебя, знал, где ты будешь находиться. Это исключает и лордов, и принца Крагена.

Ох! — Джерадин издал резкий стон, но тут же продолжал:

— Даже если Мастер Эремис уведомил их, что собирается привести тебя, во время первого нападения никто из них не знал о твоем существовании. Только Гильдия. А что касается исчезновения человека — то это благодаря воплощению. Кто-то из Мастеров желает твоей смерти. Он знает, что ты единственная, кто может спасти Мордант.

И если это не Квилон, значит, это должен быть Эремис.

— Нет, — снова сказала Териза. *Я имела в виду вовсе не это. Ты не понимаешь, насколько он мне нужен.* Обломки зашевелились снова. Ей показалась, что затрещали ребра. *Я нуждаюсь в его объяснении — кто я есть.* Она заметила, что воздух стал менее жарким. Хоть маленькое облегчение. — Он пытается *спасти* Мордант. Разве ты этого не видишь? Он пытается создать союз. Изыскать возможности продолжать борьбу. Потому что король Джойс ничего не делает.

— Нет, я этого не вижу, — отрешенно ответил Джерадин. — Неужели тебе не кажется, что для него несколько необычно вдруг взять тебя на эту встречу? Ты же не знала о его намерениях. Тогда откуда знал о них человек, напавший на тебя? И почему Эремис покинул тебя? Может быть, он отправился привести в действие зеркала, чтобы напавший мог появиться и исчезнуть.

— Нет. Нет. — *Ты не понимаешь.* Давление. Пыль. *Я надела самое соблазнительное платье, какое смогла найти, и отправилась в его комнаты сама.* Давай-ка *думай* об этом. — Ты необъективен. Ты был в то утро с ним. Ты видел его поведение, когда он пришел за мной. Он не знал о нападении.

Ему надо было заранее все подготовить. Откуда ему было знать, как закончится встреча? Он хотел успеха. Он не стал бы уничтожать результаты своих же стараний.

— Там был Файль, — едва слышно проговорил Джерадин. — Он бы не позволил что-либо проделать с подозрительными воплотимыми. Любому это известно.

Териза не слушала его, вся сосредоточенная на том, что собиралась сказать. Это было важно — она знала, что это очень важно. *Ты можешь.* Если она переживет это — и Мастер Эремис останется в живых, — она побеседует с ним откровенно. Он должен знать, что среди членов Гильдии есть предатель.

— А откуда он мог знать, какие покои даст мне король Джойс? Ведь первое нападение тоже надо было подготовить заранее. Однако никто из Мастеров не знал, что ты вернешься со мной, а не с Воином.

Джерадин глухо закашлялся и застонал.

Внезапно все остальное вылетело у нее из головы. Его раздавило.

— Джерадин. С тобой все в порядке? Что с тобой?

Какое-то время он не отвечал. В ней воскресло воспоминание о нем сразу после удара Мастера Гилбура — теряющий сознание, исчезающий, голова залита кровью. И снова она в безумном порыве попыталась пошевелиться.

— *Джерадин.*

— Прости. — К ее огромному облегчению, его голос звучал вполне уверенно. — Я не хотел тебя напугать. Камни продолжают двигаться. И все сильнее давят мне на горло. Но ты чувствуешь, что дышать стало легче?

Сначала она не поняла, о чем он говорит. Но потом осознала, что воздух стал прохладнее — даже холоднее, чем сдавливавшие ее обломки. Он стал почти холодным.

— Они уже близко, — сказал Джерадин. — Скоро нас отроют. Мы будем спасены.

Не в силах более сдерживаться, Териза залилась слезами.

Казалось, это длилось целую вечность. И свершилось в одно мгновение. Воздух вокруг становился все свежее, остужая камни, холодя сжатые легкие; но камни как будто давили все сильнее. Она была на грани паники; казалось, малейшее шевеление сломает ей спину. Она не могла сдержать рыданий. Однако присутствие Джерадина помогало ей. И она знала, как цепляться за жизнь, несмотря на то что каждая частичка ее тела норовила раствориться.

Внезапно тяжесть пропала, словно стала вдруг нереальной. Она услышала голоса; затем камень рядом с ней исчез. Сквозь обломки протиснулись руки, они с чудовищной грубостью схватили ее за плечи и вытащили наверх.

Териза продолжала плакать, и слезы вымывали песок из глаз. Зрение к ней вернулось как раз в тот момент, когда Артагель выдернул Джерадина оттуда же, где только что лежала она.

Ее держал Мастер Квилон.

— С вами все в порядке, миледи? — Он, казалось, и сам плакал. — С вами все в порядке? — Его беспокойство было таким же замечательным, как и тяжесть его рук, и холод, и открытое пространство, припорошенное снегом, и возможность двигаться.

Джерадин схватился за брата и так закашлялся, что его легкие, казалось, вот-вот разорвутся. Но он дышал. Он не выглядел раздавленным. Пыль скрывала следы крови на виске.

Сквозь пелену падающего снега видно было как сквозь сумерки, но снег не мешал рассмотреть, что произошло с залом заседаний Гильдии. Двери под покосившимися остовами пилонов были широко распахнуты. Груды битого камня все еще устилали пол. Как минимум дюжина Мастеров — и множество стражников с лопатами, кирками и ломами — расчищали развалины при помощи зеркал.

Она бросила взгляд на Мастера Эремиса; но тот отскочил в сторону, словно куда-то торопился.

— Мы спасли их! — внезапно закричал Артагель, и стражники, побросав инструменты, уставились на него с улыбками.

— Это была чудовищная ошибка, — пробормотал Мастер Барсонаж. Из-под слоя пыли, покрывавшей его лицо, проглядывали усталые глаза, налитые кровью. Он держал большое зеркало, которое она узнала, — зеркало, показывающее морской пейзаж. От долгих напряженных усилий у магистра поникли плечи. — Нам не следовало рисковать с этим Воином. Мы все сошли с ума. Смотритель Леббик послал ему вдогонку пятьдесят человек, но я сомневаюсь, что этого хватит. И тем не менее нам повезло куда больше, чем мы заслужили. Мы потеряли всего двоих Мастеров. — Он назвал имена, которых она никогда раньше не слышала. — И вы остались живы.

Пожалуйста, простите нас, миледи, — смущенно закончил магистр. — Мы были глупы — но мы не хотели причинить вам вреда.

Джерадин вытряхивал пыль из своей шевелюры.

— Скажите это Мастеру Гилбуру. — Он улыбался. — Если бы он ударил меня сильнее, то наверняка сломал бы мне шею. — Ему никак не удавалось сфокусировать взгляд. — С вашего позволения, миледи, — обратился он к Теризе, — я тут ненадолго прилягу.

И ловко, словно это было для него самым привычным делом, рухнул на руки брата.

В потолке палаты зиял огромный провал, часть уровня над ним оказалась поврежденной; но больше всего пострадала наружная стена, сквозь которую Воин проложил себе путь. Через дыру влетал снег, подгоняемый ветром. Он сыпал так густо, что облепил волосы Мастера Квилона и эполетами лежал на широких плечах магистра.

Джерадин считал, она здесь для того, чтобы спасти Мордант.

При взгляде на снег Теризе послышалось отдаленное пение рогов.

15. Романтические настроения

Териза дрожала. Ей показалось, что вдруг резко похолодало, хотя это была всего лишь запоздалая реакция души и тела, измученных всем пережитым. Серое платье, довольно теплое и прежде защищавшее ее от холода, теперь от него совсем не спасало. Гранитная пыль забилась в каждую складку материи, въелась в каждый дюйм кожи, и ее волосы теперь напоминали сбившийся войлок.

Териза поняла, почему Джерадин потерял сознание.

Кто-то сунул ей под нос грубую солдатскую чашку. Она взяла ее и сделала большой глоток, решив, что там вино.

Жидкость оказалась дешевым бренди. У Теризы захватило дух. Прекратив кашлять и хватать ртом воздух, она, как ни странно, почувствовала себя лучше. Из глаз и легких улетучилось еще немного пыли. К тому же ей стало теплее.

Джерадин все еще не приходил в сознание. Артагель положил его на обломки, и человек в длинной серой рубахе и толстых хлопковых штанах принялся обследовать его. Прослушав грудь и сосчитав пульс, мужчина вытер грязь с его лица, заметил и обработал рану на виске, затем достал из кожаной сумки флакон и влил несколько капель жидкости ему в рот.

Мужчина, вероятно, лекарь, поднялся и коротко сообщил:

— Он спит. Похоже, никаких серьезных повреждений нет. Отнесите его в постель — ему надо отдохнуть часок-другой. Потом разбудите: пусть примет ванну и плотно поест. Если он будет чувствовать себя плохо или передвигаться с трудом — я моментально прибуду.

Артагель кивнул, и человек обернулся к Теризе:

— С вами все в порядке, миледи?

Она проверила свои руки и ноги. Они онемели, она их почти не чувствовала, и ей никак не удавалось унять дрожь, но повреждений не было.

Лекарь внимательно смотрел на нее.

— Возможно появление синяков и головной боли. Но если вы почувствуете внутренние боли, или появится какая-то опухоль, или начнутся длительные головокружения, или случится продолжительный обморок — обязательно вызовите меня.

И, прихватив свою сумку, он покинул зал.

Артагель поднял Джерадина на руки.

— Позаботьтесь о нем, — пробормотала Териза. Он улыбнулся ей и направился к выходу, легко неся на руках брата.

— Пойдемте, миледи. — Мастер Квилон все еще поддерживал ее. — Я провожу вас в ваши комнаты. Вам тоже не повредят отдых, ванна и еда.

— Да, — вздохнул Мастер Барсонаж, — нам всем сейчас нужен отдых. И всем необходимо задуматься. Нам надо изыскать возможность победить этого Воина. Сейчас, когда его подлинное зеркало разбито, у нас нет против него соответствующего оружия.

Опираясь на Мастера Квилона, потому что ноги ее выписывали кренделя, Териза вышла из зала заседаний.

Лишь когда они оказались в относительном уединении — и относительном тепле — коридора, уводящего из рабочих помещений, она спросила Мастера о том, о чем давно хотела спросить:

— Джерадин в безопасности? Есть ли у его врагов повод убить его сейчас?

Мастер Квилон секунду колебался.

— Миледи, позвольте мне сначала объяснить вам: я не понимаю, чего враги Морданта добиваются с помощью этого Воина. Как, кстати, и того, — добавил он, — чего *мы* собирались достичь, призывая его. Я соглашаюсь с решениями Гильдии, так как я воплотитель — но этого решения я не понимаю. Он опасен независимо от его целей, мотивов или нужд. Поэтому его действия могут носить непредсказуемый характер. Возможно, он присоединится к нашим врагам — возможно, к нам.

Тем не менее, — продолжал он, — ясно, что ныне опасность для Джерадина немного уменьшилась. Но можете ли вы поручиться, что знаете, какие действия он предпримет против тех, кто не желает ему добра, если вы расскажете ему все, что вам известно?

К тому же, миледи, — заметил он многозначительно, — *повод* убить его — это то, чего я тоже не понимаю. Я не знаю, какую угрозу он представляет для наших врагов, и потому не могу утверждать, что их ненависть к нему уменьшилась. Так что причина для беспокойства остается.

Слова Мастера Квилона вызвали у нее не только содрогание, но и послужили хорошей встряской для ума. Ей показалось, что Мастер не прочь поговорить, и она спросила:

— Почему король Джойс не остановил их? Почему он ждал так долго, прежде чем послал Смотрителя Леббика?

Мастер смущенно закашлялся.

— Миледи, Файль пытался предупредить короля Джойса, но не был выслушан. Король отказал ему во встрече. У Смотрителя Леббика не было приказа вмешиваться. Он действовал по собственной инициативе — после того как Файль все рассказал ему.

— Но почему? — допытывалась она. — Разве король Джойс не был против воплощений подобного рода? Мне казалось, что единственная причина создания Гильдии — прежде всего желание собрать всех воплотителей в одном месте, чтобы они не оставались бесконтрольными, а значит, не могли осуществлять неосмотрительные воплощения.

Мастер Квилон недовольно хмыкнул.

— Будь я в состоянии объяснить действия и бездействие короля, Мордант в настоящий момент не нуждался бы в спасении.

Больше она ничего не смогла от него добиться.

Он провел Теризу сквозь перепуганные, молчаливые и любопытствующие толпы к ее комнатам. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что покои не охраняются!

— Замечательно! — воскликнул Квилон раздраженно. — Клянусь звездами, это невероятно!

Страх, словно туман, через мельчайшие поры начал заползать в ее сознание. Она стала воспринимать происходящее как неприкрытую угрозу.

— Что невероятно? — спросила она подавленно.

— Стражники. — Он остановился и положил руки на бедра, его голова вертелась во всех направлениях, а глаза шарили по сторонам. — Их всех созвали разгребать обломки. У вас теперь нет охраны. Если тот мясник, жаждущий видеть вас мертвой, выберет для нападения именно это время, защитить вас будет некому.

Очевидно, то, что он говорил, было для него важно. Но Теризу обеспокоило другое.

— Откуда вы это знаете?

Он быстро глянул в ее сторону и дернул носом.

— Миледи, вам необходимо отдохнуть. И советую вам выпить побольше вина. Но сейчас вы — беззащитны...

— Я хотела сказать другое. — Ей было трудно произнести это вслух. — Я никому не говорила. Артагель тожс.

11 Заказ 968

Я уверена, что принц Краген и Вердон молчали. — Откуда вы знаете, что на меня напали прошлой ночью?

— Прошлой ночью? — От удивления его голос зазвучал фальцетом. — На вас напали прошлой ночью? Тот же самый человек?

Она тупо кивнула.

— Катастрофа! Во имя чистейшего песка, почему Леббик для охраны тренирует какое-то дохлое мясо? — Квилон с трудом овладел собой и внимательно посмотрел на нее. — Миледи, как вам удалось избежать опасности?

— Меня спас Артагель. Джерадин просил его присмотреть за мной.

— Слава звездам, — напряженно выдохнул Мастер Квилон, — что этот щенок повсюду сует свой нос! — И тут же поинтересовался: — А почему вы никому об этом не сказали?

Она уставилась на него, уже едва справляясь с усталостью. Разговор слишком затянулся. Ей хотелось лечь. Чтобы поскорее отвязаться от Мастера, она спросила:

— И кому, по вашему мнению, мне следовало довериться?

Он вдруг стал таким отчаявшимся и жалким, что напоминал загнанного кролика. Покачав головой, он пробормотал:

— Я понимаю вас, миледи. Ваше положение очень непростое. Когда-нибудь все это объяснится — если вы доживете до тех пор.

Идите в свои комнаты, — добавил он задумчиво, — и закройте дверь. Я буду охранять вас, пока люди Леббика не вернутся на место. Как только представится возможность, я пошлю служанку, чтобы она принесла вам вино и еду.

Туман в ее голове сгустился. Она тупо уставилась на него.

— Идите, миледи, — заметно смягчился он, взял ее за руку и легонько подтолкнул к двери. — Вам нужно отдохнуть. Если вы останетесь здесь, то неизвестно, чем все это закончится.

Наверное, его слова оказались убедительными, чтобы сдвинуть ее с места. Она вошла в комнаты и закрыла за собой дверь.

Вот тогда-то силы оставили ее. Стоя посреди комнаты, неспособная даже пошевелиться, она смотрела на окно. За метелью ничего не было видно. Снаружи царил снег; он ловил свет, падавший из комнаты, и отражал его обратно. Хлопья, как пятна света, кружились и кружились, но дальше за окном все было темным и таким же непроницаемым, как камень.

Через какое-то время она обнаружила, что лежит на полу.

Ее сковала слабость. Голова кружилась, но стала более ясной, туман немного рассеялся.

Териза осторожно поднялась на ноги и нашла графин с вином. Он оказался полным, и это вызвало у нее изумление, а потом она заметила, что постель застелена, огонь

разведен заново, дрова принесены, — и вспомнила, что с тех пор, как она сегодня утром ушла из комнаты, прошло довольно много времени. Достаточно, чтобы Саддит успела выполнить свою работу.

Следуя совету Мастера Квилона, она налила полный бокал вина, выпила его и налила снова.

Вино, казалось, слегка взбодрило ее, придало сил. Теперь она не удивилась, услышав за дверью голоса.

— Как она? — спросила женщина.

— Отдыхает, миледи, — ответил Мастер Квилон.

— Это нехорошо, что она одна. — Женщина как будто заколебалась. — Но если она отдыхает, а я постучусь, то побеспокою ее.

— Попробуйте просто открыть дверь, — предложил Мастер. Териза не смогла разобрать, каким тоном это было сказано. — Кажется, она забыла запереть ее на засов.

— Благодарю вас, Мастер Квилон.

В образовавшемся проеме появилась леди Мисте.

Она закрыла за собой дверь на засов и лишь затем повернулась и увидела Теризу.

На ней был плащ цвета слежавшегося снега, слишком тяжелый и слишком теплый для Орисона. Он закрывал ее полностью от шеи до пят; создавалось впечатление, будто она внезапно прибавила в весе на сорок или пятьдесят фунтов. Румянец на щеках и испарина на лбу подтверждали, что ей жарко. Но она улыбнулась, и ее глаза сверкнули обрадованно, словно она впервые за многие годы оказалась в нормальной обстановке.

— Териза, — сказала она, окидывая ее быстрым оценивающим взглядом, — с тобой все в порядке? Тебе не мешало бы принять ванну. — Мисте насмешливо скривилась. — Я очень рада, что с тобой все в порядке. Я очень рада. — Ее чувства были искренними. — Весь Орисон знает, что тебе пришлось сегодня пережить. Несмотря на это, ты на удивление хорошо выглядишь. Разве я не говорила тебе, что ты гораздо необычнее, чем считаешь сама?

Териза не могла бы с уверенностью сказать о себе, что она абсолютно обычная или, напротив, необычная женщина. Она просто была рада видеть и слышать Мисте. Со времени их последней беседы прошло несколько дней, но Териза помнила, что королевская дочь была настроена к ней дружески.

— Не хотите ли вина? — спросила она запинаясь.

Леди широко улыбнулась.

— Я с удовольствием выпью вина. Но сначала, — она замерла, словно бы оцепенев от страха, — ты должна согласиться спрятать меня.

Изумлению Теризы не было предела.

— *Спрятать* вас?

— Всего лишь до вечера, — поспешно заверила ее Мисте. — До наступления темноты. Потом я исчезну, и никто не узнает, что ты мне помогла.

Если же нет, — продолжала она, — то у меня не остается времени выпить вина. Мне тогда нужно поторопиться — может быть, я смогу спрятаться где-нибудь сама.

— Секундочку, — Териза вновь ощутила головокружение, — секундочку. — Она сделала упреждающий жест. — Вы говорите, никто не будет знать об этом? Но ведь Мастер Квилон знает. Ему известно, что вы здесь.

— Да, но кому он об этом скажет? Стражникам? Твоей служанке? Мастера Гильдии не привыкли что-либо сообщать подобным людям. И если мы все проделаем правильно, он не успеет понять важности моего исчезновения, пока я не окажусь в безопасности.

Таким образом... — на лице Мисте появилась болезненная гримаса, но она продолжала смотреть Теризе в глаза, — я прошу тебя солгать ради меня. Когда Мастер Квилон расскажет, что ему известно, и тебя спросят обо мне, скажи, что я сразу же ушла, а стражники просто не заметили меня. И что ты не знаешь, куда я пошла. Териза, у меня просто нет выбора.

— Секундочку, — снова сказала Териза, — я ничего не понимаю. Вы куда-то собрались?

Мисте хотела ответить, но внезапно приложила пальцы к губам.

Териза услышала голос Саддит.

— С миледи все в порядке? Я пришла тотчас же, как только услышала, что она жива.

— С ней все будет в порядке, — ответил Мастер Квилон. — Прежде чем повидаться с ней, пойдите и позовите охрану, которой следует находиться здесь. У меня есть более важные занятия, чем стоять весь вечер у дверей. И принесите вино и еду.

— Слушаюсь, Мастер.

Когда Саддит ушла, Мисте приподняла плечи — мол, *я-ведь-тебе-говорила.*

— Она скоро вернется, — прошипела Териза. — *Куда вы собрались?*

Дочь короля казалась смущенной и чуть печальной, но в то же время как будто сжигаемой внутренней страстью.

— Если я скажу тебе, ты можешь остановить меня. Обещай, что будешь молчать и не помешаешь мне.

Териза колебалась, не зная, что ответить. Ее сознание достаточно прояснилось, чтобы она поняла: ее про-

сят выполнить нечто, о чем она не знает и последствий чего предугадать не может.

На лице Мисте отразилось беспредельное страдание.

— Прости, — сказала она тихо. — Я не должна требовать этого от тебя. Тебе хватает и собственных проблем. Я сейчас уйду.

— Нет! — справившись с нерешительностью, ответила Териза. — Не уходите. Я никому не скажу. Я спрячу вас. Просто мне нужно хоть какое-то объяснение.

Мастера воплотили Воина, и тот разъярился. Мы с Джерадином оказались погребены заживо. Погибли люди. Люди появляются и исчезают. Все предают всех. Джерадин считает, что мое предназначение — спасти Мордант, а у меня такое чувство, словно я снова начинаю исчезать. Я должна хоть *что-нибудь* понять.

К ее облегчению, Мисте улыбнулась и кивнула.

— Я с радостью объясню все что смогу. Это облегчит мне душу. Будь на твоем месте Элега... — ее улыбка сменилась презрительной гримасой, — она бы решила, что я окончательно сошла с ума. Без сомнения, со мной случилось то, что она называет моими *романтическими настроениями* — причем в худшем их виде. Можно мне чуточку вина?

— Ну конечно.

Немного смущенная, но и довольная таким поворотом, Териза наполнила второй бокал. Мисте тем временем расстегнула плащ, сбросила его с плеч и отложила в сторону.

Под плащом оказалась толстая кожаная куртка, явно мужского покроя, штаны из такого же материала и сапоги, рассчитанные на долгое путешествие. Еще под плащом было множество кожаных мешочков — видимо, с припасами, — висевших на ремне, перекинутом через плечо, словно патронташ. За пояс были заткнуты ножи, длинный изогнутый кинжал и короткий узкий стилет.

Леди Мисте попросила разрешения сесть. Териза кивнула и с радостью села сама; она чувствовала все возрастающую слабость в коленях.

— Териза, — промолвила Мисте, отпив большой глоток, — я с самого начала верила, что ты согласишься помочь мне. Я верила, что ты поймешь. Я никому не хотела рассказывать о своих намерениях. Но, честно говоря, у меня нет выбора.

Ты, наверное, знаешь, — спросила она медленно, — что Орисон весь пронизан тайными ходами?

От неожиданности Териза ответила не подумав:

— Да. Один из них — в моей спальне.

Мисте улыбнулась, ее взгляд вновь устремился куда-то вдаль.

— Ты здесь всего около десяти дней, а уже знаешь так много. Я на это не способна. Я из тех женщин, которые

могут прожить много лет, не подозревая о подобных вещах. Вот Элега — совсем другое дело. Ей не было и двенадцати, когда потайные ходы превратились в ее излюбленное место для игр. Она не смогла заинтересовать этими прогулками Торрент и потому таскала с собой меня.

Если попытаться охарактеризовать нас, когда мы были девочками, — продолжала она, — то можно сказать, что Элега — смелая, Торрент — робкая, а Мисте — мечтательная. В каком-то смысле потайные ходы были для меня более привлекательными, чем Элега. Как она могла бы сказать, я считала их полными «романтики». Но для других целей они были мне ни к чему. Я исследовала их вместе с сестрой лишь для удовлетворения собственной фантазии. Этого было достаточно. В конце концов мне надоело бродить с Элегой. Однако я узнала о ходах достаточно для того, что собираюсь сделать сейчас.

Териза, ты можешь не знать, что ходы не все соединяются между собой. Они были построены в разные времена, для разных целей. Некоторые из них соединяют всего несколько точек в Орисоне.

Мои сведения о ходах не слишком обширны. Единственный ход, ведущий в нужное мне место и о котором я знаю, идет из гардероба твоей спальни. Вот почему мне не оставалось ничего другого, как прийти к тебе.

Териза хотела было спросить: «Вы собираетесь отправиться туда, где живет Адепт Хэвлок?» — но вовремя вспомнила, что у хода есть ответвления, и промолчала.

— Если воображение и память не подводят меня, — осторожно сказала Мисте, — то ответвление этого хода ведет вниз, в рабочие помещения Мастеров рядом с залом заседаний Гильдии.

— А почему вы хотите направиться именно туда?

— Оттуда я смогу беспрепятственно покинуть Орисон через пролом в стене, и никто об этом не узнает. Мне неведомы больше никакие тайные выходы за пределы замка, а Смотритель Леббик наблюдает за воротами гораздо лучше, чем считают некоторые. Если не удастся покинуть Орисон незаметно, меня насильно вернут назад, и то, что я собираюсь сделать, останется неосуществленным.

Пролом наверняка охраняется. Но эта обязанность для стражников внове. Они будут высматривать врагов, стремящихся войти, а не следить за друзьями, желающими выйти. И если снегопад не утихнет, он поможет мне скрыться. Надеюсь, мой план удастся.

Териза слушала эти откровения как сквозь туман. Усталость наваливалась на нее с новой силой. Она нуждалась в отдыхе — ванне, еде и сне. Именно в такой последова-

тельности процедур. Медленно, будто внезапно поглупев, Териза спросила:

— А что вы собираетесь сделать? И почему вам столь важно ускользнуть в такую погоду?

Тщательно выговаривая каждое слово, едва сдерживая нетерпение, Мисте сказала:

— Я хочу найти этого несчастного одинокого человека, которого Мастера называют своим Воином. Он отчаянно нуждается в помощи.

— *В помощи?* — изумилась Териза. — Он нуждается *в помощи?*

Мисте сделала предостерегающий жест, призывая Теризу понизить голос.

— Он мог сжечь до основания весь замок, — яростно прошептала она. — Он чуть не убил меня, несмотря на свое заявление: «Я не воюю с женщинами». И после этого всего он еще нуждается *в помощи?*

— Конечно, он мог убить нас всех, — быстро ответила леди. — Но ничего подобного не сделал. Разве это не важно для понимания его намерений?

— Да! — прошипела в ответ Териза. — Это можно понимать так, что он не хотел тратить силы зря, сначала ему надо выяснить, где он оказался, чтобы потом решить, сколько человек уничтожить, а сколько оставить в живых.

Внезапно Мисте рассердилась и встала.

— Наверное, вы правы, — сказала она. — Вероятно, он лишь выясняет, где оказался, чтобы перейти к убийству. Но разве солдаты Смотрителя Леббика способны научить его сдержанности? Нет. Они толкнут его на путь злодеяний, и он примется убивать и убивать их, а они, в свою очередь, станут искать способ убить его. Его может остановить лишь тот, кто не намерен причинить ему никакого вреда.

Леди явно хотела еще что-то сказать, но остановилась, услышав голос за дверью.

— Смотритель просит у вас извинения, Мастер. — В голосе Саддит слышалась колкая насмешка; она явно не собиралась спать с Мастером Квилоном. — Он сожалеет, что вам так долго пришлось выполнять обязанности стражника. Скоро вас сменят.

Служанка тряхнула дверь.

— Вы спрячете меня? — выдохнула Мисте.

— Я же обещала, — тихо ответила Териза, — только не знаю как.

Леди схватила плащ.

— Впустите ее. Я спрячусь в одном из гардеробов. — Она не забыла прихватить свой бокал. — Попытайтесь задержать ее на какое-то время — пока стражники не сменят Мастера Квилона. Они не будут знать, что я здесь, и потому не станут

ждать, когда я выйду. — Она опять разволновалась. — Но не позволяйте ей брать чистые вещи из гардероба. Если она обнаружит меня там, то наверняка разболтает об этом всему замку.

И Мисте бесшумно исчезла.

Саддит постучала в дверь.

Териза не могла пошевелиться. Это хуже, чем просто лгать, — это уже активные действия. Ей нужно обмануть Саддит. А она чувствовала себя слишком слабой и не совсем трезвой, чтобы встать, не говоря уж о том, чтобы кого-то обманывать. Холод в животе парализовал ее.

Но следующая картина, возникшая в ее воображении, подсказала, что случится через мгновение. Саддит постучит снова. И если ответа не последует, она повернется к Мастеру Квилону и спросит его, что делать. Мастер Квилон тоже удивится и скажет что-то вроде: «Возможно, леди Териза спит. Но с ней леди Мисте. Она должна ответить». И тогда планам Мисте не суждено сбыться.

Подгоняемая паникой, Териза поспешила к двери.

Саддит торжественно вплыла в комнату, словно яхта; все пуговицы на ее блузке были застегнуты, и та живописно обтягивала ее грудь. Лицо служанки выражало недовольство Мастером Квилоном.

В руках у нее был перегруженный поднос; она поставила его на стол, пока Териза закрывала дверь.

— Этот человек, — сказала она чересчур громко, чтобы слышали в коридоре, — мог бы быть и повежливее. Я прекрасно управляюсь со своими обязанностями и без его подробных инструкций.

Она оценивающе глянула на Теризу. В глазах ее искрились смешинки.

— Миледи, вы выглядите ужасно! — Она попыталась как-то умерить свое веселье. — Несчастная миледи! Как все это ужасно! Оказаться погребенной заживо... И выбраться оттуда в таком виде, когда столько мужчин вокруг... — Она нахмурилась. — Как жаль, что это дурацкое платье не порвалось сильнее. Несколько вовремя пущенных слезинок сделали бы ваше появление более эффектным.

Служанка продолжала свою болтовню, старательно подавляя желание рассмеяться. До этой минуты Териза не представляла, что делать. Но слабость, от которой подгибались колени, пришла ей на помощь как спасение, ниспосланное свыше.

— Помогите мне, — пробормотала она, — я чувствую себя очень плохо. — И сама отметила, как тихо и жалко звучит ее голос. — Я хочу принять ванну, но у меня кружится

голова, когда я пытаюсь раздеться. — Пыльный след на полу словно подтверждал ее слова. — И никак не могу согреться.

Несмотря на туман в голове, мыслила она достаточно ясно. Никто не мог бы уличить ее во лжи. Значит, ей удастся выиграть необходимое время, пока Саддит будет готовить для нее теплую ванну.

Но ее имитация слабости, похоже, получилась чрезмерной. Саддит расчувствовалась, подошла к ней и взяла за руку.

— Бедная миледи. Я о вас позабочусь. Вам следует присесть. — Она бережно подвела Теризу к креслу. — Сейчас я мигом согрею для вас воду. Потом мы снимем это гадкое платье, и я искупаю вас.

Не найдя разумного возражения, Териза позволила усадить себя.

Саддит отправилась в ванную; Териза услышала плеск воды; затем служанка вернулась с ведром, которое поставила у камина, как можно ближе к решетке. Она подложила в огонь дров и сказала:

— В ванной слишком холодно. Я искупаю вас здесь.

Подвернув ковер, она освободила место у камина. Затем принесла медную ванну, установила ее неподалеку от огня и принялась развязывать платье хозяйки.

Впервые с детских лет Теризу раздевали и купали. Ее охватило чувство стыда.

Но это оказалось очень приятно — сидеть в теплой ванне у жаркого огня, пока Саддит прополаскивает теплой водой ее свежевымытые волосы. Ощущение чистоты и тепла компенсировало смущение от комментариев Саддит по поводу ее форм. Но вдруг Териза услышала звуки, возвестившие о том, что стражники снова заняли свой пост; Мастер Квилон, уходя, витиевато журил их за задержку. И тогда она почувствовала себя почти готовой к новому ходу, который должен был избавить ее от Саддит без того, чтобы служанка искала для нее какую-то одежду.

— Это прекрасно, — пробормотала она. — Я, пожалуй, посижу здесь какое-то время — пока ты не уйдешь, — а затем улягусь в постель.

Саддит понимающе кивнула.

— Я принесу вам ночную рубашку.

— Нет, спасибо. — Теризе с трудом удалось скрыть беспокойство. — Она мне не понадобится. Огонь такой жаркий, и у меня много полотенец. — Надеясь, что это поможет, она стыдливо добавила: — Я обычно ложусь в постель без одежды.

— Глупости, миледи, — ответила служанка. — А что, если вы передумаете и решите поесть, прежде чем лечь спать? Вы можете простудиться. Не следует рисковать.

Так и не остановленная Теризой, Саддит направилась в спальню.

Териза чуть не выпрыгнула из ванны. Когда она встала на ноги, вода выплеснулась и зашипела в углях камина.

Но Саддит вернулась почти мгновенно с темно-красным бархатным халатом в руках и озадаченным лицом.

— Что-нибудь случилось? — спросила Териза. Сердце у нее бешено колотилось.

— Ничего, миледи. — Саддит нахмурилась. — Но я не помню, чтобы оставляла ваш халат на кресле, убирая комнату сегодня утром.

Териза от облегчения испытала такой приступ головокружения, что чуть не упала. Мисте оказалась умнее, чем она думала.

— Это я достала. — Собственный голос доносился до нее как бы издалека. — Думала, что смогу раздеться сама.

— Миледи, — забеспокоилась Саддит, — не стойте мокрая.

Медленно, словно паря в воздухе, Териза потянулась за полотенцем.

Пока хозяйка вытиралась, Саддит вторым полотенцем обвязала ее волосы. Когда все это было проделано, Териза шагнула из ванны, и Саддит набросила ей на плечи халат.

— Спасибо, — сказала Териза. — Теперь можешь идти. — У нее пропало всякое желание притворяться. — Со мной все будет в порядке.

Служанка какое-то время внимательно изучала ее. Затем подмигнула.

— Похоже, — сказала она с насмешливой серьезностью, — голос одного из стражников мне знаком. Он в этих делах большой мастак и мог бы хорошо согреть вашу постель. Не сомневаюсь, вам это покажется и полезным, и приятным. Да окажись я так близко к смерти, непременно поспешила бы напомнить себе, — она огладила бедра, — что жизнь — превосходная штука.

Он высокий, с зелеными глазами, — добавила служанка, радостно улыбаясь, и вышла из комнаты.

Териза мгновенно бросилась к двери и закрыла ее на засов.

Обернувшись, она обнаружила, что Мисте стоит в проходе спальни. Лицо ее было задумчивым и отрешенным.

— Мы чуть не пропали, — выдохнула Териза. — Удивительно, как быстро вы нашли решение.

— Гм? — пробормотала Мисте. Очевидно, мысли ее были заняты чем-то другим. — А, ты о халате. — Она небрежно пожала плечами и перевела разговор на другую тему. — Териза, мне кажется неосторожным оставлять кресло в гардеробе.

— Почему? — В ее вопросе слышались удивление и упрек. — *Я* же не знаю, куда ведет этот ход. Но что-то должна была сделать, чтобы сюда никто не мог попасть.

Мисте слегка улыбнулась.

— Я тебя понимаю. Главное — осторожность. Но беда в том, что наличие кресла в гардеробе предупреждает всякого, кто его увидит, о твоей осведомленности. Я хочу спросить, как тебе удалось найти его...

У Теризы перехватило дыхание, она замерла.

— ...но, конечно, ты не обязана мне ничего объяснять. Будем надеяться, твоя служанка не станет выбалтывать все что знает кому не следует. Уверяю тебя, твоя жизнь очень усложнится, если Смотритель Леббик увидит это кресло в твоем гардеробе.

— О, — выдохнула Териза, — вы правы. — Почему она сама не способна думать о таких простых вещах?

Но Мисте тут же принялась успокаивать ее.

— Впрочем, не думаю, что тебе следует волноваться. Твоя служанка уже выболтала все, что только могла. А у Смотрителя Леббика нет причин устраивать обыск у тебя.

— Надеюсь. — Териза попыталась расслабиться. Конечно же, у Смотрителя нет причин обыскивать ее комнаты. Она скорее всего в безопасности. И благородное решение Мисте не расспрашивать ее, каким образом она обнаружила потайной ход, принесло ей еще большее облегчение.

Постепенно Териза начала ощущать благотворное воздействие ванны и с вожделением посмотрела на поднос с едой, так как, оказывается, здорово проголодалась. Териза пригласила Мисте разделить с ней трапезу и тотчас принялась за еду.

Свой плащ Мисте оставила в спальне. Сняв с себя перевязь с провизией, она присоединилась к Теризе.

За столом Териза вновь завела разговор о намерении Мисте.

— Ты считаешь, что Воин нуждается в твоей помощи. Ведь все дело в этом, не так ли? Но именно это мне не понятно. Ты ведь даже не знаешь его. Какая тебе разница, что с ним произойдет? — Териза очень легко и естественно перешла на «ты».

Леди сполоснула горло глотком вина.

— Ты задаешь слишком много вопросов сразу. Наверное, правда заключается в том, что, когда я услышала о нем, у меня дрогнуло сердце; а когда я подумала, что смогу облегчить его страдания, я испытала радость. Но все-таки попытаюсь объяснить тебе причины своего поступка.

То, что Воин нуждается в помощи, — очевидно. Подумай, — ее взгляд был устремлен куда-то сквозь стену, — он человек, привыкший к войнам и враждебности, и смысл его жизни в том, чтобы разрушать и покорять. И вот — внезапно,

необъяснимо — он оказывается один в мире, столь же незнакомом ему, как и тот, который он пытался покорить.

Ты, наверное, знаешь о главном споре в Гильдии: имеет ли все, созданное в зеркалах, в том числе и люди, собственное существование, или это просто блики в бассейне воды, пятна света в зеркале и тому подобное? Можно ли считать Воина существом, достойным прав и уважения, полагающихся человеку? Или он нечто иное — животное, лишенное прав на собственные желания, как, скажем, лошадь, — которое может быть укрощено, выдрессировано, то есть подчинено кому бы то ни было?

Но в любом случае, Териза, кем бы он ни был, он может помочь нам.

От возбуждения Мисте вскочила и принялась мерить шагами ковер.

— Если он человек, как всегда утверждал мой отец, тогда поступок Мастеров — непростителен. Мы не можем судить, хороший ли он человек. Возможно, он трусливый убийца — но это за пределами нашей компетенции. Любой человек заслуживает лучшей доли, чем оказаться оторванным от привычной ему жизни, очутиться за тридевять земель от родного мира, дома, семьи, стремлений — причем без всякого объяснения, лишь затем, чтобы служить воплотителям, как они того пожелали. Подумай об этом! Он никого здесь не знает, ничего не понимает. Он явился к нам не по приглашению. Все мы кажемся ему врагами. Он будет сражаться с нами, пока не иссякнут его боеприпасы, пища и надежда. И затем он умрет.

Если он человек — его смерть будет считаться убийством.

А если он не человек, — продолжала она после длительной паузы, — а нечто сродни собаке или лошади, тогда следует помочь ему. Ведь существует ответственность, порождаемая той преданностью, которой нас одаряют животные. Взамен мы даем им пищу, пристанище, заботу, даже ласку. А разве Воин с вполне человеческим сознанием, желаниями и страстями заслуживает меньшего, чем животное? Даже если он не существовал до момента воплощения, сейчас он — реален и не может быть осужден на смерть просто потому, что, подобно животному, не понимает, чего мы от него хотим.

Возможно, события этого долгого дня так подействовали на Теризу, что ее эмоции вышли из-под контроля. Но какова бы ни была причина, ее сердце трепетало, когда она слушала леди. Она радовалась своему решению помочь Мисте, искренне радовалась.

Желая всего лишь получить дополнительное подтверждение, что цель того заслуживает, она сказала:

— Предположим, все это правда. Но при чем здесь ты? Почему *ты* хочешь тайком выбраться из Орисона и броситься в погоню за ним — пешком, в такую погоду?

Мисте на секунду помрачнела. Затем виновато улыбнулась.

— Это самое слабое место в моем логическом построении. Я полна романтических идей, которые, по сути, отрицают здравый смысл. — Высказав это вслух, она словно бы почувствовала себя увереннее. — Но когда человек видит проблему и понимает, в чем ее причины, он обязан, превозмогая трудности, искать и находить решение. — Страсть в ее голосе словно перекликалась с золотыми отблесками пламени в камине. — Это в полной мере относится и к королевской дочери. Кто такой король, как не человек, который берет на себя ответственность за решение возникающих проблем? Так неужели его дочь не должна поступать точно так же?

Она смотрела на Теризу упрямым и решительным взглядом Элеги.

— Впрочем, правда заключается в том, — надрывно выговаривала слова Мисте, — что я *хочу* уйти. Я устала ждать случая, чтобы проявить себя.

Теперь Мисте вела разговор на другой ноте, хотя ей это удалось не без усилия.

— «Романтические настроения» — так я назвала свое бегство. — Она слегка улыбнулась. — Однако я не уверена, что была хоть минуту счастлива, с тех пор как в зале для аудиенций... с тех пор как отец... заставил тебя играть в перескоки с принцем Крагеном. Когда уезжали моя мать и Торрент, я осталась в Орисоне, так как видела в этом смысл. Я хотела быть пусть единственной, но верной королю до конца, я надеялась, что он когда-нибудь объяснит свое поведение. Вероятно, я не сумела бы помочь ему справиться с нуждами Морданта, но сделала то, что было в моих силах: предложила свое общество и поддержку, постоянно выказывая ему доброе отношение.

Но когда он так оскорбил посла Аленда, разжигая этим войну, — лишь ради того, чтобы *развлечься*, — и я пошла к нему, и он отказался выслушать меня... — Она более не могла сдерживать свои эмоции. — «Моя дочь и этот Краген собираются предать меня, — буркнул он. — Они уже вступили в сговор. Не вертись под ногами. Я устал от дочерей». И захлопнул перед моим носом дверь.

Мисте задумалась. Через какое-то время, видимо, благодаря осознанию своей правоты, ей удалось восстановить внутреннее равновесие и вернуть прежнюю восторженность.

— Я еще в достаточной степени его дочь, чтобы поступать по своему разумению. И я *не хочу* больше видеть его безумства.

Териза сделала лучшее из того, чем могла помочь. Она медленно произнесла:

— Когда Воин только появился, он чуть не убил меня. Но остановился и сказал: «Я не воюю с женщинами».

Улыбка Мисте была подобна солнечному лучу, прорвавшемуся сквозь снежную бурю над Орисоном.

После заката снегопад заметно поутих. Не дожидаясь ночи, когда слишком велик риск быть освещенной луной и оставить следы на свежем снегу, Мисте вскоре покинула комнаты Теризы. Ее провизия снова была упрятана под плащ, в руке светилась небольшая масляная лампа. Она открыла потайную дверь и через гардероб пробралась в проход.

— Будь осторожна! — прошептала ей вслед Териза. — Если ты заблудишься и Смотритель Леббик пошлет поисковую группу, которая тебя отыщет, мы обе окажемся в глупом положении.

— Не позволяй ему кричать на тебя, — ответила леди почти игриво. — Он делает это лишь потому, что любит моего отца. Благодарю тебя от всего сердца. Мне кажется, я уже очень давно не была так счастлива.

И в самый последний момент Териза спросила:

— А что мне сказать Элеге?

Держа лампу перед собой, Мисте как будто стояла на краю колодца тьмы.

— Не говори ничего. — Ее голос звучал гулко, словно эхо. — Присматривай за ней. Если она действительно собирается предать короля, останови ее.

«Ты считаешь, я смогу это сделать?» — хотела спросить Териза, но Мисте уже исчезла во тьме.

Териза закрыла ход и выбралась из гардероба. Завтра она отправится к Мастеру Эремису. Ему необходимо знать, как он был предан. Но почему-то мысль о встрече с ним не вызвала в ней никаких чувств. Она предпочитала думать о Мисте.

Ей так хотелось верить, что когда-нибудь она станет такой же смелой, как дочь короля!

Едва коснувшись подушки, она на всю ночь забылась мертвым сном.

Ранним утром Теризу разбудили звуки рогов.

Они подняли ее с постели, словно зов из далекого сна, словно предвкушение чего-то удивительного. Не обратив внимания на то, что огонь в камине почти погас и воздух

стал холодным, она раздетая выскочила из спальни в поисках источника звуков, разбудивших ее.

Звуки раздались вновь.

Но это был не тот зов, который она помнила. Таким пением труб, теми же торжественными фанфарами приветствовали прибытие в Орисон лордов провинций.

Только теперь Териза опомнилась и почувствовала холод. Тем не менее она подошла к окну и глянула на заснеженный двор.

Трубы запели вновь. Видимо, для каждого лорда существовала персональная мелодия. Она увидела Файля и его людей, выезжающих из ворот; за ними следовал Вердон, а Термиган как раз поворачивал своих лошадей от солдат, выстроившихся для проводов позади Смотрителя Леббика. Потом показался Армигит, сопровождаемый придворными и охраной, а также двумя или тремя женщинами, вероятно, его любовницами или наложницами.

Последним был принц Краген.

Значит, он тоже покидает Орисон. Видимо, он — как и лорды — задержался, чтобы увидеть, к чему приведет решение, принятое Гильдией. И вот теперь все они покидали Орисон, потому что он уже не мог защитить от осады и даже от непогоды. Неужели принц Краген возобновит войну, которой лорды провинций старались избежать?

Чем же в итоге придется расплачиваться Морданту за воплощение Воина?

От холодного камня под руками и грудью ее знобило. События набирали темп. Она уловила нотку предупреждения, когда трубач сыграл салют; принц коротко попрощался с Леббиком и повернул к воротам, окруженный каре из телохранителей.

Дрожа как в лихорадке Териза отошла от окна.

Сначала она натянула на себя халат и плотно запахнула его; потом принялась разводить огонь и подкладывала свежие поленья, пока их не охватило сильное пламя. Лишь после этого ей стало чуть теплее.

За ночь она невероятно проголодалась. Но Саддит обычно не приносила завтрак так рано. Наконец, перестав дрожать, она решила, что следует одеться и попросить стражника позвать служанку.

Она хотела надеть собственные вещи; ей уже изрядно надоели платья. И тут, к своему изумлению, она никак не могла найти мокасины. Это было странно. Когда она последний раз надевала их? В позапрошлую ночь, на встречу с лордами. Куда же они подевались?

Неужели Саддит зачем-то унесла их?

Хмурясь, она завершила процедуру одевания все теми же мягкими сапожками, затем подошла к двери и открыла ее.

Стражники снаружи показались знакомыми: должно быть, уже дежурили здесь раньше. Они отсалютовали ей, и один поинтересовался, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Не могли бы вы позвать мою служанку? — спросила она. — Я хочу позавтракать.

— Конечно, миледи, — сказал стражник и добавил: — Недавно здесь появлялся пригодник Джерадин, спрашивал, как вы себя чувствуете. Не удивлюсь, если он скоро появится снова. — Он улыбнулся. — Можно сообщить ему, что вы готовы принимать гостей?

— Да, благодарю вас.

Териза обрадовалась: Джерадин, должно быть, тоже в порядке, если брат и лекарь позволили ему беспокоиться о других. Она закрыла дверь и вернулась к окну. Внизу мельтешили стражники и слуги, крестьяне везли продукты, мужчины и женщины занимались своими делами возле магазинчиков, открытых на северо-западном конце внутреннего двора замка. Териза смотрела, как они пробирались по холоду и грязи, и ожидала появления Саддит или Джерадина.

Вскоре в дверь постучали. Прежде чем Териза успела ответить, Смотритель Леббик оказался в комнате и захлопнул за собой дверь.

Он встал посреди ковра и посмотрел на нее. Одна его рука была заложена за спину, другая прижата к бедру. Челюсть чуть выпячена вперед, выдавая гнев, а плечи приподняты.

Однако он улыбался.

— Миледи, — сказал он почти благодушно, — вы солгали мне.

К собственному удивлению, она нисколько не испугалась. Однажды ей удалось выдержать разговор с ним; сейчас ей представилась возможность повторить это.

— Мне следовало прибыть пораньше, — заметил он спокойно, — но я был занят. Я совершенно уверен, что у вас нет ни малейшего желания слушать меня, тем не менее объяснюсь.

Вчера я как раз собирался побеседовать с вами, когда меня отыскал Файль и сообщил, что задумали эти негодники воплотители. А потом мне пришлось собирать своих людей, чтобы они извлекли вас и Джерадина из-под завалов. К тому же нужно было обеспечить надлежащую охрану лордам провинций и — тут Леббик поморщился — принцу Крагену, а также королю Джойсу на случай нападения на нас Воина, если он вернется. А еще понадобилось организовать погоню и попытаться поймать его в ловушку, чтобы он никому больше не смог причинить вреда. С того момента как я точно узнал, где находится Эремис, о

нем я уже не беспокоился. Но я затратил много часов и отвлек немало полезных людей, чтобы выяснить местонахождение Гилбура.

Подозреваю, что остальное вы и так знаете. Но тем не менее послушайте.

Гилбур исчез, причем бесследно, как будто, обезумев, он воспользовался для воплощения плоским зеркалом. Лорды разъехались. Они решили, что Мастера сошли с ума, и не захотели оставаться со своим королем. Я разрешил уехать принцу Крагену. Ведь он *посол.* — Смотритель улыбнулся так, словно собирался сейчас впиться в нее зубами. — К тому же Воин — на свободе.

— На свободе? — Смотритель не упомянул о Мисте. Он не сказал ни слова о том, что Териза ожидала услышать. Все происходило слишком быстро. Почему он решил «побеседовать» с ней? Как мог исчезнуть Мастер Гилбур? — Что вы хотите этим сказать?

— А то, миледи, — отрубил Леббик, — что мои люди не оправдали моих ожиданий. Конечно, я послал всего пятьдесят человек, но и двести ничего не смогли бы сделать.

О, они нашли его почти без труда. Среди его странного снаряжения нет крыльев. Кроме того, он, похоже, ранен. Так что они легко догнали его. Я не приказывал им нападать. Я не хотел провоцировать его. Я просто хотел, чтобы он держался подальше от Орисона, пока я не решу его судьбу.

Но его воплощение было спланировано превосходно. Гилбур и Эремис работали над этим достаточно долго. — Ярость в его улыбке невозможно было спутать ни с чем другим. — Мои люди справились с заданием. Они сделали так, что он остановился. Ну а потом они успели только отправить ко мне всадника — и тут же были атакованы. Воздух перед ними расступился, и оттуда выпрыгнул кот размером с небольшую *лошадь.*

Ярость, однако, странным образом успокоила Смотрителя, словно именно в ярости он черпал свои силы.

— Бестия такой величины при любых обстоятельствах представляла бы опасность. Но эта, миледи, — *эта* сжигала все, к чему прикасалась. Плоть и железо были для нее чем-то вроде фитиля, и мои люди были перебиты, как бессловесная скотина. Только двоим удалось сбежать. Они оставили эту тварь пожирающей обгорелые трупы. Я рад, что не послал две сотни человек. Это была бы слишком большая потеря.

После этого, — продолжал Леббик чуть спокойнее, — я прибыл туда сам. Следы на снегу показывали, что огненный кот и Воин отправились в разные стороны. Они не доставили нам удовольствия уничтожением друг друга. Итак, сейчас мы имеем два кошмара вместо одного.

Териза невольно содрогнулась. Пятьдесят человек!.. И именно туда направилась Мисте... — Она чуть не застонала. *Именно туда направилась Мисте!*

Но все это случилось вчера, а Мисте не покидала Орисон до позднего вечера. Вполне вероятно, что Воин и огненный кот давно исчезли, когда она пришла туда.

Прерывисто дыша, Териза сказала:

— Это ужасно. Но я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне.

— Миледи, — ответил Смотритель так, будто взмахнул клинком, — вы до некоторой степени ответственны за все это.

Она хотела было запротестовать, но он резко остановил ее.

— Вчера утром, сразу после того как вы ушли с Эремисом и Джерадином, я воспользовался вашим советом. Я «чуточку постарался» и осмотрел ваши вещи.

Териза вдруг обнаружила, что прижимается к стене, старательно сдерживая дрожь в коленях.

— Я нашел в вашем гардеробе кресло. — Его удовлетворение было столь же явным, как и его гнев. — И нашел вот это.

Он достал из-за спины ее мокасины.

Пока она тупо взирала на них, он сказал:

— Вы смыли кровь с одежды. Но это — кожа. Вы ничего не смогли поделать с кровавыми пятнами по краям подошв.

В этот момент его прервал стук в дверь.

— Войдите! — нетерпеливо выкрикнул Смотритель.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Джерадин.

Всё его внимание сразу же сосредоточилось на Смотрителе. Какой-то миг до этого он улыбался, в его глазах светилась радость, и Теризе показалось, что она уже спасена, что одного его присутствия достаточно для ее спасения. Он был предан королю Джойсу — а значит, согласно логике, был на стороне Смотрителя, против нее. Но она была уверена, что вопреки всему он вступится за нее.

Однако, когда он начал понимать, что происходит, его радость мгновенно исчезла, смытая тревогой. С враждебностью в голосе он спросил:

— Смотритель Леббик? Миледи?

Леббик радостно кивнул.

— Это случайность, или ты ворвался сюда специально? Ты участвуешь во всем вместе с ней?

— Участвую в чем? — переспросил Джерадин.

Секунду Смотритель изучал его. Затем поморщился и разочарованно сказал:

— Нет, я в это не верю. Ты способен на любую нелепицу или слепое доверие, но никогда не предашь своего

короля. Домне исхлещет тебя плетью на ленточки, если ты попытаешься сделать это.

— Значит, вы обвиняете леди Теризу в измене? — Джерадин казался слегка напуганным собственной дерзостью, но не остановился. — Как это возможно? Я хочу сказать, невероятно, чтобы она была изменницей... Каким образом она могла совершить предательство?

Смотритель Леббик перевел взгляд на Теризу. Та в ответ посмотрела на него, но только не на Джерадина, чтобы не показать, как ей нужна его помощь.

Ее обвинитель тихо прошипел:

— Почему ты здесь, мой мальчик?

— Сегодня утром, — с готовностью ответил Джерадин, — Гильдия устраивает церемонию прощания с двумя Мастерами, погибшими вчера. Леди Теризу просят принять в ней участие.

— Другими словами, — Леббик сменил тон на ядовитый, — Мастера будут решать, как им поступить с Эремисом и Гилбуром, и не хотят, чтобы кто-нибудь еще знал об этом. — Он не дал Джерадину возможности ответить. — Сообщите им, что леди Териза не придет. Она под арестом. Вы можете навестить ее в подземелье после того, как я закончу допрос.

Не в состоянии более сдерживаться, она бросила на Джерадина многозначительный умоляющий взгляд. Леббик произнес слова *под арестом* так, словно они жгли его. В промежуток времени между двумя ударами сердца она ждала, что Джерадин запротестует, что-нибудь сделает, — может быть, даже встанет между нею и Леббиком и попытается физически защищать ее.

Но ничего такого не произошло. Джерадин сказал:

— Я им передам. — Повернулся, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Джерадин! Он бросил ее на растерзание Смотрителя Леббика. *Джерадин!* Когда она нуждалась в нем, он повернулся и просто ушел.

У нее подгибались колени. Смелость покидала ее, вытекала как вода из разбитого кувшина. Она была так *уверена*, что он ей друг...

— Похоже, наконец-то вы стали воспринимать меня всерьез, — хищно осклабившись, изрек Смотритель. — Да, вы — под арестом. За отсутствием иных оснований пока что вы обвиняетесь в убийстве двух телохранителей принца Крагена.

Пожалуй, ей вообще не стоило появляться здесь; нельзя было верить тогда улыбке и серьезности Джерадина, из-за которых она забыла о здравом смысле. Ей не следовало рассчитывать на свои способности совершить что-то действительно реальное.

— Я посажу вас в самую темную камеру, какая у меня есть, ту, где крысы покрупнее, — и вы будете гнить там до тех пор, пока не расскажете всю правду.

Здесь все предавали всех; она была лишь одной строчкой в этом длинном всеобщем списке. Она не могла защитить себя, потому что ничего не понимала. И она не могла никого предать, потому что у нее не было никаких сообщников.

— Если вам станет совсем одиноко, вы сможете поговорить со своим любовником Эремисом, заточенным в соседней камере. Когда я займусь им как подобает, у вас будет шанс услышать его вопли.

Это несколько приостановило восхождение ее отчаяния по спирали. Эремис? Эремис арестован? Это действительно плохо — гораздо хуже, чем то, что случилось с ней. Ему нужна свобода. Морданту нужно, чтобы Мастер был на свободе. Особенно сейчас, когда вера в Воина обернулась катастрофой, а лорды разъехались по своим провинциям.

— Я хочу, чтобы вы знали, насколько глупо все это звучит, — сказала она отстраненно. — Я ничего не совершила. Я никогда ничего не совершала.

— Неужели? — Сарказм Леббика был густым как кровь.

— Вы выполняете действительно нужную работу, — продолжала Териза исключительно для того, чтобы не остановиться и не осознать, как рискованно себя ведет. — Я, наверное, единственное существо в Орисоне, не повинное ни в чем. И Мастер Эремис, вероятно, меньше всего заслужил, чтобы его заточали в подземелье.

— Козье дерьмо! — заорал Смотритель. — Миледи, вы испытываете мое терпение...

— ...которым вы никогда не отличались, — съязвила она.

Он молча смотрел на нее, видимо, испытывая изумление; Териза не сразу осознала, что дала ему именно то, чего он так жаждал. Проступившая на его лице улыбка предупредила ее. Но предупреждение запоздало. Брошенная ею реплика вызвала в нем ту самую вспышку ярости, которой Леббик желал.

— Действительно, — сказал Смотритель почти спокойно, — таким недостатком я никогда не обладал. — Он хищно улыбался.

Ее паника сменилась животным страхом. Она невольно попыталась отступить, но стена не позволяла ей сделать ни шагу.

— Конечно, как вы уже заметили, у меня почти нет доказательств. Вчера я был слишком занят, чтобы допросить Файля или это отродье Армигита. А сегодня они настояли на своем отъезде. Я не мог задержать их.

 Но я не глупец.

Прошлой ночью, когда мои люди нашли телохранителей принца Крагена — после того как Армигит уведомил их о сражении, — Файль каким-то образом узнал, что Гилбур и Эремис собираются воплотить Воина. Той же самой ночью вы ушли отсюда с Эремисом — и вернулись одна, вся залитая *кровью*. — Он подчеркнул последнее слово. — Естественно, вы невиновны. Вы невинно очистили от крови ваши одежды, стремясь избавиться от всего, что могло связывать вас с этими мертвыми телохранителями. Вы невинно лгали мне. Но вы невинно *забыли*, — он махнул мокасинами, — что подошвы вас выдадут.

После вашего появления здесь по какому-то удивительному совпадению все лорды, за исключением Домне, собрались в Орисоне. А также прибыл принц Краген, посол Аленда. А на следующий день Гильдия поспешила провести воплощение, чтобы я не успел вмешаться. Когда мои люди попытались остановить этого Воина, они были уничтожены другим воплотимым.

И что же, по-вашему, мне со всем этим делать, миледи? Неужели вы считаете, что я стану восторгаться вашей невинностью, миледи, или благородством мотивов вашего любовника, миледи?

Он длинно и смачно выругался.

— Я скажу вам, что я намерен делать. — Его бранные слова были ей непонятны, но страстность, с какой они произносились, делала их понятность излишней. — Первое — очевидно, что воплощение замышлялось заранее, уже давно. Зеркало невозможно создать за одну ночь. Хотя мне не известно, как они это делают, — пробормотал Леббик себе под нос. — А, кстати, где то зеркало, через которое осуществлялось воплощение? — Затем он возобновил атаку. — Раз Эремис и Гилбур были единственными, кто разговаривал с Файлем, и раз Гилбур исчез — ясно, что оба они виновны.

Но что случилось с двумя трупами в лужах крови, достаточных еще на пять или шесть человек?

Одно из двух, миледи, причем и то, и другое — предательство чистейшей воды. Либо Эремис и Гилбур встретились с лордами, намереваясь предать Мордант, но, выпустив своего Воина, застигли принца Крагена за тем, что он шпионил за ними, и его телохранители погибли, защищая его жизнь. Либо Эремис и Гилбур встречались с принцем Крагеном, а лорды застали их при подготовке предательства Морданта, и его телохранители погибли, защищая его жизнь. В обоих случаях получается, что Файль пришел ко мне лишь потому, что Эремис и Гилбур пытались опередить его.

А теперь относительно крови и отсутствия тел. Кресло — вот ваш ответ на этот вопрос. Людей, которые сражались за вас и *погибли*, унесли в один из тайных ходов.

Кресло в шкафу объясняет многое. В том числе и то, как вам удалось уцелеть во время нападения на вас в первую ночь после вашего появления здесь. Ваши союзники — я имею в виду союзники Эремиса — пришли по тайному ходу вовремя и успели спасти вас. Затем они вернулись туда, где прячутся до сих пор.

Ужас сдавливал ей горло, мешал дышать. Леббик был так близок...

— В довершение всего, — продолжал Смотритель, — при обычных обстоятельствах ваше кратковременное пребывание здесь как будто исключает организацию столь обширного заговора. Эремис, может быть, самый великий развратник в Морданте, но даже женщине нужно время, чтобы пасть так низко. Однако времени у вас было гораздо больше, чем мне казалось: вопреки моим предположениям вы не сидели, запершись в своей комнате.

Каковы ваши замыслы, миледи? Какое зло вы для нас готовите? Или есть третье объяснение, возможно, еще худшее преступление?

Он надвинулся на Теризу, с яростью глядя прямо ей в лицо. Териза задрожала, но не смогла отвести взгляд. Его страсть гипнотизировала ее.

— С какой целью вы здесь? То, что Эремис забыл всех остальных любовниц, достаточная для вас награда? Или вас интересует что-то другое? Может, вас послал сюда Архивоплотитель?

Отбросив в стороны мокасины, он схватил Теризу за руки, и его пальцы впились в ее мышцы.

— Скажите мне, так кто же выступает на стороне короля, миледи? Неужели *все* предатели?

Оставьте меня в покое, я ни в чем не виновата, я вообще не понимаю, о чем вы говорите!

Он встряхнул ее так, словно собирался впиться зубами ей в глотку.

— Почему вы не воспользовались тайным ходом для возвращения в свои комнаты? Тогда вы были бы спасены. Никто бы не знал, что вас что-то связывает с мертвыми телохранителями.

— Да потому, что он ведет совсем не туда! — закричала она.

Она замолчала и, похолодев, уставилась Леббику в лицо. На его губах заиграла улыбка.

— Хорошее начало, миледи, — процедил он сквозь зубы. — Так куда он ведет?

Она не могла рассказать это. Если она ответит, то предаст Мастера Квилона и Адепта Хэвлока, а также Мисте. Она и без того уже сказала слишком много.

На этот раз она спровоцировала Смотрителя сознательно. Сама Териза, а не дерзкий незнакомец, произнесла:

— Я не заслужила подобного обращения. Будь здесь ваша жена, ей стало бы стыдно за вас.

От охватившего ее панического страха закружилась голова. Она увидела расширенные, безумные глаза Смотрителя и вдруг перестала понимать происходящее. Он заговорил, но его слова казались ей иностранными.

— Благодарю вас, миледи. Я не испытывал такого удовольствия с тех пор, как король Джойс разрешил мне отомстить тому самому командиру гарнизона. — Сквозь пелену ужаса она видела, как он отпускает ее, отводит свою руку назад и с размаху бьет ее тыльной стороной ладони по лицу.

Териза инстинктивно втянула голову в плечи и выставила руки перед собой.

Удар оказался достаточно сильным, ее отшвырнуло к двери. В ушах зазвенела боль. Теризе показалось, что она ослепла; все, что она видела, — это Смотритель, уставившийся на свою руку, словно та принадлежала кому-то другому.

У боли был свой голос. Этот голос спросил:

— Что же я делаю?

И тут Териза услышала стук в дверь.

— Подите прочь! — проревел Леббик.

— Прошу прощения, Смотритель, — донесся голос стражника. — Приказ короля.

— Короля? — Смотрителя Леббика чуть не хватил удар.

— Он хочет побеседовать с леди Теризой. Мне приказано сопроводить ее к нему. — Лицо Леббика выражало такой гнев, что голос стражника чуть дрогнул. — Он желает побеседовать с ней немедленно.

— Она находится под арестом. Ей предстоит заточение в подземелье.

— Смотритель, мне велено уведомить леди, что она не находится под арестом.

Смотритель исторг сдавленный яростный хрип, идущий, казалось, из глубины души.

Чьи-то руки приподняли ее, поставили на ноги. В ту же минуту она увидела, что это руки Смотрителя Леббика.

— В один прекрасный день, миледи, — сказал он тихо, — мой час все же настанет. Когда это случится, вам уже не удастся избежать моей кары.

И он оставил ее на попечение стражника.

16. Кто тебе друг

Идти было трудно; боль в голове проделывала какие-то невероятные кульбиты, и только с помощью стражника Теризе удавалось держаться прямо. Но она была так ошеломлена и обрадована внезапным спасением, что никак не могла поверить в его реальность.

Однако с какой стати король Джойс послал за ней именно сейчас? Откуда он знает, что ее следует спасать?

Откуда он вообще знает, что она находится под арестом?

Териза просто поражалась сплошному всезнанию вокруг нее и тому, как мало знает она сама.

— С вами все в порядке, миледи? — спросил стражник. Он был искренне обеспокоен.

Но почему-то никто пока не упоминал о Мисте. Неужели ее еще не хватились? Задумавшись об этом, она забыла о вопросе стражника.

Он слегка встряхнул ее и переспросил:

— С вами все в порядке?

Ее зрение пришло в норму. Однако оставалось странное впечатление, что она видит все как бы в кривом зеркале. Углы, под которыми стены соединялись с полом, казались неправильными. Дверной проем, напротив, правильным до неправдоподобия. Восприятие явно было неадекватным, но такое положение дел ее устраивало — это помогало пересилить боль в голове.

— Миледи? — Стражник не на шутку встревожился.

— Вы знаете?.. — начала Териза, но ее артикуляция не была облечена в звук. Она попробовала откашляться, держать голову прямее. — Вы знаете, почему он меня ударил?

— Нет, миледи. — Стражник придерживал ее одной рукой за спину, а другой за плечо. Териза ни разу на него не взглянула. — Меня там не было.

— Он ударил меня, — повторила она отчетливо, — потому что я разозлила его. — Внезапно ей захотелось смеяться. Или плакать. Трудно было понять разницу. Она разозлила его, *она*, Териза Морган. Это стоило того, чтобы получить оплеуху. Может быть. — У меня кружится голова.

— Сюда, миледи.

Стражник осторожно подвел Теризу к креслу, сунул ей в руку бокал с вином. Она сделала большой глоток и тотчас ощутила, как иглы впиваются в мозг. Но вскоре почувствовала себя лучше.

— Благодарю, — с трудом произнесла она. Больше всего ей сейчас хотелось прилечь и вздремнуть. Но по

какой-то причине она не могла этого сделать. По какой же? Ах, да. — Вы сказали, что король хочет побеседовать со мной?

— Да, миледи. Как только вы будете в состоянии идти.

Териза повернула голову, чтобы посмотреть на него, и улыбнулась. Видела ли она его раньше? Кажется, нет. Он был моложав, с узким лицом и серьезным взглядом — наверное, не лучший кандидат для передачи сообщения, вызвавшего у Смотрителя Леббика приступ ярости. Но он выполнил приказ и относился к ней с вежливой предупредительностью, за что она испытывала к нему благодарность.

— Давайте попытаемся, — сказала Териза. — Возможно, когда я пройдусь, мне станет получше.

Он ободряюще кивнул и помог ей подняться. Она сделала несколько пробных шагов и обнаружила, что в голове понемногу проясняется. Невероятно. Оказывается, она способна противостоять ярости такого человека, как Смотритель Леббик. Человека, похожего на ее отца. Ей с трудом верилось в это.

Осторожно делая шаг за шагом, Териза с помощью сопровождающего добралась до башни, где располагались покои короля и его дочерей. У высокой резной двери королевских апартаментов она почувствовала, что может твердо стоять на ногах, хотя ее все еще чуть пошатывало.

Стражники короля открыли дверь без всяких вопросов; они, видимо, были предупреждены. Один из них объявил о ее прибытии, в то время как другой кивнул, приглашая ее внутрь. И вот она во второй раз переступила порог богато обставленных покоев, где король Джойс играл в перескоки.

Освещенный лампами, канделябрами и медными подсвечниками, толстый ковер светло-голубого и красного цветов мягко контрастировал со светлыми панелями стен, подчеркивая их резьбу и тонкую инкрустацию, а также роскошный орнамент на камине. Положение шашек на доске свидетельствовало о том, что игра в самом разгаре. Однако в настоящий момент никто не играл.

— Мой владыка король, — провозгласил стражник, — леди Териза де Морган, — после чего вышел, уводя второго стражника и сопровождающего Теризы, и закрыл за собой дверь. Но король Джойс никак не реагировал. Он сидел в мягком кресле, положив ноги на толстый пуфик и откинув голову на спинку. Пурпурная мантия укрывала его словно саван; она выглядела такой же старой и потрепанной, как и хламида Адепта Хэвлока. Развернутый во всю длину свиток пергамента прикрывал лицо Джойса, руки свисали по бокам кресла, кисти со старческими, вздутыми венами почти касались ковра. На полу, у ног короля, валялось еще несколько свитков, одни раскрытые, другие перевязанные ленточками.

Король тихо похрапывал. Пергамент шелестел при каждом его вдохе.

Королевского Подлеца в покоях не было. Компанию королю на сей раз составляли Джерадин и лорд Тор.

Териза недоумевающе уставилась на них.

— Миледи, — прохрипел Тор, — как приятно продолжить наше знакомство! — Он едва умещался в кресле, переполняя его; толстые руки обвивали огромную каменную плоскую флягу с вином, словно она поддерживала в нем жизнь. Редкие седые волосы беспорядочно облепляли бледную кожу на голове, однако просторная черная одежда была чистой, а щеки тщательно выбриты. Хотя его маленькие глазки помутнели, Териза заметила в них живость, которой не было раньше.

Джерадин улыбнулся, заметив ее удивление. Но почти мгновенно его лицо стало серьезным и возмущенным. Он сорвался с кресла, бросился навстречу Теризе и коснулся ее горящей щеки.

— Какой подлец, — прошептал он. — Он ударил вас. — Его внезапно охватило отчаяние. — Простите меня, если сможете. Это моя вина. Я не думал, что он посмеет... Я надеялся успеть... Я бежал всю дорогу... всю дорогу...

— Довольно, юный Джерадин, — оборвал его Тор, тупо уставившись на флягу. — Ты ведь сын Домне. Больше достоинства, дружок!

— Я не понимаю, — Териза чувствовала себя невероятно поглупевшей, — что вы делаете здесь?

— То малое, что могу, — ответил Тор, словно она обращалась только к нему. — У короля Джойса вполне приличное вино и славный камин. А мне ничего другого и не нужно.

Впрочем, признаю, это оказалось сложно, — пробормотал он нахмурившись. — Он не захотел принять меня. После той встречи в подземелье я был едва живой, такой же холодный, как мой сын. Я желал снова согреться. И я подумал, что смогу разделить эту флягу со своим другом, королем Мордаита. Разве я не обещал, что не брошу его? Но он не захотел увидеться со мной. Это оказалось очень сложно.

Он неожиданно улыбнулся. При других обстоятельствах это могла быть улыбка счастливого человека; но она не прогнала печаль, застывшую в его глазах.

— Он недооценил меня. Я сел прямо под дверью и начал выть. Не деликатным воем воспитанного человека, а, могу уверить вас, тем воем, который поднимет на ноги и мертвого.

— И вы действительно это сделали? — переспросил Джерадин, невольно расплываясь в улыбке.

Тор кивнул.

— Хорошо, что моя семья не видела этого. Они бы перестали уважать меня за такое поведение. Но я победил. — Он посмотрел в сторону короля Джойса и добавил: — А приняв меня, он понял, что избавиться от меня невозможно.

Теризе все это казалось совершенно бессмысленным. Она помотала головой, стараясь добиться прояснения, но эти усилия вызвали обратный эффект. Скорее ей нужно было присесть. Или прилечь...

— Но почему? — Она не могла забыть Тора, стоявшего в грязи на внутреннем дворе замка с телом мертвого сына на руках; она не могла забыть рассказ Джерадина, как король Джойс воспринял весть о смерти сына Тора. — Все остальные лорды разъехались. Почему вы решили остаться?

Тор поморщился.

— Реванш.

Джерадин был изумлен.

— Реванш?

— Большую часть жизни, — объяснил лорд хриплым басом, — меня преследовало сознание, что я не оказал королю Джойсу должной поддержки, когда он в ней нуждался. В то время это было мудрое решение — на случай, если он потерпит неудачу. Но он победил, тем самым сделав меня в глазах всего Морданта осторожным трусом. И я собираюсь взять реванш.

— Я не понимаю, — слабо повторила Териза. Может быть, Тор шутит? Но где же здесь юмор?

— Король нуждается в советнике. — Лорд не поднял головы. — А я именно тот, кто может сопоставить два факта и соединить их в единое целое лучше, чем безумный воплотитель. И пока я буду сидеть здесь... — он похлопал рукой по подлокотнику, — и отдавать приказы, как будто обладаю на то полномочиями, меня будут слушаться. Джойс, желает он того или нет, не сможет больше оставаться пассивным правителем. Или он соглашается с теми действиями, которые я совершаю от его имени, или ему придется самому что-то решать, дабы отменить мое распоряжение.

У Джерадина восторженно заблестели глаза; но Териза сказала:

— Подождите минутку. — Она слишком туго соображала и должна была собраться с мыслями. Ей казалось, что пригодник бросил ее, оставив наедине с Леббиком. — Вы отдавали приказания от имени короля. — Она обернулась к Джерадину. — А ты прибежал сюда, чтобы король Джойс остановил Смотрителя Леббика. — Джерадин кивнул. Она посмотрела на короля. — А он действительно хотел меня видеть?

С преувеличенной тщательностью человека в подпитии Тор осмотрел комнату, как бы выискивая подслушивающих, и сказал:

— Нет. — Затем поспешно прижал толстый палец к губам и громким шепотом добавил: — Но непременно распорядился бы так, останься у него хоть капля здравого смысла. Король спал, и я решил отдать приказ от его имени.

Юный Джерадин прав, — продолжал он назидательным тоном. — Бравому Смотрителю не следует принимать решений по вопросам, в которых замешаны женщины.

Она уставилась на него, не в силах оторвать взгляд. Ей хотелось сказать сразу так много: «Чего вы надеетесь достичь этим? О Джерадин, прости меня! Ты думаешь, он действительно выпустит меня из своих когтей? Но не это главное. Главное — заставить короля Джойса объявить себя настоящим правителем: король Морданта обязан заявить о своих истинных намерениях». Поэтому Териза не стала задавать вопросы. Она лишь сказала:

— Я рада, что вы сделали это. Я нуждалась в спасении.

Тор подмигнул ей, явно заигрывая. А Джерадину нравоучительно заметил:

— Вот видишь? Мой реванш начал давать какие-то результаты.

— Отец рассказывал мне о вас множество историй, милорд, — сказал Джерадин, — но я не думал, что они достоверны.

Однако Териза еще не закончила. Она посмотрела на Джерадина. Раз уж она оказалась достаточно смелой для лжи — и даже для неповиновения грозному стражу порядка, — у нее найдется смелость сказать:

— Прости меня. Когда ты ушел, я решила, что ты бросил меня. Мне не следовало сомневаться в тебе.

Он встретил ее взгляд открыто и честно и распрямил плечи.

— Вот именно. — Голос его звучал сурово. — Вам следовало думать обо мне лучше. Я скорее позволил бы отрезать себе руки, чем бросил вас.

Но он тотчас устыдился своего пафоса.

— Ну вот и я хоть что-то сделал правильно. — Он улыбнулся смущенно и радостно. — Но особенно не рассчитывайте, такое случается нечасто.

— Браво, юный Джерадин, — перебил его Тор, — тебе прекрасно удастся оплевывать самого себя. — Он вскинул флягу и тряс ее до тех пор, пока пригодник не нашел бочонок и не наполнил флягу снова. — Трудности твои на самом деле очень легко объяснить. Ты не нашел применения своим способностям. Как королевский советник я считаю нужным уведомить тебя об этом. Прирожденные фехтовальщики бывают скверными фермерами, с чем, я уверен, вполне согласится твой брат Артагель. Сыну Дом-

не не пристало тратить свое время на то, чтобы служить предметом насмешек воплотителей.

Лицо Джерадина помрачнело, но не от гнева, а от страдания.

— Если бы я мог... — Мука, звучавшая в его голосе, проникала Теризе прямо в сердце. — Я — позор нашей семьи. Я знаю. Но не могу, просто не могу все это бросить.

Тор отхлебнул вина и принялся смаковать его с таким видом, словно избегал смотреть Джерадину в глаза.

— Ты вполне достоин своего отца. Довольствуйся хотя бы этим. Он тоже упрям до невозможности. Я слышал, как король Джойс однажды сказал, что лучше биться головой о каменную стену, чем спорить с Домне.

Териза подумала, если бы здесь присутствовал Артагель, он смог бы подтвердить, что весьма доволен братом.

Внезапно король громко всхрапнул. Его голова дернулась, пергамент упал и, покатившись по ковру, свернулся в свиток. Король заморгал, поднял руки к груди и задвигал ими, словно они занемели.

— Домне, — пробормотал он в потолок. — Упрямец. Лучше биться головой о каменную стену.

Пытаясь приподняться, он оперся руками о подлокотники, но, видимо, еще окончательно не проснулся — или был слишком слаб, — и его усилие не увенчалось успехом.

— Мой владыка король. — Джерадин бросился помогать ему.

Трясущимися руками король пытался согнать с лица сон. От созерцания его дряхлой кожи и водянистых глаз в сердце Теризы шевельнулась жалость. Он сейчас не выглядел коварным или полубезумным властителем, отказавшимся защищать свое королевство; это был старик, ни на что не годный из-за возраста и артрита, потерявший почти всех, кого любил, и не способный на чем-либо сосредоточиться.

Но, когда его взгляд сфокусировался на Теризе и он разглядел, кто перед ним, он ответил на ее невысказанную озабоченность чистейшей, непритворной, лучезарной улыбкой.

Вот откуда у Мисте сияние, подобное лучам солнца, — она получила его в наследство от отца. Теризе хотелось отдалиться от этой радости, не замечать ее, но это было ей не под силу. Даже если бы он просто улыбался ей так и больше ничего, она сделала бы ради него все.

К несчастью, король заговорил.

— Миледи, вы пришли сыграть со мной партию? Как мило с вашей стороны. У меня тут проблема, — он показал на доску с фишками, — которая измучила мой одряхлевший разум.

Ее разочарование было столь сильным, что она отвернулась.

Он выпрямился с легкостью, вызывающей подозрение, что его ноги далеко не такие слабые, как руки.

— Хэвлок расставил для меня комбинацию. Если я правильно понял его — а это не всегда легко, — он однажды нашел решение. Вот его записи. — Король отфутболил ногой ближайший свиток. — Так как мне не удалось найти решение самостоятельно, я принялся читать его заметки, пытаясь отыскать... — Его голос затих, фраза осталась незавершенной. Он перевел взгляд на Тора и Джерадина, словно не мог припомнить, кто они такие. Затем снова посмотрел на Теризу и продолжал: — ...отыскать решение. — Он пожал плечами. — Но безуспешно. Может быть, вы сможете выдать пару-тройку свежих идей.

От воспоминания о партии с принцем Крагеном Териза напряглась. Король Джойс втравил ее в ту историю своей улыбкой. Ей не хотелось снова оказаться в подобном положении. Она осторожно сказала:

— Простите. Но я пришла совсем по другому поводу. Тор... — она надеялась, что лорд простит ей упоминание о его участии в событиях, — приказал стражникам привести меня сюда.

— О, мой старый друг Тор, — король Джойс скривился, как от горькой микстуры, — один из немногих актеров в театре масок, чьи действия не поддаются предсказанию. — По мере пробуждения он говорил все увереннее. — Разве можно было предвидеть, что он окажется способным навязать мне свою службу после всех унижений, которые я заставил его пережить? — Он даже не глянул в сторону старого лорда. — Это против правил. Этого вполне достаточно, чтобы свести меня с ума, миледи.

— Мой владыка король, — Тор говорил тихо, но убедительно, — я уверен, вы понимаете, что я не рассчитывал на ваше снисхождение.

Король не обратил на него внимания.

— Тем не менее, — сказал он, стараясь восстановить прежнюю невозмутимость, — каждый из нас несет свой крест по мере сил. Мой тяжкий крест — перескоки. — И снова он показал на стол. — Эта проблема не дает мне покоя. Вы уверены, что не хотите взглянуть — ради меня? Это действительно нечто демоническое. — Кожа вокруг его глаз медленно собиралась в веселые лучики. — Мне кажется, вы разбираетесь в этом. Ну, пожалуйста.

Против своего желания Териза посмотрела на стол. Ведь, если честно, не одна только улыбка короля заставила ее сесть за игру с принцем Крагеном. У нее была собственная причина поступить подобным образом. И было бы нечестно винить во всем короля Джойса.

Увидев расстановку шашек на столе, она поняла, на что он намекал, когда говорил о ее компетенции. Позиция близка к патовой — той же, на которой закончилась партия Теризы с принцем Крагеном. Но чей ход? Если белых, игра может

продолжаться; но если красных, то единственный возможный ход — закончить партию патом.

— Ход красных, — сказал король, хотя она ни о чем не спрашивала.

— Я вижу, что вы имеете в виду, — пробормотала она. — Из этого положения нет выхода. Адепт Хэвлок, должно быть, пошутил.

— Нет, я так не думаю. У него шутки совсем иного рода. — Король Джойс нахмурился, склонившись над доской. — Какой-то выход быть должен. Я уверен. Но никак не пойму — какой.

Териза покачала головой. Вопросы игры в шашки не слишком интересовали ее. Чтобы закрыть тему, она сказала:

— Я не играла уже много лет. Единственное, что здесь можно сделать, это расставить шашки по-новому и начать партию сначала. А затем попытаться избежать подобной позиции.

Он снова одарил ее одной из своих лучезарных улыбок.

— О миледи, если бы в жизни все обстояло так просто!

И вдруг Теризе показалось, что она уловила смысл шутки Хэвлока.

— В таком случае, — сказала она, — есть выход. — Поспешно, не оставляя себе шанса передумать, она взялась за край доски и встряхнула ее так, что большинство шашек съехали со своих позиций. В мгновение ока неминуемый пат обратился в хаос.

Улыбаясь, она обернулась к королю.

Тот, очевидно, не счел ее решение забавным. Его чуть не стошнило, когда он взглянул на доску. Старость вновь отчетливо проступила на его лице; глаза остекленели, словно он вот-вот разрыдается.

Териза поспешила оправдаться.

— Я думаю, Хэвлок все же пошутил. — Она показала на доску. — Может быть, все его шутки *такого* рода?

Король Джойс будто не слышал ее.

— Простите, я не хотела расстраивать вас. Но ведь это всего лишь игра.

Внезапно его глаза блеснули как сталь, просвечивающая сквозь воду.

— Для вас это всего лишь игра. Для меня это разница между жизнью и превращением нашего мира в руины.

Передвигаясь еле-еле, совершенно обессиленный, он вернулся к своему креслу. У Теризы заныло сердце, словно в этом была ее вина.

— Мой владыка король, — спросил Джерадин, — я могу быть вам чем-то полезен?

Король медленно поднял на пригодника мутные голубые глаза.

— Я обратил внимание, что вы не придаете особого значения моим приказаниям, — прохрипел он желчно. — Я ведь ясно просил вас не разговаривать и не видеться с леди Теризой. Я приказал вам не отвечать на ее вопросы. И все это вы называете повиновением? От сына Домне я ожидал большей преданности.

Его обвинения удивили Джерадина. Пригодник понурил голову и помрачнел.

— Мой владыка король, — медленно ответил он, сдерживая эмоции. — Я бы выполнял ваши приказы, если бы понимал их. Но в них я не вижу ни малейшего смысла.

Вы потеряли всякий интерес к Мордапту. Вы так обидели принца Крагена, что это может привести к войне с Алендом. Вы позволили Гильдии воплотить Воина, в то время когда Файль делал все, чтобы предупредить вас. Нам необходимо собрать вокруг себя всех друзей. Я не хотел бы относиться к леди Теризе как к врагу.

Король Джойс казался слишком усталым и старым, чтобы держать голову прямо, но его взгляд твердо упирался в лицо пригодника.

— Вы закончили?

Джерадин судорожно вздохнул.

— Нет. — Он сказал это уверенно, словно официально признавая свою вину. — Мой владыка король, через день после того как вы приказали мне не видеться и не разговаривать с леди Теризой, я отвел ее к зеркалу, воплотившему ее здесь, и пытался вернуть обратно... — И он внезапно замолчал, гордо выпрямившись.

Так же как и Джерадин, Териза ожидала от короля Джойса вспышки ярости. Она не удивилась бы, если б король приказал послать за Смотрителем. Видимо, ожидая подобной реакции, Тор приподнялся с кресла, готовый вмешаться в разговор.

Но король лишь вздохнул. Он откинулся назад, опустил подбородок на грудь и, уставясь на ковер, пробормотал:

— Да, люди стареют слишком быстро. Если бы это случилось, когда я был моложе... У меня хватало сил, когда я был моложе.

Териза хотела спросить поделикатнее, что именно случилось. Но Джерадин был настолько потрясен обвинением короля, что продолжал, не обратив на эти слова никакого внимания:

— Я пытался воплотить ее обратно в привычный ей мир, так как верил во все, что вы говорили о реальности и нереальности видимого в зеркалах. Я думаю, она заслужила свободу выбирать, где ей находиться. Если бы я знал, что вы позволите Мастерам воплотить их Воина, если бы я знал, что вы повернетесь спиной к идеалам, о которых заботились, создавая Гиль-

дию, — я бы очень постарался отправить ее обратно. — То, что он говорил, не было признанием кающегося грешника. Скорее мольбой. — Териза чуяла это сердцем. — Почему вы так поступили? Их Воин чуть не уничтожил нас. Он оставил в северо-западной стене Орисона дыру размером с небольшую деревню. Мы прямотаки напрашиваемся, чтобы Кадуол и Аленд напали на нас. А Воин до сих пор бродит где-то, готовый сокрушить любого, кто встанет у него на пути.

И где-то там Мисте, подумала Териза, ваша дочь. Она пытается догнать его.

— Мой владыка король, Файль хотел предупредить вас. Почему вы не позволили ему сделать это?

Король Джойс не удостоил пригодника даже взглядом. Джерадин наконец замолчал, и король какое-то время тоже ничего не говорил. Но потом ответил:

— Потому что не посчитал нужным поступать подобным образом. — Его голос дрожал от горечи и боли. — Вы думаете, у вас достаточно компетенции принимать решения за меня? Я вел сражения за создание Морданта и Гильдии задолго до того, как вы стали достаточно взрослым, чтобы свалиться лицом в корм для свиней.

Джерадин вспыхнул от оскорбления, но не смог на него ответить.

— К тому же, — сварливо добавил король Джойс, — Эремис находится под арестом. Это, я думаю, осчастливит вас. Леббик арестует Гилбура, как только найдет его. Ответственные за беспорядок будут наказаны. Вы хотите чего-то большего?

— Я хочу *понять!* — закричал Джерадин.

— Ай-яй-яй, юный Джерадин, — неожиданно прохрипел Тор. — Я не верю, что сыновья Домне могут быть туполобыми. Вы наверняка не глупец. И вы уже должны были понять: наш владыка король *не хочет*, чтобы вы хоть что-то понимали.

Джерадин резко обернулся к Тору:

— Но *почему?* Я всего лишь пригодник. Мне не суждено стать Мастером. Кому я причиню вред, если пойму? Кому от этого станет хуже?

Тор приподнял жирные плечи. Уткнувшись во флягу, он спросил:

— Как я добился аудиенции у короля?

Этот вопрос застиг Джерадина врасплох. Он в недоумении посмотрел на старого лорда и медленно сказал:

— Вы выли под дверью, пока он не впустил вас.

Король Джойс тихо всхрапнул.

Тор с отвращением скривился.

— Вам не удастся убедить меня в своей абсолютной тупости. Я совершенно уверен, что это не так. Как я добился аудиенции у короля, когда впервые прибыл в Орисон?

Джерадин открыл рот.

— Я... — И тут же закрыл его.

— Юный Джерадин, — Тор выделял каждое слово, — король не хочет, чтобы вы понимали. Я советую вам вернуться к себе в комнаты и биться головой о стену, пока ваша голова не треснет, чтобы в нее могло проникнуть хоть немного света.

— Да, ступайте, — тут же пробормотал король Джойс. — Я устал от постоянных напоминаний о том, как мало мои люди уважают своего короля.

Джерадин поспешно обернулся к королю. Териза увидела в его взгляде нечто дикое, яростное, возможно, опасное. Однако он сразу же взял себя в руки.

— Ну конечно, — сказал он спокойно, — мне давно следовало бы привыкнуть. Я ведь в семье самый младший. У моих братьев часто не хватало терпения что-нибудь объяснить мне. — И закончил почти равнодушно: — Наверное, будет лучше, если я дойду до всего своим умом.

Отведя взгляд от короля Джойса, он спросил Теризу:

— Миледи, вы пойдете со мной?

— Она останется здесь, — ответил за нее король Джойс. — Я хочу поговорить с ней.

Значит, он действительно хотел побеседовать с ней. Териза не знала, радоваться ей или тревожиться.

— Мы увидимся позже, — сказала она Джерадину, имея при этом в виду: «Мы подумаем вместе».

Перед тем как направиться к двери, он бросил на нее взгляд, в котором соединились уверенность, страсть и решимость.

Когда дверь закрылась, Тор протяжно вздохнул. Он допил остатки из своей фляги и устроился в кресле поудобнее, как будто собирался вздремнуть.

Териза посмотрела на короля Джойса.

Инстинкт ей подсказывал, почему он хочет побеседовать с ней. Но у нее было некоторое преимущество: она злилась. Смотритель Леббик ударил ее. К тому же король Джойс намеренно причинил боль Джерадину. Мастера Эремиса арестовали.

Чуть дрожащим голосом она сказала:

— Вы знаете, что Мастер Эремис арестован, — Смотритель Леббик вам обо всем докладывает. — Вести разговор в этом направлении ей показалось вполне безопасным. — Вы знали, что он собирался арестовать меня. Вы *позволили* ему ударить меня. Если бы Тор его не остановил, я сейчас была бы в темнице.

Насколько мне помнится, вы высказывали предположение, что я, должно быть, могучий воплотитель и нахожусь здесь с некой миссией — и со мной должны обращаться с должным уважением. *Это* вы называете уважением?

Словно бы намереваясь ответить ей, король поднял голову. Он сел повыше в кресле и встретился с ней взглядом. Его лицо не выражало ни нетерпения, ни горечи. Он смотрел на нее хмуро, с весомостью прожитых лет, смотрел с такой решимостью и с такой печалью своими водянистыми глазами, что Териза отшатнулась.

— Миледи, — тихо спросил он, — где моя дочь?

Она оказалась права. Сердце у нее забилось быстрее. Зато сейчас у нее было нечто, нужное кому-то другому, — то, чем она может воспользоваться: пока она не предаст Мисте, у нее будет шанс получить что-то в обмен.

Такая перспектива испугала Теризу, но она обеими руками уцепилась за эту возможность.

— Которая? — ответила она, не обращая внимания на дрожь в голосе. — У вас их несколько.

Териза ожидала негодования или ярости — того, к чему уже начала привыкать, — но король Джойс оставался спокойным. Лицо его не изменилось. Долгое время он изучал ее слезящимися глазами. Затем указал на кресло, стоящее через стол от него:

— Миледи, не желаете присесть?

Териза несколько секунд пребывала в нерешительности. Наверное, стоя она будет чувствовать себя увереннее. Но печаль короля очаровала ее точно так же, как и улыбка.

Териза подошла к креслу, отодвинула его от стола, чтобы находиться подальше от доски с шашками, и села.

Едва она села, король произнес тем же горестным, тихим голосом:

— Миледи, моя дочь Мисте исчезла. Где она?

Внезапно в горле у нее пересохло, и она с трудом сглотнула. Подобно испуганному, но упрямому ребенку Териза спросила:

— Мой владыка король, почему вы позволили Смотрителю Леббику арестовать меня?

В комнате вдруг стало невыносимо жарко. И снова глаза короля блеснули сталью. Он смотрел на нее, пока она не сдалась и не отвела взгляд. Затем выдохнул почти неслышно:

— Миледи, не играйте со мной в эти игры. Это более опасно, чем вы себе представляете.

У нее учащенно забилось сердце, а живот стянуло в узел, так что она едва не свалилась с кресла. У нее не хватало сил смотреть на Джойса. Здесь каждый оказывался сильнее ее. И, как это уже было проверено на служанке, она почувствовала,

что защитой ей могут стать только изнеженность и слабость, — другого оружия у нее не было.

Отступление не принесет никакой пользы. Король не перестанет допытываться, где его дочь. Он снова и снова будет требовать ответа. И если она получит от него то, чего добивается, то перестанет чувствовать себя в безопасности. Ей все труднее будет не предавать Мисте.

Кроме того, она слишком разозлилась, чтобы отступить. И Териза снова посмотрела королю в лицо.

«У меня нет другого выбора. Джерадин пытался отправить меня обратно в тот мир, где мне следует быть, но зеркало, похоже, не способно на это. Значит, придется играть».

— Почему вы позволили Смотрителю Леббику арестовать меня?

В лице короля Джойса что-то изменилось, словно на него легла тень. Он слегка напрягся, и черты его стали резче.

— Миледи, — тон его был желчным, но совершенно не обидным, видимо, оскорблять ее не входило в его намерения, — вы знаете, кто ваши друзья?

Она взглянула на него удивленно, прикусив губу, но ответить даже не попыталась.

— Вот именно. И я не знаю. Если бы вы оказались в заключении, я смог бы выяснить это. Было бы крайне интересно понаблюдать, кто попытается помочь вам, или связаться с вами, или начнет убеждать меня, чтобы я отпустил вас. Но, конечно же, тут вмешался Джерадин. Со своей обычной ловкостью слона в посудной лавке. А про него я и так знаю, что он — ваш друг.

Эти слова поразили ее. Они создавали совершенно иное представление о короле — о том, как работает его сознание. И Териза сделала для себя неожиданное открытие: он в курсе всего, что происходит в Орисоне.

— Секундочку, — слабо возразила она, — секундочку. Вы хотите сказать, что мой арест был *запланирован?* Что все это было заранее продумано?

— Нет, миледи. — Он протестующе повел скрюченным пальцем. — Вы играете не по правилам. Сейчас мой ход. Где моя дочь?

Териза сделала глубокий вдох. Она искала возможность получить от него информацию, ничего не сообщая взамен. Но, несмотря на его возраст, такая тактика казалась неприменимой. К тому же это было бы нечестно. Мисте — его дочь.

Териза осторожно ответила:

— Она приходила повидаться со мной вчера вечером. В мои комнаты. Мы долго разговаривали.

Он кивнул.

— Я так и предполагал. Но я этого не понимаю. Что ей могло у вас понадобиться? Что она вам сказала?

— Нет, мой владыка король. Сейчас мой ход.

У нее было так *много* вопросов. Слишком много, чтобы припомнить их все сразу. И она не хотела упускать возможности, как это случилось минуту назад. Поэтому сосредоточилась на том, что привело ее сейчас в палаты короля, — на Смотрителе Леббике и его отношении к ней.

— Когда я покидаю свои комнаты с кем-либо — к примеру, с Мастером Эремисом, — мои стражники всегда пытаются узнать, куда я направляюсь. Но когда я ухожу с Джерадином, это, похоже, никого не интересует. Почему так происходит?

Король хмыкнул, давая понять, что она сделала крайне глупый ход. И прежним желчным тоном ответил:

— Могли бы и сами догадаться. Я ведь и так знаю, что Джерадин вам друг.

Правильно. Конечно. Она действительно *должна* была догадаться сама. Ей стало не по себе, оттого что она не очень проворно соображает.

Король нетерпеливо продолжал:

— Вы говорили о моей дочери, миледи.

— Да. — Нужно действовать хитрее. Она вознамерилась было обратиться за помощью к Тору, но услышала тяжелое и глубокое дыхание спящего человека. Вслепую ища хоть какую-нибудь зацепку для сопротивления, она спросила:

— Не могли бы вы задать вопрос более конкретно?

— Конечно, — буркнул король. — Где она?

К счастью, его тон снова вызвал в ней приступ злости. Ну хорошо же. Раз он играет настолько грубо...

— Я не знаю точно, где она. — Териза старалась говорить как можно ласковее. — Но вы спросили, что ей могло у меня понадобиться. В моем гардеробе есть тайный ход. Она хотела воспользоваться им.

Король снова кивнул. Видимо, Териза лишь подтвердила то, что он уже знал.

— Для чего?

Злость сослужила ей хорошую службу. Она была с ним беспощадна — но только потому, что и с ней обращались не лучше.

— Мой владыка король, — сказала она жестко, — в первую ночь моего пребывания здесь меня пытался убить некий человек. Когда он сбежал, Смотритель Леббик начал его поиски. Но вы остановили его. Она довольно удачно скопировала его тон. — Для чего?

Мгновение король Джойс колебался. Под глазами появились тени. Потом он язвительно ответил:

— Я не хотел, чтобы его поймали.

— Как?..

— Я не считаю его глупцом. Вряд ли он привел бы Леббика к своим союзникам. И я не считаю его трусом. Он не сказал бы мне ничего, если бы Леббик даже схватил его. Был лишь единственный способ получить о нем дополнительную информацию — оставить его в покое и подождать, что он предпримет в дальнейшем. — Его голос стал более суровым, но говорил он по-прежнему слегка отстраненно, словно его ярость была наигранной, а не реальной. — Вы удовлетворены, миледи?

Так для чего моя дочь хотела воспользоваться тайным ходом?

— Она хотела воспользоваться им для того... — злость придала Теризе сил, которые ей сейчас так необходимы, — чтобы покинуть Орисон.

Эта новость, похоже, причинила ему боль.

— Покинуть Орисон?

— Она знала, что вы остановите ее, если у вас будет такая возможность, поэтому воспользовалась тайным ходом, чтобы спуститься вниз, в рабочие помещения Мастеров. Там она проскользнула сквозь дыру в стене.

— Покинуть Орисон? — повторил Джойс. — Зачем?

— Нет. — Териза сжала кулаки, принуждая себя не обращать внимания на его муки. — Зачем вы заставили меня играть в перескоки с принцем Крагеном? Вы сделали все, чтобы война стала неотвратимой. Мне не доставляет удовольствия, когда меня используют подобным образом.

И вдруг — столь внезапно, что у нее не было никакой возможности защититься, — король Джойс вскочил с кресла и, презрев свою старость и слабость, схватил Теризу за плечи и резко встряхнул.

— Это невыносимо! Она ведь моя *дочь*! — Его глаза покраснели и увлажнились. — Ее мать и одна из сестер покинули меня. Другая ее сестра меня презирает. *Куда она отправилась?*

Тут Териза должна была сломаться; она знала себя достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в таком исходе. Она должна была выложить все, что знает, предавая Мисте просто из страха. Ее злость должна была испариться.

Но ничего подобного не произошло.

— К своей матери, — нашлась Териза. Мисте была ее другом. — Она хотела оставаться преданной вам. Она желала помочь вам. Но, оскорбив подобным образом принца Крагена, вы разбили ей сердце. Она мечтала быть дочерью *короля*, а не тирана, обожающего войны и нисколечко не заботящегося о защите своих людей. Она...

Териза умолкла. Ее остановило выражение его лица. Внезапно силы покинули короля. Его глаза были плотно закрыты, но по старческим сморщенным щекам катились слезинки.

— Если вы солгали мне... — чуть слышно прохрипел он, — если вы посмели солгать... — Это была не угроза, это была мольба. Отступив назад, он на ощупь нашел подлокотник кресла и крепко держался за него, взбираясь. Мантия укутывала короля так, что он почти терялся в ней. — Моя дочь, что я наделал?..

— Зачем вы сделали это? — спросила Териза, словно боль могла вынудить его сказать правду. — Зачем вы заставили меня играть в перескоки с принцем Крагеном?

— Чтобы испытать его. — Казалось, он сам не понимает, что говорит. — Этой причины вполне достаточно. Как я мог поверить ему? Аленд оставался врагом Морданта многие века. Да и сам принц был настроен против меня. Будь его намерения честными и искренними, он отказался бы играть, не позволил бы нанести подобное оскорбление алендскому монарху. Но, замыслив предательство, он вынужден был согласиться, ибо в противном случае рисковал навлечь на себя мою немилость и быть изгнанным из Орисона прежде, чем выполнит свою миссию. — Он закрыл лицо руками. — О, моя дочь!

Значит, это правда. Король ведал, что творит, знал обо всем, что делается вокруг. От этой мысли Териза похолодела. А ведь только что в комнате было слишком тепло. Она почувствовала, что еще немного — и ее начнет колотить дрожь. Неведение или старческий маразм не имеют к действиям короля никакого отношения.

Он уничтожал Мордант вполне сознательно.

Но столь очевидное горе Джойса развеяло всю ее злость. Она могла бояться его, но теперь совершенно не могла на него злиться.

— Простите. — Она старалась быть вежливой. — Мне кажется, наша игра дошла до пата.

Он резко отнял руки от лица и с хлопком свел их вместе. Тихо, с достоинством король Джойс сказал:

— Миледи, я прошу вас тщательно подумать, прежде чем пытаться отвести угрозу пата путем смешивания шашек. — И кивком головы указал на дверь, давая понять, что аудиенция окончена.

Она повернулась, чтобы уйти, словно спасаясь бегством.

Тор не спал. Он не сводил с короля жадного взгляда. Когда Териза проходила мимо его кресла, он одобрительно кивнул ей на прощание.

И только закрыв за собой дверь, она подивилась, почему король Джойс предположил, что Мисте обратится за помощью именно к ней.

17. Териза начинает действовать

Она торопилась, по-видимому, для того, чтобы обогнать собственные чувства, обогнать последствия своего поступка. Ей нужно было убежать подальше от лжи, сказанной королю Джойсу. Она причинила ему слишком много боли. Но лжецы окружали ее. Даже Мастер Эремис скрывал от нее всю правду, сообщая лишь ничего не значащие фрагменты. Возможно, и сам король лгал ей. Обман был ее единственным оружием, единственной возможностью защитить себя. От его неотвратимости она и хотела сбежать.

Она спустилась на два пролета лестницы и собралась уже двинуться по одному из главных коридоров, как вдруг осознала, что ей ни за что не попасть туда, куда хочет.

Она старалась успокоить себя, но ей не хватало убежденности. Экскурсия Джерадина не включала посещение тех мест, куда она сейчас стремилась. Она не имела представления даже о том, в какую сторону идти.

Териза внимательно оглядела коридор в обоих направлениях. Повсюду были люди; она могла бы спросить у кого-либо из них, как ей добраться до нужного места, но не знала, как к ним обратиться. Чем они все занимаются? Метельщики и трубочисты, каменщики, кладовщики, служанки, горничные, белошвейки и даже кузнецы... Они, конечно же, работают в замке. Но кто остальные мужчины и женщины — эти лорды и леди? Мисте, помнится, объясняла ей, насколько Орисон и весь Мордант зависят от торговли. Занимались ли эти люди коммерцией и финансами? Присматривали за складами? Вели счета? Были оптовыми поставщиками? Коммерсантами черного рынка? Если так, то ее отец там, дома, был совершенно прав.

Ее отец, она была в этом твердо уверена, не задумываясь наплел бы королю Джойсу с три короба. Она не сомневалась в этом, несмотря на то что ни разу не слышала от него неправды.

Продолжая идти неизвестно куда, Териза вдруг заметила Артагеля.

Он как раз пересекал коридор неподалеку от нее. Судя по всему, он ее не заметил. Но прежде чем Териза успела поднять руку и помахать ему, он повернул в ее сторону и направился прямо к ней.

— Миледи, — он отвесил ей изысканный поклон, — вы уже пришли в себя после ваших приключений? Если бы я пережил нечто подобное, то не вылезал бы из постели как минимум несколько дней.

— Зовите меня Теризой. — Она решила сменить тему разговора, не желая обсуждать свое спасение. Она торопилась. То, что она задумала, было для нее, прежней Теризы, еще более нехарактерно, чем беседа с королем Джойсом. Если она остановится или проявит нерешительность, все пропало: ей никогда не удастся сложить все куски головоломки в единое целое. — А где здесь находятся подземелья?

Он изумленно поднял бровь.

— Я не могу называть вас Теризой, миледи. Если я сделаю это, возникнет опасность забыть, что я Джерадину брат. А ведь я не такой, как Стид, — Джерадин, наверное, упоминал о том, что у нас есть брат, падкий до женщин? К тому же у меня нет иммунитета к красоте. А зачем вам вдруг понадобилось знать, где находятся подземелья?

Вспомнив о разговоре, происшедшем между Артагелем и Мастером Эремисом, она заколебалась. Но, взяв себя в руки, отбросила нерешительность.

— Смотритель Леббик арестовал Мастера Эремиса. — Она произнесла это твердым голосом, по-деловому. — Мне необходимо поговорить с ним.

Услышав подобное заявление, Артагель широко раскрыл глаза. Териза заметила, как молниеносно сменяли друг друга различные чувства — удивление, отвращение, любопытство. Когда он заговорил, в его глазах застыло выражение любезной невозмутимости.

— Если Эремис накрепко заперт в камере, я не думаю, что Леббик позволит ему устраивать приемы.

Он был прав. Цепляясь за спасительную мысль, раньше не приходившую ей в голову, Териза сказала:

— Но вы можете помочь мне поговорить с Эремисом, не спрашивая разрешения Смотрителя. Если мы просто придем в его камеру... Стражники позволят нам войти, — смущенно закончила она, — благодаря вашей репутации.

На его лице появилось откровенно враждебное выражение.

— Может быть. Но это *весьма рискованно*. Даже если Леббика там не окажется, ему обязательно доложат о вашем визите. Я не сомневаюсь, что существует какая-то *причина* ареста Эремиса. И вы будете выглядеть его сообщницей. Принесет ли вам это какую-то пользу?

На миг она окаменела. Дело было слишком сложным и в то же время спешным. Король Джойс ведал, что творит. Он делал это с какой-то целью. *Моя дочь, что я наделал?* Мастер Эремис непременно должен об этом знать. Он — единственная надежда Морданта.

К несчастью, объяснить это было невозможно — даже Джерадину, а уж Артагелю тем более. Сыновья Домне слишком преданы королю.

Подгоняемая неотложностью дела, Териза попыталась дать логичное объяснение.

— Может быть, я наивна, но мне кажется, главная ваша беда в том, что никто из желающих защищать Мордант не может спокойно поговорить друг с другом. Гильдия не верит Джерадину. Король не верит Гильдии. Никто не верит Мастеру Эремису. Смотритель Леббик не верит вообще никому. И при этом все королевство летит в пропасть. — Она с радостью отметила логику своих рассуждений. — Я хочу сделать так, чтобы эти люди вступили в диалог друг с другом.

Только что я побеседовала с королем Джойсом. Сейчас я хочу побеседовать с Мастером Эремисом. Мне кажется, он — ключ к решению всей проблемы.

Пока она говорила, на губах Артагеля играла пренебрежительная улыбка. Когда она закончила, он покачал головой, но не с презрением, а с удивлением во взгляде.

— Поразительно, миледи. Послушать вас, все так просто. — Он улыбнулся широко и по-доброму. — Это может оказаться забавно. И, возможно, даже сработает. — Элегантно поклонившись, он предложил ей руку. — Ну что ж, рискнем?

Благодарная ему за отзывчивость и встревоженная собственным поведением, Териза взяла его под руку, и они стали спускаться вниз, в подземелья Орисона.

Камеры находились фактически рядом с рабочими помещениями Гильдии, но после перестройки подземелий место, где Смотритель держал своих пленников, было отделено от помещений Мастеров каменной стеной. Артагель провел Теризу через уже знакомый ей бальный зал — его пустота символизировала остановившееся сердце Орисона. За ним, параллельно проходу в рабочие помещения, тянулся идентичный этому проходу коридор, и вел он к похожей лестнице. На этом сходство заканчивалось.

Атмосфера подземелий совсем не походила на атмосферу лабораторий. Своды коридоров, плохо освещенных факелами, расположенными далеко друг от друга, были темными и давили; Териза почти физически ощущала, как огромные камни, из которых сложен Орисон, нависают над ней. Пол покрывала солома, от которой пахло гнилью и, может быть, отчасти кровью, — она предназначалась прежде всего для впитывания влаги, но поглощала все, что проливали узники подземелий. Низ-

кий прямой коридор с двумя лестничными спусками привел Артагеля и Теризу к караулке.

Здесь находились люди, готовые заступить на пост, или только что сменившиеся, или просто забредшие поболтать, погреться и расслабиться. Караулка заодно служила и для обороны подземелий. Хотя помещение было обставлено как дешевая таверна — потрескавшиеся столы, массивные табуреты для стражников, несколько кроватей, большой камин, где огонь сражался с сыростью и холодом камня, и короткая стойка, из-за которой слуга подавал эль и закуску, — только через него можно было попасть к камерам; никто не мог войти или выйти, минуя караулку. Мечи и пики, сложенные вдоль стен и на кроватях, в любую минуту были готовы к бою.

Однако дисциплина здесь оставляла желать лучшего — может быть, потому, что стражники устали после вчерашнего происшествия; а может, потому, что подземелье не было интересной или жизненно важной частью замка. Только один воин сидел и точил свой меч с предельной сосредоточенностью дебила; остальные не проявляли никакой склонности выполнять свои обязанности. Три стражника, сидевшие за столом, поглощали эль в таких количествах, что это было за гранью здравого смысла; двое других дрыхли на кроватях и оглушительно храпели; прочие играли в кости, но бросали их скорее с яростью, нежели с азартом.

Артагель, окинув взглядом караулку, нахмурился, но вскоре добродушно улыбнулся. Его глаза блеснули, и он сказал, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Какое замечательное сборище пьяниц и лежебок! Я мог бы с песнями строем вывести отсюда всех узников, а вы ничего не замечали бы до тех пор, пока Смотритель не заковал вас в железо.

Все, кто не спал, повернулись к нему; на лицах было написано удивление, раздражение или тупое непонимание.

Когда стражники узнали его, враждебность исчезла. Раздражение сменилось грубым юмором. Один из них громко хмыкнул, а другой заявил:

— Это правда. Но кому нужны какие-то узники? Ты вот попробуй-ка проведи мимо нас эту женщину.

К тому же, — добавил он, — Смотритель сюда не заглядывает. За исключением тех моментов, когда ему вздумается задать пару вопросов Мастеру Эремису. Но тогда мы настороже.

— Дело в том, — пояснил третий, — что Мастер Эремис — наш единственный узник. Уже это одно может вывести из себя. Но что такое настоящее ничтожество, узнаешь, только когда целую ночь заворачиваешь женщин, которые хотели бы повидаться с ним. — Уставившись на Теризу, он почесал в

паху. — Готов дать на отсечение левую руку, чтобы узнать, как он этого добивается.

Териза заметила, что все стражники уставились на нее.

Ей внезапно захотелось поскорее забыть обо всем и оказаться у себя в комнатах.

Один из игравших в кости поднялся на ноги. Пурпурная лента, обвязанная вокруг правого бицепса, свидетельствовала о том, что он здесь старший.

— А ну, тише, разгильдяи, — рявкнул он. — Кому охота постучать мордой по моему кулаку? Артагель сопровождает леди Теризу де Морган. Она вовсе не игрушка Мастера Эремиса, как, кстати, и не ваша.

— Миледи, — он вежливо поклонился ей, — не волнуйтесь. Вы не в такой большой опасности, как вам кажется. Артагель успеет перебить половину здешнего сброда, прежде чем они дотянутся до мечей. А остальных за обиду невинной женщины Смотритель Леббик скормит свиньям.

Артагель улыбнулся в ответ. Тогда командир распрямил плечи и уже более раскрепощенно спросил:

— Чем могу быть полезен?

Териза не представляла, как объяснить ему цель своего визита; но ее спутник спокойно ответил:

— Леди Териза осматривает Орисон. Она пожелала посетить подземелья.

Стражник с лентой на руке заколебался и посмотрел с подозрением.

— Смотрителю это может не понравиться.

Артагель улыбнулся шире.

— А Смотрителю знать об этом не обязательно.

Териза сжалась. Она почувствовала, что люди вокруг нее стали менее дружелюбными.

— Если так, — медленно заметил командир, — то не тебя съедят живьем. А *меня*.

— Почти так. — Артагелю, казалось, это начинало нравиться все больше и больше. — Но вот что могу пообещать в утешение: с моей стороны тебе ничто не грозит, а вот тот, кто шепнет хоть слово Смотрителю, так легко не отделается.

Артагель и командир стражников некоторое время мерили друг друга взглядами. Лицо стражника при этом постепенно менялось, пока на нем не показалась улыбка, такая же открытая, как у Артагеля. Он отстегнул от пояса связку ключей и протянул ее спутнику Теризы.

— Даже представить не могу, зачем вам понадобилось побеседовать с Мастером Эремисом. Да и не хочу этого знать. Только не выпускайте его.

— Беседовать с Мастером Эремисом? — Артагель был изумлен. — Ты, наверное, шутишь. Я предпочел бы улечься в змеиное гнездо.

— Тут он не прав, — гоготнул кто-то из стражников. — В гнезде со змеями реже попадаются женщины.

И все рассмеялись — за исключением стражника, усердно точившего меч. Этот человек хмурился, словно все вокруг него говорили по-иностранному.

Артагель помахал ключами.

— Мы скоро вернемся. — Затем сказал Теризе: — Пойдемте, леди, — словно не замечая, что она судорожно цепляется за его руку. Они одновременно переступили порог и оказались в коридоре, ведущем к камерам подземелья.

Когда они отдалились от караулки, Териза тихо спросила:

— Вы действительно готовы убить того, кто предаст вас?

— Конечно же, нет, — ответил Артагель небрежно. — Именно поэтому мы в безопасности. Если бы они действительно боялись меня, кто-нибудь обязательно проговорился.

Но почему-то его слова не показались ей убедительными.

Превозмогая стеснение в груди, она вдыхала пропитанный гнилью воздух и пыталась вспомнить, зачем оказалась здесь.

Поговорить с Мастером Эремисом. Сообщить ему все, что узнала от короля. Объяснить, что следует делать, в чем заключается настоящая опасность для Морданта. Чтоб он смог решить, как поступить теперь, когда его попытка создать союз Гильдии с лордами провинций и принцем Крагеном провалилась.

Увидеть его снова и понять, чего он хотел от нее, почему при одной мысли о нем ее сердце трепещет.

Териза чувствовала, как оно тяжело бьется в груди, когда следом за Артагелем, поворот за поворотом, ответвление за ответвлением, шла туда, где начинались камеры.

Видимо, потому, что подземелье было так надежно изолировано от остального замка, здесь отсутствовали солидные двери, чтобы запирать обитателей внутри; камеры представляли собой ниши в каменном основании замка, в восемь или десять футов глубиной, довольно просторные для размещения низких нар и умывальника на задней стене. Переднюю стену заменяла тяжелая железная решетка, врезанная в камень; запирающаяся на засов дверь служила для входа и выхода.

Все ближайшие камеры пустовали; похоже, нынешний стиль правления короля Джойса не обеспечивал Смотрителя достаточным количеством заключенных. Однако свет лампы в отдалении обозначил камеру, которая все же оказалась занята. Териза и Артагель направились к ней, шурша соломой, покрывавшей пол. Когда они проходили мимо единственной лампы,

освещавшей коридор, их тени на стенах камер принимали устрашающие очертания.

Еще не добравшись до камеры с узником, расположенной за пределами освещенного пространства, они услышали высокий голос Мастера Эремиса.

— Удивительно. Мне казалось, что меня не скоро побеспокоят. Сейчас не время для еды. Или арестованы новые невиновные? Или Смотритель получил разрешение короля Джойса на применение ко мне пыток? — И закончил он почти весело: — Или мне позволено свидание?

— Вы в хорошем настроении, Мастер Эремис, — сухо сказал Артагель, когда они с Теризой добрались до камеры. — Надеюсь, у вас есть для этого повод: насколько я помню, ту, что сидела здесь до вас, Леббик казнил через два дня после заключения. Шпионка Кадуола. Во всяком случае, он объявил ее таковой. А до нее сидел вор, которому отрубили руки.

На первый взгляд камера казалась такой же пустой, как и соседние. Маленькая масляная лампа, установленная на умывальнике, освещала драное одеяло, прикрывавшее матрас на нарах, но не высвечивала Мастера Эремиса. Зато свет мягко отражал влагу, выступившую на холодном граните.

Внезапно самое темное пятно зашевелилось и обрело очертания.

Он уселся на краю нар как можно дальше от лампы, просторный плащ помогал ему слиться с темнотой. Его лицо и руки казались Теризе блеклыми пятнами на старом камне стен.

На нем не было мантии. Он снял ее — или ее у него отняли.

— Миледи, — тихо сказал он. Теперь его голос был спокойным, с интимными нотками. — Я хотел, чтобы вы пришли.

Это признание коснулось самых глубин ее сердца. Эремис подобрал ключ, заставивший ее трепетать. Никто, кроме Джерадина, никогда не говорил ей ничего подобного. И ни у кого в мире не было голоса, с такой магнетической вибрацией исторгающего беспредельную страсть. Все ее причины появления здесь мгновенно изменились в соответствии с услышанным: *Я хотел, чтобы вы пришли.*

Не раздумывая, она сказала Артагелю:

— Разрешите мне войти. Я должна поговорить с ним.

Артагель с удивлением глянул на нее. Но выражение лица Теризы, похоже, убедило его, что спорить не следует. Пожав плечами, он подошел к двери, попробовал несколько ключей, пока не подобрал нужный, и открыл камеру воплотителя.

Прежде чем здравый смысл или робость успели сформировать в ее сознании вопрос, что же она делает, Териза шагнула в камеру.

В то же мгновение Артагель закрыл дверь. Спокойно и невозмутимо он сказал:

— Я буду поблизости. Вам стоит только повысить голос. Если он попытается что-то натворить, я убью его быстро — он даже не заметит, как это произойдет.

И тихо отошел на несколько шагов дальше по коридору.

Териза не обращала на него внимания. Она неотрывно смотрела на Эремиса.

Мастер не покидал своего места на нарах. Он молчал. Его почти не было видно в тусклом свете. Двинувшись к нему, она невольно внутренне сжалась.

Нары были низкими; несмотря на высокий рост, Эремис доставал ей лишь до плеча. Но когда Териза оказалась достаточно близко, он чуть приподнялся, притянул ее к себе, между расставленных колен, и нагнул ее голову вниз, чтобы впиться в губы жадным поцелуем. В его дыхании она почувствовала запах вина и похоть.

Страстность его объятий и жадность поцелуя, казалось, совершенно преобразили ее. Она отвечала так, как он сейчас учил ее, пытаясь сделать свой поцелуй таким же интимным, как его. Прошло много времени, прежде чем она вспомнила о других причинах появления здесь: что она поневоле пополнила ряды противников короля Джойса и судьба Морданта может зависеть от того, что она расскажет Мастеру Эремису. И что в действительности они не одни.

Териза с усилием отстранилась от Мастера и, пытаясь выровнять дыхание, пробормотала:

— Я пришла вовсе не за этим.

— Неужели? — Продолжая удерживать ее коленями и одной рукой, он поднял вторую и принялся расстегивать пуговицы на ее рубашке. — Но для меня вполне достаточно и этого.

И снова поцеловал ее.

Когда она вновь отстранилась, его опытные пальцы потянули в стороны полы рубашки.

— Артагель нас увидит. — Несмотря на душевную тревогу, Териза не сопротивлялась, лишь очень тихо возражала. Она хотела, чтобы Мастер касался ее.

— Он ничего не увидит, если вы не повысите голос. Артагель — честный малый.

Его рука проскользнула под рубашку. Холодные пальцы моментально заставили соски набухнуть, и ее грудь сладко заныла в томлении.

Собственная покорность и неожиданные чувства привели ее в смятение; ей с трудом удавалось думать. Но все же она сделала еще одну попытку отстраниться.

— Я только что беседовала с королем. Я пришла к вам прямо от него.

К ее разочарованию — и в то же время облегчению, — Мастер ослабил хватку.

— Разговор с королем, — пробормотал он, чуть отпрянув, чтобы посмотреть ей в лицо, — это такая честь, что весь Орисон и половина Морданта должны завидовать вам. Чего же хотела старая развалина? — Он говорил, поглаживая ее грудь. — Неужели в нем осталось еще достаточно жизни, чтобы вознамериться занять мое место?

— Смотритель Леббик явился арестовать меня. — Териза хотела объяснить все как можно подробнее, чтобы он понял: она выяснила нечто важное; но получалось какое-то маловразумительное бормотание. — Тор и Джерадин остановили его. Но король Джойс все равно хотел поговорить со мной. — Разозленная собственной беспомощностью, она остановилась, сделала глубокий вдох и сказала более спокойно: — Он не старая развалина. Он прекрасно знает, что делает. Он делает все это с какими-то намерениями.

Резкие черты Мастера ничего не выражали, но он внезапно замер, и она вдруг поняла, что сказала нечто важное. Эремис медленно опустил голову.

— Миледи, вы должны рассказать мне все. С самого начала. Почему Леббик решил вас арестовать?

Его внимание действовало на нее магически: она стала увереннее, сильнее. Смущение мгновенно пошло на убыль.

— Полагаю, по той же причине, что и вас. Я знаю, вы нарушили один из приказов короля, но, думаю, не это послужило поводом для ареста. Настоящая причина в том, что он догадался о встрече с лордами и принцем Крагеном. Он считает нас всех предателями.

Теперь его объятия, его лицо, лишенное всякого выражения, давление его коленей действовали на нее успокаивающе. Она могла рассказать ему все что угодно. Но тем не менее не упомянула ни о Мисте, ни о тайном ходе; ни слова не сказала о Мастере Квилоне. Она как бы инстинктивно сфокусировала свое повествование на нападении, происшедшем после неудачной встречи с лордами, на кровавом побоище, которое привело Смотрителя Леббика к ней; на выводах, которые сделал Смотритель. Затем объяснила, как Тору и Джерадину удалось спасти ее от ареста.

После этого Териза стала более осторожной. Прекрасно понимая, что лжец из нее никудышный, она все же сказала:

— Он хотел поговорить со мной о своей дочери Мисте. Она исчезла. Джойс думал, я знаю, где она. Я делала вид, что знаю, пытаясь заставить его разговориться. — И, торо-

пясь скорее отдалиться от своей лжи, она поведала об ответах, которые дал король Джойс на ее вопросы.

Мастер Эремис наконец стал реагировать на ее информацию. В слабом свете лампы Теризе казалось, что она видит удивление, ярость, возбуждение, волнами накатывающие на нее из окружающей его тьмы. В одном месте он невольно выдохнул: «Старый мясник», в другом прошептал: «Хитро, хитро. Меня предупреждали, но я не верил...» Выводы, с той же стремительностью, что и эмоции, мелькали в его глазах.

Когда Териза закончила, Мастер на несколько минут погрузился в глубокую задумчивость. Он не отпускал ее, но все же создалось впечатление, что они отдалились друг от друга. Териза даже не пыталась высвободиться. После недолгого молчания Мастер сказал:

— Что ж, значит, все не так уж плохо, как я опасался.

И тут же его внимание вернулось к ее телу. Разглядывая черточки ее лица, он беспристрастным тоном произнес:

— Вы оказали мне неоценимую услугу, миледи. Я удивлен. Конечно, я обещал, что буду обладать вами, — он сдавил ее коленями, — и вы моя. Ни одна женщина не может отказать мне. Но я не мог не заметить, что вы оказываете слишком много внимания этому щенку Джерадину. Явившись сюда, вы рисковали куда большим, чем просто навлечь на себя ярость Смотрителя Леббика. Почему вы решились на это?

Значит, то, что она совершила — правильный поступок. Она помогла ему. Понимание этого сделало ее такой слабой, такой безвольной, готовой ради Эремиса на все, что она едва могла собраться с силами и ответить на его вопрос. Будь Териза посмелее, она бы вновь поцеловала его. Но он нуждался в ее ответе, так же как она — в том, чтобы ему этот ответ дать.

Лихорадочно пытаясь определить главное из своих побуждений, она сказала:

— Король Джойс делает все вполне сознательно. Я не знаю почему — это за гранью разума. Но он отказался защищать Мордант не просто так. Кто-то противостоит ему. Вы здесь единственный, у кого достаточно инициативы — ума — решительности — для *действий*. Все остальные только ждут, когда же наконец король Джойс опомнится и начнет объяснять свои поступки.

Мастер молчал, похоже, ничуть не тронутый столь лестным отзывом в его адрес.

Мгновение она пребывала в нерешительности. Затем выдохнула:

— У вас есть враги. В Гильдии завелся предатель. Вас предали.

Лицо Эремиса застыло, словно окаменело. Его глаза изучали Теризу, тело напряглось.

— Миледи, — сказал он тихо и чуть насмешливо, — к такому выводу вы не могли прийти самостоятельно. Кто подсказал вам его?

«Прошу вас! Сделайте так, чтобы я почувствовала уверенность в себе. Вы можете сделать со мной все что угодно». Она почти не слышала себя, когда произносила ответ:

— Джерадин.

Этого говорить не стоило. Она кожей ощутила раздражение Мастера.

— Что ж, теперь я понимаю, — прошипел он. — Вы привязаны к нему больше, чем я предполагал. Конечно же, *Джерадин* не сомневается, что в Гильдии завелся предатель. — Он пожирал ее глазами. — Но почему он сообщил об этом вам?

Прежде чем Териза смогла ответить — прежде чем она смогла понять эту внезапную ярость, — его раздражение сменилось удивлением.

— Какой хитрый сукин сын! — пробормотал он. — Конечно же, он высказал вам свои опасения. И именно по этой причине, а не по какой-либо иной вы сочли несущественным тот факт, что сам он служил предателю.

Териза была слишком потрясена, чтобы произнести хоть слово. *Сам он служил?..* В камере было холодно, слишком холодно. Нужно застегнуть рубашку. От Мастера, казалось, не исходило ни капельки тепла. Мог ли Артагель слышать их беседу? Вероятно, нет; в противном случае он уже проткнул бы Эремису горло мечом.

Джерадин?

— Миледи, вам следует научиться рассуждать более логично. — В голосе воплотителя пробивались нотки симпатии. — Я знаю, юный сын Домне кажется вам привлекательным. Это вполне объяснимо, особенно если принять во внимание тот факт, что именно он вас создал. Если бы вы не пришли ко мне сами, по доброй воле, я не сказал бы вам ничего подобного. Я лишь подарил бы вашему прекрасному телу любовь, для которой оно создано, любовь, которую оно заслужило, — и держал бы свои мысли при себе. Но если вы хотите помочь мне, вам следует пользоваться своим разумом более эффективно.

Давайте примем во внимание все доводы, которые мог привести Джерадин, объясняя свою убежденность в том, что в Гильдии засел предатель, и добавим к этому все нам известное. И не забудем о сакраментальном вопросе, который упомянул Леббик: куда подевался Мастер Гилбур? Вам не кажется, миледи, что он-то, похоже, и есть тот самый предатель?

Да, подумала она, утопая в объятиях его рук, коленей и взгляда. Нет. Как он мог предвидеть, что я приду на ту встречу? Как он мог знать, где я буду после нее, чтобы воплотить

туда этих напавших на меня людей? (И разве воплощение посредством плоского зеркала не лишает человека рассудка?) Но эти аргументы, казалось, не имели смысла. Ведь именно Гилбур после всего этого исчез.

— Признаюсь, — тихо сказал Эремис, — я и не подозревал, что он может оказаться предателем. По глупости я верил ему просто потому, что он был мне многим обязан. Но когда Джерадин отправился в зеркало ради того, чтобы найти нашего Воина, и привел вместо него вас, мои глаза открылись.

Миледи, вы никогда не пытались понять, почему я делаю то, что делаю? Вы никогда не задавались вопросом, почему я пригласил Мастера Гилбура на встречу с лордами провинций, когда Гильдии совершенно ясно, что у нас почти на все противоположные точки зрения? Я пытался нейтрализовать его, создать такие условия, чтобы он скомпрометировал себя. И я преуспел...

Но слишком дорогой ценой, — заметил он. — Стена Орисона проломлена. Воин исчез. Я арестован. И этот прихлебатель Барсонаж сорвал с меня мантию, чтобы продемонстрировать Смотрителю лояльность Гильдии.

Он с отвращением хмыкнул.

— Вас никогда не удивляло, почему я всегда так высоко ценил Джерадина? Я всегда добивался его дружбы, убеждал сделать меня своим советчиком — чтобы иметь возможность изучать его оригинальные способности.

Вы никогда не задавались вопросом, почему я хотел, чтобы Гильдия признала его Мастером? Это могло показаться странным даже вам, так мало знающей об Орисоне и конфликтах, происходящих в его стенах. В этом я не преуспел. О, я частично добился желаемого — узнал, как наш славный король вел себя при первой встрече с вами. Эта информация могла бы мне помочь, будь у меня ключ к ее пониманию. — Его голос становился все резче, настойчивее и требовательнее. — Но мне не удалось достичь главного — сделать так, чтобы Джерадин постоянно был под чьим-то наблюдением, пускай даже тех болванов, которые относятся к нему с презрением, чтобы его тайны вышли наружу и его подлинный талант проявился в полной мере — талант, которого он не замечает, ослепленный страстным желанием исполнить мечту своей жизни.

— Нет. — Протест Теризы был настолько решительным, что Эремис замер. — В этом нет никакого смысла. — Слова Мастера вызывали в ее сердце боль. — Какой талант? — Почему вы думаете, что его с Мастером Гилбуром что-то связывает?

— Да подумайте же! — Эремис стиснул зубы. — Именно Гилбур отлил зеркало, которое впервые показало нам Воина. Именно он учил Джерадина копировать свое творение,

наблюдал за каждой ступенью процесса, от очищения красителя и высеивания нужного песка до полировки поверхности. Он должен был видеть, что сделано неверно, почему зеркало изменилось так, что воплотило сюда вас.

Подумайте! Создавая это зеркало, Джерадин проявил способности, которые никто другой никогда не проявлял, способности, позволяющие ему по своему желанию нарушать все законы воплотимого, способности просто невероятные — только Архивоплотителю удавалось проходить сквозь плоское зеркало, не теряя разум.

Гилбур наверняка понимал это. Он ведь был свидетелем происходящего. *И тем не менее он никому ничего не сказал.* Его глазам предстало нечто феноменальное, и он даже не упомянул об этом.

Какой вывод можно из этого сделать, миледи? Какой вывод *можно* сделать? Или вы собираетесь настаивать на моей неправоте?

Нет. Она с трудом покачала головой, и ее сердце затрепыхалось. На этот раз она не позволила ему убедить себя. В своей логике, как и в своей физической притягательности он был для нее неодолим. Если она примет его предположение о предательстве Мастера Гилбура, тогда все остальное будет неотвратимым следствием. *Именно он учил Джерадина...* Почему она сама не догадалась?

Это вполне возможно, тупо спорила она с собой, едва не лишаясь чувств, но это не помешает Джерадину оставаться ее другом. Джерадин желает ей только добра. Если он действительно такой неудачник и невезучий, как все считают...

Цепляясь за соломинку надежды, она выдохнула:

— Может быть... может быть, вы... Вы видели, что случилось, когда он хотел помешать Мастеру Гилбуру воплощать Воина? Может быть, его просто использовали, и он не догадывался об этом. — У нее заломило виски. — Может быть, он был просто введен в заблуждение, когда создавал свое зеркало, — возможно, он *думал*, что делает точную копию. Откуда Джерадину было знать, что Мастер Гилбур его обманывает? Может быть, этими «способностями» обладает Мастер Гилбур, а не Джерадин.

Мастер Эремис тряхнул головой.

— Это тоже допустимое предположение. — Он помрачнел. — Почему, вы думаете, я веду себя осторожно, а не перехожу к прямым действиям? Я опасаюсь причинить вред тому, кто, может быть, невиновен. Но помните о двух вещах, миледи.

Первая — факт. Именно Джерадин явно фигурирует в предсказании, а не Гилбур. Об этом нельзя забывать.

Вторая — просто предположение. Допустим, Джерадином манипулировали, но точно так же можно предпо-

ложить и то, что они с Гилбуром ссорились исключительно для маскировки, так что теперь Джерадин может продолжать свою работу, несмотря на то что Гилбур сбежал.

Териза тут же воскликнула:

— Это невозможно! — так страстно, что сама удивилась. Они с Джерадином были вместе погребены заживо. — Мастер Гилбур чуть не убил его!

— Да ну! — Эремис внезапно снова впал в ярость. — Гилбур мог не ожидать — или не хотеть — этого. Он был слишком занят воплощением. — Он сильнее сжал ее коленями. — Не испытывайте мой ум.

Ее сопротивление исчезло так же быстро, как и появилось.

— Простите, — сказала она с дрожью в голосе. — Не надо сжимать так сильно, мне больно. — Его лицо оказалось в полной тьме; она не могла разглядеть ничего, кроме очертаний на фоне стены. — Я не привыкла к такого рода рассуждениям.

К несчастью, это, видимо, было совсем не то, что он хотел от нее услышать. Его объятие, доставлявшее телу боль, стало каменным. Теризу охватила паника.

— Чего вы хотите от меня?

Он не перестал сжимать ее коленями и не ослабил объятий, но его тело стало немного мягче.

— При других обстоятельствах, — пробормотал он хрипло, — я не позволил бы вашему телу служить иным целям, нежели те, для которых оно создано. Но я нуждаюсь в вашей помощи.

Вот каких действий я хочу от вас. — Он расстегнул последние пуговицы и рывком распахнул ее рубашку. — Я хочу, чтобы вы продолжали поддерживать видимость дружбы с юным Джерадином. — Ее грудь была открыта холодному воздуху и влажному дыханию Мастера. — Я хочу, чтобы вы вместо меня следили за ним, выискивали малейшие признаки его предательства или его таланта, запоминали каждое его слово, действие или рассуждение. То, что может показаться вам незначительным, возможно, для меня окажется очень важным.

Не говорите ему ничего. Не говорите ему даже, что вы беседовали со мной. Если удастся, заставьте Артагеля поклясться, что он будет молчать. Никому не сообщайте, что мы союзники.

Поводя головой из стороны в сторону, он ласкал влажным языком ее соски, заставив их отвердеть, заставив их возжелать его. Затем его губы стали целовать ее грудь.

Териза не могла сопротивляться. Она чувствовала, что теряет рассудок, прижимается к нему так, чтобы его губы и руки ласкали ее сильнее. Она уже могла представить себе, что сейчас обовьет руками его шею и еще сильнее прижмется к нему.

Но, кроме того, он просил ее поддерживать видимость... Следить... Осознание этого было подобно удару в живот. Он просил ее предать Джерадина. *Джерадина!* Она уже усомнилась в нем сегодня, и он почти мгновенно доказал свою преданность. Он помог ей сохранить разум и сознание, когда они лежали под обломками в зале заседаний. Действовать на основе схоластического рассуждения, что он *может* быть нечестным... Какая несправедливость. Он преданнее всех прочих. Разве он не заслужил ответной преданности?

Неужели она может предать его?

Неужели она может отвергнуть доводы Мастера Эремиса относительно действий пригодника, вмешательство Мастера Эремиса в дела Морданта, его стремление оказать помощь?

Оба, Мастер и Джерадин, пытались объяснить ей, кто она такая.

Не поднимая головы — не прекращая поцелуи и ласки, от которых, казалось, сердце Теризы готово было выпрыгнуть из груди, ласки, все более разжигающие в ней страсть, — он настойчиво шептал:

— Вы моя. Уверяю вас. Едва вы подумаете о другом мужчине, едва вы посмеете усомниться во мне, — вы вспомните мои губы, ласкающие вашу грудь, и возжелаете меня. Вы будете поступать с Джерадином так, как я прошу.

— Да. — Она была бессильна произнести что-либо другое. Скованность, еще остававшаяся в ней, не позволяла быть активной в его объятиях. Пусть он управляет ее неопытной страстью, а она полностью доверится ему. Но Теризу раздирали противоречия.

— Вы сделаете все, о чем я прошу, — повторил он словно заклинание.

— Я сделаю все, о чем вы просите.

— Когда я выйду из этой камеры, когда я буду освобожден... Я не сомневаюсь, что меня скоро освободят. Если Леббик не догадается о моей невиновности, я выйду из камеры сам, назло ему. И когда я буду свободен, то приду к вам. Тогда мы насладимся поцелуями и я стану полным обладателем этой красоты. Не останется ни одной частички вашего женского естества, которой я не буду обладать — и ни одной части моего мужского естества, которой вы не примете.

— Да, — ответила она снова. Сейчас ей хотелось того же, чего и ему, несмотря на отвращение, которое она к этому питала. — Да. — Как если бы хорошо знала, что его обещания означают.

— В таком случае... — он внезапно отстранился, отпуская руки и ослабив колени, — вы должны покинуть меня. Не будет никакой пользы, если Леббик застанет вас здесь. Даже если он не зайдет настолько далеко, чтобы заточить вас, он на-

верняка сделает все возможное, чтобы мы больше не встретились и не поговорили. Застегните рубашку и позовите Артагеля.

Перемена в его поведении и манерах была настолько резкой, что она зарделась от захлестнувшего ее стыда.

— Да. — Почему она, словно неразумное дитя, продолжает обещать ему свое согласие? — Да. — Поведение ее отца менялось резко и непредсказуемо, он переходил от миролюбивого спокойствия к буйной ярости в результате каких-то таинственных причин, недоступных ее пониманию. Лицо ее пылало, болью сводило живот; она не смела взглянуть на Мастера Эремиса. Териза отвернулась и дрожащими руками принялась торопливо застегивать рубашку и заправлять ее в брюки.

Голосовые связки отказывались повиноваться. Она прошептала:

— Артагель.

— Говорите громче, миледи, — посоветовал Мастер Эремис с холодной веселостью. — Вряд ли он вас слышит. Громче.

— Артагель, я закончила. — Ее голос перешел в хрип.

Он хочет, чтобы я предала Джерадина.

Артагель тенью возник у решетки камеры. Дверь открылась.

— Миледи, — пробормотал он, предлагая ей руку.

Пока Териза шла к Артагелю, чтобы принять его помощь, каменное молчание Мастера за спиной вырастало словно стена.

Артагель вывел ее из камеры, задержался лишь на миг, чтобы запереть дверь, и повел по коридору, подальше от взгляда Мастера Эремиса.

— Миледи, — яростно прошептал Артагель, когда они отошли достаточно далеко, чтобы Мастер Эремис не мог их услышать, — с вами все в порядке? Что он сказал вам?

Беспокойство в его голосе было внезапным и несомненным, таким, как у брата, и Териза, почувствовав слабость в коленях, споткнулась.

Неосознанная страсть и стыд. Желание и разочарование. Мастер Эремис прав: она никогда не сможет забыть прикосновений его языка и губ; она принадлежит ему; он может делать с ней все что пожелает. Но чего он желает? Чтобы она шпионила за человеком, которому больше всего хочет верить, от чьей улыбки поет ее сердце. Предать...

Артагель крепко сжал ее руку.

— *Териза.* — В его глазах горел тревожный огонь. — *Что этот сукин сын вам сказал?*

Как больно. Она была готова заплакать из протеста. Но это все испортит. Артагель — брат Джерадина. Несмотря на его настойчивость и убийственную полуулыбку, она не могла сказать ему о том, что нарушило ее душевное равновесие. Если она это сделает, то он обязательно сообщит обо всем Дже-

радину. Это она ясно понимала. Он, возможно, предпочтет утаить кое-что от Смотрителя Леббика, но не станет ничего скрывать от Джерадина.

Рассказать ему все сейчас означало бы трусливо и вероломно предать Мастера Эремиса, отказать ему в доверии и поддержке, уничтожить свою страсть. Как она после этого посмотрит в глаза Джерадину и признается, что предпочла его дружбу любви Эремиса лишь потому, что была недостаточно смелой, чтобы поступить по-другому.

Собравшись с силами, она выпрямилась, твердо стала на ноги и прекратила цепляться за Артагеля.

— Простите. — Она пригладила руками волосы, пытаясь хоть как-то обуздать свои чувства. — Мне кажется, я еще не совсем пришла в себя после вчерашнего.

— Вы уверены, что причина в этом? — В голосе Артагеля появились грубые интонации. — Вы чувствовали себя лучше, когда пришли сюда. А теперь выглядите так, словно Эремис пытался вас обесчестить.

Это было настолько недалеко от истины, что Териза рассмеялась.

Ее смех, безостановочный, на грани истерики, не смог его убедить.

Как найти более разумное объяснение, развеять его тревогу?

— Простите, — повторила она, пытаясь сдержать смех. — Я не вполне понимаю, что со мной происходит. Только что мне преподали урок унижения.

Вы уже знаете, я хотела сделать так, чтобы люди, защищающие Мордант, вступили в диалог. — Внезапно искусственная веселость испарилась, и она почувствовала, что вот-вот заплачет. — Но это оказалось гораздо сложнее, чем я думала.

Какое-то время он внимательно изучал ее. Потом взял ее руку, положил под нее свою и повел в сторону караулки.

— Не надо из-за этого так беспокоиться, миледи. Попробовать стоило. Стоит пробовать и дальше. Но Мастер Эремис, к сожалению... — его улыбка была слишком печальной, чтобы принести ей утешение, — не самый многообещающий материал для работы.

Пытаясь отвлечь его, она спросила:

— А правда, что вы когда-то были друзьями? До того, как Джерадин убедил вас относиться к нему иначе?

Он пожал плечами.

— Не совсем так. Не совсем. Мне он никогда не нравился, но у меня не было повода относиться к нему с недоверием, поэтому я держал свое мнение при себе. — Он посмотрел на Теризу. — Джерадин понимает в таких вещах больше, чем я. К

тому же он намного лучше знает Эремиса. Вы могли бы поговорить с ним.

Она не хотела встречаться с ним взглядом.

— Вы полностью доверяете Джерадину, не так ли?

Артагель без колебаний ответил:

— Он мой брат.

— Это единственная причина?

Ее вопрос вызвал у него усмешку.

— Нет, миледи, это не «единственная причина». Это по меньшей мере две причины — жизненный опыт и родство. У нас есть еще пятеро братьев, как вам известно. Я мог многократно убедиться, как он относится к своим братьям. — Он нахмурился и отвернул от нее лицо. — Миледи, неужели Эремис пытался убедить вас, что вы не должны верить Джерадину?

Мысленно одернув себя, она сказала:

— Нет, я имела в виду вовсе не это. Просто ваша позиция кажется мне довольно странной. Насколько я могу судить, вы единственный в целом Орисоне, кто верит всякому. Даже Эремис хочет привлечь вас на свою сторону. — Неожиданно проявившаяся способность лгать — использовать часть правды для сокрытия полной картины — поразила Теризу, но в то же время вызвала у нее отвращение. — Я хочу узнать, почему вы верите Джерадину, потому что хочу понять *вас.*

Похоже, Артагель поверил ее объяснению, но готового ответа у него не было. После напряженного раздумья он сказал, прикрывая подчеркнутой игривостью свое замешательство:

— Открытый образ жизни, миледи. Тот, кто скрытен, не верит никому. Я веду более открытую жизнь, чем все остальные, и потому так легко верю всем.

Его слова претендовали на шутку, но Териза просто приняла их, потому что таким образом избавлялась от его серьезности.

— Я никогда не задумывалась об этом в подобном аспекте, — ответила она, следуя за ним по коридору, ведущему в караулку.

Из караулки они вернулись в бальный зал, потом в главные коридоры Орисона. Сейчас ей хотелось, чтобы Артагель поскорее оставил ее; разговаривая с ним, она была не в состоянии прятать свои чувства. Но Артагель с обескураживающей галантностью вызвался проводить ее до комнат. Ей не удалось избавиться от него, пока они не добрались до ее башни. Поспешно поблагодарив его, Териза устремилась вверх по лестнице, как будто спасалась от него бегством.

На самом же деле Териза убегала не от него, а от опасности, которую он представлял, — опасности предать огласке выбор, сделанный ею, прежде чем сможет проверить его

правильность. Она сказала *да* Мастеру Эремису и повторила это *да*; но боль в животе становилась все сильнее. Артагель слишком напоминал Джерадина, — а она была нечестной и по отношению к нему тоже, — и оттого требование вызывало у нее еще большее омерзение.

Поддерживать видимость дружбы.

Следить за ним.

Ничего ему не говорить.

Она боялась, что ее стошнит, прежде чем она доберется до своих комнат.

Когда Териза подошла к двери, один из стражников шагнул вперед, отвесил ей неуклюжий поклон и сказал с ироничной вежливостью:

— Миледи, у вас гость.

Гость? У нее? Прямо сейчас? Ох, только не это. Она чувствовала себя такой слабой. Но выработанная с детства способность владеть собой, не проявляя внешне каких-либо эмоций, помогла ей твердо стоять на ногах с высоко поднятой головой и говорить спокойным голосом.

— И кто же это?

Стражник выглядел крайне смущенным.

— Мы не могли отказать ей, миледи. Да и вы не запрещали впускать гостей в ваши комнаты.

Териза совершенно не воспринимала его оправданий.

— Кто это? — повторила она.

— Леди Элега. — И добавил: — Мы не могли отказать ей, сами понимаете, она — королевская дочь.

Териза словно издалека услышала собственные слова:

— Ну конечно же. Вы поступили правильно.

Но на самом деле все это сейчас было ей безразлично. Леди Элега — всем недовольная и нетерпеливая сестра Мисте. Териза не беседовала с ней с того самого нервозного и унылого обеда. Тогда Элега пыталась поучать ее: *Мы — женщины, такие же, как вы, а не самовлюбленные мужчины, алчущие власти. Нам можно доверять. Не нужно притворяться, когда вы с нами.* Териза вспомнила презрительный взгляд леди Элеги, когда она, Териза, отказалась сбросить «маску обычности», и почувствовала себя сейчас примерно так же, как тогда.

«Чего она хочет на сей раз?» — превозмогая усталость, вопрошала себя Териза.

А когда поняла, сердце ее забило тревогу.

Мисте.

Она с трудом осознала, что все еще тупо стоит перед открытой дверью, которую придерживает один из страж-

ников, и оба стражника явно стараются не замечать ее растерянности. Заставив себя двигаться, она торопливо вошла в гостиную.

Элега стояла у окна, так же как когда-то стояла Мисте. И, подобно Мисте, она была прекрасна. Но ее красоту, казалось, создавала игра света ламп и пламени в камине, а так же контраст с серой зимой за окном. Ее кожа была такой же светлой, как коротко стриженные волосы, и все это подчеркивалось сверкающим фиалковым цветом глаз. Ее одежда и драгоценности, ее манера держаться вполне соответствовали статусу коронованной особы. Тем не менее весь этот антураж несколько нарушался совершенно очевидной резкостью и порывистостью, исходившей из каждой клеточки ее существа.

Едва дверь затворилась, Элега сразу же отошла от окна, сделала несколько шагов по направлению к Теризе и замерла. Ее взгляд напомнил о существенном различии между королевскими дочерьми. У Элеги он был испытующим, проницательным, четко фиксирующим все, находящееся в пределах видимости. Но, как и у Мисте, в выражении ее лица постоянно проглядывало легкое возбуждение, сознание вседозволенности.

— Миледи, — сказала она тихо. — Териза, я надеюсь, вы извините меня за вторжение. Я не знала, когда вы вернетесь, и не хотела ждать в коридоре.

Териза не была готова к подобной ситуации. Все, чего ей хотелось, это сесть поближе к камину, чтобы изгнать холод из костей, и пить вино, пока живот не перестанет болеть или не переполнится. Но все-таки придется побеседовать с Элегой — ради Мисте. Двигаясь почти механически, она указала на бокалы и кувшин с вином, который Саддит уже вновь наполнила.

— Вы составите мне компанию? Я хотела бы выпить вина.

— Спасибо.

Элегу, очевидно, не интересовало вино, но она все же взяла бокал, протянутый ей Теризой, словно для демонстрации доброй воли.

Териза сделала больший глоток, чем подсказывали хорошие манеры или здравый смысл, и снова наполнила бокал. Не сообразив предложить Элеге сесть, она устроилась в кресле, стоявшем поближе к жаркому пламени. Она только сейчас поняла, насколько продрогла. Как долго она стояла в камере Мастера Эремиса с расстегнутой рубашкой?..

— Териза? — Голос Элеги доносился до нее как сквозь пелену. — Вы здоровы?

Она с усилием оторвала взгляд от огня.

— Слишком много всего произошло. — По сравнению с голосом Элеги ее голос звучал глухо. — Я всего этого не

понимаю. — И, вспомнив о вежливости, добавила: — Присядьте. Давайте поговорим о том, что вас беспокоит.

Какое-то мгновение Элега колебалась. Сомнения ясно отражались на ее лице. «Должно быть, я выгляжу ужасно», — подумала Териза. Но внезапно леди приняла решение. Сначала она согласилась сесть. А вслед за тем решительно, хотя и тихо спросила:

— Териза, где Мисте?

Вполне естественно, что Териза, будучи в таком состоянии, восприняла этого вопрос как упрек от короля Джойса, якобы обнаружившего ее ложь. С подозрением глядя на дочь короля, она кисло ответила:

— Это ваш отец послал вас побеседовать со мной?

Элега удивленно подняла брови.

— Нет. А почему он должен был это сделать? — Постепенно в ее тоне возобладали нотки уверенности. — Сомневаюсь, что он вообще знает о ее исчезновении. А если даже знает и рассчитывает, что я буду задавать за него вопросы, которые полагается задавать отцу, — я просто откажусь. Я его дочь, но он не вправе требовать от меня соблюдения таких обязанностей, поскольку сам не соблюдает своих обязанностей.

Нет, — повторила она. — Я спрашиваю, потому что это вызывает у меня беспокойство. Моя сестра не самая умная и не самая практичная женщина в Орисоне. Ее мечтам часто не хватает для равновесия здравого смысла. Я боюсь, что она может наделать глупостей.

Териза, где она?

Териза снова отвернулась к огню, чтобы спрятать лицо от испытующего взгляда Элеги. Значит, когда она лгала королю, ее на лжи не поймали. К счастью. К несчастью, на вопрос Элеги все же следовало что-то ответить.

Неотрывно глядя на пламя, словно ища в нем поддержки и совета, Териза пробормотала:

— А каких ее поступков вы опасаетесь?

— Не знаю. — Неуверенность леди казалась искренней. — Могу откровенно признаться, что не понимаю ее, Териза. Реальности она предпочитает мечты. Я знаю, она страдает — как и я, — от того, что делает наш отец, — особенно от издевательства над принцем Крагеном. Чтобы король Морданта, — она потеряла контроль над собой и дала волю своей ярости, — сам давал повод для войны с Алендом? Неслыханно! — Опомнившись, она взяла себя в руки. — Но что может сделать Мисте, терзаемая внутренней болью, я не представляю. Какая причина заставила ее покинуть Орисон? Это же просто безумие! — Теперь

она заговорила спокойнее. — А может, она отправилась вслед за принцем Крагеном, пытаясь убедить его забыть об оскорблении?

Элега была довольно близка к истине, и Териза содрогнулась.

— А почему вы думаете, что я знаю, где она?

Немного поколебавшись, Элега ответила, и тон ее был подчеркнуто нейтральным, полным достоинства, но без тени превосходства.

— Я решила начать с вас, так как не уверена, что кто-либо еще в Орисоне может оказать ей помощь в совершении какой бы то ни было глупости. Она ведь дочь короля. Люди Орисона слишком ценят ее, чтобы позволить подойти к опасной черте.

Но прежде всего, — продолжала она, — потому, что я видела ее реакцию на ваше утверждение, будто вы обычная женщина.

Териза молча продолжала тупо смотреть в огонь.

— Я была поражена этим, — честно призналась Элега. — Я искренне считаю, что люди бывают обыкновенными или необыкновенными лишь в зависимости от того, какими хотят себя видеть. Нет, я далека от мысли, что любой может во всеуслышание заявлять о своем таланте, скажем, в области воплощений или управления государством, лишь потому, что у него есть желание делать это; но правда в том, что имевший несчастье родиться женщиной должен преодолевать все предрассудки мира для доказательства своих достоинств. Тем не менее я понимаю, что в своих возможностях я ограничена лишь собственной нерешительностью, а не наличием таланта или соответствующего пола.

Мисте, — она вздохнула, — считает иначе. Она не стремилась своими руками открывать двери. Она мечтала, что двери откроются для нее сами. И восприняла вас, Териза, в качестве доказательства того, что *любая* жизнь — даже самая ничтожная или смертельно скучная — способна оказаться у магически или мистически распахнутой двери, внезапно обретая возможность стать великой. — В ее голосе внезапно послышалась усталость и печаль, но не раздражение. — И теперь остается только ждать, к чему все это приведет.

У меня нет причин полагать, будто вы знаете, где она находится. Однако мне кажется, что если кто и знает, то это вы. Вы — пламя, которое привлекает ее как мотылька.

Такой взгляд на Мисте, столь безапелляционный, сколь и ошибочный, очень удивил Теризу, и она не знала, как ответить. Воззрения Элеги казались ей менее реалистичными, чем жизненная позиция Мисте. К тому же Териза еще не решила, как ей относиться к старшей дочери короля. Но сейчас все это не имело значения. В данный момент важнее всего было ее обещание Мисте.

И, словно прочитав ответ в пламени камина, она пробормотала:

— Мисте была здесь вчера, потому что хотела воспользоваться потайным ходом, идущим из моего гардероба. — Териза скорее почувствовала, чем увидела, как Элега замерла. — Она хотела попытаться уйти из Орисона так, чтобы ее не остановили. — Несмотря на мягкое потрескивание огня и едва проникающий внутрь башни вой ветра за окном, тишина в комнате была звенящей. — Она отправилась к матери.

Элега совершенно остолбенела, и Териза на какой-то миг усомнилась, способна ли она вообще двигаться. Но вдруг полным удивления голосом леди выдохнула:

— Это не может быть правдой.

В душе Теризы шевельнулось беспокойство. Она невольно обернулась и взглянула на Элегу.

Леди встала. В ее фиалковых глубинах мерцали молнии. Но это шло у нее изнутри, а внешне она отлично себя контролировала.

— Я верю, что Мисте покинула Орисон. Благодарю вас за то, что вы рассказали мне, как это произошло. Но она не могла отправиться в провинцию Файль, в Ромиш, — к королеве Мадин, нашей матери.

И Теризе вдруг захотелось вслух изобличить себя во лжи, закричать, что все это совсем не так; ей хотелось, чтобы страх и внутренняя боль всколыхнули в ней волну ярости. Но ее вмиг остановило спокойствие Элеги, и Териза была обескуражена такой реакцией королевской дочери.

— Мисте была обижена тем, — сказала она осторожно, — как король поступил с принцем Крагеном. Она не могла больше оставаться здесь и смотреть, как он уничтожает себя и Мордант, и потому решила отправиться к семье.

— Териза, — леди сделала упреждающий жест, — не надо продолжать. Все это не важно. Ложь в данном случае — признак силы, и я этому рада. Вы не пассивны — вы уже не собираетесь прятаться за маской обыденности. Ваше решение разыграть свою партию в нуждах Морданта — большой шаг вперед; такой шаг, смею надеяться, сделала и Мисте. И за это я уважаю вас.

Не удовлетворенная полученным объяснением, Териза уставилась на свою гостью. Надо было хоть что-то сказать в ответ, и она произнесла:

— Я не лгу.

Элега решительно покачала головой.

— Уверяю вас, со мной вам нет нужды притворяться. — Она замолчала и принялась шарить глазами по комнате, словно в поисках убедительного доказательства. Но, так ни на чем не остановившись, она спросила:

— Териза, что вы считаете самым уязвимым местом в обороне Орисона?

Застигнутая врасплох, Териза ответила не подумав:

— Питьевую воду.

Леди, казалось, не восприняла ее ответ всерьез.

— Почему же?

— Если отравить резервуар, замок будет обессилен.

Это, конечно, не совсем так. Небольшой ручей доставляет какое-то количество воды. Крыши и водосточные трубы помогут собрать еще немалый запас во время снегопада и дождя. Но на несколько дней по меньшей мере...

Но с какой стати они с Элегой беседуют об этом?

Улыбаясь, леди Элега вернулась к креслу, села и расправила юбку. От пронзительности ее взгляда Териза содрогнулась. Без всякого перехода Элега спокойно сказала:

— Вы пробыли в Орисоне некоторое время, и боюсь, что не многих из нас вы застали в лучшей форме. Однако у вас уже, видимо, сложилось какое-то впечатление, может быть, вы даже успели сделать некие предварительные выводы.

Что вы думаете о нас? Есть ли надежда у Орисона и у Морданта? Каково ваше мнение о короле Джойсе?

Смущенная и сконфуженная, Териза хотела ответить: нет, я не думаю, что есть какая-то надежда. До тех пор, пока вы будете вести себя здесь, со мной, подобным образом. Но она решила не рисковать. Все, что она скажет, может иметь серьезные последствия. И она деликатно ответила:

— Я думаю, он знает, что делает.

Элега улыбнулась еще шире.

— А Гильдия? Что вы думаете о воплотителях? Они поставили нас в очень сложное положение. Искренни ли они в своих действиях? Или, может быть, надо спросить иначе: есть ли в них благородство?

Териза пожала плечами. Ей совершенно не хотелось затевать со странной дочерью короля дискуссию ни о намерениях Мастера Эремиса, ни об идеях Джерадина.

— Одни из них кажутся таковыми. Другие — нет. — Подумав, Териза добавила: — Мне кажется, многие из них не ожидали от Воина такого дикого поведения.

Этот ответ, похоже, не удовлетворил Элегу, но она не отвергла его.

— А лорды провинций? Какого вы мнения о них?

Теризу охватила паника. Как?.. Пытаясь скрыть испуг, она поднялась на ноги, подошла к графину с вином и наполнила бокал. Откуда Элега могла узнать, что она видела лордов провинций? Вся комната внезапно зашевелилась, а пол заходил

ходуном. Элега знает, потому что кто-то сообщил ей об этом, — самый простой вариант. Либо потому, что принимала участие в нападениях на Теризу. Тогда, значит, все не так просто. Но в любом случае кто-то сообщил ей о встрече. У кого, скажите на милость, могла быть причина сделать это?

Териза неожиданно обнаружила, что исчерпала лимит времени на раздумья. Она пребывала в тревоге, и разговор с Элегой казался ей бессмысленным. Похоже, Теризу пытаются протестировать, проверить на что-то. Но для чего?

Осушив бокал, она прямо взглянула на дочь короля и сказала:

— Мы с принцем Крагеном беседовали о вас. Вы произвели на него впечатление. Он был очарован вами. Что же он сказал о вас? — задумчиво спросила она себя. — Да, он сказал, что если бы вы родились в Аленде, то могли бы «подняться высоко среди алендских владык». — Она умолкла, предоставляя Элеге самой делать выводы.

Леди тотчас поднялась и встретила взгляд Теризы. Ее улыбка напомнила Теризе ее гостиную, полную зеркал; там реостатом можно было делать свет ярче или слабее; такой же была улыбка Элеги.

— Териза, — тихо сказала она, — вы чуть не лишили меня дара речи. Неужели в вашем мире такое считается «обычным»? Тогда, вне всяких сомнений, ваш мир — нечто невероятное. Вы моментально сделали выводы из только что услышанного.

Я вас поняла, — призналась Элега. — Но поняли ли вы меня?

Териза не ответила. Она боялась открыть рот.

— Териза, — торопливо прошептала Элега. — Я сказала, что со мной играть не обязательно. Вы больше не можете притворяться пассивной... И не сможете меня убедить, что не понимаете ситуацию.

И снова Териза не ответила.

Сияние Элеги медленно гасло. Но она все же не хотела сдаваться.

— Раз уж вы упомянули о принце Крагене, то, может быть, поделитесь своим впечатлением от него?

Териза с трудом восстановила голос.

— Вы знаете, что алендская монархия не наследственная? Право на трон нужно заслужить. Именно за этим он сюда и прибыл. Он пытается обрести право стать следующим алендским монархом. — Она внимательно следила за Элегой; но выражение ее лица оставалось неизменным, если не считать некоторых признаков растущего нетерпения. — Мне кажется, для него это куда более важно, чем мир или война.

Эта фраза была встречена изумленным взглядом Элеги и медленным увяданием ее улыбки. Выходит, Элега понимает то, что сказала Териза, лучше, чем она сама.

Леди спросила почти шепотом:

— Вы боитесь довериться мне? Мы, женщины — вы и я, — в проклятом мире мужчин. Никому другому вы не *можете* доверять так, как мне. Никто больше, чем я, не желает добра как Морданту, так и вам. Что мне сделать, чтобы убедить вас?

Это был тот вопрос, на который Териза могла ответить, и она без колебаний сказала:

— Объясните мне, что происходит. Прежде чем просить меня довериться вам, сначала доверьтесь мне.

Элега понимающе кивнула. Она уже не смотрела на Теризу и не улыбалась.

— Вы, оказывается, владеете этим искусством виртуознее, чем я предполагала. Я не могу довериться вам, пока вы не доверитесь мне. Я при этом теряю больше.

Она печально отвернулась, явно намереваясь уйти.

В смятении и отчаянии Териза хотела спросить: «Что вы имеете в виду? *Чего* вы теряете больше, чем все остальные в этой неразберихе?» Но промолчала. Вместо этого, прежде чем Элега дошла до двери, она сказала:

— Объясните мне хотя бы одно. Почему вы решили, что я лгу относительно Мисте?

Леди замерла, положив ладонь на ручку двери. На ее лице появилась улыбка другого сорта — страстная, немного напоминающая улыбку, когда-то подаренную Теризе ее сестрой.

— Как я уже сказала, вы ведете себя прекрасно, Териза. Но вы недостаточно хорошо знаете Мордант, чтобы пользоваться своей силой не рискуя. Вы, похоже, не предполагаете, что сказанное вами о Мисте совершенно невозможно. Ромиш слишком далеко отсюда. В такую зиму женщине было бы легче в одиночку восстановить проломленную стену, чем пересечь Демесне и Армигит пешком. — Нотка торжества. — Я сомневаюсь, что у вас было намерение убедить меня, будто моя сестра собирается покончить жизнь самоубийством.

И, продолжая улыбаться, Элега вышла из комнаты.

Териза почти не заметила ее ухода.

Она вспоминала, как король Джойс стоял перед ней, плотно закрыв глаза, жестоко страдая от мысли, что Мисте вернулась домой к матери, и слезы катились по его щекам.

Если вы солгали мне... — произносил он, словно умоляя. — *Если вы посмели солгать...* — Но ведь он в тот момент должен был прекрасно понимать, что она говорит неправду.

13 Заказ 968

В животе у нее снова возникла тяжесть. К несчастью, все ее враки, и интриги, и боль, находившиеся внутри нее, отказывались исторгаться наружу. Она подошла к двери, открыла ее и предупредила стражников, что не желает больше никого сегодня видеть. Потом снова села перед камином и выпила вина больше, чем когда-либо в жизни.

18. Непродолжительная беседа

На следующее утро ее терзала страшная головная боль; при такой даже крепкие мужчины клянутся, что больше капли в рот не возьмут. Внутреннее давление, казалось, с минуты на минуту разнесет череп; горло было словно ободрано шкуркой, а желудок влажным камнем тяжело перекатывался внутри живота.

Зато она больше не изнуряла себя их с Элегой разговором.

Леди и принц Краген, должно быть, образовали нечто вроде союза. Элега знала о встрече Теризы с лордами провинций, потому что об этом ей сообщил принц. Териза не слишком ясно представляла их общую цель, но была убеждена, что в любом случае королю Джойсу это не принесет ни радости, ни утешения.

И по какой-то неведомой причине они хотели, чтоб и она примкнула к их союзу.

После четвертого или пятого бокала вина Териза, к своему изумлению, обнаружила, что ей вовсе не нравится то, что делает Элега. Король Джойс упорно отказывался действовать так, как надлежало ее отцу: его как будто перестала заботить преданность его людей. И все же он не заслуживал предательства от собственной дочери.

Но вопрос, так и оставшийся нерешенным, — вопрос, на который не пролили ни капли света ни изрядное количество вина, ни ночь, полная дурных сновидений, — был тем самым вопросом, который мучил ее сильнее всего. Как ей следует поступить с Джерадином? Или с Мастером Эремисом?

В состоянии похмелья ласки Мастера уже не казались столь магическими. Но его логика не утратила своей убедительности. Его доводы о недоверии Джерадину были куда более обоснованны, чем умозаключения Джерадина, ожидавшего всяческих каверз от Мастера. С другой стороны, заявление, что Джерадин — предатель, само по себе казалось абсурдным.

Застонав не столько от болезненных ощущений, сколько от желания убедиться, что еще жива, Териза с трудом выбралась из скомканных простыней и своих хаотических

снов. В комнатах было холодно: она лишила Саддит возможности войти, так как закрыла дверь, и не могла припомнить, подкладывала ли поленья в огонь; ну, может быть, раз-другой, не больше. Но холод заставил ее действовать увереннее. Накинув халат, Териза поспешила в ванную и с жадностью пила воду до тех пор, пока не воспротивился желудок, затем вернулась к камину в гостиной и попыталась возродить пламя из еще не совсем остывших углей.

Дуть на угли было так же болезненно, как биться головой о стену. Тем не менее она все это вытерпела, дав себе клятву никого не пускать для оказания помощи. Ей претили какие бы то ни было аудиенции, пока не исчезнут последствия ее собственной глупости. Поэтому, превозмогая невыносимую головную боль, она сама развела огонь, приняла ванну и даже, из чистого упрямства, вымыла голову. И оделась сама, выбрав одно из нарочито скромных платьев Мисте, теплое, из желтого бархата. И только после этого открыла дверь, чтобы взглянуть, не оставила ли Саддит для нее поднос с едой.

И действительно, служанка приносила поднос, и он дожидался ее. И — о счастье! — не было никого, кто хотел бы побеседовать с ней. Она спокойно поела кашу и выпила огромное количество горячего отвара, напоминавшего чай, — он пах корицей и розовыми лепестками, — прежде чем стук в дверь возвестил о прибытии гостя.

Не доверяя собственному голосу, Териза осторожно подошла к двери и открыла ее.

Джерадин.

Какой ужас! Только этого ей не хватало.

— Надеюсь, я не побеспокоил тебя, — сразу же начал он. — Вчера у нас не было возможности поговорить. Я хотел бы сказать тебе... — Его улыбка потускнела. — Что с тобой? Ты выглядишь больной.

Из-за напутствия Мастера Эремиса при взгляде на пригодника у нее участился пульс, а также нахлынул новый приступ головной боли — возможно, из-за двойственности ее отношения к Джерадину.

— Наверное, потому, что на мне это платье. — Ее голос звучал брюзгливо. — Желтый не самый подходящий для меня цвет. — Она с трудом изобразила улыбку, более похожую на трещину в фарфоровой вазе, и пригласила его войти.

Едва дверь закрылась, Джерадин сказал, изучая ее взглядом:

— Я пытался увидеться с тобой вчера, но стражники велели мне оставить тебя в покое. Я не мог не беспокоиться. — Говорил он уверенно, хотя казался смущенным. — Как прошел разговор с Мастером Эремисом?

Ей потребовались все силы, чтобы не застонать и не закрыть глаза.

— Тебе сказал Артагель?

Он кивнул.

— Он, вероятно, сказал бы в любом случае. Но ты выглядела плохо, когда вышла из камеры, и у него не оставалось выбора.

— Тогда он должен был рассказать тебе и о том, что, собственно, произошло. — Фальшивая горечь, сквозившая в ее словах, внезапно поразила ее. Какое она имеет право вести себя подобным образом? — Я думала, мне удастся чего-то достичь, изменить хоть что-нибудь. Я собиралась убедить тебя, что возможно сотрудничество со всеми остальными. — Но вместо этого я буду шпионить за тобой, несмотря на то что после исчезновения Мисте ты здесь мой единственный друг. Во всяком случае, тот человек, кто ради меня хоть что-то *делает*. — Но получилось, что я вела себя как последняя дура.

Нет, она не будет делать этого. Она не может исподтишка шпионить за ним. Обещаний и нескольких интимных поцелуев для этого недостаточно. Джерадин слишком много значит для нее. Она, конечно же, будет на все обращать внимание. Но не станет никому сообщать о нем. До тех пор, пока что-то неоспоримое не заставит ее поверить в правоту Мастера Эремиса. И тогда она самостоятельно примет решение. И совершенно не важно, что обещал ей за это Мастер Эремис.

Приняв такое решение, она почувствовала себя лучше. И помимо своей воли, наверное, чтобы успокоить его, призналась:

— Я вчера слишком много выпила — пыталась утопить в вине свои печали. И моя голова сейчас как футбольный мяч.

На сей раз он улыбнулся с облегчением.

— Я и сам, бывало, поступал так же, — сказал он сочувственно. — Мне это казалось неплохой идеей. Но на деле только усугубляло мою неуклюжесть.

Мне жаль, что у тебя так получилось, — добавил он уныло. — Я бы хотел, чтоб он выслушал тебя внимательнее.

Териза, я...

Он внезапно умолк, и его глаза увлажнились. Териза подумала, что сейчас он скажет ей что-то ужасное. Повинуясь неясному порыву, она повернулась к двери и закрыла ее на засов. Потом заглянула в обеспокоенные глаза пригодника.

— В чем дело, Джерадин? Что случилось?

— Ничего, — поспешно ответил он. — Ничего. Я хотел сказать, что ты это уже пережила, не так ли? И теперь все будет в порядке.

Но он не мог сдерживать себя.

— Прости. — Его голос дрожал, но он не отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. — Прости меня. После того как нас спасли... после того как нас вытащили из-под камней... Артагель отнес меня в свою комнату, и я тоже напился. Но когда я заснул, то видел один и тот же сон, снова и снова, один и тот же... — Болезненная гримаса исказила его черты. — Долгое время мне казалось, что это всего лишь страшный сон. Но это было *хуже*... — Он тяжело вздохнул. — В конце концов я убедился, что это не сон. Что я вообще не сплю. Что я просто вспоминаю. — Он проговорил сквозь стиснутые зубы: — Я просто вспомнил, что ты могла погибнуть.

О, всего лишь? Только бы не выдать своего облегчения! То, что он говорит, вовсе не так ужасно.

— Ты могла погибнуть, и это произошло бы из-за меня.

Териза удивленно уставилась на него.

— Я воплотил тебя здесь! — в отчаянии воскликнул Джерадин. — Я не знаю, как вернуть тебя туда, где твое настоящее место. Кое-кто хотел бы видеть тебя мертвой. Кое-кто хочет манипулировать тобой. И Воин...

Тебе пришлось пережить весь этот ужас... Ты была погребена заживо и чуть не оказалась раздавленной — из-за меня.

Когда я увидел, как Смотритель Леббик тебя мучает, мне хотелось врезать ему по голове стулом. Прости. Именно так мне и следовало поступить, чтобы *остановить* его. Это моя вина, что он тебя ударил.

Если с тобой что-то случится, это разобьет мне сердце.

При других обстоятельствах Териза просто улыбнулась бы ему. Но сейчас, повинуясь душевному порыву, она положила свою ладонь на его руку и ощутила, как напряжены его мышцы.

— Джерадин, — запротестовала она, — он бы разорвал тебя на кусочки. Ему только того и хотелось — чтобы кто-то начал сопротивляться и он мог его растерзать.

Джерадин уныло посмотрел на нее, и Териза поняла, что он ждал другого ответа. Ей еще ни разу никто не говорил, что беспокоится о ней. Это было для нее очень непривычно — и внушало доверие. Его мучили кошмары из-за нее?

И она сделала лучшее из того, что могла сделать.

— Ты сохранил мне *разум*. Ты был в таком же положении, как и я. Даже хуже. Мастер Гилбур чуть не расколол тебе голову. Но ты заставил меня держаться. Если б не ты, я потеряла бы рассудок задолго до того, как нас спасли.

Она могла бы еще сказать: вы с Мисте — мои единственные друзья. Никто больше не был так добр ко мне, как ты. Я рада, что оказалась здесь. Но это было слишком для ее

стыдливости и неустойчивого отношения к самой себе. И она убрала свою руку с его руки.

Но все же следовало добавить к прикосновению еще что-то. И сказала шутливо:

— Этому нужно когда-нибудь положить конец. Мне кажется, тебя следует ограничить. Если ты будешь извиняться чаще, чем раз на дню... Если ты извинишься второй раз за день, я тебя ударю.

Он растерянно посмотрел на нее.

— Ты это серьезно? Я знаю, что извиняюсь слишком часто. Но если бы ты причиняла другим столько же хлопот, то извинялась бы не меньше. Впрочем, ты — пока единственное, что я сделал *правильно*. Ты не должна пополнить собой список моих неудач.

У Теризы не оставалось сомнений: он заслуживает лучшего отношения. Она заглянула ему в глаза и промолвила:

— Ты не подвергал меня никаким испытаниям. Ты спас меня. Орисон полон опасностей, но, мне кажется, не по твоей вине. Ты один из немногих, кто стремится как-то исправить все это. Тебе не за что извиняться.

Джерадин продолжал с подозрением разглядывать ее. Она не отвела взгляд, и он начал понемногу расслабляться. Плечи его приподнялись; печаль сошла с лица; глаза засверкали словно вымытые.

— Спасибо, — только и смог он сказать.

У Теризы тоже стало легче на душе. Она постаралась бы превозмочь и головную боль, если бы это могло сделать его счастливее. Улыбнувшись как можно веселее, она опустилась в кресло у камина и кивнула на поднос.

— Ты уже позавтракал? Мне принесли больше, чем я могу съесть.

Он покачал головой; казалось, он едва сдерживает желание издать крик радости, или запеть, или обнять ее. Двигаясь с комической предосторожностью, дабы не споткнуться и не потерять равновесие, он повернул кресло, чтобы оказаться лицом к Теризе, и тоже сел. Посмотрел на нее с шутливым торжеством, словно говоря: вот видишь, ты, наверное, думала, что мне это не удастся.

Но вслух произнес совсем другое:

— О чем хотел поговорить с тобой король Джойс?

Териза надеялась — впрочем, без особого оптимизма, — что внезапная тревога, нахлынувшая на нее, не будет слишком заметна. Подхваченная потоком более поздних событий, она забыла решить, что скажет пригоднику о своей беседе с королем. Его наверняка огорчит, что старинный друг его отца и кумир его юности сознательно занимается разрушением Мор-

данта. Кроме того, Мастер Квилон намекал, что Джерадину грозит опасность со стороны неизвестных врагов и он может дорого заплатить за то, что знает слишком много. Или, может, Мастер Квилон разделяет мнение Мастера Эремиса — будто Джерадин настолько опасен, что ему не следует доверять? А может быть, Эремис, говоря о нем, был прав?

Пока она медлила с ответом, Джерадин продолжал:

— Когда он изгнал меня из своих комнат, я испытал не самые приятные минуты в жизни. — Его голос звучал вполне спокойно, как будто он хотел ободрить Теризу. — Но я не ожидал, что Тор займет его сторону. — Он пожал плечами. — С другой стороны, я не понимаю, из каких побуждений действует Тор. Но хочу понять. Хочу услышать от Джойса хоть что-нибудь, имеющее смысл.

Териза не слушала. Вопрос, стоящий перед ней, был слишком сложен, чтобы ответить на него немедленно; ей требовалось время на размышление. И она неосознанно стала перескакивать с темы на тему.

— Он хотел поговорить о шашках. — Головная боль усилилась, и она ни с того ни с сего добавила: — Сюда приходила Элега.

Джерадин терпеливо ждал, что она еще скажет. Так и не дождавшись продолжения, он спросил:

— Леди Элега? Моя бывшая невеста? Когда она была здесь?

Териза попыталась привести мысли в порядок. У нее возникло несколько вопросов, которые она хотела обсудить с Джерадином. Элега, возможно, была безопасной темой для начала разговора. Ох, до чего же некстати это похмелье!

— Она ждала меня здесь. После того, как я повидалась с Мастером Эремисом.

— Чего она хотела?

Теризу одолевали сомнения. Действительно ли она хочет рассказать об этом Джерадину?

Совершенно неожиданно для себя она с нарочитым спокойствием произнесла:

— Леди Элега предлагала мне вступить в заговор против ее отца.

Джерадин застыл.

— Какой заговор?

— Не имею ни малейшего понятия. — И подробно пересказала ему их беседу — со своими выводами. Он нахмурился при упоминании о принце Крагене, но слушал не перебивая. Териза с горечью заключила: — Вот почему я вчера не хотела больше никого видеть. Я боялась, что мне придется еще раз выслушать нечто подобное.

Он и вовсе помрачнел, храня молчание, и она засомневалась, поверил ли он ей. Ей очень хотелось, чтобы Джерадин ей верил. Чем больше тайн она хранила, чем больше лгала, тем сильнее желала, чтобы ей верили, особенно теперь, когда она говорила правду. К счастью, он кивнул.

— Это всегда беспокоило меня в ней, — произнес он задумчиво. — Мне казалось, она больше интересуется положением королей, а не их обязанностями. Больше интересуется самой властью, а не целями, для которых эта власть предназначена. Она вполне может оказаться не слишком разборчивой в средствах.

— Значит, ты не считаешь, что я напрасно виню ее в чем-то?

— Нет, — сказал он с усилием, — нет. После твоей беседы с принцем Крагеном. Именно после этого они, вероятно, решили привлечь тебя на свою сторону.

— Хотела бы я знать, чего они от меня хотят, — задумчиво произнесла Териза, скорее для себя. — Подобная проблема возникает у меня со всеми. Даже с тобой. Вы все думаете, что я могу *действовать*. — Ее родители не позволяли ей капризничать, и она по-прежнему подсознательно избегала этого. — Но я пока даже не представляю, *что* я вообще могу сделать, — закончила она.

Джерадин сосредоточенно молчал.

— Что будем делать с этой информацией? — спросил он наконец. — Должны ли мы сообщить королю Джойсу?

Осторожно, чтобы не выдать лишнего, она сказала:

— Даже если мы заставим его выслушать нас, думаешь, он обратит внимание на наши слова?

Он разочарованно вздохнул.

— Скорее всего нет. А что насчет Смотрителя Леббика?

Териза содрогнулась.

— Я не хотела бы с ним вообще разговаривать. Мне не нравится, как он обращается со мной.

Он наверняка предпримет какие-то *действия*. Может быть, остановит ее, может быть, нет, но, как бы он ни поступил, она возьмет на заметку тот факт, что *мы* сообщили ему об этом. Она поймет, что мне нельзя доверять. И мы окончательно упустим шанс выяснить, чем она занимается.

Пригодник бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся.

— Для человека, который ничего не делает, ты слишком уверена в своих суждениях. Что же ты предлагаешь?

Она уже собиралась сказать: «У меня нет никаких идей» — когда почувствовала нечто вроде вдохновения.

— Ты мог бы попросить Аргуса и Рибальда присмотреть за ней?

Джерадин моргнул он неожиданности.

— Они, по-видимому, не забыли, что с ними произошло, когда я в прошлый раз просил их об услуге, —

пробормотал он. — Но на сей раз со мной Артагель. Они могут согласиться, особенно если это не вызовет подозрений у Смотрителя Леббика. — Он встретился глазами с Теризой и добавил: — Это может принести пользу. Если мы выясним, каким образом она связывается с принцем Крагеном, наша позиция станет более прочной.

Я попрошу их об услуге. — К нему даже вернулось чувство юмора. С ехидной улыбкой он добавил: — Они, наверное, будут еще пытаться уговорить тебя отблагодарить их за старания. Ну, ты догадываешься... В худшем случае они просто откажут мне.

Ей заметно полегчало. Головная боль стала проходить. Кровь прекратила бешеную скачку и теперь спокойно текла по жилам. Сознавать, что она хоть в чем-то не одинока, что Джерадин в чем-то согласен с ней, было необыкновенно приятно. Когда он улыбнулся ей, она решила еще более сузить круг терзающих ее вопросов.

— Моя беседа с принцем Крагеном напомнила мне об одной вещи. Что значит «Архивоплотитель»?

От внезапности вопроса Джерадин выпрямился в кресле.

— Это *напомнило* тебе?.. В связи с чем?.. — И сразу же он отогнал свою растерянность, чтобы Териза не подумала, будто он почему-то не желает отвечать на ее вопросы. — Архивоплотителем называют того, кто достиг вершин в искусстве воплощения — то есть умения безопасно воплощаться через плоское зеркало. Насколько нам известно, единственный человек, способный на это, — Архивоплотитель Вагель.

Сложность заключается в том, что при воплощении сам объект изменяется. Когда воплощение происходит через сообщающиеся посредством зеркала миры — или, если Мастер Эремис прав (Джерадин скривился), между нашим миром и воплотимым, которое не имеет собственного существования, — изменения связаны лишь с адаптацией к новому окружению. Например, их претерпевают язык и дыхание. Но, проходя сквозь плоское зеркало, в сущности, никуда не воплощаешься. Просто перемещаешься с одного места в другое, оставаясь в одном и том же мире. Изменений как будто нет. Но они все равно происходят. — Он посмотрел вниз на свои руки. — Именно из-за этого Адепт Хэвлок стал безумным.

Теоретически, если смотришь на плоское зеркало, показывающее тебя самого, — иначе говоря, фиксирующее именно ту точку, в которой находишься ты, причем так, чтобы в воплотимом было видно то же самое зеркало, — то при воплощении попадаешь в бесконечный цикл, где ты, непрестанно меняясь, никуда не перемещаешься. Скорее всего, никто из наблюдающих за этим не заметит происходящего. Но твой разум исчезнет. Не просто наступит безумие. Исчезнет само сознание.

Я до сих пор не понимаю, как мне удалось выжить в той комнате, где я нашел тебя. Остается только поверить, что зеркала в твоем мире *другие*. Или ты самый могущественный воплотитель, о каком приходилось когда-либо слышать.

Так вот, умение проходить сквозь плоское зеркало — самая важная способность Архивоплотителя. Это не опыт, который можно приобрести, и не талант, с которым рождаются. Если это опыт, то даже Хэвлок не сумел достичь подобного умения. «Адепт» — не почетный титул. Его зовут так потому, что он способен совершать воплощения лучше всех остальных. И, кстати, он гораздо лучше умеет осуществлять воплощения с зеркалами, которые сам не отливал. А *я* не умею работать даже с зеркалами, которые сделал *сам*.

Это можно считать ответом на твой вопрос?

Териза кивнула. Она пыталась соотнести услышанное с тем, что уже знала.

— Тогда ответь на мой вопрос. Какое отношение это имеет к твоей беседе с принцем Крагеном?

— О, прости меня. Я не собиралась скрывать это от тебя. Просто мне показалось не случайным упоминание Архивоплотителя сразу после того, как на нас напали. Вот почему я так хорошо запомнила.

Затем она подошла к главному из того, что хотела узнать.

— Когда Артагель осматривал мертвеца — одного из тех, кто позднее исчез, — то сказал, что нашел какие-то «отметины» — свидетельства того, что они кадуольцы. Это были пригодники Бретера верховного короля. Они напали, как будто появившись ниоткуда. И когда они все погибли, их вожак не убежал, он, казалось, просто исчез.

Он и его люди, должно быть, пришли и ушли через плоское зеркало. Но разве такое возможно? Вердон и принц Краген решили, что не обошлось без вмешательства Вагеля, но это ничего не объяснило. Если безопасное прохождение через плоское зеркало зависит от таланта, а не от навыка, — то все эти люди должны быть Архивоплотителями.

А кстати, подумала Териза, как Гилбуру удалось сбежать от Смотрителя? Если исходить из того, что человек в черном и Мастер Гилбур союзники, то можно предположить, что Мастер Гилбур исчез таким же путем.

Какое-то время Джерадин задумчиво изучал ее.

— Ты знаешь, — сказал он, хмыкнув, — давным-давно, еще юным пригодником, я верил, что мне суждено добиться великих свершений. Я мог не спать ночами, пытаясь найти решение такого рода вопросов. Тогда я пришел к идее, которая могла бы сработать.

Сначала надо отлить плоское зеркало, сфокусированное именно на том месте, куда ты хочешь попасть. — Он комично пожал плечами. — Простенькая задачка для воплотителя, каким я собирался стать. Затем делаешь другое зеркало, самое обыкновенное, которое показывает совершенно инертный мир — без людей и животных, а самое главное — не должно быть никаких изменений погоды, способных расстроить твои планы. Затем воплощаешь первое зеркало во второе и располагаешь его в нем так, чтобы оно заняло большую часть воплотимого. А затем, если первое зеркало при этом не изменилось и возможно провести двойное воплощение, тебе удастся пройти через них, сохранив рассудок. — Он улыбнулся. — Тебе не кажется, что это остроумно?

— Да. — Она считала, это более чем остроумно — это гениально, хотя оставались некоторые сложности. — Но для этого нужны два человека, не так ли? Чтобы один воплотил другого?

— Не для того, чтобы воплотиться туда, а для того, чтобы вернуться. Но это необходимо для любого воплощения.

Выходит, если Мастер Гилбур сбежал тем же путем, каким спасся человек в черном, это доказывает, что Джерадин невиновен (особенно Джерадин, но заодно и Мастер Эремис, закрытый в подземелье и не имевший доступа к зеркалам), так как они находились *здесь*, а не там, где располагались зеркала. Значит, они не могли утащить туда Мастера Гилбура.

С трудом сдерживая дрожь, она сказала:

— О, как бы хотелось выяснить, что произошло на самом деле. Если ты прав, то Мастер Гилбур, скорее всего, покинул Орисон тем же путем, каким появились люди, напавшие на меня.

Но кто произвел воплощение? Мог ли это быть сам Вагель? Теперь это уже имеет смысл — раз существует способ доставлять людей в Мордант и обратно посредством воплотимого и они не сходят с ума.

Пригодник всплеснул руками.

— Ну, не знаю. Много лет считалось, что Архивоплотитель мертв. А сейчас все думают, что он жив.

Но вот что. — Он испытующе посмотрел на нее, и в его голосе послышалось нетерпение. — Можно попытаться проверить, использовалось ли воплотимое при нападении на тебя.

Пока он объяснял, Териза пристально смотрела на него. Возбуждение, не сходившее с лица пригодника, делало его все более привлекательным.

— Очевидно, мы еще многого не знаем о воплотимом. Некоторые вещи кажутся теоретически возможными, но способа проверить это не существует. К примеру, теоретически возможно, что любой воплотитель с определенным уровнем таланта способен почувствовать присутствие зеркала с другой сто

роны — именно почувствовать, не видя, место, которое находится в том зеркале, место, расположенное где-то далеко, и понять, что находится в воплотимом.

Но если *возможно* почувствовать это, — Джерадин вскочил на ноги, не в состоянии усидеть на месте, — *тогда* теоретически возможно провести воплощение и с другой стороны зеркала. Ты понимаешь, что это значит? Можно просто выйти из воплотимого и оказаться там, где расположено зеркало.

Он говорил это с таким воодушевлением, что его возбуждение передалось и ей.

— Если ты прав, — медленно сказала она, — тогда нет нужды в двоих. Мастер Гилбур мог проделать все самостоятельно. Он мог покидать Орисон и появляться в нем, когда ему только вздумается.

— Да! — ответил Джерадин. — Но дело не в этом. Дело в том, что это всего лишь *возможно.* — В порыве воодушевления он схватился за подлокотники кресла Теризы и внимательно посмотрел на нее. — Это может быть верно для *тебя.*

К несчастью, он не рассчитал расстояние. Их головы с треском столкнулись.

— О Териза, прости меня! — пробормотал он. — Прости меня, прости. — Держась одной рукой за голову, второй он коснулся Теризы. — Тебе больно! Прости.

Вся комната казалась охваченной огнем. Затем красные и оранжевые языки пламени уменьшились, превратились в звезды перед глазами, и у Теризы в голове загудело, словно она была гонгом.

К счастью, похмелье смягчило последствия столкновения. Убедившись, что ее голова не треснула и не кровоточит, Териза оттолкнула руку Джерадина. И, поднявшись на ноги самостоятельно, хотя звон в ушах не смолкал, хорошенько пнула Джерадина в лодыжку.

Он посмотрел на нее как на сумасшедшую, а потом зашелся от хохота.

— Я предупреждала тебя, — процедила она, превозмогая боль, — одно извинение в день. Это все, что тебе позволено. — И не в силах сдержаться, она залилась смехом. — Я не лорд и не Мастер, перед которыми ты должен расшаркиваться.

Джерадин стал хохотать еще сильнее.

— Пожалуйста, не заставляй меня смеяться. — Она бессильно опустилась в кресло. — А то у меня голова расколется.

Он сделал глубокий вдох, чтобы сдержать приступ веселья. Когда ему удалось прервать смех, он подался вперед, обхватил ладонями ее щеки и нежно поцеловал в больное место.

На миг Теризе показалось, что он поцелует ее в губы. Если б она могла справиться с болью в голове, то подня-

ла бы лицо и ответила на его поцелуй. Но боль так быстро исчезать не хотела. Териза не знала, досадовать ей или радоваться, когда Джерадин вновь опустился в свое кресло.

— Териза, — повторил он тихо, — это может быть верным для тебя.

Она вздохнула и, закрыв глаза, обеими руками принялась массировать затылок.

— Должно быть, у тебя в голове все-таки что-то сломалось. Это самая безумная из твоих идей.

— Вовсе нет, — ответил он добродушно. — Конечно, это всего лишь идея. Но ведь тебе хочется узнать, почему ты здесь — и что ты способна сделать. Однако мы не имеем права учить тебя созданию зеркал, чтобы проверить, есть ли у тебя способности воплотителя. Мастера ясно дали понять, что не потерпят этого, — а они хозяева в рабочих помещениях Гильдии. Но, возможно, твой талант совсем другого рода. Возможно, именно поэтому я и попал к тебе, хотя законы воплотимого должны были привести меня к Воину.

Мы можем попытаться проверить это. Что нам терять?

Териза в недоумении уставилась на него.

— Ты серьезно? — Но Джерадин не был похож на человека, внезапно впавшего в опасную форму безумия. — Ты думаешь, есть шанс проверить то, о чем ты говоришь?

Он обрадованно кивнул.

Возможно, твой талант другого рода. Неожиданно головная боль отошла на второй план.

— Я почти боюсь спросить — как?

Лицо Джерадина вновь стало возбужденным, глаза заблестели. Изо всех сил стараясь быть рассудительным, он сказал:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я могу лишь предполагать, какие у тебя способности. Это только теория. И большинству Мастеров она вряд ли будет интересна. Отливка зеркал — другое дело. Это практическое занятие, и, следовательно, оно требует больше усилий. — Затем его восторг прорвался наружу, и он вновь вскочил на ноги. — Вот что мы должны сделать: вернемся на то место, где на тебя напали, и ты медленно пройдешься по нему, сосредоточившись на своих *ощущениях.*

Чувства, которые он разбудил в ней, были настолько незнакомыми, что она не знала, как их назвать. Страх это или раздражение? Ее вопрос был гораздо сложнее, чем она смогла выразить словами.

— И что предположительно я должна почувствовать?

— Ну откуда мне знать? — ответил он, не замечая ее смятения. — Это наверняка будет нечто едва уловимое. Легкий рывок? Впечатление, будто перед тобой что-то плывет?

Ощущение, подобное тому, какое испытываешь, глядя сверху вниз с утеса?

Если ты не почувствуешь чего-то особенного, это ничего не будет означать. Просто у тебя может быть, а может и не быть *такого* таланта. Но если ты *что-то* почувствуешь... — он с заметным усилием сдержал свой порыв, — *тогда* это будет крайне интересный результат.

Ты согласна попробовать? Ты пойдешь?

Несколько секунд она не в силах была что-либо сказать. Уставясь на огонь, она почти слышала вразумляющий голос: «Это самая большая глупость из всего, что ты сказал за сегодняшний день. Перестань болтать попусту». Этот голос как будто принадлежал ее отцу. И она знала, что сказала бы ее мать: «Маленькие девочки не должны заниматься подобными вещами».

Заниматься подобными вещами.

А что, если Джерадин прав?

Если он не прав, то никаких проблем не возникнет. В ее жизни ничто не изменится. Но если он прав — тогда она никогда уже не будет прежней.

— Все не так просто, — произнесла она. — Я не уверена, что смогу найти это место. Я была там всего раз. И голова у меня тогда была занята совсем другим.

Его недолгие колебания перед тем как заговорить, свидетельствовали, что он относится к ее сомнениям достаточно серьезно, понимает всю сложность затронутого вопроса.

— С этой проблемой мы вполне можем справиться, — сказал он осторожно. — Попросим Артагеля помочь нам. Он-то наверняка запомнил место. — И тихо повторил недавний вопрос: — Териза, ну что ты при этом теряешь?

Ей хотелось сказать: «Саму себя. Себя такую, какая я сейчас есть». Но это прозвучало бы слишком мелодраматично. Почему она воспринимает все происходящее так серьезно? Однако в качестве средства от головной боли это действовало превосходно: отвлекало все ее внимание, и ей было не до болезненных ощущений. С другой стороны, еще оставались какие-то расплывчатые сомнения, напоминавшие ей об отсутствии здравого смысла.

Намереваясь ответить какой-нибудь шуткой, она обернулась к Джерадину.

Его серьезный настрой остановил ее; пригодник смотрел на нее как на человека, собравшегося рискнуть своей жизнью. Именно его серьезное отношение к происходящему было основой всех страхов Теризы. И словно признаваясь в совершении тяжкого преступления, он сказал глухим голосом:

— Я вернул бы тебя в твой мир, если бы знал как. Тебе это известно.

На какой-то миг сердце ее заныло от жалости. В глазах Джерадина она увидела его понимание того, что она теряет. Это будет стоить ей всей предыдущей жизни. Он просил ее рискнуть отношением к себе, устоявшимся пониманием самой себя.

Териза улыбнулась.

— Да, я это знаю. И не смей извиняться. — Она встала. Что бы ни случилось, она не собиралась без серьезных на то оснований терять дружбу. — Может быть, небольшая прогулка пойдет мне на пользу.

Его лицо так лучилось радостью, что она чуть снова не расхохоталась.

Артагеля они нашли в одном из коридоров, ведущих к ее башне. Очень скоро Териза убедилась, что от прогулки ее голова разболелась сильнее. Но постепенно циркуляция крови как будто немного очистила мозг, и она почувствовала себя лучше. Что касается брата Джерадина, то ее удивила система наблюдения за ней, которой он придерживался. Коридор, где они нашли его, казался не самым удобным местом для нахождения телохранителя. С другой стороны, они нашли его сразу, не потратив времени на поиски.

Он приветствовал их шутливым поклоном и дружески прошелся насчет ее сомнительного вида. Джерадин с насмешливым упорством оправдывал ее и дошел даже до того, что беззлобно стукнул брата по плечу. Затем он рассказал, что они собираются предпринять — умалчивая о наиболее значительных, по мнению Теризы, подробностях, — и попросил у Артагеля помощи.

Артагель воспринял все серьезнее, чем ожидала Териза.

— Это просто невероятная удача, — заметил он, — что леди Териза *не помнит*, как найти то место. Неужели ваши мозги остались под развалинами? Или, может быть, вы случайно *забыли*, что на Теризу там напали пригодники Бретера верховного короля? Возможно, среди них был и Гарт. — Он слегка отвлекся. — Впрочем, мне просто неприятно думать, что кто-то менее значительный мог доставить мне столько неприятностей. — И спросил по существу: — А что вы собираетесь делать, если на вас снова нападут? Вежливо попросите их убраться?

— Не совсем так. — Раздражение брата, похоже, не задело Джерадина. — Я просто попрошу их подождать, пока к нам не присоединишься ты.

— На самом деле, — объяснил он, — они, скорее всего, не смогут напасть на нас. Они просто не будут готовы к этому. Откуда им знать о наших действиях? Я уверен, они не проводят *все* свое время перед зеркалом в надежде, что туда

случайно забредет подходящая жертва. Так что, думаю, нам ничто не грозит.

Несмотря на минорный настрой, Артагель поддался на уговоры.

— Ты слишком рассудителен, чтобы это могло пойти тебе на пользу. Но случилось так, что сегодня утром у меня нет никаких дел. — Он тут же забыл о своем раздражении и улыбнулся Теризе. — Миледи, — церемонно спросил он, предлагая ей руку, — мы можем идти?

Она кивнула, Артагель насмешливо улыбнулся Джерадину и повел ее вперед, предоставив брату тащиться за ними в хвосте.

Джерадин покорно следовал за ними, и глаза его красноречиво говорили, что к таким действиям Артагеля он относится с нежностью. И это несмотря на то, подумала Териза, что у него шесть старших братьев, и каждый из них, вероятно, с незлобивым восторгом поддразнивает его. Однако реакция Джерадина помогла ей собраться с духом. Когда он и Артагель были вместе, она верила, что они на правильном пути.

Но, вновь оказавшись в заброшенных, пустых коридорах в основании Орисона, Териза поневоле начала задумываться над правомерностью своих поступков. Это место ассоциировалось у нее с далеко не приятными воспоминаниями. Непрестанно капала вода, предвещая опасность. Хотя здесь было достаточно светильников, чтобы Артагель мог найти дорогу, их искаженные отражения в лужах и потеках воды на полу придавали камням зловещий вид, словно под этим блеском прятались мрачные тайны. Эхо шагов отпугивало тишину коридоров и отражалось от поворотов, вызывая у Теризы иррациональное ощущение, будто за ними кто-то идет. Дневное тепло никогда не проникало сюда, и воздух казался ей даже более холодным, чем в прошлый раз. Влага здесь большей частью превратилась в лед, но, когда Териза и ее спутники ломали льдистую поверхность застывшей лужи, лед трещал, как горящие поленья.

И если Джерадин был прав... — если по какой-то странной причине она обладает таким талантом, о котором он говорил...

Она все крепче прижималась к руке Артагеля. Видимо, решив, что она замерзла, он накинул ей на плечи край своего плаща.

— Тот, кто создал это зеркало, — разорвал тишину Джерадин, — был или невероятно удачлив, или чрезвычайно опытен. Трудно представить, чтобы кто-нибудь *случайно* отлил зеркало, показывающее эту часть Орисона. С другой стороны, еще труднее представить, что он сделал такое намеренно. Даже лучшие из Мастеров тратят десятилетия, чтобы добиться того, что *хотят* получить.

— Надеюсь, ты ведаешь, что творишь, — нервно сказала Териза. — Мне все это совершенно не нравится.

Артагель обнял ее за плечи.

— Скорее всего, ведает. За него нужно волноваться только в том случае, когда он выглядит так, будто все в полном порядке.

Теризе очень хотелось, чтобы Джерадин ответил, но он молчал. Тогда она спросила:

— А кто зажигает эти лампы?

Артагель пожал плечами.

— Слуги.

— Но зачем? — не унималась она. — Разве эта часть замка не заброшена?

— Ну... скажем, не совсем *заброшена*. Я слышал, что некоторые из холодных комнат внизу используются для хранения вина. Выяснить бы только, какие — и можно до самой смерти горя не знать. И еще известно, что Смотритель использует эту часть замка для тренировки солдат, особенно зимой.

Кроме того, — добавил он насмешливо, — мне кажется, он ненавидит тьму. Он устанавливал бы светильники, даже если бы сюда не приходил никто, кроме тех, кто из года в год следит за ними.

Упоминание о Смотрителе Леббике не придало ей оптимизма.

— Далеко еще? — спросила она.

— Уже почти на месте. — Голос Артагеля звучал беззаботно; но, глянув на него, Териза заметила настороженность в уголках глаз и в наклоне головы. — Леббик, должно быть, приказал вымыть пол. Иначе мы бы уже увидели кровь.

Он оказался прав. После очередной дюжины шагов у нее начали всплывать воспоминания об этом коридоре, несмотря на отсутствие крови.

— Здесь, — сказала она тихо. И хотя понимала, что звук не проходит через зеркала, она до смерти боялась, что ее услышат чьи-то недружественные уши. Это было то самое место, где до сих пор все пропитано ее страхом; здесь сохранилась атмосфера страха, оставшаяся после визита человека в черном. — Это было здесь.

— Да. — Артагель повернулся и стал вести Теризу, пока ее спина не коснулась стены. — Вы были здесь, а мы сражались здесь. — Слабое освещение делало его лицо таким же напряженным, как и голос. — Вердон и Краген появились с противоположной стороны. Они и спасли нас. — Внезапно он посмотрел на брата. — Я не уверен, понимаешь ли ты, — процедил он сквозь зубы, — что этот сукин сын оказался виртуознее меня — кто бы он ни был. Последний раз такое случилось, когда мне было намного меньше лет, чем тебе сейчас.

Свет тускло отблескивал на лбу Джерадина, несмотря на холод, покрывшемся испариной.

— Во всяком случае, — сказал Джерадин, — я уверен, что ты не прочь предоставить ему возможность сделать еще одну попытку. Но, надеюсь, это произойдет не сегодня. Боюсь, *я* не слишком подхожу на роль твоего спасителя.

Но нам нужно совсем не это. — Он обошел брата и приблизился во мраке к Теризе. — Мы должны найти точное место воплощения. Если оно действительно где-то здесь. Откуда они появились?

Териза закрыла глаза. Она шла с принцем Крагеном. Он говорил об Элеге. Один из телохранителей следовал впереди, другой — позади. Она услышала тихий скрип кожи — меч, вытаскиваемый из ножен... Потом мужчины бросились вперед. Черная кожа доспехов делала их почти невидимыми. Обнаженные мечи просматривались куда лучше, они сверкали в свете ламп...

— Там, — чуть слышно выдохнула Териза и открыла глаза. Она указала на темный боковой коридор, под углом соединяющийся с коридором, где находились они. — Вот оттуда они появились.

— Хорошо, — прошептал Джерадин, словно тоже боялся, что его услышат. — Давай посмотрим.

Он двинулся вперед, и его дыхание оставляло за ним в воздухе туманный след.

Артагель обнажил меч; тот, казалось, сам выскользнул из ножен при движении его кисти. Свободной рукой Артагель взял Теризу за руку, и они пошли за Джерадином.

Путь впереди казался совершенно черным. Это было боковое ответвление, слишком короткое, чтобы тратить на него лампу. Свет из главного коридора сюда почти не проникал.

— Не хотите подождать, пока я схожу за лампой? — спросил Артагель.

— Нет, — прошипел Джерадин. — Если есть зеркало, направленное на это место, то благодаря свету нас легче будет заметить.

Артагель кивнул. Он все время занимал такое положение, при котором Териза находилась между ним и стеной, чтобы уменьшить число направлений, откуда ее могли атаковать.

— Сосредоточься на своих чувствах, — бросил ей через плечо Джерадин. — Точка воплощения может оказаться где угодно. Попытайся ощутить ее. Забудь обо всем остальном и просто попытайся ощутить ее.

— Сам сосредоточься, — огрызнулась она. Ее шепот прозвучал диковато. — Я не единственная, кто не знает своих талантов.

Джерадин на миг задумался.

— Логично.

Артагель улыбнулся ей, но эту улыбку трудно было различить в сгустившемся мраке.

«Все это глупо, — рассуждала Териза. — Мы, три взрослых человека, зачем-то пробрались сюда и в темноте отыскиваем место, где воздух, или камень, или Бог знает что еще подаст одному из нас знак. Должно быть, мы все посходили с ума». Если кто-нибудь сейчас выпрыгнет перед ней и скажет «Бу!» — она закричит.

Эта мысль, показавшаяся ей смешной, отвлекла ее внимание. Она не осознавала происходившего, пока прикосновение холода, тонкое как перо и острое как сталь, не царапнуло ее по животу.

Прежде чем она успела среагировать — предупредить об опасности, из стены вышел человек. Когда он тяжело столкнулся с ней, толкая ее на Артагеля, его тело было словно каменная глыба.

Артагель стиснул ее руку.

— Назад! — рявкнул он. — Назад, к свету! — И отпихнул от себя.

Териза споткнулась, но удержалась на ногах. Где Джерадин? Каждый ее мускул напрягся, ей захотелось бежать; она повернулась и увидела, как Артагель толкает Джерадина вслед за ней, угрожая при этом темной фигуре мечом.

Она поспешила к главному коридору, к свету.

Джерадин догнал ее и потянул направо, к ближайшей лампе. Они уперлись в противоположную стену, как раз в том месте, где она упала и ждала, когда человек в черном убьет се. И обернулись — посмотреть, что там с Артагелем.

Он вышел на свет, удерживая меч между собой и жуткой фигурой. Но фигура была не одна. Териза заметила вторую. Третью. Четвертую. Все они были крепко сложены и двигались медленно. Клинок Артагеля, видимо, не очень их пугал.

Четверо. Это плохо. Но хотя бы не больше. Когда на них упал свет, она увидела, что они очень похожи на людей. У них были головы, и лица, и человеческие конечности. Их нагота позволяла заметить, что это мужчины. Они угрожающе вытянули вперед руки.

Но глаза были мертвыми. И под кожей выступали большие шевелящиеся бугры, которые никак не могли быть мускулами.

В руках у этих существ не было какого-либо оружия. Они ступали так тяжело, что Артагель наверняка мог запросто справиться с ними.

Он отступал в другом направлении, пытаясь увести их за собой. На его лице не было боевой улыбки. Но, несмотря на уверенную позу, в его глазах застыл ужас.

Четверо противников не обращали на него никакого внимания. Повернув из бокового коридора, они направились к Теризе и Джерадину.

Артагель крикнул, чтобы отвлечь их. Они на его крик никак не отреагировали. Возможно, они были глухие. Деревянно покачиваясь, они следовали за выбранными жертвами.

И тогда Артагель нанес рубящий удар. Его меч взлетел, сверкнул и опустился на руку передней фигуры; Териза вздрогнула, ожидая, что сейчас рука полетит на пол.

Но рука не упала. Не появилось ни капли крови. Вместо этого кожа в месте удара разошлась, и там, где должна была находиться кость, появилось насекомое, похожее на гигантского таракана.

Насекомое упало с культи на пол.

Секунду оно водило по воздуху усиками, потом энергично заработало жвалами — и направилось к Теризе и Джерадину.

В тот же момент из обрубка кисти вылезло второе насекомое. Кожа руки вся сморщилась, как будто лишь присутствие насекомых придавало ей видимость жизни.

Териза непременно закричала бы, если б у нее вдруг не пропал голос. Насекомое двигалось быстрее, чем тело его носителя; Джерадин что-то заорал, схватил ее за руку, потащил за собой; но остатки того непонятного холода, который был предвестником нападения, казалось, так сдавили ей грудь, что она едва дышала.

Когда второе насекомое упало на пол с искалеченных остатков кисти, из предплечья нападавшего появилось третье.

Териза не могла отвести взгляд от диковинных тварей; Джерадин тянул ее назад. Она видела отвращение в глазах Артагеля, когда тот предпринял новую атаку.

Мощный удар его меча пришелся ближайшей фигуре по основанию шеи и глубоко вспорол грудь. Новый удар — такой молниеносный, что казался продолжением первого, — был нанесен с другой стороны, убийственно пройдя между ребрами.

Не выступило ни капли крови. Фигура не упала.

Торс раскрылся, словно гнилой плод. Голова человека продолжала смотреть вперед, ноги двигаться, неловко, но размеренно, вдоль по коридору, вслед за остальными — и несметные дюжины гигантских тараканов вываливались из его изувеченной груди и живота.

На мгновение все они застыли, поводя усиками, пытаясь уловить запах. Затем, словно поток крови, потекли за Теризой и Джерадином.

Голова существа внезапно лопнула, выбрасывая новый клубок насекомых. После этого ноги перестали двигаться. Фигура покачнулась, повалилась на стену, опрокинулась, а все новые и новые гигантские тараканы продолжали выползать из сдувающихся остатков живота и бедер.

Скоро от человека не осталось ничего, кроме потока насекомых.

Териза услышала судорожное дыхание Артагеля, как будто его сейчас вытошнит.

— Териза! — Джерадин тянул ее за руку. — Бежим!

Завороженная попытками Артагеля атаковать, она не понимала, что стоит на месте и сдерживает Джерадина — а насекомые все ближе и ближе. Ближайшее было почти у самой ее юбки.

Тяжело дыша, она резко развернулась.

И через несколько шагов уже бежала что было духу... Но затем остановилась, чтобы увидеть...

Артагель отбросил меч в сторону. С перекошенным пустым лицом, прикусив нижнюю губу, он приблизился к одной из оставшихся фигур, резко наклонился, схватился руками за лодыжки и рванул изо всех сил.

Существо рухнуло вперед медленно и безвольно, словно подрубленный ствол.

Когда оно коснулось пола, его тело лопнуло. Насекомые, скрывавшиеся внутри, высвободились в одно мгновение.

Они затопили коридор от стены до стены. Свет ламп сверкал и переливался на их темных спинах; они тут же сформировались в поток и поспешили вперед, шевеля жвалами в надежде впиться в плоть своих жертв.

Териза снова бросилась бежать.

Джерадин бежал рядом.

— Мы должны все время держаться перед ними, — выдохнул он. Его грудь вздымалась, требуя воздуха. — Непрестанно. Мы вполне можем бежать быстрее них.

— Как долго? — Ее сердце выпрыгивало из груди, как будто она пробежала уже много миль. Дыхание стало прерывистым от страха и холода. — Как долго ты сможешь бежать?

— Сколько нужно, — мрачно пообещал пригодник. Но каждый вдох давался ему с невероятным трудом.

У лампы Териза остановилась и оглянулась. Двадцать или тридцать футов отделяло их с Джерадином от первой группы тараканов. С этой точки наблюдения весь пол в проходе угрожающе кишел движущимися вперед насекомыми. За ними фигура, которую Артагель атаковал первой, заканчивала разваливаться, освобождая из кокона последних своих обитателей. Оставшееся существо ускоряло шаг, стараясь выдерживать общий темп погони.

Артагель следовал за ним.

— Джерадин! — Его вопль эхом прокатился по коридору. — Что я могу сделать? Скажи мне, что делать?

— Нет, — прохрипела Териза. Она втягивала воздух в легкие и в то же время боялась вдохнуть. — Я не смогу бежать долго. И мы не знаем этого места, не знаем, куда направляемся. Но если мы уйдем отсюда, то приведем этих тварей в Орисон.

Джерадин повернулся к ней с неприкрытым страданием во взгляде.

— Мы должны как-то бороться, — вымолвила Териза, и ей казалось, что это говорит не она, а некто, совершенно не охваченный паникой, от которой сердце выскакивает из груди, отвращением и ужасом, от которых сводит живот. — Мы должны попытаться уничтожить их.

Тараканы все приближались, и он так смотрел на нее, словно вот-вот разрыдается. Затем издал отчаянный крик, похожий на боевой клич, и потянулся к лампе.

Вынув ее из крепления и не обращая внимания на то, что горячее железо жжет пальцы, пригодник швырнул ее в насекомых.

Лампа разлетелась, разбрызгивая горящее масло, и огромная стая тварей запылала.

Они сгорели почти мгновенно, полыхая ярко, как факелы; по-видимому, в них было какое-то горючее. Через два удара сердца от них не осталось ничего, кроме обугленных останков...

...не осталось ничего, лишь черный дым, который тотчас поднялся в воздух и начал быстро рассеиваться.

От него исходило зловоние, как от концентрированной комбинации формальдегида и разложившегося мяса; он жег горло и легкие, словно кислота. Задыхаясь, Териза согнулась пополам; спазм, скрутивший ее, был столь сильным, что она даже не могла закашляться.

Коридор без лампы погрузился во мрак, но Териза, пригнувшись к полу, увидела, что остальные насекомые быстро приближаются, не реагируя на смерть нескольких собратьев. Ей нужно бежать, *нужно*...

Она не могла. Было невозможно прорваться сквозь пелену черного дыма в груди.

Тоже скрученный спазмом, готовый разодрать себе грудную клетку, Джерадин все же сумел обхватить Теризу руками и, поднатужившись, приподнять ее. Он тащил безвольно повисшее тело, пытаясь оторваться на безопасное расстояние от насекомых.

Через несколько шагов Джерадин слегка ослабил хватку, проверяя, не сможет ли Териза двигаться сама. Она глотнула немного воздуха, и спазм стал чуть слабее. Прижимаясь к пригоднику и стараясь по мере сил помогать ему, она, пройдя еще какое-то расстояние, оглянулась.

Как раз вовремя, чтобы заметить, как Артагель взял ближайший к нему светильник и, словно в безумии, кинул в голову последнего из нападавших существ.

Он не понимал опасности; он был слишком далеко и не видел, что произошло с ней и Джерадином. Но она не могла крикнуть, чтобы предупредить об опасности. Из ее горящего горла вылетел лишь тихий шепот, его имя — когда лампа упала и разбилась и фигуру моментально охватило пламя. Она пылала столь яростно, что это казалось невероятным, — и черные испарения от многочисленных насекомых окутали Артагеля, поразив его с такой же эффективностью, как если бы ему нанесли удар мечом в живот.

— Артагель, — прохрипел Джерадин. — *Артагель.*

Териза смотрела на Артагеля и на насекомых до тех пор, пока ее страх не обратился в холодную темную ярость. На этот раз она сама схватила за руки Джерадина и потащила его вперед.

— Пошли. — Обожженное горло саднило; но зато холод как будто приносил облегчение, ослабляя боль. — *Пошли.*

Териза увидела, что впереди коридор расходится в виде буквы «Т» направо и налево. Свет падал в основном с правой стороны.

Достигнув развилки, она внимательно посмотрела в оба ответвления — действительно ли в правом есть лампа? Затем выпустила руку Джерадина. Тараканы гнались за ней. Они прошли через то же зеркало, которое использовал гость в черном, чтобы напасть на нее. Значит, именно она была тем человеком, у кого имелись враги, активно пытающиеся ее убить.

— Возьми лампу, — выдавила она. — Я поведу их в другую сторону.

Джерадин смотрел на нее глазами безумца.

Она толкнула его по направлению к правому ответвлению.

— *Ну же!* Я уведу их за собой. Ты следуй за ними. Каждой лампой, которую мы минуем, ты сможешь уничтожить несколько штук. Только не дыши этим дымом.

Наконец он вроде бы начал понимать. И направился в правый коридор, лишь на несколько шагов опережая приближающихся тараканов.

Териза двинулась по левому коридору задом наперед, чтобы видеть происходящее.

К несчастью, ее предположение оказалось ошибочным. Поток насекомых устремился за Джерадином, полностью игнорируя ее.

Джерадин...

Териза была охвачена ужасом и непониманием. Она едва держалась на ногах; страх пеленой застилал глаза.

Джерадин, еще не сознавая грозящей ему опасности, снял лампу, отцепил ее и обернулся. И увидел катящуюся

на него волну. На секунду он застыл как парализованный. Боевое упрямство на лице сменилось растерянностью. Он опустил лампу и, казалось, вот-вот упадет.

Териза попыталась двинуться, но отказало колено. Она потеряла равновесие и свалилась на пол, раскалывая лед на обширной луже. Вода сейчас же стала впитываться в платье. Она еще не успела снова подняться на ноги, когда услышала вопль:

— Териза! Нам нужна помощь!

Но она лишь неотрывно смотрела на Джерадина, в немом отчаянии пытаясь предупредить его; это было единственное, что она могла сделать. И в этот миг из-за спины пригодника появился Адепт Хэвлок — направил на наступающую армию луч света.

Можно было подумать, что старый безумный воплотитель прятался в коридоре, ожидая именно этой минуты. Его глаза светились одержимостью, однако движения его были не беспорядочными или истеричными, какие она наблюдала у него раньше, а, напротив, четкими и уверенными.

Одной рукой он схватил Джерадина за воротник и оттащил его назад, а второй направил луч на приближающихся насекомых.

Изумление Теризы немного поиссякло, и она заметила, что оружие Адепта — все тот же кусочек стекла, которым он пользовался в ту ночь, освещая ей путь и спасая ее жизнь. Но на сей раз зеркало жгло гораздо сильнее; более жаркий, чем горящее масло, свет поджигал насекомых. Они вспыхивали, лопались и сгорали почти мгновенно, образуя фейерверки.

От удушливого черного дыма заполнившего коридор, свет лампы в руках Джерадина почти померк. Только огонь Адепта Хэвлока пробивался сквозь внезапно наступившую тьму, высвечивая мечущихся по полу и сгорающих сотнями тараканов.

Териза все же вовремя вспомнила, что следует задержать дыхание.

Ей казалось, что уже целую вечность свет, исходящий от руки Адепта, скользит по камню, уничтожая насекомых и заставляя кипеть воду. Сами насекомые максимально упростили этот процесс, с безмозглой решимостью маршируя строго к Джерадину; Хэвлок мог не беспокоиться, что какое-то из них проскочит мимо него вдоль стен — или развернется и бросится наутек. Тем не менее он был осторожен, и на тщательную очистку коридора понадобилось дополнительное время. Териза встревожилась: хватило ли Адепту Хэвлоку здравого смысла, а Джерадину — предусмотрительности, чтобы задержать дыхание?

Вскоре дым настолько сгустился, что даже луч Хэвлока перестал светиться. Воздух щипал глаза. Териза опустила голову к самому полу и прижалась лбом к холодному камню;

жгучий холод камня уравновесил боль в груди, вызванную удушьем, и она почувствовала себя лучше.

Неожиданно что-то коснулось ее плеча.

Подумав, что ее настиг один из тараканов, она откатилась в сторону, судорожно вздохнула и попыталась закричать.

Над ней стоял Адепт Хэвлок в своей обычной грязной хламиде и потрепанной мантии. Свет из его зеркала танцевал по потолку, освещая коридор.

Он выглядел словно опасный псих. Глаза дико вращались; седые волосы клочьями торчали на голове. Широкая улыбка была радостной и похотливой. Щеки под грязной щетиной казались багровыми.

Он с шумом выпустил воздух из легких и зашелся в кашле, как и Териза; слезы покатились у него из глаз, но он перестал ими вращать, и его кожа потеряла багровый оттенок. Дым постепенно рассеивался.

— Я вижу, — прохрипел он мрачно, — что воздух почти нормальный. Было очень благородно с вашей стороны проверить его для меня.

В ее поле зрения появился Джерадин. Глаза его были навыкате, и дышал он тяжело. Но на ногах держался. Едва убедившись, что и она цела, он со стоном выдавил:

— Артагель... — и, уже не сдерживая надсадный кашель, бросился бегом по коридору.

— Артагель? — И снова один глаз Хэвлока начал вращаться, а второй оставался разумным и серьезным. Он слегка покачивал головой, и казалось, что при этом его нос, по-ястребиному крючковатый и резко очерченный, фиксирует каждое произнесенное им слово. — Он попался в эту ловушку?

— Он остался там. — Териза почувствовала тошноту. — Он пытался спасти нас. Дым прикончил его.

— Козлиные яйца! — проворчал Адепт Хэвлок и двинулся вслед за Джерадином.

Не желая оставаться в одиночестве, Териза поспешила за ними.

Она уже увереннее держалась на ногах, боль в легких уменьшилась. Когда они с Адептом нагнали Джерадина, она уже почти совсем пришла в норму.

Джерадин не замечал их. Он сидел на полу, положив голову Артагеля себе на колени.

Лицо Артагеля было искажено усталостью и болью, глаза слепо пялились в потолок. Но он дышал.

От нахлынувшей волны облегчения на глазах у Теризы выступили слезы.

Остановившись возле Джерадина, Адепт Хэвлок энергично тряхнул его за плечо.

— Пошли, Джерадин. Неси его, если нужно. Я думаю, не стоит оставаться так близко от точки воплощения. Кто знает, сколько еще сюрпризов приготовил нам Вагель? Я отведу тебя в безопасное место.

Джерадин крепче обнял брата и не двинулся с места. Териза не могла понять, слышал ли он вообще Хэвлока.

Словно бы идя на уступку, старый воплотитель сказал:

— У меня есть немного вина. Думаю, ему это поможет. — И тут же потерял терпение. — Мрак тебя раздери, мальчишка! Если сейчас снова нападут, я, может быть, не смогу тебя защитить!

И опять Джерадин не шелохнулся. Но Артагель дернул головой, как бы подтверждая, что понял, о чем говорят. Когда Териза схватила его за руку и попыталась поднять, он явно силился помочь ей.

Джерадин протер глаза тыльной стороной ладоней и помог Теризе поднять брата с камней.

— Пошли, — повторил Хэвлок. И подпрыгивающей походкой устремился в обратную сторону.

Поддерживая Артагеля с двух сторон, Териза и Джерадин последовали за ним. Артагель еще не мог сам держаться на ногах, но дышал ровнее, и Териза поняла, что главная опасность уже миновала.

Теперь ее занимал вопрос, куда они направляются, точнее, куда их ведет Адепт Хэвлок. Вот он свернул в короткий коридор, в конце его была массивная деревянная дверь, похожая на вход в погреб. Помещение за дверью оказалось пустым, если не считать порожних бочек на разных стадиях гниения. Адепт Хэвлок не обратил на бочки ни малейшего внимания и проследовал к другой двери, спрятанной в нише в дальней части комнаты.

С внешней стороны эта дверь выглядела вполне обычно, но внутри была надежно укреплена железными полосами и снабжена засовами, накрепко запечатывающими подземелье. Хэвлок закрыл ее за Теризой, Джерадином и Артагелем и провел их в коридор, сразу же переходящий в комнату, беспорядочно уставленную зеркалами.

— Король Джойс за время своих войн конфисковал очень много зеркал, — пояснил Адепт Хэвлок, когда они пересекали комнату, направляясь в следующий коридор. — Создав Гильдию, он отдал Мастерам всего лишь несколько из них. А хранится их у него больше, чем может когда-либо понадобиться. К сожалению, я не смог приспособить их, чтобы они приносили хоть какую-то пользу.

Это зрелище вывело Джерадина из состояния шока, во всяком случае, на время. Он хотел задержаться здесь, но единственный источник света был у Адепта Хэвлока, который быстро покинул комнату. Териза и Джерадин последовали за ним, поддерживая Артагеля.

Они миновали два или три поворота, столько же коротких коридоров и еще одну дверь и внезапно оказались в большой прямоугольной комнате, где Мастер Квилон поведал Теризе о нуждах Морданта.

Здесь, похоже, ничего не изменилось: захламленное помещение по-прежнему выглядело как рабочий кабинет безумного человека. Лампы на стенах и на центральном пилоне хорошо освещали целый ряд дверей на одной стене, ведущих в тайные ходы Орисона.

В сознании Теризы внезапно возникло неожиданное сравнение: Адепт Хэвлок напоминает паука. Эта комната была центром его паутины; тайные ходы — нитями. И сейчас они с Джерадином и Артагелем оказались пойманы...

Хэвлок поспешил куда-то за пилон. Когда он скрылся из виду, Териза и Джерадин усадили Артагеля в кресло у стола с игральной доской. От хриплого дыхания Артагеля они испытывали настоящие муки. Однако он уже пришел в себя и, окинув осмысленным взглядом комнату, с усилием выдавил:

— Он здесь *живет?*

— Похоже на то, — неуверенно сказала Териза. Она пока не собиралась рассказывать кому-либо, что бывала здесь.

— Хотел бы я знать, что он делает со всеми этими зеркалами, — задумчиво произнес Джерадин. Страх, отчаяние и изумление одновременно проступили на его лице, и от этого он выглядел странно, даже несколько диковато.

Адепт Хэвлок вернулся с огромным кувшином.

Наконец-то у Теризы появилась возможность рассмотреть его более внимательно. Он показался ей человеком, постоянно сдерживающим свои необузданные порывы. Он был раскован, но четко контролировал каждое свое движение, в то время как глаза бегали из стороны в сторону в каком-то изменчивом ритме, словно с каждым ударом сердца в его организм впрыскивалась новая доза адреналина.

Он протянул кувшин Артагелю.

— Выпей все. На вкус будет отвратительно. Я добавил немного бальзама для горла. — Потом резко обернулся к Джерадину. — Проследи, чтобы он выпил все без остатка. Когда очухается, сыграй с ним партийку в перескоки. — Он показал на пустую доску. — Вам следует потренироваться. А я пока побеседую с леди.

Не выясняя, как Териза к этому отнесется, он схватил ее за руку и грубо потащил за пилон.

Там он остановился, но заговорил не сразу. Его глаза бегали и вращались; их бесконечное мельтешение, а также последствия отравления черным дымом вызвали у нее новый приступ тошноты. Гримаса исказила его рот сибарита, словно Хэвлок дал себе клятву не улыбаться Теризе. Он медленно поднял старческие морщинистые руки и сложил их на груди.

Из-за пилона послышались звуки рвоты. Вино наверняка было не просто отвратительным, а мерзким. К счастью, эти звуки скоро стихли.

Оставшись с Адептом наедине, Териза ощутила страшное желание закатить истерику, которая избавила бы ее от множества проблем. Это позволило бы избежать его дикого взгляда. Это подарило бы ей хоть немного отдыха — она в нем очень нуждалась. Это освободило бы ее от попытки понять, что здесь происходит. Но он спас ей жизнь. Он спас Джерадина. И, уж конечно, привел ее сюда с вполне определенной целью. Она должна постараться хотя бы выслушать его.

С трудом сглотнув, чтобы смягчить боль в горле, Териза сказала:

— Вы не такой уж сумасшедший, как все считают.

В ответ он хохотнул.

— Ничего подобного. Просто это минута просветления. Квилон ведь говорил, что у меня бывают моменты просветления. Так вот, такой момент наступил.

Он внезапно уронил с груди старческие руки и ткнул в нее указательным пальцем.

— Самое главное, — прошептал он громко, — не задавать мне никаких вопросов. *Ни в коем случае.* Мне и без того нелегко.

И сразу же сменил позу и принялся вращать глазами во все стороны. Невозможно было понять, от чего зависит ритм их вращения — то ли от скачков кровяного давления, то ли от состояния души.

А может быть, Адепт хочет, чтобы она каким-то образом помогла ему, но не задавая никаких вопросов? Может, он хочет, чтобы она догадалась о чем-то? И вообще, имеет ли значение, что она сейчас будет говорить?

Териза деликатно сказала:

— Я еще не поблагодарила вас за наше спасение. Мы едва не попали в эту ловушку... Я не знаю, как Архивоплотитель, или кто бы там ни был, догадался, что мы задумали... Но если бы вы не пришли нам на помощь, мы... — Она содрогнулась, не в состоянии закончить мысль.

— Вагель! — внезапно проворчал Хэвлок с мрачной яростью, но по его лицу было видно, что он оценил

благодарность. — Если бы я мог дотянуться до него хоть одной рукой, то вырвал бы сердце из его груди. Но гнев не идет мне на пользу. — Какие бы эмоции ни мелькали на его лице, они никак не соотносились ни с его позой, ни с движением глаз. — Это была просто случайность. Первое удачное стечение обстоятельств за все это время. Я видел этих существ и раньше — всего однажды, когда был в составе группы воплотителей верховного короля Фесттена, собранных при Вагеле в Кармаге. Я наблюдал, на что они способны. Но мне так и не довелось увидеть их зеркало.

Мне тогда сказали, что эти существа — вроде охотничьих собак. Если воплотить в их мир нечто с запахом человека, за которым вы хотите начать охоту, то эти насекомые обезумеют. Однако их нельзя воплощать непосредственно. Они забудут запах и нападут на первую попавшуюся жертву. Их нужно воплотить в живые тела, которые послужат им коконами.

Теризе показалось, что она теряет сознание.

— Они прожирают тело изнутри и таким образом поддерживают себя, не забывая запаха.

— Вот что они собирались сделать с Джерадином, — тихо промолвила Териза. Она поднесла руку ко рту, борясь с новым приступом тошноты.

— И со всяким, кто попадется им на пути, — добавил Адепт. Похоже, он немного успокоился. — Вот почему я сказал, что это было удачное стечение обстоятельств. Если бы он не оказался рядом с местом воплощения, когда эти существа появились здесь, они отправились бы на его поиски. Нам пришлось бы иметь с ними дело в обитаемых местах Орисона. Кто знает, сколько человек погибло бы?

От одной только мысли, что Джерадин мог превратиться в кокон для чудовищных насекомых, Теризу передернуло. Пытаясь отогнать кошмарное видение, она сказала:

— Как хорошо, что вы вовремя оказались там и спасли нас!

Ей хотелось еще добавить: «Я видела в предсказании всадников из моего сна. Джерадин считает, что я воплотитель».

— Я говорил, что безумен, — сказал Адепт довольно резко, — но не утверждал, что глуп. — К ее удивлению, он улыбнулся, обнажая желтые кривые зубы. — Вполне очевидно, чего именно добивался Вагель с помощью этой точки воплощения. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы создать ловушку, и было бы неразумно не использовать ее. Я присматривал за ней по мере сил и возможностей с тех пор, как вы сообщили о ней Квилону, — на следующий день после нападения на вас Гарта.

— Гарт? Бретер верховного коро... — выдавила она из себя.

Он сильно зажмурился, а его руки, словно выйдя из-под контроля, сжались в кулаки и застучали по вискам. На какое-то время он задержал дыхание.

— Простите, — горячо прошептала она, почему-то вдруг испугавшись. — Простите. Я не хотела. Я просто не знала, что это был Гарт...

Он втянул носом побольше воздуха и открыл глаза.

— Ну конечно же, это был Гарт. — И постепенно, мускул за мускулом, ценой нечеловеческих усилий, он восстановил свое прежнее состояние и состроил гримасу. — Союз между Вагелем и Фесттеном все еще в силе. Кадуол хочет вашей смерти больше, чем Аленд с предателем-принцем в придачу. — Он быстрее завращал глазами, и они все более загорались безумием.

Его попытка улыбнуться закончилась неудачей, и он без всяких предисловий сказал:

— Вы, вероятно, удивляетесь, почему я привел вас сюда? На это я не смогу ответить. Даже если бы у меня был ответ, он скорее всего не имел бы для вас никакого смысла. Но я хочу вам рассказать еще кое-что о короле Джойсе.

Изменение темы беседы весьма заинтересовало Теризу.

— Знаете ли, взаимосвязь между воплотимым, предсказаниями и судьбой — любопытная философская проблема. — Адепт говорил спокойно, но глаза выдавали возбужденное состояние. Своим видом он все больше напоминал голодного паука. — Прежде чем Джойс появился на свет, я уже был, что называется, «ручным воплотителем» кадуольского князя, правившего Демесне и Орисоном. Он был домашним тираном, его изощренные издевательства приводили меня в отчаяние. Поэтому я решил подготовить предсказание для ребенка, который должен был родиться.

К сожалению, мне не удалось отлить плоское зеркало, показывающее то самое место, в котором это зеркало находится — а именно холм поблизости от Орисона, — *холм,* — добавил он значительно, — находящийся сейчас *внутри* замка. Фактически теперь он служит основанием башни, где расположены королевские покои.

Но в то время, — продолжал Хэвлок, — все, что я мог увидеть в зеркале, — это конюшни, где князь позволял нам оставлять наших жалких лошадок.

Естественно, я мог бы подождать, пока ребенок подрастет и сам придет в конюшню. Но, как я уже сказал, меня мучило отчаяние. И в одну темную ночь, вскоре после его рождения, я украл маленького Джойса из люльки и отнес в конюшни, где рискнул оставить одного на куче соломы, а сам побежал в свою небольшую лабораторию, чтобы заняться предсказанием.

Он простудился и чуть не умер — но я получил то, что хотел.

С того места, где стоял Хэвлок, нельзя было видеть Джерадина и Артагеля, находившихся за пилоном. Териза глянула в их сторону и, убедившись, что Артагель заметно ожил,

взглядом предупредила их, чтобы они не вмешивались. Рассказ Адепта полностью завладел ее вниманием.

— Это было знаменательное предсказание, но, с одной стороны, неоспоримое, а с другой — весьма сомнительное. Так, оно вполне определенно говорило, что Джойс станет королем. В то же время оно не сказало почти ничего о том, как он этого добьется. Оно не показало ни одной из битв, которые ему предстояло выиграть, ни одного из принятых им решений. Таким образом, предсказание не могло служить нам руководством к действию. Самое большее, что оно давало, это подтверждение правильности уже полученных результатов — таких, например, как создание Гильдии — путем идентификации каких-либо событий с тем, что мы видели в предсказании.

Вот вам пример, — сказал он мрачно, и в его глазах промелькнуло безумие. — Согласно моему предсказанию, Джойс должен был стать королем в старости. *После того*, как огромная дыра неясного происхождения появилась в стене Орисона.

Териза молча уставилась на него, а лица Джерадина и Артагеля выражали изумление. Териза была уверена, что он хочет сообщить ей нечто важное, возможно, недоступное ее пониманию.

— В то время мысль, что придется ждать так долго, подействовала на меня угнетающе — и я даже вознамерился оставить Джойса на конюшне. С тех самых пор я ищу ответ на вопрос: что было не так? Исказил ли я каким-то образом предсказанное, воздействуя на естественный ход событий? Способен ли сам факт создания предсказания повлиять на предсказываемое? Или тут вмешались другие факторы? Ведь король Джойс мог простудиться той ночью и умереть, но он оказался сильнее судьбы. Значит, он сам изменил свою судьбу?

Наше положение было бы намного лучше, если б мы знали ответы на подобные вопросы.

И, словно внезапно преобразившись, он стал совершенно другим человеком, расслабился и бесцеремонно почесался. Достоинство и самоконтроль, свойственные ему, моментально исчезли. Хламида Адепта была такой затасканной и грязной, что в ней вполне могли водиться вши. Но Хэвлок внезапно вновь принял свою неудобную позу.

— Я расскажу вам еще кое о чем, что было в моем предсказании. Но обещайте никому никогда не говорить об этом. Никогда-никогда-никогда.

Должно быть, сохранять здравый рассудок ему удавалось с великим трудом — несмотря на холодный воздух в комнате, по его лбу катились горошины пота.

— Естественно, тогда я не знал, что это были его дочери. Но сейчас это очевидно. — Его черты застыли в на-

пряжении, остановившийся взгляд завораживал. — Вы не можете себе представить, чем занималась Мисте.

Чтобы сдержаться, Териза впилась ногтями в ладони.

— Естественно, не можете представить, — пробурчал Хэвлок, словно услышал в ответ нечто оскорбительное. — Вам не дано. Вот почему я собираюсь сказать об этом.

Я видел ее, — произнес он с сарказмом в голосе, — рядом с фигурой, удивительно напоминающей Воина Гилбура. Мисте как будто умоляла его не убивать ее.

Териза оказалась более сильной, более устойчивой к неожиданностям, чем ей казалось. Но она не подозревала, что может испытывать больший ужас, чем пережила совсем недавно. Хэвлок знал, куда направилась Мисте! Наверное, знал об этом и король Джойс. Наверное, он знал об этом давно. *Умоляла его не убивать ее.* Мисте!

Похолодев от страха, Териза чуть слышно спросила:

— Он убил ее? Неужели она прошла через все это лишь для того, чтобы ее убили?

Но, похоже, Хэвлок не слышал ее. Пока она выдыхала свои вопросы, Джерадин сделал несколько шагов в их сторону.

— Значит, Мисте находится с Воином? Вот почему никто не видел ее! Знает ли об этом король Джойс?

Разъяренный, Хэвлок резко развернулся, словно собираясь ударить Джерадина. Но его разворот внезапно сменился пируэтом, и он завершил круг, размахивая руками, словно дряхлая ворона крыльями. Остановившись, он посмотрел на Джерадина так, будто хотел стереть его в порошок, но тут же рассмеялся, и его голос был хриплым от сдерживаемой радости.

— Знаете, какая разница между пригодником и подлецом?

Джерадин замер от обиды и уставился на безумного воплотителя.

Адепт Хэвлок принялся перебирать пальцами по губам, как бы дразня его. Но вдруг перестал и выдал свой ответ:

— Пригодник еще не побывал у врага.

Он прыснул, в восторге от собственного остроумия, и повернулся к Теризе.

— Уловили? — Хэвлок оборвал смех, увидев ошеломление на ее лице. — Женщины! — буркнул он. — Придумавший женщин дал им груди вместо мозгов. Клянусь волосатым козлом Архивоплотителем! Неудивительно, что Мордант оказался в такой заднице.

Внезапно у нее снова заныло горло. Он был так ценен и нужен — и совершенно безумен.

— Простите, — прошептала она. — Бедняга. Простите.

Но никакие извинения не могли вернуть ему сознание. Он ухмыльнулся ей, почмокал губами и произнес, как бы в завершение беседы:

— Прелюбодеяние.

Артагель уже мог идти самостоятельно, и вместе со своими спутниками он нашел дорогу назад, к главным коридорам Орисона.

— Лучше все же сообщи Смотрителю Леббику об этом нападении, — мрачно сказал брату Джерадин, когда они направлялись к башне Теризы. — Необходимо поставить охрану у этой точки воплощения.

Артагель кивнул и ушел. Конечно, он все еще чувствовал неимоверную слабость, каждый шаг давался с трудом; ему необходимо было срочно отдохнуть.

При мысли, что она сейчас останется одна, у Теризы по коже побежали мурашки, и она попросила Джерадина составить ей на какое-то время компанию. Почти до наступления сумерек он развлекал ее, рассказывая о своей семье, о каждом из своих братьев и их жизни в провинции Домне. Успокоенная его восторженными воспоминаниями, она вознамерилась обсудить происшедшие события.

К несчастью, в этот момент Джерадина вызвали; явился один из юных пригодников и увел его выполнять какую-то работу.

Остаток послеполуденного времени прошел уныло. Вечер тоже не предвещал ничего хорошего, но Териза вдруг, к своему удивлению, почувствовала, что слишком устала и у нее слипаются глаза. Благодарная за этот маленький подарок судьбы, она легла спать.

На следующее утро Териза пробудилась от калейдоскопа сновидений, словно от собственного крика. Именно в эту минуту Саддит влетела в ее комнаты и радостно сообщила, что Мастера Эремиса освободили.

— В самом деле? Вы уверены? — Териза пыталась сдержать чувства, но ее сердце едва не выскакивало из груди. Мастер сказал: «Когда я буду свободен, то приду к вам». И словно по мановению волшебной палочки все события предыдущего дня стали менее важными. «Не останется ни одной частички вашего женского естества, которой я не буду обладать». — А почему Смотритель Леббик отпустил его?

Саддит не скрывала своего восторга от этой новости.

— Я не знаю подробностей, миледи. Смотритель требует от своих людей, чтобы они держали рот на замке. Но по слухам... — она драматически понизила голос, — вчера было нападение на Орисон с помощью воплотимого. А ведь Мастера Эремиса потому и заключили в темницу, что считали ответствен-

ным за подобные происшествия. — В голосе служанки слышалось возмущение. — Но, разумеется, он не мог устроить нападение на Орисон с помощью воплотимого из подземелья Смотрителя. И не было найдено ни единого доказательства его вины. — Она хмыкнула. — Даже нашему рьяному Смотрителю не дано права держать в темнице ни в чем не повинного человека.

Териза старалась не думать о причинах радости Саддит. Ее собственные мысли пребывали в таком беспорядке, что не хотелось запутывать их еще больше. К чему вспоминать, как стонала и извивалась Саддит под Мастером Эремисом? Вместо этого она живо ощутила прикосновение его губ и языка к своей груди — когда он наставлял ее, как предавать Джерадина, — и нетерпеливо ждала ухода служанки.

Она желала Мастера и в то же время боялась, глядя ему в лицо, сообщить об отказе помогать ему, предавая Джерадина. От раздирающих ее страстей у нее разболелась голова. Как только Саддит закрыла дверь, Териза приняла ванну, чтобы быть готовой ко всему, и надела самое отвратительное платье из имевшегося в гардеробе, зачем-то стараясь выглядеть как можно менее привлекательно. Мастер Эремис. Джерадин. Она совсем по-разному нуждалась в обоих и не представляла, как можно предпочесть одного из них.

Но Мастер Эремис не пришел.

Териза думала, что наконец-то узнает, кто она такая. Никто из мужчин, с кем она общалась, не дал ей на это ответ. Она рискнула прогуляться с Джерадином до точки воплощения, созданной Вагелем, всего лишь для того, чтобы почувствовать на мгновение пронзительный холод в животе — ощущение, которое не произвело в ней никакой перемены. Она знала, что Мастер Эремис может получить любую женщину, какую только пожелает.

Видимо, ее он не хотел.

Возможно, по этой причине — именно потому, что не могла получить его — она обнаружила, что сгорает от страсти к Мастеру Эремису.

19. Последствия ранней оттепели

Через четыре дня погода испортилась.

К этому времени Териза заставила себя забыть об оскорблении, нанесенном ей Мастером Эремисом. Она теперь старалась проводить как можно больше времени в беседах с Джерадином. Однако сознание того, что у нее нет выбора, нет

возможности действовать более разумно, постоянно мучило ее. Она никак не могла освободиться из окутавшей ее серой пелены депрессии, доводившей до отчаяния; собственное поведение все больше напоминало ей предыдущую жизнь, жизнь до появления в Орисоне. В результате ее нынешнее общение с Джерадином становилось похожим на бесконечные беседы, которые она вела с преподобным Тэтчером. Но здесь, в этом мире, бороться с бессмысленностью существования было для нее практически невозможно.

Она потеряла ощущение цели в жизни, направленность своих действий. Даже всадники из ее сна, появившиеся в предсказании Гильдии, казались ей глупыми. Не существовало никаких причин для того, чтобы она здесь находилась. Ей не удавалось даже *придумать* какую-либо причину. А бесконечные беседы с Джерадином были ей нужны только для того, чтобы удержать его при себе, чтобы он не исчез из ее жизни, как это случилось с Мастером Эремисом.

В то время когда снег, пронзительный и колкий, словно льдинки, хлестал по окнам, ветер тоскливо завывал над башнями и весь Орисон, казалось, погрузился в неподвижную тишину, Териза, окаменев не от спокойствия, а от ожидания, не делала ничего, только ела, спала, сидела в своих комнатах и беседовала с пригодником, когда тот был свободен от выполнения своих обязанностей.

Он приносил ей новости со всего Орисона. Мастера развернули яростные — и, казалось, нескончаемые — дебаты: что делать с Воином и как им вообще относиться к своему решению вызвать его? Стражники Смотрителя Леббика и все свободные каменщики были заняты латанием стены Орисона, в основном используя обломки, оставленные Воином. Аргус и Рибальд не спускали глаз с леди Элеги.

Когда новости для обсуждения заканчивались, Териза и Джерадин беседовали обо всем подряд.

Пригодник постоянно боролся за укрепление ее духа. Дабы не причинить ей боль малейшим проявлением уныния в себе, он пребывал только в хорошем настроении. Зная ее больные места, которых не следует касаться, он предпочитал держаться на определенной эмоциональной дистанции. Он не подталкивал ее к какому-либо решению, ни на чем не настаивал. С деликатной предупредительностью, отринув свою вечную неловкость, он заботился о ней.

И совершенно не заботился о себе, даже не пытался этого делать. Его враги были такими же безжалостными, как и ее, и желали его смерти так же страстно — и тоже по неве-

домой ему причине. Но если он и боялся, то держал свой страх при себе.

Как-то раз он задумчиво спросил:

— Ты почувствовала что-нибудь особенное возле точки воплощения?

Прикосновение холода, тонкое, как перо, и острое, как сталь, — но этого ей говорить не хотелось; это слишком сильно пугало ее.

— Там было так холодно, и мне было так страшно. Сразу перед тем, — она вздрогнула, — как эти люди появились, я вдруг почувствовала еще больший холод и страх. — Она знала, что почти наверняка никогда не расскажет об этом Мастеру Эремису. — Наверное, это все.

Он испытующе посмотрел на нее.

— А что почувствовал ты? — спросила она. — Это могло бы многое объяснить. Если у тебя есть такой талант — и Мастер Гилбур, наверное, догадывался об этом, обучая тебя, — ты мог бы найти хоть приблизительное объяснение, почему на тебя напали.

Он уставился в потолок.

— Думаешь, это меня порадовало бы? Впрочем, неплохо бы получить хоть какое-то объяснение. Но все, что я могу вспомнить, это только мысль: «До чего же глупа наша затея!» Я затащил вас с Артагелем в холод и тьму из чисто теоретических соображений. Я даже не заметил, когда произошло воплощение.

Она разочарованно вздохнула.

Несколько раз они возвращались к странному разговору с Адептом Хэвлоком.

— Как ты думаешь, к чему было все это? — недоумевал Джерадин. — Для чего он тебе это рассказывал? И почему рассказал именно эти подробности?

Ей даже нечего было предположить.

— Он безумен. Возможно, то, что он называет «просветлением», — это когда он способен составлять из слов предложения.

Но такое объяснение не удовлетворило их обоих. Постепенно ее сдержанность исчезла, и она неожиданно для себя стала рассказывать ему о своей первой ночи в Орисоне. Она живо описала, как Адепт Хэвлок отвел ее в свои покои, что поведал ей Квилон об истории Морданта и как затем Адепт Хэвлок спас ее от человека в черном.

Джерадин слушал в изумлении и недоумении. Когда она закончила, он выдохнул:

— Значит, они знали? С самой первой ночи, как ты появилась здесь, они знали о грозящей тебе опасности. Мастер Квилон все это время почему-то был очень занят. — Он насупился. — Если бы ты сообщила об этом остальным членам Гильдии, они тебе не поверили бы. Мастер *Квилон?* Который

способен вмешиваться в чьи-то дела? — сказал он более чем серьезно. — По крайней мере мы знаем, кто мои враги. Мастер Гилбур и Архивоплотитель Вагель.

Териза кивнула. Она чувствовала, как мрак все плотнее окутывает ее.

Но Джерадин изо всех сил сопротивлялся унынию. Улыбнувшись, он произнес:

— У всего этого есть одно достоинство — я теперь знаю, каково тебе здесь. Ты не понимаешь, почему все здесь считают тебя на что-то способной. Я оказался в аналогичном положении — не понимаю, почему столь значительные люди прилагают такие усилия, чтобы покончить со мной.

Она была слишком подавлена, чтобы оценить юмор.

— Хотелось бы знать, на чьей стороне Мастер Квилон и Адепт Хэвлок. Явно не на стороне короля. И не Гильдии. И не Мастера Гилбура. — Она могла бы еще добавить: «И не Мастера Эремиса».

Сколько же здесь всего сторон?

Но рассуждения на эту тему возвращали ее назад, к их встрече с Адептом Хэвлоком — и к поискам смысла того, что он говорил. Наконец Териза решила открыть Джерадину остальные свои тайны. Она доверяла ему — не потому, что ему можно доверять, а потому, что он был ее другом. И Мастер Эремис ее не желал. Так что ничего плохого не случится, если она расскажет Джерадину о Мисте.

Он слушал ее с напряженным вниманием. Когда она объяснила, отчего Мисте отправилась за Воином, он кивнул головой, словно бы соглашаясь с ней во всем, и в его глазах показались слезы. Когда Териза закончила, он долгое время сидел молча, потом мрачно произнес:

— Мисте мне всегда нравилась. Конечно, — добавил он, — Элегу я знал лучше. И Торрент настолько прекрасна, что при виде ее хочется лечь на пол, пусть бы она ступала по тебе, чтобы не дать ей застудить ножки. У короля Джойса все дочери необычайно привлекательны. Но Мисте... — Его голос задрожал.

Умоляла его не убивать ее. Териза почувствовала, что вот-вот расплачется.

Ранним утром пятого дня она очнулась от беспокойного, не приносящего отдыха сна из-за шума дождя.

Еще ничего не соображая спросонок, Териза выбралась из постели и подошла к ближайшему окну.

Она была озадачена, так как не увидела ни малейших признаков непогоды. Небо оказалось совершенно чистым. Только что проснувшееся солнце ощупывало теплыми лучами стены и зубцы башен, и небеса были ярко-голубыми,

скорее даже слегка пурпурного, а не голубоватого оттенка. Дальние холмы под толстым снежным покрывалом казались нежными и мягкими, и кривые улочки Орисона выглядели более живописно, чем вчера. Они больше походили на внутренний двор замка из волшебной сказки.

Потом Териза сообразила, что эти звуки вызваны таянием снега.

Вода стекала с крыш и башен, местами образуя настоящие водопады. Двор замка напоминал скорее болото; вся земля скрылась под лужами, огромными, как пруды. Стражники и обычные прохожие с трудом пробирались через двор к скоплению магазинчиков, палаток, повозок и обратно; погода вынудила их надеть плащи и высокие сапоги; но под открытым небом, где пригревало солнце, они снимали плащи или расстегивались.

Оттепель. Зима отступила.

Легкая дрожь пронизала все ее тело, когда она подумала, что теперь ей не помешало бы прогуляться и за пределами замка. Прогулка должна помочь ей справиться с депрессией.

И она торопливо стала совершать утренний туалет.

Ее ничуть не удивило, что Джерадин пришел раньше, чем Саддит принесла завтрак. Щеки пригодника горели от возбуждения, он тяжело дышал: должно быть, бежал по ступенькам. На первый взгляд ей показалось, что он находится в таком же состоянии эйфории, что и она, только более возбужден. Но пламя, исходящее из его глаз, показывало, что на самом деле все гораздо сложнее.

— Ты видела, что за окном? — выдохнул он, едва закрыв за собой дверь.

— Да.

Они одновременно выглянули наружу, любуясь солнцем, дарующим земле тепло и весну, которая сменит долгую мрачную зиму.

— Зеркала и осколки! — пробормотал он, едва восстановив дыхание. — Это ужасно.

Она в изумлении уставилась на него.

— Ужасно?

Джерадин рассмеялся.

— Разве это не глупо? Каждую весну я ощущаю нечто подобное. Весь мир снова пробуждается к жизни. Первая оттепель заставляет меня выбегать наружу и скакать по лужам подобно мальчишке.

И тем не менее это ужасно. Несмотря на то что я очень люблю эту пору. — Он попытался собраться. — Териза, это *очень* плохое событие.

Его смех вызвал на ее лице улыбку.

— Хорошо, что я давно знаю тебя. Будь ты мне незнаком, я бы решила, что ты сошел с ума. *Почему* это плохое событие?

— Ты хочешь сказать, будто знаешь меня настолько хорошо, что даже не веришь в *возможность* для меня сойти с ума? Ты серьезно так полагаешь? — Он быстрым жестом остановил ее протест. — Потому что это произошло рано. Слишком рано. Зима — это было единственное, что нас защищало. Если растает слишком много снега, ничто не помешает Кадуолу и даже Аленду выступить прямо *сейчас*.

Ты слышала, что сказал Вердон. Верховный король Фесттен уже собрал армию. Он смог сделать это потому, что в Кадуоле выпадает гораздо меньше снега, чем у нас. И можешь не сомневаться — алендский монарх не послал бы своего сына с такой опасной миссией, как визит в Орисон, не подготовив предварительно армию для его спасения. Или для мщения за него.

Мы единственные, кто не готов к войне, — продолжал он. — Конечно, я уверен, Смотритель Леббик сделал все, что в его силах. Но мы не готовились к войне минувшей осенью, поскольку король Джойс отказался отдать такой приказ... — Джерадин старался говорить бесстрастно, — и по-прежнему к ней не готовы, так как он всю зиму ни на что не обращал внимания. У нас была единственная надежда — что снег пролежит до тех пор, пока к королю не вернется здравый смысл.

Териза нахмурилась, пытаясь сосредоточиться.

— Если они выступят сегодня, то кто из них будет здесь первым?

Согнав с лица унылое выражение, Джерадин снова сверкнул улыбкой.

— Нетрудно предугадать. Кадуол ближе, особенно если они будут пересекать Вердон с юго-запада. Самая удобная дорога для Аленда — с юга через провинцию Армигит. Это почти вдвое дальше.

Но Южный Вердон — бесконечные холмы, местами довольно крутые. Армигит — почти сплошь равнина. Чтобы добраться до нас, армии верховного короля нужно форсировать две реки, Вертигон и Бродвайн. Алендцам достаточно перейти вброд Пестиль. И Вердон будет бить кадуольцев на каждом шагу. Армигит же... — Джерадин вздохнул. — Мне кажется, самое большее, на что мы можем рассчитывать — что они отважатся несколько раз выстрелить из катапульт по армии Маргонала, когда та будет проходить мимо.

Хотя снаружи заметно потеплело, воздух еще не был ласково-теплым; Джерадин вплотную приблизился к окну, и его дыхание оставило на стекле влажное пятно.

— Но на самом деле все это еще сложнее. Когда уехал от нас принц Краген? Шесть дней назад? Думаю, он скачет во весь опор, но тем не менее не способен передвигаться с максимальной скоростью. Даже сегодня. Весь снег не растает за один день. Значит, он до сих пор еще далеко от дома. Станет ли алендский монарх предпринимать какие-то действия без него? Я не знаю.

И потому с высоты своей мудрости, — он состроил комичную гримасу, — заверяю тебя, что может случиться самое неожиданное. А с нашей удачливостью — и подавно случится.

— В этом не будет ничего удивительного, — сказала Териза. — С тех пор как я сюда попала, то и дело случается *самое неожиданное*.

Он хмыкнул и отвесил ей поклон.

— Миледи, вы прекрасно разбираетесь в самых запутанных проблемах. — И добавил: — Нам, наверное, везет. Если это перестанет случаться, мы скорее всего погрузимся в черную меланхолию.

— Это ты погрузишься, — ответила она. — Для меня меланхолия — обычное состояние. — Она изобразила задумчивость. — Во всяком случае, мне так кажется.

Он рассмеялся.

— У тебя душа ребенка. Наверное, именно потому ты мне так нравишься. — Радостно глядя на оттепель за окном, он вздохнул. — Но все это действительно ужасно.

— Простите, что запоздала, миледи. — Саддит вошла в комнату с большим подносом в руках. — Стражники сказали, что у вас Джерадин — уже... — она подмигнула ему, — поэтому я вернулась захватить побольше еды.

Совсем оглупев от весеннего томления, Териза спросила:

— Как там сегодня Мастер Эремис?

Саддит опустила глаза на свои выпирающие груди.

— Он очень занят. Но с ним все в порядке. — Она посмотрела на Теризу чуть насмешливо и добавила: — Во всяком случае, так говорят.

Териза заметила, что служанка чувствует себя не столь уверенно, как старается показать.

Джерадин смотрел на них с любопытством, но не вмешался в их диалог. Он, видимо, решил не углубляться в подробности их отношений с Мастером.

Когда служанка ушла, Териза вознамерилась поправить настроение плотным завтраком. Но душа ее жаждала действий. Ей хотелось *сделать* хоть что-нибудь, как можно скорее сбежать из этой комнаты — и вообще от себя, если бы это было возможно.

— Давай покинем замок, — неожиданно сказала она. — Сегодня же. Прямо сейчас.

Он уставился на нее, перестав жевать.

— Покинем?.. Ты же знаешь, я не могу...

— Я имела в виду не это. Давай прогуляемся. За пределами замка. — Чтобы придать своим словам какой-то смысл, она поспешно добавила: — Мы могли бы нанять лошадей. Я не умею ездить верхом — но ты научишь меня. Я просто хочу убраться *отсюда* на какое-то время.

Джерадин задумался, силясь понять ее.

— Я сделаю все, что ты хочешь. А что такое «нанять»?

Почему-то ей пришло в голову, что было бы довольно забавно наорать на него. Или вовсе не *забавно?* Может, это помогло бы снять напряжение?

К счастью, кто-то выбрал именно этот момент, чтобы постучать в дверь.

Подавив свои эмоции, Териза спокойно сказала:

— Войдите.

Стражник торжественно приоткрыл дверь и официально объявил:

— Леди Элега. — Затем отступил в сторону и согнулся в поклоне, приглашая старшую дочь короля войти.

Она была одета как будто для прогулки на свежем воздухе — в теплую меховую накидку с большим воротником и высокие кожаные сапоги с узором.

Джерадин вскочил на ноги. Териза невольно сделала то же самое.

Элега внимательно посмотрела на обоих.

— Простите, — сказала она с ироничной улыбкой. — Я не собиралась пугать вас.

— Страшные тайны, — с готовностью отреагировал Джерадин. — Вы ведь знаете меня, миледи. — Его улыбка была не более невинной, чем ее. — Я вечно устраиваю заговоры.

Леди смерила его взглядом и повернулась к Теризе.

— Какие бы заговоры он ни устраивал, Териза, — продолжала она иронизировать, — надеюсь, вы не окажетесь втянутой в них. Не сомневаюсь, что заговоры у него получаются столь же удачно, как и все остальное. — И подытожила: — Он неисправим.

В ответ Джерадин согласно кивнул.

— Вы слишком высоко цените меня, миледи.

Вместо того чтобы закричать: «Немедленно прекратите!» — Териза спросила Элегу:

— Вы не разделите с нами трапезу?

— Благодарю вас, нет. — Королевская дочь непринужденно поддержала тему. — Я уже позавтракала. Вот чего

бы я хотела, так это взять вас с собой на прогулку по магазинам. Может быть, это развлечет вас.

Прогулку по магазинам? Териза уставилась на нее: до чего знакомое сочетание слов! Как странно, что она слышит его от Элеги.

— Боюсь, это будет не слишком приятное развлечение. Такая грязь кругом, — пояснила леди. — Но эта оттепель — какое-то чудо. Если она продлится день или два, то дороги вокруг Орисона настолько очистятся, что торговцы смогут пополнить свои запасы. К концу зимы склады совсем опустели, и к торговцам не стоило даже заглядывать. Но сейчас со дня на день должны привезти новые товары.

Териза, мне хочется, чтобы у вас были новые платья, можно договориться с портными, и они сошьют по вашему вкусу.

— Платья?

— Ну, любую одежду. Конечно же, — сказала Элега уверенно, — я не откажу вам в совете, подскажу, что больше соответствует нашей погоде и нашим обычаям. Но главное — чтобы вы доставили себе удовольствие.

— Но, — первая мысль, которая пришла Теризе в голову, — у меня нет денег.

Леди удивленно приподняла изящную бровь.

— Вы подруга дочери короля. Зачем вам деньги?

Териза не находила слов, чтобы выразить свое недоумение. К счастью, Джерадин догадался прийти ей на помощь.

— Леди Элега права, — сказал он убежденно. — Если вы появитесь вместе с ней, любой торговец или лавочник в Морданте даст вам все, чего вы только пожелаете. Это одна из привилегий правящей семьи.

Возможно, это не совсем честно. — Его упрек напоминал о том, что большинство его друзей принадлежали к простому люду Орисона, а не к лордам и леди. — Но так как король Джойс, управляя страной, приносит ей больше богатства, чем отбирает, королевские привилегии никому не причиняют вреда.

Териза пыталась подавить в себе смятение. В самом деле, ей уже давно следовало привыкнуть к неожиданностям. Они стали самым обыденным явлением в ее жизни. Подумав об этом, она испытала легкий душевный подъем.

— Спасибо, — кивнула она леди. — Ваше предложение кажется привлекательным. Я как раз перед вашим приходом говорила Джерадину, что хотела бы выбраться из этой комнаты. Я уже едва не кричу от нетерпения.

Элега улыбнулась.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. В такую пору я чувствую себя так же. Когда вы будете готовы?

Териза посмотрела на Джерадина; но на его лице она увидела маску абсолютной безучастности.

— Может, прямо сейчас?

— Это меня вполне устроит, — обрадовалась Элега. — Но прежде я дам вам совет. Вам следует переодеться перед тем как мы пойдем. Портные, которые обслуживают леди Орисона, имеют дело с самым разным платьем. Но, боюсь, они плохо разбираются в... — она подыскивала слово поизящнее, — в фасонах вашего мира. Захватите с собой ваши вещи, чтобы оставить их портному, а он использует их как образец. Иначе у него может получиться что-нибудь совсем другое.

Хотя Териза не была вполне уверена, что действительно предпочитает рубашки и штаны платьям, совет Элеги показался ей логичным, и она не стала пренебрегать им.

— Подождите меня минутку. — Из гардероба в спальне она достала серое платье и направилась в ванную переодеться.

— Одевайтесь потеплее, — крикнула ей Элега. — И учтите, там грязно.

Надев платье, Териза отыскала полушубок и сапожки, которые Джерадин принес ей для экскурсий по крепостным стенам Орисона. Через несколько минут она была готова к выходу. Свои старые вещи она спрятала под полушубок. Сердце ее билось, как у школьницы.

— Вы составите нам компанию, Джерадин? — спросила Элега. — Сомневаюсь, что выбор материи и фасонов будет вам интересен, но двум леди было бы неразумно отправляться на прогулку по магазинам без сопровождения. — И она пояснила Теризе: — Несмотря на все старания Смотрителя Леббика, базар привлекает великое множество нежелательных людей — карманников, попрошаек, жуликов и просто невеж. Стражники поддерживают порядок, но они не в состоянии предотвратить все мелкие преступления. — Затем снова обратилась к Джерадину: — Если вам нужен повод, чтобы избавиться на сегодня от своих обязанностей, то я буду счастлива подтвердить, что приказала вам сопровождать нас.

— Вы, как всегда, чрезмерно добры, миледи. — Несмотря на ее колкий тон, он улыбался. — К тому же просьба королевской дочери равносильна приказу. Конечно, я отправляюсь с вами.

Элега улыбнулась ему, словно непослушному ребенку.

— В таком случае вам тоже не помешает что-нибудь на себя накинуть.

И тут он заподозрил, будто леди что-то задумала. Но подавил свои сомнения.

— Неплохая идея. Через какие двери вы будете выходить во двор? Я вас догоню.

Услышав ответ, он кивнул Теризе и покинул комнаты.

— Ну что, пойдем? — жизнерадостно сказала Элега.

Покидая вслед за дочерью короля свои комнаты, Териза не была уверена, правильно ли поступает.

Болтая о разных пустяках, Элега повела ее по Орисону к северо-западной оконечности замка. По пути им попались Рибальд и Аргус; стражники слонялись по коридору, как будто находились сейчас не на службе и не могли найти лучшего занятия.

Настроение Теризы начало меняться. То, что поначалу казалось весенней лихорадкой, превратилось в очередную комбинацию из интриг и заговоров Морданта.

Она не возражала против этого. Сейчас ей хотелось *сбежать* от депрессии.

Они с Элегой подошли к двери, которая выходила во двор замка. Солидные оковы и тяжелые железные запоры на ней предназначались для того, чтобы надежно закрывать доступ в замок; но сейчас дверь была распахнута, и снаружи стояли стражники, наблюдая за толпой, которая, вытекая из Орисона, кружилась и бурлила вокруг магазинчиков и палаток.

Наконец появился Джерадин; он бежал. Сейчас на нем был полушубок.

Он не смог скрыть своего облегчения — оно было написано на его лице: подозрения оказались напрасными. Он приветствовал обеих женщин улыбкой.

Териза глубоко вдохнула весенний воздух и последовала за своими спутниками по грязи.

И снова ее поразили размеры внутреннего двора замка. Скрытая тенью, которую сама же и отбрасывала, восточная часть замка казалась темной на фоне чистого голубого неба; но вся западная часть Орисона купалась в солнечных лучах и сверкала коричневыми и серыми тонами слагавшего ее камня, так что воздух прогревался здесь еще больше. При таком освещении мрачные стены замка не казались устрашающими; поднимаясь со всех сторон, они обещали безопасность. В окнах, сверкающих на солнце, играли блики света; с палок, веревок и шестов свисало стираное разноцветное белье, оно придавало стенам дополнительный колорит; высоко на башнях трепыхались на ветру штандарты, снизу напоминавшие детские флажки.

Грязь оказалась не такой ужасной, как можно было ожидать. В этой части двора, вдалеке от места, где стражники занимались выездкой, земля была засыпана гравием, что не решало проблему, но делало грязь менее гигроскопичной и липкой. У Теризы мгновенно промок и испачкался подол платья; но ходить это ей не мешало.

Без сомнения, каждый по-своему переживает недуг весенней лихорадки. Люди во дворе замка широко распахивали деревянные двери магазинчиков, украшали свои палатки лентами, пригоняли телеги, груженные свежими припасами; никто не решался привезти их сюда вчера, в холод. Все надевали самые яркие наряды и чувствовали себя как на празднике. Териза уловила мелодию дудок и лютней под аккомпанемент бубна. Где-то, вероятно, танцевали. Запах дыма, который легкий ветерок приносил с тонких жестяных труб на крышах деревянных построек, из дымовых отверстий на верхушках палаток и от огня, разведенного на воздухе в нескольких местах между строениями, смешивался с ароматами еды и специй.

Териза внезапно и без причины почувствовала себя восхитительно и рассмеялась.

У Джерадина было такое же настроение. Улыбалась и Элега, хотя по блеску глаз было видно, что у ее радости несколько иные нюансы. Териза улыбалась им обоим и старалась идти помедленнее.

— Ага! — Проходя через толпу мимо магазинов, Джерадин не стеснялся пользоваться привилегированным положением *друга королевской дочери.* Он заглянул через край телеги и дотянулся до длинных шампуров с обугленными кусочками мяса. — Это моя самая любимая еда. — Продавец кивал без остановки, будто прыгающая на волнах пробка, пока Джерадин с торжественным видом возвращался к Элеге и Теризе. — Это называется «сокровище Домне». Мясо — обычная баранина, но оно приправлено соусом, который не оставит ваше сердце равнодушным.

И он протянул по шампуру каждой своей спутнице.

— Ешьте. И сожалейте, что не родились в провинции Домне.

— Мне кажется, — беззлобно сказала Элега, — что мы бы сожалели гораздо больше, если б *родились* в провинции Домне.

Едва Териза надкусила жесткое мясо, как по ее щекам потек сок. Мясо было приправлено на ее вкус весьма необычно. Испортившийся кориандр? Неправильно хранившийся тмин? Ради Джерадина она доела кусок, который уже был у нее во рту, и стала подумывать, как бы ей незаметно избавиться от всего остального. К счастью, пригодник был настолько увлечен смакованием своей порции, что оказался совершенно глух и слеп. Элега быстро сунула шампур первому попавшемуся прохожему. После секундного колебания Териза проделала то же самое. Затем смущенно вытерла щеки.

Элега вела их дальше. Толпы вокруг были слишком шумные, что не способствовало спокойной беседе. Люди весело смеялись, кричали, подбадривая или подначивая друг друга, приветствовали друзей и зазывали покупателей. Но Теризе и не

хотелось ни о чем говорить; она во все глаза смотрела на бурлящую во дворе замка жизнь и впитывала впечатления. Здешняя суета была совсем не похожа на механический шум улиц города, в котором она родилась и жила. Эти люди не думали, как нажить состояние, и не боялись потерять работу, их не заботило, как отбиться от грабителей или чем заплатить за квартиру. Так же как не думали о войне с Кадуолом или Алендом, об этике воплотимого или о странном поведении их короля. Их мысли были заняты более важными вещами.

Джерадин, глуповато улыбаясь, догнал их. С Элегой пробраться через толпу не составляло труда.

Здесь все было выстроено и установлено бессистемно, без заботы о престиже или удобстве подхода к нужному месту, а уж о санитарии и говорить нечего. Видимо, авторитет Смотрителя Леббика не слишком давил на эту маленькую деревеньку, которая выросла здесь ради удовлетворения нужд Орисона. Хрупкие деревянные строения казались чересчур высокими для своих фундаментов и слишком тесно жались друг к другу, возможно, чтобы предохраниться от падения, что создавало для покупателей трудности даже при поисках входа. Палатки зачастую стояли так близко одна к другой, что пройти мимо можно было не иначе как перелезая через крепежные веревки. Костры для приготовления пищи пылали в опасной близости от сухих планок и тентов. Теризу то и дело стискивало толпой, и она порадовалась отсутствию у себя денег.

В одном месте они прошли рядом с шарлатаном, торгующим снадобьями из ярко раскрашенного вагончика. Его рубашка была слишком тесна, а штаны — слишком просторны; все это представляло собой лохмотья, и то ли по какой-то лишь ему ведомой необходимости, то ли для красоты он был увешан с ног до головы разноцветными лентами, так что дыры казались необходимой частью его костюма. Усы у него свалялись, так же как и волосы, которые он для пущего эффекта посыпал пеплом. Пепел покрывал местами и его кожу; глаза дико вращались.

Его снадобья находились в небольших изогнутых стеклянных бутылочках, в причудливых глиняных горшках внушительных размеров и в плетеных корзинах, прикрытых соломой. Он выкрикивал их названия высоким голосом, напоминающим вопли сумасшедшего. Если бы на шее у него просто висела красная табличка с надписью *шарлатан*, это было бы менее убедительно, чем то, что он делал сейчас. Многие проявляли интерес к его товарам, но подлинных покупателей не было.

— Откуда *берутся* подобные существа? — спросила Териза Элегу. — Неужто продажа снадобий может его прокормить?

— Вы не бывали за стенами Орисона, — холодно ответила Элега; она, очевидно, не разделяла любопытства Теризы. — Не судите обо всем лишь по своему опыту общения с нами. В самом Демесне — впрочем, это относится и к основным городам провинций — среди обитателей достаточно простаков и глупцов, и, уверяю вас, они живут лучше, чем вам кажется.

Однако Теризе этот человек показался более удивительным, чем она могла сама себе объяснить. От того, как он вращал глазами и рекламировал свой товар, возникало подозрение, будто он прекрасно понимает, что делает, — значит, в его поведении заключалась какая-то хитрость. Может быть, он вел себя так умышленно? Может быть, столь необычный вид — просто маска, за которой скрывается совсем другой человек?

Но ее спутники не пожелали задерживаться здесь. Они прошли еще немного, и Элега сказала громко:

— Все магазины с тканями и мастерские портных находятся здесь. Они выстроены чуть ли не на голове друг у друга. Обычно это место не бывает тихим. Мне кажется, они куда больше озабочены похищением друг у друга моделей, чем привлечением покупателей. Но они будут вежливы, пока я нахожусь с вами.

Териза хотела ответить, что это справедливо не только в отношении данного места. Но прикусила язык и ничего не сказала.

Они миновали фургон, с которого торговали хлебом. С другого фургона продавали украшения, которые стражник вполне мог бы купить служанке. На открытом пространстве, где еще не успели построить магазин и установить палатку, стоял жонглер в черном просторном плаще и подбрасывал вверх острые куски металла, похожие на звезды, с такой легкостью, словно это были простые шары. Его плащ трепетал на ветру и облеплял его подобно черному вихрю. Затем Териза и ее сопровождающие оказались возле портных и торговцев одеждой. Они увидели тюки материи, разложенные на окнах и торчащие из дверей, и услышали громкие голоса людей с мерными лентами вокруг шеи и торчащими из одежды булавками, за которые цеплялись проходившие мимо обыватели.

Внезапно Джерадин издал вопль радости и изумления и рванул вперед, разбрызгивая грязь.

Женщины посмотрели ему вслед.

— Клянусь вам, Териза, — сказала леди, — этот человек с каждым годом все больше становится мальчишкой. — Несмотря на спокойный тон, она выглядела взволнованной, даже слегка обеспокоенной. — Неужели он забыл, что это неумно и невоспитанно — бросать нас?

Териза смотрела, как Джерадин отчаянно протискивается сквозь толпу, и замерла, опасаясь, что он упадет в грязь. Но он не упал. Вместо этого он в изумлении остановился.

— Давайте поглядим, что происходит. — Не дожидаясь согласия, Териза направилась в его сторону.

Элега громко вздохнула и последовала за ней.

Джерадин оказался недалеко; они нашли его рядом с другим человеком, который явно не был рад встрече с Джерадином.

— Териза, — объявил пригодник, когда они с Элегой подошли ближе. — Это мой брат Найл.

И тут же из него безудержно потекли слова.

— Артагель сказал мне, что ты здесь, но я почти не поверил ему. Мне не удалось найти тебя. Где же ты скрывался? Я так рад видеть тебя. Почему ты здесь? Последнее, что я слышал о тебе, — будто ты собираешься остаться на зиму в Хауселдоне. Ты пытался отговорить себя от... Впрочем, это не важно. Как там у нас, все в порядке? Как отец? А Тольден? А как?..

— Дай ему вставить хоть слово, Джерадин, — уверенно вмешалась Элега. — Я не сомневаюсь, что у него и в мыслях не было, как ты сказал, «скрываться». Не пытайся смутить его.

Джерадин с трудом заставил себя замолчать.

Териза с нескрываемым любопытством рассматривала Найла. Даже случайно встретив его, она наверняка признала бы в нем брата Джерадина. У него были такие же, как у Джерадина, волосы и цвет лица, телосложение Джерадина и почти такой же рост, всего на дюйм меньше. Он был бы точной копией Джерадина, если б на его лице не застыло выражение мрачной задумчивости, столь не похожее на открытость младшего брата. Он казался человеком вполне серьезным, но не слишком удачливым.

Он принужденно кивнул обеим женщинам.

— Миледи Элега. — Они с Элегой даже не посмотрели друг на друга. — Миледи Териза. Я рад встрече с вами... — Териза не слышала радости в его голосе, — хотя мой брат не потрудился представить нас.

Джерадин начал извиняться, но Найл перебил его.

— Ты не мог меня найти, потому что я был занят своими личными делами, — едко сказал он, глядя на Джерадина. — Они не имеют к тебе никакого отношения, поэтому у тебя нет причин для вмешательства.

— Что ты подразумеваешь под словами «личные дела»? — хмыкнул Джерадин. — Я ведь твой *брат*. У тебя не может быть «личных дел», к которым я не имел бы отношения. Даже у Стида, — он хохотнул, — нет личных дел, хотя ему как раз неплохо бы их иметь. Половина мужей в Домне вздрагивают, когда он вхо-

дит в комнату. Чем же можешь заниматься ты, если об этом нельзя сказать своей семье?

Ни один мускул не дрогнул на лице Найла. Отвернувшись от Джерадина, он еще раз кивнул Теризе и Элеге.

— Леди, надеюсь, вы довольны оттепелью. Прекрасная погода, не так ли?

Он повернулся к ним спиной и пошел по проходу между магазинами.

Териза посмотрела на Джерадина; его лицо было напряжено, как будто он хотел броситься вслед за братом. Он повернулся к Элеге.

— Миледи, — голос его звучал очень тихо, — это из-за вас?

Элега не стала отвергать его обвинение. Глядя вслед удалявшемуся Найлу, она произнесла:

— Возможно, это имеет ко мне какое-то отношение. Мне надо перемолвиться с ним парой слов. Прошу простить.

И, придерживая юбку руками, она поспешила за Найлом.

Джерадин двинулся вслед за ней. Териза коснулась его руки. Разве Элега однажды не упоминала при ней о Найле? Ну конечно. Когда она вела Теризу на первую ее встречу с Мисте. *Мне больше по вкусу Найл.* Джерадин посмотрел на нее, он хотел спросить, почему она удержала его; но Териза его опередила.

— Почему это может быть из-за Элеги?

Элега догнала Найла, они остановились и о чем-то стали говорить. Их лица трудно было разглядеть; слишком много народу суетилось вокруг. И, естественно, их разговор услышать было невозможно.

— Многие годы он сгорал от любви к ней, но был уверен, что ему ничего не светит. Он думает... — Джерадин нахмурился. — Я этого не понимаю. Он думает, будто недостаточно хорош для нее, так как не прославил себя никакими подвигами. Он знает, что у нее большие амбиции, и уверен — она откажет ему. Думаю, больше всего его оскорбляет то, что *я* был помолвлен с ней — и упустил свой шанс. Он пообещал нам остаться в Хауселдоне на всю зиму, чтобы набраться храбрости и попросить ее руки.

— Ты думаешь, он прибыл в Орисон, чтобы выяснить, выйдет ли она за него?

Джерадин кивнул. Лицо у него было озабоченное.

— Но я уверен, что он еще не набрался храбрости. Если бы он осмелился и она отказала ему — он не остался бы в замке. Значит, она причинила ему боль, прежде чем он решился сделать предложение. Он не уехал, потому что не добился поставленной цели. Но он очень сильно страдает. — Джерадин посмотрел на Теризу. — Конечно, это все мои предположения.

Но посмотри на них. Как бы там ни было, она знает о муках, причиняемых ею.

То, что Териза увидела сквозь толпу, вроде бы подтверждало выводы Джерадина. Элега говорила с Найлом так, словно продумала все заранее. И его ответы — как бы ни были они кратки — выражали понимание и даже некую долю согласия.

Чтобы хоть немного отвлечь Джерадина, Териза сменила тему беседы:

— А что ты думаешь о шарлатане? О том человеке в лохмотьях и лентах?

Джерадин все никак не мог оторвать взгляд от Найла и Элеги. Наконец он посмотрел на Теризу.

— Что ты сказала? Я не расслышал.

— Тот шарлатан, которого мы недавно видели. Что ты думаешь о нем?

— Что думаю о нем? Да ничего. А что такого?

Мыслями Джерадин был все еще с братом.

— Просто любопытно, — сказала она задумчиво. — Что-то в нем...

Так как пригодник всегда с готовностью подчинялся ее капризам, он и сейчас напряг свою память и сказал:

— Я не видел его здесь раньше. Странно, почему? Он, пожалуй, не настолько молод, чтобы быть новичком в своем деле.

— Но, с другой стороны, он действительно вовсе не стар, — начала она. — Он...

И вдруг ее осенило.

— Он кого-то мне напоминает. — Вот почему он вызвал ее интерес! — Я *видела* его раньше.

Джерадин уставился на нее.

— Ты... что?

— Я *видела* его раньше, — настаивала Териза. — Я уверена в этом. Но в другом виде, переодетым.

— Где это было? — Джерадин насторожился. — Это тот человек, который напал на тебя?

— Гарт? Нет. — Она закрыла глаза, чтобы успокоиться. — Это не он. — Но обрывки воспоминаний не складывались в единое целое. — Я не знаю. Где-то. — Но чем старательнее она пыталась вспомнить шарлатана, тем менее знакомым он ей казался. — Не могу вспомнить.

— Не заставляй себя. Чем быстрее ты об этом забудешь, тем легче потом вспомнишь. — Затем добавил: — И — спасибо.

Она тряхнула головой.

— За что?

Он кивнул в сторону Элеги и Найла.

— Мне нужно было отвлечься от них.

Териза посмотрела в том направлении. Найл нырнул в толпу, а Элега шла к своим спутникам.

Ее решительная улыбка и безучастный взгляд яснее ясного говорили, что она не собирается посвящать их в то, что было между нею и Найлом.

— Простите, я заставила вас ждать, — сказала она, прежде чем Териза и Джерадин успели заговорить. — Лучшие магазины одежды как раз перед нами. Зайдем?

Следуя за Элегой, Джерадин встретился взглядом с Теризой и пожал плечами. Его кривая ухмылка была скорее печальной, нежели злой. Ведь это не первая с его стороны попытка общения со старшей дочерью короля.

Он умел не обижаться на ее поступки.

Когда они оказались возле магазинчиков с тканями и портняжных мастерских, шум вокруг стал напоминать рев. Торговцы сражались за потенциальных покупателей так агрессивно, что Териза никогда бы не посмела зайти сюда без сопровождения. Однако леди Элегу творившееся вокруг, похоже, ничуть не смущало. Сохраняя на лице естественную улыбку, она остановилась посреди прохода и сказала громко, но спокойно:

— Господа, нет нужды устраивать шум. Вы знаете, что меня вам все равно не переубедить. Ведите себя хоть чуточку спокойнее.

И почти мгновенно вокруг воцарилась тишина. Когда люди увидели, кто перед ними, они стали расступаться и расталкивать соседей, освобождая проход.

В ответ Элега грациозно склонила голову; от этого жеста пригодник закатил глаза. Однако Териза заметила, что лавочники относятся к ее присутствию совершенно серьезно. Должно быть, оказывать услуги королевской дочери было делом прибыльным.

Выбрав магазин, Элега вплыла внутрь, словно флагман во главе флота. Как у многих деревянных строений, у этого пол лишь на самую малость возвышался над грязью. Несколько шатких ступенек вели на узкое крылечко, выглядевшее скорее бутафорским; распахнутая дверь приглашала в небольшую комнату, где торговец показывал свои товары.

В комнате было светло, потому что незастекленные деревянные окна распахнули настежь; жаровня, расположенная на полу, слегка согревала помещение. Резво вскочив из-за прилавка, торговец рассыпался в почтительных приветствиях и всяческом выражении своей радости по случаю появления дочери короля.

Кроме прилавка и жаровни, в комнате больше ничего не было. Из стен торчали планки для полок, но сами полки отсутствовали. Фактически в магазине не было ни куска ткани, за исключением вывешенных в окнах и над входом.

Элегу, однако, это совершенно не смутило.

— Я вижу, мы пришли куда хотели.

Торговец настолько осмелел, что отважился сказать:

— Именно так, миледи. Все мои зимние товары распроданы. У меня не осталось ничего, кроме образцов. И это доказательство того, что наши товары отменного качества. — Он гордо склонил голову. — Но у меня будет все, что вы пожелаете, как только откроются дороги, — добавил он поспешно.

— Отлично. Давайте посмотрим образцы. — Элега показала на свою спутницу. — Леди Териза де Морган хотела бы обновить свой гардероб.

— Одну секунду, миледи.

Мужчина принялся доставать из-за прилавка длинные тонкие лоскуты материи и раскладывать их для осмотра.

Джерадин откашлялся.

— С вашего позволения, миледи, — сказал он, обращаясь к Элеге, — я хотел бы ненадолго покинуть вас. Мой совет вряд ли поможет вам выбрать товар. Но если что-то побеспокоит вас, пока вы будете рассматривать платья или беседовать с портными, все торговцы в этом районе поднимутся на вашу защиту.

— Только, пожалуйста, оставьте Найла в покое, — выражая согласие, ответила Элега. — Мне кажется, он сегодня не в том настроении, чтобы беседовать о семейных делах. — Она взяла два или три лоскута и показала их Теризе. — Что вы думаете вот об этом?

Когда пригодник с легким поклоном вышел из магазина, Териза спросила у Элеги:

— А вы знали, что Найл в Орисоне? Джерадин удивился, услышав об этом.

— Нет. А почему я должна была об этом знать? — произнесла она без всякого интереса. — Я тоже удивилась, так как не знала, что Найл приехал сюда, пока мы не увидели его. И, боюсь, скоро потеряю способность поражаться поступкам сыновей Домне.

Териза пожала плечами.

— Мне показалось, что вы с ним уже встречались. Вы однажды упомянули о нем в разговоре со мной. У меня сложилось впечатление, что он вам нравится.

— Да. — Напускное безразличие давалось Элеге значительно лучше, чем Теризе. — Я считаю его своим другом. И уважаю его. В нем есть серьезность рассудительности? Нет, пожалуй, серьезность *страсти*, которой явно не хватает его братьям. Просто невозможно представить, чтобы он потратил столько лет, сколько Джерадин, пытаясь стать воплотителем, и не преуспел бы на этом поприще. И так же трудно представить, чтобы он, научившись так искусно владеть мечом,

как Артагель, отказался бы, как Артагель, стать командиром Королевской гвардии.

Было время, — призналась она, — когда он проявлял ко мне интерес и я относилась к нему так же серьезно. — Она говорила, абсолютно не обращая внимания на присутствие лавочника. — Но я не знаю, что привело его сейчас в Орисон. Его «личные дела», каковы бы они ни были, не имеют ко мне никакого отношения.

— Мне просто было любопытно. — И Териза сосредоточила все внимание на материи.

Элега доказала, что глаз у нее наметанный. Ткани, выбранные ею, были отличного качества — теплый твид и легкий поплин для повседневной одежды, прекрасные шелка и бархат для официальных приемов; и цвета, которые она рекомендовала, шли Теризе — под цвет ее глаз и волос. Вскоре перед Теризой лежали десять образцов. Из них она хотела выбрать два или три, но Элега сказала лавочнику:

— Для начала этого хватит. Как только ткани доставят, отправьте их Миндлину, портному. Он сообщит вам, сколько понадобится.

— Обязательно, миледи. С удовольствием. — Перспектива лишиться материи на десять платьев, похоже, его не беспокоила.

Териза была слишком потрясена, чтобы возражать. *Десять* моделей платьев? Что она будет делать с таким количеством одежды?

Элега, казалось, была довольна, увидев лицо Теризы.

— Пойдемте, — сказала она с улыбкой. — Миндлин всегда шьет для меня платья. Я думаю, он будет рад постараться и для вас.

— Без сомнения, миледи, — вмешался лавочник, — без сомнения. Отличный выбор, если позволите мне выразить свое мнение. Мастерство Миндлина великолепно. Я доставлю ему материю, как только она прибудет.

Одарив его кивком, леди вывела Теризу из магазина.

Заведение Миндлина располагалось поблизости. Оно было еще проще, чем магазинчик с тканями, а Миндлин оказался аскетичным на вид, высоким человеком с впалыми серыми щеками; разговаривал он надменным тоном, и казалось, будто говорит не он, а кто-то другой. Подхалимаж в его словах был настолько явным, что привел в замешательство даже Элегу.

— К несчастью, — пояснила она Теризе, — его репутация как моего личного портного помогла ему разбогатеть.

Териза не смогла сдержать улыбку.

Но неловкость не помешала Элеге контролировать ситуацию. Она коротко сообщила Миндлину, какие ткани прибудут к нему и от кого. Затем спросила Теризу:

— Чего бы вы хотели?

Териза пришла в замешательство.

— Я никогда не заказывала себе платья.

— Тогда это будет для вас полезным опытом, — с удовлетворением заметила Элега и сообщила Миндлину, что леди Теризе нужны два платья для официальных приемов, два теплых зимних, два более легких на весну, и — показав на вещи Теризы — четыре комплекта такой же одежды: два зимних и два на весну. Она объяснила, какую материю использовать в каком случае, проявив при этом удивительную компетентность.

Но вам следует обсудить детали, — сказала она Теризе, — разве что вы положитесь на вкус Миндлина. Если вы в чем-то сомневаетесь, то можете не торопиться. Он принесет вам свою работу задолго до того, как она будет закончена, и вы сможете все еще раз примерить. Так что у вас есть возможность обсудить фасон юбок, количество кружев, которыми вы хотите украсить платье, и даже, — она иронично усмехнулась, зная о слабости женщин, — желаемую глубину декольте.

— Это наверняка будет замечательно! — ответила Териза восторженно, хотя и испытывала некоторую неловкость.

— В таком случае я оставляю вас с ним, — в заключение объявила Элега. В ее движениях была заметна поспешность, когда она направлялась к дверям.

При мысли, что она останется один на один с нелегкой задачей, Теризу вдруг охватила паника.

— Куда вы? Разве вы не останетесь со мной?

Леди подбадривающе подмигнула ей.

— У меня здесь есть еще одно небольшое дело. К тому же я и так приняла за вас слишком много решений. Я скоро вернусь — совсем скоро. Ждите меня здесь. Я ненадолго.

И прежде чем Териза успела снова возразить, Элега вышла.

Териза хотела броситься вслед за ней. Она внезапно почувствовала себя одинокой в окружении враждебного мира. У нее было слишком много вопросов. Как Миндлин собирается измерять ее? Неужели ей придется раздеваться прямо здесь, в этом заведении? Как она могла?..

И как по команде, поведение портного сильно изменилось, он стал менее сдержанным, даже позволил себе зловеще улыбнуться. Подхалимский тон из его речи моментально исчез. С отвращением разложив перед собой вещи Теризы, он спросил:

— Миледи действительно собирается надевать подобное?

Она услышала отголоски сарказма своего отца и почувствовала себя бесправным ребенком. Она была готова разрыдаться и повторять: «Нет, ну конечно же, нет, нет; если вам они не нравятся, что бы вы порекомендовали?» К счастью, она вовремя сдержала себя. Действительно, ей следовало

стыдиться своего поведения. Неужели это она противостояла самому Смотрителю Леббику, причем не единожды? А теперь испугалась какого-то *портного?*

Териза с трудом подняла глаза и посмотрела ему прямо в лицо. Сделав это, она окрепла духом. Улыбнулась и спросила:

— А что в них не так?

Она уловила в его лице пренебрежительную усмешку.

— Они не вполне подходят для леди. Они не женственны.

— Вы так считаете? Там, откуда я прибыла, они считались... — она покатала слово на языке и поняла, что ей нравится вести себя так, — шикарными.

Миндлин, похоже, был шокирован. Она заподозрила, что он испугался, наверное, понял, что недооценил ее. Подхалимаж снова зазвучал в его голосе, в то время как самоуверенность начала медленно таять.

— Как миледи будет угодно. Я постараюсь в меру моих скромных возможностей удовлетворить ее вкус.

Здесь двух мнений быть не могло: да, ей нравилось вести себя так. Однако при этом важно было не перестараться.

— Но вы, наверное, правы, — сказала она, словно он переубедил ее. — Мне не нужны четыре пары такой одежды. Достаточно двух. — И в порыве вдохновения добавила: — А из оставшегося материала вы не могли бы сшить костюм для верховой езды?

— Костюм для верховой езды? — Его чуть не хватил паралич. — Миледи собирается заняться верховой ездой? На лошадях?

— Ну конечно, — ответила Териза невинно. — Там, откуда я прибыла, все леди увлекаются верховой ездой. Или вы не знаете, как шить подобные платья?

Он отвел взгляд.

— Мне не доводилось шить такие костюмы для благородных дам. Но я сделаю все, чего миледи будет угодно пожелать.

— Вот и славно. — Она могла гордиться собой.

Продолжая изучать пол и не глядя ей в лицо, портной сказал:

— Если миледи будет угодно, я сниму мерки с этого, — его палец дернулся в сторону ее рубашки и штанов, — и верну их не позднее сегодняшнего вечера. После чего, к сожалению, мне придется ждать доставки материи, чтобы обслужить миледи. Как сказала леди Элега, моя прекрасная патронесса, детали можно будет обсудить на стадии завершения работы.

— Вот и чудненько, — подытожила Териза. Она знала, что не сможет долго вести себя подобным образом, и повернулась к выходу. Пытаясь повторить царственную походку леди Элеги, она вышла из магазина к толпе, на солнечный свет.

Будь здесь Джерадин, она бы расхохоталась — он понял бы комичность ситуации. Но нигде поблизости его не было видно. И Элега не показывалась. Ругань торговцев между собой достигла прежнего накала. Если бы кто-то и окликнул Теризу, она все равно ничего бы не услышала. Водоворот толпы вынудил ее идти, а не стоять на месте, и она позволила потоку отдалить ее от лавки Миндлина.

Прежде чем Териза оказалась довольно далеко и решила повернуть обратно, она заметила мелькнувшую впереди фигуру Найла.

Он целеустремленно пробирался сквозь толпу — не торопясь, но и не теряя время попусту. Его маршрут почти неожиданно вывел его из поля зрения Теризы; но вот он показался между магазинчиками и двигался явно все в том же направлении.

Подчиняясь внезапному порыву, Териза устремилась вслед за ним.

Если бы кто-то поинтересовался, зачем она это делает, она бы почувствовала неловкость. Однако Найл был для нее знакомым, а ей не очень нравилось находиться одной в толпе незнакомых людей. Впрочем, ее интерес к нему можно было объяснить хотя бы тем, что он брат Джерадина. Но не меньшее любопытство вызывала цель его путешествия. Видимо, это было то самое, что заставило его избавиться от Джерадина, но не от Элеги.

Было ли ему известно, что Элега собиралась предать лучшего друга его отца?

Териза поспешила к магазинчикам, где он только что мелькнул. Оказавшись в том проходе, по которому он шел, она снова заметила его. Он был далеко впереди.

Она не хотела привлекать к себе внимание и потому не бежала. Но в то же время ей не хотелось потерять его из виду. И, отринув сомнения, Териза отважилась перейти на бег.

И это оказалось единственно правильным, хотя она то и дело наталкивалась на прохожих и совершенно незнакомые люди выкрикивали ей вслед проклятия. Териза уже настолько приблизилась к Найлу, что не упустила его, даже когда он повернул к прилавкам с едой, а затем повернул снова. Она достигла продуктового ряда как раз в тот момент, когда он перебирался через веревки и исчез во внутренностях палатки, установленной слишком близко к соседним постройкам.

Она приблизилась к этой палатке и остановилась. Нужно ли следовать за ним туда? Платье и полушубок мешали ей перелезть через веревки. А у палатки, похоже, другого входа не было — может быть, с другой стороны. Но если с другой стороны тоже есть вход, то она уже потеряла брата Джерадина.

Если же он сейчас пойдет назад, а она попытается пробраться внутрь, то он, вероятно, заметит ее.

Наконец Териза подобралась поближе ко входу в палатку и стала ждать здесь, поглядывая по сторонам и стараясь не привлекать к себе внимания.

Палатка была размером с комфортабельный коттедж. Под ее навесом располагались грубые столы, установленные прямо на земле (в ней вообще не было пола), и с этих столов мужчины и женщины торговали сережками и ожерельями, шалями и безделушками. Никто из стоявших за столами не страдал от излишнего внимания потенциальных покупателей; один продавец окликнул Теризу, приглашая ее внутрь. Она проигнорировала его и осталась на своем посту.

Через несколько минут она сочла свое положение глупым, но внезапно ее упрямство было вознаграждено: тент слегка пошел волнами, когда Найл вышел из-под него и снова перебрался через веревки.

Сердце ее бешено колотилось; она приблизилась к палатке, боясь оказаться узнанной, и повернулась, чтобы проследить за ним, держась одной рукой за веревку.

Его взгляд был сосредоточенным и целеустремленным. Чем бы он ни занимался, это явно не доставляло ему ни малейшего удовольствия: лицо было такое мрачное, что, казалось, сквозь кожу проглядывали кости. Видимо, он не ждал от жизни ничего хорошего.

Не заметив ее, он отправился обратно тем же путем, каким пришел сюда.

Териза уже была готова последовать за ним, когда новое колебание тента возвестило о том, что кто-то еще покидает магазинчик тем же способом.

Она повернулась как раз вовремя, чтобы с близкого расстояния рассмотреть человека, который выбрался оттуда, где только что побывал Найл.

Это был знахарь, его ленты и лохмотья экзотично трепетали на ветру.

Знахарь? Одного этого было достаточно для изумления. Но то, что она, оказывается, действительно знала его, заставило ее неподвижно застыть с раскрытым ртом. Он прошел так близко, что Териза его узнала.

Несмотря на бутафорскую одежду, на пепел, которым были осыпаны его лицо и волосы, она узнала принца Крагена, Аленского Претендента.

Все вокруг словно перевернулось. *Этого не может быть,* запротестовала она. Я же видела, как он *уезжал*, я видела, как он выезжал из Орисона со всеми своими людьми.

Но если он захотел тайно вернуться, то действительно мог сделать это, лишь замаскировавшись. У нее сдавило горло, ей показалось, что она сейчас задохнется. Разве мог он связаться с Элегой как-то иначе? Возможно ли было другим способом готовить какие-то совместные действия?

И Найл был вовлечен во все это. Элега солгала ей. Его *личные дела* имели к ней самое прямое отношение. Неудивительно, что он даже не навестил своих братьев.

Он участвовал вместе с Элегой и принцем Крагеном в заговоре против короля Морданта.

И приглашение Элеги прогуляться было вовсе не таким уж невинным. Оно не имело ничего общего с простой дружеской услугой. Прогулка по магазинам — всего лишь предлог. Элега пыталась таким способом отвлечь ее внимание.

Териза была настолько поражена, что не замечала одетого в черное жонглера с острыми серебристыми звездами до тех пор, пока он не оказался прямо перед ней, менее чем в двадцати футах.

Трепещущий на ветру, облепляющий его и развевающийся плащ, черный как ночь, привлек ее внимание. Звезды в его руках начали свой танец. Они ярко отблескивали в лучах солнца, взлетая в воздух, скользя у него между пальцами, словно снопы света. Вскоре он оказался стоящим среди облака вспышек.

Он проделывал все это не глядя — его руки знали свое дело. Сам же он внимательно наблюдал за Теризой.

Звезды ввели ее в состояние транса. В одно мгновение развеялась завеса перед ее глазами, и она увидела отчетливо все, что происходило вокруг, и все поняла.

Здесь, посреди базара, вдали от потоков воды, стекающих с крыш Орисона, земля, утоптанная множеством ног, под лучами солнца начала подсыхать, и обувь при ходьбе теперь не утопала в грязи.

Найл удалился из-под тента в одном направлении, принц скрылся в другом. И словно для большего эффекта сцены Джерадин и Элега появились с разных концов длинного продуктового ряда.

Солнечное тепло усиливало ароматы пищи. Сладости, масло, орехи, сушеное мясо — все это являлось как бы частью обрамления для танца звезд, сверкающих в воздухе.

Элега явно кого-то высматривала в толпе — может быть, даже Теризу. Явление Элеги напомнило Теризе, что солнечный свет не гармонирует с красотой леди.

Пригодник же заметил Теризу. Он помахал рукой и, улыбаясь, поспешил к ней.

Небо над головой было голубым как мечта, пронзительно голубым, чистым, идеальным фоном для крутящегося серебристого сверкания.

Но у жонглера *был нос, напоминающий лезвие томагавка; его зубы оскалились в хищной улыбке. И ей показалось, что она видит шрамы на его щеках.* Его горящие желтые глаза неотрывно пялились на нее...

Миг понимания закончился, и Териза даже не успела заметить, как все произошло.

Внезапно ритм танца звезд изменился. Из рук жонглера они полетели прямо ей в голову, словно яркие металлические листья, подхваченные сильным ветром.

Почти не сознавая, что делает, Териза уклонилась от первой звезды. Вторая лизнула ее по щеке.

Остальные звезды должны были непременно попасть в нее. Но они сбились с курса, потому что Джерадин уже врезался в жонглера и схватил его за руку.

Жонглер нанес локтем удар, повергший Джерадина на землю. Затем откинул свой плащ, и в руках у него появился двуручный меч, засверкавший стальным огнем.

Он бросился на Теризу.

Но она уже отступала назад — и споткнулась о порог палатки.

Вдруг все потемнело. Люди вокруг выкрикивали проклятия. Она наткнулась на один из столов с образцами и перевернула его. Кто-то завопил, раненный мечом жонглера. Териза вместе с потоком безделушек перекатилась через стол и ударилась о центральный кол палатки.

И снова начала видеть.

Черный, как полночь, и неотвратимый, как смерть, жонглер приближался к ней, поигрывая мечом, словно кинжалом, чтобы прогнать с дороги испуганных торговцев и покупателей.

Каким-то образом ей удалось встать на ноги, и кол, поддерживающий палатку, оказался между нею и нападающим. Но она поскользнулась и снова упала.

— Гарт! — рявкнул кто-то.

Крик отвлек внимание жонглера от Теризы.

— Только не говори мне, — выдохнул Артагель, приближаясь к ним и неприязненно улыбаясь, — что Бретер верховного короля не может найти себе более достойного противника, чем беззащитная женщина. Я тебя уже раз заставал за этим.

— А себя ты считаешь достойным? — шелковистым голосом произнес человек в черном. — Я-то знаю, что это не так.

Артагель ногой оттолкнул в сторону стоявший между ними стол и, продолжая то же движение, бросился в атаку.

Гарт развернулся и нанес удар, словно топором, по Теризе.

Он был настолько силен, что мог разрубить ее пополам. К счастью, Артагель предугадал намерение Гарта. Начатое им движение вынесло его к центральному колу палатки, он успел парировать удар и спасти ее.

В результате он оказался между нею и Бретером верховного короля.

В палатке не осталось никого, кроме Теризы и двух сражающихся. Их сапоги втаптывали в грязь безделушки и кружево, когда они то бросались друг на друга, то расступались. Клинки высекали искры в каком-то мрачном и зловещем танце. Она слышала тяжелое дыхание Артагеля, будто он еще не совсем оправился от вредоносного дыма. А Гарт дышал спокойно и беззвучно.

Атака. Блок. Звон стали.

Артагелю мешали столы. Они сковывали его движения при атаке, препятствовали парированию ударов; он цеплялся за них ногами и один раз едва не упал. Гарт же, казалось, парил над преградами, словно они были расставлены здесь исключительно для того, чтобы помогать ему.

Обхватив кол палатки, Териза поднялась на ноги. Ее руки были скользкими от крови. Откуда на ней кровь? Вероятно, со щеки. Артагель будет убит из-за нее. Ей хотелось убежать. Это единственное, на что она способна. Если она, пытаясь сбежать, отвлечет этим внимание Гарта, у Артагеля появятся какие-то шансы. Но Бретер верховного короля стоял слишком близко от входа в палатку, и Териза не решалась.

Она могла бы закричать; но звон клинков и хриплое дыхание Артагеля заглушали любой другой звук.

Случилось так, что кричать ей не пришлось. Ревя, словно взбесившиеся быки, с солнечного света в полумрак палатки ворвались Аргус и Рибальд.

Даже если бы она заранее знала, чего следует ожидать, то все равно не могла бы заметить, как Гарту удалось спастись. Это произошло слишком быстро. Видимо, он воспользовался тем преимуществом, что их глаза еще не привыкли к полутьме. Териза лишь заметила, как он фыркнул, развернулся и встретил Аргуса и Рибальда ударом, от которого они расступились, открывая таким образом проход.

Артагель бросился на него.

Слишком поспешно, слишком отчаянно. Не успев сгруппироваться для защиты.

Гарт встретил и этот удар, отразил его своим клинком и погрузил сталь в открытый бок Артагеля; кровь хлынула из-под ребер.

Задыхаясь, Артагель опустился на колено.

За это время Аргус и Рибальд опомнились и снова атаковали. Но Гарт был для них чересчур проворным. Прежде чем они нанесли удар, он увернулся возле кола палатки, избегая удара Артагеля, направленного ему на ноги, и разрубил веревку, удерживающую тент поднятым.

Он был уже у входа и перекатился, проскальзывая, словно по маслу, между Аргусом и Рибальдом, в тот момент, когда палатка обрушилась им на голову.

Мокрый тяжелый тент вдавил Теризу в грязь, она медленно барахталась под ним, пытаясь выбраться. На ее глазах клинок Гарта пронзил бок Артагеля, и темная кровь все лилась и лилась... Она почти не слышала криков зевак, когда Бретер верховного короля бросился бежать.

Привлеченные шумом, на место прибыли несколько стражников. Они освободили всех четверых из-под тента. Соорудили импровизированные носилки и спешно понесли Артагеля к ближайшему лекарю. Подняли Джерадина и принялись хлопать его по щекам, приводя в сознание. Начали поиски. Вскоре на месте происшествия появился Смотритель Леббик с подкреплением и нескончаемым запасом ругательств. Весь базар был прочесан.

Но Гарт как в воду канул.

20. Дела семейные

Териза хотела отправиться вместе с Джерадином за Артагелем. На ее глазах Артагель был ранен, она была единственной, кто видел, как он упал, сражаясь за ее спасение. Но если бы она даже не была свидетелем — если бы вообще не знала Артагеля, — она все равно должна отправиться с Джерадином. Лицо пригодника, все еще не оправившегося после удара Гарта, выражало отчаяние. Его беспокойство за брата было настолько велико, что он не обращал внимания больше ни на что. Он вырвался из рук стражников и, не замечая ни задававшего ему вопросы Смотрителя, ни толпы изумленных зевак, последовал за носилками Артагеля. Увидев его в таком состоянии, Териза, несмотря на страх, все еще мучивший ее, хотела идти вместе с ним.

Ее не пустила Элега.

Леди подошла к ней, как только солдаты бросились на поиски Бретера верховного короля. Держа Теризу за руку и вытирая кровь с ее щеки, она что-то тихо говорила, но в роли утешительницы выглядела неестественно. У Теризы было непреодолимое желание грубо оттолкнуть ее и убежать подальше.

Но она не могла этого сделать. Каждый мускул ее рук и ног дрожал, желудок скручивало — все ее существо жаждало отмщения за пролитую кровь Артагеля, и она осталась на месте, когда Джерадин, спотыкаясь, бежал за носилками, на которых лежал его брат.

Смотритель Леббик как будто расчувствовался и позволил ему уйти.

Но когда Леббик повернулся к Теризе и начал задавать ей вопросы, и намека на жалость не было в его голосе.

Однако за нее вступилась Элега.

— Смотритель, — решительно вмешалась она, — вы нисколько не удивились, что у леди Теризы есть враг, желающий ее смерти. Вас удивило лишь то, что этот человек, чрезвычайно опасный и не менее значительный — Бретер верховного короля, — с такой свободой передвигается по Орисону, хотя контролировать подобное входит в ваши обязанности.

На лице Смотрителя вздулись желваки.

— Мне кажется, вы должны согласиться с тем, — продолжала она, — что леди Териза совсем не тот человек, который может удовлетворить ваше любопытство. Что ей известно о тайнах Кадуола — или о защитных укреплениях Орисона? Если вам нужно будет уточнить у нее какие-то детали, будьте добры, сделайте это в ее комнатах, когда она немного оправится от пережитого...

Вместо ответа Смотритель так глянул на Теризу, что у нее душа ушла в пятки. Затем с неохотой кивнул, приказал выделить для двух женщин сопровождение и резко отвернулся от них.

Элега проводила Теризу до ее павлиньих комнат.

Прежде всего Теризу встревожило отсутствие боли в щеке. Поначалу, будучи в состоянии шока, она уверяла себя, что слишком замерзла, чтобы чувствовать боль. Потом стала думать, не было ли оружие Гарта смазано ядом...

И вот сейчас весеннее тепло Орисона и ощущение усталости в ногах от прогулки вновь напомнили о сверкающем металле. На щеке остался очень тонкий, длинный влажный след, похожий на прикосновение языка. Наверное, этого было недостаточно для боли...

Когда-то, пытаясь объяснить Мисте свое восприятие жизни до появления здесь, Териза сказала: «Это похоже на умирание без боли. Это не больно». Теперь высказанная когда-то мысль подняла в ней новую волну тревоги. Если бы щека болела, она бы знала, как с этим справиться. Внезапно ей нестерпимо захотелось, чтобы здесь было зеркало, любое, чтобы она могла посмотреть, насколько изуродовано ее лицо.

Она практически не слушала, что говорила Элега, пока та не остановила ее, взяв за плечи.

— Териза, я знаю, что вы напуганы, но все же, прошу вас, постарайтесь понять мои слова. Может показаться, что причины для страха исчезают, если о них не думать, но, уверяю вас, это не так. Наоборот, уменьшить опасность можно, лишь постоянно думая о ней, чтобы найти возможность с ней бороться.

В этот момент Элега выглядела женщиной, которой неведомо понятие «страх».

Они стояли на ступеньках лестницы, ведущей к комнатам Теризы. Элега, казалось, не обращала внимания на сопровождавших их стражников; видимо, она считала, что важность этих вопросов превосходит осторожность. Но Териза не хотела вообще ни о чем говорить; у нее не было ни малейшего желания излагать свои мысли в присутствии двух мужчин, которых она совершенно не знала. Где-то в Орисоне лекарь пытался спасти жизнь Артагеля. И там же был Джерадин... Она удивилась, услышав раздражение в своем голосе.

— Так что, по вашему мнению, я должна делать?

— Отбросить страхи и сделать все, чтобы докопаться до правды, — не задумываясь ответила Элега. — Должна же быть причина, почему Бретер верховного короля идет на смертельный риск, пытаясь лишить вас жизни.

Териза пристально посмотрела на леди и задумалась. «Элега действительно верит, что я обладаю каким-то могуществом. Потому и хочет переманить меня на свою сторону. Вместе с принцем Крагеном. И Найлом». Но через миг она сообразила, что рассуждения Элеги куда сложнее. Леди, возможно, предполагает, что Териза сама принимает участие в заговоре, настолько завуалированном и в то же время всеобъемлющем, что сам верховный король Фесттен решил персонально вмешаться в это. Заговоре, о котором Элега ничего не знает; но он может помешать ей, спутать все ее планы.

Подчеркнуто устало Териза спросила:

— Вы действительно предпочитаете обсуждать подобные вопросы на лестнице?

Элега приподняла бровь и посмотрела по сторонам. Румянец залил ее щеки. Она смутилась собственной неосторожности? Неожиданно Элега стала торопливо подниматься по ступенькам. Подавив желание сбежать в противоположном направлении, Териза последовала за ней.

Когда они оказались в безопасности павлиньих комнат и закрыли за собой дверь, Элега взяла два бокала и налила в них вино. К ней уже вернулось самообладание. Посматри-

вая сквозь бокал на Теризу, она сделала несколько глотков. Затем, словно на что-то решившись, отставила вино в сторону.

— Вы должны простить меня за то, что я в такое время заговорила о подобных вещах. Я понимаю, вы были сильно напуганы. Не сомневаюсь, что сейчас вы переживаете за судьбу Артагеля. Но вы должны понять: игнорировать то, о чем я говорю, — чистейшей воды безумие. Териза... — только глаза казались живыми на ее бледном лице, — вы ведь наверняка догадываетесь, почему Гарт хотел убить вас. Невозможно поверить, что вы представляете такую опасность для верховного короля, даже не подозревая об этом.

Териза вздохнула. Она не хотела иметь ничего общего с Элегой. У нее было желание лечь и поспать годик-другой. И одновременно — пойти и отыскать Артагеля. Ощущение влажного следа на щеке постепенно переходило в боль. Когда она выпила, ранка стала печь сильнее. Териза осторожно потрогала пальцами щеку. На пальцах осталась засохшая кровь. Ее лицо, возможно, пострадало. Испугавшись, она вдруг спросила:

— Насколько ужасна эта рана?

Элега обеспокоенно нахмурилась; но ее лицо мгновенно приняло нейтральное выражение. Жестом попросив Теризу подождать, она направилась в ванную и вернулась оттуда с мокрым полотенцем. Когда Териза устроилась поудобнее на диванчике, Элега осторожно протерла щеку полотенцем, удалив кровь и грязь с раны.

— Ранка не загрязнилась. Слегка кровоточит... — леди прижала полотенце к щеке Теризы, — но это только лучше очистит ее. Можно вызвать лекаря, если хотите, но я сомневаюсь, необходим ли он. Царапина длиной с мой палец, — на миг ее пальцы показались Теризе удивительно длинными, — и неглубокая. Когда все заживет, останется узенькая полоска, заметная только при определенном освещении. — Немного поколебавшись, она добавила: — Шрам можно будет заметить, лишь стоя совсем рядом с вами. — И спокойно резюмировала: — Когда эта царапина заживет, большинство мужчин сочтут, что вы стали еще прекраснее.

— Мне хотелось бы взглянуть на нее, — откровенно призналась Териза. — Там, откуда я пришла, именно для этого мы используем зеркала. Чтобы видеть самих себя.

Все так же спокойно Элега ответила:

— Мы для этого используем служанок, чтобы женщины, которые придают своему внешнему виду значение, не занимались всякими глупостями. — Но она не смогла утаить, что слова Теризы крайне заинтриговали ее. И быстро, без всякой интонации, спросила: — Значит, все зеркала в вашем мире — плоские?

Теризе едва удалось сдержать вздох разочарования.

— Да.

— И вы не производите с их помощью никаких воплощений?

— Нет.

Леди поднялась. Обратив взгляд в сторону камина, она сунула руки под мышки — как будто, спрятав их, она спрятала и свои эмоции.

— Вы утверждаете, что вы самая обычная женщина. Вероятно, в вашем мире это так. Но, может быть, вы все же проводите воплощения и не знаете об этом — или воспринимаете это как нечто естественное? Здесь у нас говорят, что всякий, кто посмотрит в плоское зеркало и увидит в нем самого себя, лишится разума в бесконечной череде воплощений. Но что, если вы — если все люди вашего мира — обладаете силой, которой нет у нас? Силой управлять самыми грозными проявлениями воплотимого? Вы, вероятно, не подозреваете об этом — и тем не менее для нас это может быть основанием для пересмотра всех наших воззрений.

— Нет. — Териза отвергла эту идею, так же как отвергала все подобное с первой минуты появления здесь. — Там, откуда я прибыла, зеркала — всего лишь *вещи*. В них нет ничего магического. — Стремясь поскорее закончить беседу, она вдруг поймала себя на том, что невольно принимает точку зрения Элеги. — Я действительно *не знаю*, почему Бретер верховного короля хочет убить меня.

Элега отвела взгляд от камина, и в глазах ее тоже горел огонь.

— Но этого не может быть.

Териза плотнее прижала полотенце к щеке, чтобы скрыть пробуждающуюся в ней злость.

— Тем не менее это правда.

— Тогда... — вскричала Элега, но тут же взяла себя в руки; расчеты замелькали в ее глазах настолько явно, что, казалось, поднапрягшись, их можно было прочесть. — В таком случае вам необходима защита.

— Защита?

— Король не станет заниматься этим. Он не понимает, что происходит. А так как король не разбирается в обстановке, то Смотритель *не может* предпринять конкретные шаги. Он слишком ограничен в своих действиях. И он понимает, что не может помешать даже появлению Гарта в Орисоне.

Лорды провинций тоже не могут оказать вам помощь. Тор превратился в старого пьяницу. Поведение Армигита оскорбляет память его отца. Файль не знает, чему следует верить. Ни Термигана, ни Вердона нет *здесь*. Что же касается Гильдии, — леди Элега сделала пренебрежительный жест, — Мастера

слишком погрязли в своих перебранках, чтобы защищать кого-то. Они все теперь стали напоминать либо Мастера Квилона, слишком пугливого для риска, либо Мастера Барсонажа, чересчур заботящегося о репутации Гильдии, либо Мастера Эремиса, сверх меры самовлюбленного, чтобы интересоваться чем-нибудь еще. Териза...

Элега, казалось, раздумывала, стоит ли ей заканчивать начатую фразу. Но нерешительность была чужда ее натуре. И, словно доверяя Теризе очень многое, она сказала:

— Вы должны позволить мне защищать вас.

Териза настолько изумилась, что не вымолвила ни слова.

— В настоящий момент, говоря откровенно, — поспешила заявить Элега, — я не могу помочь вам ничем, кроме как спрятать. Но спрятать вас я смогу очень надежно. Мне доступны все секреты Орисона. Однако вскоре я буду способна защитить всякого, кого сочту нужным защищать. Я могу гарантировать вашу безопасность, если вы доверитесь мне.

Ей очень хотелось рассуждать логично (это было очень важно — рассуждать логично), и потому у Теризы голова шла кругом. Ей казалось, что она поняла Элегу. С другой стороны, изобрази она непонимание, она получила бы больше информации. Но в то же самое время ее щека болела, она беспокоилась об Артагеле и Джерадине и боялась, что Элега значительно хитрее. И потому чувствовала раздражение...

С трудом сохраняя остатки душевного равновесия, Териза сказала:

— Вы достаточно долго объясняли мне, что ни в чем не замешаны. Что вы не имеете никакого отношения к происходящему здесь. Как же вы собираетесь меня защитить?

Элега спокойно встретила взгляд Теризы.

— Я могу гарантировать вашу безопасность, — повторила она, — только если вы *доверитесь* мне. — И добавила: — Териза, неужели вы сомневаетесь в моем отношении к вам? Я желаю только добра вам и спасения Морданта. Я хочу покончить со всем недобрым в королевстве. Но если вы не доверитесь мне, то ничего не смогу сделать.

У вас наверняка есть какие-то предположения, почему Гарт хочет убить вас.

Это было слишком.

— Осуществить свои желания вы можете, только имея власть, — резко сказала Териза. — А откуда вы собираетесь ее взять? Я знаю лишь один источник. У вашего отца. Но он просто так ее вам не отдаст. Он никогда не пойдет на это. Значит, вы собираетесь предать его. Вы намерены каким-то образом сместить его с трона. Вы, вместе с принцем

Крагеном. — Она едва успела притормозить, чтобы не сказать: и с Найлом. — Вы даже брата Джерадина настроили против него. — Выражение ужаса на лице Элеги свидетельствовало, что Териза зашла слишком далеко. — Я не хочу иметь с этим ничего общего.

— Но почему? — Сквозь изумление у нее прорвалась ярость. — У вас есть какая-то альтернатива? Вы настолько чисты, что можете найти решение проблем Мордаита без предательства?

— Он ваш отец. Это должно приниматься во внимание в первую очередь.

Элега вьшрямила спину и расправила плечи. Фиалковые сполохи глаз придавали ей царственность, уверенность женщины, умеющей пользоваться своими правами.

— Уверяю вас, миледи, — сказала она сурово, — что это *принимается во внимание в первую очередь.* Вы разбираетесь во всем настолько хорошо, что мне грустно видеть, как мало вы понимаете меня.

И, заносчиво кивнув Теризе на прощание, словно вызывая ее на дуэль, леди Элега покинула комнату.

Териза долго смотрела на дверь после того как та закрылась. Она допустила серьезную ошибку и лишилась последней возможности выяснить, *каким образом* Элега и принц Краген собираются отобрать Мордант у короля Джойса. В ужасном расстройстве она собралась было осыпать себя проклятиями — но душа у нее к этому не лежала. Ведь то, что предлагала ей Элега, не имело никакого смысла.

Спрятать ее. Надолго? До конца зимы? До тех пор, пока не появится армия Аленда? До тех пор, пока Орисон не будет в кольце осады? Двадцать, тридцать, сорок дней?

Териза не хотела даже думать об этом. Сейчас она больше всего хотела знать, что случилось с Артагелем и Джерадином.

И кроме того, она никак не могла отделаться от вопросов: почему люди готовы из-за нее рисковать своими жизнями? В чем ее ценность? Неужели с ней действительно связано что-то очень значительное, заслуживающее ненависти Гарта и крови Артагеля?

А за окном ярко светило солнце, словно радуясь самому факту своего появления.

Если бы Териза долго оставалась в одиночестве, она бы непременно совершила какую-то глупость. Точнее сказать, она совершила бы *что-то,* но, чем бы оно ни являлось, это все равно, на ее взгляд, было бы глупым. К счастью, пока она собиралась с мыслями, у ее дверей появился Джерадин.

Багровые пятна на щеках, остекленевший взгляд... Он хмурился, как будто испытывал боль; его пальцы все время порывались чем-то заняться, хотя руки были прижаты к бокам. И тем не менее он пришел к ней.

Выросшая в доме, где проявления чувств не поощрялись, она не бросилась в объятия Джерадина, чтобы успокоить его и себя. Она втянула его в комнату, закрыла дверь и, проглотив комок в горле, тихо спросила:

— Как он?

Джерадин, казалось, приложил максимум усилий, чтобы вырваться из своего оцепенения и *посмотреть* на Теризу. Он осторожно протянул руку и легонько коснулся кончиками пальцев ее раненой щеки. Вымученно улыбнулся.

— Больно? Выглядит не так уж страшно. Я рад, что все обошлось.

— Джерадин, как *он?*

Пригодник тут же потерял самоконтроль. Улыбка растаяла, а глаза наполнились слезами.

— Лекарь сделает все что в его силах. Он не знает, чего ожидать. Артагель потерял слишком много крови. Он может умереть.

Джерадин сгорбился и прижал руки к груди, словно нуждался в физической поддержке.

Мгновение Териза пребывала в неподвижности. Затем, отвергнув все, чему ее учили о людях и боли, бросилась к нему и крепко обняла.

Они долго стояли, прижавшись друг к другу.

Когда она в конце концов отпустила его, он не посмотрел на нее. Потирая лицо, он чуть слышно заговорил:

— Не знаю, рассказывал ли я тебе об этом раньше... Моя мать умерла, когда я был еще совсем ребенком. Какая-то лихорадка — мы так и не узнали, что это было, — мучила ее долгое время. Мне по крайней мере оно показалось страшно долгим. Мне исполнилось только пять лет, и я был ее самым младшим ребенком, и потому она хотела, чтобы я находился с ней, — и я видел как она умирает, и мне казалось, что меня разрывает на куски. И я *поклялся...* — Он медленно поднял голову, и Териза увидела его горе. — Мне было всего пять лет, но я поклялся, что никогда не позволю умереть никому, кого я люблю.

Он вздохнул, и постепенно его лицо смягчилось.

— Мне остается лишь надеяться, что Артагель не подведет меня, потому что практически ничего не могу сделать для его спасения.

— Мне очень жаль. — Она не знала, что еще сказать. — Во всем виновата одна я. Я была единственной, кого хотел убить Гарт. Правда, никак не могу понять почему.

Он шмыгнул носом.

— Не говори глупостей. Виноват Гарт, а не ты. — Он успокаивал ее и все больше хмурился. — Точно так же можно утверждать, что виноват я, раз не сумел остановить его. Или, если взглянуть на это с другой стороны, виноват верховный король Фесттен. Ведь Гарт всего лишь Бретер верховного короля. Он просто исполняет его приказы. Можно даже утверждать, что в этом виноват король Джойс. Если бы он не был так скрытен, то верховный король не посмел бы послать сюда Гарта.

— В общем... — Джерадин предпринял неудачную попытку улыбнуться ей, — если рассуждать таким образом и дальше, можно прийти к выводу, что ты единственная *ни в чем* не виновна.

Он неправильно понял ее. Она ощущала не вину, а скорее сожаление, такое же острое, как клинок. Но различие между этими понятиями сейчас не имело особого значения. Вместо объяснений она сказала как бы в продолжение темы:

— Я в этом все же не уверена. Мне кажется, я совершила что-то ужасно глупое.

Он понял ее слова слишком буквально.

— Минутку... Ты хочешь сказать, что Гарт напал на тебя потому, что ты совершила какую-то глупость?

Териза покачала головой.

— Элега проводила меня до моих комнат, сюда. Она предложила мне свою защиту.

Джерадин сжал челюсти и уставился на нее. Териза внезапно осознала, что его можно испугаться: пристальность, с которой он смотрел на нее, вызывала холодок в груди. И, словно сдерживая вспышку гнева, он осторожно сказал:

— Может быть, ты расскажешь мне более подробно?

Териза как можно проще передала ему беседу с Элегой, наблюдая, как растет его негодование.

— Упомянув о принце Крагене, я лишилась последнего шанса услышать от нее когда-нибудь о ее намерениях. Она уже не будет со мной откровенна.

Джерадин отвернулся.

— Зеркала и осколки! — страстно выдохнул он. — Она предупреждена. И станет более предусмотрительной. И вскоре заметит Аргуса и Рибальда. Как только это случится, они больше не смогут следить за ней. Мы проиграли, даже не начав игру.

На этот раз Териза могла бы сказать: «Мне очень жаль» — и была бы правильно понята. Но извинение, произнеси она его, абсолютно ничего не значило бы в сравнении с тем, что ему еще предстояло услышать. Она колебалась. А может, сохранить *это* в тайне? Хотя бы до тех пор, пока столь не характер-

ная для него ярость немного поутихнет? Будет ли от этого кому-то хуже?

Однако ответ был ей заранее известен. Она хорошо усвоила урок в этой обители тайн. Каждый раз, узнавая правду, он будет страдать. Но сокрыть от него правду означало предать их дружбу.

Глотнув побольше воздуха, чтобы набраться смелости, она сказала:

— Может быть, все еще не настолько плохо.

Джерадин обернулся и снова встретился с ней взглядом.

Он выглядел таким усталым и измученным, что она едва нашла в себе силы сказать:

— Элега оставила меня с этим портным одну. Я закончила с ним раньше, чем она вернулась, и вышла из лавки. — Вспомнив, что произошло потом, она ощутила головокружение. — В толпе я увидела Найла.

Ярость Джерадина внезапно испарилась.

— Я последовала за ним — не знаю почему. Кажется, я хотела узнать, почему он так быстро избавился от тебя. — От мысли, что Джерадин возненавидит ее за это, Теризу охватило отчаяние. — Внутри той самой палатки он встретился с незнакомцем. Тот человек не видел меня, но я его видела. И я догадалась, кто он.

Она в нерешительности умолкла. Джерадина, казалось, сейчас стошнит от отвращения.

— Это был знахарь. Тот самый, о котором мы говорили. На этот раз я узнала его. Я уверена в этом. — Поспешно, чтобы он не успел перебить, она сказала: — Тот знахарь — принц Краген. Он встречался с Найлом в этой палатке.

На лице Джерадина отразились чувства, которых она так боялась: мрачное удивление и болезненное переживание. Любовь к семье была для него основой основ — а она уличила брата в интриганстве и предательстве. Она не могла смотреть без жалости на его столь неприкрытое отчаяние.

Но через несколько секунд он преобразился. Спина и плечи словно бы сами собой распрямились, делая его выше. Лицо стало волевым и строгим, будто вся слабость из него вдруг исчезла. В глазах появился холодный безжалостный блеск, свойственный человеку, привыкшему, чтобы ему повиновались.

— Это все объясняет, — сказал он спокойно. — Неудивительно, что он старался держаться подальше от меня и Артагеля. — И добавил: — В это его втянула Элега.

Териза прекрасно понимала, кризис еще не миновал — возможно, это было только начало, — но его реакция настолько успокоила ее, что она чуть не осыпала его поцелуями.

— Так что не все потеряно, — выдохнула она. — Ты можешь сказать Аргусу и Рибальду, чтобы они перестали следить за Элегой. Пусть следят за Найлом.

Казалось, Джерадин не слушал, как будто все его внимание было занято собственными мыслями. Но он тихо ответил:

— *Если* они смогут его найти. Это будет довольно трудно. Но если они найдут его, может быть, нам удастся остановить его — прежде чем он натворит такое, чего король Джойс не сможет простить ему.

Внезапно он воспрял духом.

— Пошли. Нам обязательно нужно кому-нибудь рассказать об этом.

Он вмиг оказался у двери. Глядя ему в спину, Териза произнесла:

— Кому рассказать? Зачем?

— Пожалуй, не королю Джойсу, — ответил Джерадин, словно рассуждая вслух. — Он скорее всего не захочет ничего слушать. А Смотритель Леббик, возможно, отреагирует слишком бурно. Он может сразу же схватить Найла. Лучше всего — Тору. — Джерадин уже держался за ручку двери. — Это единственное, что мы можем сделать сейчас для защиты Найла. Допустим, мы не остановим его и он будет пойман — вероятно, его накажут не так сильно, если кто-то будет заранее предупрежден о его намерениях.

Он произнес это с такой убежденностью, что Териза ему поверила. Забыв про грязную одежду и кровь на щеке, она поспешила за ним.

Он повел ее прямиком в королевские апартаменты. В палаты короля их пропустили беспрепятственно, потому что самого короля здесь не было.

— Полагаю, он удалился куда-то со своим воплотителем, — предположил Тор. — Он по-прежнему безупречно вежлив, но почти не разговаривает со мной — говорит ровно столько, чтобы удержать меня от воя.

Его голос был хриплым и басистым, словно рождался где-то в толще жира и, пока выбирался наружу, изрядно пропитывался вином. Его зеленое одеяние пестрело пятнами от вина и остатков пищи. Небритые щеки и сальные волосы наглядно показывали его безразличие к своему внешнему виду.

— Я терпеливое существо, юный Джерадин, — признался Тор, прикладываясь к фляге. — Я прожил в этом мире не так уж мало лет и заучил, что жир выносливее камня. Но правда в том, что все обернулось совсем не так, как я рассчитывал. — Тор махнул рукой, обращая внимание Теризы на отсутствие короля за игральным столом. — Он просто перенес свои игры в другое место.

Тор разочарованно вздохнул, и его глаза подернулись пеленой.

— В моем возрасте печально быть покинутым всеми.

Слушая Тора, Териза начала терять терпение. Но Джерадин старался проявлять должное уважение.

— Вы объявили себя советником, милорд, — напомнил он Тору. — Вы сказали, что будете действовать от имени короля. А действовать от его имени значительно легче, когда его самого здесь нет — когда некому отменять ваши решения.

Тор мрачно посмотрел на Джерадина.

— Ты слишком юн, чтобы понять. Если бы я на завтрак утке предпочел баранину, мне стоило лишь заикнуться об этом. Если бы я решил пару деньков поразвлечься, прихватив с собой всех леди Орисона, без служанок, мне не нужно было бы даже повышать голоса. У кого здесь хватит сил возражать старому другу короля? — Он рукой вколачивал каждое слово в кресло, и ярость его становилась все более явной. — Если бы я объявил завтра войну, то, не сомневаюсь, никто не посмел бы мне возразить. Но *король*, юный Джерадин! — Он поднялся с места, чтобы подчеркнуть свои слова. — Где же *король?* Где человек, который должен бы устыдиться, что кто-то распоряжается от его имени? Он скрылся, играя в *перескоки* с Адептом Хэвлоком, в то время когда его королевство *трещит по всем швам.*

Тор медленно опустился в кресло.

— Что же касается Смотрителя Леббика, — он вздохнул, — в его руках сейчас сосредоточена вся настоящая власть, которая еще осталась в Орисоне. Но даже он считает, что не может полностью игнорировать мое присутствие. Однако он не хочет подвергать свои решения моему суду, поэтому просто старается избегать меня. Я подозреваю, что он даже втайне обдумывает все мои приказы, прежде чем выполнять их.

Похоже, я выбрал не самый умный способ горевать о смерти своего сына.

Териза попыталась встретиться взглядом с Джерадином; она хотела мысленно предупредить его ничего не говорить Тору о Найле и Элеге. Старый лорд начал напоминать ей преподобного Тэтчера.

Но Джерадин не понял ее намека. Он пристально смотрел на Тора.

— Прошу прощения, милорд, — сказал он грубо, — у меня нет времени горевать вместе с вами. — Под слоем жира лицевые мускулы Тора опасно дрогнули; но Джерадин продолжал не останавливаясь: — Мне необходимо поговорить с королем Джойсом. Раз его здесь нет, я хотел бы поговорить с вами. Я не могу обсуждать этот вопрос со Смотрителем. И не стал бы говорить об этом ни с кем, кто не был другом моего отца.

Его слова вызвали у Тора интерес.

— Я считаю себя другом Домне, — признался лорд. — И твоя обычная в прошлом вежливость перевешивает твою нынешнюю грубость. — Он смахнул с глаз винную пелену. — Я готов выслушать то, что ты собирался рассказать королю.

Териза внезапно устыдилась себя. Вместо того чтобы не доверяться бессильному Тору, Джерадин протягивал ему руку помощи. От этой мысли она внутренне сжалась. Териза никогда не оказывала помощь преподобному Тэтчеру. Она выслушивала его в течение многих часов, но никогда не пыталась что-нибудь для него сделать.

— До вас, наверное, дошел слух, будто леди Элега плетет против короля Джойса заговор. — Джерадину не нужно было изображать ярость; холодная решимость, которая привела его сюда, вплетала в его голос хриплые нотки. — Так вот, это правда.

И, отбросив в сторону всякую деликатность, Джерадин рассказал Тору все, что ему было известно об Элеге, принце Крагене и Найле. Изложив все известные факты, он добавил:

— Двое моих друзей — двое стражников — следили за ней. Но сейчас она знает о наших подозрениях и примет меры предосторожности. Я собираюсь просить своих друзей перестать следить за ней и сосредоточить все внимание на Найле. — Джерадин произнес имя брата с преувеличенной отстраненностью. — Может быть, это поможет нам получить ответы на интересующие нас вопросы.

Теперь глаза Тора походили на куски стекла.

— До меня доходит множество слухов, — заметил он, когда Джерадин закончил свое сообщение. — Служба у дверей довольно скучная штука, и стражники развлекают друг друга сплетнями. Я прослышал, что твой брат Артагель, который слывет лучшим фехтовальщиком Морданта, встретился лицом к лицу с Бретером верховного короля и оказался побежденным. — Его намерения были непонятны, пока он не спросил: — Он серьезно ранен?

Джерадин конвульсивно сглотнул.

— Да.

Тор какое-то время не мигая изучал Джерадина.

— Я потерял сына, — сказал он, — и не допущу, чтобы у Домне был повод утверждать, будто я пьяный просиживал задницу, пока одного из его сыновей убивал Бретер верховного короля, а второй продавал себя алендскому монарху. Что я должен сделать?

Джерадин мгновенно ответил:

— Не позволяйте вмешиваться Смотрителю Леббику. Пусть он оставит Найла в покое. — Он явно не желал касаться темы об Артагеле. — И прикажите ему откомандировать

ко мне Аргуса и Рибальда: якобы я оказал вам какую-то услугу и сейчас нуждаюсь в помощи. — Он говорил четко, уверенно, словно всю жизнь имел дело с подобными ситуациями. — В последний раз, когда они пытались помогать мне, он из них чуть было не сделал жаркое. От них будет больше пользы, если им не придется прятаться от него все время.

Он казался настолько уверенным в своих действиях, что Теризе захотелось вознаградить его аплодисментами.

Однако лоб его покрылся испариной.

Тор какое-то время мрачно разглядывал Джерадина. Затем повернул голову и издал душераздирающий рык, от чего Териза подпрыгнула, а стражники влетели в комнату.

— Да, милорд Тор? — спросил один из них. Он, видимо, уже хорошо ознакомился с повадками самозваного советника. — Вы изволили издать рев?

— Ублюдок! — буркнул Тор. — Это был не рев, а вежливая попытка привлечь к себе внимание. — Его хмыканье напоминало скорее отрыжку. — Если бы ты имел несчастье услышать мой рев, то не говорил бы об этом так спокойно. Но раз уж ты сюда явился, — он закатил глаза к потолку, словно размышляя, какие желания высказать, — я хотел бы, чтобы к утке, которую повар почему-то не торопится мне доставить, подали клюквенный соус. Я хочу вина. Я хочу мира или войны с нашими врагами в зависимости от того, что доставит им больше хлопот. — Он почесал жирной рукой щетину. — Я не отказался бы от брадобрея. Да, но больше всего, — внезапно в его голосе прорезались повелительные нотки, — я хочу видеть Смотрителя Леббика. — И, повеселев, добавил: — Будь так добр, сообщи ему, что я отниму у него совсем немного времени, — да поживее.

— Как пожелаете, милорд Тор. — С улыбкой на лице, стражник ретировался.

Тор посмотрел на Джерадина и пожал плечами.

— Возможно, он не придет прямо сейчас, но я буду ворчать, пока он не явится.

— Благодарю вас, милорд Тор, — облегченно вздохнул Джерадин. — Ваша помощь будет просто незаменима.

Отмахнувшись, Тор не принял благодарности. После минутного колебания он серьезно сказал:

— Юный Джерадин, твоя репутация растяпы явно преувеличена. Сейчас ты доказал мне, что король действительно нуждается в своем советнике, хотя я уже начал сомневаться в этом. Мне даже кажется, что я начал понемногу обретать веру в себя. — Ткнув толстым пальцем в пригодника, он добавил нравоучительным баском: — Кстати, я бы посоветовал тебе остановить Найла прежде, чем он зайдет слишком далеко. Объедине-

ние провинций становится все более хрупким, и открытый конфликт между королем и провинцией Домне не принесет нам ничего хорошего.

Он поспешил осушить свою флягу и с довольным видом потянулся.

— Если вы не возражаете, я бы взял на себя заботу о воспитании леди Элеги.

Теризе хотелось расхохотаться. Мысль о том, как старый толстый лорд будет отчитывать царственно величественную принцессу, не могла вызвать ничего, кроме смеха. Но ее веселье было недолгим; едва она взглянула на Джерадина, как оно испарилось. Его улыбка болезненно имитировала улыбку Артагеля во время схватки.

К счастью, и Тор обратил внимание на выражение его лица.

— Теперь вы можете идти, юный Джерадин, — уверенно сказал он, — или вы хотите поведать нам еще о каком-то предательстве? Предупреждаю — своей уткой я не собираюсь делиться ни с кем. Пошлите ко мне кого-нибудь с вестью, как только определится состояние Артагеля.

— Благодарю вас, милорд. — Джерадин поспешно направился к двери.

Териза хотела поблагодарить Тора более многословно, дать ему понять, как много он сделал для Джерадина. Однако тогда она могла отстать от пригодника.

Но старый лорд, похоже, и без того все понял.

— Присмотрите за ним, миледи, — пробормотал он, отпуская ее. — Он нуждается в вас.

Подарив ему самую очаровательную улыбку, Териза покинула апартаменты и бросилась по ступенькам вслед за Джерадином.

Через пролет или два он замедлил шаги, чтобы она смогла догнать его.

— Я слишком надолго оставил Артагеля, — сказал он. — Надеюсь, ты извинишь меня? Я бы попросил тебя составить мне компанию, но лекарь тебя просто не впустит. Я сам прорвался к нему чуть ли не с боем. Ты ведь сможешь сама найти обратную дорогу? Не заблудишься?

— Джерадин... — Териза положила свою руку на его, — ты правильно поступил с Тором. Ты дал ему то, в чем он так нуждался. — Она не привыкла произносить подобные речи, а потому говорила очень скованно и ненавидела себя за это. Но она не могла и остановиться на половине высказывания. — Я горжусь тобой.

Это его тронуло. Морщинки вокруг глаз вмиг исчезли, и некое подобие улыбки появилось в уголках рта.

— Тор мне нравится, — просто объяснил он.

— Не беспокойся за меня, — промолвила она. — Иди присматривай за Артагелем. И дай мне как-нибудь знать, если что-то изменится.

Он кивнул и бегом поспешил к брату.

Териза вернулась в свои комнаты и остаток вечера старалась ни о чем не думать.

На следующее утро лекарь высказал уверенность, что Артагель скорее всего выздоровеет.

Минуту спустя уставший и обезумевший от радости Джерадин сообщил эту новость Теризе, перед тем как сам отправился отдыхать.

— Теперь все зависит от инфекции, — сообщил он. — Если он справится с ней, то будет жить.

Потом перешел к другой теме.

— Тор сделал все, что обещал. Аргус и Рибальд сейчас работают на меня. Смотрителю Леббику это не понравилось — но я подозреваю, Тор заверил его, что у меня есть некие идеи насчет защиты тебя от Гарта. Однако им пока не удалось обнаружить Найла.

Териза хотела, чтобы он остался с ней. В одиночестве она теряла всякую надежду на покой. Когда она оставалась одна, то Бретер верховного короля, Смотритель Леббик и Мастер Эремис словно бы кружились в хороводе вокруг нее, выбирая самый неподходящий момент, чтобы возникнуть в ее воображении. И она чувствовала себя немного лучше, сосредоточивая свои мысли на Элеге, Найле либо Аленлском Претенденте, или беспокоясь за судьбу Мисте и Воина, или пытаясь найти взаимосвязь между Мастером Квилоном, Адептом Хэвлоком и королем Джойсом, или размышляя о странной способности к воплощению, которой она или Джерадин могли обладать. Любой из этих вопросов таил в себе опасность.

Но Джерадин был измотан и эмоционально, и физически, и ей стало просто жаль его. Не терпящим возражений тоном она отослала его, приказав не возвращаться, пока он хорошенько не выспится.

И просидела весь день одна в том же настроении, которое часто посещало ее вечерами в ее апартаментах в том мире; и снова единственным, что ей оставалось, были поиски призрачного и в то же время необходимого смысла собственного существования.

Вид из окон на некоторое время отвлек ее. Ранняя оттепель, похоже, установилась надолго. Солнце согревало окрестности Орисона, растапливая все больше снега и обнажая

все больше земли. Толпа на базаре была такая же возбужденная, как и прошлым днем. Телеги и повозки катились по дороге, ведущей к воротам замка, и их окованные железом деревянные колеса месили снег и грязь. И Териза хотела снова выбраться наружу. Но — в одиночку — не могла.

Она снова ощущала себя потерянной.

Ее посетил портной Миндлин, чтобы вернуть оставленные ему старые вещи и объявить о доставке заказанной материи завтра или, самое позднее, послезавтра, если погода не переменится. И поскольку она друг леди Элеги, он будет заниматься ее заказом в первую очередь, а потому может заверить ее, что новые платья будут готовы для первой примерки не позднее чем через шесть дней.

К сожалению, вопрос о фасонах и прочих деталях ее не интересовал. Она думала совсем о другом.

Где же Мастер Эремис?

Что она делает здесь?

Как без зеркал убедиться, что она существует?

Почему она способна прикасаться к Джерадину только тогда, когда он в печали? Почему продолжает хранить от него тайны и не вполне доверяет ему?

Если б она смогла ответить на мучившие ее вопросы, возможно, это восстановило бы ее душевное равновесие. Но эти вопросы без ответов лишь напоминали о том, чего ей не хватало. И отрицали то, что у нее уже было: дружбу Джерадина и Артагеля, уважение Тора и, вероятно, благодарность Мисте, если она еще жива.

Териза обрадовалась стуку в дверь, прервавшему ее размышления. Кто это мог быть? Возможно, Мастер Эремис. Впрочем, она была бы рада даже визиту Смотрителя Леббика.

Это оказался Мастер Барсонаж.

Визит магистра Гильдии был для Теризы настолько неожиданным, что она поначалу не обратила внимания на перемены в его внешнем облике. Однако то, что он избегал встречаться с ней взглядом, словно боялся ее, сразу же удивило ее и привело в смущение.

— Входите, Мастер Барсонаж.

— Благодарю вас, миледи. — Как-то неловко, будто не совсем понимая, что делает, он, едва волоча ноги, прошел в комнаты.

Он выглядел *сдувшимся*; это было единственное подходящее слово для описания его внешнего облика. Когда Териза впервые увидела его, он был поперек себя шире. Кустистые брови напоминали заросли. Кожа цветом и фактурой походила на сосновую доску. Но сейчас желтизна стала болезненного оттенка, а кожа на лысой голове повисла складками. Брови пореде-

ли; на щеках появились морщины. Движения, под стать его внешнему облику, были медленными и вялыми.

— Какая честь! — Териза сказала это без сарказма, потому что Мастер выглядел таким жалким и, казалось, даже не подозревал об этом. — Что привело вас сюда?

Его глаза упорно избегали ее взгляда.

— Не знаю, миледи.

Но не стоять же ему бесконечно посреди цветастого ковра!

— Почему бы вам не присесть? — Териза показала на кресло. — Не хотите ли немного вина?

Он согласился сесть и слабым движением руки отказался от вина. Когда он говорил, в его голосе сквозила та же бесцельность, что и в его поведении.

— На вас было совершено нападение, миледи.

Териза мысленно застонала. Она уже наслушалась об этом гораздо больше, чем ей хотелось. И тут же подумала: ведь это не ее вина, что Мастер Барсонаж выглядит таким несчастным. Несколько резче, чем хотелось, она ответила:

— Да, опять. В третий раз.

Мастер моргнул, едва повернувшись в ее сторону.

— Третий?

— Разве Мастер Эремис не рассказал вам о втором? Сразу после встречи с лордами. Принц Краген и Вердон едва не погибли.

— Нет, — выдохнул он. Его голос тоже как будто сдулся. — Мастер Эремис не упоминал об этом. Он уехал из Орисона. Отправился домой, в Эсмерель, по его словам. Вчера, когда началась оттепель. Естественно, я вернул ему мантию. Против него нет никаких доказательств. Он сказал, что больше не может терпеть наши пустые споры. — Не замечая ее реакции, он спросил бесхитростно, словно они оба были детьми: — А почему на вас напали, миледи?

Его ответ болью отозвался в ее сердце. Значит, была причина тому, что Мастер Эремис так и не пришел повидаться с ней после нападения Гарта. Он скорее всего покинул Орисон до того, как все это произошло. С другой стороны, он даже не попрощался...

Сконфуженная и расстроенная, она попыталась сосредоточить внимание на магистре.

— Все хотят знать, почему на меня напали, — сказала Териза таким тоном, каким мать обычно отсылала ее к себе в комнату. — Вы, Смотритель Леббик, Джерадин и Артагель, принц Краген, — она старалась не упоминать об Элеге, — даже король Джойс. *Даже я* хочу знать, почему на меня напали. Но почему это интересно вам, Мастер Барсонаж?

Однако и сейчас он не поднял на нее глаз. Казалось, он был не способен гневаться. Все так же бесхитростно Мастер ответил:

— Я посвятил этому делу всю свою жизнь. А сейчас Гильдия уничтожена, миледи.

— Уничтожена? — Это было еще более неожиданно, чем его появление. — Каким образом? Что вы имеете в виду?

— Мы — распущены.

Она уставилась на него.

— Минуточку. Еще раз. Вы *распустили* Гильдию?

— Название, впрочем, еще существует. Король Джойс не хочет, чтобы наша деятельность прекращалась. Поэтому мы продолжаем копошиться. Но это ничего не значит. Мы уничтожены — невероятным идеализмом короля и тем, что он забыл о нас. Каждый Мастер хочет идти своим путем — и будет идти своим путем... Разве что вы скажете мне, почему на вас напали.

Кровь, которую гнало ее сердце, вдруг стала словно холодная липкая водоросль, вызывающая тошноту.

— Миледи, мы спорили и спорили — до хрипоты. И едва не сошли с ума. Я не буду перегружать вас доводами. Но без цели мы — ничто. Предатель Мастер Гилбур или нет — не важно. В любом случае сделанного не изменишь. Мы все равно не в состоянии добраться до него. Было воплощение Воина ошибкой или нет? И здесь мы ничего не можем изменить. У нас нет зеркала, чтобы вернуть его в собственный мир. И мы не можем добраться до него с помощью какого-либо другого воплощения. Было ли воплощение, которое привело вас к нам, ошибкой или нет? И в этом случае мы ничего не можем изменить. Разве что узнаем...

— Узнаете — что?

Его пухлые руки сделали бессмысленный жест.

— Мы могли бы служить вам, миледи, если у вас есть причина для пребывания здесь. Бретер верховного короля рискует своей жизнью, пытаясь отобрать вашу. Неужели вы не представляете такой угрозы? Неужели вы не воплотитель? Повернитесь к нам лицом, миледи. Объясните свои цели. Позвольте служить вам.

Нет. Это уже слишком. Нет. Териза отвела взгляд.

— А вы не боитесь, что я могу оказаться врагом?

Он безвольно пожал плечами.

— Бретер верховного короля рискует своей жизнью, чтобы отобрать вашу, — повторил он. — Вы не друг Кадуола. В этом мы твердо уверены. Мы поверим вам — если вы дадите нам цель.

Он не мог поступать с ней так. Она не должна позволять ему переложить на нее ответственность за Гильдию — всех Мастеров, презиравших ее, презиравших Джерадина. Это был тот самый человек, который запретил информировать ее, как только она появилась здесь.

Териза с горечью воскликнула:

— Поскольку у вас не оказалось легких ответов, вы решили вообще отбросить вопрос. Вы уже сообщили об этом Джерадину?

Мастер Барсонаж тихо признался:

— У меня не хватило смелости. — И добавил: — Ни одному из пригодников ничего не сообщили. Они поддерживают огонь в рабочих помещениях, чтобы мы могли продолжать свой труд — если нам удастся обрести какую-то цель.

И вдруг ей захотелось рассказать ему то, чего она никогда не рассказывала Джерадину — и никому другому, — рассказать, что она видела трех всадников из своего сна в предсказании Гильдии. Но мысль, как он воспримет эту информацию, остановила ее.

Он может переложить ответственность за Гильдию на ее плечи, взвалив на нее вопросы, решить которые она не сможет, но и не будет знать, как избавиться от них.

— Мастер Барсонаж, — сказала она, чувствуя, как бешено пульсируют виски, — вам не кажется, что вы просите слишком много? Вы едва снизошли до *вежливости*, когда я прибыла сюда. Вы тогда и не подумали считаться со мной. Вы были равнодушны к моему незнанию обстановки — как равнодушны к нему и сейчас. И вы продолжаете игнорировать меня. Я не знаю, почему Гарт пытался меня убить. Там, откуда я пришла, зеркала всего лишь показывают то, что находится перед ними. Они не могут ничего *сделать*. Я *не воплотитель*.

И все равно он избегал смотреть ей в глаза. Вместо этого он сделал несколько глубоких вдохов, словно пытался надуть себя, и сжал кулаки.

— Миледи, это неправильно. Гильдия необходима, что бы о ней ни думал сейчас король Джойс. Она стоит между нами и кровавым хаосом — между Мордантом и ужасом. Война — всего лишь война. Женщины этого не понимают. Сначала будут битвы, потом обязательно наступит мир. Но без Гильдии, которая контролирует воплощения, на невинных могут обрушиться такие напасти...

И так оно и будет, миледи. Это обязательно произойдет. Даже если каждый воплотитель будет стараться использовать свои возможности как добросердечный человек, его воплощения в конце концов обратятся во зло. Потому что он попадет к верховному королю Фесттену, или к алендскому монарху, или к тому, кто захватит власть в Орисоне, — и новые правители используют его способности в целях разрушения. Они будут обязаны сделать это, потому что идет война. Но сами при этом страдать не будут. Заплатят сполна все остальные, совершенно невинные.

И поскольку король Джойс повернулся к нам спиной, иной надежды у нас нет. Только Гильдия сможет

предотвратить все это — если она сохранится и будет обладать силой.

Вы — единственный ответ, который нам удалось получить, миледи. И потому вы не должны бросить нас в такой ответственный момент.

Речь Мастера тронула Теризу. Несмотря на то что она испытывала злость и невольное отвращение. Возможно, его вера в то, что она может помочь, была чистой иллюзией; однако страх, который привел его сюда, был реальностью.

— Мастер Барсонаж, — ответила она тихо, — клянусь вам, я не знаю, что происходит. Я ничего в этом не понимаю. Но вы правы. Я согласна с вами, что воплощения не должны использоваться в целях разрушения. И я расскажу вам всю правду о себе — как только узнаю ее сама. Если это сможет послужить ответом, она будет полезна нам обоим.

Териза не была уверена, понял ли он ее слова. И слышал ли он ее вообще. Его глаза избегали ее глаз, его лицо стало хмурым.

Через какое-то время он встал с кресла и поковылял к двери.

Териза осталась с еще одной ужасной новостью, которую ей предстояло рассказать Джерадину.

Зато теперь она совершенно перестала цепляться за свое существование. Ее снедало беспокойство о Джерадине.

На следующий день, приблизительно в полдень, он пришел к ней, чтобы вместе пойти проведать Артагеля.

Териза провела ночь в раздумьях, как поделикатнее сообщить обо всем Джерадину, но не нашла лучшего способа, чем просто рассказать о своей беседе с магистром. Затаив дыхание, она ожидала его реакции.

К ее ужасу, он отреагировал на новость взрывом смеха.

Он смеялся так сильно, что ему пришлось прислониться к стене, — смех сотрясал его тело, хотя не было слышно ни звука. Он корчился, слезы текли по его щекам, словно от сильного горя. Его безостановочный смех очень напоминал истерику. Он несколько раз хлопнул в ладоши, как будто аплодируя.

— Ну, в общем, ты должна признать, — наконец выдавил он между приступами хохота, — что все это вполне логично.

Териза не знала, что делать. Неужели у него действительно истерика? Такое вполне могло случиться: он слишком долго испытывал стресс. Не дать ли ему пощечину?

Териза хотела рассказать ему о всадниках из своего сна. Но не могла этого сделать. Она боялась.

— Все возвращается к тебе. — Пытаясь прекратить смех, он чуть не прокусил до крови палец. Боль помогла ему остановиться. — Даже если ты не имеешь ко всему этому ни-

какого отношения. Даже если ты оказалась здесь лишь потому, что у меня открылся поразительный талант, о котором никто раньше не догадывался. Все равно должна существовать причина, почему я воплотил именно тебя, а не кого-то другого. В противном случае это была всего лишь ошибка. Ничего не значащая. Однако и то, и другое дает ответ на основной вопрос воплотимого. Ты — *ответ* на этот вопрос.

Как и Мастер Барсонаж, он не хотел встречаться с ней взглядом.

— Распущена... вся моя жизнь — с тех пор как я прибыл в Орисон... О Териза, возможно, это не так уж и плохо, — сказал он, предпринимая жалкую попытку казаться веселым. — Большую часть своей жизни я провел, пытаясь не совершать ошибок в работе. Теперь я могу сосредоточиться на более важных вещах.

Потом он предложил ей составить ему компанию для визита к Артагелю.

Всю дорогу он шел, словно человек, внутри которого что-то сломалось, только он еще не подозревает об этом. Или человек, которого ранили, но сам он этого пока не знает. Тем не менее он продолжал идти под жестким самоконтролем.

Комнаты Артагеля находились в той части Орисона, где Териза была лишь однажды, во время экскурсии Джерадина, — обширный кроличий садок жмущихся друг к дружке комнат, построенных чуть ли не одна над другой. Она не сочла бы их эквивалентом бараков, если бы они с Джерадином не встретили здесь так много стражников и если бы она не заметила несколько небольших плацев, где муштровали солдат. Оглядывая все это, Териза решила, что в лучшем случае на каждого человека здесь приходится по одной комнате; большие комнаты, вероятно, занимали несколько человек. Но у Артагеля была прекрасная квартирка: спальня, гостиная, кухня и ванная, которые, вместе взятые, лишь немного уступали в размерах ее спальне в павлиньих комнатах.

На большей части апартаментов царило запустение, мебели почти не было; видимо, их обитатель прожил в Орисоне недостаточно долго, чтобы беспокоиться о своих комнатах. А может быть, чувство «дома» относилось лишь к Хауселдону. Но какова бы ни была причина, единственным украшением квартиры служил длинный ковер на стене, увешанный множеством разнообразных сломанных мечей и шпаг.

— Это все — клинки, которые когда-то угрожали его жизни, — шепотом объяснил Джерадин, ведя Теризу в спальню.

Артагель лежал на примитивной кровати, представлявшей собой деревянную раму, на которую натянута ткань. Комната не обогревалась, и воздух сильно остудился. Вдобавок

Артагель был обнажен до пояса. И тем не менее его лоб покрылся испариной, а глаза горели темным пламенем, словно тайные сигнальные костры.

Джерадин предупреждал, что у Артагеля лихорадка, но Териза поразилась, увидев застывшую на его лице улыбку; оно как будто выражало готовность отражать очередную атаку Гарта.

Она заранее приготовилась сказать слова благодарности, но не смогла выдавить из себя ни звука. На его теле совсем не было жировых складок, мускулы отчетливо проступали под гладкой кожей. Испарина делала более заметными многочисленные шрамы, так что Териза не могла не обратить на них внимания. А под корпией сейчас зияла еще одна рана...

Ее глаза наполнились слезами, и она видела Артагеля как сквозь туман.

— Мне так жаль, я не знаю, почему он собирался меня убить. Клянусь, я не знаю этого.

— Миледи, — его глаза сверкнули, но голос звучал обыденно, — ваша щека почти зажила. Это неплохо. Когда он ранил вас, я не успел рассмотреть, насколько это серьезно. Я уже решил, что опоздал. А когда этот растяпа, — он кивнул в сторону Джерадина, — прыгнул на него и чуть не сломал себе шею, мне показалось, что с вами обоими покончено. Я рад — у вас достаточно быстрая реакция.

Териза моргала, смахивая с ресниц слезы, и он добавил:

— Я все раздумывал над ударом, который он нанес мне. Сейчас мне кажется, я смог бы с ним справиться.

— Если у тебя будет шанс это проверить, — мрачно заметил Джерадин. — Я, например, собираюсь связать тебя и не отпускать, пока все не закончится. Так что ему не доведется проверить, сможет ли он победить тебя три раза подряд. Еще раз я этого не выдержу.

На лице Артагеля вспыхнула улыбка.

— Вот в чем твоя проблема. Ты мне нисколько не доверяешь.

День у Джерадина сегодня был не из лучших. Теризе казалось, что он вот-вот сорвется. Однако ему все-таки как-то удалось улыбнуться брату.

— Ох, замолчи, — сказал он густым басом, — ты разбиваешь мне сердце.

— Вы слышали, миледи? — Артагеля неожиданно начало клонить в сон. — Если одним прекрасным утром вы проснетесь и обнаружите, что вас убили, а рядом на полу мертвым валяюсь я, можете не сомневаться, отчего это все случилось. Недостаток доверия. — Он закрыл глаза и тут же тихо заснул.

Териза с Джерадином удалились.

* * *

Следующие два дня не были отмечены какими-то событиями. Оттепель стала слабее, но не прекратилась. Миндлин прислал сообщение, что материя поступила. Аргус и Рибальд так и не смогли отыскать Найла. Чтобы убить время, Териза предпринимала длинные бесцельные прогулки по Орисону; она даже снова посетила базар, так как хотела побыть на свежем воздухе. Но стоило ей выйти из своих комнат, как минимум один из стражников непрерывно следовал за ней: Смотритель Леббик отдал приказ об усилении ее охраны. Но она нигде не обнаружила следов ни принца Крагена, ни Бретера верховного короля.

На третий день в ее комнаты вскоре после завтрака пришел Джерадин.

— Я только что беседовал с Тором, — сообщил он, стараясь казаться беззаботным. Но он был слишком огорчен, чтобы не выдать своих чувств.

— Чего он хотел? — спросила Териза.

— Рассказать мне о своем разговоре с Элегой.

— И как прошел этот разговор?

— Не слишком хорошо. Думаю, Тор недооценил ее. — Джерадин покачал головой. Он был недоволен своими мыслями. — Ты помнишь, он собирался «позаботиться о ее воспитании». К сожалению, повоспитывать ее не удалось. «Я достаточно взрослая, чтобы меня еще и воспитывали», — заявила она. И фактически не обмолвилась ни единым свидетельством своей связи с принцем Крагеном. Это само по себе плохо, — заметил он. — Каким бы ни был ее план, он пока осуществляется. И она уверена, что мы не сможем ее остановить. Но... — он печально посмотрел на Теризу, — она вела себя настолько уверенно, что Тор засомневался в нашей информации.

Териза сжалась.

— Он произнес по этому поводу целую речь. Он сказал, что, прежде чем я снова вознамерюсь обвинять в предательстве моего собственного брата и старшую дочь короля, мне следует постараться запастись хотя бы одним, лучше — двумя свидетелями, а не высказывать подозрения, взятые с потолка.

— Но я *видела*, как Найл и принц Краген встречались, — запротестовала Териза.

Джерадин снова покачал головой.

— Оба просто вышли из одной палатки. Возможно, они оказались там одновременно совершенно случайно.

— Ты считаешь, что я не права?

— Нет, — не задумываясь ответил Джерадин. — Он ведет себя слишком странно. Этому должно быть объяс-

нение. — И тут же обеспокоенно добавил: — Но я не желаю, чтобы Смотритель Леббик засадил его в подземелье на основании лишь тех ничтожных доказательств, какие у нас есть.

Однако уверенности Джерадина было недостаточно, чтобы Териза почувствовала себя спокойнее.

Джерадин вернулся и составил ей компанию на вечер. Они беседовали, когда пришел стражник с сообщением от Аргуса и Рибальда.

Оно было криптографичным:

«Нашли Найла. Видели Артагеля».

И Териза с Джерадином отправились к Артагелю.

Он уже полусидел на кровати, подложив под спину множество подушек, и выглядел немного лучше. Улыбка его была грустной и отрешенной.

— Он заглянул ко мне в гости, — пояснил Артагель. — Они пристроились за ним после его ухода.

— Не понимаю, — пробормотал Джерадин. — Найл прятался много дней. Почему же он вдруг решил повидаться с тобой?

Артагель повел плечами; движение вызвало у него новый приступ боли.

— Если *ты* не знаешь, то не жди от *меня* каких-либо объяснений, — ответил он без тени сарказма. — Я понимаю его не больше, чем тебя.

Джерадин проигнорировал это замечание.

— О чем он хотел поговорить? Что сказал?

Воспоминание отразилось на лице Артагеля странной печалью. Он тихо сказал:

— Похоже, его не порадовала встреча со мной. Подозреваю, это из-за моей раны. Но ему приходилось видеть меня раненным и раньше. Во всяком случае, я не мертв. Если он беспокоился обо мне, то разве это не повод для радости — видеть, что я поправляюсь?

Он спросил, нет ли новостей из Хауселдона. Но он уехал оттуда позже меня. Он также спросил... — Артагель избегал взгляда Джерадина, — не собираешься ли ты перестать позорить семью и вернуться домой, заняв надлежащее тебе место. Я не пытался ответить на это.

Джерадин промолчал.

— Затем он спросил меня, что станет с Орисоном в случае осады — ведь у нас в стене такая брешь. Та заплатка, которую начал делать Смотритель Леббик, не производит особого впечатления. А еще он спросил, есть ли у нас какие-то возможности для защиты. И как долго, по моему мнению, придется

ждать, прежде чем король Джойс ввергнет нас в состояние войны с *кем-нибудь*. Однако он не слушал моих ответов.

Затем... — Артагель уставился в потолок, и на его лице отчетливо проступили морщины. — Затем он сказал мне, как сильно он меня любит. Что я был для него примером — *всегда*. Первое, что он запомнил в своей жизни, это желание походить на меня. Но у него не было такой уравновешенности и такой реакции. И ему недоставало сил, чтобы управляться с двуручным мечом. Но в семье от него не ожидали большего, все принимали его таким, какой он есть, тогда как ему хотелось быть совсем другим. Это наполняло его сердце болью. Никто не надеялся, что он *преуспеет* хоть в чем-то. Все гордились мною. А все надежды возлагали на тебя. Ожидали, что ты женишься на Элеге и станешь великим воплотителем. Но никто ничего не ожидал от него. И потому никто не помогал ему стать другим.

С трудом сглотнув, Артагель замолчал.

— И это все? — коротко спросил Джерадин.

— Я тебе уже все рассказал, — огрызнулся Артагель. — И не жди от меня объяснений. — Но его ярость была направлена не на Джерадина. — Лучшее, что пришло мне в голову, это спросить, как ему удается преклоняться передо мной, когда у меня нет ни дома, ни женщины, которую бы связывали со мной постоянные отношения, не говоря уж о детях, и я лежу здесь с идиотской *дырой* в боку после того, как Бретер верховного короля дважды победил меня.

Джерадин положил руку на плечо брата.

— Не беспокойся об этом. Что бы ты ни сказал, это не повлияло бы на его решение. Он уже принял его. — Тон Джерадина был более решительным, чем выражение лица. — Он просто таким образом извинялся.

— Извинялся? За что?

— За то, что перешел на другую сторону. — Джерадин говорил так убежденно, словно все прекрасно понял. — Если планы леди Элеги и принца Крагена осуществятся — и мы с тобой не повернемся к королю Джойсу спиной, — то Найл придет к выводу, что именно он ответственен за нашу гибель. — Нотка надежды прозвучала в его голосе. — Вот почему мы должны остановить его. Он не сможет жить дальше, если на его совести будут две наши жизни. В довесок ко всему остальному.

Териза смотрела, как братья внимательно изучают друг друга. Наконец Артагель криво улыбнулся.

— Я в общем-то ничем не могу помочь. Лекарь поклялся, что забьет меня палкой, если я посмею встать с постели слишком рано. Но, вероятно, во всем Орисоне нет ни одного стражника, который бы не знал, что Аргус и Рибальд пытаются

оказать тебе услугу ради меня. Ты получишь максимально возможную поддержку.

Джерадин хмыкнул:

— Честно говоря, я предпочел бы тебя. Но в крайнем случае сойдет и тысяча-другая лучших людей Смотрителя Леббика. — Он вздохнул. — Надеюсь, он не заставит нас ждать слишком долго. Я хочу знать, что происходит.

Териза хотела того же.

Случилось так, что Найл действительно не заставил их ждать долго. Если бы Аргус и Рибальд не выследили его тогда, они наверняка упустили бы этот момент. На следующий день, под утро, еще до рассвета, когда Териза видела во сне, как клинок Гарта приближается к ней, словно сверкающая звезда, ее разбудил стук и голос Джерадина.

— Териза, *Териза.*

Она решила, будто голос доносится от двери тайного хода. Она завернулась в простыню и, дрожа, выбралась из постели, чтобы впустить Мастера Квилона или Адепта Хэвлока. Но это было явной глупостью. Почему они стучат так громко, если она забыла оставить в гардеробе кресло, блокирующее вход?

Наконец она сориентировалась. Неужели действительно так *холодно*, или ей все это снится? Ее халат лежал на кресле, которому надлежало находиться в гардеробе; Териза схватила его, сунула руки в рукава, завязала пояс вокруг талии. Джерадин? Едва держась на ногах от дрожи, она отправилась в гостиную и открыла дверь.

Свет ламп из коридора проник в комнату, а вместе с ним проскользнул и Джерадин.

— Идем, — сказал он без вступления, — нам нужно торопиться. Он собирается уезжать.

— Уезжать? — Ее голос дрожал. — О чем ты? Который час?

— Почти рассвело. — Он тяжело дышал: видимо, бежал. — Я говорю о Найле. Это наш единственный шанс выяснить, чем он занимается. Может быть, нам удастся остановить его.

— Уезжает? — переспросила она. Ее халат, казалось, совсем не держал тепло. — Как — уезжает? Куда?

— Это мы как раз и собираемся узнать, — прошипел Джерадин. — И — *побыстрее*... Он был уже в конюшнях, когда Аргус и Рибальд наконец выяснили, что он собирается делать. Сейчас он скорее всего проезжает через двор. Пока ты будешь одеваться, он выедет за ворота. Так что *побыстрее.*

Наконец она начала хоть как-то соображать и тут же приступила к поискам одежды. Что надеть? Конечно же, свои старые вещи — рубашку и штаны. И овчинный полушу-

бок. Теплые сапоги. В камине светился маленький огонек. Почему же ей так *холодно?*

— Как мы сможем преследовать его? — Она старалась взять себя в руки. — Ведь он уже фактически уехал.

Джерадин недовольно зарычал.

— Аргус будет нас ждать. Рибальд последует за Найлом. Он будет оставлять знаки. *Идем же.*

Териза задвигалась с максимальной скоростью.

Озябшие руки не слушались ее. Несмотря на то что старые вещи были привычны ей, она с трудом смогла их надеть.

— Что случилось с погодой? — спросила она из ванной. — Я насквозь продрогла.

— Испортилась, конечно, — проворчал он. — Оттепель закончилась — по крайней мере на какое-то время. Погода задержит всякого, кто мог бы заинтересоваться нами. Значит, будет легче следовать за Найлом.

Где-то в глубине души она порадовалась, что слишком замерзла и поэтому не слишком задумывается над своими действиями. Если она задумается, то скорее всего поймет, на какой безумный шаг отважилась. Но комнаты напоминали ей о ее кошмарах. Так что, с другой стороны, будет неплохо поскорее избавиться от них.

Через несколько минут она натянула на себя полушубок и вышла из ванной.

— Я готова, — сказала она, хотя, вероятно, это не соответствовало действительности. — Пойдем.

Он взял ее за руку, и они вышли.

По лестнице спускались почти бегом. Териза надеялась, что сможет удержать его от падения; но он не споткнулся. О конюшнях она помнила только то, что они находились поблизости от того крольчатника, где квартировали стражники. Дорога, которую он выбрал, казалась бесконечной, потому что они миновали множество длинных прямых коридоров и ходов, разветвляющихся в самых немыслимых направлениях. Когда он привел ее туда, где Орисон зимой содержал своих лошадей, под ее полушубком от движения скопилось немного тепла.

Стражник у бокового входа сонно кивнул.

— Аргус ждет. Ведите себя тихо. Здесь не следует появляться так рано. Потревожите лошадей. — После этого разрешил им войти.

Низкий потолок подпирало невероятное количество каменных колонн и толстых деревянных перегородок, разграничивающих пространство. Большую часть денников сооружали наспех, и в результате проходы между ними отличались кривизной и запутанностью. Трудно было определить подлинные размеры помещения. Это можно было сделать лишь в централь-

ных проходах, которые, словно дороги, соединялись в центре конюшни.

Во время экскурсии по замку Джерадин привел Теризу в центр и показал ей, что стойла, подобно пещерам, тянутся на сотни ярдов в каждом направлении.

Потолок усиливал звуки; впрочем, сейчас в этом месте было значительно тише, чем ей помнилось. Воздух наполнялся непрерывным шорохом соломы, который украшало стаккато копыт и вздохов. Териза поразилась: такое количество животных поворачивается во время сна, портит воздух, дергается и бьет копытами о перегородки. Однако от этих живых существ исходило достаточно тепла, чтобы обогреть конюшни, но по той же причине здесь повсюду ощущался резкий сладковатый запах лошадиного навоза и мочи, впитавшейся в солому. И все это вместе — шум, тепло и запах — было до странного приятно, как возвращение в примитивное, зародышевое состояние. К тому же ночью конюшни освещались лишь несколькими маленькими лампами, расположенными далеко друг от друга, и воздух казался настолько густым, что Териза с трудом втягивала его в легкие.

Джерадин приложил палец к губам и повел Теризу вперед.

Она старательно обходила коричневые лепешки, разбросанные по всему полу, но мысли ее были заняты совсем другим. Сейчас, наконец проснувшись, она испытывала возбуждение и страх. Она собирается *наружу*. Впервые за все время она увидит Орисон снаружи. Но интуиция ей подсказывала, что обязательно произойдет что-то нехорошее...

Джерадин приметил Аргуса. Стражник стоял рядом с одной из ламп, держа за повода трех уже оседланных лошадей. Они перебирали ногами и слегка пофыркивали, возмущаясь тем, что их подняли в такую рань. Джерадин помахал рукой и заторопился к медведеподобному ветерану.

Внутренне собравшись и приготовившись к грубым шуточкам Аргуса, Териза последовала за Джерадином.

Поверх кожаных доспехов Аргус надел кольчугу и наколенники, поверх кольчуги плащ, сделанный, похоже, из медвежьей шкуры. На его поясе с одной стороны болтался меч, с другой — кинжал; пику он с собой не взял. Когда Джерадин и Териза подошли к нему, он ухмыльнулся, демонстрируя дыры вместо выбитых зубов.

— Отлично, — прошипел он, — я раздобыл лошадей. К тому же у меня есть бренди. — Он указал на небольшую флягу, привязанную к одному из седел. — Ты раздобыл женщину. Это будет приятнее, чем стоять на часах.

Джерадин пропустил его реплику мимо ушей.

— Как ты думаешь, далеко он успел уехать?

— Она передо мной в долгу, тебе не кажется? — продолжал свою тему Аргус. — Мне не очень важно, насколько шикарна леди. Но чем шикарней, тем лучше. Я дважды рисковал своей шкурой ради нее. Она просто обязана отблагодарить меня.

Его мозолистая рука коснулась щеки Теризы.

— Аргус. — Джерадин внезапно схватил стражника за кисть и, хотя Аргус был намного крупнее, отвел его руку. — Нам не до шуток. — В его голосе ощущалась сила, которую Териза не замечала в нем уже давно. — Найл, мой брат... Насколько он опередил нас?

Аргус поморщился.

— У него своя лошадь, — ответил он таким тоном, словно удивился, что Джерадин смог совладать с ним. — Ему не нужно было получать разрешение, чтобы выехать отсюда. И ему не пришлось стоять здесь неизвестно сколько, ожидая вас. Но Рибальд следует за ним. Мы сможем нагнать его.

— Так вперед, — нетерпеливо сказал Джерадин. Эхо прокатилось по помещению. — Какая лошадь для кого?

— Вот эта — моя. — Шлепнув по крупу, Аргус отогнал в сторону костлявого жеребца. — Тебе — кобыла. — Он показал на меньшую лошадь цвета свежей колесной смазки. — Это дама с норовом, любит лягаться, но ты с ней справишься. А леди достанется мерин.

Териза увидела перед собой лошадь — с блеклыми глазами, крапчатую, с выражением полного идиотизма на морде.

Она откашлялась и слабо выговорила:

— Вообще-то я не умею ездить верхом.

Аргус бросил на нее взгляд, не то яростный, не то насмешливый.

— Джерадин предупредил меня об этом. Хотя и не объяснил, зачем вам тащиться с нами. Я хочу сказать, если вы не можете ездить верхом и считаете себя слишком порядочной, чтобы расставить ножки для человека, который спасал вашу жизнь, то к чему все эти хлопоты? — Он нервно пожал плечами. — Хорошо хоть он предупредил меня.

Этот мерин может причинить вам вред только в одном случае — если он наступит на вас. Его мозгов хватает лишь на то, чтобы следовать за тем, что он сумеет распознать, а единственное, что он способен распознавать, — это другая лошадь. Так что держитесь за луку седла, а все остальное предоставьте ему.

Она все еще испытывала неуверенность. Джерадин и Аргус внимательно смотрели на нее. Вдруг Джерадин подошел к ней и подвел к лошади. Держа повод, сказал:

— Поставь левую ногу в стремя, хватайся за луку и перебрасывай через седло другую ногу. Когда усядешься, мы подгоним стремена.

Она вопросительно посмотрела на него и увидела его глаза, потемневшие от желания побыстрее отправиться в путь. И, совладав с волнением, Териза кивнула. Поспешно, чтобы не успеть запаниковать, она сунула ногу в стремя и потянулась вверх.

Аргус подхватил ее с другой стороны и устроил в седле. Потолок оказался в опасной близости. Аргус и Джерадин принялись подгонять стремена, не советуясь с ней. Мерин был неподвижен. Она судорожно, до боли в пальцах, вцепилась в луку седла и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросила:

— И чего ради я все это делаю?

— Исключительно ради того, — ответил Аргус, оскалив остатки зубов, — чтобы мы могли убедиться, верен ли слух, будто несколько часов, проведенных женщиной на лошади, заставляют ее отчаянно возжелать мужчину.

Джерадин в этот момент вскочил на кобылу.

— Если ты не прекратишь дразнить ее, — сказал он, — то, как только мы отъедем на несколько миль, я переломаю тебе ноги и добираться обратно будешь пешком.

Аргус издал радостный гогот, встреченный окружающими лошадьми сонным протестом, и бросил взгляд на стоящего рядом дежурного конюшего, которого Териза раньше не замечала. Однако не стал садиться на лошадь. Бормоча что-то себе под нос, он взял мерина под уздцы и повел за собой.

Териза крепко цеплялась за седло, пока Аргус выводил ее и Джерадина сначала в один из главных проходов, затем дальше, к закрытым дверям, ведущим на двор.

Стражники у выхода молча открыли ворота; видимо, Аргус предупредил их. Потом он и его спутники добрались до следующих ворот, ведущих на двор. Здесь Аргус остановился и несколько минут о чем-то беседовал со стражниками. Териза, дрожа от резкого перепада температуры воздуха, увидела, как он указывает на Джерадина, и уловила имя Артагеля... Наконец ворота открылись, и лошади застучали копытами по промерзшей грязи двора.

— Еще одни ворота, — тихо сказал ей Джерадин. — Потом мы сможем ехать быстрее.

Небо над высокими темными крепостными стенами Орисона начало светлеть, большая часть звезд исчезла, вымытая серым потоком рассвета. Ледяной воздух обжигал горло; Териза ощущала, как холод покалывает легкие, словно иголками. С высоты лошади земля казалась далекой и опасной. От мороза седло стало скользким, и во время неровной трусцы мерина Теризе с огромным трудом удавалось сохранять равновесие. Джерадин как тень мелькал где-то рядом. Аргус был почти невидим на темном фоне приближающейся стены.

На дворе замка появились люди; они встречали новый день, направляясь по своим делам. Точечки огоньков зажглись внутри окон. Несколько засветилось на базаре, среди них — один или два костерка для приготовления пищи. Но Териза почти ничего не замечала.

Предрассветный сумрак и тень стены скрывали ворота, но она помнила их — массивные бревна, поднимаемые и опускаемые с помощью лебедки. Поскольку Мордант пребывал в состоянии мира, в течение дня ворота были открыты. Но на ночь закрывались.

Когда они подъехали к этим воротам, Аргус слез с лошади и устремился к охране. По какой-то причине, может быть, потому, что он стоял спиной, его голос был едва слышим, но каждое слово стражника доносилось отчетливо.

— Ты сошел с ума, Аргус.

Аргус что-то ответил.

— Мы *должны* были выпустить его. Он — сын Домне. У нас нет приказа о его задержании.

Снова Аргус что-то сказал.

— Попытайся объяснить это Смотрителю.

Джерадин в раздражении заерзал в седле. Териза чувствовала, как ее лицо постепенно превращается в ледяную маску.

И наконец:

— Хорошо. Он тоже сын Домне. И ты приставлен к нему. И с вами, похоже, какая-то шлюшка. Но если вы не вернетесь, то я лично позабочусь о том, чтобы у тебя никогда не было детей.

Тихий разговор закончился. Джерадин издал тихий вздох облегчения, когда Аргус вернулся к своей лошади. От его шагов исходил хруст, как будто он ступал по стеклу. Через минуту Териза услышала скрип веревки: массивные ворота медленно поползли ввысь, открывая более светлый прямоугольник.

— Поехали, — пробормотал Аргус. Снова схватив под уздцы коня Теризы, он пришпорил своего жеребца; тот бросился вперед так быстро, что она завопила и чуть не свалилась с седла.

Когда они миновали ворота, Джерадин набросился на Аргуса.

— Отлично проделано, — прохрипел он насмешливо. — Ты хотел, чтобы она упала?

— Не придуривайся, — ответил стражник. — Я-то не знал, что она умеет визжать.

Теризе показалось, что он улыбается.

Она слегка расслабилась и более спокойно держалась за луку, пытаясь сохранять равновесие.

До бледнеющего неба впереди, казалось, можно дотронуться рукой. На ближайших к замку холмах совсем не было деревьев, потому что Смотритель Леббик хотел видеть,

как враги подкрадываются к нему; в рассветном воздухе пустые склоны холмов превращались в необъятный простор, подобный небесам, огромный после тесноты Орисона. Все это действовало на Теризу возбуждающе.

Но воздух здесь был еще холоднее. Большая часть дороги, разбитой колесами телег и фургонов, представляла собой топкую грязь; но там, где ноги лошадей находили снег, цокот подков по твердой земле сопровождался странным резонирующим звуком — это копыта проламывали лед замерзших луж, образовавшихся во время оттепели. Вокруг стало еще светлее, уже можно было различать деревья, растущие вдоль дороги после развилки. Териза помнила, что от развилки один путь вел на юг, второй на северо-запад, а третий продолжал уводить на северо-восток, по направлению к провинции Вердон; куда ни поедешь — везде будут тайны и неожиданности. Этот мир она лишь едва-едва начала познавать.

Весна уже давала о себе знать, солнце было еще далеко на юге и показалось над горизонтом, лишь когда они доехали до развилки. В этот момент деревья осветились, словно запылали огнем. За ее спиной солнечные лучи холодно высвечивали башни и зубцы стен, делая Орисон менее зловещим и более внушительным. Хотя визуально определить подлинность размеров было невозможно. Снаружи серый камень выглядел гораздо неприступнее, чем изнутри.

Териза обрадовалась солнцу: наконец она перестанет ощущать колкие прикосновения холода на своем лице.

— Что теперь? — спросил Джерадин Аргуса. — Как мы узнаем, по какой дороге нам ехать?

— Это забота Рибальда. — Аргус осматривал землю. — Он должен оставлять знаки. Скорее всего на снегу возле дороги. — Отпустив уздцы мерина, он взял к левому краю. — Начинай искать.

Джерадин принялся осматривать другую сторону. Териза приподнялась в стременах, оперлась на них, как это делали ее спутники, и осторожно ударила мерина, пытаясь заставить его следовать за Джерадином. Но мерин вместо этого отправился за Аргусом.

Вдруг Аргус расхохотался, указывая на след в снегу, похожий на стрелу. Териза увидела, что след довольно торопливо выведен желтой жидкостью.

Северо-запад.

Джерадин подъехал посмотреть и невольно улыбнулся.

— Такое мог учудить только он.

— Конечно. Теперь мы можем ехать быстрее. — Стражник взглянул на Теризу, словно ждал возражений. — Но все же следует быть внимательными. Они могут свернуть.

Джерадин кивнул и повернул свою кобылу к северной дороге. Хотя он не держался в седле ловко или особенно изящно — локти ударяли по бокам, а тело подергивалось в такт шагам кобылы, — его опытность была очевидна. Он мог ехать, не думая постоянно, как ему удержаться в седле.

Аргус решил не брать под уздцы мерина.

— Ну, давай сама. Нужно же когда-то учиться.

Поглядывая на нее через плечо, он помчался вперед, крикнув Джерадину, чтобы держался западной стороны дороги.

Териза все еще прикидывала, с какой силой нужно подстегнуть ногой скакуна, когда тот вдруг рванул вперед, устремляясь за жеребцом.

Это мгновение показалось Теризе бесконечным, потому что она застыла от страха и холода и бросила поводья, вцепившись в луку седла; но мерин трусил рысцой, и от сильной тряски Териза выпустила из рук луку и начала падать.

Она не сразу сообразила, почему все-таки удержалась. Боль в ногах подсказала ей, что она сжимает животное коленями.

Это открытие так ее ошеломило, что она ухватила луку лишь одной рукой. А другой подняла поводья. Затем в приливе восторга лихо пришпорила мерина, заставляя его сравняться с жеребцом Аргуса.

Стражник одобрительно кивнул ей, хотя был явно разочарован, и сосредоточил все внимание на дороге.

Спина ее скакуна ходила вверх-вниз. Он так часто менял направление, а ноги и перед Теризы так сильно бились о кожу седла, что она едва не закричала: «Зачем ехать так быстро?» Но остаток здравого смысла нашептывал ей, что Аргус и Джерадин едут медленнее, чем могли бы. И, стиснув зубы, она продолжала путь.

Орисон казался странно далеким. Териза оглянулась через левое плечо, чтобы увидеть замок. Пурпурный флаг, поднятый для встречи рассвета, гордо реял над Королевской башней. Затем дорога поднялась на холм, спустилась в низину, и Орисон скрылся из виду.

Они подъехали к деревушке, расположенной в небольшой живописной лощине. Здесь преобладали деревянные дома, но некоторые, похоже, были возведены из камня. Снег стаял с покатых крыш; дым курился над трубами там, где развели огонь для обогрева и приготовления пищи. Косые лучи солнца осветили овчарни на краю холма. Обитатели поселения из двух или трех десятков домов производили для замка мясо.

В случае войны на время осады им придется покинуть свои дома и перебраться в Орисон.

Джерадин не нашел знаков, указывающих, что Рибальд куда-то свернул. Все трое поскакали дальше.

У Теризы покраснели и замерзли руки, а мышцы лица, казалось, вот-вот лопнут от напряжения: слишком много сил уходило на то, чтобы удержаться на спине мерина. И тут она поняла, что сидеть будет удобнее, если лошадь побежит немного быстрее. Но Аргуса и Джерадина все равно не устраивал такой темп. К тому же им приходилось искать знаки, оставленные Рибальдом. У подножия очередного холма они внезапно наткнулись на повозку, нагруженную — Териза сказала бы *перегруженную* — бочками всевозможных размеров. Направляясь явно к Орисону, она без всякой видимой причины стояла у края дороги. Териза не могла бы сказать, кто выглядит более жалко: лохматая, понурившая голову кляча или согбенный возница, кутавшийся в шерстяную попону, из которой едва выглядывали руки. Словно бы очнувшись, возница ворчливо выкрикнул:

— Кто из вас Аргус?

Жеребец остановился рядом с повозкой.

— Я Аргус, — сказал стражник, изучая возницу.

— Стражник, похожий на тебя, дал мне серебряный дублон, чтобы я дожидался вас здесь. — Он как будто задыхался под тяжестью попоны. — Но здесь слишком холодно. Очень холодно было ждать вас.

— Ну, так почему же Рибальд совершил такой странный поступок? — поинтересовался Аргус.

Глаза мужчины алчно загорелись.

— Слишком холодно. Один серебряный дублон... — его лошадь хрипло заржала, — слишком мало.

Аргус хмыкнул:

— Дерьмо собачье! Доставка этого груза в Орисон принесет тебе не больше полудюжины медяков. Ты уже утроил свою выручку. Не испытывай судьбу.

Возница в попоне вздрогнул, издал щелкающий звук, и его лошадь запрядала ушами. Когда он махнул поводьями, лошадь двинулась и потянула за собой повозку.

Джерадин тихо выругался. Но Аргус был невозмутим. Перекрикивая скрип колес, он заявил:

— Что-то пить хочется. Прежде чем ты отправишься дальше, думаю, следует проковырять тебе несколько дыр в бочках. — Он обнажил свой двуручный меч. — Конечно же, все это — гадкое пойло, но, может быть, среди него найдется что-то пригодное для питья.

Возница тут же остановил лошадь. Чуть поразмыслив, он сказал:

— Я всегда рад помочь стражникам короля. Стражник, похожий на тебя, свернул здесь с дороги. Он просил меня сообщить об этом.

— В каком направлении? — возвысил голос Джерадин.

— На север.

Пригодник направил кобылу к северной стороне дороги и воскликнул:

— Я вижу следы. Здесь проскакали по меньшей мере двое всадников.

Аргус сунул меч в ножны и насмешливо кивнул вознице.

— Да, пожалуй, не стоит пробовать, — сказал он вежливо, — конечно же, *все* здесь — гадкое пойло, — и присоединился к Джерадину.

Мерин Теризы с неиссякаемым терпением последовал за ними.

Когда они съехали с дороги, мерзлый снежный наст ломался с таким хрустом и стук копыт о землю был так оглушающе громок, что весь этот шум мог быть слышен на расстоянии в полмили. Тогда Аргус перевел своего жеребца на более быстрый шаг и вырвался вперед. Териза сообразила, что он гонит скакуна по следам Рибальда, стараясь ехать по уже сломанному насту. Джерадин выстроился за ним, и мерин перевел все свое внимание с жеребца на кобылу. Теперь их продвижение стало не таким шумным.

Следы Рибальда вели через узкую долину между двумя холмами, затем пересекали хребет холма и шли вниз. Впереди показалась стена леса. Она становилась все ближе, а окружающие холмы все круче. Аргус ехал по следам прямиком к лесу.

Здесь им пришлось сбавить скорость: хотя деревья росли не слишком плотно, низко спускавшиеся ветви хлестали всадников.

Териза двигалась легким галопом, прислушиваясь к металлическим отзвукам цоканья, словно отдававшимся от каждого дерева, и ей все время хотелось затаить дыхание. Она спустилась за Джерадином в овраг, посреди которого обнаружился быстрый ручей, несущий осколки льда. Деревья вокруг смыкались все плотнее, выпячивая темные ветки, похожие на пальцы.

Териза вся окоченела. Казалось, лицо промерзло до костей. А как еще объяснить ощущение тупой боли в щеках, шее и носу? Она, наверное, выглядела сейчас не менее жалкой, чем тот возница и его лошадь.

Но чувствовала себя прекрасно.

И почему-то была готова услышать звуки рогов.

Ручей продолжал свой путь по долине, где соединился с узкой речушкой, вьющейся среди холмов. Долина тянулась с запада на восток, и хотя северная стена ее была довольно крутой, на нее можно было подняться. Скоро Аргус прошипел предупреждение и показал на привязанную лошадь, стоявшую в небольшой низине у впадения ручья.

Рибальд был здесь: он вскарабкался на хребет северной стены и смотрел на ту сторону; плащ делал его похо-

жим на причудливый камень. Он повернул голову, посмотрел вниз и махнул им рукой, подзывая к себе.

— Похоже, мы на месте, — пробормотал Джерадин. — Холм скорее всего не пропускает туда звуки. Но все же следует вести себя тихо.

— Точно.

Аргус спешился, и Териза последовала его примеру. Пока он привязывал своего жеребца, так же как Рибальд, к оставшейся части поваленного дерева, торчащей из-под снега, она чуть не упала, потому что ее ноги внезапно свело судорогой. Она только теперь почувствовала, как они закоченели и к тому же забыли, что такое почва; Териза ошиблась, думая, что они будут передвигаться сами по себе, как у ее мерина.

Мужчины стали карабкаться по склону холма.

Териза не захотела оставаться одна и последовала за ними.

Подниматься оказалось легче, чем она думала. Под снегом скрывалось множество камней и опавших осенних листьев, и она могла надежно ступать по ним. Ноги радовались новому своему занятию — лишь бы снова не сжимать бока мерина. Она добралась до Рибальда сразу же после Джерадина и Аргуса.

— Вы прибыли как раз вовремя, — прошептал Рибальд, сморщив шрам, проходящий между глаз до рта. — Он ждал их здесь. Остальные прибыли только что.

Пристроившись на коленях рядом с Джерадином, Териза выглянула из-за края холма на равнину, похожую на оставшуюся у нее за спиной. Рядом с лошадью, стоявшей на холоде, она увидела человека, обращенного лицом к небольшому костерку, горящему почти без дыма. Териза решила, что это Найл. Костер ей казался волшебным, и она словно ощущала его тепло.

По другую сторону холма четверо мужчин стреноживали лошадей. Трое из них выглядели телохранителями.

Четвертым был принц Краген.

21. Один заговор раскрыт

— Найл, — сказал принц.

— Милорд принц, — ответил брат Джерадина.

Териза слышала их отлично. Какая на морозе удивительная акустика!

— Надеюсь, я не заставил вас долго ждать.

— Вполне достаточно для того, чтобы развести огонь.

Как и его люди, принц был одет в белый плащ, сапоги, подбитые белым мехом, и белую меховую шапку — цвета зимы для маскировки. С ними резко контрастировала черно-коричневая одежда Найла — короткий плащ и наколенники. Но они сливались с цветом деревьев, их темными стволами. Если б он стоял неподвижно, его было бы нелегко заметить.

— Какие новости вы привезли из Орисона?

— А что нового в Аленде, лорд принц?

Прядь черных волос выбилась из-под шапки принца, столь же черных, как его глаза. Он какое-то время внимательно изучал Найла, потом дал знак своим людям, и те тут же пришли в движение. Двое из них отправились в противоположные концы долины, чтобы наблюдать за окружающей местностью. Третий принялся распаковывать свертки, привязанные к седлам.

С печалью в голосе принц Краген заметил:

— Вы все еще не доверяете мне, не так ли, Найл?

— И да, и нет, милорд принц. — Голос Найла как будто прорывался сквозь стиснутое руками горло. — Я не имею ничего против вас лично. Но мы исконные враги. Об этом трудно забыть.

Лежа рядом с Теризой, Джерадин набрал пригоршню снега и принялся тереть лицо, чтобы унять внутренний жар.

— Я понимаю вас, — спокойно ответил принц. — Но, появляясь здесь, я рискую куда больше. Вы можете вернуться в Орисон и продолжать прежнюю жизнь. Едва мы расстанемся, вы будете невиновным. Но если поймают *меня*, Смотритель Леббик расправится со мной прежде, чем кто-то успеет напомнить ему, что убийство иностранного принца не самый умный поступок.

Какие новости вы привезли из Орисона?

Аргус повернулся. Рибальд зашипел на него, требуя тишины; тот проигнорировал предупреждение и стал спускаться по холму. К счастью, все звуки, идущие с этой стороны холма, не были слышны на той.

Нахмурившись, Найл ответил:

— У Элеги возникли проблемы.

Принц Краген окинул его взглядом.

— Какого рода?

— Эта женщина, Териза де Морган, почему-то решила, что вы затеяли заговор против короля. Она убедила в этом моего брата Джерадина. А тот, в свою очередь, — Тора.

Как я уже говорил вам, Тор назначил себя чем-то вроде советника. Он отдает приказы, словно за его спиной стоит король, и никто не задаст ему лишних вопросов. И его слова не подвергаются сомнению. Ведь, несмотря ни на что, *он* — тот человек, который помог королю Джойсу в самом начале.

— Но, кроме того, — вмешался принц, — он еще и спившийся придурок.

— Может быть, именно поэтому он поверил Джерадину. Не так уж много осталось людей, способных похвастаться столь безмерным оптимизмом.

Джерадин слушал этот разговор с гримасой, напомнившей Теризе улыбку Артагеля во время боя.

— И какие же проблемы этот пьяница создал для леди Элеги? — спросил принц Краген.

— Он сказал ей, что в курсе всех ее дел. Затем прочел длинную нравоучительную лекцию о преданности детей своим родителям. — Найл пожал плечами. — Она уверяет, что ему известно немного. Она сказала ему все, что об этом думает, и ушла, а у него был вид, по ее словам, «как у тупой коровы». И *она уверяет*, что ему не удастся помешать ее части плана. В это мне не очень-то верится. Стоит ему сообщить о своих подозрениях Леббику, как она не сможет сделать и шагу без того, чтобы половина стражников Орисона не присматривала за ней.

— Понимаю. — Принц Краген ненадолго задумался. — Мне не хотелось бы подвергать Элегу опасности. Но она уверяла меня, что ей ничто угрожать не может, так как она пользуется абсолютным доверием. — И с твердостью заключил: — Она сможет сделать то, что обещала.

— Мне по-прежнему хотелось бы знать, что она задумала, — глухо произнес Найл.

Принц подобрался и с притворной небрежностью поправил Найла:

— Милорд принц.

— ...милорд принц.

Краген кивнул, словно бы говоря: «Не забывай об этом».

— Успех и безопасность леди Элеги зависят от сохранения всего в тайне.

— В таком случае, может быть, вы все же расскажете мне, что нового в Аленде, милорд принц? — В голосе Найла послышалась ярость. — Может быть, вы сообщите мне, почему мы встретились сегодня? Не раньше. Не позже. Пока все, что у меня есть, это ваши осторожные высказывания и пустая риторика. Может быть, вы все же скажете мне, что происходит?

Джерадин одобрительно покачал головой.

— Неплохо, — выдохнул он. — Пусть он скажет тебе, что происходит.

Когда пригодник заговорил, Рибальд нахмурился.

— Чуть позже. — Принц нисколько не утратил присутствия духа. — Чуть позже я отвечу на многие ваши вопросы. Но сначала предпочитаю сказать, что следует сделать вам.

Найл по-прежнему стоял спиной к подглядывающим за сценой; Териза не могла видеть его лица. Но его плечи поникли.

— Я просил вас встретиться со мной здесь и именно в этот день, — сказал принц спокойно, — чтобы попросить вас надолго покинуть Орисон: вы отправитесь к лорду Вердону, отыщите его и предложите ему королевство Мордант.

Шумно дыша, Аргус поднялся обратно на холм с флягой бренди. Его спутники не обращали на него никакого внимания. После заявления принца Крагена все тело Джерадина словно свело судорогой. Териза смотрела на происходившее в изумлении. На какое-то время даже Рибальд заинтересовался их разговором и забыл про горячительные напитки.

Удивление Найла проявилось и в его позе.

— Зачем?

— Что зачем? Зачем Вердон? — Принц Краген спрятал довольную улыбку в черных усах. — Зачем королевство? Или зачем посылать вас?

Найл, похоже, не нашелся, что сказать, и лишь кивнул.

— Вердон — единственный разумный выбор. Видите ли, я, пожалуй, извлек некоторую пользу от общения с лордами, хотя все происходило не так, как я предполагал. Файль — слишком стар и слишком предан королю. Тор превратился в пьяницу и придурка. Домне — явно откажется. Что касается Термигана, то он импульсивен и способен зайти чересчур далеко. К тому же его волнует судьба лишь собственной провинции. Так что именно Вердону стоит предложить королевство как свидетельство наших добрых намерений.

Джерадин с яростью прошептал:

— Особенно принимая во внимание, что Вердон единственный из лордов, который может сильно повредить вашим планам.

— Что бы там ни думали король Джойс и Смотритель Леббик, — продолжал рассуждать принц Краген, — у алендского монарха никогда не было намерения покорить Мордант для самого себя. Его желание, единственная цель его вмешательства — заполнить вакуум власти в Морданте, чтобы Гильдия или отдельные воплотители не попали в лапы Кадуола. И для этого нам придется завоевать Мордант, потому что другого выбора у нас нет. А что еще остается делать? Король просто поиздевался над моей миссией. Лорды отказались от союза, который предлагали мы с Мастером Эремисом.

Но мы не пойдем завоевывать Мордант для себя, если Вердон согласится стать королем. Для этого нужны вы. Он наверняка откажется выслушивать подобные предложения от меня. Мы исконные враги, как вы выразились. Но сын Домне — давний друг леди Элеги, — возможно, сумеет переубедить

его. Для блага всех, кто противостоит Фесттену и Кадуолу. Вы сделаете это, Найл?

Найл молча смотрел на принца Крагена. Когда же наконец заговорил, то не смог скрыть своего изумления и облегчения.

— Да. — Найл произнес это слово очень тихо, но оно было подобно взрыву. — Да, милорд принц. Я сделаю это.

Джерадин закрыл голову руками, машинально посыпая голову снегом.

— Хорошо. — Принц Краген приблизился к огню, согревая руки. — Тогда вам действительно нужно знать, *что происходит*, дабы поделиться информацией с Вердоном.

Аргус поставил флягу перед Теризой. Дрожа от холода, она отвинтила пробку и поднесла горлышко ко рту. Как и щеки, губы ее слишком онемели, чтобы ощущать прикосновение чего-либо; но язык направлял содержимое внутрь, и оно не текло по подбородку. По запаху жидкость напоминала вонючую колесную мазь, но произвела нужный эффект; температура крови повысилась на несколько градусов.

Териза протянула флягу Джерадину.

Внизу на равнине принц Краген поманил пальцем телохранителя, распаковывающего свертки. Тот подошел к нему, протягивая стило и небольшую доску для письма. Принц стоял у огня и писал. Его пальцы держали стило так умело, словно они никогда не знали меча и ему не доводилось спасать жизнь Теризы.

— Это послание Вердону, милорд принц? — В голосе Найла слышалось плохо скрываемое нетерпение.

Принц отрицательно покачал головой.

— Моему отцу. Алендский монарх должен знать о вашем согласии привлечь Вердона на нашу сторону.

— И что он будет после этого делать?

— То же, что и сейчас. — Принц был поглощен составлением послания. — На базаре в Орисоне в первый день оттепели вы принесли мне сообщение, что она нашла способ выполнить свою часть нашего плана. Я доволен этой новостью.

Я был рад, что она не заняла выжидательную позицию. Когда мы с вами беседовали — выбирали время и место для этой встречи, — мой отец и его армии переправлялись через Пестиль в Армигит.

Аргус, Рибальд и Джерадин прекратили всякое движение. Они не мигали и не смотрели по сторонам; похоже, они даже перестали дышать. Все в них — руки, ноги, наклон корпуса, положение плеч — сосредоточилось на подслушивании.

Значит, все это было ложью, подумала Териза. Его *мирная* миссия. Его встреча с лордами. Все — ложь. Алендский монарх начал свой марш до того, как получил сообщение

о результатах миссии своего сына. Он с самого начала не планировал ничего другого, кроме завоевания Мордапта.

Словно облекая ее мысли в слова, Найл сказал:

— Значит, вы вовсе и не хотели мира. Для вас не было важно, воспримет ли король Джойс ваше появление всерьез. Вы прибыли всего лишь для того, чтобы найти людей, которые предадут его. — Найл в ярости протянул вперед трясущиеся руки. — И *это* вы называете «добрыми намерениями»?

Меч со свистом вылетел из ножен. Телохранитель принца Крагена бросился вперед, направляя острие в горло Найла.

Рибальд схватился за меч.

Но принц быстрым движением руки остановил телохранителя. Тот пожал плечами и опустил оружие.

— Я понимаю ваш гнев, Найл. — Принц Краген небрежным тоном предупредил Найла, чтобы тот не заходил слишком далеко. — Однако вы неправильно поняли мои намерения. Проблема заключается во времени передачи сообщения, не так ли? Зная, что я в самый разгар зимы затратил тридцать дней на дорогу от трона аленлского монарха в Скарабе до Орисона, вы решили, будто у нас не было времени обменяться сообщениями после моего прибытия сюда. И потому сделали вывод, что я выполнял план, который обговорил с ним заранее, до своего отъезда.

Найл не двигался.

Принц с едва заметной улыбкой продолжал:

— Эти бездарные бароны в Вассалах Аленда только и думают о преимуществе друг над другом. И в конце концов их детская возня породила нечто полезное. — Жестом он велел телохранителю приблизиться со свертком, похожим на кокон из тряпок, обмотанных вокруг какого-то каркаса.

Принц Краген плотно свернул сообщение и сунул его в узкий мешочек с веревочкой. Когда это было проделано, телохранитель развернул сверток, открывая птицу, сидящую в клетке.

— Почтовый голубь, — в изумлении выдохнула Териза. — Они используют почтовых голубей!

Аргус, Рибальд и Джерадин в этот миг уставились на нее, затем снова переключили внимание на происходившее внизу.

Птица была, несомненно, голубем. Она тихо закурлыкала, когда телохранитель достал ее из клетки и протянул принцу Крагену, чтобы тот привязал сообщение к лапке.

— Люди одного из баронов обнаружили, — пояснил принц, — что эти птицы обладают способностью находить дорогу с любого расстояния к месту, которое их приучили распознавать как дом. Эта птица обучена находить комбинацию палаток, штандартов и линий повозок в лагере моего отца. Она полетит к нему, как только будет отпущена. Теперь вы понимаете? — Тон принца

был жестким, сквозь вежливость прорывалось раздражение. — Я прихватил из Аленда много таких птиц. Вести доходили до моего отца за один день, возможно, быстрее. Таким образом, решения, что ему делать, принимал я.

Я прибыл в Орисон для того, чтобы решить наконец проблему Гильдии, Кадуола и войны — проблему странной слабости вашего короля. Я — Алендский Претендент. Я очень хочу получить трон. И потому моя мирная миссия была искренней, уверяю вас. Но когда король Джойс отверг мои предложения и начал думать о войне, я не замедлил послать сообщение. Затем Мастер Эремис и леди Элега вселили в меня надежду, предложив нечто лучшее, чем война, и... я снова послал сообщение. Когда лорды провинций отказались заключить пакт, предложенный им Мастером Эремисом, а особенно когда я узнал, насколько уязвим Орисон — а значит, и Гильдия — к атакам Кадуола, я решил действовать в соответствии с возможностями, которые мы обсудили с леди Элегой.

Алендский монарх поступает так, как прошу я. А я прошу его действовать так потому, что это будет наименее кровавая и самая эффективная защита от несомненной опасности, которую невозможно игнорировать. *Верховный король Фесттен не должен получить контроль над Гильдией.* Брешь в стене Орисона — это факт, который я просто *не могу* игнорировать.

Подводя итог, принц твердо спросил:

— Ну, и каков же теперь ваш ответ?

Найл, казалось, с огромным трудом пытался усвоить новую информацию. В этот момент Джерадин, похоже, не представлял, как должен поступить его брат. Он скорее размышлял над сутью только что услышанного. Аргус и Рибальд наблюдали за сценой с озабоченностью в глазах.

— Милорд принц... — глухо произнес Найл, — наверное, мне следует извиниться. Я не думал, что такое возможно. — Его руки бессильно повисли вдоль тела. — Конечно же, я отправлюсь в Вердон и постараюсь убедить лорда.

Принц Краген какое-то время внимательно смотрел на Найла. Затем кивнул.

Телохранитель подбросил голубя в воздух.

Он по спирали взлетел вверх — серое пятно, четко различимое на голубом. Териза смотрела, как птица улетает, легко взмахивая крыльями, в холодное небо, — смотрела так, словно та несла кровь и страдания Орисону. Описав широкий круг, голубь уверенно повернул на север.

Рибальд шепотом спросил Теризу:

— Вы знали об этой птице?

— Там, откуда я прибыла, существуют подобные голуби. — И, как бы в свою защиту, добавила: — У нас там есть и лошади, но я никогда не ездила на них верхом.

Джерадин пинком заставил стражника замолчать.

Найл все еще пытался разобраться в изменившейся ситуации.

— Но хватит ли времени? — спросил он, немного поразмыслив. — Когда, по вашим подсчетам, алендский монарх подойдет к Орисону? Я ведь не знаю, где сейчас находится Вердон. Его может не оказаться в Скарпинге. Возможно, он где-нибудь на Вертигоне, сражается с кадуольцами.

— Я точно рассчитал момент нашей встречи. — Принц Краген старался приободрить Найла. — Крайне важно, чтобы вы не приехали к Вердону слишком рано. Если это произойдет и вы не сможете убедить его, то он пошлет свои войска, чтобы отрезать нас от Орисона. Именно по этой причине мы не встречались до сегодняшнего дня. Но если вы теперь найдете его мгновенно, а он откажет вам и в ярости бросится на нас, то к тому времени, когда он достигнет Орисона, мы уже захватим замок.

Джерадин покачал головой.

— Это будет не так-то просто, — прошептал он.

— Вы думаете, это будет так просто? — Похоже, подобная же мысль пришла и в голову Найлу. — Осада может продлиться всю весну. Даже с брешью в стене. Вам не удастся просто...

— Найл, — перебил его принц, — я не ребенок. Не нужно поучать меня относительно осады. Мне прекрасно знакомо это искусство. Я уверен, что нам удастся быстро справиться с Орисоном.

Найл, видимо, решил не выказывать своего ошеломления этой новостью.

— И тем не менее, милорд принц, — сказал он медленно, — мне кажется, вы слишком слабо контролируете обстоятельства. Что, если погода резко переменится? Вовсе не исключено, что еще может начаться буря и все окажется завалено снегом.

Принц Краген пожал плечами. Его терпение начинало иссякать.

— В таком случае и вы с Вердоном тоже окажетесь задержаны снегопадом.

— А как насчет Армигита? — Найл не скрывал свой гнев. — Неужели он позволил вашим армиям пройти через его провинцию и предоставил вам припасы — даже не попытавшись предпринять хоть малейшую попытку задержать вас?

Принц Краген издал смешок.

— У меня были сомнения, стоит ли вообще беспокоиться насчет Армигита. — В его смехе звучала такая издевка, что Теризе стало еще холоднее. — Но я все же побеспокоился. Мы с ним заключили пакт.

Обливаясь потом от страха, он согласился предоставить свободный проход по его провинции такому числу армий, какое я сочту нужным, — и что он попросил взамен? Чтобы мы не учиняли насилия над его людьми в городах и селах? Чтобы мы не трогали его овчарни и склады, обеспечивающие провинцию питанием? Нет. Он попросил, чтобы мы оставили в безопасности и неведении *его — в неведении*, Найл, — пока судьба Морданта не будет окончательно решена.

Аргус тихо выругался. Но Териза встречалась с Армигитом, и ее это не удивило.

— Лично я, — заявил принц с пренебрежением, — предпочел бы слегка нарушить его неведение. Провинция Армигит заслуживает лучшей участи. Но мы не будем нарушать пакт. И не будем причинять вред его людям, его скотине и его складам. Наша цель — уравновесить слабость вашего короля в противостоянии Кадуолу, стараясь не ухудшить отношений между Алендом и Мордантом. Я удовлетворил ваше любопытство, Найл?

Со спины Найл не казался удовлетворенным; слишком уж напряженной была его поза. Териза считала, что он должен быть благодарен принцу Крагену за его доверие, за обоснование своих поступков. Почему же он до сих пор недоволен? Почему так кипит от ярости, отвечая:

— Да, милорд принц.

Принц в то же мгновение дал сигнал своим телохранителям.

Воины, с обеих сторон следящие за долиной, вернулись к своим лошадям. Найл скованно подошел к своему коню. Наконец Териза увидела его лицо. В его чертах застыла решимость, словно ничто, даже собственные страсти, не могло отвратить его от заранее выбранной цели.

Аргус спустился вниз и достал меч.

— Мы перехватим его прежде, чем эти покинут равнину. Может быть, потом нам удастся остановить и их. — Гримаса, с которой он демонстрировал зияющие дыры на месте зубов, свидетельствовала об отсутствии страха. Сражение было его работой; они с Рибальдом, казалось, радовались представившейся возможности схлестнуться с врагом.

Но Джерадин расхолодил их.

— Не делайте глупостей. Их четверо. И если принц обладает хоть толикой здравого смысла, поблизости прячутся и другие.

— Ты, — он ткнул указательным пальцем в Аргуса, — следуй за принцем. Найди его лагерь. Проследи за ним. И оставляй следы. — Он говорил торопливо, чтобы стражники не могли перебить его. — Рибальд, ты должен вернуться назад в Орисон. — Морщины проступили на лице Джерадина. Иней на бровях и снег в волосах удивительно старили его. — Сообщи

Смотрителю Леббику обо всем, что здесь услышал. Укажи дорогу сюда. Скажи, что, если захватить в плен принца, его можно будет использовать в качестве заложника. У нас еще есть шансы благополучно выкрутиться из всей этой заварухи.

Ну, *действуйте.* — И он подтолкнул одного из стражников.

Рибальд посмотрел на Аргуса, потом снова на Джерадина, его шрам от мыслительных потуг побагровел. Ни слова не говоря, он бросился вниз по склону.

Принц Краген и его телохранители вскочили в седла. Найл принялся тушить костер пригоршнями снега.

— Ну спасибочки, — саркастически прошептал Аргус Джерадину. — Хорошую работенку ты мне подкинул. Если они отправятся на запад, где эти два оврага соединяются, я смогу найти там их следы. Но если они отправятся на восток... — Он ткнул пальцем себе за спину. — Там овраг кончается. Другой начинается за холмом. Я не смогу перетащить лошадь через хребет. Мне придется преследовать их пешком.

— Тебе повезло. — Джерадин кивнул вниз.

Найл забрался на лошадь. Сын Домне и сын алендского монарха посмотрели друг на друга, и принц Краген вскинул руку салютуя. Алендцы все разом повернули влево и поехали вдоль замерзшего ручья.

Аргус слегка ударил Джерадина по плечу и побежал вниз к своему скакуну.

Териза продолжала наблюдать за Найлом. Из-за ее спины доносился стук копыт. Это отъезжал Рибальд.

Джерадин крепко стиснул руку Теризы.

— Идем, мы должны остановить его. — Он едва не повалил ее, спеша вслед за Аргусом к лошадям.

И тут же сам упал. К счастью, он успел отпустить ее руку и задержал падение по опасному склону прежде, чем успел переломать себе кости на камнях. Он достиг основания склона на несколько прыжков раньше нее.

Неловкий в спешке, он взгромоздился в седло своей кобылы. Рибальд уже исчезал в направлении Орисона. Аргус осторожно продвигался вдоль ручья на запад, туда, где лощины сходились. Пришпорив кобылу, Джерадин пустил ее в галоп, направляясь на восток.

Териза вытянула руку в его сторону и крикнула изо всех сил:

— Погоди!

Он не видел и не слышал ее.

Когда ей удалось вскарабкаться на своего мерина, она решила забыть обо всем и последовать за Рибальдом домой. Она промерзла до мозга костей и не знала, сколько еще

сможет выдерживать этот холод. Она боялась всего, что ей довелось сейчас услышать.

Но, несмотря на страх, она торопилась, насколько это было в ее силах. Каким-то образом ей удалось отвязать своего мерина, вставить левую ногу в стремя и перебросить вторую через седло. Натянув поводья, она направила коня на восток.

Стиснула зубы и ударила его пятками.

И едва не запаниковала, когда мерин перешел с рысцы на быстрый бег, а потом на скачку во весь опор, чтобы по одному лишь ему ведомым приметам нагнать кобылу Джерадина.

Скорость казалась безумной. И дно лощины было предательски обманчивым. Териза пыталась как-то влиять на лошадь — приостановить ее, заставить ступать осторожнее. Но, конечно, если бы она могла совладать с мерином, то без труда победила бы аленлского монарха, расправилась с Мастером Гилбуром и Архивоплотителем Вагелем и установила вечный мир на земле. При этом левой рукой дирижируя оркестром. Отказавшись от свершения всех этих подвигов, она сосредоточилась на белизне снежного покрова, потому что это хоть немного отвлекало от ужаса скачки.

Северный край лощины представлял собой вал из серых камней, постепенно понижающийся. Верх его порос кустарником. Южный край был более заросшим, на нем высились громадные деревья, их корни выступали из земли. Но как только она миновала деревья, и этот край стал ниже.

Пока мерин мчался по лощине, она клятвенно обещала себе, что если выйдет из этой переделки живой и невредимой, то никогда в жизни больше не сядет на лошадь.

И словно сама земля сжалилась над ней — склоны лощины внезапно устремились вверх и сошлись вместе. Здесь был ключ, от которого начинался ручей. Лошади бежать дальше было некуда.

Джерадин резко остановил свою кобылу и спрыгнул с седла. Он снова упал, растянувшись на снегу во весь рост. Он выглядел опасным безумцем, когда поднялся на ноги и принялся карабкаться вверх по склону.

У Теризы не хватило дыхания окликнуть его, и она стала лихорадочно соображать, как бы остановить мерина.

Но тот сам решил за нее эту проблему. Догнав кобылу, он как будто успокоился, быть может, до конца своих дней. Он остановился рядом с кобылой, обнюхал ее, наклонил голову и впал в состояние прострации.

Териза была страшно удивлена, что еще не рассыпалась на куски.

Как хорошо сидеть неподвижно на лошади и наслаждаться своим спасением! Но Джерадин неутомимо караб-

кался по склону. Сначала подъем казался слишком крутым для него. Но потом стало ясно, что ему удастся преодолеть склон. Скоро он скроется из виду.

Она сползла с мерина, сделала несколько пробных шагов, чтобы убедиться в основательности окружающего ее мира, а затем быстро побежала.

Склон был действительно довольно крутым. Но на нем попадалось множество камней и корней, торчащих из земли. Кроме того, Джерадин оставил след, четко отмечавший безопасный путь. Териза обнаружила, что если не торопиться и не смотреть вниз, то подниматься значительно легче.

При этом она старалась не думать о том, сколько еще осталось. И что она станет делать потом.

Наконец она добралась до верха, хватая ртом ледяной воздух.

Хребет разделял две лощины, подобные тем, где встречались принц Краген и Найл, но только дальше к северу; поросший кустарником и редкими деревьями, этот хребет был такой же крутой, как тот, с которого они наблюдали за принцем Крагеном и Найлом. Речка, текущая по дну второй лощины, медленно извиваясь, уходила на восток. Северный конец лощины выходил к лесу, заполнявшему все пространство до следующего ряда холмов.

Джерадина нигде не было видно.

Териза готова была отчаяться, но у нее не хватило на это времени, так как она внезапно увидела Найла.

Он скакал трусцой вдоль речки, слева от нее, и направлялся на восток; но через какой-то миг оказался прямо под ней. Будь Териза способна на такое, она могла бы запустить ему в голову камнем.

Видимо, потому, что движение Найла заставило ее посмотреть в этом направлении, а не потому, что это диктовалось здравым смыслом, она посмотрела на склон перед собой и увидела следы на месте спуска Джерадина. Они вели прямо в густые заросли кустов, нависающих над водой.

Едва она успела сообразить, что сейчас должно произойти, как Джерадин вылетел из-за кустов и прыгнул на брата.

Неожиданность и быстрота нападения дали ему преимущество: он не мог промахнуться. И он вложил в прыжок все силы. Его вес вышиб Найла из седла и швырнул их обоих в снег далеко от лошади. Столкновение сопровождалось таким звуком, что Териза невольно подумала о вывихнутых руках и сломанных позвоночниках.

С застывшим криком на устах она стала спускаться по склону.

Опыт Джерадина в падениях сослужил ему хорошую службу. Почти мгновенно он вскочил на ноги. Бросился по снегу вслед за перепуганной лошадью и изо всех сил

ударил животное по крупу, посылая его в галоп. Затем повернулся к брату.

Найл поднял голову и сразу не понял, что ничего не видит, так как все его лицо залеплено снегом. Расчистив глаза, он смог увидеть нападавшего.

— С тобой все в порядке? — спросил Джерадин. — Я не хотел причинить тебе вред. Я просто хотел остановить тебя.

Яростно моргая, Найл помотал головой. Серией рывков проверил обе руки, а потом и ноги. Отряхнул короткий плащ и мгновенно выпрямился, словно лезвие выкидного ножика.

— Если ты полагаешь, что это все шуточки, — процедил он сквозь зубы, — то мне не смешно.

У Теризы подгибались ноги; она споткнулась и схватилась за дерево. Но до них было уже близко.

— Это не шутки. — Джерадин весь вывалялся в снегу, как будто играл с детишками в снежки. Однако в его поведении не было и тени ребячества. — Я не позволю тебе сделать это.

Териза добралась до речки и по ее замерзшей поверхности переправилась к братьям.

— Сделать *что?* — проворчал Найл. — Ты лишился остатков разума. Я всего лишь *ехал на коне.* На *коне.* Ты помнишь, что такое кони? Ты ведешь себя так, словно это преступление против человечества.

— Найл, — Джерадин оставался спокойным, и голос его звучал спокойно, — я слышал вас. Я находился там. — Он увидел Теризу. — Мы находились там. Мы слышали все, что ты сказал. Ты и принц Краген.

Секунду Найл изумленно смотрел на брата. Затем перевел взгляд на Теризу.

Она кивком подтвердила слова Джерадина.

Найл выпрямил плечи, на его лице проступила злоба.

— И вы решили остановить меня. Полные морального превосходства, вы решили остановить меня, так как цепляетесь за призрачную веру в то, что король Джойс, и хаос, и жуткие твари из воплотимого, и новые войны, которые истязали ранее многие поколения Морданта, более *предпочтительны,* чем Вердон на троне и спасение королевства. Вы...

— Нет. — Джерадин покачал головой, сдерживая гнев. — Это не может сработать. Вердон не примет предложение принца — и принцу об этом прекрасно известно. Он посылает тебя с целью потянуть время, чтобы у Вердона не было возможности сразиться за Орисон, когда Аленд предпримет его осаду.

— Ты не прав, Джерадин. — Териза сама удивилась, услышав собственный голос. Это был голос маленькой зверушки, скорчившейся от холода, в которой едва

теплилась жизнь. — Прости. Я видела Вердона. Я видела его вместе с принцем Крагеном. Он в отчаянии. Он не откажется от предложения принца.

Джерадин бросил на нее короткий разочарованный взгляд; но Найл не отводил глаз от лица брата.

— Даже если это неправда, — сказал Найл, — ты ведешь себя как ребенок. Принц Краген прав. Алендский монарх прав. Самое *худшее*, что может случиться с нами, — это если Гильдия попадет в руки верховного короля Фесттена.

На нас и так регулярно устраивает нападения воплотитель, которого никто не может найти и остановить. Кадуол отхватит все, что западнее Вертигона, если Гильдия попадет к нему. Во имя могилы нашей матери, Джерадин, нам следует *умолять* Маргонала захватить нас.

Вместо того чтобы вмешиваться в это, подумай лучше о том, что скажешь тем семьям, которые изрубят; тем детям, которых замучат; всем мужчинам и женщинам, которых подвергнут истязаниям и уничтожат, когда король Джойс наконец покинет трон и не найдется силы, способной удержать королевство в чьих-либо руках. Так что, умоляю тебя, уйди с моей дороги.

И, пробравшись между Теризой и Джерадином, он отправился за своей лошадью.

Лицо Джерадина исказилось отчаянием. Он, казалось, окаменел. Сконфуженная и встревоженная, Териза протянула к нему руку.

— Джерадин!

Он решительно рванулся вперед.

— Великолепно! Отлично! — закричал он, преследуя Найла. — Ты, конечно же, прав. Твои доводы весьма убедительны. Наш отец будет очень гордиться тобой.

Найл вздрогнул, но продолжал идти.

— Ответь мне всего на один вопрос: как насчет преданности королю? Король Джойс ведь *друг* нашего отца. И как насчет самоуважения? Ты предаешь своего *короля*, предаешь человека, который создал Мордант из ничего, из крови и хаоса, и принес на нашу землю мир. Как ты проживешь остаток своей жизни без преданности и самоуважения?

— Преданность *кому?*— Найл не переменил позу, но его крик напоминал плач. — Королю Джойсу? Но я не могу быть предан тому, у кого нет ни капли преданности *мне!*

Он знает всех нас. Он видел, с каким благоговением я наблюдал за каждым его жестом, каждым взглядом. Но именно *тебя* он пригласил в Орисон. Решив устроить помолвку Элеги, он выбрал *тебя*. И это был великолепный выбор. Ты действительно заслужил его внимание, не так ли? Прости, но для меня

слишком сложно относиться с теплотой и нежностью к этому человеку.

И он ведет нас к тому, что все мы будем *убиты!* — Яростные крики Найла отлетали эхом от стволов деревьев. — Можно ли обладать *самоуважением*, отдавая свою жизнь за человека, который приносит тебя в жертву просто потому, что *не желает отвлекаться* на управление своим королевством? Если ты хочешь поговорить о самоуважении, спроси себя, почему ты питаешь так мало уважения к своей собственной крови? Я уж не упоминаю о крови тех людей, которую ты собираешься пролить.

— Тогда почему... — Джерадин подбежал к Найлу и схватил его за руку. Найл вывернулся. Два брата неотрывно смотрели друг на друга, дыхание с шумом и паром вырывалось изо ртов. — Тогда почему, — повторил Джерадин, — ты так злишься по этому поводу? — Теперь он уже не кричал. Его голос был не громче шепота. — Ты ведь делаешь то, что считаешь правильным. Разве это не должно тебя успокаивать? И ты делаешь то, чего хочет Элега. Она полюбит тебя за это. Она просто не сможет пересилить себя. Разве этого не достаточно, чтобы ты был спокоен?

— Нет. — Так же как Джерадин, Найл понизил голос, словно не хотел, чтобы деревья или снег слышали его. — Нет. — Каждое слово он произносил с болью. — Именно с этого все и начиналось, но мне это не помогло. Она не полюбит меня. Никогда не полюбит. Она любит принца Крагена.

Деревья вокруг были погружены в молчание. Единственный звук исходил от сапог Теризы, спешившей к братьям. Солнечный свет на свинцовом небе, казалось, был всего лишь призраком, потому что совершенно не разгонял холод.

Джерадин простер руки в призывном жесте.

— Тогда брось все. Пожалуйста, выкинь из головы все это безумие. Алендский монарх не сможет захватить Орисон без длительной осады — без уничтожения множества людей. И не важно, что говорит принц Краген. Тор и Смотритель Леббик не сдадут ему замок. Жизни, которые ты собираешься спасти, это жизни алендцев, а не наши. Не позволяй втянуть себя в заговор женщине, предавшей собственного отца.

Териза сразу заметила, что Джерадин совершил ошибку. Ему следовало оставить Найла погруженным в печаль, чтобы та снедала его, и не упоминать снова об Элеге. Но поздно; худшее было сделано. На лице Найла проступило выражение, расположившее к нему принца. Его глаза были такими же непроницаемыми, как камень под снегом.

— Если ты хочешь услышать мой совет... — он сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели, — отправляйся домой, и поскорее, пока это еще возможно. И прихвати с

собой Артагеля. А то он будет не в восторге от потери своей хваленой независимости.

— *Найл*, — запротестовал Джерадин.

Найл глянул через плечо.

— Я вижу свою лошадь. И сейчас поймаю ее — если она не слишком сильно испугана. — Он снова посмотрел на Джерадина. — Ты будешь оставаться здесь до тех пор, пока я не поймаю ее. Затем я уеду. Если твой разум так же слаб, как твой талант проведения воплощений, ты вернешься в Орисон и расскажешь обо всем происшедшем Смотрителю Леббику. Это не принесет никакой пользы, но зато ему будет чем заняться в ближайшие несколько дней. Но если ты обладаешь хоть каплей разума, то не скажешь ничего.

— Нет, — тихо ответил Джерадин. Облепленный снегом, он выглядел безумным рядом со своим одетым в темное братом. Душевная боль терзала его, но голос, глаза и руки были тверды. — Нет, Найл, я не позволю тебе уехать.

На лице Найла появилась кривая усмешка.

— Я так и думал, что ты скажешь это. — Он тщетно пытался говорить небрежно. — Ты всегда был чудовищно упрям.

Териза хотела предупредить Джерадина, но голос отказал ей. Она беспомощно наблюдала, как Найл начинает оборот, который, казалось, чуть поднял его над землей, и его сапог врезается в голову Джерадина.

Джерадин не устоял на ногах.

Он выгнул спину и оперся руками о снег. Потом застыл, как будто у него сломана шея.

Найл быстро нагнулся, желая посмотреть, что с братом.

Удовлетворенный, он посмотрел на Теризу. Сейчас ему не было нужды скрывать свою ярость. Его руки спазматически сжимались и разжимались. Мышцы на скулах ритмично напрягались.

— Позаботьтесь о нем. Если вы позволите ему умереть здесь, я вернусь и задушу вас голыми руками.

И побежал к лошади, словно на него спустили стаю цепных псов.

Териза не видела, как он уезжал. Ее руки совершенно окоченели, пальцы потеряли чувствительность. Она заплакала от страха и отчаяния, когда наконец нащупала на шее Джерадина пульс и поняла, что он еще не умер.

Прошло очень много времени, прежде чем окружающая местность показалась Теризе знакомой.

Сквозь черные стволы деревьев она видела вершины холмов. Она заметила этот ряд холмов еще раньше, но не обращала на него внимания; однако сейчас, четко выделяющий-

ся на зимнем небе, он пробудил в ней воспоминания. Где?.. Но там было немного иначе. Ей помнились сухие легкие хлопья снега, сыплющиеся сверху, тающие на спинах всадников. Она помнила скрип кожи, звон сбруи... И она помнила...

Она помнила звуки рогов.

Ее сон. Это место она видела во сне, он пришел к ней в ту ночь, когда ее жизнь изменилась, — пришел словно для того, чтобы подготовить ее к появлению Джерадина. Деревья и холод были теми же. И Джерадин находился здесь, юноша из ее сна, безоружным появившийся для ее спасения. Здесь только не хватало трех всадников, ненавидящих ее и направляющих своих скакунов по снегу, чтобы убить ее. И звуков рогов, доносящихся сквозь мороз и деревья, как зов, которого ждало ее сердце.

Звуков рогов не было. И хотя она старательно прислушивалась, напрягая слух, ей не удавалось извлечь эту охотничью мелодию ни из памяти, ни из воздуха.

Однако далекий стук копыт она услышала. Холод отчетливо доносил и усиливал каждый звук.

Чувство, что она снова погрузилась в сон, сделало все замедленным и каким-то отдаленным; у нее было время все тщательно разглядеть, услышать и разобрать все звуки — за исключением звуков рогов, которых она так жаждала. Они были именно там, где им и полагалось быть, — три всадника на конях, мчащиеся по склону холма. Она видела, как лошади яростно выдыхают клубы пара. Каждый удар копыт, хруст снежного наста и льда долетали до ее ушей.

Не объявленные высоким трубящим зовом, который бы сделал ее сон полностью вещим, три всадника резко повернули и направили своих лошадей к ней.

Териза наблюдала за ними и не замечала, что Джерадин пришел в себя, пока он не поднялся на ноги, потирая голову.

Будучи в смятении из-за раздвоенности происходящего — не понимая, сон это или реальность, — Териза не могла говорить, так же как не могла отвести глаз от всадников. А их внимание было целиком сосредоточено на ней.

— Ты узнала их? — Его голос звучал глухо — он еще не совсем оправился от удара.

Всадники находились слишком далеко, чтобы их можно было опознать, хотя Териза знала: они смотрят на нее с ненавистью. Она покачала головой.

— Они, наверное, скачут сюда за тобой. — Не обязательно говорить так быстро; можно не торопиться — у них в запасе достаточно времени. — Найти нас было не так уж трудно. Если правильно задавать вопросы в конюшнях или у ворот. А потом они встретили этого возницу. — Он отвернулся, затем вновь

посмотрел на всадников. — Не имеет смысла бежать от них. Наши лошади слишком далеко.

В руках всадников появились клинки — длинные, как сабли, но причудливо изогнутые, словно ятаганы. Они собирались изрубить ее прямо здесь, на снегу. Териза с Джерадином должны что-то предпринять. Но мысли ее в этот момент были заняты другим: во сне мечи, занесенные над ней, были прямыми, а не изогнутыми.

Джерадин казался таким же оторванным от реальности, слишком спокойным. По какой-то причине он именно сейчас принялся пинать ногами снег. Но вскоре его поведение обрело смысл. Он начал вытаскивать из-под снега сухие ветки. Они были кривые и холодные, а две из них оказались довольно толстыми, с ее руку, и достаточно длинными, чтобы ими можно было обороняться.

Это неправильно. В ее сне все происходило совсем иначе.

Но у них в запасе не так мало времени. Джерадин протянул одну ветку ей, а вторую оставил себе.

— Когда они приблизятся к этому дереву, — он показал какому, — мы разойдемся. Если они разделятся, у нас будет больше шансов выжить. Если нет, то я смогу атаковать их сбоку, когда они бросятся на тебя.

У Теризы сложилось впечатление, что если она действительно *посмотрит* на него, то увидит, как он напуган. Но уши уверяли ее, что его голос звучит спокойно.

— Не пытайся сбить всадника. Нападай на лошадь. Старайся ударить лошадь по морде. Если повезет, всадник при падении сломает себе что-нибудь.

Териза не отвечала. Все ее внимание было сосредоточено на всадниках, и ей хотелось услышать звуки рогов.

Когда их лица стали отчетливыми, она увидела, что ошибалась. Это не были всадники из ее сна.

Это были вообще не люди.

Глаза у них находились не там, где у человека. Длинные бакенбарды свисали по бокам лица. Рыла маскировали рты, но не могли скрыть клыки. Териза видела их головы целиком, потому что капюшоны плащей были откинуты назад. Головы покрывала жесткая рыжая шерсть.

У них, казалось, было больше, чем нужно, конечностей. И каждый из них размахивал по меньшей мере двумя мечами.

Нет. Все происходило не так.

Однако ощущение, что все это происходит во сне, возросло.

Териза стояла неподвижно, выжидая. Воздух истязал ее холодом, жесткий, как пощечины, и острый, как оскол-

ки. Она слышала каждый отдельный звук, издаваемый каждым копытом.

Когда всадники приблизились к дереву, на которое показывал Джерадин, он прошипел:

— Давай! — и бросился в сторону, словно в самый последний момент решил сбежать. Он бежал, высоко поднимая колени, чтобы вернее передвигаться по снежному насту. Но Териза не двигалась.

Без колебаний все три всадника повернули лошадей, направляясь к нему. Ни один из их странных глаз даже не взглянул на нее.

Из неизвестности пришел парализующий страх.

Джерадин? *Джерадин?*

Он обернулся так резко, что едва удержался на ногах, и увидел приближение опасности. Что-то прокричал ей, затем поднял свою дубинку. Всадники почти нависали над ним.

Сжимая свое оружие обеими руками, он обрушил его на морду передней лошади.

Лошадь заржала от боли и отпрянула. Всадник, не удержавшись, полетел в снег, прямо перед лошадью второго нападающего.

Во избежание столкновения всадник и его лошадь тоже упали.

Джерадин ударил спешившегося седока остатками дубины и отскочил за бьющуюся лошадь, чтобы дистанцироваться от третьего атакующего, — и споткнулся. И упал лицом в нетронутый снег.

Пока он лежал, первый всадник, лежавший на земле, снова напал на него. Но снег тормозил движения, и удар пришелся не по цели. Джерадин и нападавший вскочили на ноги одновременно, тогда как третий противник развернулся, чтобы предпринять новую попытку.

С трудом Джерадин нагнулся и выхватил меч у оглушенного всадника. Но, очевидно, не умел пользоваться таким оружием. Держа его, словно дубину, он повернулся лицом к нападавшему.

Существо, издав крик ярости, принялось размахивать мечом.

Джерадин отразил первый удар.

Но не в его силах было отразить следующий.

В своем сне Териза видела, как юноша рисковал жизнью, пытаясь спасти ее. Несмотря на свое очевидное неумение обращаться с оружием, он убил одного из нападавших. Затем второго. А она просто смотрела. Ничего больше. Она видела, как третий всадник появился за его спиной. Меч высоко поднят, всадник приподнялся в стременах, чтобы разрубить ее спасителя пополам. Она не пыталась помочь ему. Сделав отчаянную попытку предупредить его, она проснулась. Но здесь нападали на Джерадина. Джерадина нужно спасать. И у нее все еще в руках

ветка, которую он дал ей. Она изводила себя мыслями, что бежит слишком долго, что дистанция непреодолима и невозможно добежать до него вовремя; но она мчалась так, как не бегала никогда в жизни, и прежде чем нападавший успел убить его, она махнула веткой и опустила ее на мохнатую голову.

Многое произошло, казалось, одновременно. Тем не менее она успела заметить все.

Она увидела, как рыжий мех расползается в стороны. Пока нападавший опускался на колени, из раны пошла кровь, сначала медленно, потом с тошнотворной быстротой. Он рухнул в снег, и его жизнь вытекла черно-красной жидкостью через голову. Он больше не пошевелился.

Джерадин, изумленный, с открытым ртом уставился на нее.

И тут она заметила, как третий всадник возник у него за спиной. Меч поднят, всадник привстал в стременах, чтобы разрубить Джерадина пополам.

Джерадин смотрел на нее. Он совершенно забыл о третьем противнике.

У Теризы не осталось времени ни для предупреждения, ни для любого ее движения; не осталось времени и у Джерадина, чтобы пригнуться или отпрыгнуть в сторону.

Но ей хватило секунды, чтобы увидеть еще одного всадника, налетевшего на существо и ударившего его длинным мечом, словно копьем, в середину спины. Она увидела, как существо забрызгивает кровью плечо Джерадина и валится с лошади, едва не сбивая пригодника с ног.

Найл остановил свою лошадь и соскочил с нее.

— Ты не ранен? — Не дожидаясь ответа, он стал осматривать лежащих всадников. — Где тебе удалось раздобыть *таких* врагов? — Обнаружив, что один из нападавших еще жив, Найл достал из седельной сумки веревку и связал ему кисти рук и ноги. — Я увидел, что они направляются сюда. Они очень торопились к тому месту, где я оставил тебя, и я последовал за ними.

Джерадин и Териза смотрели на него как на инопланетянина.

— Ты не ранен? — повторил брат Джерадина. В его светящихся глазах можно было заметить и беспокойство, и искорки юмора, и гордость. В этот миг он так походил на Артагеля, что Териза задержала дыхание. — У меня сложилось впечатление, что ты не привык сражаться с такими врагами.

— Спасибо. — Джерадин испытывал те же чувства, что и она. Внезапно гримаса тошноты появилась на его лице. Содрогнувшись в отвращении, он отбросил в сторону меч. — Спасибо, что ты вернулся.

Продолжая то же движение, он поднял толстую ветку и ударил ею Найла по голове. Тот потерял сознание.

Он согнулся над братом, делая судорожные жадные вдохи и чувствуя невыносимую боль в груди. Лицо его стало белым как мел.

Териза напрягала слух, ожидая услышать отдаленное пение рогов. Но оно звучало только в ее воспоминании.

22. Думая об осаде

Вскоре Териза и Джерадин были найдены взводом стражников Смотрителя Леббика.

К этому времени нападавший и Найл пришли в себя. Найл, связанный своей же веревкой, несколько минут изрыгал яростные проклятия, которые никак не повлияли на каменное выражение лица Джерадина. Тогда он погрузился в молчание.

Нападавший время от времени что-то ворчал, и его странные черты лица при этом искажались. Но он даже не пытался порвать свои путы.

Стражники привели кобылу Джерадина и мерина Теризы; у них было с собой достаточно бренди, чтобы кровь в ее жилах побежала быстрее, и достаточное количество вопросов, чтобы ей захотелось поскорее погрузиться в сон. К счастью, Джерадин позаботился об этом прежде, чем кто-нибудь понял суть его действий: он поспешно заявил, что все вопросы стражников сейчас менее важны, чем необходимость как можно скорее присоединиться к людям, идущим по следу Аргуса, преследовавшего принца Крагена.

Териза хотела только одного — укрыться от этой морозной погоды, прилечь где-нибудь в тепле, чтобы ей больше не мерещилась рана на рыжей шерсти, сквозь которую потоками бьет кровь, или оглушенный пригодником Найл. Преследование Аргусом принца только усугубляло ее мучения.

Но зато ни у кого уже не было времени донимать ее вопросами.

И хотя Териза поклялась себе, что никогда больше не сядет на лошадь, вскоре она обнаружила себя сидящей верхом на мерине. Отпустив поводья, она вцепилась в седло и ехала туда, куда вез ее конь.

Как только Найл и выживший всадник, нападавший на Джерадина, были привязаны к лошадям, а стражники снова оказались в седлах, ее лошадь последовала за всеми остальными.

Джерадин в нетерпении вырвался вперед.

— Не волнуйся, — посоветовал один из стражников. — По его следу идет как минимум дюжина солдат. Он от

них никуда не денется. И это не случится раньше, как бы ты ни спешил.

Джерадин бросил на стражника взгляд, и взгляд этот был дикий и больной. И Териза поняла, почему он хочет ехать быстрее. Скорее всего, не затем, чтобы поймать принца Крагена. Он просто желал удрать от того, что вынужден был сделать со своим братом.

Она выпрямила спину и устроилась поудобнее, чтобы ее мерин и остальные лошади мчались быстрее.

Стражники придерживались направления на восток и не пересекали речушку, пока условия местности не заставили их повернуть на юг. В этом направлении они двигались не слишком быстро, но все же это было быстрее, чем пешком. Их скачка длилась так долго, что Териза совершенно окоченела. Она уже ни на что не обращала внимания — ни на стену деревьев с правой стороны, ни на плотное кольцо всадников, окруживших ее, когда они добрались до слияния ручьев, где Рибальд поскакал на юг к Орисону, а Аргус на запад вслед за принцем Крагеном, — и удивилась, что находится в долине, полной стражников.

Сидя на лошадях, они терпеливо ждали чего-то.

Все они смотрели на Теризу и Джерадина, но никто не вымолвил ни слова.

Рибальд сидел на лошади, высоко подняв голову и потирая свой шрам, и у него был такой вид, словно он готов немедленно завыть.

Джерадин невольно остановил свою лошадь. Люди, ехавшие за ним, тоже остановились. Мерин Теризы ткнулся в круп кобылы и замер.

— Что случилось? Почему никто?.. — Голос не слушался Джерадина.

Рядом с Рибальдом стояла лошадь без седока. Но не без груза. Через седло перекинут человек; его руки и ноги связаны под брюхом лошади, чтобы он не упал. Его спина была влажной. Териза узнала жеребца Аргуса; прежде чем распознала его самого.

— Мне очень жаль, — прохрипел стражник с пурпурной лентой командира на руке, — я знаю, он был вашим другом.

— Что?.. — Джерадин не находил слов. — Что?..

— Мы нашли его за милю отсюда, в овраге. Да, он был не слишком осторожен. Мы не заметили следов борьбы. Он просто лежал на земле с дырой в боку. Похоже, от стрелы.

Капитан грубо выругался, глядя в снег, и продолжал:

— После этого следы запутались. Когда алендский мясник обнаружил преследование, он и его люди потрудились на славу, этого не отнимешь. Я послал своих лучших следо-

пытов, но, мне кажется, это бесполезно. Когда нам все-таки удастся обнаружить его следы, он наверняка уже доберется до дороги или до ручья и исчезнет.

Джерадин не слушал его. Он смотрел на тело, лежащее на спине жеребца. Териза видела, как возле его губ прорезаются складки, от чего он сразу как-то постарел.

— Аргус, — сказал он хрипло, — я убил тебя.

— Отлично, — проворчал Найл. — Просто превосходно. С обеих сторон ты сделал так, что хуже и быть не могло. Без принца Крагена ты не сможешь остановить армию Маргонала. Но ты остановил и меня. Таким образом, у алендского монарха не будет выбора. Захватив Орисон, он оставит его за собой.

Джерадин вздрогнул, но не ответил брату. Пнув лошадь, он развернул ее, чтобы посмотреть в глаза Рибальду.

— Прости, — сказал он. — Это моя вина. Я должен был послать вас вместе.

Рибальд склонил голову. Теризе показалось, что он сейчас ударит Джерадина, — он выглядел таким отчаявшимся. И, не задумываясь над своими действиями, она направила своего коня в сторону Джерадина, чтобы оказаться рядом с ним.

— Найл прав, — согласился с братом Джерадин. — Надо было не преследовать его, а сосредоточиться на поимке принца.

Рибальд крепче сжал кулаки.

— Неужели я похож на человека, который слушается приказов неопытного щенка? — прорычал он. — Я думал, он достаточно умен, чтобы присматривать за своей спиной.

Джерадин кивнул и ничего не ответил.

В долине царила тишина, только постукивали копыта переступавших на месте лошадей.

Вдруг один из стражников указал на пойманное существо и спросил в ужасе:

— А это что такое?

Пригодник повернулся. Териза с трудом узнавала его: вид у него был более устрашающий, чем когда-либо ей приходилось наблюдать нечто подобное у Артагеля.

— Это я и сам хотел бы выяснить.

— Поехали, — приказал капитан. — Смотритель изойдет дерьмом, когда узнает о происшедшем. И чем дольше он будет нас ждать, тем тошнотворнее будет его истерика. Стройся.

У него ушло еще некоторое время на то, чтобы оставить здесь гонцов и поддержку для следопытов. Стражники выстроились вдоль ручья в две шеренги. Териза оказалась рядом с Джерадином среди шеренги стражников, которые, кроме всего прочего, интересовались, что делает здесь она.

Териза оглянулась на Найла; его лицо было непроницаемым. Удар Джерадина словно бы стер всякое сходство между братьями.

У нападавшего на нее глаза, окруженные щетиной, находились не там, где у человека; у него было рыло и клыки. Но Териза не замечала этого. Она видела только кровь, льющуюся сквозь рану под рыжей шерстью, кровь и смерть, впитываемые белым снегом.

Она почти не обращала внимания на дорогу; ягодицы и ноги болели, когда мерин трусил рысцой, чтобы не отстать от остальных лошадей.

Возвращение в Орисон было унылым и, казалось, бесконечным. Териза потеряла ощущение времени, была ко всему равнодушна; лишь иногда, поворачивая голову, она видела орды рыжешерстных всадников, размахивающих над ней ятаганами. Но вскоре она обнаружила, что это просто галлюцинация, возникающая от избытка сероватого солнечного света, разлитого над огромным заснеженным простором. Орисон, в общем, оказался не так далеко, как подсказывало Теризе ее физическое состояние. Наконец всадники въехали на внутренний двор замка и остановились.

Спустившись со спины лошади и погружая ноги в грязь, Териза, вся дрожа, с трудом сделала шаг.

Стражники слезали с лошадей. Ее окружал хаос — мужчины мелькали тут и там и о чем-то говорили. Другая группа всадников спешно выезжала из Орисона. Весь двор был заполнен стражниками, снующими в разных направлениях. Крестьяне и торговцы торопились убрать свои повозки. Она не знала, что следует делать с лошадью. Где-то рядом, за высокими стенами, вздымающимися над ней, было тепло. Но она не представляла, как туда добраться.

Командир выкрикнул приказ. Его люди быстро построились и замерли вытянувшись. Беспорядок был ликвидирован.

К шеренгам спешил Смотритель Леббик.

Вопреки зимней стуже он был одет в свою обычную кольчугу; пурпурная перевязь шла наискось через грудь, пурпурная лента алела над бровями. Мороз яростно кусал его кожу, но Смотритель как будто не замечал этого; внутренний огонь согревал его. Будучи ниже Теризы, он словно бы возвышался над ней, над окружающими ее солдатами и даже над лошадьми — казалось, он превосходил ростом всех. Ярость сверкала в его глазах.

Он небрежным кивком ответил на приветствие командира, но не заговорил, а принялся изучать находившихся перед ним. Заметив Рибальда, стоявшего возле тела Аргуса, он направился в их сторону.

Джерадин положил руку на плечо Теризы, желая успокоить ее. Но его лицо было слишком хмурым, чтобы она могла почувствовать себя лучше.

В напряженном молчании стражники ждали, пока Смотритель минует их и доберется до Аргуса. Леббик грубо схватил Аргуса рукой за волосы и приподнял его голову, словно идентифицируя. Взгляд, который Смотритель бросил на Рибальда, заставил ветерана отвернуться.

Леббик скосил глаза на мрачного Найла. Затем оглядел захваченное существо. Мгновение эти двое мерили друг друга взглядами через бездну разделявшего их антагонизма и чуждости. Не поворачивая головы, Леббик внезапно спросил:

— Это его лошадь?

— Да, — ответил Джерадин сквозь зубы. — Их было трое. Одного мы убили. Мы с Теризой погибли бы, если б Найл не убил второго.

Но Смотрителя, похоже, не слишком интересовало, сколько рыжешерстных существ было убито.

— *Эта* лошадь его? — настойчиво переспросил он. — *Эта* сбруя?

— Да.

Смотритель Леббик направился к Джерадину. Спокойным, тихим голосом, чуть громче шепота, но звучавшим так, что, казалось, его можно было слышать на самых высоких башнях, он сказал:

— Мне не нравится терять людей. Ты понимаешь меня, мальчик? Мне это совсем не нравится.

Джерадин не пытался отвечать. Да Смотритель и не ждал ответа. Он круто повернулся и рявкнул командиру отряда:

— Отправьте Найла и это чудовищное отродье воплощения в подземелье. Вас, Джерадин, и, — он насмешливо произнес ее имя, — леди Теризу де Морган я хочу видеть в южной караулке.

И в окружении пара, идущего изо рта, направился восвояси.

— Подземелье, — простонал Джерадин, закрывая лицо руками. — О Найл, что я с тобой сделал?

— Не беспокойся об этом, братишка, — резко ответил Найл. — Эта глупость — лишь одна из многих, совершенных тобой. Кроме того, Леббик, видимо, долгое время был лишен возможности практиковаться в пытках. Так что для него это будет скорее развлечением.

Джерадин опустил плечи. Териза тупо смотрела на Найла. В этот момент заговорил Рибальд:

— Советую тебе держать рот на замке. — Он пытался говорить спокойно, но голос его дрожал. — Никого не волнует, что случится с тобой. Не будь ты сыном Домне — и не

будь у тебя братьев значительно лучше, чем ты, — мы не стали бы задерживать тебя, пусть бы ты выставил свою задницу перед Вердоном. А ты говоришь о *развлечениях*.

— Рибальд, — предупредил его командир, — хватит.

Но Рибальд не мог остановиться.

— Представляю, как бы позабавился Вердон, если бы ты предложил ему королевство Мордант. — В его голосе слышалась печаль. — Если бы нам удалось схватить этого сукина сына принца, вся армия Аленда оказалась бы бессильной против нас. Так что Джерадин оказал тебе *услугу*.

Найл избегал смотреть на стражника.

— Аргус оказал тебе услугу, ты, гнилая...

— *Рибальд!* — Рык командира прозвучал подобно удару хлыста. — Я сказал — хватит!

Рибальд выкатил глаза, словно раненый хищник, его шрам побагровел от прилива крови. Тем не менее приказ командира дошел до сознания и остановил его. Он повернулся спиной к Найлу и стал отвязывать руки Аргуса.

— У него не было семьи. Кто-то должен похоронить его.

Подняв тело друга на руки, он понес его куда-то со двора.

Териза боялась, что если сейчас не попадет в тепло, то с ней тоже случится истерика.

Командир строго раздавал приказы. Найла и нападавшего на Джерадина тут же повели в подземелье. Оставшиеся стражники занялись лошадьми, а сам командир проводил Теризу и Джерадина в южную караулку.

Казалось, сейчас ее ничем нельзя было удивить. Все происходящее не имело ни малейшего смысла, и она по-прежнему боялась Смотрителя. Как ей удалось пережить такой холод? Наверное, она обманывала себя, считая, что в Орисоне тепло. Она боялась Смотрителя из-за его неуправляемой ярости. Или оттого, что лгала ему?

Когда она лгала ему? Сколько раз? Она убила одного из нападавших на Джерадина, и вся ее ложь должна обратиться против нее.

Но тут дверь открылась и закрылась, и что-то благословенное прикоснулось к лицу Теризы. Она находилась внутри замка, но все еще была промерзшей до мозга костей, и отчаяние скручивало ее, как ледяной кокон. Но в воздухе разливалось тепло; им было нетрудно дышать. Она могла распрямить пальцы. Она попыталась прочистить горло, и слабый звук, похожий на всхлип, вырвался из ее груди.

— Мы уже здесь. — Джерадин остановил ее, расстегнул полушубок, чтобы тепло плотнее окутало ее. — Ты не привыкла к такому. — Он взял ее руки и стал не очень сильно

похлопывать ими, а затем растирать ее кисти. — Прости, я не думал, что ты так замерзла.

Ее снова начало колотить.

Он обнял ее за плечи и помог пройти в караулку.

Это был низкий зал с голым каменным полом и голыми стенами, лишь на одной висела огромная черная доска. Бо́льшую часть зала занимали несколько рядов деревянных скамей, повернутых к доске; видимо, именно здесь Смотритель отдавал приказы капитанам и объяснял своим людям, что следует делать. В караулке было теплее, и Териза почувствовала, как это тепло борется с ее ознобом.

Смотритель появился сразу же после того, как они вошли в помещение. С шумом захлопнув за собой дверь, он уставился на Теризу и Джерадина. Териза заметила, что Смотритель сжал кулаки. Сначала подумалось — это из-за гнева. Но потом она сообразила, что он провел большую часть своей жизни с тяжелым мечом в руках, и такое положение пальцев ему привычнее.

Он внимательно посмотрел на нее, и что-то странное случилось с его лицом. Оно смягчилось, и обычное выражение ярости исчезло.

И так же внезапно, как вошел в караулку, он покинул ее.

Изумленные, они с Джерадином обратили свои взоры на командира. Но тот лишь пожал плечами.

Они ждали. Джерадин посматривал на потолок. Териза дрожала.

Когда Смотритель Леббик вернулся, его сопровождала служанка с подносом. На подносе стояли три высоких кубка. От них исходил сладкий густой пар.

— Вино с пряностями, — объявил Смотритель не глядя. Он как будто стыдился своего поступка. — Пейте.

Служанка поднесла кубки Теризе, Джерадину и командиру и вышла.

Пытаясь скрыть удивление, командир с бесцеремонной поспешностью осушил кубок. Затем уставился в него, словно ожидая появления там новой порции вина.

Джерадин с подозрением смотрел на напиток — не отравлен ли он.

Териза не стала ждать, пока он решится. Обхватив руками горячий металл, она втянула в себя глоток темной жидкости.

Вино с пряностями. Она отпила еще. Ей никогда не доводилось пробовать вино с пряностями. И она никогда не пила горячее вино. Неповторимое ощущение! Она сделала большой глоток. Вино нежно обволакивало внутренности — не то что грубое бренди стражников. Дрожь сильнее, чем прежде, встряхнула ее — и отпустила, и все мышцы внезапно расслабились. Ей стало тепло; а вместе с теплом вернулась

надежда. Вино с пряностями. В ее кубке было слишком мало вина, и она допила все, до последней капли.

Теперь и Джерадин сделал несколько больших глотков, но слишком торопливо; в результате большая часть жидкости вылилась на пол, пока он кашлял и пытался восстановить дыхание. Командир деликатно похлопал его по спине.

— Спасибо вам, — сказала Териза Смотрителю Леббику, опустив кубок. — Спасибо.

— Не нужно благодарностей. — Голос Смотрителя звучал резко, но лицо было мягким и смущенным. — Вам бы следовало брать пример с Джерадина. Он думает, я подсыпал туда снадобья, дабы заставить вас говорить.

Она вздохнула — и обрадовалась, что в ее голосе нет ни дрожи, ни хрипа.

— С вином все в порядке. Вы принесли вино не ради него. Вы принесли его ради меня. Я благодарю вас за это.

Нахмурившись, Смотритель повернулся к командиру.

— Я хотел бы выслушать рапорт.

Наконец-то оказавшись в привычной ситуации, командир изменил позу. Не тратя времени зря, он сообщил все, что знал, описал все, что сделал, и заметил, что ему ничего не известно о происшедшем с леди Теризой и Джерадином после отъезда Рибальда.

Смотритель, уточняя детали, пару раз кивнул.

— Хорошо. Возвращайтесь к вашим людям. Отправляйтесь с отрядом туда, где нашли Джерадина и леди. Я хочу, чтобы вы проследили, откуда появились эти существа. Откуда они прибыли. И почему существа, созданные воплощением, оказались верхом на *таких* лошадях с *такой* сбруей.

Когда будете там, пошлите подкрепление и еду следопытам. Принц Краген не должен совершить ошибки — но если такое все же случится, пусть он поплатится за это сполна.

И, — сказал он в заключение, — пришлите ко мне ловчего. Я хочу узнать все, что возможно, об этих... — он выдавил из себя слова, глядя на Теризу, — почтовых голубях.

Командир отдал честь и с нескрываемым облегчением покинул караулку.

Долгое время Смотритель Леббик ничего не говорил. И даже не смотрел на Теризу и Джерадина; он словно был погружен в свои мысли. Затем принялся внимательно изучать обоих, видимо, выбирая момент, когда в нем с новой силой вспыхнет ярость. Он, похоже, ждал, что один из них заговорит первым и он услышит что-нибудь полезное. Или, может быть, думал с сожалением о проявленной им слабости — демонстрации непривычного для него чувства милосердия.

Джерадин встретил изучающий взгляд Смотрителя без тени враждебности, но он был слишком напряжен и не открывал рта.

Териза тоже не могла что-либо сказать. Ненависть странных всадников словно околдовала ее.

Наконец Смотритель пододвинул к себе стул и сел, скрестив руки на груди. Но не предложил сесть Теризе и Джерадину.

— Итак, — сказал он. Его взгляд, готовый метнуться в любую сторону, был направлен точно между ними. — Снова произошло нечто странное, и снова в этом замешана леди Териза де Морган. — Он подчеркивал каждое слово, тщательно произнося согласные и растягивая гласные. — На этот раз как минимум одна загадка все же разрешилась. Не знаю, с кем она плетет свои интриги. Я не знаю, почему и зачем. Но наконец-то я знаю — как.

— Интриги? — Джерадин моментально завелся. — Териза? О чем вы говорите?

Смотритель Леббик посмотрел на пригодника. Опасный блеск промелькнул в его глазах.

— Я говорю о почтовых голубях.

— Но это же безумие! У нее нет никаких голубей. Где бы она их держала?

— Возможно, они приносят ей сообщения и уносят ответы. Ей достаточно для этого открыть окно, а потом закрыть его, утаивая свое предательство от остального мира.

— Нет, — настаивал Джерадин. — Нет, это — безумие. Их ведь необходимо тренировать. Когда она могла сделать это?

— Мы не знаем, как долго их следует тренировать. — Лицо смотрителя было словно выковано из стали и выражало крайнюю степень гнева. — На самом деле это не важно. Разве она прибыла сюда не из зеркала? Разве у нее не может быть чего-то общего с зеркалами? Она тоже в некотором роде воплотитель, — произнес он убежденно. — Откуда нам знать, какие у нее вообще возможности? Может быть, она уже много лет тайно наблюдает за нами, готовя заговор против короля Джойса.

Териза покачала головой.

— Вы не понимаете. — Она воспринимала обвинения Леббика на свой счет как явную глупость. И вообще она очень устала. — Почтовые голуби доставляют сообщения лишь в одну сторону. И возвращаются домой. И все. Принц Краген мог посылать сообщения своему отцу. Он не получал от него ответы. — Она замолчала, так как была не в состоянии объяснить ему, что подозревать следует Элегу.

— Видите, — подхватил ее слова Джерадин. — Это безумие. Алендский монарх марширует со своей армией по Армигиту *прямо сейчас*, а мы тратим драгоценное время на не-

лепые предположения. Ведь скоро мы будем в *осаде*! Вы этого не понимаете?

Мускулы на шее Смотрителя Леббика вздулись, руки сильнее прижались к груди. Он был готов в любую секунду взорваться. Тем не менее продолжал смотреть с пристрастием на Теризу, как будто и не слышал Джерадина.

— Я узнаю от ловчего, правду ли вы говорите. И даже если это так, я предположу, что голуби хранятся у одного из ваших союзников в Орисоне.

Джерадин всплеснул руками, но Смотритель его словно бы не замечал.

— Как вам удается связываться со своим союзником, находясь под неусыпным надзором моих людей? Через тайный ход в своем гардеробе. И ребенок мог бы догадаться. Но давайте пока отложим это. А пока что, миледи, почему бы вам не рассказать, как получилось, что вы узнали о сегодняшней утренней встрече принца Крагена и Найла?

Териза уставилась на него с недоумением, а ее сердце заполнял страх.

— Для столь исключительно невинного человека, как вы, — развивал свою версию Леббик, — я нахожу слегка необычным, что вы случайно оказались в нужном месте, шпионя за ними. Не является ли это доказательством того, что люди, с которыми вы плетете заговоры, вовсе не алендцы? Или вы специально выдаете союзников, чтобы скрыть истинные свои намерения?

Расслабленная от вина и усталости, она была не способна встретиться с ним взглядом и не в силах дать волю своему отчаянию. Она просто погрузилась в размышления. Может быть, она действительно виновна в том смысле, в каком это понимает он. Такое казалось возможным. Она понимала тайную подоплеку подобного обвинения; оно было заслуженно, потому что считалось истинным; подозрения усугубляли чувство вины, которое, в свою очередь, укрепляло подозрения. Раз Леббик смотрел на нее так строго и разговаривал с ней так грубо, значит, она заслужила это.

Как в таком случае ей защищаться?

Но вместо нее заговорил Джерадин.

— Послушайте, — его голосу не хватало ярости и страсти Смотрителя, — я хочу кое-что объяснить вам. — Наконец Леббик повернулся к нему. — В первый день оттепели мы с Теризой и леди Элегой отправились на базар. Вы знаете об этом. — Чем больше он говорил, тем дальше, казалось, отодвигал меч, занесенный над головой Теризы обвинениями Смотрителя. — Проходя по базару, мы видели знахаря. Териза узнала его. Это был принц Краген.

Териза скорее почувствовала, чем увидела, *как* Смотритель Леббик смотрит на Джерадина.

— Чисто случайно, — продолжал пригодник, — она увидела, как знахарь и Найл, — он произнес это имя с затаенной болью, — зашли в палатку и о чем-то беседовали. Это произошло перед тем, как на нее напал Гарт. Я посчитал: лучшим способом выяснить, что происходит, будет слежка за Найлом. А потому попросил Тора освободить Аргуса и Рибальда от их обязанностей, чтобы я мог поручить им выслеживать Найла.

У Леббика отвисла челюсть.

— Это же очевидно, — убежденно говорил Джерадин. — Она не устраивает никаких заговоров. Если бы она сама использовала почтовых голубей, было бы невероятной глупостью с ее стороны дать нам понять, что она разбирается в этом.

Териза опустила голову.

— Это все очень интересно, мальчик. — Слова Леббика были подобны ударам кинжала. — Она рассказала тебе о своих наблюдениях, и ты самостоятельно решил, как в этом случае следует поступить. Но я — Смотритель Орисона. Моя забота — защищать короля от врагов. Если в Демесне или Орисоне возникает какая-то опасность, я должен быть в курсе. — Он говорил все энергичнее, готовый в любую секунду взорваться от ярости. — Почему ты не сообщил об этом *мне?*

— Потому, дорогой Смотритель, — прогремел знакомый голос, — что вы страдаете невоздержанностью в своих действиях.

Териза с удивлением заметила вошедшего в караулку Тора.

Он, похоже, находился в своем обычном состоянии, и, хотя ноги не слишком хорошо держали его, намерения у него были добрые. Его широкая улыбка заполняла все жировые складки на лице, а походка свидетельствовала о том, что он покинул палаты короля лишь после основательного возлияния.

— Милорд Тор, — процедил сквозь зубы Смотритель Леббик, не утруждая себя вставанием, — я удивлен, что вы решили обеспокоить себя ради того, чтобы присоединиться к нашей беседе. Сегодня ведь прекрасный день для людей, привыкших беспрерывно валяться в постели.

— Действительно, — дружелюбно ответил лорд, — это чистая правда. Однако мне исключительно не везет: голос, который в этом каменном мешке призван сообщать мне новости, делает это незамедлительно. Причем имеет привычку шептать их, но чем глубже я погружаюсь от этого в дрему, тем громче шепот. А этим утром мне показалось, что даже король Джойс может пробудиться от спячки.

Но король, — продолжал он, — похоже, решил не принимать участия в великих событиях сегодняшнего дня. Таким образом, этот груз лег на плечи его советника.

Он добрел до ближайшей скамьи и с тяжелым вздохом опустился на нее. Массивная планка застонала под его весом.

— Очень мило с вашей стороны, лорд Тор, почтить нас своим присутствием, — заявил Леббик. — Но так случилось, что в этом нет никакой необходимости. Я вполне способен и сам управиться с «великими событиями сегодняшнего дня».

— Ну конечно, — Тор, словно тесто в квашне, был непробиваем для сарказма и не воспринимал никаких доводов, — вы разбираетесь в осадах так же хорошо, как некоторые — в женщинах. Я уверен, вы примете все необходимые меры, чтобы достойно встретить алендского монарха. Тем не менее, мой добрый Смотритель, должен заметить, — он говорил все так же спокойно и дружелюбно, — что если бы этим вопросом занимались исключительно вы, то и до сей поры не подозревали бы о приближении Маргонала. Как я уже сказал, потому, что в своих действиях вы слишком невоздержанны.

Глаза Смотрителя Леббика грозились вылезть из орбит.

— Каким же это образом, милорд?

Тор всплеснул своими пухлыми руками.

— Предположим, юный Джерадин пришел бы к вам и высказал свои подозрения относительно брата. Что бы вы сделали? Вы бы наверняка арестовали Найла. Вместо того чтобы проследить за ним и таким образом выведать его планы, вы попытались бы добыть информацию путем убеждения или силой. А если бы на него не подействовали ни убеждение, ни сила... — Лорд пожал массивными плечами.

Допустим, юный Джерадин сообщил бы вам свои *основания* для подозрений. Предположим, он упомянул бы о словах, оброненных королевской дочерью, леди Элегой, которая дала понять леди Теризе, что она в заговоре с принцем Крагеном. — Сейчас лорд уже не был похож на тесто. Его голос громыхал подобно огромным каменным глыбам, ударяющимся друг о друга. — Предположим, он сообщил бы, что эти стражники, Аргус и Рибальд, следили за Элегой — и именно потому вовремя оказались поблизости, спасая жизнь Артагеля, когда Бретер верховного короля напал на леди Теризу. — Его руки уперлись в мясистые ляжки, глаза сверлили стоящего перед ним Смотрителя. — Предположим, он сообщил бы, что леди Териза отказалась поддержать леди Элегу в ее союзе с принцем Крагеном — и, предупрежденная этим отказом, Элега сделала бы все, дабы слежка Аргуса и Рибальда оказалась бесплодной. Что бы вы предприняли тогда, дорогой Смотритель? Вы стали бы орать на *нее?* — Наконец-то он

преобразился из старого пьяницы в лорда провинции Тор, первого союзника короля Джойса в его кампании, которая и создала Мордант. — Послали бы вы своих людей для *ее* ареста, чтобы она предстала перед отцом и была публично обвинена в измене?

Лицо Смотрителя потемнело от прилива крови, но он не разжал зубов.

— Именно так и было сделано.

Казалось, Тор сейчас вскочит на ноги и закричит. Но вместо этого он печально улыбнулся и сказал подобревшим голосом:

— Ну хорошо. И каков же результат?

— Пока что найти ее не удалось.

— Конечно же, вам это не удалось. Она где-то спряталась. И она предупреждена, мой добрый Смотритель, а зная все тайные закоулки Орисона, она может перепрятываться долгое время. Так что возможность выяснить ее намерения была утрачена — намерения, на которых основаны планы принца Крагена, намерения, которые должны привести к тому, что Орисон сдастся без длительной осады. Мой добрый Смотритель, вы гораздо больше нуждаетесь во мне, чем вам кажется.

Восхищенный Джерадин готов был зааплодировать.

Смотритель поджал губы и шарил глазами по караулке, словно искал место на гладкой стене, где можно размазать лорда Тора. Но он не сдвинулся с места.

Он медленно произнес:

— Джерадин... Миледи Териза... вы не сказали нам, откуда взялись эти создания из воплотимого. Вы не объяснили нам, как вам удалось поймать Найла. Он ведь твой брат. Он знает тебя. Он наверняка не позволил бы тебе приблизиться и напасть на него. Вы рассказали Тору слишком много всякого. Почему не рассказать ему еще и это?

— «Создания из воплотимого»? — Лорд мягко улыбнулся Джерадину. — Расскажи нам.

Джерадин перевел взгляд с одного мужчины на другого и обратно, пожал плечами и сказал:

— Хорошо.

Всего несколько минут назад Териза поклялась бы, что такое в принципе невозможно, но сейчас почувствовала, что в комнате слишком жарко. Она поправила на себе полушубок, открывая шею.

— Я действовал, не подумав как следует, — смущенно признался Джерадин. — Найлу не грозила явная опасность. Мне следовало отпустить его и сосредоточиться на поимке принца Крагена. Но подобная мысль не пришла мне в голову. Остановить его было столь важно... — Джерадин как будто умолял их понять его. — Он ведь мой брат. Я не мог допустить, чтобы он стал предателем.

Тор с отсутствующим видом кивнул; его внимание, казалось, рассеялось. Смотритель мрачно пробормотал:

— По-моему, это было поздновато, тебе не кажется?

Джерадин вспыхнул. Но не позволил себе отреагировать както на эту реплику.

— Но и тут я все сделал не так. Он ушел от нас, и мы остались без лошадей.

Вот тогда-то и появились эти создания из воплотимого. Они двигались с востока. Я думал, что они снова охотятся за леди Теризой, и потому оказался не готов, когда они напали на меня.

— *На тебя?* — переспросил Смотритель. — Они напали *на тебя?*

— Во всяком случае, судя по их поведению. — Джерадин прилагал усилия, чтобы оставаться спокойным. — Мы разделились. Они проигнорировали ее. Все трое напали на меня.

Лицо Тора осветилось такой радостью, словно он услышал хорошие новости.

— Юный Джерадин, ты — чудо. Я уже говорил тебе — ведь говорил же! — что ты недооцениваешь себя. Даже у леди Теризы де Морган нет таких врагов.

— Ну да, — буркнул Смотритель Леббик. — Особенно правдоподобным это кажется потому, что оба вы остались живы! Вы были двое против троих нападавших. Что вы сделали? Ты *нечаянно* заставил их разом издохнуть?

Каким-то образом Джерадину удалось не сорваться. Он осторожно сказал:

— Я стал дубинкой бить по их лошадям. Двое из них упали. Один был убит. Второй — ваш пленник.

— Нет, — выдохнула Териза.

Смотритель Леббик не обратил на ее реплику внимания.

— А третий?

— Третьего заколол Найл. Он увидел, как они скачут в нашу сторону, поэтому вернулся. Мы с Теризой могли бы погибнуть, если б не он. И когда он отвлекся, я сшиб его с ног. Ударил веткой дерева. Таким образом захватил и его.

— Нет, — повторила Териза. Она не могла остановиться; воспоминания ожили с необыкновенной силой. Все происходило сейчас в ее памяти так ярко, что казалось сном. — Он сражался за свою жизнь, — прошептала Териза. — Я хотела помочь ему. Разве я не должна была поступить так? Нельзя же сидеть всю жизнь, ничего не делая и ежесекундно ожидая, когда начнешь постепенно исчезать! Это намного хуже, чем самый гадкий поступок. Не так ли?

Он сшиб двоих с лошадей. Одного из них оглушил. Второй бросился на него с этими мечами. — Териза содрогнулась, будто ей снова стало холодно; на самом деле она едва сдерживалась, чтобы не сорвать с себя полушубок. — Я помогла ему. Я убила... Палкой. Я ударила его сзади и разбила ему череп... Небольшая ранка под рыжей шерстью в области затылка повлажнела и оттуда хлынула кровь... Потом появился Найл. Джерадин никого не убивал.

У нее закончились слова, и она замолчала.

Мужчины уставились на нее. Джерадин дергал кадыком, словно безуспешно пытался произнести ее имя.

— Моя дорогая леди, — мягко пророкотал Тор, — ну конечно же, вам следовало помочь ему. Вы не простили бы самой себе, если б оставили его без помощи. И скорее всего вы оба были бы сейчас мертвы.

Смотритель Леббик отвернулся.

— Женщины, — вся его фигура выражала горечь и отвращение, — вечно эти женщины. Неслыханно. Если б меня когда-нибудь спасла женщина, я бы покончил с собой.

Затем он прохрипел:

— Ну а теперь насчет лошадей. В них-то, собственно, и дело. Седла и *сбруя*, милорд Тор. Расскажи ему о седлах и *сбруе*, Джерадин.

Джерадин в недоумении уставился на Смотрителя, в то же время сообщая Тору:

— Нападавшие на нас были созданиями из воплотимого. Но их лошади ничем не отличались от обычных. Больше ничего особенного я не заметил.

Леббик проворно вскочил на ноги.

— *Обычные* лошади, милорд Тор. *Обычные* седла и сбруя. Что вы думаете по этому поводу?

Лорд пожевал губами.

— Эти создания оказались на лошадях уже после воплощения. Или они украли лошадей, чтобы воспользоваться ими, или их доставили те, кто воплотил их здесь. Им дали лошадей и указания.

— Именно. — Леббик так смотрел на лорда, словно фитиль горел уже в непосредственной близости от пороха. — Лошади были обычными. Седла были сделаны однозначно не в Кадуоле — в Кадуоле используют плетеные стремена, а такие могли быть взяты где-то в Аленде или Морданте.

— А сбруя? — спросила Териза.

— А сбруя... — Леббик сделал жест отчаяния, снова сплетая на груди пальцы рук. — Их сбруя включает в себя нахрапник — то, чего вы не найдете ни в Кадуоле, ни в Аленде,

ни даже в Морданте, за исключением провинции Тор. — Его взгляд был настолько тверд, что мог бы высекать искры из кремня. — Только ваши люди используют его, милорд Тор.

Лорд разглядывал Леббика, словно занимательную букашку, пришпиленную к демонстрационному стенду.

— Возможно, — едко заметил Смотритель, — вы считаете это еще одним проявлением моей *невоздержанности*...

Ошеломленная внезапностью выводов Леббика, Териза не сразу сообразила, что эти слова произнесены совершенно серьезно. *Тор?* Связан с Вагелем? Тор — против Джерадина, короля Джойса и всего Морданта? У нее подкашивались ноги; просто необходимо было скорее присесть. Езда верхом отобрала у нее все силы. Не обращая ни на кого внимания, Териза направилась к ближайшей скамье и села рядом с лордом.

Джерадин был в панике.

— Вы не можете говорить такое всерьез, — запротестовал он. — Вы понимаете, что вы сказали?

Смотритель Леббик обнажил зубы в улыбке.

— О, я уверен, наш добрый Смотритель прекрасно понимает, что он говорит. — Тор снова превратился в квашню, невосприимчивую к оскорблениям. — Одна из самых каверзных проблем Морданта заключается в том, что нападения злодейских воплощений происходят из неизвестного нам источника. Мой сын был убит врагом, который мог прятаться где-нибудь в Алеиде или Кадуоле — или даже в Морданте.

— Если действительно ваш сын был убит, — возразил Смотритель. — Об этом известно только со слов — лично ваших и слов ваших людей. Труп, который вы показывали нам, мог принадлежать кому угодно.

Джерадин весь побелел от такого оскорбления. Но Тор оставался невозмутимым.

— Но сейчас, — заметил он, — мы сделали огромный шаг вперед. Сейчас мы знаем, где следует искать.

— В провинции Тор. — Леббик был настойчив. — В ваших владениях, милорд.

— Поразительно, не так ли? — В голосе Тора послышалось раздражение.

— Чрезвычайно! — Смотрителя переполнял восторг.

— К несчастью, — уже спокойно произнес Тор, — в настоящее время поиски невозможны. У нас есть другие, более важные дела. Пожалуйста, сообщите мне, что вы сделали для подготовки Орисона к осаде. Похоже, принц Краген очень верит в то, что алеидский монарх сможет покорить нас безо всяких усилий. Мне это кажется абсурдом — но я сомневаюсь, что принц Краген склонен верить абсурду. Жаль, что мы не можем

задать несколько вопросов леди Элеге или понаблюдать за ней. Ну что ж, нет так нет. Однако нам следует быть начеку, мой добрый Смотритель.

— Я буду начеку, — ответил Леббик. — По моим расчетам, у нас есть еще несколько дней, но я выслал следопытов, чтобы знать о приближении неприятеля заранее. Тот факт, что Армигит оказался предателем, даст нам по меньшей мере одно преимущество. — Сейчас он был солдафоном, рапортующим старшему по званию. — Маргонал будет двигаться по главным дорогам от Армигита. Это самый легкий и быстрый путь. Так что его армию обнаружить будет несложно.

Кроме того, я разослал гонцов в провинции, которые могли бы помочь нам. Файль и Вердон. — Глянув на Джерадина, он заметил: — То, что услышит Вердон, будет совсем не то, что собирался сообщить ему твой дорогой братец. — И продолжал доклад: — Я послал людей к Термигану, но он слишком далеко, чтобы помочь нам. У меня еще не было возможности побеседовать с Гильдией, но я сделаю это в самое ближайшее время. Может быть, мне удастся вбить немного здравого смысла в эти тупые головы воплотителей.

Видимо, никто из Мастеров не счел необходимым уведомить его о роспуске Гильдии.

— Заодно я соберу в Орисоне войска со всех гарнизонов. Большая часть людей, преследовавших *Воина* Гильдии, — Смотритель произнес это с презрением, — вернулась назад, думаю, им не стоит заниматься этим же впредь. За стены замка я отправлю только людей, которые смогут отыскать принца Крагена, прежде чем он соединится с отцом, и проследить, откуда взялись эти существа. Все остальные мои силы будут собраны здесь к рассвету завтрашнего дня.

Тор кивал не перебивая.

— Поскольку сейчас конец зимы, наши запасы на исходе. Это серьезная проблема. Но у нас достаточно торговцев и деревень, где мы можем пополнить наши запасы. Это не вызовет серьезных затруднений, так как люди знают, что с началом войны им все равно придется искать защиты в Орисоне, и будет справедливо, если они заплатят за свою безопасность продуктами. Нам необходимо всего три дня, чтобы обеспечить Мордант запасами еды. Самая большая наша проблема — брешь в стене.

И снова Тор кивнул. Но теперь он закрыл глаза и, казалось, погружается в сон.

— Если б не эта брешь, я смог бы защитить Орисон от любого врага. Задолго до истощения запасов как минимум один из лордов прибудет к нам с помощью. Но эта брешь все меняет. Я собрал всех каменщиков, которых только смог

найти. Работа продвигается, но она не может быть сделана настолько хорошо, чтобы Маргонал не справился с заплатой на проломе. Я утомил вас, милорд Тор?

Лорд открыл один глаз.

— Ничуть, мой добрый Смотритель. Я просто решил передохнуть после безуспешных попыток представить себе причину убежденности принца Крагена в мгновенном успехе.

Упоминание Смотрителя о Войне напомнило Теризе о том, чем она давно собиралась поинтересоваться. Она постепенно приходила в себя, ее внимание и способность к мышлению понемногу восстанавливались. Но пока у нее не было возможности задать вопрос.

— Юный Джерадин, — спросил Тор, — вы точно помните, о чем говорили Найл и принц Краген?

— Довольно точно, — ответил Джерадин. — Принц Краген беспокоился об Элеге. Найл сообщил ему о вашем разговоре с ней. О ваших подозрениях. И это ясно свидетельствует, что Найл беседовал с ней перед тем, как уехал сегодня утром. Затем он сказал, что леди Элега уверена, будто вы не сможете помешать ее части плана.

Смотритель Леббик нахмурился. Лорд Тор вскинул одну бровь.

— Найл волновался из-за этого. Но... Позвольте, я точно припомню слова. — Джерадин уставился в потолок, напрягая память. — Принц Краген сказал: «Мне не хотелось бы, чтобы Элега подвергала себя опасности. Но она уверяла меня, будто ей ничто угрожать не может. Мы должны верить, что она сможет сделать то, что обещала».

— И все? — спросил Смотритель.

Джерадин пожал плечами.

— Найл все еще не был убежден. Тогда принц Краген сказал: «Успех и безопасность леди Элеги зависят от сохранения всего в тайне». Он был очень осторожен. Я не уверен, что Найл понял, как много его вопросов осталось без ответа.

— Бедняжка Найл, — с издевкой произнес Смотритель.

— Очень жаль, — сказал Тор задумчиво. — Но что одна женщина, спрятавшись в Орисоне, может сделать для обеспечения успеха — *мгновенного* успеха — осады алендского монарха? Признаюсь, я ошеломлен и нуждаюсь в новой порции вина.

Он с трудом поднялся на ноги. Скамья под Теризой с облегчением скрипнула.

— Мой добрый Смотритель, — пробормотал Тор, — советую вам расспросить пленников. Но не вздумайте пытать их. Вам следует немного умерить невоздержанность ваших действий. Я подозреваю, что Найл скорее поддастся на уговоры, чем на воздействие силы. Возможно, он начнет говорить искрен-

не, если убедится, что леди Элега схвачена и единственный способ уменьшить ее позор — рассказать все ему известное. И создание из воплотимого тоже может выболтать нам что-нибудь полезное.

— Благодарю вас за ценный совет, милорд Тор, — ответил Смотритель Леббик. — Надо же — расспросить пленников! Я бы ни за что об этом не догадался. А чем займетесь вы, пока я буду добывать правду у пленников? — Его вопрос был явным намеком на пьянство лорда.

Тор вздохнул. На миг его мясистое лицо погрузилось в печаль.

— Мой добрый Смотритель, я доверяю вам гораздо больше, чем вам кажется. Я уверен, вы делаете все, что в ваших силах. Однако я не удовлетворен тем, что у нас есть. Я предприму еще одну попытку заинтересовать короля Джойса судьбой королевства.

И он медленно вышел из караулки.

Смотритель тут же обернулся и бросил взгляд, подобный удару алебарды, на Теризу и Джерадина.

— Мне это *нравится*. Старый толстяк считает, что сможет одолеть проблему, которую я пытался решить в течение нескольких лет, воя под королевскими дверями.

Ну вот и началось, мрачно подумала Териза. Сейчас он разорвет нас на куски.

И оказалась не права; творческая фантазия Смотрителя не ограничивалась этим. В его тоне слышались издевка и отвращение, когда он произнес:

— До сих пор вы так и не сказали мне ни слова о том, что я хотел бы знать. Но я не желаю, чтобы меня обвиняли в *невоздержанности*. Поскольку вы пока не собираетесь покидать Орисон, у нас будет достаточно времени для бесед, из которых я надеюсь узнать всю правду. А пока я предлагаю вам помочь мне допросить пленников. Вам это должно понравиться.

Молодые люди переглянулись. Комната оказалась не такой уж теплой; Теризе больше не хотелось скинуть полушубок. На лице пригодника появилась тревога, которая передалась и ей. Териза была настолько занята своими проблемами, что почти забыла, как страдает он. *Помочь мне допросить*. Неужели Смотритель собирается использовать Джерадина против брата? После всего того, что он уже сделал?

И поскольку она верила, что Джерадин нуждается в ее поддержке, она встала со скамьи и посмотрела на Смотрителя.

— Ваши поиски Элеги... — Она все еще боялась его. Однако же ей удавалось противостоять ему в прошлом, значит, она могла повторить это снова. — Как вы считаете, есть ли у вас шансы найти ее?

Смотритель задвигал челюстями так, словно пережевывал железо. Но, несмотря на гнев, Леббик ответил. При этом он выглядел до странного беспомощным, как будто его принуждали отвечать ей.

— Это зависит от того, как много тайных ходов она знает. Я не могу отвлекать слишком много людей на ее поиски.

— Понятно. — Териза ожидала этого. Но это было совершенно не важно. Важен был лишь ее следующий вопрос. Направив внезапно все свои мысли в иное русло, она спросила: — Это правда, что ваши люди так и не нашли Воина?

Это правда, что ваши люди так и не нашли Мисте?

— Ох уж эти тупоголовые воплотители, — прохрипел Смотритель. — Нет, мои люди не нашли Воина. Это какой-то бред. Он должен был оставить следы. Он ведь должен есть, не так ли? Он должен нападать на деревни в поисках пищи. А Воин не такая фигура, о которой забудет фермер или пастух. Даже если он направился прямо в Кадуол, нам было бы нелишним проследить за ним. Но мои люди не могли собрать о нем даже *слухов*. Или он мертв, или засыпан где-то снегом. Или Гилбур и Вагель как-то исправили свою оплошность и отослали его назад, туда, где ему полагается быть. Но если вы готовы поверить в такое, то вы можете поверить во все что угодно. Или он расправил крылья и улетел. *Вы* должны сказать *мне*. А что касается огненного кота... — Леббик пожал плечами, — нам повезло. Он направился в западную часть Армигита, где крестьяне загнали его в западню и забили камнями.

А как же Мисте? Что случилось с Мисте?

Если человек, ради которого она рисковала своей жизнью, исчез, где она и чем сейчас занимается?

— Смотритель, — перебил Джерадин. Териза дала ему достаточно времени, чтобы вновь обрести самообладание, — если вы собираетесь солгать Найлу относительно Элеги, то вам не следует брать меня с собой. Он знает меня слишком хорошо. Он прочтет правду по моему лицу. Я не смогу скрыть ее.

Леббик посмотрел на пригодника. Снова его лицо странно трансформировалось. Териза ожидала увидеть его в гневе, но гнева не было. Застигнутый врасплох, он оказался открыт, доступен боли; Джерадин, похоже, задел его чувства.

— Я не собираюсь никому лгать, — ответил он грубо, но эта грубость не имела ничего общего с гневом. — Я вообще не лгу.

— Простите, — мгновенно стушевался Джерадин, смущенный реакцией Смотрителя. — Мне это было известно. Я сказал не подумав.

— Если бы вы и подумали, это не имело бы никакого значения. — Возможно, резкий тон Смотрителя Леббика

не противоречил его благородным намерениям. — Не важно, насколько значительным считает вас Тор. Не вы заварили всю эту кашу. Принц Краген наговорил вашему брату кучу всякой ерунды. Я знаю Маргонала. Он не мог внезапно возлюбить мир и добрососедство. Он планировал захватить Мордант еще до того, как узнал о существовании короля Джойса. Пошли.

И, как бы отметая в сторону извинения Джерадина и свою столь необычную мягкость, Смотритель направился к дверям.

Караулка, расположенная на пути к подземельям Орисона, ничуть не изменилась с тех пор, как Териза проходила через нее в сопровождении Артагеля для беседы с Мастером Эремисом. Несмотря на сходство с дешевой таверной — массивные столы и скамьи, кровати и жаровни, стойка для торговли напитками, — ее оборонительные функции сейчас проявились в полной мере. Вдоль стен стояло достаточно пик и мечей, чтобы вооружить сорок или пятьдесят человек. И сама комната была единственным проходом, который вел к камерам и из камер.

Вспомнив Мастера Эремиса, Териза пришла в смятение. Он покинул Орисон, не придя к ней, не выполнив обещаний, — и горечь страсти или печали хлынула в сердце.

Хотя комната с тех пор не изменилась, люди, находившиеся здесь, словно преобразились. Это уже были не разболтанные, праздные солдаты, а организованная команда. Все вытянулись в струнку, приветствуя Смотрителя.

Леббик отсалютовал капитану и прошел через караулку, не сказав ни слова.

Джерадин, следуя за Смотрителем, пожал плечами и состроил дружелюбную гримасу, минуя стражников. Некоторые едва заметно кивнули ему, давая знать, что понимают ситуацию.

Воздух за караулкой был все таким же спертым, пропитанным вонью гниющей соломы. Редкие лампы, казалось, давали больше мрака, чем света; коридоры изгибались, уводя в самые темные закоулки Орисона. Смотритель Леббик повернул раз, потом другой — и они оказались возле камер.

Через его плечо Териза увидела двух стражников, появившихся из бокового коридора. Они шли друг за другом, неся что-то тяжелое.

Вскоре она поняла — это носилки.

На лице Джерадина проступила тревога.

Первой мыслью было: Найл?

Смотритель Леббик уступил дорогу, отодвинувшись к стене, а стражники пошли вплотную к противоположной стене, и Териза увидела, что человек, лежащий на носилках, не Найл.

— Артагель! — воскликнул Джерадин с облегчением и беспокойством. — Ты ведь должен быть в постели!

Стражники остановились, и Артагель приподнялся на локте.

— Что ты здесь делаешь? — буркнул Смотритель. — Это вовсе не твое дело. Я уже потерял сегодня одного из своих людей и упустил шанс поймать свинячье отродье Маргонала. Не хватало еще, чтобы ты истек кровью.

— С тобой все в порядке? — вмешался Джерадин. Он хотел сказать сразу слишком много и потому запинался. — Другого способа остановить его не было. Я не смог отговорить его... Он спас нас... Он мог бы позволить убить нас, но не сделал этого... Меня от всего тошнит... Я ударил... — Голос Джерадина дрогнул; он не мог продолжать. Все его лицо горело: он ожидал от Артагеля прощения.

Но Артагель не посмотрел на Джерадина.

— Он мой брат, — ответил он Смотрителю сухим, скрипучим голосом. Его как будто лихорадило; на губах не осталось и следов улыбки, а глаза блестели, словно полированные камни. — Мне нужно было повидаться с ним.

Один из стражников пожал плечами, несмотря на тяжесть носилок.

— Мы не смогли уговорить его подождать, Смотритель. Он пришел бы сюда сам, если бы мы не понесли его.

Смотритель Леббик проигнорировал слова стражников. Глядя на Артагеля, он требовательно спросил:

— Что он сказал?

С неожиданной силой Артагель потянулся вперед, схватил Смотрителя за перевязь и притянул его ближе к себе.

— Он сказал мне правду. Он участвует во всем этом, потому что любит эту безумную женщину. И уверен, что поступает правильно. Кто-то должен спасти Мордант. Он думает, что Маргонал — наш единственный шанс. — Глядя на него, Териза поняла — в нем нет гнева. Когда он гневался, то улыбался. Нет, сейчас он испытывал нечто похожее на отчаяние. — Она говорила с ним о чем угодно, кроме своего участия в планах Крагена. Он не знает, где она и что собирается делать.

Зато Смотритель Леббик гневался за них обоих.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

— Артагель? — настаивал Джерадин. — Артагель?

Артагель встретился со Смотрителем взглядом, медленно отпустил его перевязь и лег на носилки.

— Меня не волнует, поверите вы мне или нет. Меня даже не взволнует, если вы станете пытать его. Он — сын Домне. И что бы вы ни сделали, это наверняка убьет моего отца.

Джерадин поднял руку и прижал ее ко рту, чтобы смолчать.

Смотритель выпрямился. Лицо его не смягчилось. Тем не менее он сказал:

— Хорошо, я попытаюсь поверить ему и посмотрю, что из этого получится.

Первый раз за все это время Артагель перевел взгляд на Джерадина. Свет одной из ламп наполнил его глаза тенью.

Джерадин вздрогнул. Териза никогда не видела его столь похожим на щенка, который сидит, поджав хвост, потому что обидел того, кого любит, и не знает, что делать в такой ситуации. Он нуждался если не в прощении, то хотя бы в понимании, нуждался хоть в какой-то поддержке со стороны брата.

И не получал ее.

— Ты — надежда нашей семьи. — Голос Артагеля был сухим и одновременно возбужденным. — Ты найдешь эту женщину и остановишь ее. Если ты этого не сделаешь и она предаст нас, то, клянусь тебе, я не позволю войти сюда людям Маргонала, кто бы мне ни приказывал, чтобы я сдался. Если потребуется, я буду сражаться один против всех.

Лицо Джерадина исказилось болезненной гримасой, словно он вот-вот разрыдается.

— Ох, унесите его скорее отсюда, — прохрипел Смотритель Леббик стражникам. — Уложите в кровать. И привяжите, если понадобится. Потом позовите лекаря. От здешнего воздуха он обезумел. Сейчас он не сможет сражаться даже с беременной одноногой старухой.

— Слушаемся, Смотритель. — Стражники подняли Артагеля и понесли его в сторону караулки.

— Джерадин? — Териза положила руку ему на плечо и почувствовала, сколь напряжены его мускулы. — Он имел в виду вовсе не это. Он все еще в лихорадке. Ему не следовало вставать с постели. — Джерадин был так расстроен, что Теризе захотелось обнять его; но присутствие Смотрителя Леббика сдерживало ее. — Послушай меня. Он тебя ни в чем не обвиняет.

Пригодник повернулся к ней. Он стоял спиной к лампе, и черты его лица были во мраке. Он не отреагировал на слова Теризы. Но по-прежнему смотрел на нее, когда обратился к Смотрителю.

— Значит, остается лишь существо, напавшее на нас. — Его голос звучал так же пусто, как ближайшая камера. — Что вы надеетесь узнать у него?

— То, что удастся, — ответил Леббик. — Ты занимаешься изучением воплотимого. Ты мне и подскажешь, что возможно узнать. Есть ли какая-то вероятность того, что он говорит на нашем языке?

Однажды Джерадин уже обсуждал этот вопрос с Теризой и не хотел сейчас повторяться.

— Давайте проверим это.

Едва они с Леббиком двинулись дальше по коридору, как темная фигура выпырнула из полумрака за их спинами, торопясь к камере, где находилось существо.

— Никто мне не сказал ничего, — пробормотал человек себе под нос, протискиваясь мимо них.

Териза мельком увидела его лицо и узнала Адепта Хэвлока.

Адепт Хэвлок?

Смотритель машинально потянулся за мечом, но сунул его обратно в ножны. Они последовали за старым безумцем.

Внезапно поняв, что надо делать, Териза бросилась догонять их.

Они шли слишком быстро; ей не успеть за ними вовремя. Ощущая непонятный страх, она громко сказала:

— Не задавайте ему никаких вопросов.

Смотритель Леббик повернулся к ней столь неожиданно, что Джерадин налетел на него. От столкновения пригодника отбросило на решетку камеры. Громко выругавшись, Леббик схватил Теризу за рукав полушубка и притянул к себе.

— *Не задавать ему вопросов?..*

— Ни в коем случае. Вопросы ухудшают его состояние. — Смотритель дышал сухо и горячо. Териза хотела объяснить подробнее, но все происходило уж очень быстро. — Он может сообщить нам что-нибудь. Вот почему ему нельзя задавать вопросы.

— Миледи, — прошептал Смотритель Леббик сквозь плотно стиснутые зубы. — Откуда *вы* это знаете?

— Он сказал мне.

— Он *сказал* вам?

К счастью, у нее не было возможности подумать о своем ответе. Возможность подумать — это возможность совершить ошибку, что-то случайно раскрыть. Она без колебаний повторила:

— Он сказал мне. Кажется, он хотел поговорить со мной. Но я не поняла его. И когда я его слушала, он был почти нормальным.

Смотритель Леббик притянул Теризу еще ближе. С полубезумной улыбкой на лице, он напоминал человека, способного в любую минуту выйти из-под контроля. Но он тут же отпустил ее и зашагал вслед за Адептом Хэвлоком.

Джерадин уже догнал Хэвлока. Они стояли перед камерой. Свет лампы отражался от мокрой стены.

По коридору прокатился рык. Четыре волосатые руки с когтями на пальцах просунулись сквозь решетку и потянулись к Джерадину. Он успел вовремя отскочить.

Ничуть не смущенный этим, Адепт Хэвлок сунул кончики мизинцев в ноздри, а свободными пальцами принялся дразнить существо, словно ребенок, пытающийся скорчить рожицу пострашнее.

Смотритель Леббик схватил Хэвлока за край хламиды и оттянул на безопасное расстояние. Когда Териза присоединилась к мужчинам, существо висело на решетке, вцепившись в нее всеми четырьмя лапами. Его грудь вздымалась, а щетина у глаз воинственно топорщилась. «Может быть, волоски отравлены», — подумала она, глядя на него. Хотя черты существа были совершенно нечеловечьи, жажда насилия явственно проступала на его морде.

Вырванная из рациональности нормального течения событий диким видом существа, неожиданным появлением Адепта и давлением слишком многих вопросов, на которые не было ответа, Териза обратилась к Адепту тоном сумасшедшего спокойствия:

— Погода сегодня очень холодная, — пытаясь этим вызвать его на беседу.

Тот даже не глянул в ее сторону; он растягивал пальцами губы, строя дикие гримасы. И наконец высказался:

— Я слышал о них, но никогда раньше не видел.

Смотритель готов был взорваться. Джерадин коснулся рукой его груди останавливая.

У Теризы пересохло в горле. Ей пришлось сглотнуть несколько раз, прежде чем она смогла выдавить из себя:

— Мы сегодня ездили верхом. Я чуть не замерзла до смерти.

Хэвлок состроил очередную чудовищную рожу, но и это не произвело впечатления на существо.

— Два воплотителя Вагеля рассказывали о таких, — пробормотал он. — Но не сам Вагель. Он был слишком осторожен. В зеркале они охотились за другими существами и убивали их. И они, похоже, способны найти того, за кем охотятся, даже не видя его. В зеркале их были целые орды. Они явно разумны. У них есть домашние животные, которых они используют для верховой езды. Он хотел создать из них для себя армию.

Пытаясь заставить Адепта говорить дальше, Териза произнесла первое, что пришло ей в голову:

— Мы следовали за братом Джерадина, Найлом. Он ездил на встречу с принцем Крагеном.

Джерадин содрогнулся.

— Конечно же, — подтвердил Хэвлок, как бы соглашаясь. — Фесттен продолжает вмешиваться. — Адепт обнажил зубы в безрадостной улыбке, затем натянул пальцами кожу возле ушей, прищуривая глаза. — Если б у Вагеля была собственная армия, ему бы не понадобился верховный король. Фесттен нашел способ завершить эти исследования прежде, чем те два воплотителя смогли их закончить. Один из них потом исчез. Я думаю, что он был убит.

Териза изо всех сил пыталась привести в порядок свои мысли. Ей никак не удавалось сосредоточиться. Она сама убила одного из...

Какими исследованиями занимались те воплотители? Что удержало их тогда от воплощения армии, в которой так нуждался Архивоплотитель?

Может, язык?

Мысленно произнеся извинительную речь перед пригодником, Териза сказала:

— Мы пытались остановить Найла. А потом они напали на нас. Они хотели убить Джерадина, а не меня.

Адепт неожиданно одарил ее улыбкой и коротким стыдливым смешком.

— Я понял, что ты имеешь в виду.

В тусклом свете лампы его глаза приобрели молочный цвет, словно он внезапно ослеп.

Из глубины кармана Адепт достал кусок стекла, который, как Териза уже дважды видела, он использовал в качестве оружия.

Мгновение, длившееся бесконечно долго, она изумленно смотрела на него: он бормотал что-то зеркалу и водил над ним рукой. И тут интуиция заставила ее броситься к Адепту и схватить его за руку.

Она опоздала. Он уже поворачивался.

С блаженным видом, не обращая на нее ни малейшего внимания, Адепт направил в камеру луч, настолько горячий, что существо в момент оказалось охваченным пламенем, словно мешок с тряпьем.

Смотритель Леббик исторг отчаянный вопль и оттащил Хэвлока в сторону. Луч мгновенно исчез, как только Адепт споткнулся и рухнул на пол.

Существо пылало как факел, но от него не исходило ни звука; оно не извивалось, не махало руками и не отпускало прутьев решетки. Медленно, постепенно оно сползало на пол.

Как в замедленном кино, Териза наблюдала за полыханием рыжешерстной твари. Вонь горелой шкуры и мяса заполнила воздух.

Не в состоянии больше контролировать себя, Териза опустилась на колени. Поближе к полу воздух был чуть прохладнее. Однако гнилой запах соломы оказался для нее слишком сильным. Адепт Хэвлок встал на четвереньки, чтобы видеть агонию существа. Заметив, что Териза смотрит на него, он заговорщицки подмигнул ей.

А потом ее обволокла тьма: она упала в обморок, будто свалилась за край бытия.

23. В ожидании катастрофы

Она смутно сознавала, что над ней склонился какой-то человек. Кто это? Мастер Эремис? От этой мысли у нее заныло внизу живота. Она больше не хотела находиться без сознания. Если он коснется ее, она теперь не упустит ни одного момента.

Потом, однако, Териза различила, что фигура больше похожа на женскую. Постепенно она поняла, что лежит не на полу в подземелье. К тому же ей тепло, действительно тепло — до пальчиков ног. И она, должно быть, на кровати: никакой камень не может быть таким мягким. И простыни...

Териза с усилием открыла глаза.

Над ней пестрели знакомые павлиньи перья.

Саддит увидела ее замутненный взгляд и тихо сказала:

— Джерадин, мне кажется, она очнулась.

Джерадин вмиг оказался рядом. Его лицо было мрачным и осунувшимся от волнения и усталости, но, взглянув в ее глаза, он улыбнулся так радостно, словно ей одной подвластно все в этом мире.

— Слава звездам, — произнес он хрипло. — Наконец ты пришла в себя.

Териза закашлялась, горло как будто заложило ватой.

— Я долго была без сознания?

— Достаточно долго.

Саддит слабо улыбнулась.

— Миледи, пригодник преувеличивает. Каждое мгновение, когда ваши глаза не смотрят на него, кажется ему «достаточно долгим», чтобы он начал беспокоиться. Вы всего лишь позволили себе отдых, в котором так нуждались. Когда вы поедите и... — она сморщила носик, — выкупаетесь, то почувствуете себя достаточно хорошо, чтобы он мог развлекать вас.

Териза ощутила исходящий отовсюду слабый запах гнили. Казалось, он прочно осел в волосах. И в... Ее полушубок висел на кресле, но остальная одежда по-прежнему была на ней. Запах пропитал рубашку и штаны. Когда она подняла простыню, он ударил ей в нос.

Териза сбросила простыню; Саддит и Джерадин посадили ее на край кровати. Яркий огонь полыхал в камине, и так же полыхало существо...

— Что случилось? — спросила она.

Джерадин криво улыбнулся.

— Не многое. Ты упала в обморок. Адепт Хэвлок ушел. Смотритель Леббик ругался на чем свет стоит. Мы с одним из лекарей принесли тебя сюда. Он сказал, что будет все хо-

рошо, но, признаться, я не очень ему поверил. — Джерадин посмотрел в сторону. — Пока ты спала, Саддит рассказывала мне историю своей жизни, чтобы я не разрыдался.

— А почему?.. — Териза провела пальцами по волосам и поморщилась от запаха, моментально распространившегося по комнате. Она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы остановить тошноту. — Почему Адепт Хэвлок убил это бедное...

— Он — безумен, — сказал Джерадин хмуро. — А это значит, что, даже если у него есть какое-то понимание своих действий, они все равно не имеют смысла.

— Я знаю, почему он такой, — сказала Саддит жалостно. — Если верить слухам, то у Адепта Хэвлока не было женщины со времени его возвращения из Кадуола. — Она локтем ткнула Джерадина под ребра. — Все мужчины становятся безумными, если у них долго нет женщины.

Джерадин покраснел.

Териза не могла избавиться от воспоминаний о смерти существа. Зато могла избавиться от запаха, пропитавшего одежду и волосы. Проигнорировав слова Саддит, она сказала Джерадину:

— Я не понимаю, почему воплотители Вагеля не создали армию, в которой он так нуждался? Какими исследованиями они занимались?

Джерадин, как будто ожидая этого вопроса, поспешно ответил:

— Естественно, я не могу знать этого наверняка, но почти уверен, что мои предположения верны. Мы ведь уже говорили о языке. — Он внимательно посмотрел на Теризу. — Когда клика Архивоплотителя создала воплотимое с идеальными, на их взгляд, воинами, то не знала, сможет ли общаться с ними. Его люди не верили, что вопрос языка может быть решен лишь одним воплощением, и потому нуждались в дополнительных исследованиях. — Он горько улыбнулся. — Довольно любопытно: верховный король Фесттен — или Архивоплотитель — приобрел бы целую армию этих существ, если бы поверил в то же, во что верит король Джойс. И тогда смог бы победить его. Но теперь мы уже не сможем узнать ответа, — печально констатировал он.

Териза кивнула; обсуждение этой темы было не из приятных. Да и Саддит, похоже, была слегка разочарована их беседой. Едва Джерадин замолчал, она сказала:

— Миледи, я не приготовила для вас ни еды, ни ванны. Я не знала, когда вы проснетесь. Но все это можно сделать сию же минуту. С вашего позволения, сейчас я принесу вам все необходимое.

— Спасибо. — Взгляд Теризы остановился на полурасстегнутой блузке Саддит, ее, как обычно, распирали

груди. Она подняла голову повыше, чтобы не обращаться к животу служанки. — Я буду очень рада.

Саддит бросила ироничный взгляд на Джерадина.

— Предупреждаю, — сказала она кокетливо, — я вернусь быстрее, чем вы что-нибудь успеете. Даже самому пылкому юноше нужен некоторый запас времени.

И она со смехом покинула комнаты.

Териза попыталась встать на ноги.

Джерадин бросился к ней. Как на грех, он потерял равновесие и чуть не свалился на кровать. В результате Теризе, вместо того чтобы опираться на пригодника, самой пришлось держать его.

Кляня себя, он пытался выпрямиться. И опять неудачно. Он, казалось, был готов расплакаться.

Джерадин? Что случилось? Она не верила тому, что видит. Она не верила самой себе. Куда подевался тот Джерадин, который всегда заботился о ней как о самом главном человеке в его жизни?

И она сказала нечто, не имеющее никакого отношения к тому, что чувствовала:

— Мне показалось, я видела, как ты покраснел. Чем вы тут на самом деле занимались, пока я спала?

Он нахмурился. Возвращение к креслу позволило ему на какое-то время отвернуться от нее. Но когда он сел, в его глазах она заметила печаль.

— Я не понимаю эту женщину, — пробормотал он, избегая смотреть на Теризу. — Нет, я хотел сказать, что понимаю. Я не такой тупица, как она думает. Но это не имеет для меня никакого смысла. — Он был сконфужен. — Пока ты спала, она вовсе не рассказывала мне историю своей жизни. Она пыталась уговорить меня переспать с ней прямо здесь, на полу.

Териза почему-то не сочла эту новость забавной. У нее сжалось сердце.

— Она сказала, что некоторое время не имела мужчины. Она говорила об этом как о серьезной проблеме. Конечно, в этой каменной башне найдется по меньшей мере двести мужчин, которые были бы рады услужить ей. Но она не хочет их, потому что они не могут заменить того мужчину, который ее интересует. Насколько я понял, он уехал. Кто бы он ни был. — Джерадин вздохнул, по-прежнему не поднимая глаз на Теризу. — Она сказала, что я в этом отношении безопасен, так как мое сердце расположено к тебе, а не к ней. И она обучит меня тому, что следует делать с твоим телом, когда оно наконец попадет в мои руки. Мне не удалось втолковать ей, что если она не прекратит подобные разговоры, то мне придется сбежать отсюда.

— Почему? — Териза пыталась говорить спокойно, но ей это не совсем удавалось. — Разве она не привлекательна?

— Конечно же, привлекательна, — сказал он холодно. — И каменная стена была бы привлекательной, если бы выглядела так же. Но ее рассуждения мне совершенно не нравятся. Я предпочитаю говорить о любви, а не о желании и постельных делах. Ответь мне прямо. — В его голосе появилась злость. — Не так давно — кажется, это было в первый день оттепели — я находился здесь с тобой, и в этот момент вошла Саддит. Ты спросила ее, как поживает Мастер Эремис.

Узел вокруг сердца Теризы затянулся сильнее.

— Этот вопрос показался мне тогда странным. Но я не хотел вмешиваться не в свои дела. Однако чем больше я об этом думал, тем более странным мне все это казалось. Почему ты спрашивала *ее?* Какое отношение она имеет к Мастеру Эремису?

Только что Саддит пыталась соблазнить Джерадина. Териза села на край кровати, не обращая внимания на сотрясающую ее дрожь, и сказала:

— У нее с ним любовная связь. Она сама рассказала мне об этом. — Териза никогда не сможет признаться, что видела, как Мастер Эремис и Саддит занимались любовью. — Мне кажется, она уверена, что если переспит с определенным количеством мужчин, то в конце концов станет королевой Морданта.

— Ага, это все объясняет, — пробормотал Джерадин.

Он уже не гневался. Он был печальный и одинокий.

Внезапно он поднялся.

— Недавно сюда приходил посыльный. У Артагеля кризис. Его лекарь сказал, что это неплохо. Но мне надо бы сходить к нему. Саддит скоро вернется. Конечно, это не улучшит твое настроение, но, во всяком случае, ты поешь и вымоешься.

— Джерадин, подожди, — сказала Териза ему вслед. То, что он уходил, заставило ее отбросить все сомнения. Она рывком поднялась и протянула к нему руку, которую он не мог видеть. — Не уходи.

Он остановился у двери и надтреснутым голосом сказал:

— Мне нужно.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Я была слишком эгоистична. Ты всегда так хорошо относился ко мне, а я почти не уделяла тебе внимания. Пожалуйста, скажи мне, в чем дело?

Джерадин не двигался. Потом медленно взялся рукой за дверной косяк, чтобы опереться на него.

— Териза, — сказал он виновато, — вся эта каша заварилась из-за меня.

— Нет, ничего подобного. — Она готова была защищать его. — Ты ведь не принц Краген. И не Элега.

Вторую руку он поднес к лицу.

— Найл был прав. Я вел себя как глупец. Он делал то, что считал правильным. И даже если бы вышло совсем не так, как было задумано, это не могло принести серьезного вреда. Вот что важно. Нам не следовало беспокоиться из-за него. Он бы ничего не добился. Мы с тобой могли бы вернуться в Орисон, а Рибальд — отправиться за принцем вместе с Аргусом. И нам следовало сразу же рассказать Смотрителю Леббику об Элеге.

В его голосе появились металлические нотки, как удары резца. Он ковал слова, словно обтесывал камни.

— Ты не оказалась бы здесь, если б я не напутал чего-то с воплощением. Вместо тебя здесь был бы Воин. Или он отказался бы появиться здесь и в таком случае не был бы воплощен против своей воли. Стены Орисона остались бы целыми. Мисте не покинула бы замок. Если кто-то и способен остановить Элегу, то это она.

— Джерадин. — Териза приблизилась к нему и положила руки ему на спину. Его мышцы были напряжены до предела. Мальчишеское в нем умирало. Сам он распадался на части, кусок за куском, предаваемый теми, кого любил, покинутый ими. — Пожалуйста, Джерадин.

Она должна была сказать это ему.

Но он слишком разошелся, чтобы сразу остановиться.

— Алендский монарх собирается захватить Орисон. Это невозможно — это *должно* быть невозможным, — но он все же собирается сделать это. И здесь есть моя вина. Я был *помолвлен* с этой женщиной. Возможно, у нас было мало общего, но мне казалось, что я знаю ее немного лучше. Сначала Найл. Теперь она. Все, что я любил...

У него болезненно сжалось горло. Но он заставил себя продолжать:

— Артагель прав. Это наверняка убьет моего отца.

Ей давно уже следовало рассказать ему.

— Джерадин, не бери на себя чужую вину.

Он внезапно повернулся к ней лицом. Его щеки были влажными от слез; но он выглядел не плачущим, а несчастным, замученным, отчаявшимся от своих ошибок.

— Артагель считает, это моя вина. — Он говорил так тихо, что она с трудом разбирала слова. — Я ожидал такого от Найла. Но и Артагель считает, будто это моя вина.

— *Джерадин!* — Она больше не могла выносить его самобичевание. Чтобы не упасть, она обеими руками схватилась за его рубашку. — Ты не был не прав. Я не знаю, как это объяснить. Но ты не был не прав.

Ты помнишь предсказание? Помнишь всадников? — *Три всадника. Направляют своих коней вперед прямо из зеркала и скачут быстро, и движение лошадиных ног видно так же ясно, как и дикая ненависть в острых краях их вскинутых мечей.* — Я знаю их — они приснились мне до того, как я видела предсказание. Прежде, чем мы встретились с тобой. Мне снился сон, точно такой же, как воплотимое в зеркале предсказаний.

Она заметила, как удивление и печаль на его лице сменяются радостью.

— Значит, все-таки *есть* причина, — выдохнул он с восторгом. — Значит, я не совершил ошибку. Ты — Воин.

— Я не знаю, как это объяснить, — настойчиво повторила она. — Но причина есть. Ты все делал правильно.

От улыбки Джерадина исходило сияние. Его губы потянулись к ее губам.

Она страстно обвила руками его шею и поцеловала.

Они не выпускали друг друга из объятий, пока не вернулась Саддит с подносом и слугой, несущим воду для ванны.

А после еды они начали готовиться к неотвратимой осаде.

В полдень следующего дня Смотритель Леббик собрал в Орисоне всю королевскую стражу. Рассортировав людей по их способностям, дав каждому задание по обороне и поддержанию замка, он распределил их на постой. Когда бараки оказались переполненными, некогда заброшенные проходы и комнаты снова были использованы под жилье. Повара трудились не покладая рук. Служащие, мужчины и женщины, в обязанности которых входило поддержание санитарных условий, едва успевали справляться. Тем не менее Орисон собирал все новые и новые войска.

Работы по устранению бреши в стене не прекращались.

На территорию Армигита были отправлены следопыты. Хотя появление армий алендского монарха ожидалось не в самом скором времени, принять меры предосторожности было нелишним.

Среди ночи вернулись люди, пытавшиеся отыскать принца Крагена. Алендский Претендент избавился от погони самым простым способом — он выехал на дорогу, где его следы были неразличимы. Рапорт стражника привел Смотрителя в негодование. Он шумно выругался.

Не было никаких вестей от солдат, отправленных проследить, откуда появились всадники, напавшие на Джерадина.

Большинство фермеров и торговцев, живущих поблизости от замка, начали разгружать свои склады и амбары, опустошать овчарни и коровники и переправлять весь свой скарб в Орисон. Обитатели близлежащих деревень помнили жизнь, которую вели до тех пор, пока король Джойс не взял власть

над Мордантом в свои руки и силой не установил мир. Теперь все они снялись с обжитых мест.

Старики и стада коз двигались не быстро, но главное — они уже находились в пути.

Весь двор замка заполнился людьми, атмосфера караван-сарая воцарилась в коридорах. Ситуация могла в любой момент ухудшиться, если бы начались хаос и паника. Но Смотритель Леббик свое дело знал, и его люди понимали, как следует выполнять приказы. Большинство прибывших находили жилье и обустраивались, не замечая, сколько на это затрачивалось сил. А те, кто и замечал это, не догадывались, что высшим приоритетом для стражников было не установление порядка, а перекрытие доступа в Орисон алендским шпионам.

Довольный общим ходом подготовки, Смотритель Леббик нанес визит Мастеру Барсонажу.

Результаты визита были менее чем удовлетворительными. Поскольку Мастера считали нормальным вмешиваться в дела Морданта, что подтвердили воплощением Воина, Смотритель настаивал, чтобы они не отстранялись от всего происходящего, а оказывали посильную помощь в обороне Орисона и их короля.

Но Мастер Барсонаж ответил на это равнозначным предательству заявлением, что Гильдия самораспустилась. Лишенная идеалов, послуживших целью для ее основания, Гильдия не могла больше ничем заниматься. Смотритель Леббик имел полное право пригласить отдельных воплотителей, кого считал нужным — большая часть их осталась в Орисоне, — но не мог потребовать от них согласованных действий. Именно отношение короля Джойса к Гильдии, точнее полное ее забвение, логично привело к такому печальному итогу.

Кипя от ярости, Смотритель Леббик покинул Мастера Барсонажа.

Тор, в свою очередь, пытался побеседовать с королем Джойсом. К сожалению, именно *пытался*. Он требовал и просил; он шептал и орал; он изображал шута и вел себя благородно. Все, чего он смог добиться, — это улыбка и уверения короля, что он не сомневается в своем старом друге. Тор сделает все самым лучшим образом, как сделал бы сам Джойс. Король Джойс был слишком занят решением новой задачи в перескоках, заданной ему Адептом Хэвлоком, чтобы отвлекаться на какую-то там осаду. Тем не менее по непонятной причине он начал гневаться, когда Тор упомянул леди Элегу. Тор сдался и отступил под прикрытие «фляги советника».

Что касается Элеги, то два взвода прочесали, по их словам, двадцать пять миль тайных ходов Орисона, но

так и не нашли ее. Смотритель отослал их на поиски по новому кругу.

Расхаживая из угла в угол по павлиньему ковру, Джерадин спросил:

— Но что она может *сделать?* — Териза тоже мучила себя этим вопросом; но пригодник и не требовал ответа. — Давай попытаемся догадаться об этом. Она обещала сдать принцу Крагену Орисон без чьей-либо помощи. И ей удалось убедить его, что это возможно. Но ведь принц отлично знает, что такое осада. И он видел Орисон. Что же такое она могла пообещать ему, чтобы он ей поверил?

Териза вздохнула и уныло посмотрела в окно.

Как и было обещано, Миндлин доставил новые вещи для предварительной примерки. Она сделала несколько незначительных замечаний и согласилась с его осторожными советами; после этого он ушел.

За окном торжествовало весеннее солнце; от него искрились склоны близлежащих холмов, а дороги стали предательски непроходимыми. Но Териза надеялась, что пойдет снег.

По правде говоря, очень многие в Орисоне надеялись, что пойдет снег. Но следующий день принес не тучи и холод, а потепление. Даже погода была на стороне Аленда.

Смотритель Леббик не снизошел до того, чтобы проклинать погоду. Ему и без того было что проклинать.

Поток людей, скота и продуктов в Орисон упорядочили. Естественно, жизнь на внутреннем дворе замка была немного лучше, чем этот слегка организованный хаос. Люди, оказавшиеся расквартированными в давно не используемых подземельях замка, терпели неудобства от сырости, еще более усугубившейся после того, как комнаты прогрели огнем и телами. Но комнат хватало на всех. И вдобавок новые жители приводили с собой скот и привозили продукты в достаточном количестве, чтобы накормить всех.

Причины ярости Смотрителя Леббика находились в основном за пределами замка.

Он так и не получил никаких сведений от следопытов, посланных в Армигит, — впрочем, это была скорее хорошая, нежели плохая новость. Однако не поступало никаких сведений и от людей, отправившихся по следу всадников, напавших на Джерадина. И эта новость была, несомненно, плохой. Она позволяла предположить, что целая орда таких существ бродит где-то поблизости, готовая появиться у ворот Орисона в самый неподходящий момент.

К несчастью, у Смотрителя было еще множество поводов для гнева. Один из них — Тор, который никак не желал оставить его в покое. Не добившись от короля активных действий, толстый старый лорд настаивал на том, чтобы его держали в курсе всех предпринимаемых для обороны действий. Он не удовлетворялся общими сведениями; он жаждал подробностей, вплоть до имен офицеров, которым были отданы конкретные приказы; интересовался заполненностью и расположением определенных складов; главными путями для перегруппировки сил и поставки оружия (и воды — готов ли Смотритель к пожару?) по всему замку. Вмешательство лорда могло бы довести до безумия даже самого деликатного человека.

Другим поводом было то, что король Джойс отказался воспринять всерьез рапорт Леббика о его разговоре с Барсонажем.

— Гильдия распущена? — хмыкнул он. — Какая глупость. Барсонаж просто струсил. Найди Мастера Квилона. — Король подвинул шашку на доске и принялся изучать новую позицию. — Скажи ему, что он назначен новым магистром. Мне эти воплотители еще понадобятся.

Хотя Смотритель Леббик кипел от ярости, переходящей в безнадежность и отчаяние, король Джойс отказался что-либо добавить по этому вопросу.

И леди Элега словно растворилась. Стражники не только не смогли найти ее, но даже не обнаружили ни единого признака ее пребывания где-либо: какие-нибудь запасы воды и пищи; личные вещи; лампы или факелы. Не удалось также найти (а это они искали с особым тщанием) почтовых голубей. Все, что им попадалось, — это Адепт Хэвлок, появлявшийся, как правило, в самый неподходящий момент, причем в таком виде и облачении, как будто готовился к карнавалу. Адепт, похоже, был очень доволен всем происходящим. Но Смотритель Леббик не сдавался.

Несмотря на гнев, многочисленные обязанности и несокрушимую веру в то, что ни одна женщина не способна сдать Орисон врагам короля, он все чаще покрывался холодным потом.

— Тебе не кажется, — спросил Джерадин, — что это может быть нечто глупое и очевидное, вроде подкупа охраны? Такое могло бы сработать, не будь она под подозрением. Ведь никому не могло бы прийти в голову, что она способна открыть ворота посреди ночи.

Сегодня он был спокойнее, и потому Териза чувствовала себя более ответственной за него — а значит, чувствовала себя значительно хуже. Или, может, ей передавалась его одержимость, и она стала раздражительной и вспыльчивой без всяких на то причин? Или, может, здесь было еще что-то — Териза вце-

пилась в эту идею — такое, что она знала и никак не могла вспомнить? Что-то, о чем она обязана догадаться?

Будь все это проклято.

Хмуро поглядывая на пригодника, словно виноват во всем был только он, она пыталась разложить по полочкам то немногое, что ей было известно.

— Скажи, а почему Аленд или Кадуол — или они вместе — не напали на Мордант значительно раньше?

— Они боялись короля Джойса. Они боялись ответного удара, который он мог нанести им с помощью Гильдии.

Она кивнула.

— А почему Маргонал все же нападает сейчас? Почему теперь он не боится?

— Потому, что он убедился, — Джерадин поморщился, как от боли, произнося эти слова, — с помощью принца Крагена и, вероятно, благодаря дюжине других надежных источников, что король Джойс забросил все дела.

— Нет. — Теризе показалось, будто она что-то ухватила. — Этого явно недостаточно. Ну и что с того, что король забросил дела? Почему же Маргонал уже не боится Гильдии? Почему он не боится, что Мастера будут защищаться, не обращая внимания на короля Джойса?

— Потому что Гильдия распущена.

— Но он ведь не знает об этом. Даже *она* скорее всего не знает об этом.

Джерадин посмотрел на нее с проблеском надежды во взгляде.

— В таком случае она могла пообещать, что удержит Мастеров от участия в войне.

— Да. — Это казалось ей логичным. Она испытывала триумф.

Но это был самообман. Обдумав то, что она высказала, Джерадин спросил:

— И что конкретно? Что она *может* сделать? Как она может повлиять на Гильдию?

Териза не имела ни малейшего понятия.

Теперь и Джерадин мрачно уставился в окно.

— Я ведь говорил тебе, что ранняя оттепель не предвещает ничего хорошего, — произнес он безо всякого повода.

Следующий день был сумрачным, дул холодный ветер; казалось, возвращается зима. Смотритель Леббик с надеждой поглядывал на небо, попутно удовлетворяя неубывающее любопытство Тора и пережевывая в уме тот факт, что следопыты еще не вернулись.

Орисон нуждался в его постоянной заботе. Замок был переполнен, и, соответственно, оказались перепол-

нными все склады. В людях накапливалась злость. Обитатели близлежащих деревень злились, что им пришлось покинуть свои дома. Некоторые торговцы злились потому, что у них отобрали все, чем они владели; другие злились потому, что не могли себе позволить платить за продукты новые, подскочившие цены. Стражники злились потому, что им не давали ни минуты покоя, заставляли постоянно тренироваться или заниматься чем-то нежелательным. Лорды и леди злились потому, что злость была разлита повсюду в воздухе. И все злились потому, что боялись. А страх делал злость еще сильнее, более оправданной и подходящей к ситуации.

Несмотря ни на что, Смотритель Леббик так организовал службу в замке, что стражники прекрасно справлялись и без него. Его люди знали, что делать; и офицеры прекрасно понимали, какие приказы отдавать. Все злились, но пока никто не бывал обижен. Смотритель же временами ворчал и кипел и постоянно наблюдал за погодой.

Этой ночью вернулись оставшиеся в живых из отряда, направленного по следам всадников, — двое ветеранов с кровоточащими ранами, вновь открывшимися после длительной скачки. Отряд был уничтожен группой таких же существ. Нападение произошло неподалеку от Бродвайна — рядом с провинцией Тор.

Тор приказал доставить ему для утоления печали новый бочонок вина. Смотритель Леббик сосредоточился на снеге. Если погода переменится и пойдет снег, гонцы, которых он разослал в Вердон, Файль и даже Термиган, смогут успеть.

Но утром окончательно победила весна.

Солнечный свет пробивался сквозь окна, оставляя золотые пятна на каменных полах и толстых коврах. Ветерок, еще не пропитанный запахом цветов, нежно задувал над двором замка. На холмах обнажились прогалины, а на некоторых деревьях в отдалении, казалось, вот-вот проклюнутся почки. Над крышами замка невесть откуда появились стаи птиц, щебечущих и поющих.

Вскоре после полудня следопыты Смотрителя возвратились с сообщением, что армия Аленда уже на территории Демесне. Если не наступит вдруг конец света или не произойдет чудесное избавление, не позднее полудня следующего дня Орисон попадет в осаду.

Разведчики утверждали, что у Маргонала десять тысяч человек — две тысячи всадников и восемь тысяч пеших воинов — и достаточно военных машин, чтобы не оставить от замка камня на камне. И уж так получилось, что большая часть машин была произведена в Армигите. Видимо, договор принца Крагена с Армигитом не так прост, как он его представил Найлу.

К несчастью, этим не исчерпывались плохие новости.

Незадолго до заката труба возвестила о прибытии всадников. Около сотни воинов появились на дороге, ведущей из провинции Вердон. Они выглядели старыми и слабыми, словно измученными многолетним путешествием. Они несли флаг Вердона и были одеты в его цвета. Двигались очень медленно, так как все были ранены или искалечены; головы перевязаны, лица измождены. Многие кони шли попарно: они везли носилки с мертвецами.

Когда трубач сообразил, кто эти новоприбывшие, мелодия изменилась на траурную.

— О нет, — простонала Териза, наблюдая в окно за приближающейся процессией. — Он ведь поклялся, что сделает это.

— Кадуол на марше, — хмуро бросил Джерадин. — Вердон не придет нам на помощь. Он сам уже вступил в войну. — Он прикусил губу. — Мы должны остановить ее. Если она предаст нас сейчас, не останется никакой надежды.

Смотритель Леббик и Тор встретили всадников у ворот замка. Тор произнес короткую речь. Смотритель не знал, печалиться ему или гневаться, и потому промолчал.

В ответ на приветствия от Орисона и речь Тора капитан всадников сказал только несколько слов:

— Мы стоим насмерть — и умираем. Вердон приказал нам идти сюда.

Закат в этот вечер был особенно красив.

Териза отодвинула ужин, даже не прикоснувшись к нему. Джерадин принялся крутить шарики из хлебного мякиша и бросать их в камин. Настроение было таким же мрачным, как ночь за окном. Никто из них не прерывал воцарившегося молчания.

Наконец Джерадин произнес:

— Нет, этого недостаточно.

— Гм? — рассеянно спросила Териза.

Они не стали зажигать лампы, и потому единственным источником света был огонь камина. Мерцание всполохов бросало рыжие отблески и тени на лицо пригодника; искорки пламени вспыхивали и гасли в его глазах.

— Этого недостаточно, — повторил он. — Предположим, Элега знает какой-то способ нейтрализовать Мастеров. Предположим — просто предположим, — у нее есть какая-то кислота, которая растворяет стекло. И она знает, как проникнуть в лаборатории, где хранятся зеркала. И она знает, где Мастера хранят свои «личные» зеркала. Предположим, у нее есть время на уничтожение всех зеркал в Орисоне. Но этого недостаточно.

Как изменилось его лицо за последние дни. В свете камина оно казалось строгим и решительным. Он уже не был

похож на человека, который спотыкается, путаясь в собственных ногах, и сам же первый смеется над своей неуклюжестью.

— Это не поможет захватить Орисон. — Он вглядывался в огонь, как бы размышляя вслух. — Смотритель Леббик не сдастся по этой причине. Значит, должен быть какой-то другой ответ.

Да, сказала она про себя. Должен существовать другой ответ. Но она не соглашалась с ним. Она сейчас осуждала и Артагеля, и Смотрителя Леббика, и Найла. Она осуждала короля Джойса за то, что он так обошелся с людьми, которые всю жизнь доверяли ему. Она осуждала Мастеров за их мягкотелость, за их нежелание понимать что-либо. Ей *нравился* по-щенячьи неуклюжий Джерадин, извиняющийся за каждый свой поступок. Ей *нравилась* эта его особенность быть неловким — когда он не винил себя в уничтожении всего, что так любил.

Почему *мы* считаем себя ответственными за Элегу? Почему *мы* испытываем чувство вины за то, что она собирается предать всех?

И тут же в ее воображении возникла другая картина, столь же живая, как лицо Джерадина, — фигура леди Мисте. Мисте объясняла Теризе, почему она хочет отправиться вслед за Воином. *Я верю*, сказала она, *что проблему может разрешить лишь тот, кто видит, в чем она заключается. Это в полной мере относится и к королевской дочери.*

«Мисте! — безмолвно простонала Териза. — Что с тобой? Где ты?»

И что делает Элега?

И тут она, не имея в виду ничего конкретного, внезапно воскликнула:

— Вода.

Когда Джерадин оборачивался к ней, по его лицу плясали всполохи света.

— Вода?

— Откуда вы берете воду?

Он сдвинул брови.

— Я рассказывал тебе во время экскурсии по Орисону. Орисон стоит на ручье. Но, естественно, этого недостаточно. Ведь мы используем много воды. Мне казалось, я упоминал, что Смотритель Леббик строго следит за санитарией. И ручья нам не хватило бы. Поэтому мы собираем дождевую воду и талый снег. Трубы с крыш доставляют воду в резервуар — я ведь показывал тебе его.

— А сейчас, — сказала она медленно, чувствуя, как бьется пульс, а напряжение сдавливает сердце, — к нам еще прибыли люди. И у нас больше не будет снега.

— Это одно из неприятных последствий ранней оттепели. — Он внимательно смотрел на нее. — До тех пор пока не пойдут дожди, у нас не будет ничего, кроме ручья.

Териза пыталась унять начинающееся головокружение. Наконец она спросила:

— А если что-то случится с резервуаром?

Джерадин все еще не понимал.

— «Случится»? А что с ним может случиться?

— Он охраняется?

— Нет. А почему он должен охраняться?

Не в состоянии сдерживать возбуждение — или, может быть, страх? — так и рвущееся наружу, Териза вскочила на ноги. Схватила пригодника за руку и заставила подняться.

— А что, если она *отравит его?*

Это предположение настолько поразило его, что, казалось, он увидел через распахнутое окно совершенно иной мир. Его губы шептали слово *отравит*, пока он пытался угнаться за ее мыслью.

— Но ведь есть же ручей.

— Ну и что? Свежая вода не поможет. Мы все будем *отравлены.* К тому времени когда кто-то поймет, что вода представляет опасность, мы все будем *отравлены.* И тогда не останется никого, кто мог бы сражаться. Даже если мы не умрем, а просто заболеем на несколько часов, Маргонал захватит Орисон практически без сопротивления.

— Да, пожалуй. — Он нахмурился. — Нужно предупредить Смотрителя Леббика.

— *Джерадин.* — Какой-то миг ей хотелось заорать на него. Он был таким бестолковым...

Но тут же ее настроение изменилось, и появилось желание смеяться: так непривычно было опережать его в мыслях.

Териза осторожно сказала:

— Тебе не кажется, что будет правильнее *остановить* ее?

Раскрыв рот, он уставился на Теризу и с ликованием закрыл его. Свечение радости в его глазах затмило свет от камина.

— Простите меня, миледи. — Он затряс головой и хмыкнул. — Похоже, у меня в ушах воск. Я не совсем уверен, что понял вас правильно. — Радость и облегчение были не единственными эмоциями, появившимися на его лице. Огонь бывает теплым и веселым, но бывает и яростным, способным жечь. — Разве ты не сказала только что: «Тебе не кажется, что было бы лучше, если б мы сами спасли Орисон?» Только ты и я?

Териза кивнула.

— Но почему бы нам не рассказать об этом Леббику? Это ведь всего лишь предположение. Он может не поверить нам. Если он поверит нам, а мы ошибемся, что тогда? Но если мы правы, то это шанс доказать твою невиновность, — значит, ты не устраиваешь тайных заговоров против Орисона.

Она снова кивнула, скорее потому, что ей нравилась радость на его лице, чем потому, что соглашалась с его словами.

— Да разлетятся все зеркала на осколки! — прошипел Джерадин сквозь зубы, улыбаясь, как Артагель. — Надевай полушубок. На улице довольно прохладно.

На улице было действительно прохладно.

Резервуар располагался в самой высокой части Орисона. Огромная работа была проделана для того, чтобы подавать воду на самые отдаленные участки Орисона за счет перепада давления, а не перекачкой. Естественно, для башен все равно требовались насосы, и воду ручья нужно было закачивать в резервуар — но это была относительно простая забота в сравнении с обеспечением водой всего Орисона.

Многие детали Териза восстановила по памяти. Место было темное; слабыми источниками света служили только зарешеченные отверстия, они позволяли дождю и снегу проникать в резервуар и не пускали птиц; яркая снаружи луна оставила чуть заметные светлые полосы на поверхности воды. Териза помнила, что резервуар сделан в виде бассейна, прямоугольный и глубокий, с гладкой каменной отделкой со всех четырех сторон.

От края бассейна вверх уходили толстые бревна, сходящиеся под крышей; они поддерживали систему труб, доставляющих дождевую и талую воду и даже росу с крыш Орисона, и позволяли добраться до них, когда возникала необходимость в их чистке. Из-за этих балок резервуар напоминал собор. Здесь царила загадочная тишина, и только тихие, мягкие всплески ненавязчиво вторгались в нее. В темноте водная поверхность казалась безбрежной.

Похоже, с наступлением вечера вода забрала из окружающего воздуха все тепло. Возле резервуара было так холодно, что Териза, несмотря на полушубок, начала дрожать.

— Нам нужен свет, — неуверенно прошептала она.

— Тогда она сможет увидеть нас, — ответил Джерадин, прижимая губы к самому ее уху.

Териза кивнула. Напрасно она понадеялась, что больше никогда в жизни не будет мерзнуть.

— Где мы спрячемся?

Он задумался.

— Как долго, по-твоему, нам придется ждать?

— Откуда мне знать? Я просто высказала предположение.

— Ну, предположи еще что-нибудь.

Она пыталась справиться с дрожью.

— Хорошо. Что бы она ни бросила в воду, потребуется время на растворение или растекание этого. Но если она сделает это слишком рано, люди начнут болеть или умирать преж-

де, чем Маргонал будет готов к атаке. Тогда Смотритель или кто-нибудь другой сообразит, что происходит. Я бы на ее месте подождала до начала осады. Она начнется не позднее чем в полдень на следующий день. Нам придется проторчать здесь всю ночь.

— Нет, — отрезал Джерадин. — Если она дождется начала осады, все наши войска будут слишком заняты, чтобы пополнять свои запасы воды. Она отравит фермеров, служанок и поваров, но это предупредит Леббика. Она должна нанести удар сегодня, чтобы вода была отравлена к тому времени, когда стражники завтра утром поднимутся с постелей. Вода должна быть отравлена к утру.

Это звучало разумно.

— Так где нам спрятаться? — повторила она.

Он взял ее за руку и мягко потянул за собой.

— Сюда ведет много разных путей. Отсюда расходится множество труб. Возможно, отсюда расходится и много тайных ходов. С этим мы ничего поделать не можем. И здесь негде спрятаться. Просто расположимся так, чтобы видеть основные входы — тот, через который мы вошли, и второй, — он показал на противоположную сторону резервуара, — и будем надеяться на везение.

— Это, наверное, будет забавно, — заметила она шутливо, — если мы прославимся своей удачей.

Джерадин не смог сдержать приступ смеха.

— Конечно.

И хотя смех его был невеселым, после этого стало немного легче.

Териза испытывала острое желание проверять каждый шаг — для уверенности, что не свалится в бассейн, но Джерадин на удивление безбоязненно шел с ней вперед и подвел ее к тому месту, где две балки располагались совсем рядом. Это было как раз посредине между двумя входами в резервуар, и пространства между балками хватало именно для двоих. В темноте они были почти совершенно невидимы.

Их плечи и бедра были прижаты. Териза решила чуть отодвинуться от него, чтобы он не чувствовал ее дрожи. Но, с другой стороны, было бы теплее, если б он прижался к ней плотнее. И в конце концов она пришла к заключению: ей все равно, узнает он, что ей холодно, или нет.

Повернувшись к Теризе, Джерадин обнял ее и прошептал в волосы ее имя. И тотчас дрожь почти прекратилась.

Она быстро устала постоянно напрягать зрение, глядя на бассейн, и пытаться различить звук шагов на фоне монотонных всплесков воды. Переступив поближе к Джерадину, чтобы чувствовать себя уютнее, она прошептала:

— Что мы будем делать, когда она появится?

— Остановим ее.

Териза ткнула его в ребра.

— Я и сама знаю это. А *как* мы сможем остановить ее?

— Говори тише, — предупредил он. — Вода очень хорошо передает звук.

Ей захотелось увидеть его лицо. Голос его звучал напряженно и виновато, как будто он, Джерадин, отвечал за все, что случилось с Орисоном. Остановить Элегу для него было так же важно, как остановить Найла: она — дочь короля, его друг детства и его бывшая невеста. Именно потому, что ситуация для него была такой мучительной, он не мог сейчас напортачить.

Териза невольно восхитилась глубиной его преданности королю Джойсу и Морданту.

— Она принесет с собой свет, — прошептал он. — Она не ждет, что ее здесь застанут. — Его внимание и его слова были обращены во мрак. — Мы пойдем на ее свет и перехватим ее.

Териза кивнула, но мысли ее были заняты совсем другим. Ее голова покоилась у него на плече, его полушубок грел ее щеку. Неужели предпочтительнее сохранять преданность людям и идеям, которые были ему дороги? Неужели это лучше, чем взглянуть правде в глаза, поскольку эти люди обманывали его, а идеи были ложными? Неужели это лучше, чем то, что делают Найл и Элега? Чем то, что пытался в одиночку сделать Мастер Эремис? *Как ты проживешь остаток своей жизни без преданности и самоуважения?* Ну конечно же, предпочтительнее было бы посмотреть правде в глаза. Не так ли? Найл, Элега и Мастер Эремис поступали именно так. Но Териза не могла освободиться от странного ощущения, что Джерадин делает нечто более трудное и честное.

Как хорошо, что у нее нет возможности вернуться к прежней жизни. Может быть, чувство собственной нереальности, так долго мучившее ее, было следствием ее существования в неправильном мире? Может быть, она действительно не была достаточно реальной, пока не попала сюда? И даже, может быть...

Она увидела вспышку света на противоположной стороне бассейна.

Джерадин напрягся.

Свет был не ярче и не больше по размерам, чем пламя свечи, и мерцал словно свеча. Но он мерцал потому, что двигался, минуя балки на противоположном конце бассейна. Когда он замер, Териза смогла разглядеть небольшую лампу.

Рука, держащая лампу, поставила ее на камень рядом с краем бассейна. Пламя высветило женские черты. Женщина казалась закутанной в черный плащ: кроме рук и лица, ничего больше видно не было.

Элега.

Она обвела взглядом резервуар, и Териза интуитивно попыталась спрятаться; но лампа леди была слишком слабой, чтобы светить так далеко. И почти мгновенно после этого Элега исчезла в темноте.

— Пошли, — прошипел Джерадин и вышел из пространства между балками. Прижав губы к уху Теризы, прошептал: — Ты обойдешь с той стороны, — и легонько пнул ее локтем, подталкивая в нужном направлении. — Когда подойдешь достаточно близко, отвлеки ее внимание. Я зайду со спины. Давай.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как он растворился во мраке.

Идти. Ну да. Отличная идея. Но как? Один неверный шаг — и она свалится в бассейн. И под тяжестью намокшего полушубка мгновенно утонет. И никогда не узнает, оказалась ли права относительно Элеги.

Она осторожно повернулась и положила руку на ближайшую балку. Все балки находились на одинаковом расстоянии от края бассейна. Если она сможет придерживаться их, то будет в безопасности. К тому же у нее еще один ориентир — отражение лампы в воде. Этот свет был слабым, но он помогал находить дорогу.

Она сосредоточила все свое внимание на балках и отражении и начала двигаться.

Элега не появлялась.

Джерадин тоже исчез.

Быстрее, чем ей казалось возможным, Териза добралась до угла бассейна. Другая сторона. Новый поворот — и прямой путь до лампы. Териза замерзла, но ей некогда было думать об этом.

Элега вернулась к свету.

Териза невольно застыла.

Леди принесла с собой пакет размером с небольшой сверток. Судя по тому, что она держала его обеими руками, он был довольно тяжелый. Но по ней не было видно, что она несет тяжесть. Видимо, Элега боялась, как бы материал не разошелся и содержимое не просыпалось. Когда она положила пакет рядом с лампой, ее беспокойство стало заметным.

Опасаясь, что доберется до нее слишком поздно, усилием воли Териза снова заставила себя идти.

Но она не опоздала. Вместо того чтобы открыть пакет, Элега снова исчезла в темноте.

Наконец та сторона; второй поворот. Как долго не будет Элеги? Насколько хватит света?

Где Джерадин?

От света лампы пакет, находившийся за ней, казался блеклым, неразличимым.

Териза пыталась сдержать дыхание, и это вызвало боль в легких. Сейчас у нее не было необходимости придерживаться балок, лампа освещала край бассейна. Но она должна двигаться тихо, *тихо*. Ни единого стука подошв по камню; ни единого стука сердца; ни единого проявления страха, змеей сдавившего грудь.

Как долго Элега будет отсутствовать?

Недостаточно долго. Териза была еще довольно далеко, когда леди снова появилась в лучах света.

Она принесла с собой второй пакет. Точно такой же, как первый. Держа его обеими руками.

Теризе снова захотелось застыть на месте.

Но вместо этого она побежала вперед.

Услышав звуки, Элега резко повернулась в ее сторону. Капюшон упал с ее головы, и глаза леди, казалось, поглощали весь свет, сверкая словно фиолетовые геммы. Ее лицо было напряженным и испуганным.

— Териза, *остановись!*

Териза притормозила.

— Не подходи ближе! — предупредила леди. — Ты не сможешь помешать мне бросить пакет в воду. Это не лучший способ растворить порошок — но он все равно растворится. — В таком свете, с таким выражением глаз ее красота потрясала. Она действительно выглядела королевой. — Одного пакета будет вполне достаточно, хотя я для верности прихватила два. Не пытайся помешать мне.

— Элега... — Териза сделала несколько поспешных глубоких вдохов, чтобы прочистить горло и освободить легкие. — Не делай этого. Это безумие. Ты...

— Кто еще с тобой? — требовательно спросила Элега.

— Ты собираешься убить тысячи людей. Некоторые из них — твои друзья. Многих ты знаешь и уважаешь.

— *Териза!* Кто еще с тобой? Отвечай!

— *Ты собираешься убить собственного отца.*

Элега невозмутимо взяла пакет и понесла его к воде. Пакет, видимо, был из специально обработанной кожи.

Джерадин не появлялся. За лампой не было ничего, кроме тусклого лунного света в резервуаре.

— Я одна! — крикнула Териза.

Леди заглянула в пакет.

— Со мной никого нет. Я одна.

Глаза Элеги сверкнули.

— Неужели я в это поверю?

Не в силах возразить, Териза с горечью ответила:

— Никто не поверил мне. Кто мог поверить, что ты собираешься совершить подобное?

— Джерадин верит тебе. Вместе вы убедили Тора, и он начал подозревать меня.

— Да, знаю, — крикнула Териза в отчаянии. — Но ты переубедила его. — Где же Джерадин? — Джерадин *не смог* поверить, что ты способна на такое. Ты ведь дочь короля.

Элега мгновение изучала Теризу. Ее осанка стала прямой, взгляд — царственным. Но не опустила пакет вниз.

— Если никто не поверил тебе, то почему ты здесь? Почему ты пришла сюда?

Териза старалась усыпить подозрительность леди и приглушить свою панику.

— Я предположила. Мы ведь говорили о воде, и мне показалось, что я сама подсказала тебе эту мысль. — Самообладание утекало из нее с невероятной быстротой, еще минута — и она разрыдается от бессилия. — Элега, *почему?* Ведь это же твой дом. Ты — королевская дочь. Ты собираешься убить...

— Я собираюсь убить, — нетерпеливо перебила ее Элега, — нескольких стариков и самых бесполезных жителей Орисона. Это не страшно. Возможно, среди них окажется мой отец. — Она состроила гримасу отвращения. — Такое я тоже допускаю. Но почти никто из пьющих эту испорченную воду не умрет, они просто окажутся слишком больными, чтобы сражаться.

Орисон падет практически без потерь. — Ее голос стал громче. — Малая цена за спасение королевства. Моего отца сместят, и новая власть воссядет на троне. Зато Мордант будет *спасен*, — она выкрикнула это слово, не в силах сдержать бушующую в ней страсть, — спасен от Кадуола и воплотимого, и мечты, которыми король Джойс подпитывал своих дочерей, осуществятся! — Ее крик эхом раскатился по всему резервуару. — Ради того, чтобы это осуществилось, я готова допустить несколько смертей.

Она могла бы и продолжать: Териза задела ее чувства, и это заставляло ее говорить дальше. Но такой возможности у нее не было. Весь свет за ней внезапно сошелся в одном пятне, которое превратилось в Джерадина, вынырнувшего из мрака; пригодник рванулся к леди.

Он рванулся вперед так резко, что задел носком сапога за основание ближайшей балки.

Звуки предупредили Элегу. Быстро, словно птица, она отклонилась в сторону, и, вместо того чтобы схватить ее, он рухнул на то место, где она только что стояла.

— Джерадин!

Падение как будто оглушило его; возможно, он сильно ушибся. Хотя он почти мгновенно вскочил на четвереньки, его руки дрожали, словно твердый камень под ним шевелился, и ему с трудом удавалось держать голову прямо.

Но все же он оказался между леди Элегой и водой.

Териза поспешила к нему. Она хотела помочь ему встать, выяснить, как сильно он ушибся. Но при этом не сводила глаз с леди.

Две женщины изучали друг друга с расстояния в несколько шагов. Лицо Элеги было темным, несмотря на фиолетовый блеск глаз; обеими руками она сжимала пакет. Превозмогая страх, затаившийся в ее сердце, Териза поспешила встать так, чтобы блокировать Элеге доступ к бассейну.

Уголки ее губ скривились в усмешке. И она провозгласила на весь резервуар официальным тоном:

— Миледи Териза, мне искренне жаль, что я не убедила вас присоединиться к нам. Я поверила вам, когда вы сказали, что пришли сюда одна. Вы намного лучше сыграли эту партию, чем мне думалось.

Но она не производила впечатления загнанной в угол или побежденной.

Джерадин, ну, вставай же!

Внезапно он встал на ноги, пошатнулся, но устоял. Его взгляд был странно рассеян, словно глаза смотрели в разных направлениях. Тяжело дыша, он выпрямил ноги и уперся руками в колени, с трудом удерживая вес потяжелевшей головы.

— Чтоб ты сгорела, Элега, — выдавил он из себя. — Разве ты не знаешь, что мы поймали Найла? Смотритель Леббик держит его под стражей. Тебя, конечно, не волнует судьба столь незначительного человека, как сын Домне, но, наверное, озаботит то, что он не поехал в провинцию Вердон.

Ты произнесла прекрасную речь о спасении королевства и воссоздании мечты. Но можешь больше не притворяться. Ты делаешь это не для Морданта. Ты делаешь это для Аленда.

Глаза леди пылали.

— Ты делаешь это для принца Крагена — что, по сути, одно и то же. А сделав это, вы оба будете плясать под дудку аленского монарха. Так что не тебе решать, что случится с твоими мечтами. И не твоему принцу. Решать будет Маргонал. Как только Орисон падет, ты станешь никем, просто старшей дочерью его злейшего врага. Оставь это все, пока еще не поздно.

— Может быть, ты и прав, — пробормотала Элега, опустив глаза. — Ты правильно сказал. Было бы глупо довериться слову Аленда. — Она схватила пакет.

Териза выкрикнула предупреждение — как обычно, слишком поздно, — когда леди швырнула пакет через голову Джерадина в бассейн.

Он описал дугу вдоль границы освещенного пространства по направлению к темной гладкой воде.

Джерадин прыгнул за ним.

Так же, как и Териза.

Перед тем как они столкнулись, их пальцы коснулись мягкой кожи и соскользнули с нее.

Они упали вместе, мешая друг другу.

Через мгновение, длившееся невероятно долго, она обнаружила себя на полу, в то время как Джерадин пытался встать на ноги. Она смотрела на гладкий камень, на котором лежал пакет. Тот приземлился прямо на краю бассейна — так близко, что, протянув руку, можно было коснуться его.

Но при ударе он лопнул. Странный зеленый порошок медленно сыпался в воду. Пока Териза смотрела на него, пакет опустел.

Затем что-то мелькнуло в воздухе.

Эхо тяжелого всплеска, словно аплодисменты, прокатилось по резервуару, когда второй пакет опустился в воду.

Окруженная темнотой, Элега сказала:

— Принц Краген — мужчина, не то что ты, растяпа Джерадин! Он не пытается меня обманывать.

Слабые волны продолжали бултыхаться и отдаваться в бассейне эхом еще долго после того, как королевская дочь была поглощена тьмой.

24. Начало конца

Чуть позже этой же ночью небольшая группа всадников предприняла атаку на тяжелые ворота Орисона, цели которой в то время никто не понял. С воплями и криками воины подлетели к воротам: они пускали горящие стрелы, помахивали мечами, выкликали защитников на поединок, пусть-де не прячутся за стенами, словно женщины.

Их стрелы не причинили воротам никакого ущерба: несколько солдат Смотрителя Леббика последние четыре дня поливали дерево водой. Да и сами нападавшие казались скорее пьяными, нежели опасными. Тем не менее они наделали достаточно шуму, чтобы быть услышанными каждым из воинов, дежуривших на стенах.

Капитан стражи приказал одному из отрядов выйти и отогнать их, и всадники отступили. После того как их поглотила ночная темень, еще некоторое время доносился издевательский смех.

Когда об этом доложили Смотрителю Леббику, он был немногословен. К тому моменту он уже миновал стадию кипящей ярости и перешел к состоянию сдерживаемого бешенства, близкого к хладнокровию. Он почти весело занялся подготовкой Орисона к осаде войсками Аленда в условиях недостаточного запаса чистой воды.

Незадолго до этого Териза и Джерадин испортили ему настроение, сообщив о своей встрече с леди Элегой.

Они видели перед собой человека, который от недосыпания впал в буйство. Глаза были красными и воспаленными, жесты — бесцельными, неосознанными. Однако благодаря свойствам его характера усталость и давление новых обстоятельств превращались в очередную вспышку ярости. Все его проблемы заключались в том, что ничего другого ему делать не оставалось; Орисон был максимально подготовлен к борьбе, которую Леббик не надеялся выиграть. Но поскольку ему не удавалось отдохнуть, его силы могли иссякнуть раньше, чем начнется настоящее испытание.

Ему давно уже не удавалось нормально отдохнуть. Вечное беспокойство души заставляло его постоянно быть на ногах. А сейчас он не мог позволить себе отдых, потому что это означало сон, а сон влек за собой сновидения.

Сновидения его были кошмарами.

В молодости ему часто снилась страшная месть командиру алендского гарнизона, который изнасиловал его жену и мучил ее в течение четырех дней с чудовищной настойчивостью и изобретательностью. Но многие годы стабильного спокойствия его супруги и работа, которую он выполнял для короля, вырвали жало у того кошмара.

Сейчас она была мертва. Он остался один — покинутый даже королем Джойсом. И когда он спал, ему снилась не месть.

Ему снилось, что именно он был тем самым алендским гарнизонным командиром, перед которым привязали юную термиганскую невесту. Ему снились изощренные способы, применявшиеся насильниками, чтобы заставить ее кричать, а ее жениха доводить до безумия.

Ему снились удовольствия.

И тогда он просыпался дрожа — *ха*, Смотритель Леббик *дрожит*, — человек, который, с того дня как король Джойс освободил его и позволил мстить, бесстрашно смотрел в глаза любой опасности.

Когда он увидел решимость на хмуром лице Джерадина и наивные попытки спрятать беспокойство на лице этой женщины, Теризы, — беспокойство, истинные причины

которого сму тут же инстинктивно захотелось проверить, — что-то в нем щелкнуло, словно затрещали новые ветки, подброшенные в огонь.

К завершению рассказа Джерадина о содеянном Элегой Смотритель Леббик уже улыбался.

— Поздравляю, — сказал он почти радушно. — Вы снова замечательно преуспели. Леди Териза... — он сказал это так, словно ее самой здесь не было, — дала вам отличный шанс сделать хоть что-то правильно. И как же вы поступили? Вы решили оказаться героем, в одиночку спасшим Орисон. Это должно стать предметом вашей особой гордости.

— Это нечестно, — неожиданно вмешалась женщина. Несмотря на ее тревогу и слегка испуганный взгляд, смелости ей было не занимать. — Вы сами сделали невозможным сообщить вам что-либо. Если б я оказалась не права — ну, например, Элега совершила бы что-нибудь другое, пока вы сторожили бы резервуар, — нас обвинили бы в пособничестве ее планам.

Да, подумал Смотритель, она интересная женщина. И скоро настанет ее черед. В один прекрасный день она окажется подвластной ему. Тогда она действительно узнает, что такое быть обвиняемой. Он тщательно обучит ее всем тонкостям.

Он до сих пор считал трудным делом не доверять пригоднику; как сын Домне и брат Артагеля Джерадин автоматически мог рассчитывать на хорошее отношение Смотрителя. Кроме того, он остановил Найла. Это было глупо, но благородно.

Женщина же, с другой стороны...

Любопытно, почему именно она единственная заподозрила Элегу — и почему именно она единственная сообразила, что та предпримет? Леббику было известно о ней немного: Териза — воплотитель. Она ведет себя как враг Аленда. Верховный король Фесттен хочет ее смерти. И... она лгала ему, когда правда могла бы способствовать его служению своему королю. Все остальное — чепуха, домыслы, сновидение...

От улыбки, которой наградил ее Смотритель, могло бы скиснуть молоко. Обращаясь к Джерадину, он спросил:

— Вы знаете, каковы будут теперь мои действия?

— Да, Смотритель. — Пригодник вздохнул, словно ожидал услышать новые оскорбления в свой адрес. — Вы будете готовиться к тому, чтобы встретить эту осаду с одной лишь водой из источника.

— Именно. Население у нас удвоилось. Источник не дает и десятой части необходимого. Нам придется серьезно сократить потребление воды. Я собираюсь посадить беременных женщин, измученных стариков и детей на ограниченную порцию, и они будут мучиться от жажды. Потому что вам

показалось лестным стать на время героем. Но это еще не все. Нет, не все.

Какие бы чувства ни испытывал сейчас Джерадин, он смотрел на Леббика не мигая. И Смотрителю это нравилось. Не так давно пригодник обязательно бы дрогнул.

— Вам еще нужно слить воду из резервуара и всех труб. Если вы не сделаете этого, причем в самое ближайшее время, люди от невыносимой жажды начнут пить отравленную воду. И если они окажутся слишком слабыми, то умрут.

Попытаться сохранить сколько-то этой воды для мытья полов и тому подобного — чистой воды для этого хватать не будет.

Смотритель кивнул. Не важно, насколько глупыми оказались поступки пригодника, глупцом он никогда не был. И если принимать во внимание его несомненную разумность, то казалось странным то постоянство, с которым он совершает глупости.

— Вы уверены, что она действительно отравила воду?

Джерадин нахмурился.

— Вы хотите сказать, уверен ли я, что она вполне сознавала, что делает? Нет. Я не проверял воду. Но эти пакеты содержали порошок, и порошок этот был зеленого цвета. Единственный известный мне зеленый порошок — один из красителей, которым пользуются Мастера. Он называется «ортикал», впервые его получил воплотитель по имени Ортик. В лабораториях хранится довольно много этого порошка. — Он не отводил взгляда. — Можно заболеть, если сильно испачкать в нем руки.

— Есть ли от него лекарство?

— Кто знает? Ведь воплотители не *едят* красителей. И не тратят время на лечение людей, которые этим занимаются.

— Если я попрошу Мастера Барсонажа, сможет ли он установить, сколько ортикала пропало?

— Нет. Никто не ведет контроль за работой Мастеров. Некоторые держат ингредиенты, которыми пользуются, в секрете. Но кто-нибудь из юных пригодников мог бы заметить внезапное уменьшение количества ортикала в ящиках.

Смотритель снова кивнул и совершенно неожиданно впервые обратился к Теризе:

— Как вы догадались о намерениях леди Элеги?

Она тихо ответила:

— Я просто предположила.

— Вы *предположили?*

— Я размышляла над ее фразами, сказанными в разное время. — Голос Теризы стал увереннее. — Этого было недостаточно, чтобы считаться неопровержимым доказательством. Но я обдумала ее слова и предположила.

— Миледи, — безапелляционно заявил Смотритель, — я в это не верю, — после чего отпустил и ее, и Джерадина.

Ему не нужно было составлять план дальнейших действий. Все и так было очевидно, шаг за шагом. Он был Смотрителем Орисона; он знал, как служить своему королю. В конце концов не имело значения, какие обстоятельства складывались против него. Не важно, насколько повреждены стены Орисона. Какое количество людей отравилось. Насколько король Джойс не оправдывает ожиданий. Смотритель Леббик превратил себя из человека в меч — а меч не понимает слова «сдаться».

Для себя он отметил нечто, чем ему еще придется заняться в не очень далеком будущем. Скоро настанет черед этой женщины.

Джерадин отвел Теризу в павлиньи комнаты и отправился к себе, чтобы немного вздремнуть. Но ни ей, ни ему выспаться не удалось.

Это не удалось никому в Орисоне.

Конечно же, многие из обитателей замка проснулись оттого, что были слишком взволнованы, чтобы спать крепко. Но какая-то их часть не знала таких проблем: стражники, слишком опытные или слишком уставшие, чтобы не спать; родители, измотанные детьми; торговцы, уверенные, что их прибыль не станет меньше независимо от того, кто победит; перетрудившиеся слуги; Мастера, которым и без того хватало забот; лорды, не понимавшие серьезности положения, и леди, воспринимавшие все философски.

Но и они не выспались, потому что люди Смотрителя Леббика разбудили их.

Несмотря на оперативность, Смотрителю не удалось уберечь двух стариков, которые привыкли по нескольку раз за ночь ходить в туалет, нескольких стражников, которые сменились с дежурства и решили освежиться прежде, чем были предупреждены, и нескольких детей, которые среди ночи попросили у родителей воды. Эти несчастные случаи послужили подтверждением того, что Элега действительно отравила резервуар, — и жесткие ограничения, введенные Смотрителем Леббиком на пользование водой, были необходимы. Дети мучились ужасно, но из всех пострадавших умер только один старик.

Ранним утром почти все население замка высыпало на стены, на башни, глядело из окон, чтобы увидеть армию Аленда.

За ночь снова похолодало. Серые облака нависли над Мордантом, окрашивая замок и пейзаж вокруг в цвета печали; холодный ветер свистел, словно коса в траве, разметая и задувая все признаки ранней весны. Очертания ближайших холмов как будто сгладились; отдаленные холмы казались более высокими, более опасными. Черные деревья растопырили свои вет-

ви, изнывая от холода. Большую часть земли все еще покрывал подтаявший снег, а оголившиеся участки походили на грязные пятна. Сначала Териза почти ничего не видела: от леденящего ветра слезились глаза. Но постепенно они привыкли к перипетиям погоды, и она стала вглядываться в горизонт в направлении Армигита и Аленда, так же как люди, столпившиеся ниже, на стенах, и на других башнях.

Но долгое время ничего не было видно.

Толпы то увеличивались, то уменьшались. Дважды Териза и Джерадин покидали свой наблюдательный пункт и возвращались в комнаты погреться.

— Когда же они появятся? — спросила она.

— Откуда я знаю? — ответил пригодник с несвойственным ему раздражением. Он все еще переживал, что не смог остановить Элегу.

Териза понимала его чувства и не обижалась.

— С какой стороны они должны появиться?

— Они будут двигаться по дороге. Хоть длиннее, зато быстрее. И по дороге удобней везти провиант. А также «военные машины», о которых мы столько наслышаны.

Когда они снова поднялись на башню, оказалось, что он был прав. Настороженная неожиданной тишиной вокруг, Териза стала внимательнее всматриваться и сквозь порывистый ветер увидела авангард алендской армии.

Они шли по северо-западной дороге, ведущей из провинции Армигит.

Флаги алендского монарха развевались в руках знаменосцев. Скудное освещение и значительное расстояние делали их совершенно черными.

Армия медленно подкатывала к Орисону — людская река, казавшаяся бесконечной. Воины на лошадях. Пешие воины. Множество возниц, подгоняющих мулов с провиантом. Толпы слуг и крестьян, тянущих и толкающих массивные осадные орудия. И второй эшелон — носильщики и сброд, увязавшийся за армией.

Все это стекалось сюда, чтобы отнять Орисон у короля Джойса.

С трепетом Териза взирала на происходящее и пыталась представить себе масштабы кровопролития...

Возможно, Джерадин размышлял о том же. Он обратил ее внимание на северную башню. На верхней смотровой площадке стояли Смотритель Леббик и король Джойс.

С такого расстояния он казался маленьким, несмотря на теплый тяжелый меховой плащ. Они со Смотрителем изучали приближающиеся войска — может статься, они будут бессильны сделать что-либо. Флаги Морданта развевались над стенами; но над королевской башней отчаянно трепыхался лич-

ный штандарт короля. Это было длинное пурпурное полотнище, сходящееся к концу; оно выглядело бы гордым и смелым в чистом солнечном свете, но сейчас казалось, будто ветер пытается вырвать его.

Через какое-то время они со Смотрителем покинули смотровую площадку.

Териза не понимала, в честь чего трубач Орисона дал сигнал. Наверное, он призывал войска к оружию; но звучал этот сигнал скорее как вопль отчаяния.

С тщательной неотвратимостью алендская армия начала организацию осады.

Десять тысяч воинов выстроились перед стенами и выставили оружие. Осадные машины были доставлены на позиции. Затем алендцы подали свой сигнал, и группа всадников собралась у штандарта алендского монарха. К огромному красно-зеленому полотнищу Маргонала присоединился флаг перемирия. Флаги и всадники вместе двинулись к воротам.

Трубач Орисона дал новый сигнал. Ворота поднялись.

Навстречу группе алендцев выехал Смотритель Леббик, сопровождаемый шестью воинами.

Он ничуть не удивился, увидев, что алендцев возглавляет принц Краген. После беседы с королем Джойсом его не удивило и то, что одним из всадников была леди Элега.

Два отряда остановились и молча изучали друг друга. Принц был настроен решительно, но Элега явно избегала взгляда Смотрителя Леббика.

После долгой паузы принц Краген сказал:

— Приветствую тебя, Смотритель. Безумие вашего короля привело нас сюда.

Леббик держал свою лошадь на слишком коротком поводу; животному при этом никак не удавалось стоять спокойно. Сидя на крутящейся из стороны в сторону лошади, Смотритель прохрипел:

— Говори, что хочешь сказать, и скорее покончим с этим, лорд принц. У меня есть более достойные занятия, чем бесполезная трата времени.

Принц Краген помрачнел.

— Хорошо же, — буркнул он, — слушай внимательно, Смотритель.

И официальным тоном объявил:

— Маргонал, алендский монарх и повелитель Вассалов Аленда, шлет приветствие Джойсу, лорду Демесне и королю Морданта. Алендский монарх просит короля Джойса встретиться с ним под флагом переговоров для совместного поиска способов устранения возникшего конфликта. Король Джойс

отказался выслушать предложения о мире от посла алендского монарха, и монарх готов сам обсудить этот вопрос в честном и открытом разговоре с королем Джойсом, если король соизволит встретиться с ним.

— Красиво говоришь, — не замедлил ответить Смотритель. — Но почему мы должны ему верить?

— Потому что, — ответил принц, — у меня нет нужды «говорить красиво». Ваша стена разбита и не отремонтирована надлежащим образом, как я вижу. У вас недостаточно воды. У вас слишком мало воинов. Вы не сможете выдержать осаду, Смотритель. У алендского монарха нет причин предлагать вам мир — разве только потому, что вы выполните его требования.

— «Выполните его требования»! — Леббик резко дернул повод своего скакуна. — Вот это мне нравится слышать от Аленда. Хорошо же. Вот ответ:

Король Джойс просил меня напомнить тебе — и твоему замечательному отцу, — что никто из вас ничего не понимает в игре в перескоки. Вы не могли бы добиться даже пата без посторонней помощи. Вместо того чтобы размахивать перед нами мечами, вам следовало бы вспомнить, что произошло в прошлый раз, когда вы пришли на Мордант с войной.

Выл ветер, развевая гривы лошадей.

— Ради звезд, Леббик, — закричала леди Элега, — неужели он *продолжает* играть в перескоки? Скажите же ему, чтобы он *сдавался!*

Смотритель не отводил взгляд от лица принца Крагена.

— Королевская дочь, — заметил он. — Атака прошлой ночью была лишь прикрытием, чтобы она могла покинуть Орисон. — Когда король Джойс сказал ему об этом, Смотритель проклял себя за то, что сразу не догадался. — Что вы собираетесь с ней делать? Она заложница?

Принц Краген сплюнул. Сделав над собой усилие, он снова вернулся к официальному тону.

— Алендский монарх принял леди Элегу в качестве друга. У него нет намерения причинять вред ни ей, ни ее отцу лично. Своим благородством он стремится подчеркнуть исключительно мирные намерения.

— На это у меня тоже есть ответ. — Теперь Смотритель Леббик дословно передавал именно то, что ему было сказано. — Король Джойс отвечает: «Я уверен, что моя дочь Элега действовала из лучших побуждений. И куда бы она ни направилась, с ней пребывает моя гордость. Ради нее и ради себя я надеюсь, что добрые побуждения принесут добрые плоды».

Леди Элега смотрела на Леббика так, словно он произносил проклятие.

— *Это* и есть *ответ?* — требовательно спросил принц.

— Это то, чем вам придется довольствоваться, — ответил Смотритель. — Это должно прийтись вам куда более по душе, чем то обвинение, которого она заслуживает. Спросите ее — король Джойс особенно настаивал на этих словах, — хочет ли она знать, сколько человек умерло сегодня утром.

Принц Краген проигнорировал издевку.

— Вы совершенно не поняли меня, Смотритель. Неужели то, что вы передали мне, это ответ вашего короля на мирные предложения алендского монарха? Неужели он *настолько* безумен?

Смотритель Леббик без труда нашелся, что ответить:

— Я бы не советовал вам проверять это.

— Тогда слушайте. Слушайте меня внимательно, Смотритель. — Ярость принца Крагена прорвалась наружу. — Это мое последнее слово.

Ваш король не оставляет нам никакого выбора. Мы не *можем* этим «довольствоваться». Вы знаете, что Кадуол на марше. Мы находимся здесь, и мы гораздо более уязвимы для армии верховного короля. Мы не можем защитить вас, или ваших людей, или Гильдию...

— Или самих себя.

— ...или *самих себя*, если не захватим Орисон. Король Джойс вынуждает нас вступить в войну, которую он не может выиграть, хотя и мы при этом потеряем немало. Он *должен* согласиться на мир. Миром или кровью, но нам *придется* взять Орисон.

Смотритель наконец заставил свою лошадь замереть.

— *Это* ваше *последнее* слово? — Смотритель улыбался.

— Да!

— В таком случае слушайте мое. — У Леббика было что сказать, хотя он и не понимал этого ответа. — Король Джойс заверяет алендского монарха, что у него есть гораздо больше вариантов выбора, чем тому кажется. Король Джойс предлагает вам отойти на запад Демесне и ждать дальнейшего развития событий. Если вы сделаете это, он будет рад встретиться с алендским монархом под флагом перемирия и обсудить дальнейшие действия.

Если же нет... — Смотритель с трудом скрывал свое изумление, хотя ответ был продиктован ему заранее, — король Джойс собирается использовать всю силу Гильдии и выкорчевать вас отсюда с корнем!

В это мгновение его не волновало, удастся или нет комбинация короля. Он просто радовался дозволению сказать такие слова.

Тишина изумления воцарилась среди ведущих переговоры. Какое-то время все молчали. Принц Краген был вне себя от ярости и от страха.

Леди Элега громко прошептала:

— Смотритель Леббик, вы лжете. — Ее лицо на жестоком ветру было бледным. — Мой отец никогда не сделает ничего подобного.

Эти слова как бы послужили командой принцу Крагену. Он отобрал у знаменосца флаг перемирия, переломил древко о колено и швырнул обломки на дорогу. Повернув скакуна, он направил свою группу к линии алендских войск.

Смотритель Леббик и его люди вернулись в Орисон. Ворота за ними закрылись.

Алендский трубач подал новый сигнал. Носильщики и прочие сопровождающие принялись распаковывать тюки и повозки и расставлять палатки вокруг замка. Осада началась.

— Мне нужно повидаться с Артагелем, — сказал Джерадин обреченно. — Он должен быть в курсе всего, что произошло. — От холода у него текло из носа, и голос его звучал жалко и гнусаво. — Раз уж он все равно не может простить мне, что я упустил принца, от его обвинения в том, что я не сумел остановить Элегу, хуже не будет.

Териза предложила составить ему компанию, но он отказался. Он предпочитал встречать свои несчастья один на один.

Он ушел, а она вернулась в свои комнаты.

Ей нужно было слишком много передумать. Каково ее место в происходящем? Кому предана она сама? Способна ли взвалить на себя последствия, которые неизбежно вызовет сообщение Джерадину о связи между ее сном и предсказанием?

И вдруг Териза поймала себя на мысли о преподобном Тэтчере.

Она работала с ним почти год — достаточно долго, чтобы забыть, почему все-таки согласилась на должность секретаря миссии. До сих пор все, что она вспоминала о нем, — это жалкая безрезультатность всех его действий. Но сначала она видела его работу в другом свете. Нет, сначала она рассматривала работу в миссии как возможность заполнить пустоту в своей жизни, как-то изменить окружение, наконец, уменьшить свою бесполезность, так донимавшую ее. И Териза служила у преподобного Тэтчера из-за его самоотречения в борьбе с непреодолимыми обстоятельствами.

В то время она еще не подозревала о бесплодности того, что он делает. Но сейчас она задумалась, правильно ли тогда оценивала его. Как бы на его месте вел себя Джерадин? Разве Джерадин не смотрел бы прямо в лицо неудачам? А может быть, дело заключалось не в безрезультатности миссии, а в ее сердце?

Неужели теперь нельзя жить так, словно она слышит звуки рогов?

Необходимо что-то делать, но размышления нисколько не приблизили ее к решению проблем. Однако единственный вывод, который ей удалось сделать, — она должна по меньшей мере извиниться перед преподобным Тэтчером.

Она почувствовала сильную усталость и захотела спать.

Мысль о сне неожиданно оказалась приятной. Прошлой ночью она почти не спала. Но какую пользу она сможет принести Орисону, если будет усталой и невыспавшейся? Убедив себя в необходимости сна, Териза подбросила дров в оба камина, чтобы сохранить комнаты в тепле, разделась, кинула вещи на кресло и скользнула в кровать.

Какое-то время она прислушивалась, как разбушевавшийся ветер точит когти на ее окне и на углах башен. Но как только холодные покрывала прогрелись теплом ее тела, она заснула.

Ей снилось, что ее кто-то целует.

Чьи-то губы крепко прижимались к ее губам. Чей-то язык ласкал их, деликатно и настойчиво пытаясь проникнуть между ними. Она чувствовала острый запах пряностей.

Под покрывалами рука ласково поглаживала ее живот, затем передвинулась к груди. От холодного прикосновения ее соски стали твердыми.

Поняв, что это не сон, она открыла глаза.

Над ней склонился Мастер Эремис; взгляд его бледных глаз встретился с ее взглядом. У ее отца были такие же глаза. Но эти окружала паутина морщинок. Мастер Эремис улыбался.

От неожиданности Териза отпрянула и натянула покрывало.

Немного отодвинувшись, он убрал свою руку с ее тела. Конец мантии небрежно выглядывал из-под его огромного плаща. Мастер, несомненно, улыбался. Казалось, у него прекрасное настроение.

— Миледи, — сказал он. — Похоже, я испугал вас. Простите меня.

Глядя на него в сером оконном свете, она подумала, что он куда менее привлекателен, чем ей казалось раньше: черты лица чересчур грубые, волосы слишком открывают лоб. Но это лишь подчеркивало живость его ума и делало более притягательным.

Териза плотнее натянула на себя покрывало и, сконфуженно помаргивая, уставилась на него.

— Как вы?..

— Гардероб. — Он улыбнулся шире. — Я занялся исследованием тайных ходов и оказался настолько удачлив, что попал в эту комнату.

— А где?.. — Териза села. Она еще не совсем проснулась. Голова отказывалась думать. Когда она перестала

оставлять в гардеробе кресло? — Где вы были? Я надеялась, что увижу вас.

Он присел на край кровати, протянул к ней руку и провел кончиками пальцев по шее, от уха до плеча.

— Мне пришлось съездить домой. Я, кажется, упоминал про Эсмерель? — Его прикосновения оставались клеймом на ее коже. — Мой дед называл это нашим «родовым гнездом», хотя, конечно, оно не тянет на такое название. Мой отец был еще менее благородным и не пользовался подобными высокопарными оборотами.

Мастер Эремис легонько потянул покрывало.

— И он довольно требовательно настаивал на моем присутствии там. Похоже, один из моих братьев убил другого — хотя относительно этой парочки трудно сказать что-либо определенное. Мой отец хотел, чтобы я находился при нем, пока он решит, следует ли объявить меня не заслуживающим наследства.

Эсмерель расположен в провинции Тор — всего два дня езды от Бродвайна. Я только что вернулся.

Териза с трудом сглотнула. Если он прямо с дороги пришел увидеться с ней, она готова простить ему все случившееся в его отсутствие. Пальцы Мастера скомкали покрывало. Если он потянет его на себя, она не сможет сопротивляться. И она не была уверена, захочет ли сопротивляться. Внезапно память извлекла откуда-то забытые сны; ни о чем другом думать было просто невозможно.

Теризе стоил немалых усилий вопрос:

— И что же он решил?

Воплотитель пожал плечами, как бы давая понять, что это его мало заботит.

— Мой отец ненавидит меня. Так же, как оба моих братца, точнее, теперь один. Хотя следует заметить, что они всегда поступали так, как хотел я. Но мне нет пользы от Эсмереля. Так что пусть мой брат унаследует его. Если у отца достанет здравого смысла умереть вовремя.

Он подался вперед, и его губы снова коснулись губ Теризы. Запах пряностей переполнял все ее чувства. Его рука потянула покрывало, и его язык требовал ответа. Нет, она не сможет сопротивляться. Его рука теребила ее сосок, и она дрожью отвечала на его прикосновения; потом он страстно обхватил рукой всю грудь. Она была его...

Но все же Териза оттолкнула его. Хотя щеки ее пылали и прерывалось дыхание, она встретила его взгляд, собрав всю свою волю.

— Почему ваша семья ненавидит вас?

Он погасил улыбку, но его глаза горели таким огнем, словно хотели расплавить ее.

— Миледи, я пришел сюда не для того, чтобы беседовать о своей семье. Я пришел сюда получить то, что по праву принадлежит мне.

Териза машинально передвинулась на край кровати и встала. Не придавая значения своей наготе, она потянулась к креслу, где лежали ее вещи. Руки дрожали, когда она облачалась в тяжелый бархат и затягивала пояс; голос дрожал, когда она говорила:

— Вас не было слишком долго. Я ждала вас. Я хотела помочь вам. Я была готова... сделать все что угодно. Но вы не пришли. Я не получила от вас ни одной весточки.

Но в то же время ее ужасала мысль, что он может обидеться и уйти, что, отодвинувшись от него, она погубит все надежды на его прикосновения и поцелуи. Однако в показной улыбке Мастера и страсть была фальшивой. Да и смотрел он теперь на нее иначе, словно она бросила ему вызов.

— Миледи, — сказал он задумчиво, — я весьма опечален, что вы не получали от меня никаких вестей. Это вовсе не входило в мои намерения. Я посылал вам записки множество раз. Но, быть может, они до вас просто не доходили?

Она собралась уже было спросить: «Почему записки не доходили?..» — но тут поняла, что он имеет в виду. У него не было в мыслях уезжать отсюда, не попрощавшись с ней. Это все меняло. Неужели? Едва не плача, она пробормотала:

— Вы посылали записки через Саддит? Но ведь она ваша любовница. Она не хотела делить вас ни с кем и потому не отдала мне ни одного послания.

Мастер сделал удивленные глаза. Но тут же улыбка озарила его лицо. Он казался очень довольным. И он сказал осторожно и весело:

— Миледи, не можете же вы ревновать меня к служанке, тем более к Саддит! Почти все мужчины, с которыми она была знакома, побывали у нее между ног. Я могу поверить, что она не передавала вам моих записок. Но я не могу поверить, что это примется в расчет, — будто я могу предпочесть ее специфические прелести.

Териза совершенно запуталась в собственных эмоциях. Облегчения от того, что он слал ей записки, хватило лишь на миг; сразу возникла мысль, что известие об этом слишком припоздилось. И вообще это ничего не меняло. В его отсутствие она уже сделала свой выбор — стала на сторону Джерадина. И вовсе не потому, что Джерадин находился под рукой, а Мастера Эремиса не было рядом. Она выбрала Джерадина потому, что не верить ему — шпионить за ним, предавать его, как требовал того Мастер Эремис — было немыслимо. Если бы Эремис пришел к ней раньше... Она прикусила губу, пытаясь скрыть свое смятение.

Продолжая улыбаться, он с пристрастием изучал ее.

— Не принимайте Саддит во внимание, — заявил он. — Я откажу ей немедленно, чтобы доставить вам удовольствие. Но вы спрашивали о моей семье.

Она тупо кивнула. Каждое сказанное им слово вызывало боль в сердце.

— У меня маленькая семья. Эсмерель — поместье небольшое и довольно красивое. Мой дед был человеком большого ума — и еще большей изысканности. Он был образцом учености и знатоком наслаждений. Он занимался воплощениями. По одной из семейных легенд, он частенько встречался с Архивоплотителем Вагелем. Конечно же, это происходило за годы или даже десятилетия до того, как начались войны за Мордант, при которых Архивоплотитель выступал на стороне верховного короля Фесттена.

К несчастью, у моего деда был всего один сын, и тот слыл негодяем. Он не признавал ничего, кроме насилия — изощренного насилия. Вступив во владение Эсмерелем, он в течение многих лет извращал его красоту. Потом стал надсмотрщиком — зорко следил за тем, чтобы не произошло невзначай утечки богатств из его «родового гнезда».

В результате его блуда на свет появились три сына. Первый был его точной копией. Второй походил на него чуть меньше, обладал меньшей мускулистостью, зато большей хитростью — и потому его терпели.

Я же был третьим.

Мастер говорил так, словно произносил заклятие. Териза ожидала, что он приблизится к ней, — его взгляд гипнотизировал ее. Но Эремис продолжал сидеть на краю постели.

— К счастью, — заметил он, — я был намного крепче, чем казалось на первый взгляд. И поскольку я всегда крутился у отца под ногами, он возненавидел меня до глубины души. Именно поэтому братья как бы получили негласное соизволение издеваться надо мной. — Говорил он спокойно, и глаза его блестели с невозмутимостью занесенного топора. — Однажды они заперли меня в деревянном сарае и подожгли его, желая посмотреть, что я буду делать.

Дыша сквозь полураскрытые губы, Териза спросила:

— И что же вы сделали?

Мастер хмыкнул.

— Я их обманул. Я не питал надежды унаследовать Эсмерель, зато унаследовал ум своего деда. Прежде чем я достаточно вырос, чтобы испытывать страх, я нашел способы самозащиты. Мне очень скоро стало ясно, что нет ничего умнее, чем сталкивать их друг с другом. И я принялся учить их обоих — поодиночке, — будто они нуждаются в моей помощи друг против друга. Через какое-то время я смог добиваться от них всего, чего хотел.

Его рассказ напомнил Теризе о ее собственном детстве, о темном шкафе и медленном исчезновении, и, охваченная смятением, она осознала, что Мастер Эремис стал ей чем-то ближе.

— И что вы заставили их делать?

Теперь он выказал некоторое раздражение.

— Я сделал из них примерных жителей провинции Тор. Я сдерживал своих братьев. Я отучил своего отца от его буйных безобразий. И заставил их восстановить то умение, которым когда-то славился Эсмерель, так что мне удалось получить истинное наследство своего деда. Именно благодаря его знаниям и исследованиям я стал воплотителем.

Но, даже покинув Эсмерель, я делал все возможное, чтобы удерживать свою семью от зверств. Однако расстояние в два дня оказалось слишком большим. И мне очень жаль, что я не смог предотвратить ту глупость, из-за которой первенец моего отца сейчас мертв. — По его виду нельзя было сказать, что он очень горюет.

Она сделала еще один шаг к нему. Взгляд его бледных глаз, казалось, притягивал ее.

— Вы пришли для обладания мною. Чего вы хотите от меня?

Он развел руки, словно демонстрируя свою силу.

— Снимите халат.

Она коснулась пояса халата, словно уже не обладала своей волей. Но тут же убрала руку.

— Я имею в виду — после. Что мне следует сделать для Морданта?

— Почему должно быть еще что-то «после»? — спросил он. — Твое женское естество познает такое, что ему и не снилось.

Териза чуть слышно настаивала:

— Я хочу помочь вам. Я хочу помочь Морданту.

— Ну хорошо. — И в каком-то истовом убеждении, что она прекрасно знает и согласна с этим, он ответил: — Вместе нам удастся убедить Смотрителя Леббика и Гильдию, что Джерадин — предатель.

Когда он сказал это, сердце Теризы чуть не перестало биться — и вся ее смелость куда-то исчезла, испарилась. Джерадин? Он снова говорит о Джерадине? Он до сих пор считает, что Джерадин участвует в заговоре вместе с Гилбуром и Вагелем? Или он собирается предъявить новые обвинения ее единственному другу? У нее едва хватило сил спросить:

— А что он такого сделал?

— Сделал? Чего он *не* сделал? Разве он не убеждал вас, что *я* — предатель?

Она покачала головой.

— Значит, он хитрее, чем я думал. Вы могли бы заподозрить его, если б он пытался обмануть вас в отношении меня.

Мастер разглядывал ее некоторое время и сказал:

— Из-за подобной его хитрости, вы, наверное, не поверите: это именно он все подстроил так, чтобы вы остались в одиночестве на базаре и Гарт напал на вас. Вы, вероятно, не поверите, что его неудачная попытка остановить Элегу вовсе не была случайностью.

Она смотрела на него с нескрываемым ужасом.

— Это весьма утонченное коварство, — продолжал Мастер. — К счастью, ему не всегда свойственна подобная утонченность. Но я скажу вам нечто, что сможет убедить вас. Кадуол наступает. А вы когда-нибудь задавались вопросом, *почему* Кадуол наступает? Вы задумывались, почему верховный король Фесттен решил, что должен напасть именно *сейчас?*

Териза не ответила. Совершенно сбитая с толку, она утратила способность думать. Новое обвинение. Новые доводы, что единственный человек, который заботился о ней и придавал силы, — предатель.

— При нормальном ходе событий, — пояснил Эремис, — шпионы верховного короля должны были доложить ему, что Аленд пошел войной на Орисон. И как же тогда следовало поступить Кадуолу? — Голос Мастера был словно ветер, становящийся все более резким и заполняющий комнату. Пламя камина придавало его лицу неестественный румянец. — С одной стороны, есть риск, что Орисон может пасть и Гильдия попадет в руки алендского монарха. Но коль замок обороняет Смотритель Леббик — если уж не сам наш добрый король, — это практически невозможно. С другой стороны, если Кадуол не вмешается, то силы Вердона придут на помощь войскам Орисона. Аленд и Мордант ослабят себя в этой битве — и тогда все, что сможет добыть здесь верховный король, достанется ему практически даром. *Почему же он не стал ждать, пока враги изведут друг друга?*

Я вам скажу, миледи. — Мастер Эремис сделал резкий жест обеими руками. — Он не стал ждать потому, что знал о намерениях Элеги. Он знал: опасность для Морданта усугубится из-за того, что Орисон будет предан изнутри союзниками принца Крагена.

Подумай, женщина. Откуда верховный король Фесттен мог знать, что в Орисоне готовят предательство для сдачи Аленду? Благодаря воплощениям Бретер может лишь появляться в замке и покидать его — хотя как это происходит, до сих пор остается загадкой. Но проникновение в наши коридоры еще не позволяет ему проникать в наши тайны. Кто, кроме пре-

дателя, мог сообщить Гарту, что Элега собирается отравить резервуар, лишая нас воды и заставляя в конце концов сдаться?

— Нет, — пробормотала Териза. Ей хотелось рухнуть в кресло. — Нет.

Мастер Эремис не придавал значения ее протестам.

— И кто, кроме Джерадина, знал об опасности?

— Но на него напали, — заметила она. — Из воплотимого. Дважды. Они хотели убить его — Гилбур... Вагель...

— Сукин сын! — Эремис, казалось, был в ярости. — Это были *ложные нападения*, женщина. Сплошной обман. Это показывает лишь, что Гилбур и Вагель отчаянно не хотят, чтобы ты стала врагом их союзника. Совершая нападения на Джерадина, они как бы выпячивали его невиновность. Правда заключается в том, что они имитировали попытки убить его по той же самой причине, по которой пытались убить тебя — чтобы ты не выдала его.

Если бы он не был спасен так, как это сделали, то, уверяю, они отозвали бы своих насекомых прежде, чем он оказался бы убит.

Она больше не смотрела на воплотителя. Она вообще ни на что не смотрела. Слезы текли по ее щекам.

— Как же я могла бы выдать его?

— Ты была с ним в течение многих дней. Ты смотрела на него, говорила с ним, изучала его. И ты встречалась с ним один на один в своем мире, прежде чем он воплотил тебя сюда. Ты одна обладаешь знанием — опытом, — который убедит Гильдию в его предательстве.

— Нет, — повторила она мягко. Она говорила это не ему. Она говорила это себе. Она почти не слышала своих слов; она слышала лишь его голос, его гнев, она боялась потерять Эремиса. Но Джерадин не был предателем. Конечно же, нет. Проведя с ним столько времени, она знала это точно. Но ее заставляли сделать выбор. Нет, нечто гораздо большее. Ее заставляли отвергнуть то, во что она верила. Она не сможет защищать Джерадина, не повернувшись спиной к Мастеру Эремису и всему, что он собой представляет.

— Вы сказали, что хотите помочь Морданту. — Он говорил с ней менторским тоном, напомнившим ей тон ее отца. — Если вы будете защищать человека, предавшего всех нас, то мы все обречены.

Что она могла сделать? Она не могла спорить с ним. Она никогда не могла спорить со своим отцом. Она могла либо стать на его сторону, либо отказаться его слушать.

Териза тихо спросила:

— А что вы собираетесь делать со мной?

— Сними халат, — требовательно сказал он. — Твое тело по меньшей мере не разочаруется во мне.

Сейчас она наконец поняла причину гнева и тайного торжества, которые так часто слышала в голосе отца, — это было желание причинить боль. И потому, что она наконец-то поняла это — необыкновенно четко и ясно, — она сделала то, что сделать было практически невозможно.

Ее руки удерживали концы пояса халата. Она свела их вместе и затянула пояс.

— Нет, — сказала она Мастеру.

Она думала, что он закричит или ударит ее. Он придвинулся к ней, и черты его лица заострились в улыбке, таившей жажду насилия. Вместо того чтобы кричать, он страстно зашептал:

— Миледи, вы принадлежите мне. Я клал свои руки и целовал вас в такие места, о которых вы никогда не забудете. — Он схватил Теризу за плечи. Его взгляд был подобен свету пламени и словно парализовал ее. — Каждый изгиб вашей плоти и каждая капелька крови в вашем женском естестве жаждет меня, и я не откажу в этом.

Он притянул ее к себе и яростно поцеловал. Каким-то образом ее халат оказался расстегнутым. Сам Мастер чудился ей железом, занесенным над ее беззащитным животом.

Териза не сопротивлялась; она чувствовала себя слишком слабой для этого. Но ее тело было безучастным; ее чувства и болезненно сжавшееся сердце не отвечали ему. Его поцелуй просто давил на ее лицо, ничего больше. Его настойчивость потеряла всякую привлекательность.

— *Нет*, — запротестовала она. — Я сказала — *нет*.

Кто-то постучал в дверь так сильно, что задвижка лязгнула о крепление.

Эремис грубо выругался и оттолкнул ее. Секунду он оценивал расстояние до гардероба.

— Не отвечай! — прошипел он.

Териза готова была упасть в обморок.

— Я забыла запереть дверь.

Не ожидая позволения, Джерадин ворвался в комнату и захлопнул за собой дверь.

Но, увидев Теризу, стоявшую возле прохода в спальню в расстегнутом халате, и Мастера Эремиса рядом с ней, он словно окаменел.

Териза конвульсивно запахнула халат и затянула пояс. От унижения и стыда она готова была провалиться сквозь землю. С нотками безумия в голосе она спросила:

— Как Артагель?

В глазах Мастера горела дикая ярость.

Джерадин смотрел на Теризу так, будто она была особо опасным существом.

— Я не виделся с ним.

— Тогда чем же ты *занимался*, мальчик? — спросил воплотитель. — Должно быть, чем-то очень интересным, если позволяешь себе столь невежливо врываться в комнаты леди.

— Териза, — Джерадин стоял спиной к камину, и его лицо было скрыто тенью, но его взгляд сверкал из темноты, — скажи ему, чтобы он уходил.

Мастер Эремис издал хмыкающий гортанный звук. Териза смотрела на Джерадина и не видела, что Мастер движется, пока он не оказался рядом. Одной рукой он обхватил ее за талию, а другую просунул между полами халата, чтобы ласкать ее грудь.

— Леди Териза, — сказал он, — не желает, чтобы я уходил.

Стыд залил все ее тело.

— Пожалуйста, — выдохнула она, чуть не плача. — Не делайте этого со мной. Это совсем не то, что ты думаешь. Пожалуйста.

— То, чем я занимался, действительно было очень интересно, — ответил Джерадин хрипло — кровь прилила к его лицу. — Я беседовал с Саддит.

Териза почувствовала, что Мастер Эремис замер. Он осторожно убрал свою руку, но не отпустил ее.

— Что за странное занятие? Почти столь же странное, как твое внезапное появление. Ты вполне уверен, что в порядке, мальчик?

Териза пыталась преодолеть панику, сдавившую ей горло. У нее было такое ощущение, будто она сражается за свою жизнь.

— И что же сказала Саддит?

Не глядя на воплотителя, Джерадин ответил:

— Твои стражники сообщили мне, что ты одна. Как он попал сюда?

По жесткой хватке Мастера Эремиса Териза поняла: он не хочет, чтобы она отвечала.

— Гардероб, — робко произнесла она. — Тайный ход.

Джерадин неожиданно для нее просто кивнул и спросил:

— А откуда он знал, что ход ведет именно сюда?

Спокойным, почти скучающим тоном Эремис ответил:

— Он понятия не имел, что этот ход ведет именно сюда. Он просто исследовал новое для него ответвление и случайно обнаружил комнаты леди Теризы.

Пригодник метнул взгляд, тяжелый словно камень, в Мастера Эремиса. Тени залегли вдоль его скул.

— Это, конечно же, неправда. — И он снова обратился к Теризе: — Как Саддит стала твоей служанкой?

Ей было трудно дышать; давление в груди, казалось, вот-вот разорвет легкие.

— Так приказал король Джойс.

— Он выбрал ее самолично?

Память с поразительной услужливостью воссоздала Теризе всю сцену. Король сказал: *Саддит. Она будет вашей служанкой.* Он даже улыбнулся Теризе, говоря: *Именно так я и хотел сделать.* Но довольным он не казался.

— Я точно не знаю. Он не вызвал конкретно ее. Он просто сказал стражнику, чтобы тот привел служанку.

— Я понимаю, почему тебе это столь интересно, — съязвил Мастер Эремис. — Безнадежных неудачников заботят, как правило, исключительно тривиальные вопросы.

— Териза, — сейчас тон Джерадина был более уверенным, как будто оскорбление Мастера Эремиса укрепило его, — ты помнишь, о чем мы говорили после того, как Гарт напал на тебя первый раз?

Она тупо покачала головой. Она не могла думать. Этого воспоминания уже не осталось в ее памяти. Оно было настолько блеклым, насколько предыдущее было ярким. Слабый серый свет, пробивающийся сквозь окна, казалось, почти исчез.

— Мы говорили о том, как ему удалось найти тебя.

«Как он нашел меня?»

— Очевидно, у него в Орисоне был союзник. Кто-то должен был сообщить ему, где ты находишься.

— Великолепно, Джерадин, — проворчал Мастер Эремис. — Прекрасная демонстрация логики. Действительно, кто-то должен был сообщить ему. Например, ты. Ты знал, где она находилась. Я слышал, что эти комнаты охранялись именно по твоей просьбе.

Териза не отводила взгляд от Джерадина.

Он пристально смотрел на нее.

— Саддит рассказала мне далеко не все. Но она рассказала достаточно, чтобы об остальном я мог догадаться. Она добровольно вызвалась быть твоей служанкой.

«Добровольно?»

— Сначала меня это удивило. С чего бы она стала напрашиваться на эту работу, когда о том, что ты находишься здесь, знали только король Джойс и Мастера? После долгих расспросов она сказала. Она сделала это, чтобы доставить удовольствие одному из своих любовников. Одному из Мастеров. Он попросил ее позаботиться о тебе ради него, и она сделала это, чтобы он был ей обязан.

Полено затрещало в камине; пламя метнулось выше. Мастер Эремис осторожно положил свои длинные пальцы на шею Теризы.

— Именно так он узнал о существовании тайного хода в твоей комнате, — продолжал Джерадин. — От нее. Вряд ли она могла не заметить кресло в твоем гардеробе.

— Это неслыханно, мальчик. — Он сильнее сдавил шею Теризы. — Ты потерял остатки разума. Ты серьезно собираешься обвинять меня — *меня!* — в союзе с Бретером верховного короля? — Сквозь вспышку гнева пробивалось слабо скрываемое веселье.

Но Джерадин упорно продолжал смотреть на Теризу, не обращая внимания на Мастера Эремиса.

— Он, единственный из немногих, знал, что ты будешь здесь прошлой ночью. Он, единственный из немногих, знал о тайном ходе. И он единственный, кто мог подготовить ловушку для тебя после того, как лорды встретились с принцем Крагеном. Он единственный, кто знал, что ты будешь там. Ведь это *он* взял тебя с собой.

Он поставил тебя прямо перед Воином, чтобы тот застрелил тебя. Вы были вместе — но он *сбежал*. Он мог бы увести тебя с собой. Он мог бы остановить меня. Почему он этого не сделал?

Пламя в камине, казалось, умирало. Комната наполнялась мраком.

«Джерадин, помоги мне. Он собирается сломать мне шею».

— Джерадин, — сказал Мастер небрежно. — Это недоказуемо. Ты себе слишком много позволяешь. — Он так сдавил пальцами шею, что у Теризы закружилась голова. — Ты не можешь переложить тяжесть своих преступлений на мои плечи. Я такое не допущу.

Джерадин перевел взгляд на Эремиса.

— Все это сплошные домыслы, за исключением случая с Гартом, покушавшимся на ее жизнь после встречи с лордами. Но это мог, точно так же как и я, *устроить* ты. Твой брат Артагель следил за ней. Ты постоянно знал ее местонахождение. И только по счастливой случайности Гарт не набросился на всех лордов вместе. После этого наверняка некоторые из них могли бы оказаться мертвыми.

— Отпусти ее, — сказал пригодник каменным голосом. — Если тебе нужен заложник — возьми меня. Я гораздо опаснее, чем она.

Мастер Эремис рассмеялся, словно плеснул кислотой.

— О, ты льстишь себе, мальчик. Ты льстишь себе.

Прежде чем Териза смогла вывернуться и освободиться, она услышала, как кто-то пробирается сквозь вещи в гардеробе. Внезапно из него вывалилась большая часть содержимого, и из тайного хода выскочил мужчина.

Его плащ и кожаные доспехи были так черны, что он казался воплощением тьмы; и двигался он словно тень. Но длинная полоса стали в его руках сверкала отражениями пла-

мени, притягивая к себе взгляд. Его нос между двумя желтыми глазами напоминал лезвие томагавка.

Он прыгнул из шкафа в комнату, жаждая кровопролития.

И был неподдельно изумлен, обнаружив перед собой Мастера Эремиса, Джерадина и Теризу. Он застыл, выбирая, на кого напасть в первую очередь. Меч неуверенно искал цель для атаки.

— Гарт! — закричал Мастер Эремис. — Сукин сын! Ты выбрал подходящее время!

С неимоверной скоростью, изумившей Теризу, он отпустил ее и бросился к кровати. Пока Бретер думал, Мастер схватил покрывало, украшенное павлиньими перьями, и швырнул его в голову Гарта.

В тот же момент Джерадин схватил Теризу и дернул ее в сторону, втаскивая в гостиную и прикрывая собой. У камина она споткнулась и едва удержалась на ногах.

С шипящим звуком, словно вода попала на горячее лезвие, меч изрубил покрывало на куски. Перья полетели во все стороны; их глазки засверкали всеми цветами радуги.

Мастер Эремис вспрыгнул на кровать.

Огонь камина высвечивал его черты. Когда он швырнул в Гарта подушку, красный отблеск придал ему жутковатый вид.

Зарычав, Гарт распорол подушку кончиком меча, и она будто взорвалась. Перья взлетели к потолку и подобно снегу осыпали Бретера.

Мгновенно вторая подушка последовала за предыдущей.

Эту он встретил плоской стороной клинка. Махнув двуручным мечом, словно битой, он отправил подушку обратно к Мастеру.

Та ударила его в грудь с такой силой, что он оказался отброшенным к стене.

Гарт повернулся к Джерадину и Теризе.

— Охрана! — закричал Мастер Эремис, прежде чем Бретер верховного короля смог нанести удар. — *Охрана!*

Гарт застыл второй раз. Он остановил движение, вынесшее его в гостиную, — движение, которое должно было снести Джерадину голову с плеч. Бретер быстро оценил расстояние, отделяющее его от Джерадина и Теризы; глянул на дверь с незакрытым засовом; затем посмотрел через плечо на Эремиса.

Левой рукой Бретер потянулся к поясу и достал острый кинжал.

Когда дверь распахнулась и первый стражник влетел в комнату, рука Гарта резко распрямилась и выпустила оружие.

Третья подушка ударила его в плечо и не позволила сделать точный бросок. Он не попал в Теризу.

Мастер Эремис хохотнул.

Теперь у Бретера уже не оставалось времени для колебаний. Тихо ругнувшись, он встретил мечом удар первого

стражника, затем пнул нападавшего в колено. Когда второй попытался защитить своего товарища, Гарт отступил в спальню.

Не взглянув на Мастера Эремиса, он нырнул в гардероб.

— За ним! — заорал Мастер Эремис стражникам. — Этот ход ведет в комнаты Хэвлока! *Вперед!* Я вызову подкрепление!

Териза заметила, что стражники, приблизившись к гардеробу, заколебались. Похоже, они не хотели встречаться с Бретером верховного короля в узком месте. Или, быть может, не собирались вторгаться в личные покои Адепта Хэвлока — особенно если, как намекал Мастер Эремис, Адепт был в сговоре с Гартом.

Мастер Эремис тяжело поднялся с постели и прошел в гостиную. Пламя камина и веселье играли на его лице, но Териза подумала, что никогда раньше он не выглядел таким опасным. Мастер быстро приблизился к Джерадину и ткнул его пальцем в грудь.

— Я собираюсь созвать Гильдию. — Лицо его было веселым, но тон яростным. — Ты ответишь мне за все перед Мастерами, мальчик.

— Нет, — неуверенно возразил Джерадин. — Они самораспустились.

Мастер Эремис хмыкнул.

— И снова ты ошибаешься. По распоряжению короля Квилон вновь собрал Мастеров вместе.

И, помахивая перед носом Джерадина мантией, словно мулетой, он покинул комнату.

Болезненная гримаса исказила черты Джерадина, словно его пнули в живот.

Териза опустилась прямо на пол. Глухой топот сапог стражников доносился из гардероба, но она не слышала ничего, что походило бы на звон клинков.

25. Мастер Эремис серьезен

— С тобой все в порядке? — спросил Джерадин. Но в его голосе не было сочувствия.

Териза сидела на ковре, скрестив ноги, и хлопала себя ладонями по щекам, чтобы хоть как-то собраться с мыслями. Она ничего не понимала: происходившее не имело смысла. Мастер Эремис. Гарт. Что они хотели сделать с ней?

— Териза?

Ну почему Джерадин так зол на нее? Он ведь был ее другом. Почему же он слеп к ее боли?

— Он ранил тебя?

Он ее друг. Видимо, у него была причина так рычать на нее... Она пыталась сосредоточиться. Повсюду в комнате были следы катастрофы. Ей нужно *подумать*.

Тяжелые сапоги застучали по камню. Три стражника ворвались комнату с мечами наперевес. Наверняка их направил сюда Мастер Эремис. Однако, оказавшись на месте, они в нерешительности остановились, осторожно водя перед собой клинками, пока Джерадин не рявкнул:

— Здесь в спальне есть гардероб, а в нем — тайный ход.

И они бросились туда. Стенки гардероба тряслись, когда они пробирались внутрь.

Как много разных видов боли слилось в одну? Ноющая боль от твердых рук Мастера Эремиса на шее. Скребущая печаль в тайниках ее сердца. Острая боль в груди, когда Джерадин всякий раз обращался к ней таким сдержанным и горьким тоном. И тупая боль в голове, как от побоев.

И где-то еще — в каком-то неуловимом месте — теплилась новая уверенность, такая же острая, как нож. Больше всего страданий причиняла именно она, потому что у Теризы не было для нее имени.

— По крайней мере, — с глупым видом сказала Териза, — теперь нам известно, что он и Гарт — не вместе.

— *Териза.* — Это слово кричало внутри него, но Джерадин произнес его шепотом.

Прежде чем она ответила, раздался новый голос.

— Не мучай себя, Джерадин, — сказал из дверного прохода Смотритель Леббик. Еще четверо стражников проскочили за его спиной и скрылись в гардеробе. — Она того не стоит.

Териза встала на ноги, чтобы не выглядеть жалкой перед Смотрителем.

Джерадин прислонился спиной к стене, сложив руки на груди. Его лицо напоминало каменную маску. Огонь камина отражался в его глазах; в них было такое же безразличие, как в глазах горячечного больного.

— Оставьте свои оскорбления при себе, Смотритель, — огрызнулся он. — Мы в них не нуждаемся.

Леббик вопросительно вскинул бровь.

— Хорошо. Давайте так: я буду вежливым, а вы — будете помогать мне. Поменяемся для разнообразия. Что случилось?

Джерадин как будто уменьшился, стиснутый собственными руками.

— На нас напали. Бретер верховного короля снова пытался убить ее.

Губы Смотрителя растянулись в улыбке, обнажая зубы.

— И вы до сих пор живы? Как же вам это удалось?

— Нас спас Мастер Эремис. Он сражался с Гартом, пока не подоспели стражники.

— Мастер Эремис? А что он здесь делал?

Джерадин поморщился, не глядя на Теризу.

Она встретилась взглядом со Смотрителем.

— Пришел повидаться со мной.

— И вы всегда принимаете его в таком виде?

От стыда она прикусила губу. Стыд оказался еще одной болью. Каким-то образом ей удалось вымолвить:

— Он пришел, когда я спала.

Смотритель повернулся к Джерадину.

— Из этого я могу сделать вывод, что Мастер Эремис здесь — желанный гость. Но в таком случае, что *вы*, Джерадин, здесь делаете? Я сильно сомневаюсь, что кто-то из вас двоих пригласил с собой другого.

— Когда я собирался войти, — сказал Джерадин, бледный как стена, на которую он опирался, — стражники сказали, что она одна. Вы не хотите знать, как попал сюда Мастер Эремис? Вы не хотите знать, как попал сюда Гарт?

— Ну, я слушаю.

— Оба они воспользовались тайным ходом в ее гардеробе.

Смотритель Леббик с шипением выдохнул сквозь плотно стиснутые зубы:

— О небо! А откуда они могли узнать про него?

— Саддит и Мастер Эремис — любовники. Саддит вызвалась быть служанкой Теризы ради Мастера Эремиса. Она заметила кресло в гардеробе и сказала об этом ему. Я предполагаю, что он сообщил о нем Гарту.

— Секундочку. Вы говорили, что Мастер Эремис спас вас. А сейчас вы утверждаете, что он в сговоре с Гартом?

— А откуда еще Гарт мог узнать о ходе? — резким тоном возразил пригодник. — Кто еще из тех, кому это было известно, мог сообщить ему? Знали только я, Териза, Саддит и Мастер Эремис. И вы, Смотритель. Даже Артагель не знал о нем.

Териза невольно подумала, что о ходе знала Мисте.

Прижав стиснутые кулаки к бокам, Смотритель прохрипел:

— Ну хорошо. Раз Гарт знал о нем, то почему он давным-давно не воспользовался им, чтобы убить ее?

— Сначала он о нем не знал, — сказал Джерадин. — Саддит сообщила Мастеру Эремису, где Териза поселилась, но больше ничего ей известно не было. Я не знаю, когда она обнаружила ход. И не знаю, когда ей удалось рассказать о нем Мастеру Эремису. К тому же я не могу даже предположить, чем вообще занимается Гарт и насколько он занят. Но я

думаю, Мастер Эремис решил, что позволит ей жить, потому что хочет обладать ею. Он не говорил Гарту о ходе, пока армия Аленда не появилась под стенами и у них стал ощутим недостаток времени.

Внезапно Смотритель Леббик повернулся к Теризе.

— Это правда? Вы действительно были чем-то полезны Мастеру Эремису, чтобы он хотел сохранить вам жизнь, на самом деле желая вашей смерти?

От его тона Териза вздрогнула. Ей стала понятна боль Джерадина и причины его странного поведения. Тем не менее она взглянула на Смотрителя.

— Он спас нас. — Она испытывала бы уверенность, если бы не... — Он сказал, что заставит отвечать Джерадина за это перед Гильдией.

Она не была подготовлена к ярости, с которой Смотритель прохрипел:

— Сука!

К счастью, он слишком быстро повернулся к Джерадину и не увидел, как она содрогнулась.

— У меня есть несколько вопросов. Я хочу знать, откуда такая осведомленность в том, что говорит и чего не говорит Саддит своим любовникам. И я хочу знать все то, что вы мне еще не сказали.

Однако случилось так, что вы составляете не единственную проблему, требующую моего внимания. Мне приходится беспокоиться и обо всем остальном Орисоне. Поэтому я подожду до собрания Гильдии.

Когда мои люди вернутся, не найдя Гарта, скажите им, чтобы они немедленно явились ко мне.

Смотритель Леббик направился к двери и покинул комнату.

Териза повернулась к огню, избегая смотреть на Джерадина. Он был такой опечаленный... И почти все, что он думал о ней, было правдой. Он спас ее от ее собственной слабости. Мастер Эремис требовал то, что принадлежало ему, и у Теризы не было сил сопротивляться. И даже готовая противостоять Мастеру Эремису, она не могла бороться с ним. Стыд, казалось, деморализовал ее; ее угнетала боль, которую она причиняла другому.

Но в то же время трусость вызывала в ней отвращение. Джерадин при любых обстоятельствах, даже самых непредсказуемых и опасных, делал для Теризы все, чего бы она ни пожелала. Она заставила себя обернуться и встретиться с ним взглядом.

— Джерадин, я...

Он ничуть не изменил позу. Темно-серый свет из окон и слабый красный свет камина лежали на его окаменевших чертах. Ни один мускул не шевелился. Глаза были закрыты.

Это из-за нее он страдает. Он видел ее почти обнаженной перед Мастером Эремисом. Он видел, как Мастер ласкал ее.

Териза обессиленно спросила:

— Что же мы будем делать?

Он не открывал глаз. Видимо, взгляд на нее не улучшил бы его настроения. Когда он заговорил, голос его дрожал, как будто Джерадин насквозь продрог.

— Я хочу знать, на чьей ты стороне. Ты можешь не говорить мне больше ничего. Ты и сама способна сделать выбор. Я не могу диктовать, кого тебе следует любить. Однако я собираюсь предстать перед Мастерами и сказать все что думаю. Они вряд ли захотят поверить мне. Я провел с ними слишком много лет и совершил множество ошибок.

Ты — мой единственный свидетель. Ты единственная можешь подтвердить им, что я говорю правду. Но если ты собираешься назвать меня лжецом... — Он не смог закончить фразу.

Она хотела ответить тотчас же, но смятение помешало ей произнести что-либо. Что она может сказать? Никакие слова не могли передать это.

Но она была не в силах вынести повисшую тишину и едва выдавила из себя ответ:

— Я не приглашала Мастера Эремиса сюда. Он пришел, когда я спала. Вот почему я одета таким образом. Он хотел, чтобы я сделала выбор между ним и тобой.

Мускул дернулся на скуле Джерадина, словно его больно ударили.

— Мне казалось, что он единственный человек в Орисоне, который может спасти Мордант. У него есть способности для этого. — Лимит ее честности оказался исчерпанным. — Но я выбрала тебя.

Джерадин внезапно открыл глаза. Его лицо выражало изумление и подозрительность. Голос все еще дрожал.

— Твой халат был распахнут.

— Он сделал это. Не я.

Долгое время пригодник оставался неподвижным, но Териза видела, как он преображается. Он не улыбался; он еще не был готов к этому. Но возможность радоваться восстановилась.

Джерадин медленно убрал руки с груди. Медленно протянул руку к Теризе и провел пальцами по ее щеке, словно вытирая слезинку, которой не было.

Она больше не могла сдерживать себя и крепко обняла его, словно только это могло избавить ее от стыда.

 И в его объятии была такая же жажда утешения.

Вскоре из хода в гардеробе выбрались девять стражников. Они не нашли ничего такого, о чем можно было бы доложить.

Серый вечер сменил серые сумерки. Вокруг всего Орисона под ветром полыхали костры. Палатки, расположенные кругами, выглядели холмиками на голой земле. Даже осадные машины казались совсем маленькими в этом свете и на таком расстоянии. Ветер беспрерывно стучался в окна Теризы, и атмосфера вокруг становилась все более гнетущей.

Поздний вечер привел к ней еще одного нежданного визитера: портной Миндлин принес ей заказ. Он хотел устроить вторую примерку, желая удостовериться, что она довольна, — видимо, надеялся, что ее мнение о нем будет иметь какой-то вес после снятия осады, — но Териза просто приняла обновки и отослала его.

В четвертый или пятый раз она сказала:

— Нам нужно что-то *делать*.

Джерадин вздохнул.

— Мне знакомо подобное чувство. Но что-то у меня туговато с идеями.

Она пыталась облечь свою убежденность в слова, чтобы хоть таким образом принести какую-то пользу. Это непременно удастся, сказала она себе и отмела все колебания.

— Ты хотел побеседовать с Артагелем, но у тебя не было возможности. Почему бы тебе не сделать это сейчас?

Предложение удивило его.

— И чем это нам поможет?

— Может быть, ты почувствуешь себя лучше.

— А ты думаешь, у меня не будет другой возможности? Ты думаешь, мой брат забыл, как я сунул другого брата в подземелье?

Териза не могла сдержать улыбку.

— Этого я не говорила.

— Тебе и не нужно было это говорить. — Ему все же передалось ее настроение. — Я сказал это вместо тебя.

— Ну, сказал — и ладно. Если тебе кажется, что эта мысль настолько ужасна... — она широко улыбнулась, — то, боюсь, мне придется извиниться за то, что я подала ее тебе.

— Нет, нет, — сдался Джерадин. — Все что угодно, только не это. Я займусь этим. — Но его игривое настроение почти мгновенно улетучилось. — Ты хочешь пойти со мной?

Она покачала головой.

— А что ты собираешься делать?

— Я постараюсь придать смысл всему остальному. Каким-нибудь образом.

Он пристально посмотрел на нее и насмешливо-наставительным тоном заметил:

— Миледи, у меня такое предчувствие, что вам это удастся.

— Ох, скорее уходи отсюда, — ответила она, — пока я действительно не начала извиняться.

Когда он вышел, Териза надела новый теплый костюм для верховой езды и зимние сапоги, потому что предпочитала такую одежду женскому платью, и направилась к королю Джойсу.

У нее не было четкого плана. Она просто хотела, чтобы он вмешался и защитил Джерадина.

Пока Териза поднималась по лестнице в королевские апартаменты, память все настойчивее возвращала ее к последней беседе с королем, когда она лгала ему. Ей до сих пор было непонятно, как он узнал, что она помогла Мисте ускользнуть из Орисона. Прежде чем Териза дошла до его двери, она несколько раз порывалась вернуться.

Но опасность, нависшая над Джерадином, заставляла ее идти. Пусть король Джойс не сделает ничего ради нее, или ради сына Домне, или ради Морданта, но он хотя бы ответит на мучившие ее вопросы, и она сможет помочь Джерадину. Даже если ей придется дорого заплатить за это.

А если король откажется от свидания с ней, она может поговорить с Тором.

Стражники у двери салютовали ей. Пытаясь сохранять спокойствие, Териза спросила, примут ли ее. Один стражник остался у двери, а второй прошел внутрь. Через минуту Териза получила позволение войти.

Сердце ее бешено колотилось, когда она вошла в богато украшенную комнату и уставилась на трех человек, по-дружески собравшихся у камина.

Король Джойс полулежал-полусидел в кресле, положив ноги на каминную решетку. Его пурпурная мантия явно была свежевычищена, а щеки — свежевыбриты; не столько поза, сколько его решительное лицо свидетельствовало о готовности действовать.

Тор же, напротив, выглядел не столь выигрышно. Он сидел, как бы задавленный тяжестью собственного жира. Его плоть, так же как его плащ, растекалась по подлокотникам кресла; зеленое сукно плаща было в пятнах от вина. Его усталое лицо обвисло, как мокрое белье. Можно было подумать, будто он настолько погружен в планы защиты Орисона, что совершенно забыл о себе.

Между двумя старыми друзьями сидел Королевский Подлец. Адепт Хэвлок выглядел еще более неухоженным и заброшенным, чем обычно, в своей грязной хламиде, с торча-

щими в разные стороны клочьями волос и безумным несфокусированным взглядом.

Все трое держали в руках высокие изящные кубки.

Все трое повернули головы в сторону Теризы, когда о ней было объявлено. Тор смотрел на нее словно сквозь завесу усталости и винных паров. Адепт Хэвлок принялся жадно облизывать губы. Король Джойс кивнул, но не улыбнулся.

Териза надеялась, что он улыбнется. Она почувствовала бы себя лучше, увидев его солнечную улыбку.

Король небрежно приветствовал ее; по его тону она поняла, что он в изрядном подпитии.

— Миледи, присоединяйтесь к нам. — Его щеки были красными, с царапинами от бритья, но под румянцем кожа выглядела бледной. — Налейте себе немного вина. — Он кивнул в сторону кувшина и нескольких бокалов, стоявших вдоль стены. — Это довольно приятное... прекрасное вино из... — Он задумался. — Откуда, ты сказал, было доставлено вино? — спросил он Тора.

— Из Ростурма. Маленькой деревушки на границе Термигана и Домне, где младенцы пьют вино вместо грудного молока и даже дети могут сделать его из винограда. Ростурмское вино.

Король Джойс снова кивнул.

— Ростурмское вино, — сказал он Теризе. — Присоединяйтесь. Мы как раз празднуем.

Она стояла посреди толстого сине-красного ковра и старалась держать в поле зрения всех троих одновременно.

— И что же вы празднуете?

Адепт Хэвлок хмыкнул.

— Что мы празднуем? — Голос Тора звучал уныло. — Мне казалось, мы горюем.

— Горюем? Мой старый друг, — король Джойс ласково посмотрел на Тора, — чего ради? Это празднование, поверь мне.

— А, ну конечно, мой владыка король. — Тор махнул рукой. — Празднование. Я оговорился. — Его печаль была очевидной. — Алендский монарх окружил Орисон. Твоя дочь отравила нашу воду. Пока мы сидим здесь, люди Вердона умирают, сражаясь безо всякой надежды против Кадуола. И королевский воплотитель Адепт Хэвлок... — он вежливо кивнул в сторону Хэвлока, — ...сжег единственную возможность выяснить, где — и кто — наш главный враг. У нас есть повод для празднования, раз уж нам не осталось ничего, кроме как печалиться.

— Глупости, — мгновенно ответил король. Хотя его лицо было мрачным, он, похоже, пребывал в хорошем настроении. — Все не так уж безнадежно, как ты думаешь. Леббик неплохо разбирается в осадах. У нас достаточно ростурмского вина, вода нам не нужна. Поняв, что мы не дадим ему подкрепления,

Вердон отодвинется и пропустит Фесттена. И, таким образом, убийства прекратятся.

Он, казалось, не обращал внимания на то, что его слова звучат недостаточно убедительно.

— А смерть арестованного? — мрачно спросил Тор.

Король Джойс пропустил эту реплику мимо ушей.

— Кроме того, у нас есть повод для празднования. К нам пришла леди Териза. Разве не так, миледи? — спросил он Теризу и снова обратился к Тору: — Если я не ошибаюсь, она пришла к нам рассказать, как она все-таки нашла путь к спасению. Ход, спасающий от пата.

И снова Адепт Хэвлок хихикнул.

Териза была ошеломлена. *Спасение?* Ход, спасающий от *пата?* Неужели король считает, что все это — просто огромная игра в перескоки? Тогда все они обречены.

К счастью, она вспомнила о причине, приведшей ее сюда, прежде чем ею окончательно овладела паника. Джерадин. Это было крайне важно. Джерадин.

— Я не хочу ничего знать о патах. Или ходах. — Ее тон был слишком дерзким. Териза сделала над собой усилие и смягчила его. — Мой владыка король, я пришла потому, что беспокоюсь о Джерадине. Мастер Эремис хочет уничтожить его перед лицом всей Гильдии.

Король Джойс изобразил вежливое непонимание.

— *Уничтожить* его, миледи?

— Они с Мастером Эремисом собираются обвинять друг друга в предательстве Морданта.

— Понятно. И вы не считаете это патом?

— Нет. — Она не поддастся. Она старательно разыграет эту партию. — Нет, мой владыка король. Гильдия поверит Мастеру Эремису. — Теперь у нее уже не оставалось сомнений. — А он лжет.

Тор посмотрел на нее более пристально. Адепт Хэвлок ухватил свое кресло, повернул и снова плюхнулся в него, чтобы сидя наблюдать за ней.

Но король Джойс не отрываясь смотрел в огонь.

— Мастер Эремис? — спросил он так, словно потерял к этому разговору всякий интерес. — Лжет? Это было бы рискованно. Он ведь может быть уличен во лжи. Только невиновные могут позволить себе лгать.

— Миледи, — спокойно сказал Тор, — такие обвинения — вещь слишком серьезная. Мастер Эремис человек с авторитетом. Гильдия должна получить серьезные доказательства, чтобы признать виновным кого-то из своих по обвинению какого-то пригодника-неудачника. Почему вы считаете, что Мастер Эремис лжет?

Она открыла рот и тут же закрыла его. Что она может сказать? Та информация, что застряла у нее в голове, никак не хотела излагаться коротко. Что-то сказанное Мастером Эремисом... или сделанное?.. Или это был Джерадин?

И Териза честно призналась:

— Я затрудняюсь объяснить это.

— Понятно, миледи. — Старый лорд перевел взгляд на огонь. — Вы просто верите Джерадину. Это вполне простительно. Я и сам ему верю. Но я не могу вам ничем помочь. Я уже больше не советник моего владыки короля.

«Что?»

Адепт Хэвлок скалился в ее сторону.

Король Джойс вздохнул и откинул голову на спинку кресла.

— Мой старый друг чуть не свел себя в могилу, занимаясь делами Орисона. Он никак не хотел признавать, что уже не молод. К сожалению, это все же правда.

— Мой владыка король, — пояснил Тор, — дал приказ, чтобы мне не подчинялись. Разве только для того, чтобы позаботиться обо мне самом. С появлением алендской армии моя власть кончилась. — Он хмыкнул. — Вы можете себе представить радость Смотрителя Леббика. Если помните, у него было подозрение, что я могу оказаться предателем. Хотя мой владыка король и не говорит этого прямо, мне кажется, он снял меня с должности на тот случай, если подозрения доброго Смотрителя оправдаются.

Услышав это, король Джойс дернул головой. Его водянистые глаза внезапно стали проницательными, рот скривился. Он ничего не ответил Тору и, глядя на Теризу, спросил:

— Так чего же конкретно вы хотите, миледи?

Она изумилась; в этот миг все ее мысли были заняты сочувствием старому лорду.

Едва не заикаясь, Териза сказала:

— Джерадин не сможет оправдаться перед Мастерами. Эремис затопчет его в грязь. Вы должны остановить их. Не допустить этого.

— Но что, если Мастер Эремис говорит правду? — спросил король с коварством в голосе. — В таком случае Джерадин заслуживает ареста и наказания.

— Нет. — Териза потеряла способность соображать. Это было настоящее безумие. — Вы сами не верите в это.

Король Джойс пришпилил ее взглядом и произносил слова, словно забивал гвозди.

— Дело не в этом, миледи. Не в нем я сомневаюсь в настоящий момент. В вас.

Териза заморгала. Ее сердце снова тяжело забилось, разнося по всему телу тревогу.

— Почему?

— Вы удивлены? Вы недооценили меня. А ведь я предупреждал вас, что эта игра — опасна.

После нашей беседы я приказал обыскать комнаты Мисте. Она не взяла с собой никаких личных вещей — ничего, напоминающего о детстве, ни единого из своих любимых подарков. Если бы она отправилась к своей матери, то прихватила бы все, что смогла унести.

Вы солгали мне, миледи. Вы лгали *мне* о моей *дочери*.

У Теризы похолодело в груди. Оба, Тор и Хэвлок, пялились на нее так, словно она прямо на их глазах превратилась в страшилище.

— Так куда же она на самом деле направилась?

Именно этого Териза и боялась; король Джойс уличил ее во лжи. Опасность лжи она познала еще будучи ребенком.

Попытка обмана была связана у нее с острыми ощущениями; боязнь быть наказанной заставляла ее дрожать от любого проявления родительского раздражения. И она хорошенько усвоила, что наказание будет ощутимее, если ее поймают на лжи.

Самым простым способом защиты было нападение, и Териза предприняла его — теперь они должны были ей что-то объяснять, а не она.

— Откуда вы знаете, что она пришла ко мне? Вы что, шпионите за собственной дочерью?

Адепт Хэвлок снова передвинул свое кресло к огню, сел и принялся щелкать пальцами.

Король продолжал смотреть на нее. Она встретилась с ним взглядом, потому что побоялась не делать этого. И внезапно он сам отвернулся от нее.

— Вас предупреждали, — пробормотал он. — Помните об этом. Вас предупреждали.

Милорд Тор, будьте так добры, вызовите стражников. Я хочу, чтобы эту женщину заточили в подземелье и она оставалась там до тех пор, пока не соизволит сказать мне правду о моей дочери.

— Нет! — Крик вырвался из нее, прежде чем она успела сдержать себя. — Я скажу вам. Я скажу вам все что угодно. Джерадин нуждается во мне. А если меня не будет, ему придется предстать перед Гильдией одному.

Никто из присутствующих не смотрел на нее. Тор опустошил свой бокал, но не потрудился наполнить его снова.

Териза глубоко вдохнула и на секунду закрыла глаза.

— Она отправилась вслед за Воином. Она считала, что он нуждается в помощи. — Териза с трудом сглотнула. — Простите.

К ее изумлению, на лице короля Джойса мелькнула улыбка. Но в следующее мгновение он уже был печальным и снова откинул голову на спинку кресла, чтобы отдохнуть.

— Было бы вполне уместно еще выпить вина, как вы считаете? — заметил он, глядя в потолок.

Тор, казалось, еще глубже утонул в кресле.

Со странным хрюканьем Адепт Хэвлок выплеснул свое вино в огонь. Пока оно шипело и горело, он отшвырнул бокал за спину, чуть не попав в Теризу.

— Развратом, — глубокомысленно изрек он, — трудно заниматься в одиночку.

— Миледи, — выдохнул король так, словно зевал и собирался сейчас уснуть. — Я не *знал*, что Мисте приходила повидаться с вами. Я *сделал вывод*, что так должно было произойти. Будь вы более честны, я бы верил вам больше. Вы могли бы уже и сами начать делать какие-то выводы.

Териза ожидала, что он разозлится и обрушится на нее с обвинениями. Этого не произошло. Остатки предубежденности покидали ее. Очередной удивительный факт лишал ситуацию смысла. Мисте делала нечто, содержавшееся в предсказании Хэвлока относительно короля Джойса. Может быть, поэтому ложь так разозлила короля, а правда заставила его улыбнуться?

— Я не понимаю, — слабо прошептала она. — Неужели все это вас нисколько не волнует?

Король Джойс протянул слабую руку и толкнул Адепта Хэвлока, который, в свою очередь, толкнул Тора.

— Милорд, я вроде бы сказал: «Еще вина...»

Тяжело вздохнув, Тор оторвал свою массу от кресла и направился к кувшину.

— Вы хотели, чтобы я начала «делать выводы». — Териза с трудом сохраняла спокойствие. — Но вы хотя бы намекните мне, относительно *чего* я должна делать выводы? Возможно, Мисте уже мертва. Если ее не свалил холод и не убил Воин, это сделал огненный кот. А вы ведете себя так, словно единственная ваша забота — чтобы она не отправилась к своей матери.

— Нет. — Голос короля звучал печально, но в нем не было гнева. — Я беспокоюсь лишь о том, чтобы мне не было стыдно за ее поступки.

Словно эхо, до Теризы доносились слова Смотрителя Леббика, обращенные к принцу Крагену в качестве ответа короля Джойса: «И куда бы она ни направилась, с ней пребывает моя гордость. Ради нее и ради себя я надеюсь, что добрые побуждения принесут добрые плоды».

Ей хотелось завыть: «Но ведь это не имеет никакого *смысла!* Элега предала вас! Мисте скорее всего мертва!» Но слова застряли у нее в горле, да и все равно слова здесь были бессильны. Мысль о том, что она не сможет поддержать Джерадина, доводила ее до истерики, вызывала тошноту.

Тор наполнил кубок короля и свой и снова плюхнулся в кресло.

— Леди Териза не знает, что и думать, — промолвил он отстраненно. — Было бы благородно с вашей стороны, мой владыка король, если бы вы немного успокоили ее.

Король Джойс снова поднял голову и нахмурился, как бы готовясь сказать Тору нечто желчное.

Но вместо этого он хрипло произнес:

— Ну хорошо, — и через плечо обратился к Теризе: — Причина, по которой я приказал Джерадину ничего не рассказывать вам, когда вы впервые появились здесь, была та же, по которой я не стал вмешиваться, когда Мастера решили воплотить своего Воина. Та же, по которой я не собираюсь вмешиваться и сейчас. Я пытаюсь спасти вас. Вас обоих.

— Спасти нас! — Териза была слишком возмущена, чтобы сдержаться. — Неужели можно спасти меня, полностью меня игнорируя? Неужели именно ради нашего спасения было допущено воплощение этого Воина? Мы ведь оказались заживо погребены. Я чуть не сошла с ума. Неужели можно спасти Джерадина, позволяя Мастеру Эремису уничтожить его? Все это кажется мне по меньшей мере глупым.

Король отвернулся от нее и в бессилии развел руками.

— Ну, видишь? — обратился он к Тору. — Она не хочет делать никаких выводов. — И сказал с горечью: — Вы ведь до сих пор живы, не так ли? А вам не приходило в голову, насколько ничтожны были ваши шансы в самом начале, когда вы только попали сюда? Лучшие умы здесь считали, что вы оба не протянете и трех дней. Некоторая глупость — не слишком большая цена за ваши жизни.

Териза уставилась на его затылок с открытым ртом, словно он внезапно убрал из комнаты весь воздух.

— «Лучшие умы»! — воскликнул Адепт Хэвлок, как будто выступая перед толпой поклонников. — Это он обо мне. Обо *мне.*

— Если бы я принял вас с распростертыми объятиями, — продолжал король Джойс, — мои враги могли бы понять, насколько вы опасны. И приложили бы куда больше усилий, чтобы убить вас. — Его голос звучал по-старчески глухо, и было невероятно трудно поверить, что он способен на вещи, о которых говорит. — И пока они считали, будто я не интересуюсь вами — из-за того, что слишком туп, или потому, что впал в старческий маразм, — они могли позволить себе выжидать, что

получится. В первую ночь Гарт совершил нападение на вас исключительно потому, что мои враги не успели узнать, что я принял вас не слишком приветливо. Но как только разошелся слух, что я не считаю вас своей союзницей, нападения Гарта на какое-то время прекратились.

Того, что я уже рассказал, вам достаточно?

Его вопрос застал ее врасплох. Преодолевая нерешительность, она задала встречный:

— Вы хотите сказать, будто причина, по которой вы не намерены помогать Джерадину, — это нежелание показать врагам, что он вам друг, а иначе они приложат больше усилий для его убийства?

— Я хотел сказать гораздо больше, — буркнул король. — Если бы я позволил ему рассказать вам все, что он знает, то обрек бы вас обоих на смерть. Мои враги восприняли бы это как знак, что вы — на моей стороне. *Теперь* вы удовлетворены?

— Но что?.. — Это было выше ее понимания и лишь усугубляло ее смятение. Какая-то запутанная шарада. — *Кто* ваши враги? Почему вы не можете защитить любого, кого вам нужно, в вашем же замке? — В ее воображении мелькнули Джерадин и Мисте, Элега и королева Мадин, Мастер Барсонаж и даже Смотритель Леббик, все растерянные и опечаленные. — *Почему вы вынуждаете всех преданных вам людей считать, что все происходящее вас не заботит?*

— Миледи. — Его тон был уже не столь снисходительным, слова казались холодными и острыми как лед. — Если бы в мои намерения входило отвечать на эти вопросы, я сделал бы это уже давно. Из чистой вежливости я и так уже рассказал вам гораздо больше, чем считаю разумным. — Подобно Джерадину он стал обращаться к ней более официально, чтобы дать лучше почувствовать свой авторитет. Несмотря на годы, его голос сохранил способность хлестать. — Я советую вам делать выводы и *молчать*, миледи. Вы не удлините себе жизнь, если начнете рассказывать всем подряд о том, что сейчас услышали.

Не глядя в ее сторону, он сказал:

— Вы можете идти.

— Но?.. Но?.. — Она знала, что ей следовало быть сильнее, потребовать более удовлетворительного объяснения. Но то, что она хотела спросить, не могло пробиться через заслоны в ее сознании. У нее не было причин оставаться здесь. Король Джойс знал, что делает, — и делал это совершенно намеренно. Он был пассивным и не реагирующим ни на что, потому что преследовал какую-то цель. Обижал людей, которые любили его, с этой же целью. Но с какой? Это было невозможно представить. Он...

— Миледи, — повторил король, — вы можете идти.

— Миледи, очень неумно не подчиняться воле короля, — печально произнес Тор. Он говорил так, словно знал об этом по собственному опыту.

Усилием воли Териза подавила в себе упорное непонимание. От этого в ней пробудилась ярость и злость, но она сохранила контроль над собой.

— Благодарю вас, милорд Тор, — сказала она жестко. — Мой владыка король, прошу простить меня. Я лгала вам о Мисте потому, что она доверилась мне. Она боялась, что кто-то сможет остановить ее. Она просила у меня защиты. Я лгала вам, потому что не была убеждена, что вы позволите ей уйти.

Ни один из трех мужчин не смотрел на нее. Они уставились на огонь, словно полностью исчерпали на сегодня свой запас слов. Когда она была у двери, король Джойс тихо выдохнул:

— Спасибо вам, миледи.

Она вышла, как будто спасалась бегством.

Джерадин пришел в ее комнаты составить компанию для ужина.

На его лице проступали одновременно чувства облегчения и ужаса. От беседы с Артагелем он окреп духом; но предстоящее собрание Гильдии лежало на нем свинцовым грузом. Хорошая новость, по его словам, заключалась в том, что Артагель шел на поправку после ранения. И продолжал оставаться его другом. Плохой новостью было его недостаточное выздоровление, чтобы появиться перед Мастерами для защиты своего брата.

— И когда будет собрание? — спросила Териза.

— Мне это не известно, и я не знаю, какого рода магистром будет Мастер Квилон. Мне казалось, у него недостаточно авторитета для созыва собрания. Но сейчас... — Джерадин пожал плечами.

Он напряженно выслушал ее рассказ о встрече с королем, Тором и Адептом Хэвлоком. К несчастью, это ничего не меняло.

— Ты знаешь, — заметил он, немного подумав, — все это могло бы оказать нам огромную услугу, если б мы хоть немного понимали нашу ценность.

— Не уверена. — В ее словах были горечь и разочарование. — Мне не доставляет большого удовольствия тот факт, что король Джойс действительно нам друг, — ведь он не хочет афишировать это из боязни риска. Для чего же тогда друзья, если они относятся к нам так же, как враги?

Он медленно кивнул, но это не означало полного согласия с ней.

— Самое главное — надежда. Король говорил, будто для таких его действий существуют какие-то причины. —

Настроение Джерадина начало улучшаться, тогда как у нее становилось все хуже. — И если существуют причины, мы можем по меньшей мере *надеяться*, что они веские.

— С другой стороны, — заметила она, — посмотри, как он обращается с Тором.

Джерадин нахмурился.

— Ты слышала, как король Джойс сказал, что его действия «не поддаются предсказанию». Вероятно, есть опасность, что он способен принимать решения, противоречащие королевским планам. Поэтому король Джойс и старается держать его под контролем.

Но вскоре он добавил мрачно:

— Мне не нравятся планы, которые могут причинить страдания Тору.

— И мне тоже, — сказала Териза.

Еще через какое-то время он произнес уже с юмором:

— Плохо лишь то, что никого не волнует наше мнение об их планах.

«Черт бы тебя побрал, Джерадин, ты снова начинаешь радоваться жизни. Я этого не понимаю».

Несмотря на то что настроение его улучшилось, он даже не улыбнулся, когда один из юных пригодников постучал в дверь и сообщил, что Гильдия ожидает его. Когда пригодник вымолвил слово *немедленно*, Джерадин от изумления широко открыл глаза.

— Быстро же они собрались, — пробормотал он Теризе. — Мастер Эремис умеет оперативно действовать.

Юный пригодник избегал смотреть прямо на Джерадина.

— Леди Териза не приглашена.

— Леди Териза, — фыркнула она, — тем не менее явится.

Пригодник даже не взглянул на нее.

Джерадин попытался изобразить на лице одну из боевых улыбок Артагеля; но она получилась какой-то вымученной и придавала ему несчастный вид.

— Пошли, пройдем скорее через все это.

Вместе они последовали за юным пригодником через Орисон в рабочие помещения.

Териза не сознавала, что сжимает руки в кулаки, пока косточки пальцев не заныли от боли.

Хотя на ней было теплое платье, миновав заброшенный бальный зал и спускаясь в вотчину Мастеров, она почувствовала холод. Новая стена Смотрителя Леббика закрывала брешь, сотворенную Воином, но не наглухо. От сильного ветра на дворе в коридорах гулял сквозняк, и Териза пожалела, что не надела полушубок.

Если Джерадин и ощущал холод, то не показывал этого. Он был слишком рассеян. Когда они вошли в рабочие помещения, он подтянулся. Большую часть жизни он провел здесь, среди этих комнат и коридоров, пытаясь занять достойное место, и то, что он не преуспел в этом, теперь отягчалось обвинением его в предательстве.

Териза чувствовала, как в ней разрастается гнев.

Юный пригодник отвел ее с Джерадином в ту часть рабочих помещений, где она никогда раньше не была, — Мастера избрали для своих заседаний эту комнату после того, как Воин разрушил зал.

В сравнении с тем залом комната казалась маленькой, но места в ней было более чем достаточно. Большая прямоугольная комната, выкрашенная под цвет камня или высеченная в нем, с шероховатым полом, со множеством черных металлических скоб на стенах, производила впечатление склада, раньше служившего для хранения пыточного инструмента. Здесь до поры до времени почивали машины для причинения боли, пока они не бывали востребованы; дыбы и железные девы убирались сюда из комнаты допросов и доставлялись отсюда обратно, оставляя следы на полу; пальцеломки и плети висели когда-то на скобах. Некоторые скобы приспособили для ламп, но большая их часть была свободна. И свободными они выглядели особенно мрачно.

Мастера уже собрались.

Они сидели на тяжелых деревянных скамьях, расположенных вдоль двух стен, и одна половина Мастеров смотрела через всю комнату на другую, словно они представляли собой два лагеря. Комната была довольно длинная, поэтому большие площади с каждой стороны не использовались. Двери находились в нескольких шагах от места, где начинались скамьи.

Два стражника охраняли дверь, через которую Териза и Джерадин вошли в комнату. Никто из Мастеров не поприветствовал пригодника хотя бы мрачным кивком.

Когда дверь закрылась, Териза внимательно осмотрела комнату. Единственным, кого она сразу узнала, был Мастер Барсонаж. С тех пор как она видела его в последний раз, бывший магистр заполучил нервный тик: одна из его толстых мохнатых бровей постоянно дергалась. Под давлением обстоятельств, из-за нерешительности и ошибок Гильдии его лицо приняло желтушный оттенок. Териза не увидела на нем ни тени надежды.

В поисках Мастера Квилона ее взгляд наткнулся на Смотрителя Леббика.

Когда она увидела его, в горле у нее внезапно пересохло.

Рядом с ним был Найл.

Брат Джерадина, уныло склонив голову, сидел возле Смотрителя, на самом краю скамейки. На нем поверх одежды был коричневый плащ. Руки он скрестил на груди, придерживая края плаща. Он не поднял глаз ни на Теризу, ни на Джерадина.

Джерадин застыл от потрясения. Его лицо ничего не выражало. Искорка живости в его чертах исчезла — спряталась или потухла, — и он сразу стал меньше, словно ужался. Он тупо уставился на Найла, и два красных пятна проступили на его щеках. Териза никогда не видела его в такой растерянности. Она испугалась, что с ним может случиться сердечный приступ.

— Леди Териза *не была* приглашена, — громко заявил один из Мастеров.

— Но ее присутствие все-таки *желательно*, — хрипло возразил Смотритель Леббик. — Не так ли, Мастер Квилон?

Похожий на кролика магистр встал, посмотрел на всех и ни на кого одновременно, затем, шмыгнув носом, ответил:

— Желательно в той же мере, что и ваше присутствие, Смотритель Леббик.

Смотритель расплылся в улыбке, более похожей на оскал.

Мастер Эремис сидел с противоположной от Смотрителя стороны.

— Нет, я даже буду настаивать, — заявил он поспешно. — Если уж Смотрителю Леббику и Найлу позволено находиться здесь, то было бы нечестно запретить появление здесь и леди Теризы. — Выражение его лица понималось с трудом. По какой-то неизъяснимой причине он казался довольным.

— Почему он здесь? — спросил Джерадин каким-то лунатическим голосом.

Все без объяснений поняли, о ком говорит Джерадин. Мастер Квилон собрался было отвечать, но Смотритель Леббик опередил его. Продолжая улыбаться, он сказал:

— Мастер Эремис утверждает, что он поможет поддержать обвинения, выдвинутые против вас.

— Найл! — тихо воскликнула Териза.

Все Мастера разом уставились на нее, но ни у одного из них, казалось, не было лица. Ни одного из них она не знала.

Джерадин подошел к ближайшей скамье и как будто рухнул на нее.

Найл крепче вцепился в свой плащ. Он не поднял головы.

— Смотритель Леббик, — сказал рассеянно Мастер Квилон, — это собрание Гильдии, а не сходка ваших стражников. У вас здесь нет власти. Вам разрешено присутствовать лишь потому, что вы отказались отпустить к нам Найла без сопровождения. Так что, пожалуйста, ведите себя тихо.

Смотритель оставил это замечание без комментариев, но всей своей позой выражал несогласие.

— Миледи, — продолжал магистр тем же тоном, — не соблаговолите ли присесть, чтобы мы могли начать?

Териза подавила в себе желание закричать. Она резко повернулась и села рядом с Джерадином.

Он выглядел настолько ошарашенным, что она прошептала:

— Что Найл может сказать про тебя?

Пригодник не ответил.

Мастер Эремис с любопытством смотрел на Джерадина, как бы намереваясь прочесть его мысли.

— Хорошо, — произнес Мастер Квилон. Он сделал один или два шажка и оказался в центре комнаты между скамьями. — Начнем.

Скамьи были очень старые, возможно, они сохранились здесь еще с тех дней, когда лорды и леди Орисона любили наблюдать за пытками пленников. Дерево было сухое и пористое, и, может быть, на нем даже сохранились пятна крови.

— Мы собрали наш совет, чтобы рассмотреть вопрос, который я не намерен хоть сколько-нибудь смягчать. — Квилон выглядел так, словно выискивал место, куда бы спрятаться, но голос его звучал уверенно. — Как всем вам уже известно, Мастер Эремис утверждает, что Джерадин — предатель. Предатель Гильдии и Орисона, короля Джойса и Морданта. Кроме того, он утверждает, что пригодник Джерадин выдвигает против него точно такие же обвинения. Мы выслушаем их обоих. Они представят на наш суд свои доводы. И все, что смогут, для их подтверждения. Нам предстоит выяснить правду.

— И когда правда станет известна, — небрежно заметил Смотритель Леббик, — настанет моя очередь.

Мастер Квилон проигнорировал его реплику.

— Этот вопрос следует решить как можно скорее. Это пятно на чести нашей Гильдии, и оно должно быть смыто немедленно. Орисон находится в осаде из-за нас, потому что мы представляем лакомый кусок для врагов короля. А нам и в лучшие времена не очень-то доверяли. Таким образом, необходимо выяснить правду. И если среди нас окажется предатель, его следует отдать в руки Смотрителя.

— Пригодник Джерадин, — магистр сверкнул глазами, — вы будете говорить первым?

Все взгляды обратились на Джерадина; один только Найл не поднимал глаз, он скорчился на скамье, словно помышлял о самоубийстве.

Териза хотела потребовать: нет, пусть Мастер Эремис начнет первым. Но слова застряли у нее в горле. Вместе

со всеми воплотителями она смотрела, как Джерадин медленно поднимается на ноги.

Пятна румянца на его щеках потемнели, будто он силился поднять слишком тяжелую ношу. Движения были скованными, неловкими. Грудь вздымалась и опускалась, словно он пытался вдохнуть поглубже и не мог. Он не смотрел на Найла; он не смотрел ни на кого. Он выглядел совершенно растерянным и был не способен изменить выражение своего лица.

— Мастера... — Джерадину пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы прочистить горло. Голос, казалось, не слушался его. Все его жизненные устремления были связаны с Гильдией. Он провел много лет, подчиняясь этим людям и уважая их. — Мы все оказались преданы. Но я не могу доказать это.

О Джерадин.

Мастер Эремис с трудом подавил желание рассмеяться.

— Вы должны попытаться, пригодник. — Слова магистра были суровее, нежели его тон. — Мастер Эремис готов представить доказательства своим словам. Вы имеете в виду Мастера Гилбура или кого-то еще?

Джерадин бесцельно кивнул и уперся взглядом в пол. Он ничего не сказал.

Териза не могла спокойно видеть его боль, в ней что-то перевернулось. Он выстрадал слишком много, слишком много пережил. А сейчас его брат причиняет ему такие страдания — сам, по своей воле. Джерадин в конце концов не выдержал давления обстоятельств.

— Это очень просто, — сказала она незнакомым голосом. — Здесь *должен* быть предатель. Кто-то еще, не только Мастер Гилбур.

Мастер Квилон повернулся к ней. Его нос дергался, но все остальное лицо оставалось неподвижным.

— Это очень просто, — бездушно повторил Джерадин. — Здесь *должен* быть предатель. Кто-то еще. — Он поднял голову. — Это должен быть кто-то другой.

Териза затаила дыхание, молясь, чтобы он продолжал.

— На Теризу четырежды нападал Гарт. — Его голос был слегка неуверенным, но пелена с глаз начала спадать. — Третий раз это произошло на базаре. Но это ничего не доказывает. Однако четвертый раз Гарт появился через тайный ход в ее комнате. Кто-то должен был сообщить ему об этом ходе.

Он остановился.

— Это правда, — заметил Мастер Эремис, словно соглашаясь с Джерадином. — Кто-то должен был сообщить ему. Я сам находился там и на себе испытал его нападение. У меня есть основания считать, что именно я был его предполагаемой жертвой.

— Мастер Эремис, — сказал магистр с неожиданной силой, — вам еще предоставят время, которое потребуется для ваших речей. Тогда и будете защищать себя. А пока пригодник будет говорить все что пожелает.

И тут вмешался Мастер с отвислым брюхом и сожженными бровями:

— Вы были там, Мастер Эремис? Как вам удалось выжить? Как вообще вы все выжили?

Улыбаясь, Мастер Эремис призвал его жестом к тишине.

Мастер Квилон невозмутимо сказал:

— Продолжайте, пригодник. Кто знал о существовании тайного хода?

Джерадин мгновенно ответил:

— Конечно же, Смотритель. Король Джойс. Его дочь. Териза. Ее служанка. И Мастер Эремис.

Териза издала сдержанный вздох облегчения, потому что он не упомянул ни Адепта Хэвлока, ни Мастера Квилона. У него было достаточно здравого смысла, чтобы сохранить это в тайне.

— И что это доказывает? — спросил магистр.

— Все знали об этом ходе давно. За исключением Мастера Эремиса. Ему стало известно о нем лишь недавно. И тотчас Гарт воспользовался этим ходом.

— Это ни о чем не говорит! — тут же выразил протест Мастер Эремис. — Как я мог общаться с Бретером верховного короля? Меня ведь не было, как вы знаете. Я ездил в Эсмерель.

Джерадин выпрямился.

— Но не это главное. — Наконец-то его голос зазвучал уверенно. Дыхание выровнялось, взгляд стал более сосредоточенным. — Главное было во втором нападении. Которое произошло, когда Мастер Эремис и Мастер Гилбур встречались с принцем Крагеном и лордами провинций.

Ярость выступила на лице Смотрителя Леббика, когда его подозрения подтвердились.

— Они *встречались?*..

Джерадин проигнорировал его реплику.

— Это снимает подозрение со всех других. Всех, кто ничего не знал об этой встрече. Мастер Эремис взял с собой Теризу. Когда встреча пошла не в нужном русле, он бросил ее на попечение принца Крагена. Гарт с четырьмя людьми появился с помощью зеркала и напал на них. Вердон и Артагель спасли их. Только Мастер Эремис мог организовать это. Он был единственным, кто знал, что Териза будет там. И только он знал, где она окажется после встречи.

Выражение насмешливого ужаса появилось на лице Мастера Эремиса.

— К тому же, — настаивал Джерадин, — он был единственным из Мастеров, кто знал, где она будет находиться в первую ночь, когда Гарт ворвался в ее комнаты, чтобы убить. Мастер Эремис любовник Саддит. Она добровольно вызвалась быть служанкой Теризы, потому что он просил ее об этом. Мастер Эремис был единственным человеком в Орисоне, который мог сообщить Гарту, где и когда можно напасть на Теризу.

Джерадин устало опустился на скамью, положив руки на колени.

Смотритель Леббик мгновенно вскочил на ноги и с опасным спокойствием произнес:

— Нечто подобное я и подозревал. Расскажите мне подробнее об этой встрече.

— И это *все*, пригодник? — спросил один из воплотителей с красным лицом и гнилыми зубами. — Вы надеетесь, что мы *поверим* в это?

— Сядьте, Смотритель, — посоветовал Мастер Квилон. — Это не имеет к вам никакого отношения.

— Что сказал Артагель? — спросил еще кто-то.

— Вот чего я никак не могу понять — это почему Бретер верховного короля хочет убить леди Теризу. Чем она опасна для Кадуола?

— Почему нам ничего не сообщили о втором нападении?

— Сколько я его знаю, он еще ни разу ничего не сделал правильно. Полагаю, все его доказательства следует воспринимать как антидоказательства.

— Козлиная отрыжка и свинячий понос! — заревел Смотритель, перекрывая шум. — *Расскажите мне об этой встрече!*

После его крика воцарилась тишина.

— Вы сделали правильное предположение, Смотритель, — заявил Мастер Эремис, не поднимаясь с сиденья. — Вердон предложил устроить встречу лордов провинций с Гильдией для обсуждения общей проблемы — бездействия нашего славного короля. Он организовал прибытие лордов в Орисон. Мастера Гилбура и меня выбрали представлять Гильдию — меня, потому что я многого от этой встречи ждал, его — потому что он возражал против нее. Я взял на себя смелость пригласить принца Крагена, веря, что целью его миссии была отнюдь не война. — Он пожал плечами. — Но ничего из этого не вышло. Файль и Термиган оказались слишком упрямыми, Тор слишком пьяным, Армигит слишком трусливым. Только Вердон и принц Краген продемонстрировали готовность искать пути к взаимопониманию.

Если допустить, что я доверенное лицо Аленда, то вряд ли могу быть слугой Кадуола. Вы не согласны?

Я не сомневаюсь, — заключил он, — что кровь, которую вы обнаружили, была кровью людей Гарта. Их тела исчезли так же, как и появились, — благодаря воплощениям. Но мы можем лишь предполагать, будто Мастер Гилбур исчез тем же способом, что и союзник Архивоплотителя Вагеля.

Объяснение было настолько близко к правде, что Териза вздрогнула. Воздух в комнате стал еще холоднее. Она засомневалась, удастся ли ей когда-нибудь согреться.

— Это был заговор, — выдохнул Смотритель Леббик сквозь зубы. — Вы устроили заговор.

— Ничего подобного, — вздохнул Мастер Барсонаж, заговорив впервые за все это время. Выглядел он глубоко опечаленным и невероятно усталым. — У нас была надежда, что лорды дадут нам основания не рисковать и не воплощать нашего Воина. И, лишь убедившись, что лорды не способны справиться с нуждами Морданта, мы рискнули провести воплощение.

— В любом случае, — сказал Мастер Эремис более резко, — это все равно не дало никакого результата. Так что вам незачем злиться, Смотритель, — вреда это не принесло. Оглядываясь назад, можно заметить, что наибольшую опасность представлял сам факт присутствия такого количества лордов — и принца Крагена — здесь в одно и то же время. Если бы Воин решил проложить себе путь в другом направлении, — Мастер Эремис шутливо закатил глаза, — он мог бы разрушить до основания весь Орисон и уничтожить всех знатных особ королевства.

Смотритель Леббик исторг несколько грубых ругательств.

— Мне хотелось бы все-таки узнать, — Териза слышала свой голос откуда-то издалека, — почему Найл считает Джерадина предателем.

Мастер с толстым брюхом буркнул:

— Миледи, ваши желания в настоящий момент нас не слишком волнуют.

Мастер Квилон жестом призвал к тишине. Затем, глядя на Леббика, он ядовито поинтересовался:

— Смотритель, мы можем продолжать? Или вы собираетесь всех нас посадить под замок, потому что мы с вами по-разному трактуем происходящее и нужды Морданта?

Смотритель Леббик снова выругался и умолк. Кипя от ярости, он сел на свое место.

Магистр почесал нос, пытаясь остановить его подергивания.

— Пригодник Джерадин, вы сообщили нам все что хотели?

Джерадин молча кивнул.

— Есть ли у вас какие-то дополнительные свидетельства? Есть ли еще что-то, что вы можете предъявить или рассказать нам в подтверждение ваших слов?

Джерадин отрицательно помотал головой.

И тут Теризе пришла в голову странная мысль — она вдруг поняла, что Джерадин сделал то, чего добивался от нее король Джойс: он рассуждал и делал выводы. Его обвинения против Мастера Эремиса были основаны на рассуждениях, а не на доказательствах.

К несчастью, Мастера жаждали доказательств.

— Мастер Эремис был единственным, кто заранее знал, что я буду на встрече, — сказала она. — Мое присутствие было неожиданным. И все остальные выражали удивление, увидев меня.

— Нет, миледи, — моментально вмешался Мастер Эремис. — Это неверно. Вы же не знаете, упомянул ли я о своем намерении Мастеру Гилбуру или, например, принцу Крагену. Вы не можете знать, было ли это удивление искренним.

Но даже если ваше утверждение верно, что из этого? Мастер Гилбур и я ушли вместе, чтобы, как вы знаете, доложить о происшедшем на встрече наиболее хорошо знакомым нам Мастерам. Но он почти сразу же распрощался со мной, сказав, что ему срочно нужно подняться в свои комнаты. Сейчас, зная о *его* по меньшей мере предательстве, как вы можете поверить, что он не воспользовался шансом — хотя я не представляю, как такое вообще возможно, — воплотить Гарта для нападения на вас?

— Такое нападение, — заметил кто-то, незнакомый Теризе, — не могло быть проведено без предварительной подготовки. Необходимое для этого зеркало нельзя сделать по мановению волшебной палочки. А кроме того, место встречи явно было выбрано с таким расчетом, чтобы оно находилось неподалеку от зоны действия зеркала. Но кто, если не вы, выбирал место для встречи, Мастер Эремис?

Все в комнате мгновенно смолкли. В атмосфере повисло напряжение. Джерадин сделал глубокий вдох, и с его лица сошла часть неестественного румянца.

Но Мастера Эремиса это нисколько не смутило.

— Ну конечно же, — буркнул он, — я взял на себя такую ответственность, потому что ни Вердон, ни принц Краген не знали Орисон достаточно хорошо для самостоятельного выбора. Но ваше обвинение предполагает, что зеркало было создано для нападения Гарта на леди. Однако между соглашением о встрече и самой встречей прошло всего шесть дней. Вы думаете, можно было замыслить, провести подготовку и создать зеркало за такое время? Не правильнее ли предположить, что зеркало было создано для каких-то других целей — например, для предоставления Гарту возможности в любую минуту по необходимости попадать в Орисон, — и нападение на леди не было задумано заранее, а явилось лишь результатом того, что Мастер Гилбур

сразу после встречи поспешил воспользоваться своим преимуществом?

Изумленные воплотители заерзали на своих местах; лишь некоторые из них осмелились встретиться взглядами с Мастером Эремисом. От того, с какой легкостью он отверг обвинения, мысли Теризы закружились в хороводе.

— Отлично, Мастер Эремис, — пробормотал магистр после длительной паузы. — Я полагаю, Джерадину сказать больше нечего. И поскольку вы уже начали говорить в свою защиту, то можете продолжать.

— Благодарю вас, Мастер Квилон. — Эремис, казалось, еле сдерживал себя. Но даже не потрудился встать. — Я приведу вам свои доводы. И только если они не убедят вас, я попрошу Найла подтвердить мои слова. Ему — думаю, вы понимаете — не так легко быть свидетелем против своего брата.

Это могло быть правдой. Найл выглядел поникшим, словно у него уже отсутствовало желание жить.

— Я стал обращать особое внимание на все, что делает пригодник Джерадин, с того момента, когда он доставил к нам из зеркала леди Теризу, чего произойти никак не могло. — Мастер принял небрежную позу, откинувшись на скамью и вытянув ноги. Пока он говорил, его длинные пальцы перебирали край мантии. Он был настолько раскован, что Териза некоторое время изучала его, прежде чем заметила, что он внимательно наблюдает за всеми в комнате. — Связь между ним и Мастером Гилбуром превратила мое любопытство в подозрение. Когда Мастер Гилбур наконец доказал свои враждебные намерения, мои худшие предположения обратились в уверенность.

Никто не прерывал его, когда он излагал доводы, ранее уже приводимые им Теризе. Она должна была признать, что эти доводы выглядели убедительными, почти неоспоримыми. Именно Мастер Гилбур отлил зеркало, в котором впервые появился Воин. Мастер Гилбур, тщательно следивший за каждым шагом Джерадина при попытке повторить это зеркало. Таким образом, если Джерадин создавал зеркало, какого никто никогда не создавал ранее, то Мастер Гилбур должен был увидеть это. В противном случае Мастер Гилбур несет ответственность за загадочное поведение второго зеркала, сознательно давая Джерадину такие указания, что получилось нечто, отличающееся от ожидаемого Гильдией. В обоих случаях эти люди были заговорщиками. Джерадин испытывал затруднения в отношении таланта, а не по части знаний; Мастер Гилбур не смог бы вынудить его создать нечто беспрецедентное, причем так, чтобы пригодник этого не заметил.

— Нет, — пробормотал Джерадин, — я ничего не подозревал.

Но никто не обратил на его слова внимания.

Далее Мастер Эремис выдвинул свою теорию относительно того, почему войска Кадуола приближаются сейчас к Орисону. Если принять только что изложенное за основу, сказал он, все остальное очевидно. Кто был единственным человеком, всегда знающим, где находится леди Териза? Естественно, пригодник Джерадин, который первым делом приказал охранять ее комнаты. Кто был тем человеком, который, что наиболее вероятно, присоединился к Мастеру Гилбуру для воплощения Гарта после встречи лордов? Конечно же, пригодник Джерадин, помощник Гилбура. Почему случилось так, что явно выражаемая преданность королю Джойсу не привела ни к каким положительным результатам? Потому что это была замечательная маскировка, помогавшая ему причинять вред тем, кто ему доверял. Он был в сговоре с Гартом и верховным королем Фесттеном.

От всего услышанного Теризу чуть не стошнило.

В глазах Джерадина ясно читалась боль, но он ничего не сказал.

Когда Мастер Эремис закончил, никто из воплотителей не торопился заговорить. Некоторые выглядели шокированными. Но большая часть Мастеров, похоже, испытывала облегчение, что теперь они не будут терзаться сомнениями из-за того, что член их Гильдии оказался предателем. Кое-кто даже был просто счастлив от того, что вскоре Гильдия избавится от Джерадина.

Но после недолгой тишины косоглазый юный Мастер сказал:

— Это не очень убедительно, Мастер Эремис. Если я правильно понял, именно Джерадин спас леди, приставив к ней защитников.

— Глупость, — коротко ответил Мастер Эремис. — Приставленные стражники не годились Бретеру верховного короля и в подметки. Более того, пригодник проявил при этом изрядное коварство — он приставил к леди Артагеля, лучшего фехтовальщика Морданта, чтобы тот при случае оказался убитым, избавляя таким образом Кадуол от двух важных врагов одним махом.

— Как вы можете поверить в такое! — Протест Джерадина был подобен стону. Но пригодник тут же закрыл рот.

— Нет, Джерадин, — Мастер Барсонаж грузно поднялся. Его опечаленный взгляд на мгновение остановился на Теризе, — я в это не верю. — Он был похож на человека, слишком долго занимавшегося тяжким трудом. — Я не верю ни единому сказанному здесь слову. Вы с Мастером Эремисом обвиняете друг друга так, будто ваши слова невозможно подвергнуть сомнению, но оба вы не даете ответа на самый важный вопрос, единственно важный, ответ на который действительно может доказать чью-то вину. Вы не объясняете *почему.*

Почему Бретер верховного короля преодолевал такие трудности ради нападения на леди Теризу? *Почему* Мастер Эремис пытается убить ее? — Повернув голову, он спросил: — Мастер Эремис, *почему* Джерадин желает видеть ее мертвой? — Затем он обратился к Гильдии. — Из всего сказанного этими людьми ничто не имеет смысла, пока они не ответят нам — *почему.*

Прежде чем кто-либо еще успел что-то произнести, Териза встала.

— Я скажу вам почему. — Ее голос дрожал — но это была дрожь ярости, а не робости. В ней не осталось робости — она чувствовала себя уверенно. Смутная уверенность, которую раньше она не могла объяснить, вдруг стала для Теризы понятной. — Я скажу вам, почему именно все это произошло.

Если бы он не был спасен... Она не собиралась отвечать на вопрос Мастера Барсонажа — это было ей не под силу. Но этот вопрос подсказал ей, какой довод следует привести.

— Джерадин не имел никаких причин желать моей смерти. Он провел со мной достаточно времени с момента моего появления здесь, чтобы я была уверена в этом. Если бы он находился «в заговоре с Гартом», на меня не стали бы совершать покушения. Было бессмысленно рисковать Бретером верховного короля ради столь незначительного человека, как я. Но у Мастера Эремиса для этого причины имелись.

Мастер выпрямился; но казалось, что он съежился.

— Миледи, — сказал он с изумлением. — Я спас вам жизнь. Я сделал все, что может сделать мужчина для завоевания вашей любви. Как вы можете думать, что я хотел причинить вам какой-то вред?

В ответ на это Териза бросила ему в лицо:

— Потому что я знаю, что вы лжете.

Он побагровел. Она слышала, как за ее спиной воплотители с шумом выдохнули, когда Мастер Эремис вскочил на ноги.

— Старайтесь не говорить того, в чем вы не уверены, миледи, — тихо сказал он, как бы предупреждая.

— Я в этом вполне уверена. — От волнения голос ее срывался на крик. Она не хотела кричать, но ей нужна была страсть, чтобы сдерживать свой страх, чтобы продолжать, — ведь ей раньше никогда не приходилось обвинять кого-либо, тем более что она вынуждена делать это по отношению к Мастеру Эремису, человеку, напоминавшему ее отца, — для первого раза это было слишком. — Вы знаете все о том нападении, которое произошло после встречи. Я рассказала вам об этом. Я совершила множество ошибок. Но вы уехали, не повидавшись со мной. — *Если бы он не был спасен...* — И потому у меня не было возможности рассказать вам о нападениях на Джерадина. Кто рассказал вам о них?

Вы могли знать о всадниках в лесу. Это сейчас знают все. Всякий мог бы рассказать вам — *...спасен так, как это сделали, то, уверяю вас...* — Но вы ведь знали и о первом нападении.

Мастер Эремис уставился на нее так, словно она застигла его врасплох.

— Никто не знал о нем, за исключением Артагеля, Джерадина и меня. И Адепта Хэвлока. Но *он* вам о нем не рассказывал. — Мастер Эремис сделал ошибку. Под давлением обвинений Джерадина он сделал ошибку. — Артагель сообщил Смотрителю. — Леббик коротко кивнул. — Никто из нас не говорил вам. Вас тогда вообще не было *здесь*. Но вы сказали, мол, то нападение было просто отвлекающим маневром. Вы были прекрасно осведомлены о нем. Вы сказали: «Если бы он не был спасен так, как это сделали, то, уверяю вас, они отозвали бы своих насекомых прежде, чем он оказался бы убит». Вы сказали «своих насекомых». Откуда вы знаете, что он был атакован насекомыми?

Свет радости и изумления появился на лице Джерадина.

Пытаясь сохранять самоконтроль, Териза продолжала:

— Вы пытались обвинить Джерадина по той же самой причине, по которой хотели моей смерти. Потому что мы опасны для вас. Потому что мы знаем, вы — предатель.

Мастер Эремис какое-то мгновение продолжал изумленно смотреть на нее. Потом с довольным видом принялся хмыкать.

Но его радость не была особенно веселой.

— Миледи, — сказал он, — вы ведете себя отвратительно. Вы ведь сами рассказали мне об этом нападении.

— Это новая ложь, — закричала она в ярости.

— Нет, миледи. Лжете вы. Я услышал эту историю из ваших уст — в промежутке между поцелуями.

— Я так не думаю, Мастер Эремис. — Джерадин стоял рядом с Теризой. Ее дерзость пробудила его к жизни; он был готов к битве, и его глаза горели. — У нее нет никаких причин лгать. Она ничего здесь не теряет.

— Неужели?.. — Мастер Эремис насмешливо скривил рот. — Вы наивны, мальчик. Вы — причина этого. Именно вас она не хочет терять.

Этот аргумент остановил Теризу; ее словно окатили ушатом холодной воды. Это правда...

Это было в достаточной мере правдой, чтобы выставить ее дурой.

Но тем не менее это был ошибочный прием. Прежде чем Эремис смог продолжить, многие Мастера взорвались смехом.

— С *вашей* репутацией в отношении женщин? — воскликнул воплотитель с гнилыми зубами. — И вы хотите убедить нас, что она выбрала неудачника Джерадина?

— Я не поверил ни в одно доказательство, — воскликнул другой Мастер, — но в это я верю. Если Мастер Эремис готов утверждать, что он не может отбить у пригодника женщину, то каждое слово, сказанное им, ложь.

— И наоборот, — вклинился кто-то с хохотом, — если Мастер Эремис готов утверждать, что он не может отбить у пригодника эту женщину, то она говорит чистую правду.

— *Довольно!* — рявкнул Мастер Эремис. Он принялся хлопать в ладоши, призывая к порядку. — С меня уже *довольно!*

Его крик звоном отразился от стен. Ярость в его голосе и жуткий блеск в глазах утихомирили всех присутствующих, призвав их к вниманию.

— Это возмутительно, что к моему служению Морданту и Гильдии относятся с таким недоверием. Это *возмутительно*, что любой из вас готов поверить обвинениям этого никчемного мальчишки. Но сейчас я докажу свои слова. Я попрошу рассказать обо всем Найла.

Мастера молча обратили на него взоры. Джерадин побледнел. Теризу колотила внутренняя дрожь.

Мастер Квилон склонил голову набок и произнес, не в силах скрыть свою тревогу:

— Ради всех присутствующих здесь, Мастер Эремис, я надеюсь, вы уверены в том, что он скажет.

— Я уверен, — убежденно ответил Мастер Эремис, подчеркивая свои слова улыбкой.

Все посмотрели на Найла.

Брат Джерадина, казалось, совершенно не понимал происходящего. Его поза ничуть не изменилась; голова не поднялась. Гримаса, исказившая его черты, была мрачной, его отчаяние — глубоким.

Внезапно он повернулся и что-то прошептал на ухо Смотрителю.

Смотритель выслушал, нахмурившись, и сказал:

— Мастера, Найл хочет перемолвиться с Джерадином.

Найл уставился в пол.

Никто не двигался. У Теризы сердце ушло в пятки. Джерадин стиснул зубы, до боли сжал кулаки и держал голову высоко поднятой. Мастер Эремис бросил на Найла оценивающий взгляд, но ничего не сказал. Воплотители неуверенно поворачивались друг к другу, наблюдая за Смотрителем Леббиком и Квилоном.

Наконец магистр с любопытством спросил:

— Зачем?

Смотритель Леббик пожал плечами.

— Наверное, хочет убедить Джерадина во всем признаться.

— Вы не возражаете?

Смотритель Леббик покачал головой.

— Комната охраняется. — И саркастически добавил: — В чем бы Джерадин ни признался, это будет изумительно.

И снова Мастеру Квилону как будто захотелось сбежать и спрятаться. Тем не менее он сказал:

— Давайте сядем. Пусть Джерадин и Найл отойдут в конец комнаты.

Мастер Эремис подчинился. Остальные Мастера опустились на сиденья.

Териза повернулась к Джерадину. *Что Найл собирается сказать о тебе? О Джерадин, как же так?*

Но Джерадин не замечал ее взгляда. Все в нем было сосредоточено на брате, которого он хотел спасти от совершения предательства, из-за чего так страдал.

— Будь осторожен, — выдохнула Териза. Она ощущала, как над ним сгущаются тучи. — Пожалуйста.

И, изнывая от предчувствия опасности, опустилась на скамью.

Джерадин на деревянных ногах подошел к Найлу.

Найл, увидев сапоги Джерадина рядом со своими, вскочил. По-прежнему придерживая руками края плаща, он направился в дальнюю часть комнаты — как можно дальше от Мастеров, в самую удаленную точку от Теризы.

Там он ждал, пока Джерадин присоединится к нему.

Мастера смотрели не шевелясь. Челюсти Леббика прожевывали совершенно не перевариваемые мысли; его взгляд ни на дюйм не отклонялся от братьев.

Они стояли так, что спина Джерадина закрывала их от всех присутствующих. Териза видела лицо Найла; оно было решительным, и диким, и непроницаемым — и более отчаянным, чем когда он скакал по поручению принца, чтобы предать Орисон. Он выглядел как самоубийца, невероятно жалко, словно участвовал в таком преступлении, от которого страдала каждая клеточка его тела.

Он шепотом что-то сказал Джерадину.

Это, видимо, было нечто оскорбительное; Джерадин отреагировал на это как на удар. Он вздрогнул, подался вперед. Со спины показалось, что он ухватился за плащ Найла.

Между братьями на пол упал железный кинжал, с металлическим звоном ударившись о камень.

Он был покрыт кровью.

Найл откинулся к стене. Глаза его закатились, колени подогнулись. Джерадин попытался поймать его, но тот рухнул на спину. Плащ распахнулся, открывая кровавую рану, которую нож проделал в его животе.

Как и кинжал, руки Джерадина были покрыты кровью.

26. Братоубийца

В оглушающей тишине вокруг и внутри своего сознания Териза мысленно издала крик. К счастью, она не закричала вслух.

Мгновение вообще никто ничего не говорил. И никто не шевелился. Все просто смотрели на Джерадина и Найла.

Затем Джерадин исторг сдавленный стон, и Гильдия словно взорвалась.

Мастера сорвались со своих мест и кинулись в самых разных направлениях. Смотритель Леббик ринулся, снося все на своем пути, словно снаряд, несущийся к Джерадину. Джерадин прижался к стене, будто его загнали в угол.

Перекрывая хаос, Териза крикнула:

— Джерадин! *Беги!*

И, словно она подожгла в нем запал, пригодник бросился к двери.

Но бросился слишком поздно и двигался слишком медленно; он был в шоке и не мог сравниться в реакции со Смотрителем. В это время еще несколько Мастеров бросились в его сторону, видимо, пытаясь схватить, а может быть, надеясь помочь Найлу. Одним из них был Мастер Квилон.

По-кроличьи проворно он нырнул к Джерадину — и споткнулся.

Он упал прямо под ноги Смотрителя Леббика, подсекая его. Леббик рухнул на каменный пол.

Джерадин подскочил к двери и резко распахнул ее.

— *Остановите его!* — проревел Смотритель стражникам снаружи. — *Остановите Джерадина!*

Дверь захлопнулась как раз вовремя, чтобы отрезать его крик.

Мастер Барсонаж одиноко стоял посреди всего этого хаоса. Пока воплотители орали друг на друга, решая, в какую сторону следует бежать, он похлопывал рука об руку и смотрел в пустоту. Даже его тик на время прекратился.

Продолжая издавать рев, Смотритель бросился вперед, расшвыривая Мастеров в стороны, и достиг двери.

Мастер Эремис не был первым, кто подбежал к Найлу. Тем не менее он раздвинул всех, поднял окровавленное тело и начал продвигаться к дальнему выходу.

— Лекаря! — закричал он, хотя поблизости не было никого, к кому мог быть обращен этот крик. — Ему нужен лекарь!

Териза бессознательно последовала за Мастером Эремисом и Найлом.

Внезапно кто-то коснулся ее руки. Обернувшись, она увидела Мастера Квилона.

Его глаза ярко горели; нос непрерывно дергался.

— Идемте! — Голос Мастера, несмотря на панику, охватившую Теризу, проник ей в сердце. — Мы должны помочь ему!

И он двинулся вперед, увлекая ее за собой, к двери, через которую только что вышел Мастер Эремис.

Двое стражников, ранее приставленных к этой двери, сейчас находились в комнате, с громкими криками пытаясь разобраться в происходящем и навести порядок. Мастер Квилон проскользнул мимо них. Они остановили Теризу, но сразу же отпустили ее: все их внимание было занято паникой в Гильдии.

Слегка стесняемый в движениях серой мантией, хлопающей его по коленям, Мастер Квилон бежал что было сил.

Териза понятия не имела, куда он направляется, но поспешила за ним просто потому, что он произнес слово *помочь*. Внезапно она узнала эту часть рабочих помещений. Вдоль коридора, затем в перпендикулярное ответвление, и Мастер Квилон подтолкнул ее к двери, небольшой и достаточно массивной, чтобы она могла оказаться дверью, ведущей в камеру.

Эта дверь тоже охранялась.

— Быстрее! — крикнул Мастер Квилон стражникам. — Там совершено убийство! — Он показал в том направлении, откуда они с Теризой появились. — Смотритель нуждается в вашей помощи!

Его тревога была настолько явной, что оба стражника покинули пост, рванув с молниеносной скоростью, на ходу вытаскивая из-за пояса мечи.

Мастер Квилон в одно мгновение открыл дверь и, втолкнув Теризу внутрь, закрыл ее за собой.

Они оказались в лабиринте камер, приспособленных для хранения и использования зеркал Гильдии.

— Он придет сюда? — спросила Териза. Она тяжело дышала.

С бессознательной жестокостью Мастер Квилон ответил:

— Ему больше некуда идти.

Схватив ее за руку, он вновь подтолкнул ее через ближайший проход в глубину комнат.

А сам остался позади.

Тогда Териза обернулась, чтобы задать ему вопрос.

— Да идите же! — прошипел он. — Помогите ему! Я выиграю время — сколько смогу. Мне поверят, если я скажу, что его здесь не было. Во всяком случае, минуту или две.

Она изумленно посмотрела на Мастера. *Помочь ему?*

— *Идите же*, говорю! — И он еще раз толкнул ее.

Она споткнулась, с трудом удержала равновесие и влетела через проход в комнату.

Помочь ему? Джерадину?

Найл мертв. Его живот был вспорот ножом.

Почему? Зачем?

Для того, чтобы пригодник не мог ничего сказать Гильдии. Не мог опровергнуть обвинения Мастера Эремиса.

О Джерадин!

Найдя комнату, где стояло зеркало, приведшее ее в Орисон, она заметила его. Он хотел успеть спрятаться за дверью, но был недостаточно быстр.

— Джерадин! — прошептала она, боясь, что сейчас закричит. — Это я, Териза.

Через мгновение он вышел к ней.

Он стал совершенно другим человеком. Его лицо было словно из металла, глаза — стальные. Он говорил так, словно в любой момент мог заставить ее подчиняться.

— Ты пришла уговорить меня сдаться?

— Нет. — Териза с трудом выдавливала из себя слова. Что-то внутри нее сломалось. — Он велел мне помочь тебе.

— Он?

— Мастер Квилон.

— Ему надо было прийти сюда самому.

По комнатам эхом прокатился скрип двери. Териза услышала отдаленные голоса.

— Если бы вы были воплотителем, миледи, — продолжал Джерадин, — вы могли бы мне помочь. В этом случае я смог бы убежать.

— Ты же знаешь, я не воплотитель. — О, мой любимый! — Что такого сказал тебе Найл?

Джерадин выглядел недостижимо далеким — отстраненным, лишенным человеческих чувств, слишком непроницаемым. Но что-то в ее голосе, или в ее лице, или в ее позе и внешнем виде, должно быть, затронуло его. Его отстраненность дала трещину.

— Ничего, — сказал он, едва сдерживая слезы. — Вообще ничего. Это какой-то обман. Что-то, подготовленное против меня Мастером Эремисом.

Териза, я не убивал своего брата.

Она ясно слышала выкрики Смотрителя Леббика:

— Обшарьте все комнаты! Он должен быть где-то здесь. Мне он нужен живым.

— Я не воплотитель! — воскликнула Териза. — Я не могу помочь тебе.

В отчаянии она обхватила руками его шею.

Он прижал ее к себе, так они и стояли, пока не услышали тяжелый топот сапог где-то в одной из соседних комнат. Они тут же отскочили друг от друга.

Джерадин снова превратился в сплошной металл.

Без колебаний он повернулся к зеркалу и сдернул покрывало.

Зеркало показывало унылый чуждый пейзаж, где Воин и его солдаты потерпели поражение.

— Нет, Джерадин, нет! — простонала она. — Ты погибнешь! Ты никогда не вернешься назад!

Но он не слушал ее.

— Как только я окажусь воплощенным, миледи, — сказал он, словно она была ему совершенно чужая, — пожалуйста, измените фокусировку зеркала. Если меня увидят в воплотимом, то вышлют погоню.

Он стал произносить слова, которых Териза не понимала. Его пальцы коснулись полированной рамы, он принялся водить руками перед зеркалом.

Затем прошел в стекло и оставил ее одну.

Териза лихорадочно осмотрела изображение; не было ни единого признака Джерадина. Снова зеркало совершило невероятное воплощение. Оно перенесло пригодника в место, которого не показывало.

Но на этот раз никто не держал его за ногу. У пригодника не осталось шанса вернуться. Он исчез навсегда.

Смотритель Леббик налетел на нее так внезапно, что не будь она сейчас в смятении, то завопила бы от ужаса.

Он оглядел всю комнату, уставился в зеркало. Затем положил Теризе на плечи руки и вдавил пальцы в ее слабую плоть. Лицо его светилось подлинным торжеством.

— Итак, ты все же сделала это, женщина, — сказал он почти приязненно. — Сделала нечто настолько подлое, что никто не будет защищать тебя. Ты помогла сбежать убийце.

Она хотела сказать что-то в свое оправдание. Но оправданиями Джерадину было не помочь. Вернуть его теперь невозможно. Потому Териза гордо вскинула голову и встретилась упрямым взглядом с ужасными глазами Смотрителя. И ничего не сказала.

— Так вот, отныне, — процедил он сквозь зубы, — ты принадлежишь *мне*.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...
Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте". Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Муму", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601.
Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.
Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 959-2095.
Луганская, д.7 Тел. 322-2822
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Дональдсон Стивен
Зеркало ее сновидений

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 22.12.99.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 12 000 экз. Заказ 968.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Зеркало отворило ей путь в зазеркальный мир. Оставалось сделать шаг. И она шагнула...

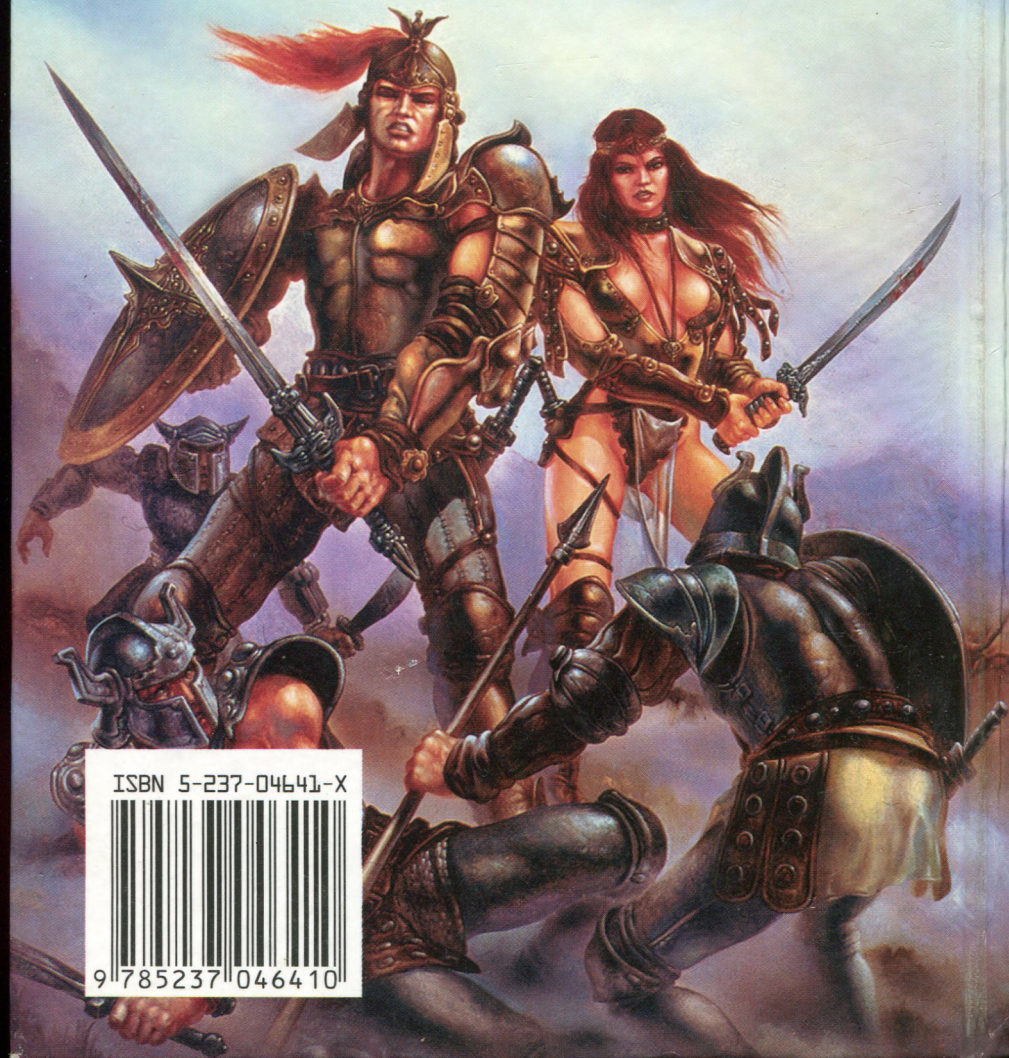
Туда, где вздымаются в темное небо острые шпили высоких замков.

Туда, где на белом снегу — красная кровь убитых воинов.

Туда, где королевский дворец — лабиринт изощренных, запутанных интриг.

Здесь сражаются за власть, не выбирая средств, сражаются колдовством и предательством, ложью и тайным знанием. Здесь за улыбкой женщины скрывается коварство, а в рукаве царедворца таится отравленный стилет. Здесь нельзя верить ни лорду, ни леди, ни магу, ни рыцарю.

Здесь предстоит ей исполнить неведомое, предначертанное свыше...



ISBN 5-237-04641-X

9 785237 046410